

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Том 2

Психология личности

Самара 1999

Издательский Дом "БАХРАХ"

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Редактор-составитель - *Д.Я. Райгородский*

Предисловие - *Г.В. Акопов*

Научные рецензенты:

зав. каф. социальной психологии,

кандидат психологических наук *Г.В. Акопов*

Самарский Государственный Педагогический Университет

зав. каф. психологии,

кандидат психологических наук, доцент *Р.Х. Тугушев*

Саратовский Государственный Университет

Р 18 **Психология личности. Т.2. Хрестоматия.** - Самара:
Издательский Дом "БАХРАХ", 1999. - 544 с.

ISBN 5-89570-008-X

Во втором томе хрестоматии наиболее полно представлены концепции психологии личности отечественных психологов. Это первое в стране издание такого рода.

Книга предназначена для психологов, педагогов, философов, а также для всех тех, кто интересуется психологией личности.

ISBN 5-89570-008-X

© Д.Я. Райгородский, 1999

© Издательский Дом "БАХРАХ", 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

В серии тематических хрестоматий по психологии, столь необходимых для минимального содержательного обеспечения существенно расширившегося психологического образования в нашей стране, последняя из выпестованных неизменным и продуктивным составителем Д.Я. Райгородским*, посвящена проблеме личности.

Личность - одно из самых многозначных понятий в психологии. Эта многозначность не столько понятийная, сколько концептуальная. Континуум теорий личности может быть соотнесен со спектром неоднородных связей между элементами таких "пространств", как биологическое (индивид), субъектное, социальное (роль).

В обыденных представлениях часто выражена одна из трех односторонних трактовок: "каждый человек - личность" (эквивалентность личности по критерию *Homo sapiens*); "личность - человек с собственной позицией" (критерий субъектности), "личность - выдающийся человек" (критерий положения человека в обществе).

В научных психологических конструкциях личности советского периода трудно найти построения типа теорий Э. Кречмера или У. Шелдона. Компромиссная модель К.К. Платонова воспринимается как очень смелая попытка объединения двух крайних подходов (биологического и социального), позволившая к тому же осуществить нехарактерную для советской психологии операционализацию понятия.

Сегодня психология личности вполне оформляется как самостоятельная отрасль психологии: опубликованы научные и учебные издания по психологии личности, организована первая кафедра психологии личности в МГУ им. М.В. Ломоносова, организуются диссертационные советы. Поэтому очень важно не просто сохранить лиц российской психологии личности, но также выразить специфику и перспективы отечественных концепций в сравнении с зарубежными. В последних, к сожалению, никак не отражены само наличие проблемы, определенные решения и многообразие теорий личности** в отечественной психологии.

Первый выпуск хрестоматии, естественно, не охватил всего множества исследовательских подходов к личности в отечественной психологии. Анализ тех или иных достижений в отечественной персонологии - актуальная задача психологической историографии, требующая внимательного прочтения работ, не только представленных в данной хрестоматии психологов, но и изучение целого ряда авторских пози-

* Теории личности в западно-европейской и американской психологии. Редактор-составитель - Д.Я. Райгородский. Самара, 1996.

** Холл К.С., Лидсей Г. Теории личности. М., 1997; Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности в отечественной психологии. СПб., 1997.

ций по проблеме личности в работах таких психологов, как Бехтерев В.М., Бодалев Л.А., Брушлинский А.В., Давыдов В.В., Зинченко В.П., Ковалев А.Г., Кон И.С., Лазурский А.Ф., Ломов Б.Ф., Мерлин В.С., Платонов К.К., Рейнвальд Н.И., Рубцов В.В., Фельдштейн Д.И., Шкуратова И.П., Шорохова Е.В., Ядов В.А. и др. Этот круг исследователей может быть значительно расширен в случае дальнейшего отхода от диктата философского идеологизма.

Перспективной и весьма актуальной представляется набирающая вес историческая психология личности, содержательно обогащающая многообразие динамических концепций личности посредством расширения пространственно-временных характеристик личности (территориальная обусловленность ментальности и темпо-ритмальная специфика образа жизни личности).*

*Доктор психологических наук,
профессор Г.В. Акопов*

* См. В.А. Шкуратов. Историческая психология. М., 1997; Российское сознание: психология, феноменология, культуры. Самара, 1994; Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем. Самара, 1994; Российское сознание: психология, культура, политика. Самара, 1997.

РАЗДЕЛ I

Б.Г. АНАНЬЕВ¹

Психологическая структура личности и ее становление в процессе индивидуального развития человека

Основные характеристики человека и его развития

Проблема личности, являясь одной из центральных в теоретической и прикладной психологии, выступает как исследование характеристики *психических свойств и отношений личности* (общая психология личности), *индивидуальных особенностей и различий между людьми* (дифференциальная психология), *межличностных связей, статуса и ролей личности в различных общностях* (социальная психология), *субъекта общественного поведения и конкретных видов деятельности* (все области прикладной психологии).

В каждой из этих психологических дисциплин проблема личности включена в определенный контекст и соответствующую систему пограничных для нее проблем, понятий и операций исследования. В общей психологии, помимо характеристик отношений личности, иерархии ее тенденций и мотивов, специальное значение имеет изучение психических свойств как высшей интеграции всех феноменов психического развития человека (психических состояний и процессов, потребностей, психофизиологических функций). В такой плоскости рассматриваемые психологические свойства человека имеют своими источниками более частные феномены, которые не только субординационно связаны с этими высшими уровнями обобщения, но и сами являются их генетическими корнями.

Метаморфозы психического развития - превращение психо-

¹ Б.Г. Ананьев. Психология и проблемы человекознания. Москва-Воронеж. 1996.

физиологических функций и потребностей в психические процессы и состояния; превращение их в психические свойства человека - изучены еще крайне недостаточно по вполне понятной причине новизны и неразработанности *генетических методов исследования*.

Лишь в процессе длительного и многокачественного индивидуального развития обнаруживаются объективный ход становления нервно-психического аппарата человека, изменение взаимосвязей между всеми его характеристиками, образование и преобразование различного уровня их интеграций, высшей из которых является структура личности (организация и синтез ее свойств).

Генетический метод исследования таких метаморфоз развития, вероятно, потребует множество специальных и частных исследований, прежде чем сможет стать орудием построения научной концепции, объясняющей закономерность становления психических свойств человека.

Мы сделали одну из проб такого генетического исследования в совместной работе с М.Д. Дворяшиной и Н.А. Кудрявцевой, выполненной в 1965-1967 гг. [1968].

Избранные для этой цели явления константности восприятия были прослежены, методом возрастных срезов на протяжении всех основных стадий онтогенетической эволюции - от ранних лет до поздней старости. Таким способом было обнаружено, что константность восприятия - специфический индикатор индивидуального развития и вместе с тем стабилизатор сенсорно-перцептивных характеристик, противостоящих инволюционным процессам. В связи с этим выходом пришлось рассмотреть отношение константности восприятия к другим феноменам развития. При этом мы учитывали разнородность и многозначность зависимостей перцептивных процессов от индивидуального развития человека. Восприятие как процесс формирования и функционирования чувственного образа действительности есть сложное сочетание весьма различных образований - функциональных, операционных и мотивационных.

К функциональным образованиям относятся сенсорные функции различных модальностей (зрительные, слуховые, тактильные и т.д.), мнемические, психомоторные и тонические, речедвигательные и т.д. функциональные механизмы восприятия всегда полимодальны и системны; они постепенно и последовательно складываются в процессе накопления и обобщения индивидуального опыта. Естественно, они определяются научением и способами воспитания функций. Вместе с тем потенциалы и уровни достижения в тренировке этих функций зависят от природных свойств человека, особенно возрастных и нейродинамических.

Достаточно сослаться на общеизвестную зависимость эволюции остроты зрения и слуха, сенсорных полей, глазомера и восприятия глубины от *созревания*.

Зависимость темпов и последовательность формирования восприятия величины, формы, цвета от возрастных особенностей развития ребенка в первые годы жизни очевидны. В определенные возрастные периоды роста и созревания корреляции между этими функциями то усиливаются, то ослабевают, изменяют свой знак (из положительных становятся отрицательными) и т.д. Не менее интересны непосредственные зависимости эволюции и инволюции сенсомоторных, мнемических и других функций от процесса старения. Так, отмечается определенная последовательность в ограничении и снижении слуховой чувствительности, начиная с высоких частот, с постепенным переходом к средним и лишь в самые поздние годы - к низким. Имеются данные о возрастных изменениях самой структуры сенсорных полей (особенно полей зрения) в процессе старения. Есть основания полагать, что в этом процессе особенно изменяются мнемические функции, причем эти изменения все более углубляют различия между оперативной и долговременной памятью. Психомоторные функции на всех уровнях, включая микродвижения, изменяются в процессах созревания, зрелостных преобразованиях, старения. В общем возрастные изменения функционального состава восприятия свидетельствуют о действии биологических закономерностей (онтогенеза) и прямом

влиянии природных свойств человека на Эту сторону перцептивных процессов. Об этом свидетельствуют также влияние типологических свойств нервной системы на уровень чувствительности анализаторных систем, предел их выносливости, скорость и точность психомоторных реакций, глубину и прочность следов памяти, то есть состояние мнемических функций, и т.д.

Функциональные образования, входящие в структуру перцептивных процессов, в значительной мере определяются такими свойствами индивидуального развития, как возрастные и индивидуально-типические (нейродинамические и др.) особенности.

Обучение и индивидуальный жизненный опыт, как можно предполагать, действуют на эти функциональные образования опосредованно, лишь в соответствии с возрастными и индивидуально-типическими особенностями. Генотипическая обусловленность онтогенетических свойств человека, последовательно развивающихся во времени в ходе развития, составляет основу *функциональных механизмов* перцептивных процессов. Однако эта основу реально существует лишь во взаимосвязи с накоплением индивидуального опыта посредством образования, дифференцировки и генерализации условных связей, в которых и осуществляется тренировка функций. Эту сторону перцептивных процессов составляют сложные системы перцептивных действий, которые можно назвать *операционными механизмами* перцептивных процессов. К ним относятся измерительные, соизмерительные, построительные, корректирующие контрольные, тонически регуляторные и другие действия, формирующиеся в процессе практического оперирования с вещами и явлениями - специальными объектами наблюдения. Совмещение афферентно-эфферентных аппаратов и усиление обратных связей составляют одну из основных характеристик операционных механизмов восприятия, складывающихся в процессе накопления индивидуального опыта путем научения и усвоения индивидом общественного опыта.

Каждая из систем перцептивных действий формируется и функционирует определенным порядком, алгоритм которого

может быть установлен путем пооперационного анализа. Все известные перцептивные действия возникают вследствие индивидуального развития и жизненного опыта, формируясь в тех или иных рамках научения. Поэтому перцептивные действия не заданы самой организацией анализаторов. Напротив, путем построения оптимальных режимов деятельности наблюдения и отбора наиболее эффективный перцептивных действий можно значительно раздвинуть границы чувственного познания. Поскольку перцептивные действия осуществляются с помощью различных технических и культурных средств (выступающих как орудия и знаки, своего рода усилители функций), постольку эти опосредствованные функции специфичны для операционных механизмов восприятия. Однако овладение этими средствами требует не только времени, но и определенного уровня функционального развития, когда становится возможным оперирование орудиями и знаками, то есть с формированием у ребенка первичных механизмов устной речи, манипулятивных операций с вещами и овладением стереотипом вертикального положения. Именно на второй-третий год жизни приходится исходный период формирования перцептивных действий; но наиболее важный период относится к более позднему времени дошкольного детства. Однако те или иные проявления первоначального синкретизма восприятия дают о себе знать до начала систематического научения правилам наблюдения (особенно в связи с научением правилам чтения рисунка и плана словесных описаний ситуации).

Несовпадение во времени начальных моментов развития функциональных и операционных механизмов восприятия подтверждается многими экспериментальными данными. Функциональные механизмы в своем первоначальном, очень раннем возникновении (в первые недели постнатальной жизни) реализуют филогенетическую программу и складываются задолго до возникновения операционных механизмов, составляя их внутреннее основание, на котором в процессе научения, воспитания и накопления опыта поведения строится все более усложняющаяся система перцептивных действий, то есть операционные меха-

низмы восприятия. С их образованием вступают в новую фазу развития и функциональные механизмы, так как возможности их прогрессивно возрастают, повышается уровень их системности. В некоторые периоды индивидуального развития, к которым, как можно полагать, относится школьный возраст, юность и зрелость человека, между операционными и функциональными механизмами устанавливается известная соразмерность развития, относительное взаимосоответствие.

Принципиально важным для теории восприятия является исследование тех изменений, которыми характеризуется перцептивное развитие в процессе старения. Уже обнаружены многие факты инволюции сенсомоторных и других функций, хотя эта инволюция гетерохронна и характеризуется более ранними сроками для одних, более поздними - для других. Подобные факты давали основание ожидать, что соответственно этой инволюции сенсорных, моторных, мнемических и других функций должна была бы происходить и инволюция перцептивных процессов. Однако многие другие данные свидетельствуют о том, что подобной инволюции противостоят мощные силы индивидуального развития, скрытые и в самих перцептивных процессах. В сфере профессионально-трудового опыта, в том числе научного, технического и художественного, многие факты подтверждают высокую продуктивность и точность наблюдения, несмотря на известное ограничение сенсомоторных функций и замедление скорости реакций. За пределами профессионально-трудового опыта у этих же стареющих, пожилых и престарелых людей легко заметить симптомы инволюции функций. Такое расхождение фактов объясняется тем, что в этих возрастах вновь нарастает и усиливается объективное противоречие между функциональными и операционными механизмами восприятия. Гетерохронной инволюции функциональных механизмов противостоит стабилизированная система перцептивных действий, непосредственно зависящая от деятельности и ее культурно-технических средств, а не от возраста и других природных свойств субъекта. Если в пожилом и старческом возрасте продолжать и совершенствовать свою деятельность, включающую те или иные

операции наблюдения, то явления инволюции перекрываются и компенсируются операционным прогрессом.

Структура перцептивных процессов внутренне противоречива, именно с этим основным противоречием между функциональными и операционными механизмами восприятия в *процессе индивидуально-психического развития человека* связаны движущие силы этого развития. К этому основному противоречию перцептивного развития присоединяется другое, связанное со всем ходом жизнедеятельности человека и его взаимодействия с окружающим миром. Речь идет о *мотивационной структуре* перцептивных процессов, определяющей направленность, селективность и напряженность перцептивных актов. Потребность в видении, слышании и других видах чувственной деятельности и возникновение *сенсорного голода* при невозможности удовлетворения таких потребностей, установки на выделение определенных свойств объекта в ситуации, гностические интересы и т.д. оказывают регулирующее «влияние как на функциональные, так и на операционные механизмы. Это влияние еще недостаточно изучено, но уже известно, что эффекты их различны в отношении обоих видов механизмов. Общее заключается лишь в том, что *подкрепление и обусловливание мотиваций* обеспечивает необходимый тонус каждого из них.

Предложенный здесь способ анализа перцептивных процессов как совокупности и взаимодействия трех составляющих образований (функциональных, операционных и мотивационных), на наш взгляд, совершенно необходим при рассмотрении связей этих процессов и индивидуального развития, в ходе которого противоречиво изменяется структура этих процессов. Эти изменения строго детерминированы закономерностями онтогенеза и социальной историей личности, ее практической деятельности и могут считаться важными симптомами индивидуально-психического развития человека. В этом смысле и было ранее сказано, что изменения перцептивных процессов могут рассматриваться как индикаторы этого развития. Но перцептивные процессы с их сложной, противоречивой структурой являются не только продуктом индивидуального развития, но и одним из его *факторов*.

Обратное влияние перцептивных процессов на индивидуальное развитие в целом обнаруживается при исследовании каждого из составляющих образований. Известно, что дефекты сенсорного развития (при периферической слепоте, глухоте и слепоглухоте), резко ограничивающие функциональные возможности, не только препятствуют образованию сложных перцептивных систем, но и задерживают нормальный ход онтогенетического развития.

Нарушения психомоторики и кинестезии при периферических двигательных параличах у ребенка приводят к аналогичным результатам. Лишь благодаря социальному, научному и педагогическому процессам были найдены компенсации этих дефектов, к которым относится образование в процессе воспитания новых функциональных систем и активных действий, перцептивных операций, нормализующих общий ход поведения и жизнедеятельности таких детей. При различных мозговых очаговых поражениях, нарушающих функциональные механизмы восприятия, происходит не только расстройство поведения из-за явлений агнозии, апраксии, афазии, дезориентации, но и относительное нарушение жизнедеятельности в целом. Напротив, специальные методы восстановления нарушенных функций (так называемой восстановительной терапии), или их естественная реституция, влияет не только на их нормализацию, но и на общее состояние здоровья.

Восприятие, как и составляющие его основу ощущения, есть непосредственно чувственное отражение человеком внешнего мира и регулятор взаимодействия человека с предметами и явлениями окружающей среды. Поэтому сенсомоторные и перцептивные процессы составляют основу психического развития человека и важную сторону человеческой жизнедеятельности в целом. Функциональные механизмы восприятия являются одним из факторов, обеспечивающих нормальный ход взаимодействия организма со средой и благосостояние, здоровье индивида.

Операционные механизмы восприятия, с которыми связаны наиболее активные и обобщенные компоненты перцептивных процессов, обеспечивают не только реализацию их функциональ-

ных потенциалов, но и необходимые приспособления, противостоящие их ослаблению, нарушению их инволюции. В этом смысле операционные механизмы выступают как фактор стабилизации функций, что особенно важно для сохранения уровня жизнедеятельности и долголетия. Что касается мотивации восприятия, то она является фактором индивидуального развития в четырех направлениях: органическом, гностическом, этическом и эстетическом.

Органическое направление связано с обслуживанием основных безусловных рефлексов на сохранение постоянства вещества и внутренней среды, оборонительно защитных, размножения и родительских функций, рефлексов на экологические стимулы и т.д. Это направление мотивации общо для животных и человека, а остальные специфичны только для человека.

Благодаря историческому развитию познания (в единстве его чувственной и логической сторон) *потребность в знании* и методах, с помощью которых оно образуется, является одной из основных духовных потребностей индивида: эта *гностическая* мотивация влияет на различные уровни жизни человека и его перцептивные свойства. От элементарных ориентировочно-исследовательских реакций до сложнейших видов любознательности, познавательных интересов. *Этическая* мотивация выражает потребность человека в людях и социальных связях; она возникает и развивается в процессе общения, отражая нравственные условия жизни индивида. *Эстетическая* мотивация, вероятно, строится на основе взаимодействия гностических и этических мотивов и представляет собой наиболее сложный вид *восприятия* как *наслаждения* эстетическими свойствами объективной действительности. Существует известная последовательность формирования и развертывания этой разнородной цепи мотивов (от органических до эстетических). Индивидуальное развитие основано, конечно, не на одиночном мотиве, а это цепь мотивации, являющаяся важным образованием в перцептивном развитии человека. Само собой разумеется, расчленение единой структуры перцептивного процесса на функциональные и операционные механизмы с различными направлениями мотива-

ции относительно и условно. Такое расчленение имеет смысл именно для выяснения взаимосвязей между перцептивными процессами и индивидуальным развитием.

Мы показали целесообразность постановки этой проблемы восприятия как *продукта и вместе с тем фактора индивидуального развития*. Принципиально такой же подход осуществим в отношении других основных психических процессов. Среди психофизиологических функций фундаментальное положение занимают *мнемические* - запечатление, сохранение и репродуктивное функционирование следовых образований индивидуального опыта. Новейшие исследования убедительно показали существование этих функций на различных уровнях (от поведенческого до нейронного, возможно даже молекулярного).

Вместе с тем экспериментальная психология на протяжении ряда десятилетий занималась такими явлениями мнемической деятельности, которые никак не могли быть сведены к мнемическим функциям. К этим явлениям относятся, например, разнообразные средства и приемы *заучивания*, с помощью которых строится произвольное запоминание, следовательно, произвольное воспроизведение. Разностороннее изучение явления реконструкции в сохранении и репродуктивной деятельности, равно как и *припоминания* режимов и правил воспроизведения, обнаружило участие во всех процессах памяти специализированных операций, носящих иногда название мнемотехнических.

Не менее примечательна зависимость эффектов сохранения и воспроизведения *от установки* на сохранение и последующее использование заученного материала, напряжения познавательных и других потребностей, в общей мотивации поведения. На более высоком уровне интеллектуальной деятельности *интересы, убеждения, идеи* - разнообразные фильтры и результаты определяют ход развития мнемических функций и операций.

Есть, следовательно, все основания распространить сформулированные нами положения о тройном составе психического процесса (функциональном, операционном и мотивационном) и на область памяти. Это положение оказывается полезным при ознакомлении с действительно весьма разнообразными явлениями

ми в онтогенетической эволюции феноменов памяти. Можно предположить, что эта разнородность объясняется неравномерным становлением и различным генезисом функциональных, операционных и мотивационных механизмов памяти.

Еще Г. Эббингауз сформулировал положение о трехфазной характеристике онтогенеза памяти: постепенный прогресс до 25 лет, затем стабилизация уровня функций с 25 по 50 лет и, наконец, инволюция и регресс памяти, специально изученный Рибо и его последователями. Некоторые из исследователей шли дальше Эббингауза и полагали, что прекращение прогресса памяти есть вместе с тем начало ее регресса. В современной психологии накоплен огромный экспериментальный материал, который позволяет значительно более дифференциально решать вопрос, не отождествляя все процессы памяти и не сводя их к мнемическому эффекту пластичности нервного субстрата в начальные периоды онтогенеза. Проблема самовоспитания и культуры памяти взрослых, анализ жалоб и субъективных показаний об ослаблении процессов памяти не только в пожилом и среднем, но даже и в молодом возрасте изучены в психологии недостаточно, причем главным образом не в связи с обучением и самообразованием взрослых.

Процессы памяти разнородны, и различие экспериментальных данных объясняется именно этой разнородностью. Прежде всего приведем факты, свидетельствующие о действительном снижении некоторых процессов памяти за период с 20 до 50 лет, то есть до интенсивного старения. Раньше всего это происходит с образной памятью, причем ослабление и полное исчезновение так называемой эйдетической памяти обнаруживаются к подростковому возрасту. Поданным Джонса Конрада, снижение ассоциативной памяти начинается с 20 лет и отчетливо ускоряется после 45. Конкретная память за период с 30 до 50 лет снижается, согласно Вигасу, на 30-35%. По мнению С. Пако, не очень обоснованному, логическая память снижается на 35-40% в период между 20-50 годами. Однако, сопоставляя материалы опытов в связи с образовательным уровнем испытуемых, Пако признает, что в отношении некоторых функций памяти менее образо-

ванные молодые люди как бы находятся на уровне более образованных пожилых людей. Эти функции, конечно, представляют для нас наибольший интерес. Одной из них является так называемая непосредственная память, оцениваемая в опытах Майльса количеством букв, правильно записанных в течение пяти минут. Непосредственное воспроизведение таких действий и элементов опыта имеет обратное значение для регуляции поведения и трудовой деятельности и определяется как оперативная память. Возрастные изменения этого вида памяти весьма примечательны. По Майльсу, в 10-17 лет количество букв, правильно и срочно *законторованных*, равно 60, а в 18-29 лет это число возрастает до 76.

Рост объема оперативной памяти продолжается и в последующий возрастной период: с 30 до 49 лет эта величина достигает 80 элементов. Зато сразу же после этого в группе людей 50-69 лет объем непосредственной памяти снижается до 51.

В других опытах Майльса, изучающего усвоение перестановок букв в алфавите группами испытуемых разных возрастов, оказалось, что наивысшие оценки получили испытуемые 30-49 лет, затем испытуемые из группы 18-29 лет и лишь после этого самая младшая из групп (10-17 лет) и, естественно, самые старшие группы (с 50 до 89 лет).

В опытах Грекова с группами молодых (от 25 до 33 лет) и старых (свыше 70 лет) было установлено, что структура воспроизведения у молодых качественно отличается от структуры воспроизведения у старых людей. У молодых имеется не только точное воспроизведение материала (двух рассказов), но и искажение при воспроизведении, причем чаще легкое, чем значительное. Однако в этом возрасте не встречается таких феноменов, как: глубокие забывания второго рассказа при удовлетворительном воспроизведении первого, глубокие искажения первого рассказа при забывании второго, забывания через сутки даже при повторном предъявлении материалов.

Между тем у старых людей, хотя возможны и исключения, встречаются подобные явления. Память на числа оказалась совершенно несравнимой. Такая задача была непосильной для

старых. Забывания числового материала наступали у них уже на вторые сутки. То же самое с заучиванием бессмысленных слогов и с моторной памятью на последовательность движений. Между тем у лиц 25-33-летнего возраста полного забывания числа, последовательности движений, бессмысленных слогов так и не наступало до конца экспериментального срока (60 дней).

Все эти факты позволяют думать, что представление о ранней инволюции памяти у взрослых людей не соответствует действительным потенциалам если не всех, то многих и потому важных процессов памяти. Здесь действует та же закономерность, что и в перцептивных процессах: формируется и достигает наивысшего уровня в молодом и среднем возрасте *общая* система памяти, на базе которой начинает развиваться *специализированная* система закрепления и воспроизведения опыта и знаний, необходимых для данной практической деятельности.

В теории интеллекта в общем тоже констатированы большинством исследователей относительно ранние сроки появления *оптимумов* функционального развития и постепенное снижение с возрастом функциональной работоспособности мышления, памяти и произвольного внимания.

В обзорах С. Пако и К. Ховланда [1963] приведены мнения и аргументы многих авторов, полагающих, что оптимум развития интеллектуальных функций располагается между 18-20 годами. Если принять, по Фульдсу и Равену, логическую способность 20-летнего человека за эталон, то в 30 лет она будет равна 96, в 40 лет - 87, в 50 лет - 80 и в 60 лет - 75 от эталона (Пако С., 1960).

Пако полагает, что в общем оптимум интеллектуальных функций достигается в юности - ранней молодости, интенсивность же их инволюции зависит от двух факторов. Внутренним фактором является одаренность. У более одаренных интеллектуальный процесс более длительный и инволюция нарастает позже, чем у менее одаренных. Внешним фактором, зависящим от социально-экономических и культурных условий, является образование, которое, по его мнению, противостоит старению, замедляет инволюционный процесс.

В. Овенс и Л. Шоенфельдт [1966], на исследование которых мы сослались выше, показали посредством совмещения методов лонгитудинального и возрастных срезов, что вербально-логические функции, достигающие первого оптимума в ранней молодости, могут возрастать в зрелые годы до 50 лет и снижаются лишь к 60 годам.

При определении общей интеллектуальной активности по способу возрастных срезов они получили картину стационарного состояния интеллекта, с 18 до 60 лет находящегося почти на одном и том же уровне. По более тонкому лонгитудинальному методу, учитывающему индивидуальные модификации и генетические связи, выявилось резкое возрастание индекса от 18 до 50 лет, после имелось постепенное и незначительное снижение индексов. Этими авторами отмечены явно выраженные прогрессивные сдвиги, эволюция, а не инволюция общих характеристик интеллекта взрослых людей. Должна быть принята во внимание, однако, постоянная тренируемость интеллектуальных функций у лиц умственного труда, с которыми они имели дело.

Наиболее представительные возрастные характеристики взрослых людей получены Д. Векслером, по которому эволюция интеллектуального развития охватывает значительный период с 19 по 30 лет. Пики некоторых функций, например лексических, достигают максимума в 40 лет (10,5 по сравнению с 17 годами, когда эта функция оценивается в 8,4). Другие функции снижаются после 30 лет, такое снижение характерно для интеллектуальных функций, связанных скорее не с речью, а с моторикой. При суммарном сопоставлении данных юношеского (18-19 лет) и молодого (25-34 года) возраста более высокие показатели интеллектуальных функций обнаруживаются в молодом возрасте, что расходится с мнением большинства авторов о юношеском оптимуме функционального развития интеллекта. Однако такое расхождение поучительно: оно вновь ставит нас, на этот раз в области интеллекта, перед фактом *гетерохронности* функционального развития в зависимости от различных условий. По отношению к интеллектуальным функциям такими условиями являются: речевая или «моторная» прикладная форма

умственной деятельности, образование и обученность, сформированность умственных операций, перенос опыта, познавательные интересы (мотивация) и т.д.

Наиболее обстоятельно изучена зависимость интеллектуальных функций от словесного и моторного научений. Моторное научение, весьма успешное в детстве и в ранние периоды зрелости, оказывается малоэффективным в поздние периоды. Словесное научение, напротив, приобретает более эффективный характер по мере индивидуального развития и может применяться в более поздние периоды зрелости, что, очевидно, связано с возрастающей мощностью второй сигнальной системы. Особенно важна качественная сторона вербального научения: преобразования самой структуры речи - лексической и грамматической, специально изучавшееся Е. Харке. Сопоставление в этом исследовании учащихся 12, 18 и 30-летнего возраста дало возможность выявить прогресс структуры у взрослых сравнительно с подростками и детьми. Одним из проявлений этого прогресса является переход от простого предложения к сложнораспространенному с двумя-четырьмя членами, с чем Е. Харке связывает возросшие возможности речемыслительной деятельности человека в зрелом возрасте.

В ряде своих сравнительно возрастных исследований В.А. Греков [1964] сопоставлял молодых людей (25-33 лет) со старыми (свыше 70 лет), в том числе по весьма важным показателям - подвижности и пластичности - образованию и переделке речевого стереотипа.

По его данным, у молодых такой стереотип образовывается самопроизвольно, сразу (43%), у стариков же - только в 8%. У последних значительно чаще стереотип образовывался некоторое время спустя (48% случаев), что у молодых встречалось только в 28,5% случаев. Стереотип образовывался не на все слова-раздражители (24% у стариков), даже по инструкции (12%), и вовсе не образовывался у 8% старых людей. Переделка речевых стереотипов не встречала каких-либо затруднений в группе молодых, в то время как в группе старых переделка словесных реакций была затруднительной как на положительные, так и на

тормозные сигналы. В общем сравнительно с подростковым и со старческим возрастом люди в молодой и средней фазах зрелости обнаруживают наиболее высокие реакции переключения и перестройки ранее усвоенных словесных связей.

Имеются многие факты, свидетельствующие о гетерохронности эволюции и инволюции интеллектуальных функций, подобно тому как гетерохронны сенсорно-перцептивные сдвиги. Вследствие этого представления о пике, или оптимуме, в какой-либо один период для всех функций оказываются искусственными.

Принципиально сходная структура развития обнаруживается и в психофизиологической эволюции от 20 до 80 лет, охарактеризованной Б.Д. Бромлеем на основании массовых обследований психодиагностическим методом Векслера - Беллвью. Этим методом оценивались вербальные и невербальные функции, онтогенетические изменения которых распределялись крайне неравномерно. Особенно примечателен противоположный ход развития некоторых вербальных (информированность, определения слов) и невербальных функций (кодирования цифр геометрическими фигурами, практический интеллект, определявшийся известной пробой Косса). Уже в 30-35 лет отмечается постепенная стабилизация, а затем снижение невербальных функций, которое становится резко выраженным к 40 годам жизни, между тем вербальные функции именно с этого периода прогрессируют наиболее интенсивно, достигая наиболее высокого уровня после 40-45 лет. Несомненно, речемыслительные, второсигнальные функции противостоят общему процессу старения и сами претерпевают инволюционные сдвиги значительно позже всех других психофизиологических функций.

Эти важнейшие приобретения исторической природы человека становятся решающим фактором онтогенетической эволюции человека. Не менее важным фактором этой эволюции является сенсбилизация функций в процессе практической (трудовой) деятельности человека. Совокупное развитие этих факторов определяет двухфазный характер одних и тех же психофизиологических функций человека.

На *первой* из них происходят общий, *фронтальный* прогресс функций в ходе созревания и в ранние эволюционные изменения зрелости (в юности, молодости и начале среднего возраста). В этой зоне обычно и располагается пик той или иной функции в самом общем (еще не специализированном) состоянии.

На *второй* фазе эволюции тех же функций совершается их *специализация* применительно к определенным объектам, операциям деятельности и более или менее значительным по масштабам сферам жизни. Эта вторая фаза наступает только на наиболее высоком уровне функциональных достижений в первой фазе и «накладывается» на нее. Пик функционального развития достигается в более поздние периоды зрелости, причем не исключено, что оптимум специализированных функций может совпадать с начавшейся инволюцией *общих свойств* этих же функций, что еще характерно для развития речемыслительных функций и процессов, составляющих механизм, а вместе с тем и основной продукт теоретической деятельности, или интеллектуальный регулятор практической деятельности.

Двухфазное развитие психофизиологической эволюции человека - проявление единства человека как индивида и личности - субъекта деятельности.

Длительность второй фазы определяется степенью активности человека как субъекта и личности, продуктивностью его труда и общественной значимостью его вклада в общий фонд материальных и духовных ценностей общества.

Вариабельность каждой из фаз, особенно второй, ее нижнего и верхнего пределов определяется, однако, не ходом онтогенетической эволюции человека, а его жизненным путем в конкретных условиях исторической эпохи.

Старты основных видов деятельности и специальных способностей определяются в периоде поздней юности и ранней взрослости, к которой относится становление основного ансамбля социальных ролей и статусов личности.

Обобщенность информации в языке и структура активного развития функции общения в процессах труда объясняют определенные преимущества в интеллектуальном развитии людей

более старших возрастов. Известно, что вербально-логические функции продолжают свой прогресс и тогда, когда эволюция старости уже глубоко затронула невербальный интеллект и сенсомоторику человека. В пределах всех фаз взрослости не найдено каких-либо непреодолимых барьеров для вербального и словесного обучения.

Но каковы возможности развития невербального интеллекта и его связей с вербальным интеллектом?

Пока мы можем судить об изменениях отношений между ними в общей структуре интеллекта периода ранней зрелости. На основании обширных материалов комплексного исследования университетских психологов и сектора психологии Ленинградского института АПН СССР мы получили доказательства того, что в структуре интеллекта взрослого человека главное значение имеет взаимосвязь образного и логического, то есть непосредственного и опосредованного отражения действительности. Речь идет об интеллекте взрослого человека, за которым подавляющее большинство авторов не признает значения чувственно-образного мышления, считая, что зрелый интеллект есть полное господство логического мышления вследствие снятия сенсорно-перцептивных свойств логическими. Вспомним, что Л.С. Выготский считал, что уже к концу периода созревания процессы восприятия полностью снимаются процессом логического мышления и речи, что интеллектуальное развитие обеспечивается лишь высшими интеллектуальными функциями - вербально-логическими. Наши новые данные показывают применительно к поздней юности - ранней взрослости ошибочность такого представления об абсолютной логизации и вербализации интеллекта взрослого человека.

Весьма важным подтверждением нашего тезиса о единстве логического и образного в структуре интеллекта взрослого человека является массовый материал, который получен по стандартной методике Векслера.

По данным Л.А. Барановой, В.И. Сергеевой и В.П. Лисенковой, наиболее высокие показатели обнаруживают молодые люди 19 лет. Аналогичные выводы сделаны независимо от них по дру-

гим методикам: Я.И. Петровым - в отношении функции памяти, где самые лучшие показатели тоже дает 19-летний возраст; Н.А. Розе - в отношении функции психомоторики, относящейся совсем к другой области развития. Возможно, что именно на 19 лет приходится один из главных сенситивных периодов развития взрослого человека, а вместе с тем и наибольший процент самых высоких коэффициентов умственного развития.

В ближайшем будущем проблема сенситивных периодов умственного развития взрослых людей будет разрабатываться специально. Обратимся к сопоставлению данных о вербальном и невербальном интеллекте, полученных у наших 800 испытуемых. Кривая вербального интеллекта располагается на более высоком уровне, чем кривая невербального интеллекта. К тому же только в невербальном интеллекте по двум показателям из пяти имеется некоторое снижение уровня интеллектуального развития (по тестам «набор символов» и «сложение фигур»). Таким образом, фактор логический явно доминирует над фактором образным, но это вовсе не значит, что образного фактора здесь нет. Однако образный интеллект в этой связи с вербальным занимает необходимое место в общей структуре интеллекта, это подтверждено всеми методами математической обработки.

С возрастом не увеличивается, а уменьшается расхождение уровней вербального и невербального интеллекта. Наибольшее расхождение между вербальным и невербальным проявляется у 19-летних людей, а наименьшее из тех, которых мы нынче изучили, - у 21-летних людей.

Особое значение имеют обнаруженные в наших коллективных исследованиях корреляции с вербально-логическим и образным мышлением практического интеллекта; последний занимает совершенно особое, центральное место в общей структуре интеллекта.

Каждый из компонентов этой структуры имеет строго определенное место в корреляционной плеяде и связан определенным количеством связей с другими. Некоторые из компонентов характеризуются, напротив, обособленностью и находятся на периферии этой плеяды, которая составляет как бы переходное

состояние по отношению к другим функциям. Однако, как можно предполагать, межфункциональные связи, или плеяды, изменчивы, и сопоставления более отдаленных возрастных групп покажут степень их преобразования, а также позволят выделить более стабильные и менее стабильные компоненты той или другой функции.

Представление о внутренней разнородности и противоречивости каждой из интеллектуальных функций оказалось очень важным для понимания исследующихся в процессе развития межфункциональных связей. Это представление подготовило нас к тому, чтобы понимать взаимодействия функций не глобально, не тотально, не целиком, в общем, безразлично, не индифферентно по отношению к любым компонентам других функций, а парциально, избирательно, в известном соответствии с внутренними функциями соответствующих компонентов.

Межфункциональные связи определялись корреляционным анализом на различных уровнях надежности. Наименее надежный процентный уровень дал наибольшее количество связей, часть из которых осталась в корреляционных плеядах с более высоким уровнем надежности. Вместе с тем нигде не существуют только положительные или только отрицательные корреляции, они обычно относятся друг к другу в известной пропорции, чаще всего как три к одному (положительных к отрицательным).

Возможно, в процессе развития эти связи изменяются не только качественно, но и количественно. По характеру эти связи, очевидно, детерминированы внутренней природой каждой из функций. В качестве примера можно привести положительные корреляции образного мышления с произвольным запоминанием и нейродинамическими характеристиками и отрицательные корреляции того же образного мышления с произвольным запоминанием и некоторыми операциями логического мышления. Среди связей внимания с другими функциями - 18 положительных и только 4 отрицательные корреляции на 5%-ном уровне, что свидетельствует о всеобщем участии регуляторных функций в интеллектуальной деятельности. На более высоком уровне надежности выделяются по своему значению положительные

корреляции между объемом внимания и произвольным запоминанием. В центре межфункциональных связей на всех уровнях находятся положительные корреляции между вербальным и невербальным интеллектом, а также общим коэффициентом интеллектуального развития, по Векслеру, со всеми другими функциями.

Все это несомненно подтверждает, что связь между вербальным и невербальным интеллектом составляет ядро структуры интеллекта. Но особенно поразительным фактом, совершенно неожиданным и не вытекающим из современной теории структуры интеллекта, надо признать то, что на всех уровнях надежности наряду с вербальным и невербальным интеллектом в центре межфункциональных связей, в ядре межфункциональных связей находится практическое мышление, которым обычно пренебрегают общая психология, теория интеллекта и логика. Если логическое мышление связано с образным отрицательной корреляцией, а образное мышление с логическим - тоже отрицательной корреляцией, то практическое мышление связано с тем и другим положительной корреляцией. Оно вообще имеет наибольшее число связей, наибольшую мощность связей и составляет самый активный компонент межфункциональных плеяд.

Разнообразные феномены и виды мыслительной работы взрослого человека обнаруживают дифференциацию, весьма сходную с вышеописанной дифференциацией сенсорно-перцептивных и мнемических процессов. Наиболее очевиден, особенно в отношении вербального и практического интеллекта, операционный механизм этих явлений. Логические операции и построение из них сложных рациональных систем характеризуют любой из феноменов интеллекта.

Логико-математические координации, как показал Ж. Пиаже, имеют свою онтогенетическую историю, с которой связано само формирование субъекта.

Не меньшее значение имеет гностическая мотивация - возникновения и развития потребностей познания, с которыми связано выделение объекта и проблемы, теоретический интерес и необходимый уровень активности, определяющий неотступность думания.

Вместе с тем при смене операций или мотива интеллектуальной деятельности часто сохраняются скорость и точность интеллектуальной реакции, ориентировка в ситуации или решении задачи, в программировании и регуляции сложных действий.

Существование высших, то есть интеллектуальных, вербально-логических функций в собственном смысле слова подтверждается современной нейропсихологией. Особенно интересны сравнительно вербальные данные, в частности сопоставления детского, взрослого, старческого интеллекта; при этом сопоставлении обнаруживается ослабление речемыслительных функций при сохранении и прогрессе *операционных* механизмов мышления в пожилом и старческом возрасте. Операционные механизмы и здесь, подобно мнемической и перцептивной деятельности, оказывают сопротивление инволюционным процессам. Сенсорно-перцептивные, мнемические, вербально-логические процессы, следовательно, - сложные образования, в которых взаимодействуют функциональные, операционные и мотивационные механизмы, относящиеся к различным классам характеристик человека. Эти характеристики лишь относительно обособлены друг от друга, но при всей их взаимосвязи нельзя не учитывать различные источники этих механизмов.

Функциональные механизмы связаны с определенными структурами и являются эффектами тех или иных нейродинамических свойств, генерируемых этими структурами. Иначе говоря, функциональные механизмы могут быть поняты лишь в связи с основными характеристиками человека как *индивида*. Поэтому эти функциональные механизмы детерминированы онтогенетической эволюцией и природной организацией человеческого индивида. Мы имеем много данных в пользу положения о подверженности психофизиологических функций непосредственным влияниям факторов возраста (роста и созревания, зрелостных преобразований, старения и старости), нейродинамических и конституциональных особенностей человека. Все эти факторы, напротив, не оказывают какого-либо прямого влияния на операционные механизмы, складывающиеся в процессе той или иной деятельности самого человека (теоретической и практической).

Тренировка психофизиологических функций в процессе деятельности и образование тех или иных систем временных связей еще недостаточны для развития операционных механизмов. Они строятся по определенным правилам и процедурам, исторически сложившимся в социальном развитии человека, образуя тот или иной порядок взаимосвязанных действий с определенными орудиями или знаковыми системами, то есть средствами техники и культуры. Именно эта опосредованность социальными, техническими и культурными компонентами деятельности характеризует операционные механизмы (перцептивные и мнемические действия, логические и грамматические операции).

Операционные механизмы не содержатся в самом мозге - субстрате сознания, они усваиваются индивидом в процессе воспитания, образования, в общей его социализации, и носят конкретно-исторический характер. В зависимости от уровня техники и культуры, накопленного трудового опыта и мастерства складывается тот или иной операционный механизм конкретной человеческой деятельности (с ее определенным предметом и орудиями труда, технологией и организацией).

Иначе говоря, операционные механизмы относятся к характеристикам человека как субъекта деятельности.

Наконец, мотивационные механизмы, включающие все уровни мотивации (от органических потребностей до ценностных ориентаций) относятся к характеристикам человека как *индивида и личности*.

Подобное строение психических процессов обнаруживается не только в гностических, интеллектуальных, но и в эмоционально-волевых.

Тонические психофизиологические функции, связанные с метаболическими и эндогенными процессами жизнедеятельности, генерируемые кортико-ретикулярными аппаратами, включаются в сложные системы общественного поведения с их символикой, правилами и моральными нормами, отношениями, регулируемые правом и моралью. Эти системы целенаправленных и ценностноориентированных поступков представляют собой своеобразный операционный механизм эмоционально-волевых процессов.

Мотивационный механизм этих процессов развертывается на уровне нравственных и эстетических чувствований, идеалов и вкусов.

В каждом из психических процессов, как можно думать, представлены проекции всех основных характеристик человека как индивида, личности и субъекта деятельности.

Объединение психических процессов в сложные ансамбли - психические состояния и свойства, надо думать, способствует образованию этих более высоких уровней интеграции благодаря взаимосвязи основных характеристик человека, его *целостности и единства*.

Структура личности имеет своим генетическим источником длительные и разнообразные метаморфозы психических феноменов, особенно их интеграцию по рассмотренному нами типу. В этом смысле структура личности - продукт индивидуально-психического развития, которая выступает в трех планах: *онтогенетической эволюции психофизиологических функций, становления деятельности и истории развития человека как субъекта труда*, познания и общения, наконец, как *жизненного пути человека* - истории личности. Вместе с тем структура личности, сложившаяся в процессе индивидуального развития человека, сама детерминирует направление, степень изменения и уровень развития всех феноменов психического развития. С.Л. Рубинштейн именно в этой структуре личности, в комплексе личностных свойств усматривал те внутренние условия, через которые действуют те или иные внешние факторы.

Промежуточные переменные, между ситуацией и поведенческой реакцией на нее образуются из взаимодействия основных характеристик человека, характером которых является структура личности.

Мы подробно рассмотрели эти характеристики в другой, более общей нашей работе [Ананьев Б.Г., 1969].

Поэтому мы ограничиваемся здесь схематическим описанием этих характеристик, которые образуют структуру человека как индивида, личности и субъекта деятельности.

Характеристики человека как индивида

Имеются основания для выделения двух основных классов индивидуальных свойств: 1) *возрастно-половых* и 2) *индивидуально-типических*. В первый из них входят возрастные свойства, последовательно развертывающиеся в процессе становления индивида (стадии онтогенетической эволюции) и *половой диморфизм*, интенсивность которого соответствует онтогенетическим стадиям. Во второй класс входят *конституциональные* особенности (телосложение и биохимическая индивидуальность), *нейродинамические* свойства мозга, особенности *функциональной геометрии* больших полушарий (симметрии - асимметрии функционирования парных рецепторов и эффекторов). Все эти свойства являются первичными и существуют на всех уровнях, включая клеточный и молекулярный (за исключением нейродинамических и билатеральных свойств органного и организменного уровней).

Взаимодействие возрастно-половых и индивидуально-типических свойств определяет динамику *психофизиологических функций* (сенсорных, мнемических, вербально-логических и т.д.) и *структуру органических потребностей*.

Эти свойства индивида можно назвать вторичными, производными эффектами основных параметров индивида. Есть основания предполагать, что высшая интеграция всех этих свойств представлена в *темпераменте*, с одной стороны, и *задатках* - с другой.

Основная форма развития всех этих свойств - онтогенетическая эволюция, осуществляющаяся по определенной филогенетической программе, но постоянно модифицирующаяся все возрастающими под влиянием социальной истории человечества диапазонами возрастной и индивидуальной изменчивости. По мере развертывания самих онтогенетических стадий усиливается фактор индивидуальной изменчивости, что связано с активным воздействием социальных свойств личности на структурно-динамические особенности индивида, являющиеся их генетическими источниками.

Характеристики человека как личности

Исходным моментом структурно-динамических свойств личности является ее *статус* в обществе (экономические, политические и правовые, идеологические и т.д. положения в обществе), равно как статус общности, в которой складывалась и формировалась данная личность. На основе статуса и в постоянной взаимосвязи с ним строятся системы: а) *общественных функций-ролей* и б) *целей и ценностных ориентаций*.

Можно сказать, что статус, роли и ценностные ориентации образуют первичный класс *личностных свойств*, интегрируемых *определенной структурой личности*. Эти личностные характеристики определяют особенности *мотивации поведения*, структуру *общественного поведения*, составляющих как бы второй ряд личностных свойств. Высшим интегрированным эффектом взаимодействия первичных и вторичных личностных свойств является *характер* человека, с одной стороны, *склонности* - с другой. Основная форма развития личностных свойств человека - жизненный путь человека в обществе, его социальная биография.

Основные характеристики человека как субъекта деятельности

Исходными характеристиками человека в этой сфере развития являются сознание (как отражение объективной деятельности) и деятельность (как преобразование действительности). Человек как субъект практической деятельности характеризуется не только его собственными свойствами, но и теми техническими средствами труда, которые выступают своего рода усилителями, ускорителями и преобразователями его функций. Как субъект теоретической деятельности человек в такой же мере характеризуется знаниями и умениями, связанными с оперированием специфическими знаковыми системами.

Высшей интеграцией субъектных свойств является творчество, а наиболее обобщенными эффектами (а вместе с тем потенциалами) - способности и талант.

Основными формами развития субъектных свойств человека являются подготовка, старт, кульминация и финиш, в общем

история производственной деятельности человека в обществе.

Разумеется, разделение человеческих свойств на индивидуальные, личностные и субъектные относительно, так как они суть характеристики человека как целого, являющегося одновременно природным и общественным существом. Ядро этого целого - структура личности, в которой пересекаются (обобщаются) важнейшие свойства не только личности, но также индивида и субъекта.

Структура индивидуального развития человека

Современная наука располагает вполне объективным подходом к изучению целостности организма и его онтогенетического развития, к познанию и овладению внутренними связями между всеми частями структуры развития живых систем. Современное естествознание с его подходом к организму как к целостной, сложной, саморегулирующейся системе успешно применяет новейшие математические методы исследования связей между отдельными феноменами развития. Благодаря этому мы знаем, что коррелятивные зависимости между органами и функциями организма составляют важную характеристику его целостности.

На различных стадиях онтогенеза коррелятивные отношения существенно изменяются по типам и значению для индивидуального развития. Обратимся к открытым крупнейшим советским биологом Шмальгаузенем трем типам корреляций: 1) геномные взаимосвязи, обусловленные генами через биохимические процессы, происходящие в клетках того же самого материала, в котором реализуются изменения; 2) морфологические корреляции между органами также непосредственно запрограммированы, но осуществляются путем передачи вещества или возбуждения от одной части к другой; 3) эргонтические взаимозависимости, которые определяются функционированием самих членов корреляционной пары, зияющей на изменение их строения и способа функционирования. Геномные и морфологические корреляции специфичны для периодов роста, и созревания, то есть детства и отрочества.

Вследствие этих корреляционных объединений разных органов, систем и их функций происходят передача, переброс, преобразование одних функций под влиянием изменения других.

Этот корреляционный порядок исключает возможность чисто локального изменения одних функций под внешним воздействием без тех или иных сопутствующих сдвигов в других функциях.

Более активными и глубокими по отдаленности и многообразию эффектов являются корреляции третьего типа - эргонтические, которые постепенно разворачиваются к концу периодов роста и созревания и приобретают решающее значение для взрослого организма и его сформировавшихся функций.

При любом типе корреляций изменяется весь организм, и это изменение влияет на дальнейший ход онтогенеза в целом.

В свою очередь, сохранению целостности способствуют только те коррелятивные связи, которые соответствуют внешним условиям существования. Среда, таким образом, выступает как важнейший определитель целесообразности коррелятивных связей в структуре самого организма.

Проблема человеческого развития несоизмерима по всей сложности с любой из биологических проблем. Человеческое развитие обусловлено взаимодействием многих факторов: наследственности, среды, биогенной, абиогенной, социальной, воспитания (вернее, многих его видов как направленного воздействия общества на формирование личности), собственной практической деятельности человека. Эти факторы действуют не порознь, а вместе на сложную структуру развития, то есть цепь корреляций между многими нейropsychическими функциями, процессами, состояниями и свойствами личности. Управление процессом развития реально осуществляется посредством регулирования этих связей, то есть посредством управления коррелятивными зависимостями между определенными психофизиологическими функциями и свойствами личности.

Внутриорганические причины дизассоциации функций ослабляются или усиливаются социально-педагогическими факторами, которые всегда так или иначе связаны корреляционными

зависимостями одной и той же функции от других той же модальности. Если не учитывать этих зависимостей и их сдвигов в разные периоды жизни и периоды воспитания, то можно прийти к ошибочным заключениям о прямой зависимости функции от какой-либо внешней причины. На самом деле существуют цепочки, или плеяды, корреляций, которые составляют внутренние условия работы любой нервно-психической функции. Эти плеяды, разумеется, усложняются по мере перехода к речемыслительным процессам, играющим ведущую роль в процессе умственного развития человека.

Статистически достоверные корреляционные плеяды получены Я.И. Перовым, обнаружившим в зрительной памяти юношей и девушек комплекс зависимостей между различными мнемическими функциями. Далеко не все из них коррелируют с любой из других мнемических функций, однако все они без исключения коррелируют с объемом памяти на слова. Опыты В.Н. Андреевой на тех же испытуемых показали, что аналогичные положения имеются в слуховой памяти, где центральное положение занимает в корреляционной плеяде также объем словесной памяти.

Сходные явления замечены нами при исследовании внимания. В центре корреляции между объемом внимания, переключением, концентрацией, помехоустойчивостью и другими свойствами находится объем перцептивного внимания, в свою очередь положительно коррелирующий с силой нервных процессов.

Можно предположить, что общая емкость, или объем работы функции в единицу времени является важным показателем умственной способности. Об этом же говорят предварительные данные Е.И. Степановой и других о корреляционных связях между различными характеристиками мышления. Объем отбираемых в мыслительных процессах понятий, емкость семантического поля и объем активного словарного состава в речи обычно положительно коррелируют с продуктивностью, системностью и произвольностью этих процессов.

Теснейшая связь объемных характеристик разных интеллектуальных функций со всеми другими их характеристиками не

означает, однако, что сущность этих функций - лишь в информационной емкости или пропускной способности мозгового аппарата. Эта коррелятивная значимость не в меньшей мере свидетельствует о зависимости, хотя и не в равной степени, объемной характеристики функций от всех других. Следовательно, таким важным для общей структуры умственной деятельности свойством можно управлять, изменяя любую функцию в процессе обучения, но при этом обязательно учитывая возможность сопряженного или сопутствующего изменения других функций и характеристик.

Новейшие экспериментальные данные и их математическая обработка средствами корреляционного, факторного, дискриминантного анализов делают мысль Л.С. Выготского о межфункциональных связях положительным выводом современной науки. Вместе с тем для педагогической антропологии создается реальная возможность объяснить механизмы гомогенных и гетерогенных связей между воспитанием и развитием, найти средства управления этими связями для обеспечения глубинных эффектов воспитания. Структурный подход оказывается весьма эффективным и при исследовании развития одной функции или процесса, если в них включены многие операции и компоненты.

В коллективном совместном исследовании лаборатории дифференциальной психологии Ленинградского университета и сектора психологии НИИ АПН СССР уже несколько лет ведется комплексное структурное исследование умственного развития. Обнаружены различные сложно ветвящиеся цепи психофизиологических корреляций между сенсорно-перцептивными, мнемическими, вербально-логическими функциями. Эти цепи, или плеяды, психофизиологических корреляций находятся в состоянии постоянного развития и преобразования, усиливающегося или ослабляющегося, ускоряющегося или замедляющегося под влиянием самой умственной деятельности. Совместная активность коррелируемых функций есть нормальное состояние человеческого интеллекта, имеющее значение для жизнедеятельности в целом.

В наших коллективных комплексных исследованиях развития интеллектуальных функций измеряются различные общесоматические и вегетативные изменения, связанные с интеллектуальным напряжением. Измерения сдвигов (в общем обмене содержания сахара в крови, кислородной насыщенности крови, потоотделения, артериального давления крови, мышечного тонуса и т.д.) показывают в подавляющем количестве случаев, что для определенных уровней интеллектуального напряжения существуют определенные вегетативные, биохимические и психомоторные эквиваленты, видоизменяемые в зависимости от типа телосложения и свойств нервной системы. Наличие таких эквивалентов объясняет механизм гетерогенного влияния умственного воспитания и обучения на физическое развитие и общее состояние здоровья. Психофизическое здоровье зависит от правильно организованной умственной работы, что способствует не только установлению эмоционального тонуса, необходимого для нормальной жизнедеятельности, но и упорядочению вегетативных и психомоторных реакций, то есть нормальному ходу процессов жизнедеятельности. В этой связи приобретают значение некоторые выводы современной геронтологии о факторах долголетия. *Образование и умственный труд, постоянная тренируемость умственных функций составляют главнейший фактор сохранения жизнестойкости и жизнеспособности долголетия человека*, если этот фактор, разумеется, подкрепляется действием режима жизни, питания и физической работой. Однако среди этих факторов *умственный труд, обеспеченный необходимым образованием и культурой учения*, является ведущей силой, противостоящей инволюционным процессам. Исследования С. Пако, С. Майльса, К.И. Пархона, Т.Ф. Бурльера и многих других убеждают в том, что физическое долголетие есть интегральный результат многих обстоятельств жизни, форм воспитания и видов деятельности самого человека, но в этом интегральном эффекте воспитанность интеллекта и способность самобразования занимают центральное место.

Можно даже предположить, основываясь на данных, о которых сейчас пойдет речь, что в некоторых отношениях гетероген-

ные влияния умственного воспитания на физическое развитие приближаются по мощи к гомогенным влияниям физического воспитания на физическое развитие. В этом отношении любопытны данные Ментоя, Ван-Хусса, Одеона и других, опубликованные в 1956 г. Они изучали физическое состояние бывших воспитанников Мичиганского университета, усиленно занимавшихся спортом во время обучения в университете, и их товарищей - неспортсменов. Достоверных различий в состоянии сердечно-сосудистой системы и других функций они не обнаружили.

Любопытна статистика, собранная в Кембриджском университете, где изучалась продолжительность жизни бывших студентов этого известного английского университета, сопоставляя спортсменов и неспортсменов, занятых умственным трудом. Средний возраст умерших среди спортсменов 67-79 лет, а неспортсменов - 69-81 год. Среди долгожителей в возрасте 80 лет неспортсменов было больше (231), чем спортсменов (186), а в 90 лет эти различия значительно сгладились, хотя и здесь неспортсменов было несколько больше (26 по отношению к 23).

Как видим, наряду с физическим воспитанием, то есть гомогенным воздействием, умственное воспитание, то есть гетерогенное воздействие, определяет физическое развитие человека.

О таких гетерогенных влияниях свидетельствуют и общеизвестные факты уменьшения латентного периода времени реакций всех типов (двигательных, сосудодвигательных, речедвигательных) под воздействием умственного упражнения и уровня образования.

Поскольку современная наука располагает достаточным числом фактов такого рода, полученных на человеке, постольку можно с полным основанием переносить в антропологическую область выводы, относящиеся к опытам по научению животных. Шведский нейробиолог Г. Хольгер разработал методику выделения изолированных живых клеток мозга, а затем ядра из тела нейрона для анализа его компонентов, особенно РНК, содержание которой в мозговой клетке превышает содержание в любой другой клетке. Своих экспериментальных животных он ставил в разные условия тренировки, научая их выполнять определен-

ные действия, например, карабкаться по проволоке за пищей, балансировать на проволоке, вращаться на центрифуге и т.д. Сразу же после высшей точки подобного возбуждения и достижения выучки этих животных умерщвляли и затем изучали биохимические сдвиги в ядре нейрона. С этими опытами сопоставлялись данные, полученные на животных, не проходивших экспериментальных процедур научения. Хольгер обнаружил, что содержание РНК в нейронах «обученных» им крыс увеличилось на 12% по сравнению с клетками мозга крыс, живущих в обычных условиях. Но дело не только в этом; оказалось, что небольшая часть этой РНК отличается последовательностью оснований или химическим составом от любой РНК, обнаруживаемой в нейронах «необученных», контрольных животных. В этих отличающихся молекулах РНК, очевидно, закодированы вновь приобретенные навыки.

После этих поразительных опытов возникла гипотеза о молекулярных основах памяти и особой связи этих основ с изменениями РНК под влиянием научения. На XVIII Международном психологическом конгрессе в Москве особое внимание привлек 20-й симпозиум «Биологические основы следов памяти», на котором были доложены многие исследования нейрохимических сдвигов под влиянием научения. Нет никаких оснований полагать, что подобных сдвигов не может быть у человека. Напротив, надо думать, что у человека все это происходит в несоизмеримо больших масштабах и с большими скоростями. Воздействие научения, новообразований поведения, умственной работы на физическое развитие осуществляется, видимо, грандиозным ансамблем механизмов, включая молекулярные преобразования в нейронах.

Особое значение в ансамбле таких механизмов имеют соотношение двух сигнальных систем, все возрастающая в процессе развития активность второсигнальных, речевых механизмов.

Второсигнальная, речевая регуляция двигательных актов, их замещение скрытой, внутренней речью и редуцированной моторикой начинают проявлять себя в школьном возрасте. Вместе с тем через такую регуляцию возникает и упрочивается воздей-

ствие речемышлительных процессов на многообразные психосоматические состояния.

В реальном человеческом развитии нет, конечно, каких-либо фиксированных границ между умственным и физическим, речедвигательным и двигательным, корковым и висцерально-общесоматическим развитием. Переходы между ними и взаимовлияния оказались столь обширными и всеохватывающими, что наши представления о целостности организма в структуре его развития встали на универсальную основу. Вместе с тем возникла новая возможность управления многими сторонами развития через регуляцию одной из них посредством тренировки определенных функций и их связей в процессе научения. Так сложилось современное представление о психосоматических образованиях и психогигиенической ценности различных средств воспитания и научения.

Еще в 1932 г. Н.И. Красногорский, первый проложивший путь павловскому учению в педиатрию, доказал возможность образования у здоровых детей условных рефлексов сердца. Им были выработаны условное ускорение (тахикардия) и условное замедление (брадикардия) сердечного ритма, а затем и следовые условные рефлексы сердца. В дальнейшем было доказано, что следовая реакция может сочетаться со словом, и только действие слова воспроизводит всю картину изменения сердечного ритма под влиянием умственных и эмоциональных нагрузок.

За последние десятилетия накопилось много данных об условно-рефлекторном сужении и расширении сосудов, о влиянии умственных напряжений на биохимические сдвиги (например, изменения содержания сахара в крови, газообмена, минерального обмена и т.д.).

В своей вечерней лекции на XVIII Международном психологическом конгрессе «Экспериментальные исследования по теории обучения и психопатологии» Н. Миллер из Рокфеллеровского института показал, что сосудистые реакции могут изменяться при обучении.

Эксперименты на слюнной железе, толстой кишке, сердечно-сосудистой системе свидетельствуют, по его словам, о том, что

реакции этих органов, находящихся под контролем вегетативной нервной системы, можно изменить выработкой инструментальных условных рефлексов, что *вегетативная и анимальная нервная система подчиняется одним и тем же законам обучения.*

Можно думать, что гетерогенные зависимости *физического развития от обучения и умственного воспитания* протекают, вероятно, именно по такому типу психосоматических (или кортико-висцеральных) образований. Вследствие этого же происходит обратное влияние измененного соматического состояния на интеллектуальную деятельность человека. Психосоматическое состояние и связанные с ним метаболические, биохимические характеристики составляют *общий реактивный фон*, на котором разворачиваются те или иные интеллектуальные напряжения. Не только после таких напряжений (например, экзаменов или интеллектуальных испытаний), но и перед ними, как бы опережая эффект напряжения, обнаруживаются сдвиги сердечного ритма, сосудистого тонуса, углеводного обмена, кожногальванической реактивности и многих других психосоматических феноменов.

Гетерогенные связи ведут от умственного воспитания к физическому развитию (разумеется, через связи умственной деятельности, с общим реактивным фоном организма), а от него - к различным явлениям эмоционально-волевой жизни человека, к мотивации поведения и более специально - к мотивации обучения. Все это составляет по существу сферу нравственного воспитания. Этот незаметный переход от умственного к физическому и от него к нравственному воспитанию повседневно совершается циклом гетерогенных связей и легко может быть воспроизведен в экспериментальных условиях современной психофизиологией. В уже упомянутой лекции американского ученого Н. Миллера рассматриваются в качестве моделей два случая: двое мальчиков очень боятся экзамена в школе, чувствуют, что, вероятнее всего, они его не сдадут. Страх вызывает у них появление ряда симптомов, являющихся обычной реакцией на страх. В зависимости от поведения родителей и их избирательного отношения к этим симптомам у одного *подкрепляются*

сердечно-сосудистые симптомы, а у другого - желудочно-кишечные. Внезапное уменьшение интенсивности страха вследствие «защитного» поведения родителей выступает как *мощное* подкрепление. Вследствие этого, по словам Миллера, «два ребенка могут научиться разным типам психосоматических реакций на стресс-ситуацию».

Подобные функции *подкрепления* различных реакций еще чаще выполняет педагогическая оценка в процессе обучения. В некоторых ситуациях интеллектуального напряжения учащегося и ожидания им оценки выполненной работы *отсутствие педагогической оценки* оказывает более депрессирующее влияние, чем явное неодобрение учителя. В экспериментальных моделях это явление было показано Герлоком, Сергеевым и др.

Педагогическая оценка *ориентирует* детей в состоянии их собственных знаний и *стимулирует*, порождая сдвиги в мотивации поведения. Не менее важно то, что педагогическая оценка создает психологическую ситуацию обучения: а) сдвиги в самооценке учащегося и уровне его притязания, в отношении к учению; б) эмотивно-напряженное поле взаимоотношений между самими учащимися, оценивающим учителем и оцениваемым учащимся; в) изменение в позиции учителя, степени его авторитета и последующих влияний на развитие учащихся. Все это происходит, конечно, не в отдельный момент урока-опроса, а на протяжении всего цикла совместной работы и жизни в школе, как было показано нами еще в 1935 г.

Подобные ситуации составляют мотивационный подтекст обучения, образуемый, как видим, социально-психологическими, нравственными связями, определяющими интеллектуальное напряжение. Оно снимается, конечно, лишь нравственным воспитанием, формированием общественных связей в процессе обучения, созданием духа совместной умственной работы.

Подобные влияния имеют специфически человеческий социальный характер, так как выражают общественную природу обучения. Оно не есть только передача и усвоение информации - знаний и правил деятельности. Обучение есть вместе с тем общение, коммуникация, соответствующая структуре общества и

господствующему в нем типу межлюдских взаимоотношений. Именно вследствие этого обучение, являющееся главным средством образования, умственного воспитания, неизбежно оказывает гетерогенное влияние на нравственное развитие учащихся.

Историческое время, как и все общественное развитие, одним из параметров которого оно является, имеет первостепенное значение для индивидуального развития человека. Все события этого развития (биографические даты) всегда располагаются относительно к системе измерения исторического времени.

События в жизни отдельного народа и всего человечества (политические, экономические, культурные, технические преобразования и социальные конфликты, обусловленные классовой борьбой, научные открытия и т.д.) определяют даты исторического времени и определенные системы его отсчета.

Объективное социально-экономическое различие между событиями в ходе исторического развития определяют различия между поколениями людей, живущих в одной и той же общественной среде, но проходивших и проходящих одну и ту же возрастную фазу в изменяющихся обстоятельствах общественного развития. Возрастная изменчивость индивидов одного и того же хронологического и биологического возраста, но относящихся к разным поколениям, обусловлена, конечно, социально-историческими, а не биологическими (генетическими), причинами.

В истории психологии было найдено много фактов, свидетельствующих о зависимости конкретных психических состояний и процессов индивида от исторического времени.

Историческое время как таковое, конечно, издавна изучается в общественных науках. Но глубокое проникновение исторического времени во внутренний механизм индивидуально-психического развития обнаружено лишь новейшей психологией, и оно послужило основанием для постановки вопроса о более широких генетических связях в этом развитии, не ограничивающимся онтогенетическими характеристиками. Психологическое изменение структуры личности, ее характера и таланта уже немислимо вне категории *исторического времени*, то есть параметра общественного развития и одной из характеристик исто-

рической эпохи, современниками которой являются данная конкретная популяция и принадлежащая к ней личность.

Но не только структура личности и ее свойства воспроизводят типичные характеры эпохи, отражают общественное становление в определенных моментах исторического времени.

В масштабах этого времени в соответствии с уровнем цивилизации и исторически сложившимся способом деятельности организуется структура субъекта познания и различных видов деятельности, обусловленная современным состоянием производства науки и искусства. Поэтому исторически конкретны характеристики рационального и эмпирического в познании, логические, вербальные, мнемические и другие компоненты познавательной деятельности человека.

Историческая психология еще лишь формируется как особая дисциплина. Но уже имеются некоторые важные факты. Так, системы произвольной памяти и течение воспоминаний зависят от расположения их относительно к «оси» исторического времени.

Субъективная картина жизненного пути в самосознании человека всегда строится соответственно параллели индивидуального и социального развития, соизмеряемой в биографо-исторических датах. В социальной психологии наблюдения за изменениями моды в разных сферах жизни обнаружили быструю смену перцептивных установок людей в зависимости от хода исторического времени. Оказалось, что восприятие человека и социальных групп человеком (социальная перцепция) всегда соотносено с особенностями исторической эпохи и жизни народа, оно может быть измеряемо и с помощью системы исторического времени. Такое измерение распространяется на всю сферу эстетического восприятия; «историзм» человеческого восприятия распространяется фактически на все вещи и предметы, созданные людьми в процессе общественного производства и образующие искусственную среду обитания, расположившуюся в естественной среде обитания (природе).

С историческим подходом к личности и ее психической деятельности связаны онтологические поиски в психологии путем

построения теории личности «во времени» в противовес чисто структурным ее определениям, абстрагированным от реального временного протекания ее жизненного цикла. Таких поисков было много, причем почти все они были начаты в 20-30-х годах нашего столетия.

Отметим наиболее интересные из них, хотя, в методологическом отношении они представляются современному исследователю крайне несовершенными. Особо следует выделить выдающегося французского ученого Пьера Жане, первым попытавшегося обозреть психологическую эволюцию личности в реальном временном протекании, соотнести возрастные фазы и биографические ступени жизненного пути, связать биологическое, психологическое и историческое время в единой системе координат эволюции личности. Замечательный ученый и клиницист не мог в силу состояния науки того времени и противоречий собственной методологической позиции решить поставленные им вопросы, но мы обязаны ему важным началом генетической теории личности.

Исследования Жане имели и важное методологическое значение для разработки специальных принципов изучения психологической эволюции личности (психологического, лонгитюдinalного и др.).

Другую концепцию этой эволюции предложила Шарлотта Бюлер, чей труд о человеческой жизни как психологической проблеме считается одним из исходных для изучения жизненного цикла и генетических связей между его фазами. Ш. Бюлер наметила три аспекта такого изучения. Первым из них является биолого-биографический аспект - исследования объективных условий жизни, основных событий окружающей среды и поведения человека в этой среде. Второй аспект связан с изучением истории переживаний, становления и изменения ценностей, эволюции внутреннего мира человека. Третий аспект касается продуктов деятельности, истории творчества индивида в разных случаях жизни, в общем, уровня и масштаба объективации сознания.

Ш. Бюлер принадлежит одна из первых попыток исследовать различные типы жизненных циклов и роль отдельных фак-

личности человек образуется как субъект общественного поведения и познания, сказывается его готовность к труду.

Постепенный переход от воспитания к самовоспитанию, от объекта воспитания к положению субъекта воспитания проявляется во многих феноменах умственной и моральной активности человека. Общим эффектом этого процесса является *жизненный план*, с которым юноша или девушка вступает в самостоятельную жизнь. Выбор профессии, ценностная ориентация на ту или иную сферу общественной жизни, идеалы и цели, которые в самом общем виде определяют общественное поведение и отношения перед порогом самостоятельной деятельности, - все это отдельные моменты, характеризующие *начало* самостоятельной жизни в обществе. Прежде всего оно есть *старт* самостоятельной профессиональной деятельности. По данным В. Шевчука, отношение точки старта к различным периодам отрочества, юности и зрелости таково: в период 11-20 лет - 12,5%, 21-30 - 66%, 31-40 - 17,4% и т.д. В общем старт творческой деятельности совпадает с самым значительным по мощности периодом самостоятельного включения в общественную жизнь.

Однако эти общие и средние данные значительно изменяются при рассмотрении точек старта в различных видах деятельности. В наиболее ранние годы они располагаются в такой последовательности начиная с балета, музыки, поэзии. Наиболее поздние, даже за пределами третьего десятилетия, - наука, философия, политика.

Но дело не только во времени старта, в хронологии начала творческой деятельности. По мнению Д. Освальда, начало в научной деятельности определяет многое в замыслах и стратегии научной деятельности в более поздние годы. О высокой продуктивности начального периода научного творчества свидетельствуют обработанные Г. Леманом биографические данные о важных трудах, открытиях молодых ученых, особенно в области математики и химии. Путем сопоставления подобных данных за несколько веков он пришел к выводу, что творческая активность начинающих ученых возрастает, «энергия старта» в

общем прогрессирует. Все это, конечно, связано с общим прогрессом науки, методами подготовки ученых и т.д.

С прогрессом содержания и методов профессиональной подготовки в разных видах деятельности, повышающих уровень и ускоряющих темпы формирования субъекта труда, подобная тенденция проявляется достаточно определенно, особенно в нашей стране.

Еще больший интерес исследователей привлек другой момент в жизненном пути личности - *кульминационный* момент наивысших достижений в избранной ею деятельности.

Существует определенная зависимость *кульминации* от общего времени и объема деятельности с момента *старта*.

Так, кульминационные моменты в хореографической деятельности располагаются между 20-25 годами, в музыкальной и в поэтической деятельности - между 30-35 годами (по данным В. Шевчука и др.), в то время как в научной, философской и педагогической областях кульминация достигается значительно позже, между 40-55 годами.

В обширных статистико-психологических исследованиях Лемана а в качестве кульминационных периодов научного творчества указываются периоды 35-40 и 40-45 лет. Однако в зависимости от структуры и методов той или иной науки кульминационные «пики» значительно варьируют. Более ранние (до 30 лет) достижения высшей продуктивности отмечаются у химиков, затем (до 30-34 лет) у математиков и физиков, инженеров в области электроники. Более поздние (30-39 лет) кульминации отмечены среди астрономов, геологов, патологов. Средняя величина кульминации многих специальностей около 37 лет. Аналогичные расчеты сделаны им и другими исследователями по отношению к различным областям науки, техники, искусства.

Стремление выразить в хронологических датах онтогенетической эволюции человека вехи жизненного пути оправданы, конечно, тем, что возраст человека всегда есть конвергенция биологического, исторического и психологического времени. Однако условность средних величин кульминации не требует особых доказательств. Дело в том, что снижение продуктивнос-

ти ученого, художника, писателя, инженера может быть временным. После периода снижения или творческого упадка чаще всего наступают новый подъем, новая кульминация, которую по зрелости достижений трудно сопоставить с предшествующими, если даже они были в количественном отношении более продуктивными. Многими исследователями признается существование второй кульминации в более поздние годы, но в оценке ее объема и значимости существуют серьезные расхождения. Это все вопросы, требующие исследования на очень большом и современном материале, причем не только науки и искусства, но и всех видов общественного производства и культуры.

Однако существуют определенные зависимости кульминации от старта деятельности, от истории воспитания личности. Можно также предполагать связь между финишем и кульминацией, а через нее - со всей предшествующей историей человека как личности и субъекта.

В психологии и геронтологии имеются исследования, относящие завершающий момент творческой деятельности лишь к возрасту после 60-70 лет. Таких людей все же много, причем в последнее десятилетие их количество несколько даже увеличивается. Бесспорно, это связано как с фактом одаренности, так и с благоприятными условиями для творческой деятельности в современных условиях. Верхний период одаренности нельзя определить, его нельзя выразить как трудоспособность, поддающуюся нормированию. Не менее очевидно и то, что «финиш» деятельности не есть лишь функция старения как онтогенетической теории. Говоря об этом «финише», мы имеем в виду завершение развития *субъекта* деятельности и познания, которое зависит не только от старения, но и от всей совокупности отношений, позиций и условий жизни личности в обществе.

Мы не можем считать все потенциалы личности и субъекта «исчерпанными» в процессе старения индивида; это подтверждают факты, которые мы рассматривали раньше. Поэтому в ближайшем будущем человечество, надо полагать, найдет более рациональные способы использования этих потенциалов в такие моменты жизненного пути, которые в наибольшей степени характеризуются накоплением жизненного опыта.

Жизнь человека как история личности в конкретную историческую эпоху и как история развития его деятельности в обществе складывается из многих систем общественных отношений в определенных обстоятельствах, из многих поступков и действий самого человека, превращающихся в новые обстоятельства, формируются пути окружающих и его собственной жизни. Человек во многом становится, таким, каким его делает жизнь, определенные обстоятельства.

Он, конечно, не является пассивным продуктом общественной среды или жертвой игры генетических сил. Создание и изменение обстоятельств современной жизни собственным поведением и трудом, образование собственной среды развития посредством общественных связей (товарищества, дружбы, любви, брака и семьи, включения в разнообразные малые и большие группы - коллективы) - все это проявления *социальной активности* человека в его собственной жизни.

Фазный характер развития этой активности в смене состояний основной (творческой, профессиональной) деятельности может быть более или менее точно определен хронологически биографическим методом. Эти фазы, как мы видели: подготовительная, старт, кульминация («пик»), финиш; каждая из них есть определенное изменение субъекта деятельности, его структуры и продуктивности.

Значительно сложнее обстоит дело с определением аналогичных фаз в отношении истории развития человека как личности. Несомненно лишь, что подготовительные фазы развития личности и субъекта совпадают. Однако определить основные моменты становления, стабилизации и «финиша» личности возможно лишь путем сопоставления сдвигов по многим параметрам социального развития человека: гражданского состояния, экономического положения, семейного статуса, совмещения, консолидации или разобщения социальной функции - ролей, характера ценностей и их переоценки в определенных исторических обстоятельствах, смены среды развития и коммуникаций, конфликтных ситуаций и решения жизненных проблем, осуществленности или неосуществленности жизненного плана, успеха или

неуспеха - триумфа или поражения в борьбе. Определение фаз развития личности по комплексу подобных параметров - одна из важных задач научной теории личности в социологии и психологии.

Общие вопросы социологической и психологической теории личности

Представление о терминологии в этой области может дать «Философская энциклопедия», в которой понятия систематизированы, чего нельзя сказать даже об основных учебных пособиях и руководствах, в которых обычно отсутствуют определения понятий «индивид» (индивидуум) и «индивидуальность» человека.

Первое из определений встречается лишь в специальных работах по философии естествознания, посвященных рассмотрению фундаментальной проблемы биологии - отношения особи, отдельного индивида к виду, точнее, онтогенеза к филогенезу. Однако за пределами философии естествознания понятия «индивид», «особь» применительно к человеку, его развитию в онтологическом и гносеологическом планах почти не встречаются. Истолкование в общепhilosophическом плане можно уяснить из определения этого слова (индивид, индивидуум) в «Философской энциклопедии» (т. 2), в котором подчеркивается, что индивид - единичный, отдельный, фиксированный, тем или иным способом выделенный отграниченный предмет, отдельная, обособленная сущность или существо, особь, каждый самостоятельно существующий живой организм, отдельная человеческая личность в отличие от человеческих коллективов.

В этом философском определении не проводится какого-либо различия в употреблении терминов применительно к отдельному живому организму вообще и к конкретному человеку.

Можно отметить идентификацию понятий «индивид», «человек» и «личность», поскольку личность противопоставляется коллективам. Термин «индивидуальность» во 2-м томе «Философской энциклопедии» отсутствует, хотя вслед за словом «ин-

дивид» идет большая статья «Индивидуализм», в которой содержится весьма содержательная критика основных буржуазных социологических и этических концепций о личности и ее мнимой независимости от общества.

Позитивные элементы в данной статье касаются общих определений с позиций марксизма-ленинизма личности и ее общественной сущности. Таким образом, касаясь отдельного человеческого существа как сложнейшего целостного организма, общественного деятеля, субъекта познания и практической деятельности, приходится во всех случаях употреблять лишь одно понятие - *личность*.

В 3-м томе «Философской энциклопедии» И.С. Кон начинает весьма интересный обзор проблемы личности в социологии с определений понятий. Он пишет: «Понятие личности следует отличать от понятия индивида и индивидуальности. Понятие «человеческий индивид» обозначает лишь принадлежность к человеческому роду и не включает конкретных социальных или психологических характеристик. Понятие «индивидуальность», с которым оперирует психология, обозначает совокупность унаследованных и выработанных в процессе онтогенеза физических и психических особенностей, отличающих данного индивида от всех остальных. Понятие «личность» обозначает целостного человека в единстве его индивидуальных способностей и выполняемых им социальных функций (ролей)... Личность социальна, поскольку все ее роли и ее самосознание - продукт общественного развития» [Кон И.С., 1964].

Это различие понятий нам представляется близким к истине в отношении индивида и личности, но недостаточным, как будет показано, для определения индивидуальности.

Что касается понятия «личность», то И.С. Кон, как и многие другие философы и социологи, считает относимым именно к личности определение общественной сущности человека. Знаменитое положение К. Маркса о том, что «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отно-

шений»*, обычно интерпретируется как определение сущности личности, хотя можно думать, оно относится ко всем категориям человеческого развития и его состояниям.

Ф.В. Константинов пишет: «...*Личность, человек*, если его не отнести к тому или иному исторически существующему обществу, к той или иной социальной группе, классу, - это наихудшая и самая тощая абстракция» [Константинов Ф. В., 1965] (подчеркнуто нами. - Б.А.). Идентификация понятий человека и личности, однако, не является полной и в работах Ф. В. Константинова. Несколько ранее он писал, что «весь опыт человечества свидетельствуете том, что сущностью человека является совокупность общественных отношений. Это они *в первую очередь формируют личность*, обуславливают его интеллектуальный облик» [Там же, 1964] (подчеркнуто нами. - Б.А.). Допускается, следовательно, некоторое различие между сущностью человека в целом и его личностью.

Но каково это различие с философско-социологической точки зрения? Эти основные понятия так определяет В.П. Тугаринов: «...По своему объему понятия «человек» и «личность» действительно идентичны: три миллиарда людей на Земле суть три миллиарда личностей (минус указанные исключения)» [Тугаринов В.П., 1965, с. 4]. «Но по своему содержанию эти два понятия отнюдь не тождественны. Понятие «личность» указывает на свойство человека, а человек есть носитель этого свойства» [Там же, с. 42]. Далее подчеркивается, что «свойство быть личностью присуще человеку не как биологическому существу, а как социальному существу, то есть общественно-историческому человеку как совокупности общественных отношений» [Там же, с. 43].

Различение человека и личности, субстрата и свойства. весьма важно, причем, как мы видели ранее и потому, что этот субстрат есть носитель многих свойств, не только личности.

Но после такого различия и абстрагирования свойства личности от человека как носителя этого свойства необходимо, по

* Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 3, с. 3.

мнению В.П. Тугаринова, дифференцировать само свойство, представить его более полно как выражение общественной природы человека, совокупность определенных качеств. .

Согласно автору, «личность - это человек, обладающий исторически обусловленной степенью разумности и ответственности перед обществом, пользующийся (или способный пользоваться) в соответствии со своими внутренними качествами определенными правами и свободами, вносящий своей индивидуальной деятельностью вклад в развитие общества и ведущий образ жизни, соответствующий идеалам его эпохи или класса» [Там же, с. 88].

В число основных признаков личности В.П. Тугаринов включает наряду с разумностью, ответственностью, свободой, личным достоинством и индивидуальность.

При этом индивидуальное интерпретируется как неповторимое, присущее только данной личности. Но и в этом смысле индивидуальное все же есть только вариант общезначимого. Самое существенное в индивидуальности, по мнению В.П. Тугаринова, ее направленность. «Индивидуальность становится общественной ценностью, - пишет автор, - лишь тогда, когда ее проявления направлены на служение обществу и общественному прогрессу» [Там же, с. 72].

И.С. Кон также отмечает, что, «будучи социальной, личность в то же время индивидуальна, неповторима, так как данная структура и сочетание ролей и такое именно их осознание характерны лишь для этого человека и ни для кого другого..., одни и те же объективные условия в сочетании с разной индивидуальностью дают разный тип личности» [Кон И. С., 1964, с. 196].

В связи с этим он определяет различие социологического и психологического аспектов в изучении личности, подразумевая приуроченность последнего к анализу индивидуальных параметров личности. В.А. Ядов со ссылкой на И.С. Кона отделяет индивидуальное от социально-типичного в личности и рассматривает лишь последнее в качестве предмета социологического исследования: «Предмет марксистской социологии - общественные отношения, лежащие в основе межличностного или групп-

пового взаимодействия. Поэтому мы полагаем, что индивиды интересуют социолога не как личности в точном смысле слова (индивидуальная неповторимость), но как представители некоторых социальных типов» [Ядов В.С., 1967, с. 21].

Вопрос о личности и индивидуальности человека приобрел особое значение в связи с критикой неотомистского их понимания, персонализма и экзистенциализма. Р. Миллер рассматривает аспекты этих философско-социологических проблем, правильно выделяя положение о том, что «все богатство человеческой природы основано на множественности и разнообразии способов выражения общего в индивидуальном» [Цит. по: Ядов В.С., 1967, с. 162]. «Так как отдельный человек может развить свои индивидуальные задатки, черты характера и т.д. только в обществе, во взаимодействии с другими людьми..., то богатство его индивидуальности является по существу лишь результатом универсального обмена способностями, навыками и потребностями всех» [Там же, с. 136]. Он придает более точное выражение своей мысли в следующем определении: «Индивидуальность человека есть особая связь всеобщих признаков, существенных черт и свойств исторически возникшего, общественного человека, которая вследствие соответствующих конкретных условий жизни каждого отдельного человека всегда принимает и конкретно-индивидуальный вид» [Там же]. Автора занимает в этой взаимосвязи общего и единичного спецификация, с одной стороны, подходов социологии и этики, занимающихся общим (социальным, классовым), проявляющимся в индивидуальном, а с другой - психологии: По мнению Р. Миллера, «в силу предмета своего исследования она больше, чем этика, направлена на индивидуальные различия, на индивидуальные особенности каждого отдельного человека» [Там же, с. 163].

По существу говоря, Р. Миллер, хотя и стремился позитивно разработать философскую теорию индивидуальности, пришел к разделению социально-типического и индивидуального в личности, полагаясь на психологическое признание индивидуальности или индивидуального в личности. Расчеты на психологию высказывались, как мы видели, И.С. Коном и другими в связи с этим аспектом проблемы личности.

Обратимся к определениям этих понятий в нашей психологической литературе. Приходится признать, что сходную с философско-социологической литературой идентификацию понятий «человек» и «личность» и непосредственность понятия «индивидуальность» мы встречаем в психологической литературе.

Идентификация понятий «человек» и «личность» свойственна почти всем ученым, высказывающимся по проблемам психологического целостного изучения человека, независимо от их общетеоретических позиций. Для наглядности приведем аналогичные высказывания различных психологов.

С.Л. Рубинштейн: «Психологическая характеристика человека (личности), очевидно, не может состоять из простой суммы свойств, каждое из которых выражалось бы психологически специфическим ответом на обращенные к нему воздействия. Это означало бы полное расщепление личности и вело бы к прочному механистическому представлению о том, будто бы каждое воздействие на человека «поштучно» определяет свой эффект, независимо от той, обусловленной другими воздействиями динамической ситуации, в которой это воздействие осуществляется. Здесь - центральное звено «психологии личности». Здесь - отправной и конечный пункт для полноценного учения о мотивации. Раскрытие внутренних закономерностей динамических соотношений, через которые преломляются в человеке все внешние воздействия на него, - важнейшая из важнейших задач психологии» [Рубинштейн С.Л., 1957, с. 17].

В 1957 г. С.Л. Рубинштейн еще более определенно высказывается в пользу идентификации понятий «человек» и «личность». Он писал: «Введение в психологию понятия личности означает прежде всего, что в объяснении психических явлений исходят из реального бытия человека как материального существа в его взаимоотношениях с материальным миром. Все психологические явления в их взаимосвязях принадлежат конкретному, живому, действующему человеку; все они являются зависимыми и производными от природного и общественного бытия человека и закономерностей, его определяющих» [Рубинштейн С.Л., 1947, с.30-32].

К.Н. Корнилов: «Для того чтобы уточнить понятие личности, мы должны провести резкое отличие задач, стоящих перед психологией личности от задач общей психологии, хотя последняя также изучает личность человека... Общая психология изучает общие психологические закономерности, присущие всем людям, независимо от их расовых, политических и идеологических воззрений, в то время как психология личности имеет дело с закономерностями частного порядка, присущими данному индивиду, и ставит своей задачей изучение индивидуально-типических особенностей личности...

Мою точку зрения, что «личность в целом» не является и не может являться непосредственным предметом психологии, я обосновываю следующим образом. Понятие личности очень сложно по своей структуре... На долю психологии приходится изучение только психологии сознания, личности» [Корнилов К.Н., 1957, с. 133, 134].

Д.Н. Узнадзе: «Наша наука призвана поставить вопрос о психологическом анализе и изучении закономерностей человеческой деятельности, поскольку она представляет собой предпосылку психической жизни, вырастающей и развивающейся на ее базе. При этом понимание психической активности человека, согласно которому она включает в себя активность субъекта как целого, предполагает, что психология должна приступить к своей работе, исследуя в первую очередь субъект, личность как целое, но не отдельные акты его психической деятельности. Изучение этой деятельности нам покажет в дальнейшем, что и психическая деятельность человека - явление его сознания, изучавшаяся до настоящего времени в известном смысле как самостоятельная, независимая сущность, представляет собой не более как дальнейшие спецификации, определения этого личностного целого» [Узнадзе Д.Н., 1961, с. 167].

Б.М. Теплов: «Большинство психологов согласны с тем, что проблема психологии личности не сводится к проблеме индивидуально-типических различий. Проблемы психологии личности - это проблемы прежде всего общей психологии, а уже затем «индивидуальной» или «дифференциальной» психологии. Не-

достаточная разработанность общей психологии личности является, несомненно, одной из причин явной неудовлетворенности в разработке вопросов индивидуально-психологических различий» [Теплов Б.М., 1956, с. 109].

В.Н. Мясищев: «Современная научная психология сформировала свои принципиальные и исторические позиции. Однако она страдает еще недоразвитием, и существенным пробелом ее является то, что психика рассматривается преимущественно как процессы, но носитель их - личность - изучается недостаточно. Деятельность исследуется в отрыве от деятеля. Объект - процессы психической деятельности - изучается без субъекта - личности» [Мясищев В.Н., 1960, с. 7]. Далее В.Н. Мясищев еще более определенно формирует свою позицию: «Психология безличных процессов должна быть заменена психологией деятельности личности, или личности в деятельности» [Там же, с. 11].

А.Г. Ковалев: «Когда говорят о психологии личности, то некоторые психологи имеют в виду только исследования индивидуально-психологических особенностей человека.

Такое сужение предмета психологии личности неправильно. Психология личности имеет своим предметом духовный мир живой человеческой личности, в котором проявляется единство общего, особенного и единичного» [Ковалев А.Г., 1963, с. 16-17]. Далее А.Г. Ковалев уточняет это положение и пишет: «Спрашивается, что же подлежит исследованию в психологии личности: общее, особенное или индивидуальное? Безусловно, что исследованию подлежит общее и особенное. Как всякая наука, так и психология восходит от единичного к общему. Психолог исследует многочисленный класс индивидуальностей, отвлекаясь от частного и случайного, второстепенного в духовном облике каждого; обобщая данные, он устанавливает закономерное, то есть всегда общее или особенное... Индивидуальное бесконечно разнообразно. Несущественное в индивидуальном научного значения не имеет, от него отвлекаются, хотя в практике работы должно постоянно учитываться как вариант типического или отклонения от типического» [Там же].

У А.Г. Ковалева мы встречаем понятия «индивидуальность», но как видим, он считал возможным исключить это понятие из области так называемой психологии личности.

Обзор теоретических положений работ ученых можно было бы продолжать бесконечно, но мы закончим его высказыванием А.В. Веденова, неоднократно выступавшего со статьями по вопросам психологии личности.

Одна из этих работ называется «Личность как предмет психологии». В этой статье он очень четко определяет свою позицию: «Личность как предмет психологии не является какой-то отдельной частью психологической науки, каким-то отдельным разделом курсов психологии, отдельной главой, расположенной наряду с ее другими разделами. Поскольку психология изучает психическую жизнь человека, она является наукой о психических функциях, процессах и свойствах человеческой личности; закономерности психической жизни человека обусловлены закономерностями развития его личности» [Веденов А.В., 1956, с. 20]. Многие исследователи подчеркивают необходимость вместе с тем ограничить и отграничить область психологии личности, поскольку изучение общественных отношений, составляющих ее сущность, входит в непосредственные задачи марксистской социологии. Различие между авторами становится более острым после такого ограничения, так как одни из них понимают область психологии личности лишь как исследования индивидуально-типических особенностей личности (например, К.Н. Корнилов), а другие полагают, что эта область более широка, включая общую теорию психических свойств человека в их связи с психическими состояниями и процессами (например, Б.М. Теплов), всю совокупность субъективных отношений человека к объективной действительности и самому себе (например, В.Н. Мясищев), основные социально-психологические характеристики личности (например, В.И. Селиванов).

Следует считать бесспорным вопрос о своеобразии социально-психологического изучения личности. Даже более того, личность как объект исследования - общий предмет социологии и социальной психологии, а определение понятия «личность» в

этих науках наиболее адекватно. Что касается определения этого понятия в психологии (общей и дифференциальной), то оно всегда крайне аморфно и охватывает огромный диапазон определений, отличающихся одним лишь общим признаком - психологией личности. Иначе как через выделение курсивом мысли, что изучается не вся личность, а только ее психология, определить специфические черты конкретного, целостного человека не удастся.

Иногда в психологию личности вводят индивида опосредственно как единичное проявление общих свойств нервной системы. Так поступают все современные исследователи нейродинамической типологии человека, несомненно обогащающей психофизиологический фундамент теории личности, если пользоваться общеупотребительной терминологией. Однако В.С. Мерлин и его сотрудники справедливо подчеркивают психологическую многозначность этих свойств, что весьма усложняет непосредственное прямое использование физиологических определений свойств человеческого индивида в контексте истории жизни и деятельности конкретной личности. Такая позиция позволяет включить основные определения индивида в более полное определение личности, хотя оставляет открытым вопрос о том, с какими качественными преобразованиями человека как личности мы встречаемся при таком включении.

Во всяком случае ценные исследования Б.М. Теплова, В.С. Мерлина и их сотрудников вселяют уверенность, что современное научное понимание человека включает единство его природы и истории; личность человека есть эффект их конвергенции, характеристика их постоянной взаимосвязи. Это же положение очень ярко определил С.Л. Рубинштейн в своих последних работах. Преждевременная смерть этого замечательного ученого прервала ход развития глубоких мыслей о психологическом изучении личности, которые были связаны с его общим пониманием диалектико-материалистического детерминизма. Напомним некоторые из этих мыслей, заинтересовавших в свое время многих психологов.

С.Л. Рубинштейн ввел в психологию различение индивидуальных и личностных свойств личности. «Свойства личности

никак не сводятся к ее индивидуальным особенностям, - писал С.Л. Рубинштейн в 1957 г. - Они включают и общее, и особенное, и единичное. Личность тем значительнее, чем больше в индивидуальном преломлении в ней представлено всеобщее. Индивидуальные свойства личности это не одно и то же, что личностные свойства индивида, то есть свойства, характеризующие его как личность» [Рубинштейн С.Л., 1957, с. 30-32].

В этом различении индивидуальных и личностных свойств С.Л. Рубинштейн сделал лишь самые начальные попытки различить понятия «индивид», «личность», «индивидуальность», которые соответствуют главным характеристикам человека. Но это различие носит линейный характер, оно не отражает еще сложнейших обратных связей между этими характеристиками.

О соотношении индивидуальности и личности С.Л. Рубинштейн писал: «Человек есть индивидуальность в силу наличия у него особенных единичных неповторимых свойств, человек есть личность в силу того, что он сознательно определяет свое отношение к окружающему. Человек есть личность, поскольку у него свое лицо. Человек есть в максимальной мере личность, когда в ней минимум нейтральности, безразличия, равнодушия, максимум «партийности» по отношению ко всему общественно значимому. Поэтому для человека как личности такое фундаментальное значение имеет сознание не только как знания, но и как отношения. Без сознания, без способности сознательно занять определенную позицию нет личности» [Там же]. Вместе с тем С.Л. Рубинштейн оговаривается, что в данное определение должны входить также и неосознанные тенденции личности, вообще все то, что составляет «ядро» личности, ее «я».

Таким образом, в личностные свойства входят ее направленность, тенденции, черты характера и способности, поскольку они являются обобщенными результатами деятельности и ее потенциалами.

Осталось неучтенным определение индивидуальных свойств, к которым относятся не только «неповторимые» явления индивидуальности, но, как можно думать из всего подтекста этой работы С.Л. Рубинштейна, природные свойства индивида, кото-

рым он всегда придавал большое значение. Таким образом, индивидуальное фигурирует и в собственном смысле как психологическая неповторимость отдельного, единичного человека, взятого в целом, во всех его свойствах и отношениях, так и в естественнонаучном толковании как индивида с комплексом определенных природных свойств. Подобное сближение, а в некоторых случаях и отождествление оправдано тем, что индивидуальность всегда есть индивид с комплексом природных свойств, хотя, конечно, не всякий индивид является индивидуальностью.

На наш взгляд, как будет показано далее, этому индивиду нужно стать личностью. Сложные субординационные, «иерархические» связи индивид - личность - индивидуальность будут рассмотрены ниже. Здесь ограничимся замечанием, что С.Л. Рубинштейн ясно сознавал невозможность понимания личности как совокупности внутренних условий, через которые действует социальная детерминация, без достаточного учета комплекса ее природных свойств. Другое дело, что этот комплекс им обозначался то как индивид, то как индивидуальность. Важнее здесь отметить то, что личность, помысли С.Л. Рубинштейна, обязательно включает в себя и преобразует комплекс природных свойств конкретного («единичного») человека.

Посмертно был опубликован незаконченный труд «Человек и мир», в котором С.Л. Рубинштейн предполагал развить свою концепцию личности [1972].

Иначе думал, как известно, К.Н. Корнилов. Указывая на сложность понятия человеческой личности, он признавал в качестве генетической основы этого понятия данные антропологии. «Вместе с тем, - писал он, - никаких вопросов о личности здесь еще нет, поскольку речь идет о человеке, который находился еще на предысторическом этапе своего развития» [Корнилов К.Н., 1967, с. 135]. Подобный взгляд на антропологию развивают, как это ни странно, многие антропологи, а поэтому нельзя требовать от автора психологической работы более широких взглядов на предмет антропологии. Но вот что далее писал К.Н. Корнилов о структуре человеческого организма, не имею-

щей, на его взгляд, никакого отношения к личности: «В структуре человеческого организма мы имеем далее биологические особенности, изучаемые биологическими науками, в том числе и физиологией человека с ее учением о высшей нервной деятельности, вскрывающим естественнонаучные основы психических процессов. Но и здесь - ни в одной из биологических наук - не возникает еще вопрос о личности человека» [Там же, с. 137].

Подобная позиция тем более трудно объяснима, что сам К.Н. Корнилов ограничивал психологию личности лишь изучением индивидуально-типических особенностей, тесно связанных, как ранее он признавал, с природными свойствами человека.

Краткое обозрение основных взглядов на психологические подходы к изучению личности, индивидуальности, индивида показало, что основным, даже единственным, понятием в этой области признается понятие «личность». Большинство отечественных психологов в это понятие включает и комплекс природных свойств, психологическая многозначность которых определяется системой общественных отношений, в которую включена личность.

Подобное понимание в сжатом виде и изложено А.В. Петровским в статье «Личность в психологии», продолжившим рассмотрение проблемы личности, начатое И.С. Коном в «Философской энциклопедии». «Человеческую личность, - пишет А.В. Петровский, - характеризует система отношений, обусловленных ее жизнью в обществе. В процессе отражения объективного мира активно действующая личность выступает как целое, в котором познание объективного осуществляется в единстве с его переживанием» [Петровский А.В., 1964, с. 21]. Употребляется понятие «психологический склад личности», который является, по словам автора, «производным от деятельности человека и детерминирован прежде всего развитием общественных условий его жизни» [1964]. Слово «индивидуальность» используется как идентичное неповторимости в следующем описании психических свойств личности. «К психическим свойствам личности относятся характер, темперамент, способности человека, совокупность преобладающих чувств и мотивов его деятельности, а так-

же особенности протекания психических процессов. Это неповторимое в своей индивидуальности сочетание свойств у каждого конкретного человека образует устойчивое единство, которое можно рассматривать как относительное постоянство психического облика или склада личности» [Платонов К.К., 1965, с. 19-20].

В этих определениях многие характеристики человека как психофизического существа - индивида, личности, индивидуальности - как бы перекрывают друг друга. Из всего набора необходимых для полного определения свойств человека не указывалось специально понятие «субъект», которому придавали важное значение С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе и др.

В последнее время определение личности как субъекта было дано К.К. Платоновым. «Личностью, - пишет он, - является конкретный человек как носитель сознания. Как только у ребенка начинает появляться сознание, он начинает становиться личностью, - продолжает автор. - Чем полнее у человека развито сознание и его высшая форма - самосознание, тем полнее и ярче развита его личность. Психические болезни являются одновременно и болезнями сознания, и болезнями личности. Нарушая различные стороны сознания, они тем самым разрушают личность» [Платонов К.К., 1965, с. 37]. Все остальные определения личности, ее свойств, отношений и структур являются, согласно этой точке зрения, производными от определения личности как носителя сознания - субъекта. Среди них К.К. Платонов отмечает понятие «я». «Иногда понятия «личность» и «я» отождествляются, с чем, однако, согласиться нельзя. «Личность» - понятие более широкое, а «я» связано в основном с осознанием противопоставления себя окружающему миру и с понятием ответственности сознания» [Там же, с. 35].

Определение личности посредством понятия субъекта позволяет выделить комплекс важных характеристик личности. Однако сама трактовка субъекта как носителя сознания ограничивает не только понятие субъекта, но и личности, поскольку исключает из сферы ее психического развития бессознательные или несознаваемые переживания, мотивы, установки и т.д. Впрочем, даже и при таком расширении понятия личности оно не

исчерпывается лишь психологическими характеристиками, поскольку ее статус и социальные функции сами являются определителями этих характеристик.

Наш краткий обзор определений понятий показывает тесную взаимосвязь этих дефиниций, тенденцию к идентификации наиболее близких из них, широко распространенные способы раскрытия одних свойств через определение других. Подобное положение лишь частично объясняется недостаточной теоретической разработкой проблемы структуры человека и взаимодействия в ней различных классов свойств. В основном это положение отражает объективную взаимосвязь различных классов свойств в целостной структуре человека, имеющего, как мы знаем, многие генетические линии развития и гетерохронно протекающие изменения различных свойств этой структуры.

Личность как общественный индивид всегда выполняет определенную совокупность общественных функций. Каждая из этих функций осуществляется путем своеобразного общественного поведения, строится в виде известных процедур поведения и обуславливающих их мотиваций. Эти процедуры, мотивы и общественные функции личности в целом детерминированы нормами морали, права и другими явлениями общественного развития. Они ориентированы на определенные эталоны общественного поведения, соответствующие классовому сознанию или господствующей идеологии. Любая деятельность человека осуществляется в системе объектно-субъектных отношений, то есть социальных связей и взаимосвязей, которые образуют человека как общественное существо - личность, субъекта и объекта исторического процесса.

Деятельность (труд, общение и познание, игра и учение, спорт и самодеятельность разных видов) осуществляется лишь в системе этих связей и взаимозависимостей. Поэтому субъект деятельности - личность и характеризуется теми или иными правами и обязанностями, которые общество ей присваивает, функциями и ролью, которую она играет в малой группе, коллективе и обществе в целом...

...Говоря о том, что субъект деятельности - личность, мы должны иметь в виду, что оба эти определения человека взаимосвязаны в такой мере, что субъект - общественное образование, а личность образуется и развивается посредством определенных деятельностей в обществе. Именно личность, а не организм человека, не природный индивид, рассматриваемый в сфере биологических законов, - носитель свойств человека как субъекта. Поэтому для обнаружения этих свойств необходимо исследовать человека как личность в системе общественных отношений. Сложнейшая целостная структура человека как субъекта раскрывается лишь на социальном уровне развития человека как личности. Уровень активности человека и социальный уровень его существования в общем совпадают. Однако уже из противоречия между развитием деятельности и реальным положением человека в обществе видно, что совпадение субъекта и личности относительно. Больше того, именно расхождение между ними составляет главнейшую психологическую форму человеческой истории. Ранг личности, ее масштаб и роль в классовом антагонистическом обществе определяются множеством факторов, не имеющих никакого отношения к продуктивности основных деятельностей.

...Один из факторов обуславливающий обособление в человеке личности и субъекта, это позиции личности в обществе, в сложной системе иерархии отношений. Всякого рода привилегии (сословные, классовые, расовые, национальные, профессиональные и т.д.) определяют престиж, репутацию и популярность личности независимо от ее личных свойств и вклада в общественное развитие. Активность личности может выступать и в форме использования этих привилегий как средства воздействия на других людей и присвоения продуктов их деятельности силой привилегий. В такой позиции свойства субъекта не имеют какого-либо значения для личности, объективно формирующейся согласно экстремистской и агрессивной стратегии присвоения путем отчуждения продуктов деятельности других людей, а подчас и их потенциалов.

Лишь с ликвидацией эксплуатации человека человеком лич-

ность в полной мере становится субъектом, и ее истинная ценность начинает измеряться творческим вкладом в общественное развитие. Легко заметить, что совпадение личности с субъектом определяется экстерниоризацией, социальной отдачей личности. Этой экстерниоризации, конечно, предшествует длительная история развития личности путем интериоризации, однако впоследствии между этими двумя линиями развития явно возрастает перевес экстерниоризации над интериоризацией. В психическом развитии человека потребление культурных ценностей находится в определенной зависимости от производства самим человеком какого-то минимума этих ценностей. Но это особый вопрос, требующий специального рассмотрения в дальнейшем. В данный момент важно подчеркнуть, что в единой структуре человека характеристика субъекта деятельности в обществе так или иначе взаимосвязана с характеристиками человека как личности, то есть члена определенного общества, класса, сословия, профессиональной группы и т.д. Однако в этой взаимосвязи имеются ограничения в результате действия двух рассмотренных выше факторов, вследствие чего возможно относительное «отделение» личности от свойств субъекта, то есть расщепление структуры человека.

Совпадение личности и субъекта относительно даже при максимальном сближении их свойств, так как субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой их продуктивности, а личность - совокупностью общественных отношений (экономических, политических, правовых, нравственных и т.д.).

Это различие в характеристиках исторически изменяется, усиливаясь по мере развития антагонистического общества и ослабляясь в ходе общественного развития по социалистическому пути. Однако это различие сохранится, вероятно, во все времена, поскольку деятельность и отношения, ею порождаемые и ее определяющие, не могут быть полностью идентичными в социальном и психологическом аспектах.

Субъект, таким образом, всегда личность, а личность - субъект, но субъект не только личность, а личность не только субъект, так как, помимо различия самих характеристик деятельности и

отношений, существует еще различие в принадлежности этих характеристик к более общим структурам. Дело в том, что личность как общественный индивид не есть отдельная (саморегулирующаяся) система, не есть единичный элемент общества, из совокупности которых строится и с помощью которых функционирует общество. Такой структурной единицей, «элементом» общества является не отдельный человеческий индивид с его отношениями к обществу, а группа, взаимовыгодные связи которой внутри нее и между другими группами, к обществу в целом создают коллектив.

Каждая группа (малая или большая) имеет структуру и инструкции, определяющие функции и роль каждого ее представителя. Понятие человека не ограничивается понятием личности, и, безусловно, прав был А.С. Макаренко, полагавший, что отношение личности к обществу осуществляется посредством коллектива, равно как и отношение общества к личности осуществляется через коллектив. Тем более если проводить такое ограничение последовательно, личность не входит в какие-либо связи с природой, абиотическими и биотическими факторами окружающей среды помимо тех или иных общественных функций по использованию или охране природных ресурсов общества.

Эстетическое отношение к природе связано с общим типом общественных отношений и нравственными идеалами личности как члена определенного класса, сословия, профессии и т.д. Больше того, личность, непосредственно связанная со структурой своей группы и общества, не входит в непосредственные связи и с природой данного индивида, за исключением некоторых из его свойств. К таким исключениям можно отнести возрастно-половые свойства природной организации человека. Поэтому личность является только социальным образованием, объектом и субъектом исторического процесса. Ни социологические, ни биосоциальные концепции не могут раскрыть ее сущность и свойства, существующие в форме многообразных общественных отношений.

Формирование личности путем интериоризации - присвоения продуктов общественного опыта и культуры в процессе вос-

питания и обучения - есть вместе с тем освоение определенных позиций, ролей и функций, совокупность которых характеризует ее социальную структуру.

Все сферы мотивации и ценностей детерминированы именно этим общественным становлением личности.

Приведем ряд характеристик личности, ее основных параметров. Личность - прежде всего современник определенной эпохи, и это определяет множество ее социально-психологических свойств. В той или иной эпохе личность занимает определенное положение в классовой структуре общества. Принадлежность личности к определенному классу составляет другое основное ее определение, с которым непосредственно связано положение личности в обществе. Отсюда также следуют экономическое состояние и род деятельности, политическое состояние и род деятельности как субъекта общественно-политической деятельности (как члена организации); правовое строение и структура прав и обязанностей личности как гражданина, нравственное поведение и сознание (структура духовных ценностей). К этому следует добавить, что личность всегда определяется и характеристикой ее движения как сверстника определенного поколения, семейной структурой и положением ее в этой структуре (как отца или матери, сына и дочери и т.д.). Весьма существенной характеристикой человека как личности является ее национальная принадлежность, а в условиях расовой дискриминации капиталистического общества - и принадлежность к определенной расе (привилегированной или угнетенной), хотя сама раса не является социальным образованием, а есть феномен исторической природы человека.

Таким образом, все перечисленные выше характеристики личности есть действительно характеристики и общественных отношений и функций, ими определяемых. Для этих характеристик не всегда существенны свойства человека как субъекта и почти не имеют значения природные свойства человека как индивида. Любые из них могут быть включены в любые из социальных связей.

Личность как общественный индивид всегда выполняет оп-

ранта очерчена границами между молодым и средним возрастом, но повышение квалификации или участие в системах самообразования не имеет у нас каких-то возрастных лимитов.

Весьма интересная картина представляется в области трудового законодательства и социального обеспечения. Здесь верхняя граница трудоспособности определена у нас для мужчин в 60 лет, для женщин - в 55 лет, которая одновременно является нижней пенсионной границей. На этом пороге прекращает свое действие обязанность трудиться, но сохраняется право на труд, совмещающийся с правом на социальное обеспечение. Более отдалены верхние пределы общественных деятельностей, различных видов самодеятельности, не имеющих жестких возрастных лимитов. Все это важные моменты развития человека как общественного индивида, участвующего в различных социальных структурах, но находящегося всегда в определенной фазе психофизиологического развития. Современная отечественная психология уделяет большое внимание индивидуально-типическим особенностям личности, соотнеся типические отражения в личности типических характеров эпохи с типическими в смысле констелляции нейродинамических свойств человеческой природы. Эта нейродинамическая констелляция, равно как и характерологические особенности, ни в какой мере не сказывается на модификации прав и обязанностей личности в обществе, не определяет регулирования нижних и верхних пределов того или иного вида общественного функционирования человека.

...Но в современном обществе значение общественных регуляторов имеют не эти соотношения, равно как и любые другие индивидуально-типические различия, а возрастные и половые различия, что обеспечивает более высокий уровень заботы государства о женщине.

Планирование, программирование и проектирование любых оптимальных режимов воспитания, организации труда, быта, отдыха и т.д. также невозможно без возрастно-половых характеристик личностей, на которые ориентированы эти режимы, как невозможно какое-либо планирование производства без общего расчета трудоспособного населения. Известно, что планирова-

ние систем распределения, обслуживания, образования, здравоохранения невозможно без точного учета возрастно-половой структуры народонаселения, обеспечивающей вероятность учета материальных и духовных потребностей каждой конкретной личности.

Ранее высказанные нами положения о взаимопроникновении онтогенетической эволюции и жизненного пути человека уместно напомнить здесь, так как личностные преобразования всегда связаны с возрастно-половыми и индивидуально-типическими изменениями. Эти противоречивые связи особенно проявляют себя в динамике и структуре потребностей, установок, интересов, в общей мотивации поведения и ценностных ориентаций личности...

Некоторые черты психологической структуры личности

Теоретическое и экспериментальное исследование структуры личности составляет одну из новейших областей психологии. Становление этой области имеет давнюю историю, которую еще следует критически изучить в целях более глубокого понимания истоков структурного исследования личности. Это отмечено В.Г. Норакидзе, который писал недавно, что «уже с момента зарождения научной психологии было подмечено, что личность представляет собой не только множественность, но и одновременно структуру. Эта структура подчиняется общим законам, и для изучения индивидуального своеобразия личности необходимо знание общей структуры психики; тогда же было указано, что формирование структуры обусловлено определенными факторами» [Норакидзе В.Г., 1966, с. 11]. В нашем столетии эта проблема ставилась и решалась в соответствии с теоретическими позициями различных концепций, критически рассмотренных В.Г. Норакидзе. Он показал, что «в зарубежной психологии не удалось согласовать множественность психической жизни личности с фактом целостности ее структуры; не удалось дать монистическое объяснение этим двум фактам, рас-

смотреть целостность личности, типологию этой целостности в единстве с породившими ее факторами» [Там же, с. 22]. Однако накопление научных данных и все более расширяющаяся сфера явлений человеческого развития, изучаемая экспериментальной психологией, свидетельствуют об известном прогрессе структурного анализа личности, особенно в отечественной психологии, материалистический монизм и историзм которой позволяют ставить и решать проблему структуры личности на объективном основании. Одной из проб такого объективного и монистического определения структуры личности с позиций теории установки является труд В.Г. Норакидзе, экспериментальные исследования которого обнаружили особое значение фиксированной установки в характерообразовании, - одной из важнейших сторон процесса становления структуры личности.

Среди многих интересных работ по теории личности, ее *структуры* в психологии особенно выделяются работы А.Г. Ковалева, В.Н. Мясищева и К.К. Платонова, расхождения между которыми в толковании понятия структуры личности весьма характерны для современного состояния проблемы.

А.Г. Ковалев ставит вопрос о целостном духовном облике личности, его происхождении и строении как вопрос о синтезе сложных структур: темперамента (структуры природных свойств), направленности (система потребностей, интересов и идеалов), способностей (система интеллектуальных, волевых и эмоциональных свойств). Все эти структуры возникают из взаимосвязи психических свойств личности, характеризующих «устойчивый, постоянный уровень активности, обеспечивающий наилучшее приспособление индивида к Бездействующим раздражителям вследствие наибольшей адекватности их отражения. В процессе деятельности свойства определенным образом связываются друг с другом в соответствии с требованиями деятельности» [Ковалев А.Г., 1963, с. 11].

Так складываются, по мнению А.Г. Ковалева, сложные структуры, синтезом которых является личность.

В психологической литературе высказываются различные мнения относительно уровня интеграции, характеризующего

структуру личности. В своей известной концепции психологии отношения В.Н. Мясищев единство личности характеризует *направленностью, уровнем развития, структурой личности и динамикой нервно-психической реактивности* (темпераментом). С этой точки зрения, структура личности есть лишь одно из определений ее единства и целостности, то есть более частная характеристика личности, интеграционные особенности которой связаны с мотивацией, отношениями и тенденциями личности.

Согласно В.Н. Мясищеву, «вопросы структуры - это... соотношения содержательных тенденций, они, реализуясь в различных видах деятельности, связанных с условиями жизни соответственного исторического момента, вытекают из основных отношений, то есть стремлений, требований, принципов и потребностей... структура более отчетливо обнаруживается в относительной определяющей роли отдельных потребностей. Еще более характерным оказывается интегральное соотношение основных тенденций личности, которое позволяет говорить о гармоничности, цельности, единстве или двойственности, расщепленности, отсутствии единства личности» [Мясищев В.Н., 1969, с. 38].

Иначе представляет себе уровень интеграции в структуре личности К.К. Платонов. Он подчеркивает необходимость более точного определения этого понятия, говоря о *динамической функциональной структуре* личности и указывая на возможности более детальной и более общей характеристики. «*Наиболее общей структурой личности является отнесение всех ее особенностей и черт к одной из четырех групп, образующих четыре основные стороны личности...*» [Платонов К.К., 1965, с. 37]. Эти группы следующие: 1) социально обусловленные особенности (направленность, моральные качества); 2) биологически обусловленные особенности (темперамент, задатки, инстинкты, простейшие потребности); 3) опыт (объем и качество имеющихся знаний, навыков, умений и привычек); 4) индивидуальные особенности различных психических процессов. Взаимосвязь между этими группами особенностей при ведущей роли так называемых социально обусловленных свойств образует структуру личности, являющуюся таким образом, по К.К. Платонову,

наиболее высоким уровнем интеграции в сфере явлений личности.

Нам представлялось целесообразным не противопоставить, а *сопоставить* различные взгляды по степени интеграции личностных свойств в структуре личности, так как противоречивые взгляды отражают объективную сложность взаимопереходов между интегрированностью и дифференцированностью явлений развития личности.

С одной стороны, это развитие действительно есть возрастающая по масштабам и уровням интеграция - образование крупных «блоков», систем или структур, синтез которых в определенный момент жизни человека выступает как наиболее общая структура личности. Напомним, что С.Л. Рубинштейн считал специфическим для психического развития *личности* именно интеграцию. Так, способности определялись им как «закрепленная в индивиде система обобщенных психических деятельностей» [Рубинштейн С.Л., 1959, с. 125], а характер - как «закрепленная в индивиде система генерализованных обобщенных психических деятельностей» [Там же, с. 134]. С другой стороны, развитие личности есть и все возрастающая дифференциация ее психофизиологических функций, процессов, состояний и личностных свойств, соразмерная прогрессирующей интеграции. Естественно, изменение в объеме и способах организации свойств, составляющих структуру личности, связано с реальным составом этой структуры, с конкретными характеристиками ее компонентов. К.К. Платонов правильно подчеркивает, что «с понятием структуры диалектически связано понятие элементов. Вне этой диалектики любую структуру достаточно глубоко понять невозможно. .. структура личности меняется в зависимости от ее элементов» [Платонов К.К., 1965, с. 37]. Он вводит также понятие «*структурной единицы личности*» [Там же, с. 39], в которой выступают взаимосвязанные стороны личности.

Теоретические поиски в этой области хотя и противоречивы, но весьма полезны именно для понимания конвергентных и дивергентных отношений между интеграцией и дифференциацией явлений личностного развития.

Рассмотрение статуса, социальных функций и ролей, целей деятельности и ценностных ориентаций личности позволяет понять как зависимость ее от конкретных социальных структур, так и активность самой личности в общем процессе функционирования тех или иных социальных (например, производственных) образований. Современная психология все более глубоко проникает в связь, существующую между *интериндивидуальной структурой* того социального целого, к которому принадлежит личность, и *интериндивидуальной структурой* самой личности. Многообразие связей личности с обществом в целом, различными социальными группами и институтами определяет интраиндивидуальную структуру личности, организацию личностных свойств и ее внутренний мир. В свою очередь сформировавшиеся и ставшие устойчивыми образованиями комплексы личностных свойств регулируют объем и меру активности социальных контактов личности, оказывают влияние на образование собственной среды развития.

Как и всякая структура, интраиндивидуальная структура есть целостное образование и определенная организация свойств. Функционирование такого образования возможно лишь посредством взаимодействия различных свойств, являющихся компонентами структуры личности. Исследование *компонентов*, относящихся к разным уровням и сторонам развития личности, при структурном изучении этого развития обязательно сочетается с исследованием различных видов *взаимосвязей* между этими компонентами. Известно, что далеко не все психофизиологические функции, психические процессы и состояния входят в структуру личности. Из множества социальных ролей, установок, ценностных ориентаций лишь некоторые входят в структуру личности. Вместе с тем в эту структуру могут войти свойства индивида, многократно опосредствованные социальными свойствами личности, но сами относящиеся к биофизиологическим характеристикам организма (например, подвижность или инертность нервной системы, тип метаболизма и т.д.). Структура личности включает, следовательно, структуру индивида в виде наиболее общих и актуальных для жизнедеятельности и поведения ком-

плексов органических свойств. Эту связь нельзя, конечно, понимать упрощенно как прямую корреляционную зависимость структуры личности от соматической конституции, типа нервной системы и т.д.

Новейшие исследования показывают весьма сложные корреляционные плеяды, объединяющие разные социальные, социально-психологические и психофизиологические характеристики человека. Факторный анализ позволяет выявить вес, относительное значение групп или комплексов разнородных характеристик, в которые входят некоторые нейродинамические свойства (сила, динамичность, подвижность нервных процессов) и конституционально-биохимические особенности организма (обмена веществ, энергетического баланса, морфологической структуры тела). В коллективном комплексном исследовании нашей лаборатории дифференциальной психологии и антропологии* получены серии корреляционных плеяд.

Следовательно, определенный комплекс *коррелируемых свойств* индивида (возрастно-половых, нейродинамических, конституционно-биохимических) входит в *структуру личности*.

В современной науке идеи сложных динамических структур, объединяющих социальные и психофизиологические особенности человека, приобретают все большее значение. В этом направлении строятся различные новейшие интерпретации связей внешней и внутренней направленности личности (ее экстра и интравертированности) с различными энергетическими, впервые описанными К. Юнгом, и нейрофизиологическими характеристиками человека, полученными Г. Айзенком и др. В отечественной психологии накоплен экспериментальный опыт, включающий именно эти характеристики. А.Г. Ковалев и В.Н. Мясичев выделяют в качестве основных структурных особенностей личности соотношения социальных и индивидуальных тенденций в синтезе свойств личности. Они указывают, что «основные структурные особенности личности определяются господством односторонних лично-эгоистических (индивидуалистических) тенденций или безличной социальностью в связи с подавлением инди-

* В исследовании принимали участие Г.И. Акинщикова, М.Д. Дворяшина, Т.П. Кистер, И.М. Палей, Н.А. Розе, Н.Н. Обозов, К.Д. Шафранская, аспиранты, лаборанты и студенты факультета психологии ЛГУ.

видуальности, или гармоническим синтезом социального и индивидуального в личности, или внутренним противоречием социального и индивидуального, или, наконец, приспособительным прикрытием индивидуального внешнесоциальным» [1963, с. 28].

Согласно известной концепции В.Н. Мясищева [1960], единство личности характеризуется *направленностью, уровнем развития, структурой личности и динамикой* темперамента, именно со структурными особенностями личности связываются мера и своеобразие ее целостности.

Иначе подходит к «структуре психической жизни личности» А.Г. Ковалев. Он полагает, что эта структура образуется путем соотношения психических процессов, психических состояний и психических свойств личности. А.Г. Ковалев пишет, что «развитие психической деятельности идет от динамического ко все более устойчивому. Чрезвычайно динамичны психические процессы, менее динамичны состояния, устойчивы психические свойства личности... Вместе с тем образование свойств не снимает динамичности психических процессов, а упорядочивает ее. Развитие идет от разрозненных свойств к сложным интегральным образованиям или структурам: направленности, способности, характера. Синтез структур характеризует целостный духовный облик человека». [Ковалев А.Г., 1963, с. 16].

А.Г. Ковалев, относя к числу сложных структур и темперамент, называет его «структурой природных свойств» (нейродинамические свойства мозга). Сложными структурами также он считает *направленность* (система потребностей, интересов и идеалов), *способности* (система интеллектуальных, волевых и эмоциональных свойств). Структуры представляют собой высший уровень регуляции деятельностью и поведением в соответствии с требованиями ситуации и предмета труда. В синтезе эти структуры составляют своеобразный духовный облик, или характер человека. Многообразие этих структур влияет на существо внутренних противоречий, к которым А.Г. Ковалев относит те из них, которые возникают вследствие неравномерного развития отдельных сторон личности: противоречия между притязаниями личности и ее объективными возможностями, противоречия между чувственным и логическим в процессе отражения, а так-

же разумом и чувством, несоответствия природных данных приобретенным свойствам личности и т.д.

Статус и социальные функции - роли, мотивация поведения и ценностные ориентации, структура и динамика отношений - все это характеристики личности, определяющие ее мировоззрение, жизненную направленность, общественное поведение, основные тенденции развития. Совокупность таких свойств и составляет характер как систему свойств личности, ее субъективных отношений к обществу, другим людям, деятельности, самой себе, постоянно реализующихся в общественном поведении, закрепленных в образе жизни. *Переход отношений в черты характера* - одна из основных закономерностей характерообразования. Впервые эта закономерность была обнаружена А.Ф. Лазурским, для которого отношения личности и генезис характерообразования оказались категориями одного порядка.

В его программе исследований в целях классификации личностей было выделено 15 групп отношений личности к различным явлениям природы, общества, ценностям, к себе, ко всему, что составляет *объекты* этих отношений. В эти 15 групп входят отношения к вещам, природе и животным, отдельным людям (равным, высшим и низшим по общественному положению), социальной группе (общественное и корпоративное сознание), противоположному полу (чувственная и романтическая любовь), семье, государству, труду, материальному обеспечению, собственности, к праву и нормам поведения, нравственности, мировоззрению и религии, науке и искусству, к самому себе (к своей физической и психической жизни, к своей личности). Личность в этом смысле есть *субъект* отношений. Вслед за А.Ф. Лазурским В.Н. Мясищев и его ученики развивают эту плодотворную концепцию, в которой единство и многообразие личности раскрываются через взаимосвязь и многообразие отношений. *Структурной интеграцией отношений* является именно *характер* личности.

Крупнейшим вкладом в теорию личности и характерологию является педагогическое учение А.С. Макаренко... Это учение необычайно глубоко показало формирование личности как члена микро- и макрогрупп (коллектива), через которые личность входит в более широкие системы общественных связей и взаимозависимостей. В процессе социального формирования чело-

века складывается его нравственный опыт, постоянно практикуемый в общественном поведении, а вместе с ним комплекс ценностей и собственных свойств человека.

А.Ф. Лазурский полагал, что личности различаются по преобладанию в них внешних и внутренних источников развития («экзопсихики» и «эндопсихики»). Впоследствии К. Юнг предложил известную классификацию экстра- и интравертированных личностей. Е. Блейлер, Э. Кречмер, А. Адлер и другие использовали различные принципы социально-внешней и индивидуально-внутренней ориентации личности в качестве критериев ее определения.

Однако социальный генезис характерологических свойств, включая эгоцентрические, аутистические и антисоциальные черты личности, оставался закрытой книгой до тех пор, пока исследование процесса формирования *отношений* личности не было совмещено с изучением *взаимоотношений* между людьми, начиная с раннего детства, в той или иной структуре социальной группы. Именно в этом плане педагогический опыт и учение А.С. Макаренко были своего рода психологическим открытием, поскольку раскрывался *социогенез* характера, прослеживался переход внешних коллективных взаимосвязей во *внутренние* отношения человека к окружающему миру.

Человек становится субъектом отношений по мере того, как он развивается во множестве жизненных ситуаций в качестве *объекта отношений* со стороны других людей, коллектива и руководителей, людей, находившихся в различных социальных позициях и играющих различные роли в истории его развития.

Переход взаимоотношений, *интериндивидуальных связей*, функционирующих в определенных обстоятельствах жизни, в интраиндивидуальные связи является обязательным условием образования структуры личности и ее характера. Таков основной вывод из цикла исследований, проведенных нами совместно с группой сотрудников в секторе психологии Института по изучению мозга им. В.М. Бехтерева.

На основании индивидуально-монографических и социально-психологических исследований мы пришли к выводу, что существует определенная объективная последовательность в процессе характерообразования. Раньше всего непосредственно

в жизни социальной группы из взаимоотношений между ее членами возникают отношения личности к другим людям,* которые, закрепляясь в практике общественного поведения, превращаются в наиболее общие и первичные черты характера, названные нами *коммуникативными*.** Эти черты характера в свою очередь становятся внутренним основанием для образования других характерологических свойств (интеллектуальных, волевых, эмоционально-мотивационных и др.).

Все эти свойства, базирующиеся на коммуникативных свойствах характера, возникают в процессе развития от тех или иных видов деятельности, из разнообразных отношений к жизненным обстоятельствам и событиям.

Длительные (лонгитюдинальные) наблюдения за одними и теми же детьми позволили проследживать развитие этих отношений, многократно проявляющихся в жизненных ситуациях, их превращение во внутренние свойства личности, если они *подкреплялись* всей системой воспитания и опытом общественного поведения самих детей.

Наиболее поздним (по сравнению с другими свойствами) является образование отношений формирующегося человека к самому себе. Во всех видах деятельности и поведения эти отношения следуют за отношениями к ситуации, предмету и средствам деятельности, другим людям. Лишь пройдя через многие объекты отношений, сознание становится само объектом в самосознании. Требуется накопление опыта множества подобных осознаний себя субъектом поведения и реализации в поведении, чтобы эти отношения к себе превратились в свойства характера, которые мы назвали рефлексивными.

Однако именно эти свойства, хотя и являются наиболее поздними и зависимыми от всех остальных, *завершают* структуру характера и определяют его *целостность*. В этом смысле они наиболее тесно связаны с целями жизни и деятельности, ценностными ориентациями, установками, выполняя функцию саморегулирования и контроля развития.

* Эти отношения фиксируются в виде определенных позиций, рангов популярности, репутации, престижа, авторитета и т.д.

** Эти свойства включают способы общения и общительности, привязанности и вкуса.

Прошло более четверти века с тех пор, и, как нам представляется, развитие характерологии в общем подтверждает такие представления о процессе характерообразования. Особенно показательны новейшие данные о коммуникации и их роли в динамике структурных особенностей личности, о регулятивном значении осприятия и понимания человека человеком для процесса общения и самопознания. Социальная перцепция и взаимопонимание в процессе общения зависят от характера информации о людях, особенностей приема и переработки ее в социальном развитии личности.

О генетическом значении этой информации для психического развития личности свидетельствуют современные исследования, посвященные восприятию человека человеком - социальной перцепции. Эта форма восприятия, как показал А.А. Бодалев [1965], составляет психологический аспект процесса коммуникации и информационно-регулирующий механизм общественного поведения. Нам особенно хотелось бы подчеркнуть характерологический смысл этих исследований. Экспериментальные данные А.А. Бодалева и его сотрудников показывают, что с накоплением и обобщением опыта общения повышается уровень социальной перцепции и саморегуляции поведения. В сфере осприятия проявляется общая закономерность характерообразования - образование рефлексивных свойств личности на основе коммуникативных.

На любом уровне и при любой сложности *поведения* личности существует взаимозависимость между *информацией* о людях и межличностных отношениях, *коммуникацией и саморегуляцией* поступков человека в процессе общения, преобразованиями *внутреннего мира* самой личности. Поведение человека выступает не только как сложный комплекс видов социальных деятельности человека, с помощью которой опредмечивается кружащая его природа, но и как общение, практическое взаимодействие с людьми в различных социальных структурах.

Внутренний план и программы поведения личности в обществе не исчерпываются установками и другими формами

мотивации. - Исследование социального статуса и социальных ролей личности, то есть объективных характеристик, выявляет активное участие самой личности в изменении статуса и соци-

альных функций. Сложный и долговременный характер активности субъекта является показателем приспособленности к отдельным ситуациям не только тактик поведения, но и *стратегий* достижения посредством этих тактик далеких целей, общих идей и принципов мировоззрения.

Именно стратегическая организация поведения включает интеллект и волю в структуру личности, соединяя их с потребностями, интересами, всей мотивацией поведения личности. В реальном процессе поведения взаимодействуют все «блоки» коррелируемых функций (от сенсомоторных и вербально-логических до нейрогуморальных и метаболических). При любом типе корреляции в той или иной степени изменяется человек в целом как личность и как индивид (организм). Однако сохранению целостности организма и личности способствуют только те коррелятивные связи, которые соответствуют объективным условиям существования человека в данной социальной и природной среде. Общая организация свойств личности в определенной структуре еще далеко не изучена. Предстоит многое сделать для определения типов или видов связей между этими свойствами. Вероятно существование не только функциональных зависимостей между ними, но и других зависимостей (каузальных, структурных, генетических и т.д.). Все большее значение для такого исследования связей в интраиндивидуальной структуре приобретут методы корреляционного, факторного, дискриминантного анализов. Нельзя, однако, недооценивать важность теоретических конструкций и различных идеализированных схем построения таких структур.

И.М. Палей сопоставил различные принципы построения таких структур в зарубежной психологии личности, особенно иерархической и автономной. В первой из них он, как и Г. Айзенк, считает, что существует многоуровневая организация свойств, в которой они субординированы, более частные детерминированы более общими. Например, субъективизм, возбудимость, ригидность и т.д. представляют более частные формы выражения интравертированности. И.М. Палей видит в этой иерархической конструкции основной смысл в соподчинении свойств по *степени обобщенности черт личности*.

В противоположность этому Р. Кеттел выделил ряд факторов, по отношению к которым существуют соподчиненные явления личности. Однако по отношению друг к другу все эти факторы независимы, автономны в общей структуре личности, в которой они своеобразно расположены. Поэтому между такими факторами, как шизотимия - циклотимия, подозрительность - оверчивость, совестливость - приспособляемость и т.д., не существует необходимых взаимосвязей, хотя возможны различные случайные совмещения их эффектов в поведении. Преодоление противоречий между интеграцией и дифференциацией войств в структуре личности, степени их обобщенности и конкретности оказывается непосильной задачей для современной зарубежной психологии личности.

Мы думаем, однако, что структура личности строится не по одному, а по двум принципам одновременно: 1) *субординационному*, или *иерархическому*, при котором более сложные и более общие социальные свойства личности подчиняют себе более элементарные и частные социальные и психофизиологические войства; 2) *координационному*, при котором взаимодействие осуществляется на паритетных началах, допускающих ряд степеней свободы для коррелируемых свойств, то есть относительную автономию каждого из них.

Генетические и структурные взаимосвязи в развитии личности

Теория и метод развития в современной психологии являются одним из новейших подтверждений материалистической диалектики. Генетические подходы полностью утвердились в сравнительной, возрастной (детской), общей и прикладной психологии, эти подходы проникают в дифференциальную психологию, характерологию, в психологию воспитания и социальную психологию личности.

Генетическая психология личности - одно из примечательных явлений современного исследования так называемой социализации личности, становления ее отношений, установок и войств в ходе общественного воспитания и обучения, в зависимости от смены общественных ролей и общностей.

В настоящее время, как можно судить по состоянию всей

проблемы человека в современной науке, вычлняются три основных, генетических подхода к человеческому развитию.

Первым из них является *онтогенетика человека*, исследующая метрические и топологические свойства времени индивидуальной жизни человеческого организма, процесс ее становления в определенной последовательности смены состояний или фаз развития (возрастов) [Ананьев Б.Г., 1968а, 1968б].

Вторым, более поздним по времени и лишь оформляющимся в наше время является генетический подход к эволюции личности как общественного индивида. Этот подход можно условно обозначить как *генетическую персоналистику*, представляющую собой теорию и метод биографического исследования жизненного пути человека, основных событий, конфликтов, продуктов и ценностей, развертывающихся на протяжении жизни человека в данных общественно-исторических условиях.

Биографический метод является одним из *исторических* в исследовании, применяемый в области психологии личности.

Наконец, третий генетический подход ориентирован на изучение истории развития деятельности той или иной конкретной личности, продуктов этой деятельности, то есть создаваемых личностью материальных и духовных ценностей.

Этот праксиологический, или праксиметрический, анализ, личности со стороны истории ее деятельности близко соприкасается с биографическим анализом истории жизненного пути личности в обществе.

Фазы жизненного пути датируются историческими событиями, сменой способов воспитания, изменениями в образе жизни и системе отношений, сумме ценностей и жизненной программе - целях и смысле жизни, которыми данная личность владеет. Фазы жизненного пути накладываются на возрастные стадии онтогенеза, причем в такой степени, что в настоящее время некоторые возрастные стадии обозначаются именно как фазы жизненного пути, например, преддошкольное, дошкольное и школьное детство.

Практически ступени общественного воспитания, образования и обучения, составляющие совокупность подготовительных фаз жизненного пути, формирования личности, стали определяющими характеристиками периодов роста и созревания индивида.

В процессах общественного воспитания и образования у всех формирующихся личностей в данных подрастающих поколениях

ях складываются «типичные характеры эпохи», социально ценные свойства поведения и интеллекта, основы мировоззрения и готовность к труду. Индивидуальная изменчивость всех этих свойств человека как личности определяется взаимодействием основных компонентов статуса (экономического, правового, семейного, школьного и т.д.), сменой полей и систем отношений в коллективах (макро- и микрогруппах), в общем социальном становлении человека. Соответственно характеру этого взаимодействия развитие отдельных свойств происходит неравномерно и в каждый отдельный момент этого развития - гетерохронно с еще большим диапазоном расхождений между «старыми» ролями, более ранними, *общими* и более поздними специальными общественными функциями личности, чем это происходит в возрастной эволюции организма.

Внутренняя противоречивость развития личности, проявляющаяся в неравномерности и гетерохронности смены ее состояний, усиливает внутреннюю противоречивость онтогенетической эволюции, особенно вследствие специфического влияния социального развития личности на интенсификацию корковых, прежде всего вербальных, речемыслительных, процессов мозговой деятельности человека. Однако такое влияние истории становления личности на онтогенетическую эволюцию индивида возникает только на определенной стадии онтогенеза и постепенно возрастает по мере накопления жизненного опыта и социальной активности личности. Это и понятно, поскольку *начало личности* наступает намного позже, чем *начало индивида*.

Социальная обусловленность развития и наличие сложного индивидуально приобретенного нервно-психического аппарата поведения еще недостаточны для утверждения, что новорожденный младенец - *личность*, что *начало личности* - моменты рождения, начало лепета, появления первых избирательных реакций на человека и т.д. Нельзя считать более убедительным доказательством и тот факт, что типологические свойства нервной системы и темперамент, равно как и задатки, считающиеся так называемой природной основой личности, проявляются в эти периоды с достаточной полнотой. Все эти свойства человека как *индивида*, генотипически обусловленные, первоначально существуют независимо от того, какая личность, с какими наборами социальных характеристик будет ими обладать.

На основе самых различных типов нервной системы может быть сформирован один и тот же тип характера, равно как контрастные характеристические свойства могут обнаружиться у людей с одним и тем же типом нервной системы. Лишь в ходе формирования человека эти свойства включаются в общую структуру личности и ею опосредуются. Однако на первых этапах формирования личности эти свойства влияют на *темпы и направления* образования личностных свойств человека, сущность и история которых связана, однако, не с онтогенезом и филогенезом, а с *современным* для данного общества и народа укладом жизни, с историей общественного, особенно культурного, политического и правового развития, определившего становление современного образа жизни, в котором начинает свою жизнь человек, родившийся в определенном месте данной страны, в семье, занимающей определенное положение в обществе, родители которого обладают тем или иным экономическим, политическим и правовым статусом (соотношением прав и обязанностей). С момента рождения человек поставлен в эти условия, он застает их готовыми, и его первоначальное развитие, конечно, есть формирование новых свойств, не отделимое от адаптации к этим условиям.

Статус семьи объективно есть и его статус; однако пройдет несколько лет, когда ребенок постепенно начнет осознавать себя частью определенного социального целого, все компоненты статуса своей семьи как собственные характеристики.

С момента рождения ребенка происходит существенное изменение образа жизни супругов, у которых появились новые общественные функции и роли родителей как воспитателей - матери и отца.

Современная психология личности достаточно убедительно показала, что как во всем человеческом развитии, преобразовавшем инстинктивные механизмы поведения, так и в родительском поведении мы не найдем прямых непосредственных проявлений родительского инстинкта животных предков человека. Женщина, родившая ребенка, выполняет свои материнские функции в зависимости от обычаев, норм поведения в семье, положения женщины в обществе, принадлежности к определенному классу, правовой организации семьи и т.д. Она может и не стать *матерью*, выполняя функции кормления и некоторых забот о

ребенке. Мать - воспитатель и духовный наставник детей, она для ребенка - олицетворенная любовь. Функции матери-воспитательницы осваиваются с неодинаковым успехом, так как существуют огромный диапазон материнских дарований и талантов.

Тем более все это относится к социальным функциям общества и освоению молодым мужчиной-супругом новой для него роли отца.

Формирование ребенка как личности происходит в зависимости не только от статуса семьи, который он застает сложившимся, но и от освоения его родителями новых для них семейных ролей. Духовная атмосфера семьи, относительное согласие или напряженность во взаимоотношениях, близость родителей к ребенку, общность стратегии и тактики воспитания зависят в большей степени от этих социальных функций и ролей родителей, чем от статуса семьи, несмотря на его весьма важное значение.

Но как статус, так и эти роли, объективно формирующие ребенка, в первые месяцы жизни еще не составляют его собственной биографии. Роль сына или дочери, содержащиеся в ней общественные функции, ребенок начинает осваивать и осуществлять позже, и это составляет один из моментов становления личности.

Для ее образования недостаточно дифференцировки среди многих раздражителей человеческого лица или голоса, недостаточно улыбки или гримасы в ответ на улыбку или гримасу взрослого, лепета при обращении к ребенку речи взрослого, то есть всего того, что нередко считается исходными моментами социализации и персонификации. Это весьма важные предпосылки, внутренние условия, необходимые для формирования личности. Однако лишь с образованием постоянного комплекса социальных связей, регулируемых нормами и правилами, средств общения с их знаковым аппаратом (прежде всего словарным составом и грамматическим строем языка), предметной деятельности с ее социальной мотивацией, освоением семейных и других ролей связано формирование начальных свойств личности.

Подобно тому как начало индивида - долгий и многофазный процесс эмбриогенеза, так и *начало личности* - долгий и многофазный процесс *ранней социализации индивида*, наиболее интенсивно протекающий в двух-трехлетнем возрасте.

В последующем становление свойств личности протекает неравномерно и гетерохронно, соответственно последовательности

в усвоении ролей и смене позиций ребенка в обществе. Эта гетерохронность *личностного формирования* накладывается на гетерохронность *созревания индивида* и усиливает общий эффект разновременности основных состояний человека.

Бесспорно, точки отсчета для начала онтогенеза и истории личности разделены многими месяцами жизни и существенно различными факторами. Личность всегда моложе индивида в одном и том же человеке, история личности, или жизненный путь (биография), хотя и считается с даты рождения; однако начинается много позже, и основными ранними ее вехами являются поступление ребенка в детский сад или, что особенно важно, в школу, с которыми связаны более обширный круг социальных связей и включение в систему института и общностей, свойственных *современности*, открывающих отдельному человеку доступ к истории человечества (через усвоение суммы знаний, традиций и т.д.) и к программам его будущего.

Становление человека как личности связано с относительно высоким уровнем нервно-психического развития, являющимся необходимым внутренним условием этого становления. Под влиянием социальной среды и воспитания складывается определенный тип отражения, ориентации в окружающей сфере и регуляции движения у ребенка, *сознания*, то есть самая общая структура человека как *субъекта познания*.

Еще до самостоятельного передвижения и активной речи складываются необходимая для предметной деятельности сенсомоторная структура и наиболее общие типы предметных действий рук. Одновременно со свойствами субъекта познания формируются свойства субъекта деятельности.

На оба вида новых свойств огромное влияние оказывает комплекс социальных связей, из которого берет свое начало личность. Однако субъективные свойства непосредственно детерминированы предметным миром, объективными свойствами предметной деятельности, в структуре которых оказывают свое влияние на формирование субъективных черт социальные связи.

Надо иметь, однако, в виду, что *социальное* формирование человека не ограничивается формированием личности - субъекта общественного поведения и коммуникаций. Социальное формирование человека - это вместе с тем образование человека как субъекта познания и деятельности, начиная с игры и учения,

кончая трудом, если следовать известной классификации видов человеческой деятельности. И надо признать, что становление этих свойств предшествует формированию личностных свойств, и в последующем ходе жизненного пути человека взаимосвязь этих свойств оказывается наиболее важной. Переход от игры к учению, смена различных видов учения, подготовка к труду в обществе и т.д. - это одновременно стадии развития свойств субъекта познания и деятельности и изменения социальных позиций, ролей в обществе и сдвигов в статусе, то есть личностные преобразования.

Однако эта взаимосвязь противоречива, и различия этих свойств в определенные моменты развития и в зависимости от социальных условий превращаются в противоречия, временным выражением которых являются гетерохронность развития этих свойств формирующегося человека. Подобные противоречия проявляются в несовпадениях моментов и направлений реализации *мотивов* общественного поведения и *познавательных интересов*, относительном обособлении нравственных, эстетических и гностических ценностей, *тенденции личности* и ее *потенции* как субъекта познания и деятельности.

Не менее трудным, чем объективное определение «начала» индивида, личности, субъекта и гетерохронности всех этих состояний формирования человека, является определение объективных критериев *зрелости* человека. Не случайно именно эти трудности привели в современной психологической литературе к замене понятия «зрелость» понятием «взрослость» с тем, чтобы избежать многих осложнений, считающихся подчас непреодолимыми.

Зрелость человека как индивида - соматическая и половая - определяется по биологическим критериям. Сравнительно с другими приматами человек в этом отношении обладает лишь большим диапазоном индивидуальной изменчивости моментов завершения соматического и полового созревания, наступления физической зрелости.

Однако если у всех животных, включая приматов, физическая зрелость означает глобальную зрелость всего организма - его жизнедеятельности и механизмов *поведения*, то у человека нервно-психическое развитие не укладывается полностью в рамки физического созревания и зрелости.

Интеллектуальное развитие, неразрывно связанное с образованием, имеет свои критерии *умственной зрелости* в опреде-

ленном объеме и уровне знаний, свойственных данной системе образования в данную историческую эпоху. Как явление умственной зрелости, так и критерии ее определения исторические. В еще большей мере такими являются многочисленные феномены *гражданской зрелости*, с наступлением которой человек полностью становится юридически дееспособным лицом, субъектом гражданских прав, например, избирательных, политическим деятелем и т.д. Все эти феномены варьируют в зависимости от общественно-экономической формации, классовой структуры общества, национальных особенностей и традиций и т.д. и ни в какой мере не зависят от состояний физического развития человека. В общественной жизни важное значение имеет определение *трудовой зрелости*, то есть полного объема трудоспособности, критерии которого в значительной мере связаны с учетом состояний физического и умственного развития.

Следовательно, наступление зрелости человека как индивида («физическая» зрелость), личности («гражданская»), субъекта познания («умственная» зрелость) и труда («трудоспособность») во времени не совпадает, и подобная гетерохронность зрелости сохраняется во всех формациях. Еще более выражена разновременность моментов, характеризующих финал человеческой жизни. Таким финалом для индивида является смерть, с которой, разумеется, прекращается всякое материальное существование и всех других состояний человека как личности и субъекта деятельности. Однако историческая личность и творческий деятель, оставившие потомкам выдающиеся материальные и духовные ценности, то есть активные субъекты познания и труда, обретают социальное бессмертие, идеальная форма существования которого оказывается реальной силой общественного развития.

Но нас в большей мере, чем бессмертие, интересует парадокс завершения человеческой жизни. Парадокс этот заключается в том, что во многих случаях те или другие формы человеческого существования прекращаются еще при жизни человека как индивида, то есть их умирание наступает раньше, чем физическое одряхление от старости.

Мы не имеем в виду «гражданскую» или «политическую» смерть при жизни человека, которая может наступить в любом возрасте вследствие особых обстоятельств и которая, конечно, деперсонализирует человека, лишает его функций личности.

Речь идет о, так сказать, нормальном состоянии, при котором человек *сам* развивается в направлении растущей социальной изоляции, постепенно отказываясь от многих функций и ролей в обществе, используя свое *право* на социальное обеспечение. Постепенное «освобождение» от обязанностей и связанных с ними функций приводит к соразмерному сужению объема личностных свойств, к деформации структуры личности. Между тем статус человека как *личности* и комплекс ее ролей, от которых зависит и комплекс личностных свойств, не определяются периодами старения.

Современные научные данные о долгожителях свидетельствуют о том, что одной из этих характеристик является живая связь с *современностью*, а не социальная изоляция, *сопротивление* внешним и внутренним условиям, благоприятствующим такой изоляции (почти полное отсутствие сверстников в своей среде, резкое понижение зрения, слуха и т.д.). Связь с современностью влияет на сохранность личности, обеспечивает ее до самой смерти человека, даже если она наступает и после ста лет жизни.

Подобные явления, которые можно назвать деформацией *личности*, возникают обычно лишь в связи с прекращением профессиональной трудовой деятельности в той или иной области общественной жизни, производства и культуры. Иначе говоря, такая деформация - следствие коренного изменения образа жизни и деятельности, статус а и ролей человека в обществе, главнейшими из которых являются *производство, созидание* материальных и духовных ценностей. Внезапное блокирование всех потенциалов трудоспособности, и одаренности человека с прекращением многолетнего труда не может не вызвать глубоких перестроек в структуре человека как *субъекта деятельности*, а поэтому и личности.

В последние десятилетия человеческой жизни гетерох-ронность состояний личности и субъекта уменьшается, а их взаимозависимость *во времени* усиливается. Но тем более возрастает дистанция между ними и временными характеристиками человека как индивида, то есть возрастом на поздней стадии онтогенеза. Та или иная степень сохранности, деградации или полного одряхления является функцией не только возраста, но и социально-трудовой активности, то есть продуктом не только онтогенетической эволюции, но и жизненного пути человека как личности и субъекта деятельности.

Эти формы существования и развития человека, изменяющиеся в разные периоды человеческой жизни, характеризуются специфическими комплексами психофизиологических особенностей, которые будут рассмотрены в последующих главах.

Противоречия между этими формами с их различными психофизиологическими характеристиками не могут отвлекать нас от *единства* человека во всей множественности его состояний и свойств. Это единство представлено в *исторической природе* человека, взаимопроникновении социального и биологического, социальной детерминации биофизиологических механизмов, развития, слиянии натурального и культурного развития человека в его психической эволюции, в развитии индивидуального сознания. Общим эффектом этого слияния, интеграции всех свойств человека как индивида, личности и субъекта деятельности является *индивидуальность* с ее целостной организацией этих свойств и их саморегуляцией. Самосознание и «я» - ядро личности с определенной взаимосвязью основных *тенденций*, генетически связанных с *личностью*, и *потенций*, генетически связанных с *субъектом деятельности*, характер и талант человека с их неповторимостью - все это самые поздние продукты развития человека. Вместе с тем образование индивидуальности и обусловленное ею единое направление развития индивида, личности и субъекта в общей структуре человека стабилизируют эту структуру и являются одними из важных факторов высокой жизнеспособности и долголетия.

Гетерохронность различных форм индивидуального развития человека (онтогенетической, личностно-биографической, субъектно-практической) является одним из показателей внутренней противоречивости этого развития и его полифакторной обусловленности.

Множественность состояний и фаз развития недолжна, однако, затенять *единство* личности, ее структурную организованность и целостность.

Генетические связи перекрещиваются и конвергируют в целостных образованиях - комплексах структурных связей.

Сочетание генетических и структурных подходов требует построения системы методов психологического исследования, ориентированных на изучение личности и ее развитие.

Этапы формирования личности в онтогенезе (I)

1

В настоящее время можно считать установленным, что в процессе онтогенетического развития в психике ребенка возникают качественно новые образования, несводимые к элементарным психологическим функциям.

Эти новые психологические образования представляют собой интегративные системы разного уровня сложности, в состав которых входят и менее сложные психологические функции. Именно они, как некий целостный «механизм», определяют поведение и деятельность человека, его взаимоотношения с людьми, его отношение к окружающему и к самому себе.

Исследования, которые велись до сих пор... (Л.С. Выготским и его сотрудниками), обнаружили, что каждая элементарная психологическая функция - восприятие, память, мышление и другие - имеет свою логику развития, преобразуясь путем интеграции в высшие психические функции (ВПФ): логическую память, категориальное восприятие, речевое мышление и т.д.

ВПФ представляют собой такого рода «сплав» элементарных психических функций, разложение которого на составляющие элементы приводит к утрате его специфических качеств. ВПФ, раз возникнув, становятся устойчивыми новообразованиями, распад которых может возникнуть только в старческом возрасте или в результате патологического процесса.

Однако наряду с такого рода новообразованиями существуют и другие, более сложные интегративные системы. Эти системы имеют иной путь, иную структуру, иные функциональные особенности.

В разряд таких систем может быть отнесена, например, воля, не имеющая коррелята среди элементарных психических функций и включающая в свою структуру не только сознательно поставленные цели, но и другие высшие психические функции (эмо-

¹ Л.И. Божович. Избранные психологические труды. М. 1995.

циональную память, воображение, нравственные чувства и пр.), определенное сочетание которых дает возможность человеку управлять своим поведением¹. Такие психологические системы могут изменяться в процессе жизни, на основе приобретаемого человеком опыта и с изменением общей характеристики его личности².

Л.С. Выготский в качестве сложной психологической системы, имеющей достаточно устойчивый характер, но развивающейся на протяжении жизни, подверг анализу сознание ребенка. Он показал, что в процессе онтогенеза эта системно-организованная область психического имеет определенную логику развития. Согласно его концепции, в младенческом возрасте сознание характеризуется недифференцированностью и несамостоятельностью психических функций, которые в этот период находятся в непосредственной зависимости от восприятия, в контексте которого они только и действуют (память в форме узнавания; мышление в форме аффективно окрашенных впечатлений, в которых еще не дифференцируются предметы окружающего мира; даже эмоции младенца делятся лишь до тех пор, пока вызывающий их раздражитель находится в поле восприятия).

Однако в процессе онтогенетического развития на смену восприятию, доминирующему в младенческом возрасте, последовательно выдвигаются другие психологические функции, сначала память, потом мышление. Это те психологические функции, которые, отвечая задачам развития ребенка как биосоциального целого, находятся в соответствующем возрасте в оптимальном периоде своего формирования. Выделившаяся функция как бы подчиняет себе остальные, определяя тем самым характер происходящей в этом возрасте интеграции, т. е. характер системного строения детского сознания

Иначе говоря, согласно учению Л.С. Выготского, в ходе он-

¹ См.: Божович Л.И., Славина Л.С., Ендовицкая Т.В. Психологическое изучение произвольного поведения. - «Вопросы психологии», 1976, № 4.

² Существуют и такие психологические системы, которые возникают в ответ на требования данной ситуации или в связи с решением той или иной проблемы. Эти системы носят временный, эпизодический характер и распадаются, как только прекращается деятельность, которую они «обслуживают». В данной работе такие системы рассматриваться не будут.

тогенетического развития изменяется системное строение сознания ребенка¹.

Продолжая эту линию теоретического рассуждения, мы должны признать, что личность человека также представляет собой относительно устойчивую психологическую систему, только более высокого интегративного уровня. И эта система также имеет свою логику развития и свои закономерности.

Для того чтобы подойти к рассмотрению этих закономерностей, обратимся к описательной характеристике того результата, к которому приходит развитие личности ребенка.

Во всех до сих пор опубликованных нами работах мы исходили из положения, что психологически зрелой личностью является человек, достигший определенного, достаточно высокого уровня психического развития. В качестве основной черты этого развития мы отмечали возникновение у человека способности вести себя независимо от непосредственно воздействующих на него обстоятельств (и даже вопреки им), руководствуясь при этом собственными, сознательно поставленными целями. Возникновение такой способности обуславливает активный, а не реактивный характер поведения человека и делает его не рабом обстоятельств, а хозяином и над ними, и над самим собой.

Согласно такому пониманию, мы искали закономерности возникновения указанной способности (а следовательно, как мы думали, и психологической природы личности) в развитии той функциональной системы, которую в психологии принято называть волей. Для этого мы исследовали становление мотивирующих, т.е. аффективно насыщенных, целей и, главное, становление «внутреннего плана действий», позволяющего человеку так организовывать свою мотивационную сферу, чтобы обеспечить победу сознательно поставленным целям над мотивами, хотя и нежелательными человеку в данной ситуации, но непосредственно более сильными. Иначе говоря, мы изучали действие той функциональной системы, которая обеспечивает сознательное управление человеком своим поведением².

¹ Надо отметить, что в дальнейших высказываниях он включал в структуру сознания и аффективные компоненты, говоря о «смысловом и системном» строении сознания.

² Подробнее об этом см.: *Божович Л.И., Славина П.С., Ендовицкая Т.В.* Опыт экспериментального изучения произвольного поведения - «Вопросы психологии», 1976, № 4.

Эту линию развития мы считаем центральной для психологической характеристики личности.

Однако уже в указанных исследованиях выяснилось, что осуществление сознательно поставленных целей вовсе не всегда происходит описанным выше способом, т.е. через обращение человека к внутреннему плану действий с целью сознательной реконструкции мотивационной сферы. При еще недостаточно изученных условиях цели сами по себе могут приобретать такую непосредственно мотивирующую силу, которая способна побуждать человека к соответствующему поведению, минуя переживание внутреннего конфликта, борьбу мотивов, размышление, выбор, образование, намерения, словом, минуя волевой акт в собственном смысле этого слова. Такое поведение лишь фенотипически сходно с тем, которое обычно называется волевым, но подчиняется оно воздействию уже «вторичной» мотивации, ставшей непосредственной в процессе социального развития ребенка. Анализ показывает, что такая (как бы «постпроизвольная») мотивация обеспечивается связью поставленных человеком целей с его высшими чувствами, которые и сообщают целям непосредственную побудительную силу. Отсутствие же соответствующих чувств (или их слабость) заставляет человека прибегать к самопринуждению путем волевого акта.

Исследования показывают, что каждое системное новообразование, возникающее в процессе жизни человека и являющееся необходимым условием его существования как социального индивида, включает в себя определенные аффективные компоненты и тем самым обладает непосредственной побудительной силой. Человека непосредственно побуждают и его убеждения, и нравственные чувства, и присущие ему качества личности. Но так как на любой поступок одновременно воздействуют многие потребности и мотивы, между ними происходит борьба, которая в случае непримиримости равносильных, но разнонаправленных мотивов отражается в переживании человека в виде конфликта с самим собой. Если в этом конфликте побеждают непосредственно более сильные, но рационально отвергаемые мотивы, у человека возникают тяжелые переживания. Если же непосредственные желания побеждают нравственные стремления, то эти переживания выражаются в чувстве стыда, раскаяния и пр., которые человек стремится смягчить при помощи разного рода защитных механизмов, вытеснения или при помощи «приемов

нейтрализации совести», на которые указывают некоторые американские криминологи¹. Отсюда ясно, что человек, постоянно сталкивающийся с внутренними конфликтами, будет отличаться нерешительностью, неустойчивостью поведения, неспособностью добиваться сознательно поставленных целей, т.е. у него будут отсутствовать как раз те черты, которые как основополагающие входят в характеристику психологически зрелой личности.

Следовательно, формирование целостной, непротиворечивой личности не может характеризоваться развитием лишь ее способности к сознательному самоуправлению. Это очень важная линия развития, но не единственная. Не менее, а может быть, и еще более важным является формирование у человека тех мотивирующих систем, о которых мы говорили выше, обладающих такой принудительной силой, которая обеспечивает требуемое поведение, без мучительной борьбы человека с самим собой. А для этого формирование личности должно идти таким образом, чтобы познавательные и аффективные процессы, а тем самым и процессы, контролируемые и не контролируемые сознанием, выступали бы в некотором гармоническом отношении друг к другу.

Итак, есть основания считать, что формирование личности не может характеризоваться независимым развитием какой-либо одной ее стороны - рациональной, волевой или эмоциональной. Личность - это действительно высшая интегративная система, некоторая нерасторжимая целостность. И можно считать, что существуют какие-то последовательно возникающие новообразования, характеризующие этапы центральной линии ее онтогенетического развития.

К сожалению, систематического исследования этой проблемы пока не было, но почти все психологи, занимающиеся изучением личности, признают возникновение у нее «ядра», которое обозначается ими то термином «я - система», то «система - я», то просто «я». Эти понятия употребляются ими в качестве объяснительных при рассмотрении психической жизни человека и его поведения. Однако психологическое содержание и строение этого «ядра» не раскрываются и, тем более, не устанавливаются

¹ Цит. по: Бочкарева Г.Г. Психологическая характеристика мотивационной сферы подростков-правонарушителей. - В сб.: Изучение мотивации детей и подростков. Под ред. Л.И. Божович. М., 1972.

закономерности его развития в онтогенезе. По-видимому, при этом имеется в виду, что каждый человек так или иначе понимает, о чем идет речь, основываясь на эмпирически схваченном переживании своего собственного «я».

2

Публикуемая статья не претендует на то, чтобы дать научно обоснованный ответ на поставленную проблему. Однако данные, полученные в исследованиях Лаборатории формирования личности ребенка (НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР), а также литературные данные позволяют высказать некоторые гипотезы относительно содержания и строения того центрального психологического образования, которое возникает в конце каждого возрастного периода и характеризует особенности личности, специфические для детей соответствующего возраста.

Для этого, исходя из соображений, которые будут изложены ниже, мы подвергли анализу так называемые кризисы детского развития.

«Под кризисами, как известно, имеются в виду переходные периоды от одного этапа детского развития к другому. Кризисы возникают на стыке двух возрастов и знаменуют собой завершение предыдущего этапа развития и начало последующего. Напомним также, что каждое системное новообразование, возникая в ответ на потребности ребенка, включает аффективный компонент и потому несет в себе побудительную силу. Именно поэтому центральное для данного возраста системное новообразование, являющееся как бы обобщенным результатом, итогом всего психологического развития ребенка в соответствующий период, не остается нейтральным по отношению к дальнейшему развитию, а становится исходным для формирования личности ребенка следующего возраста. Это и дает право рассматривать кризисы в качестве переломных этапов онтогенетического развития личности, анализ которых позволит вскрыть психологическую сущность этого процесса.

В детской психологии наиболее часто упоминается о трех критических периодах: кризис 3, 7 и 12-16 лет, последний часто обозначается как кризис подросткового возраста. Л.С. Выготс-

кий анализировал еще кризис одного года, а подростковый делил на две фазы: негативную (13-14 лет) и позитивную (15-17 лет).

Если рассматривать эти кризисы с точки зрения перемен, наступающих в поведении ребенка, то все они характеризуются некоторыми общими чертами. В критические периоды дети становятся непослушными, капризными, раздражительными: часто вступают в конфликт с окружающими взрослыми, особенно родителями и воспитателями; у них возникает отрицательное отношение к ранее выполнявшимся требованиям, доходящие до упрямства и негативизма.

Все эти особенности детей, переживающих критический период, говорят об их фрустрированности. Фрустрация же, как известно, возникает в ответ на депривацию каких-то существенных для человека потребностей. Поэтому можно сделать вывод, что на стыке двух возрастов такую реакцию дают дети, у которых не удовлетворяются или даже активно подавляются те новые потребности, которые появляются в конце каждого этапа психического развития вместе с центральным, т.е. личностным, новообразованием соответствующего возраста¹.

3

Изучение литературных данных и собственные наблюдения обнаружили, что черты фрустрированного поведения наблюдаются достаточно часто не только у детей 3, 7 и 13 лет, но что оно является характерным и для детей на рубеже первого и второго года жизни. Особенно убедительным в этом отношении являются данные, полученные при клиническом изучении детей, проводившемся под руководством Н.М. Шелованова. На основании этих данных он считал целесообразным выделять детей после 1 г. 2 мес. в новую возрастную группу, так как воспитательный подход, вполне адекватный до этого возраста, оказывался не-

¹ При этом следует различать фрустрацию потребности, связанную с ее насильственным подавлением социальными требованиями (от кого бы они не исходили - от окружающих людей или от самого субъекта), и те случаи, когда потребность не удовлетворяется в результате отсутствия у субъекта соответствующих способов ее удовлетворения. Противоречие между субъектом и его возможностями не является конфликтом, оно выступает в качестве основной движущей силы психического развития.

пригодным для детей старше года: он вызывал у них сопротивление и капризы.

Таким образом, данные, имеющиеся не только в психологии, но и в педагогике, дают нам основание вслед за Л.С. Выготским выделить кризис 1-го года.

Отсутствие специальных исследований не дает возможности достаточно обоснованно раскрыть психологическое содержание данного кризиса; однако анализ поведения детей до и после 1-го года жизни и материалов, относящихся к их психическому развитию, проведенный с точки зрения определенных теоретических идей, проливает некоторый свет на интересующую нас проблему.

Уже с первых дней рождения ребенок является не просто «реагирующим аппаратом», как утверждали рефлексологики настроенные психологи, но существом, обладающим хотя и очень диффузной, но все же своей индивидуальной психической жизнью. У него имеются первичные потребности (в еде, тепле, движении), потребности, связанные с функциональным развитием мозга (например, потребность в новых впечатлениях) и, наконец, социальные потребности, появляющиеся и развивающиеся в течение первого года жизни: потребность в другом человеке, в общении с ним, в его внимании и поддержке¹. (Эти потребности в дальнейшем становятся важнейшими для нравственного формирования ребенка.) Признание указанных потребностей требует признания у младенца и соответствующих аффективных переживаний. Неудовлетворение какой-либо из них вызывает у ребенка отрицательные переживания, выражающиеся в беспокойстве, крике, а их удовлетворение - радость, повышение общего жизненного тонуса, усиление познавательной и двигательной активности (например, так называемый комплекс оживления) и т.д.

Следовательно, содержание психической жизни детей первого года жизни характеризуется сначала аффективно окрашенными ощущениями, а затем глобально аффективно переживаемыми впечатлениями. Иначе говоря, в сознании младенца в пер-

¹ Об этом подробнее см докторскую диссертацию М.И. Лисиной «Возрастные и индивидуальные особенности общения со взрослыми у детей от рождения до семи лет». М., 1974.

вую очередь представлены эмоциональные компоненты, связанные с непосредственно воспринимаемыми им воздействиями¹.

Напомним в целях дальнейшего анализа, что в этот период детского развития доминирующим в сознании ребенка является восприятие.

Теперь обратимся к рассмотрению социальной ситуации развития детей первого года жизни. По словам Л.С. Выготского, она состоит в том, что все поведение ребенка, вся его деятельность реализуются либо опосредствованно через взрослого, либо в сотрудничестве с ним. В отсутствие взрослого, говорил он, у ребенка как бы отнимаются руки и ноги, возможность передвижения, изменения положения, захватывания желаемых предметов. Короче говоря, буквально все потребности - и органические, и социальные - удовлетворяются взрослым. В результате в человеке как в предмете их удовлетворения воплощаются и фиксируются все указанные потребности и он становится притягательным центром всякой непосредственно воспринимаемой ребенком ситуации.

Однако, на протяжении года сознание младенца развивается: в нем выделяются отдельные психические функции, появляются первые чувственные обобщения, он начинает употреблять элементы слов для обозначения предметов. В связи с этим потребности младенца все больше и больше начинают воплощаться («кристаллизироваться») в предметах окружающей действительности. В результате этого сами предметы приобретают побуждательную силу. Поэтому, попадая в поле восприятия ребенка, они актуализируют его потребности, находившиеся до этого в потенциальном состоянии, и тем самым побуждают активность ребенка в направлении, соответствующем данной ситуации. Это и определяет ситуативность детей первого года жизни, поведение которых полностью управляется попадающими в поле их

¹ Тот факт, что самыми элементарными формами психической жизни (ее истоками) являются эмоции, вполне объясним, так как для ребенка, почти лишенного истинных способов удовлетворения своих потребностей и удовлетворяющего их через взрослого, биологически более важными являются ориентация в состоянии своих потребностей, чем в окружающей действительности, и современная сигнализация об этом. Переживание представляет собой средство такой ориентации.

восприятия раздражителями¹. Таким образом, и это надо особенно подчеркнуть, у детей первого года жизни нет равнодушного отношения к окружающим предметам. Они воспринимают лишь те, которые имеют для них смысл, отвечают их потребностям.

Беспомощность младенца и отсутствие у него внеситуативных (внутренних, но не органических) побуждений определяют и поведение взрослых по отношению к детям этого возраста. Они навязывают им свою волю, выполняя положенный режим сна, питания, прогулок. У годовалых детей, как правило, не спрашивают, хотят ли они гулять, спать, есть. Их одевают и ведут на прогулку; в определенные часы укладывают спать, кормят, развлекают. Если ребенок сразу не подчиняется требованию, плачет, сопротивляется, взрослый либо не обращает на это внимание, либо пытается организовать ребенка, вводя в поле его восприятия какой-нибудь новый раздражитель, действующий безотказно в силу постоянной готовности младенца к новым впечатлениям.

Но в начале второго года жизни наступает момент, когда ребенок перестает покорно подчиняться взрослому, а взрослый уже не может управлять его поведением при помощи организации внешних воздействий. Наблюдения обнаруживают, что одновременно с этим дети становятся способными действовать не только под влиянием непосредственно воспринимаемых впечатлений, но и под влиянием всплывающих в их памяти образов и представлений.

По-видимому, это закономерно, так как в этот период память начинает играть в психическом развитии ребенка все большую роль, занимает доминирующее положение и тем самым перестраивает структуру детского сознания и его поведение.

Показательными в этом отношении являются многие факты, наблюдавшиеся и нами, и записанные в дневнике развития ре-

¹ Ситуативность свойственна не только детям первого года жизни. Она присуща в несколько ином виде детям раннего, дошкольного и даже школьного возраста. Ситуативность преодолевается лишь постепенно, и ее преодоление в значительной степени является свидетельством формирования личности ребенка. Последнее мы попытаемся показать в дальнейшем изложении.

бенка Н.А. Менчинской¹. Обладая натренированным глазом квалифицированного психолога, она обращала внимание на то, что появляется в поведении ребенка впервые и становится затем типичным.

Когда ее сыну исполнилось 1 г. 4 мес., она записала в дневнике такое наблюдение:

«В течение месяца Саша не видел отца и за это время ни разу о нем не вспомнил. Приехал отец поздно, и Саша видел его лишь мельком и не насытился общением с ним. И вдруг в первое же утро после приезда отца его первым словом было «папа».

В последующих записях она стала постоянно отмечать, что Саша вспомнил то одно, то другое. Затем она записала, что ребенок стал часто употреблять слово «тама», сопровождая его указательным жестом, очевидно стремясь сообщить о том, что уже не лежит в поле его восприятия. Аналогичные факты мы находим и в дневнике В. С. Мухиной².

Она сообщает, что до 1 г. 4 мес. можно было тайком убрать любой предмет из тех, с которыми манипулируют дети, и они «никогда не спохватывались» (с. 38). Но в 1 г. 6 мес. уже ясно возникают реакции на воспоминание. На одного из близнецов напала собака и сильно его напугала. «Кирилл долго не мог успокоиться... Кажется, уже все забыто... и вдруг снова рев. Утешу, отвлеку игрушкой. Кирюша уже играет, но вдруг губы снова начинают кривиться, голова наклоняется, и снова рев» (с. 40).

В этот же период Н.А. Менчинская отмечает появления у Саши (1 г. 5 мес.) капризов.

В ответ на запрещение проявляет упрямство, упорно пытается повторить шалость... Иногда в ответ на запрещение начинает капризно плакать, бросаться на пол, дергать руками и ногами, хотя такие «истерики» бывают с ним не часто.

Нам представляются эти факты интересными и убедительно свидетельствующими о том, что начиная со второго года жизни, в сознании ребенка активно функционируют воспоминания и что аффективными для него становятся не только непосредственно воспринимаемые предметы, но и представления о них, их образы.

¹ Менчинская Н. А. Дневник о развитии ребенка (от рождения до 8 лет). М., 1948.

² Мухина В.С. Близнецы. М., 1969.

О таких нового типа побудителях, об условиях, при которых они появляются, а также о том, что именно их депривация обуславливает характерное для указанного критического периода поведение детей, свидетельствует случай с мальчиком 1 г. 3 мес., который нам пришлось наблюдать¹.

Этот мальчик, играя в саду, завладел мячиком другого ребенка и не хотел его отдавать. В какой-то момент мячик удалось спрятать, а мальчика унести домой. Во время ужина он вдруг пришел в сильное волнение, начал отказываться от еды, капризничать, вылезать из стульчика, срывать с себя салфетку. Когда его спустили на пол (т.е. дали свободу), он с криком: «мя... мя» побежал обратно в сад и успокоился только тогда, когда получил мяч обратно.

Этот случай свидетельствует и о существовании у ребенка определенного представления, способного побудить его к активному действию, и о том, что в это представление воплотилась (но не реализовалась полностью) соответствующая потребность. Наконец, этот случай свидетельствует также и о том, что обстоятельства, препятствующие реализации вновь возникшей у него потребности, обуславливают его поведение, агрессивное по отношению к наличной ситуации.

Таким образом, центральным, т.е. личностным, новообразованием первого года жизни является возникновение аффективно заряженных представлений, которые и побуждают поведение ребенка вопреки воздействиям внешней среды. Мы будем называть их «мотивирующими представлениями».

Появление мотивирующих представлений принципиально изменяет поведение ребенка и все его взаимоотношения с окружающей действительностью. Их наличие освобождает ребенка от скованности данной конкретной ситуацией, от диктата внешних воздействий (в том числе, идущих и от взрослого человека), короче говоря, они превращают его в субъекта, хотя сам ребенок пока еще этого и не осознает. Однако, взрослые уже не могут с этим не считаться. Напряженность новых потребностей настолько велика, что не учет их, а тем более прямое подавление является причиной фрустрации ребенка, часто определяющей его дальнейшие взаимоотношения со взрослыми, а следовательно, и дальнейшее формирование его личности.

¹ Подробнее об этом см.: *Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.*

Со второго года жизни начинается новый период формирования личности, длящийся до 3 лет. За это время ребенок проходит огромный путь психического развития. Однако нас будут интересовать лишь те процессы, которые непосредственно связаны с формированием центрального новообразования этого периода и кризисом 3 лет.

В указанный период происходит переход ребенка от сущест-ства, уже ставшего субъектом (т.е. сделавшего первый шаг на пути формирования личности), к существу, осознающему себя как субъекта, иначе говоря, к возникновению того системного новообразования, которое принято связывать с появлением слова Я.

Весь этот переход осуществляется в условиях, во многом отличных от тех, которые определяли жизнь и деятельность младенца. Прежде всего, дети раннего возраста благодаря успехам предшествующего развития а младенческом возрасте начинают занимать совсем иное место в окружающем их мире людей и предметов. Это уже не беспомощные, не безответные существа; они сами передвигаются в пространстве, могут сами действовать, удовлетворять многие свои потребности, становятся способными к первичным формам речевого общения, иначе говоря, могут уже осуществлять деятельность, не опосредствованную взрослыми людьми. Этим, прежде всего, и отличается социальная ситуация развития детей раннего возраста от социальной ситуации развития младенца.

В этот период познавательная деятельность ребенка обращается уже не только на внешний мир, но и на самого себя.

Процесс самопознания, по-видимому, начинается с познания себя как субъекта действия. Можно часто, наблюдать, как ребенок этого возраста любит помногу раз повторять одно и то же движение, внимательно прослеживания и контролируя те изменения, которые оно (точнее, он с его помощью) производит (например, открывает и закрывает дверь, передвигает предметы, толкает их, чтобы они упали и пр.)¹. Именно это помогает ребен-

¹ Аналогичные факты можно найти в дневниковых записях Клары Штерн, использованные в кн: *Штерн В.* Психология раннего детства. М., 1922; в кн.: *Мухина В.С.* Близнецы М., 1969.

ку почувствовать себя чем-то иным, в отличие от окружающих предметов, и таким образом выделить себя в качестве особого предмета (субъекта действия)¹.

Однако самопознание на втором и даже третьем году жизни продолжает оставаться для самого ребенка (субъективно) познанием как бы внешнего ему самому «предмета».

Об этом свидетельствуют многие факты детского развития. Например, В.С. Мухина в своем дневнике записывает, что близнецы, будучи уже в возрасте 1 г. 4 мес. все еще не умели играть в прятки. Вместо того, чтобы спрятаться, они закрывали глаза, отворачивались и при этом «смеялись и сообщали о себе голосом», по-видимому, в полной уверенности, что взрослые их найти не могут (с. 38).

Обобщенное знание о себе (как об этом свидетельствуют и дневниковые записи) происходит вместе с появлением речи и благодаря ей. Сначала дети узнают название предметов внешнего мира, затем начинают соотносить свое имя с самим собой (В.С. Мухина записывает, что игра в название была у близнецов от 1 года до 1,5 лет самой любимой). Однако, наличие такого соотношения еще не означает, что в этот период уже закончился процесс выделения себя из мира предметов и осознания себя как субъекта (напомним, как в это же время они играли в прятки!). По-видимому, такое осознание приходит лишь вместе с появлением местоимения «я». До этого для указания на самого себя дети еще долго пользуются собственным именем.

Много интересных в этом отношении фактов мы находим в дневнике Н.А. Менчинской.

Вплоть до 2,5 лет Саша говорил о себе в третьем лице, называл себя по имени. Когда он начал говорить «я», то употреблял это местоимение наряду с собственным именем; иногда согласовывал его с последующим словом так, как будто имел в виду имя собственное, например: «Я спит». С момента первого «я» начинает употреблять его очень часто, иногда ставя в конце предложения, когда это по смыслу уже не нужно: «Больше тебе не

¹ Конечно, познание ребенком своего тела начинается гораздо раньше, чем в младшем возрасте. Выражением этого является, в частности, пристальное рассматривание младенцем сначала своих кулачков, а потом ножек (см. Мухина В.С. Близнецы, с. 9, 11, 32). Вслед за этим они начинают узнавать у себя отдельные относительно мало подвижные части тела.

дам я».. Увидев отбрасываемую им тень, очень удивился и стал проделывать различные движения, с крайним любопытством наблюдая изменения, происходящие с тенью. Указывая на тень сказал: «Мальчик» и т.д.

Все эти факты подтверждают мысль о том, что ребенок сначала познает себя как некоторый внешний предмет, а когда приходит к целостному представлению о себе, начинает, следуя за взрослыми, называть себя., как и другие предметы, своим именем¹. Лишь к концу 2-го года жизни он полностью заменяет собственное имя местоимением «я».

Трудно без специальных исследований понять психологический «механизм» перехода от собственного имени к местоимению Я, т.е. механизм перехода от самопознания к самосознанию. Но нам представляется несомненным, что в так называемую «систему я» входят и рациональные, и аффективные компоненты, и прежде всего отношение к самому себе. Об этом свидетельствуют буквально все факты развития ребенка: и то, что в его сознании с самого начала превалируют аффективные компоненты; и то, что любое приобретение в познавательной деятельности осуществляется первоначально только в условиях непосредственно действующих потребностей, и то, что все первые слова ребенка либо выражают аффект, либо связаны с его удовлетворением. Все это позволяет сделать вывод о том, что процесс самопознания, завершающийся понятием Я, осуществляется на основе не только интеллектуальных, но и аффективных обобщений. Более того, некоторые факты свидетельствуют о том, что аффективное выделение себя («аффективное самосознание», если можно так выразиться) возникает даже раньше, чем рациональное.

В этом отношении интересен один факт, фиксированный В.С. Мухиной. Она пишет, что уже в 1 год ее близнецы стали соотносить свое имя с самим собой. Когда она спрашивала, где Кирюша, Кирюша начинал улыбаться и радостно, пружинисто приседать. Если она спрашивала, где Андрюша, аналогичную реакцию проявлял Андрюша (с. 32).

¹ Интересно отметить, что, согласно и нашим наблюдениям за двумя детьми этого возраста, обозначение себя именем собственным совпадает с тем периодом, когда дети начинают интересоваться названием каждой вещи и быстро обогащают свой словарь. Этот факт В. Штерп, К. Бюллер и другие психологи связывали с тем, что дети «делают открытие», что каждая вещь имеет свое название.

Исключительно интересными в ее дневнике являются записи о том, как дети «сделали открытие» своего «я». «Андрюша, - пишет В.С. Мухина, - сделал открытие. Смотрит в зеркало и радостно сообщает: «Вотин я!». Затем указывает на себя пальцем «Вотин я!». Тянет меня за собой, подводит к зеркалу: «Вот мама» - указывает на отражение в зеркале. «Вот мама!» И так много раз». Это произошло в 1 г. 9 мес. Последнюю неделю, сообщает она, мальчики, просыпаясь, поворачивают голову друг к другу и друг друга называют по имени. Кроме того, они в течение 1этой недели с увлечением играют с зеркалом. «Вотин я!» - указывают на изображение в зеркале. «Вотин я» - тычут себя в грудь. Может быть, осознание себя как субъекта, будучи подготовленным всем ходом предшествующего психологического развития, действительно, завязываются в «систему я» путем открытия?

Итак, центральным новообразованием, возникающим к концу раннего детства, является «система я» и рождаемая этим новообразованием потребность действовать самому; как известно, она выражается в постоянном и настойчивом требовании ребенка - «Я сам». Сила этой потребности настолько велика, что она способна подчинить себе многие другие, также достаточно сильные, потребности ребенка.

Яркой иллюстрацией к этому положению может служить следующий факт, описанный в «Дневнике» Н.А. Менчинской:

Саша не хочет пить лекарство, ему дают его насильно, после чего он долго и громко плачет; и так каждый раз. Однажды отец сказал: «Саша, ты - мужчина, ты сам выпьешь лекарство». Эффект был поразительный, мальчик широко раскрыл рот и выпил лекарство. Саша обычно не сразу подходит пить лекарство. Сначала после обращения к нему он отходит, отрицательно машет головой, делает вид, что он занят чем-то другим, а потом решительно подходит и выпивает лекарство... Если взрослый с ложкой в руках идет по направлению к Саше, он ни за что не будет пить лекарство. Но если остановиться и сказать: «Подойди сам, пей сам лекарство», то он его выпивает.

Следовательно, потребность в реализации и утверждении своего Я в этот период развития является доминирующей.

Совершенно очевидно, что возникновение такой мощной потребности диктует необходимость существенно изменить образ жизни ребенка и педагогический подход к его воспитанию. Ана-

лиз психологического содержания кризиса 3 лет и характер его протекания свидетельствуют, что депривация именно этой потребности вызывает основные трудности в поведении детей на рубеже второго и третьего года жизни. Не случайно наиболее остро переживают кризис те дети, которые слишком опекаются взрослыми, либо те, которые живут в условиях авторитарного воспитания, сопровождающегося строгими мерами наказания. И в первом, и во втором случае потребность ребенка в самостоятельности (в «самости») подавляется. Напротив, дети, живущие в больших семьях и воспитываемые в детских учреждениях, дают кризисные реакции значительно реже и в смягченном виде.

После возникновения «системы я» в психике ребенка возникают и другие новообразования. Самыми значительными из них являются самооценка и связанное с ней стремление соответствовать требованиям взрослых, - быть «хорошими».

Согласно многим наблюдениям, самооценка отчетливо проявляется уже к концу второго года жизни, но она не вытекает из оценки ребенком своих действий, появляется раньше и носит эмоциональный характер.

Когда Сашу спросили, кто он такой, он ответил: «Я хороший Саша» (из дневника Н.А. Менчинской). Другой ребенок, за которым мы наблюдали, в этот же возрастной период гордо говорил: 1 «Я всегда хороший», «Я хороший и больше никакой» (2 г. 11 мес.).

По-видимому, в первичной самооценке почти полностью отсутствует рациональный компонент, она возникает на почве желания ребенка получить одобрение взрослого и таким образом сохранить эмоциональное благополучие¹.

Наличие одновременно, существующих сильных, но противоположно направленных аффективных тенденций (делать согласно собственному желанию и соответствовать требованиям взрослых) создает у ребенка неизбежный внутренний конфликт и тем самым усложняет его внутреннюю психическую жизнь. Уже на этом этапе развития противоречие между «хочу» и «надо» ставит ребенка перед необходимостью выбора, вызывает противоположные эмоциональные переживания, создает амбивалент-

¹ Аналогичные факты были установлены и в исследованиях под руководством М.И. Лисиной.

ное отношение к взрослым и определяет противоречивость его поведения¹.

В качестве иллюстрации приведу всего два, но очень выразительных факта из дневника Н.А. Менчинской.

Сделает Саша какую-нибудь шалость и сейчас же после этого говорит: «Тепель колёсий» (теперь хороший). Взял со стола лекарство (ему это запрещается), поставил обратно: «Тепель колёсий». Взял палец в рот, вынул: «Тепель колёсий». И другая запись: Саша лежит в вагоне на верхней полке и плюет вниз. Родители на него рассердились, запретили это делать и спросили, что он должен сказать. Саша тихим голосом проговорил «Молодец я» - и потом сейчас же громко «Босе не буду».

Наличие указанного противоречия в поведении и переживаниях детей приводит к обострению кризиса 3 лет. В конце второго года дети относительно легко преодолевают его, но после 3 лет он часто выливается в тяжкие формы упрямства и негативизма, что создает извращенное отношение к требуемым нормам поведения и извращенным взаимоотношениям со взрослыми. Нам пришлось наблюдать ребенка (около 4 лет), который так читал стихотворение: «И не по синим, и не по волнам, и не океана, и не звезды, и не блещут, и не в небесах». И другого ребенка того же возраста, который захотел рисовать, но, когда взрослые стали одобрять его намерение, расплакался и стал требовать: «Скажите, чтобы я не рисовал» - и только после исполнения этого его желания с удовольствием принялся за рисунок.

Таким образом, раздвоение, расщепление личности может иметь свой источник уже в раннем детстве, и игнорирование этого факта грозит в последующих возрастах усилением разрыва между знанием норм и правил поведения и непосредственным желанием их выполнять. А это, в свою очередь, может в дальнейшем отрицательно сказаться на нравственном развитии ребенка и гармоническом строении его личности.

Итак, процесс формирования ребенка раннего возраста завершается возникновением центрального личностного образо-

¹ О появлении у детей раннего возраста амбивалентного отношения к взрослым и связанных с ним аффективных переживаний свидетельствует диссертационное исследование Т.М. Сорокиной («Исследование феномена амбивалентного поведения у детей раннего возраста, 1977»), хотя в нем этот факт анализируется в другом аспекте.

вания в виде «системы я». В эту систему входит не только некоторое знание, но и отношение к себе¹. Все дальнейшее формирование личности теснейшим образом связано с развитием самосознания, имеющего на каждом возрастном этапе свои специфические особенности.

Рассмотрением кризисов первого и третьего года жизни мы заканчиваем в этой статье анализ первых двух этапов формирования личности в онтогенезе. Последующие этапы - кризис 7 лет и кризис подросткового возраста - требуют особого рассмотрения и не могут быть изложены в рамках одной статьи. В дальнейшем им будет посвящена отдельная статья. Скажем только, что кризис 7 лет связан с появлением нового центрального для личности системного образования, которые мы обозначаем термином «внутренняя позиция». Ребенок на рубеже 7 и 8 лет начинает воспринимать и переживать себя в качестве «социального индивида», и у него возникает потребность в новой жизненной позиции и в общественно значимой деятельности, обеспечивающей эту позицию.

И наконец, кризис подросткового возраста, самый сложный и длительный, характеризуется в первой его фазе (12-14 лет) возникновением способности ориентироваться на цели, выходящие за пределы сегодняшнего дня («способность к целеполаганию»), а на второй фазе (15-17 лет) - осознанием своего места в будущем, т.е. рождением «жизненной перспективы»: в нее входит и представление о своем желаемом «я», и о том, что он хочет совершить в своей жизни.

Пока все изложенное в этой статье является теоретическими гипотезами, основанными на отдельных, ранее установленных фактах. Для проверки этих гипотез необходимы широко поставленные психологические исследования. Они нужны не только для обогащения научных знаний о формировании личности в онтогенезе, но и для построения адекватной методики воспитания к для определения критериев, по которым можно было бы судить об уровне воспитанности ребенка.

¹ Для того, чтобы сказать нечто более содержательное о структуре «системы Я», нужны специальные исследования по этой проблеме.

Этапы формирования личности в онтогенезе (II)

1

В нашем сообщении¹ были рассмотрены два начальных критических периода в формировании личности ребенка - кризисы 1 года и 3 лет. В настоящей статье будет рассмотрен кризис 7 лет, знаменующий собой переходный период от дошкольного детства к школьному.

Напомним, что кризисы возрастного развития, согласно нашему предположению, являются результатом депривации тех потребностей ребенка, которые возникают у него к концу каждого возрастного периода вместе с основным, личностным новообразованием.

Напомним также, что каждый возрастной этап характеризуется особым положением ребенка в системе принятых в данном обществе отношений. В соответствии с этим жизнь детей разного возраста заполнена специфическим содержанием: особыми взаимоотношениями с окружающими людьми и особой, ведущей для данного этапа развития деятельностью-игрой, учением, трудом.

На каждом этапе существует также определенная система прав, которыми пользуется ребенок, и обязанностей, которые он должен выполнять.

Характер занимаемого ребенком положения определяется, с одной стороны, объективными нуждами общества, с другой - существующими в данном обществе представлениями о возрастных возможностях ребенка и о том, каким он должен быть. Эти представления складываются стихийно на основе длительного исторического опыта, и, хотя утвердившиеся на их основе этапы детской жизни несколько различны в обществах с разной конкретно-исторической формацией, в основных чертах они сходны между собой и соответствуют действительному ходу детского развития.

¹ Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе. - Вопросы психологии, 1978, №4.

Каждый ребенок, независимо от особенностей его индивидуального развития и степени готовности, достигнув определенного возраста, оказывается поставленным в соответствующее, принятое в данном обществе положение и тем самым попадает в систему объективных условий, определяющих характер его жизни и деятельности. на данном возрастном этапе. Соответствовать этим условиям для ребенка жизненно важно, так как только при этом он может чувствовать себя на высоте занимаемого положения и испытывать эмоциональное благополучие.

Однако в ранние периоды развития (до 6-7 лет) дети еще не отдают себе отчета в том, какое место они занимают в жизни, и у них отсутствует сознательное стремление его изменить. Если у них возникают новые возможности, не находящие реализации в рамках того образа жизни, которые они ведут, тогда они переживают неудовлетворенность, вызывающую у них бессознательный протест и сопротивление, что и находит свое выражение в кризисах 1 года и 3 лет.

В отличие от этого у детей 6-7-летнего возраста в связи с продвижением в их общем психическом развитии (о чем мы подробно будем говорить ниже) появляется ясно выраженное стремление к тому, чтобы занять новое, более «взрослое» положение в жизни и выполнять новую, важную не только для них самих, но и для окружающих людей деятельность. В условиях всеобщего школьного обучения это, как правило, реализуется в стремлении к социальному положению школьника и к учению как новой социально значимой деятельности. Конечно, иногда это стремление имеет и другое конкретное выражение: например, стремление выполнять те или иные поручения взрослых, взять на себя какие-то их обязанности, стать помощниками в семье и т.д. Но психологическая сущность этих стремлений остается той же самой - старшие дошкольники начинают стремиться к новому положению в системе доступных им общественных отношений и к новой общественно значимой деятельности¹.

Появление такого стремления подготавливается всем ходом психического развития ребенка и возникает на том уровне, ког-

¹ Подробно об этом см.: Известия АПН РСФСР, вып. 36, 1951, а также: Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М, 1968, 446 с.

да ему становится доступным осознание себя не только как субъекта действия (что было характерным для предшествующего этапа развития), но и как субъекта в системе человеческих отношений. Это становится возможным потому, что к концу дошкольного возраста на основе целого ряда психических новообразований, возникающих в процессе социализации ребенка, он объективно представляет собой уже достаточно устойчивую интегративную систему и способен в специфической для своего возраста форме осознать себя в этом качестве и дать отчет в своем отношении к окружающему. Иначе говоря, у ребенка появляется осознание своего социального Я¹.

Новый уровень самосознания, возникающий на пороге школьной жизни ребенка, наиболее адекватно выражается в его «внутренней позиции», образующейся в результате того, что внешние воздействия, преломляясь через структуру ранее сложившихся у ребенка психологических особенностей, как-то им обобщаются и складываются в особое центральное личностное новообразование, характеризующее личность ребенка, в целом. Именно оно и определяет поведение и деятельность ребенка и всю систему его отношений к действительности, к самому себе и к окружающим людям.

Возникновение такого новообразования становится переломным пунктом на протяжении всего онтогенетического развития ребенка. На пороге школьной жизни в условиях всеобщего школьного обучения оно характеризуется тем, что дошкольника перестает удовлетворять прежний образ жизни и он хочет занять позицию школьника («хочу в школу ходить», «хочу в школе учиться» и т.п.).

Вместе с тем необходимо отметить следующее: сравнительная характеристика отношения детей к учению в школе, полученная в 60-х гг. и в настоящее время, обнаруживает, что в предшествующий период развития лишь редкие дошкольники не мечтали о том, чтобы вырваться за пределы узкосемейных отношений, пойти в школу и начать учиться. В настоящее время количество таких детей резко возросло. Анализ причин этого

¹ Может быть, было бы точнее говорить здесь не об осознании, а о переживании себя в качестве социального субъекта, так как оно осуществляется в особой, свойственной детям этого возраста форме. Но об этом мы будем говорить, когда коснемся характеристики мышления и сознания ребенка-дошкольника.

явления приводит к выводу, что оно не характеризует отставания в личностном развитии ребенка и не связано с существом кризиса. Старшие дошкольники 70-х гг. также стремятся к выполнению серьезной, общественно значимой деятельности. И хотя они продолжают увлеченно играть в различные ролевые игры, игра все же постепенно начинает уступать место различного рода занятиям, играм с правилами и пр. Иначе говоря, старшие дошкольники и сейчас не хотят лишь имитировать жизнь взрослых, они бессознательно ищут новых видов деятельности, новых отношений, которые могли бы составить реальное содержание их собственной жизни. Но стать школьниками многие все же не стремятся. Анализ этого явления позволяет предположить, что оно может быть объяснено двумя обстоятельствами. Во-первых, трудностями, которые связаны с учением в школе, о чем ребенок постоянно слышит от окружающих и о которых может умозаключить сам, наблюдая жизнь старших детей. Во-вторых, тем, что уже в детском саду они начинают достаточно серьезно учиться, и, таким образом, мотив «хочу читать и научиться писать» частично является уже удовлетворенным. В поддержку высказанных предположений говорит также и то, что сегодняшние первоклассники, так же как и первоклассники прошедших годов, очень дорожат занимаемым им положением в школе; так же относятся к отметкам, к слову учителя, к соблюдению правил поведения и многим другим требованиям школьной жизни, что свидетельствует о большой значимости для них позиции школьника.

В дальнейшем, при переходе от одного возрастного этапа к другому, психологическое содержание указанного новообразования будет различным, так как иными являются те внутренние психические процессы, на основе которых возникает переживание ребенком своего объективного положения. Но во всех случаях оно будет отражать степень удовлетворенности ребенка занимаемым им положением, наличие или отсутствие у него переживания эмоционального благополучия, а также порождать у него соответствующие потребности и стремления.

Наличие внутренней позиции характеризует не только процесс формирования личности в онтогенезе. Раз возникнув, эта позиция становится присущей человеку на всех этапах его жизненного пути, и также определяет его отношение и к себе, и к занимаемому им положению в жизни. Однако, в отличие от внутренней позиции в онтогенезе, где она несет на себе печать воз-

растных особенностей ребенка, позиция взрослого человека характеризуется гораздо большими индивидуальными различиями. Кроме того, для онтогенетического развития личности внутреннюю позицию характеризует стремление ребенка к новому, более «взрослому» положению в жизни. В период же зрелости - к положению, которое представляется человеку более соответствующим его требованиям, а в период угасания - стремление сохранить то положение, которое человек занимал раньше. Поэтому утрата стареющим человеком его прежнего положения в жизни также сопровождается кризисами. Только здесь они знаменуют собой не начало нового этапа развития, а начало процесса свертывания и отмирания прежних возможностей человека.

Возвращаясь к кризису 7-летнего возраста, еще раз. скажем, что здесь впервые происходит осознаваемое самим ребенком расхождение между его объективным общественным положением и его внутренней позицией; и если переход к новому положению своевременно не наступает, то у детей возникает та неудовлетворенность, которая и определяет поведение ребенка в соответствующий критический период.

Интересно отметить, что эти трудности были достаточно ясно выражены, когда обучение в школе начиналось с 8 лет, и значительно уменьшились, почти свелись на нет, после того как дети начали ходить в школу на год раньше.

Следовательно, кризис 7 лет в основе своей также имеет депривацию потребности, которая порождается возникающим в этот период психическим новообразованием.

Итак, внутренняя позиция школьника в соответствующем ее содержании является тем центральным личностным новообразованием, которое подготавливается на протяжении всего дошкольного возраста и завершается к его концу. А это есть вместе с тем и новый этап в формировании личности ребенка.

Какие же процессы психического развития в дошкольном возрасте приводят к указанному новообразованию? Как оно подготавливается и какими специфически возрастными чертами характеризуется?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, проследим две основные для формирования личности дошкольника линии его психического развития: во-первых, линию его нравственного развития и, во-вторых, развитие его познавательной сферы, приводящие к формированию специфически детского мировоззрения и мироощущения.

Нравственное формирование дошкольника тесно связано с изменением характера его взаимоотношений со взрослыми и рождением у него на этой основе нравственных представлений и чувств, названных Л.С. Выготским внутренними этическими инстанциями.

Эта линия развития относительно хорошо изучена в детской психологии и изложена как в книге Д.Б. Эльконина¹, так и в работе Л.И. Божович².

Д.Б. Эльконин связывает возникновение этических инстанций с изменением взаимоотношений между взрослыми и детьми. Он пишет, что у детей дошкольного возраста, в отличие от раннего детства, складываются отношения нового типа, что и создает особую, характерную для данного периода социальную ситуацию развития.

В раннем детстве деятельность ребенка осуществляется преимущественно в сотрудничестве со взрослым; в дошкольном возрасте ребенок становится способным самостоятельно удовлетворять многие свои потребности и желания, причем не только способен, но и активно хочет действовать сам. В результате совместная деятельность его со взрослым как бы распадается, вместе с чем ослабевает и непосредственная слитность его существования с жизнью и деятельностью взрослых людей.

Однако прежнее эмоциональное отношение ребенка к взрослому не пропадает и даже не ослабевает. Взрослый продолжает оставаться постоянным притягательным -центром, вокруг которого строится жизнь ребенка. Это порождает у детей потребность участвовать в жизни взрослых, действовать по их образцу. При этом им хочется воспроизводить не только отдельные действия взрослого (это было уже в раннем детстве), но и подражать всем сложным формам его деятельности, его поступкам, его взаимоотношениям с другими людьми, - словом, всему образу жизни взрослых людей.

Однако реально он еще не способен осуществить свое желание. По-видимому, именно этим объясняется расцвет в период

¹ Эльконин Д.Б. Детская психология. - М., 1960. 316 с.

² Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. - М., 1968, 446 с.

дошкольного детства творческой ролевой игры, в которой ребенок воспроизводит разнообразные ситуации из жизни взрослых, берет на себя роль взрослого и в воображаемом плане осуществляет его поведение и деятельность. Это дает ребенку возможность своеобразной реализации того стремления, осуществить которое в действительности он еще не может. Недаром Л.С. Выготский пишет: «...если бы в дошкольном возрасте мы не имели бы вызревания нереализуемых немедленно потребностей, то мы не имели бы и игры»¹. Игра, пишет он, «должна быть понята, как воображаемая иллюзорная реализация нереализуемых желаний»². При этом подчеркивается, что в основе игры лежат не отдельные аффективные реакции, а обогащенные (хотя самим ребенком и не осознанные) аффективные стремления.

В силу указанных причин творческая ролевая игра становится, по определению Л.С. Выготского, «ведущей деятельностью дошкольника»³, в которой формируются многие его психологические особенности, среди которых важнейшей является способность руководствоваться этическими инстанциями.

Конечно, не только в игре формируются у детей новые возможности и не только в ней они овладевают социальными нормами поведения.

Взрослые в повседневной (так сказать, деловой) жизни предъявляют к детям определенные требования: к аккуратности, добросовестности, организованности, сочувствию, доброте и пр. За выполнение требуемых норм детей одобряют, за нарушение - порицают или даже наказывают. А в этом возрасте одобрение взрослых, особенно родителей, значит для детей так много, что они стараются заслужить его своим поведением.

Таким образом, у дошкольников в практике их повседневной жизни возникают требуемые привычки поведения и некоторое обобщенное значение многих этических норм, которые ориентируют их в том, что «хорошо» и что «плохо».

Однако игра выполняет в нравственном формировании ребенка особую и очень важную функцию.

Разыгрывая принятую на себя роль, ребенок сам выделяет те

¹ *Выготский Л.С.* Игра и ее роль в психическом развитии ребенка. - Вопросы психологии, 1966, № 6, с. 63.

² Там же, с. 64.

³ Там же, с. 62.

правила и нормы, которые приняты в окружающей его социальной среде, и делает их правилами своего игрового поведения. Беря на себя, например, роль матери, девочка проявляет к своему «ребенку» заботливость, доброту, внимание, ухаживает за ним, готовит ему пищу, уговаривает, наказывает за плохое поведение, старается быть справедливой. Иначе говоря, она стремится в игре воплотить то поведение, которое приняла за образец.

Напомним очень интересный в этом отношении опыт, проведенный Д.Б. Элькониным. Моделью для него послужил случай, описанный в свое время Селли, а именно: две девочки (5 и 7 лет) решили играть в сестер и в этой игре вели себя не так, как обычно, а так, как в идеале должны вести себя сестры. Эльконин предложил своим дочерям также играть в сестер. Девочки хотя и удивились, но предложение приняли. За время игры у них не возникало конфликтов и ссор, так как, следуя правилам игры, они вели себя по отношению друг к другу так, как должны вести себя сестры, старшая «руководила» младшей; младшая слушалась старшую и проявляла к ней должное уважение.

Из сказанного видно, что игра способствует выделению для сознания ребенка социально принятых этических норм поведения и осмыслению их. Вместе с тем в игре эти нормы становятся собственными, а не навязанными извне нормами ребенка, предъявляемыми им к самому себе. Образно выражаясь, игра является как бы тем «механизмом», который «переводит» требования социальной среды в потребности самого ребенка. Он сам определяет, как надо себя вести в той или иной ситуации, а не ждет за это одобрение окружающих. Его наградой являются чувства собственного удовлетворения и радости, вызываемые в нем выполнением своей игровой роли.

Итак, в условиях повседневного поведения и общения со взрослыми, а также в практике ролевой игры у ребенка-дошкольника формируется некоторое обобщенное знание многих социальных норм, но это знание еще, до конца не осознаваемо самим ребенком и непосредственно спаяно с его положительными или отрицательными эмоциональными переживаниями. Иначе говоря, первые этические инстанции представляют собой пока еще относительно простые системные образования, являющиеся тем не менее зародышами тех нравственных чувств, на основе которых в дальнейшем формируются уже вполне зрелые нравственные чувства и нравственные убеждения.

Нравственные инстанции порождают у дошкольников нравственные мотивы поведения, которые, согласно экспериментальным данным¹, могут быть по-своему воздействию более сильными, чем многие другие непосредственные, в том числе и элементарные потребности.

А.Н. Леонтьев на основании многочисленных исследований, проведенных им и его сотрудниками, выдвинул положение, что дошкольный возраст является периодом, в котором впервые возникает система соподчиненных мотивов, создающих единство личности, и что именно поэтому его следует считать, как он выражается, периодом первоначального, фактического склада личности». Система соподчиненных мотивов, согласно его мнению, начинает управлять поведением ребенка и определять все его развитие².

Это в общем правильное положение должно быть, однако, дополнено некоторыми данными последующих психологических исследований. У детей дошкольного возраста возникает не просто соподчинение мотивов, без которого не может существовать и целесообразно действовать ни одно живое существо. Даже у младенца, когда он испытывает голод (физический или сенсорный), все его другие потребности подчиняются этому доминирующему мотиву, и он начинает действовать в строго определенном направлении. У детей же дошкольного возраста возникает, во-первых, не просто соподчинение мотивов, а относительно устойчивое внеситуативное их соподчинение. Вместе с тем во главе возникшей иерархии становятся специфически человеческие, т.е. опосредствованные по своей структуре, мотивы. У дошкольника они опосредствуются прежде всего образцами поведения и деятельности взрослых, их взаимоотношениями, социальными нормами, фиксированными в соответствующих нравственных инстанциях.

В силу большой аффективной притягательности образцов и усвоенных с их помощью социальных норм последние начинают выступать в качестве сильных мотивов, направляющих поведение и деятельность ребенка. Поэтому дошкольники в ряде

¹ См., например, исследования, приведенные в кн.: Эльконин Д.Б. - Детская психология - М., 1960, 316 с.

² Леонтьев А.Н. Психическое развитие ребенка в дошкольном возрасте - В сб.: Вопросы психологии ребенка дошкольного возраста. - М. 1948. с. 4-15.

случаев уже могут преодолевать другие свои желания и действовать по нравственному мотиву «надо». Но это возможно не потому, что в этом возрасте дети уже умеют сознательно управлять своим поведением, а потому, что их нравственные чувства обладают большей побудительной силой, чем другие мотивы. Это и позволяет им побеждать конкурирующие с ними мотивы в стихийной, не управляемой самим ребенком схватке. Иначе говоря, детей старшего дошкольного возраста характеризует своеобразная «непроизвольная произвольность», которая обеспечивает устойчивость их поведения и создает единство их личности.

Итак, возникновение у ребенка к концу дошкольного возраста относительно устойчивой иерархической структуры мотивов превращает его из существа ситуативного, подчиняющегося непосредственно воздействующим на него раздражителям и сиюминутным побуждениям, в существо, обладающее известным внутренним единством и организованностью, способное руководствоваться устойчивыми желаниями и стремлениями, связанными с усвоенными им социальными нормами жизни. Это и характеризует новую ступень в формировании личности ребенка, ступень, которая позволила А. Н. Леонтьеву говорить о дошкольном возрасте как о периоде «первоначального, фактического, склада личности».

Однако для того чтобы понять, как все эти процессы развития отражаются в сознании и переживании самого ребенка и какой характер носит у него то самоощущение и то отношение к своему положению в жизни, которое мы обозначили понятием «внутренняя позиция», следует проанализировать еще одну линию психического развития дошкольника - уровень и специфические особенности его мышления.

3

Путь познания, который проходит ребенок от 3 до 7 лет, огромен. За это время он узнает столько об окружающем мире и так овладевает различными интеллектуальными операциями, что многие психологи и педагоги прошлого полагали, что ребенком-дошкольником пройден основной путь развития мышления и что в дальнейшем ему предстоит лишь усвоение добытых в науке знаний.

На первый взгляд такое мнение кажется справедливым. Дей-

ствительно, ребенок (особенно к концу дошкольного возраста) уже умеет наблюдать, обобщать, делать выводы, производить сравнения. У него возникает желание заглянуть в причину явления, открыть для себя существующие связи и отношения вещей. Об этом свидетельствует, например, то, с каким упорством и даже надоедливостью он уже в первой половине дошкольного детства задает взрослым свои бесконечные «почему?».

Правда, часто дети могут удовлетвориться и самыми поверхностными и даже нелепыми ответами, но какой-то ответ все же должен быть и, если его нет, ребенок находит его сам, в какой-то своей, специфической для этого возраста логике. И эти вопросы глубоко волнуют детей, так как они тесно связаны с их общим эмоциональным отношением к окружающему.

Один шестилетний мальчик спросил у матери: правда ли, что все люди умирают и что дом, в котором они живут, останется пустым и заброшенным. Мать ответила ему, что умирают все люди, но дом никогда не останется пустым, потому что, когда умирают родители, в доме остаются их дети, а потом дети детей, и так будет всегда. После этого ответа ребенок успокоился и повеселел.

Все это говорит о том, что сознание ребенка-дошкольника не просто заполнено отдельными образами, представлениями и отрывочными знаниями, но характеризуется некоторым целостным восприятием и осмыслением окружающей его действительности, а также отношением к ней. В известном смысле можно сказать, что у него есть свой взгляд на мир и из этого мира не исключен и он сам, и его взаимоотношения с другими людьми.

Психологические исследования свидетельствуют, что в период дошкольного детства у ребенка уже складывается известная самооценка. Конечно, не такая, как у старших детей, но и не такая, как у детей раннего возраста. Маленькие дети (от 2 до 3 лет) обычно независимо ни от чего считают себя хорошими. В отличие от этого у дошкольников формируется самооценка, опирающаяся на так или иначе производимый ими учет успешности своих действий, оценок окружающих, одобрения родителей. Можно сказать, что в период дошкольного детства действительно формируется особое детское миропонимание, в которое входит некоторое общее представление о мире, отношении к нему и отношении к себе в этом мире.

Однако мало одного утверждения, что сознание и мировоззрение детей дошкольного возраста носит особый, специфичес-

кий характер. Следует выяснить, что же представляет собой эта специфика. Каковы психологические особенности того мировоззрения, которое отличает детей старшего дошкольного возраста, с которым они входят в школьную жизнь и которое перестраивается лишь в результате школьного обучения к концу младшего школьного возраста?

Здесь уместно вспомнить учение Л.С. Выготского о научных и житейских понятиях. Он говорил, что, до того как ребенок начинает учиться в школе и последовательно усваивать системы научных понятий, относящихся к разным областям действительности, он уже имеет определенные знания о ней, почерпнутые в его повседневной жизненной практике и общении с людьми. Эти знания представляют собой систему им самим сделанных обобщений. Данные многих психологических исследований позволяют заключить, что эти обобщения обнаруживают сходные черты у всех детей одного возраста, что они устойчиво держатся в сознании ребенка, сопротивляются внушению извне и лишь постепенно перестраиваются в процессе обучения. Изучение этих обобщений и дает возможность понять качественное своеобразие детского сознания.

Психологические исследования житейских понятий показывают, что лежащие в их основе обобщения, во-первых, носят неосознанный характер и, во-вторых, что, несмотря на это, они позволяют ребенку достаточно хорошо ориентироваться в окружающем мире и действовать в нем. По словам Л.С. Выготского, дети, не осознавая подлинных критериев мертвого и живого, тем не менее безошибочно знают, что надо отнести в одну, а что в другую категорию. По каким-то признакам они правильно распознают предметы природного или искусственного происхождения, хотя совокупность признаков, по которым они это делают, ими сознательно не выделяется.

Это своеобразие детского мышления было отчетливо выявлено нами в экспериментальном исследовании, специально посвященном этому вопросу¹. Методика его была такова: детям (каждому в отдельности) показывали то одну, то другую вещь и спрашивали: поплывет она или потонет. Например, палка, гвоздик, мячик, консервная банка, пробка и т.д. Правильность своего

¹ Божович Л.И. О психологической природе формализма в усвоении школьных знаний. - Советская педагогика, 1945, № 11.

ответа ребенок тут же проверял на практике. Оказалось, что дети школьного возраста до изучения закона Архимеда, тем не менее никогда в ответе не ошибались (позднее было показано, что не ошибались и дети среднего и старшего дошкольного возраста). Однако, на вопрос, почему плавают или тонет та или иная вещь, они привлекали в качестве объяснения то, что хотя и является частично правильным, все же подлинным основанием для их суждений служить не могло, и ребенок, правильно ориентируясь в данном явлении, в действительности опирался не только на те признаки, которые указывал.

Для примера приведем одну из бесед с испытуемым мальчиком 7-летнего возраста. Его спросили, поплывет или потонет резиновый мячик. Он ответил: «Конечно поплывет!» - «Почему?» - «Он же легкий» - «А гвоздик?» - «Гвоздик потонет», - «Почему, ведь он легче мячика?» - «Так ведь он железный» - «А банка?» - «Поплывет» - «Но ведь она железная» - «А у нее дно целое» и т.д. и т.п.

Совершенно очевидно, что мальчик только в ответ на требование взрослого привлекает в качестве объяснения указываемый им признак. Действительное же основание своего суждения он не осознает. Он даже не осознает противоречивости своих суждений: он их рядопологает. На самом же деле в основе его совершенно правильного прогноза лежит определенное (как бы непосредственное) знание, опирающееся на некоторое не осознаваемое им самим обобщение, являющееся эквивалентом понятия удельного веса. Это обобщение и позволяет ребенку каким-то особым чутьем правильно определять, будет плавать или тонуть та или иная вещь. Точно такие же неосознанные обобщения, возникающие в практике речевого общения, порождают чувство языка, свойственное детям задолго до усвоения грамматики в школе. Это чувство позволяет им понимать и непостижимо быстро усваивать речь окружающих, а также изобретать свои собственные оригинальные слова и фразы так, как будто бы им известны объективные законы построения языка. Равным образом и нравственные знания в основном опираются у них на систему неосознаваемых или же не полностью осознаваемых обобщений, что и определяет специфический характер их понимания и отношения к действительности.

У взрослых также существует много таких понятий, которыми они интуитивно правильно пользуются, но не умеют до конца их осознать и дать им точное, исчерпывающее объяснение в речи. Однако такого рода понятия не занимают в их сознании

доминирующего положения. У детей же до обучения в школе и формирования научных понятий эти обобщения составляют специфическую особенность сознания, определяют характер их восприятия действительности и отношения к ней. Поэтому, когда мы говорим, что ребенок сначала осознает себя как субъекта действия, а затем как социального субъекта (субъекта взаимоотношений), то в этом случае следует иметь в виду, что это «осознание» носит у детей не столько рациональный, сколько чувственный (интуитивный) характер. Поэтому и «мировоззрение» дошкольника точнее надо было бы назвать не столько «мировоззрением», сколько, пользуясь выражением И.М. Сеченова, «целостным мироощущением».

Природа такого рода мышления остается пока загадочной. Не помогают в этом отношении и замечательные по своей тонкости и скрупулезности исследования «дооперационального детского мышления» Ж. Пиаже. Ни «символическое мышление» ребенка, опирающееся на сенсомоторные знаки, ни мышление на стадии «конкретных операций» не способны раскрыть механизм образования и функционирования тех сложных «житейских» понятий (например, понятие удельного веса), которые существуют у ребенка, ориентируют его в окружающем мире и позволяют понять то, что ему еще недоступно на уровне логического мышления. Не случайно Ж. Пиаже дает дооперациональному мышлению лишь негативную характеристику (в чем его слабость) по сравнению с операциональным. Он рассматривает его как предшествующую, более элементарную стадию развития логического (кодированного социальными знаками) мышления. Но мышление на уровне «житейских» понятий не стадия, а особая форма мышления, имеющая свои особенности и свой путь развития. Эта форма мышления не осознается человеком и сознательно им не управляется и, несмотря на это, способна в конечном счете достигать не менее, а, может быть даже более высоких творческих результатов, чем мышление логическое.

Сейчас многие исследователи направляют свои усилия на изучение так называемого интуитивного мышления, но и его психологическая природа остается еще малоизученной.

Но, так или иначе, со стороны развития познавательной сферы к концу дошкольного возраста ребенок уже становится способным, конечно в особой, указанной выше форме, сознавать и самого себя (представляющего к этому времени уже некоторое объективно данное единство) и то положение, которое он в данное время занимает в жизни.

Сознание своего социального Я и возникновение на этой основе внутренней позиции, т.е. некоторого целостного отношения к окружающему и самому себе, порождает соответствующие потребности и стремления, на которых возникают их новые потребности, но они уже знают, чего они хотят и к чему стремятся. В результате игра, которая на протяжении всего школьного возраста заполняла жизнь ребенка иллюзорным участием в общественно значимой жизни взрослых, к концу этого периода перестает его удовлетворять. У него появляется потребность выйти за рамки своего детского образа жизни, занять новое, доступное ему место и осуществлять реальную, серьезную, общественно значимую деятельность. Невозможность реализовать эту потребность и порождает кризис 7 лет.

Таково содержание той внутренней позиции, которая возникает у ребенка на пороге школьного возраста и которая определяет особенности его развития в период младшего школьного возраста.

На протяжении этого возраста указанная позиция сначала ослабевает, а затем и изменяет свое содержание, что происходит в связи с формированием нового уровня самосознания, характеризующего критический период подросткового возраста. Но это уже новый вопрос.

Этапы формирования личности в онтогенезе (III)

1

Кризис подросткового возраста значительно отличается от кризисов младших возрастов, уже рассмотренных нами ранее¹. Он представляется нам самым острым и самым длительным по сравнению со всеми возрастными кризисами, знаменующими собой переломные этапы в онтогенетическом формировании личности ребенка. По существу, весь подростковый возраст является затяжным переходным периодом от детства к зрелости.

В течение этого периода ломаются и перестраиваются все прежние отношения ребенка к миру и самому себе (первая фаза подросткового возраста - 12-15 лет) и развиваются процессы самосознания и самоопределения, приводящие в конечном счете к той жизненной позиции, с которой школьник начинает свою

самостоятельную жизнь (вторая фаза подросткового возраста - 15-17 лет; ее часто называют периодом ранней юности).

Следует особо отметить, что и в подростковом возрасте процесс формирования личности не завершается. Весь этот период представляет собой значительную перестройку ранее сложившихся психологических структур и возникновение новых, которые с этого момента лишь начинают дальнейший путь своего развития. Однако здесь ведущими будут уже не возрастные закономерности, а закономерности, связанные с индивидуальным формированием психики человека.

В этой статье нас будут интересовать те процессы развития в младшем школьном возрасте, которые непосредственно подготавливают подростковый кризис, анализ самого этого кризиса и возникновение того основного личностного новообразования, которое завершает подростковый кризис, а вместе с ним и весь период возрастного развития ребенка.

Напомним, что кризисный характер перехода от одного этапа формирования личности к другому обусловлен тем, что потребности и стремления, возникающие у субъекта в связи с образованием новых психологических структур, встречают препятствия на пути своего удовлетворения и таким образом оказываются нереализованными.

Кризис подросткового возраста в отличие от кризисов других возрастов более затяжной и острый, так как в связи с быстрым темпом физического и умственного развития у подростков возникает много таких, актуально действующих потребностей, которые не могут быть удовлетворены в условиях недостаточной социальной зрелости школьников этого возраста. Таким образом, в этот критический период депривация потребностей выражена значительно сильнее, и преодолеть ее, в силу отсутствия синхронности в физическом, психическом и социальном развитии подростка, очень трудно.

Кризис подросткового возраста отличается и еще в одном, весьма существенном отношении. Дело в том, что в младших возрастах депривация вновь возникших потребностей связана преимущественно с внешними препятствиями (запретами взрослых, неизменившимся образом жизни ребенка, сковывающим его

¹ Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе - Вопросы психологии, 1978, № 4; 1979, № 2.

активность и т.п.); в кризисе же подросткового возраста не меньшую роль играют и внутренние факторы: запреты, накладываемые подростком на самого себя, ранее сформировавшиеся психологические новообразования (привычки, черты характера и пр.), часто мешающие подростку достигнуть желаемого и прежде всего им самим избранного образца. Конечно, и внешние условия - особенно необходимость оставаться зависимым от взрослых, когда уже возникло желание занять иной, более зрелый социальный статус, освобождающий от постоянного внешнего контроля и позволяющий подростку самостоятельно решать свои проблемы, - имеют здесь большое значение, но не они являются решающими.

Точно так же не является сам по себе решающим и фактор биологического созревания, которому до сих пор еще некоторыми психологами придается преувеличенное значение. Нельзя отрицать, конечно, что перестройка организма, в том числе и быстро наступающие соматические изменения, не имеет отношения к кризису подросткового возраста. Исследования свидетельствуют, что происходящие в этот период физиологические процессы повышают эмоциональную возбудимость подростка, его импульсивность, неуравновешенность и пр., а быстрое возмужание усиливает ощущение своей «взрослости» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кроме того, в этот период впервые появляется и становится предметом сознания и переживания подростка, новая и очень мощная биологическая потребность - половое влечение. Безусловно, депривация этого влечения может фрустрировать подростка и тем самым объяснить некоторые особенности его самочувствия и поведения. Вместе с тем надо учитывать, что половое влечение, так же как и все другие биологические потребности человека, приобретает в процессе развития качественно иной, опосредствованный характер. Так же как, например, потребность в раздражителях, необходимых для развития мозговых систем, сначала становится потребностью во внешних впечатлениях, а затем потребностью в активной познавательной деятельности, так же и половое влечение в ходе своего развития приобретает форму человеческой любви. Возникая в пубертальный период, оно входит в структуру уже существующих у подростка психологических новообразований (разнообразных интересов, нравственных и эстетических чувств, взглядов и оценок), формируя вместе с ними такого рода отно-

шение к другому полу, в котором половое влечение, как правило, не занимает доминирующего положения. Поэтому депривация (в силу социальной незрелости подростка) этого влечения не является серьезным фрустрирующим фактором и не играет определяющей роли в кризисе подросткового возраста. В силу сказанного, нам представляются несостоятельными попытки объяснить этот сложный по своей природе возрастной кризис, исходя из факта полового созревания. Несостоятельными являются и все теории подросткового возраста, которые пытаются объяснить психологию подростка, исходя из каких-либо внешних по отношению к психическому развитию факторов. Ведь факторы биологического, и социального порядка не определяют развитие прямо; они включаются в сам процесс развития, становясь внутренними компонентами возникающих при этом психологических новообразований. А.Н. Леонтьев справедливо утверждал, что никакое развитие невыводимо непосредственно из того, что составляет лишь его предпосылки. Развитие, согласно его точки зрения, надо исследовать как процесс «самодвижения», в котором «его предпосылки выступают как в нем же трансформирующиеся его собственные моменты»¹. Следовательно, уже возникшие новообразования сами начинают выступать в качестве внутренних факторов развития. Через них преломляются испытываемые субъектом воздействия, интегрируются его сознанием и, таким образом, определяют и его внутреннюю позицию, и его поведение, и дальнейший ход формирования его личности.

С этой точки зрения, никакая теория подросткового возраста (а в них, как известно, нет недостатка) не может быть построена на основе учета какого-либо одного фактора. Подростковый возраст, по словам Л.С. Выготского, не может быть охвачен одной формулой. Для этого должны быть изучены внутренние движущие силы и противоречия, присущие данному этапу психического развития, и проанализировано то центральное системное новообразование, которое выполняет интегративную функцию и позволяет понять весь симптомокомплекс подросткового возраста, природу происходящего здесь кризиса и его феноменологию.

¹ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М., 1975, с. 172-173.

На основании имеющихся в литературе данных и собственных исследований мы полагаем, что кризис подросткового возраста связан с возникновением в этот период нового уровня самосознания, характерной чертой которого является появление у подростка способности и потребности познать самого себя как личность, обладающую именно ей, в отличие от всех других людей, присущими качествами. Это порождает у подростка стремление к самоутверждению, самовыражению (т.е. стремление проявлять себя в тех качествах личности, которые он считает ценными) и самовоспитанию. Депривация указанных выше потребностей и составляет основу кризиса подросткового возраста.

2

Попробуем проследить те изменения в психике детей младшего школьного возраста, которые подводят к возникновению в переходный период указанного выше системного новообразования.

Структура учебной деятельности во многом отличается от структуры игры: она целенаправленна, результативна, обязательна, произвольна. Она служит предметом общественной оценки и потому определяет положение школьника среди окружающих, от чего зависит и его внутренняя позиция, и его самочувствие.

В силу этих особенностей учебная деятельность и, главное, сам процесс усвоения знаний, предъявляющий новые требования к мышлению школьника, словом, учебная деятельность в целом становится в младшем школьном возрасте ведущей, т.е. той, в которой формируются основные психологические новообразования этого периода: теоретические формы мышления, познавательные интересы, способность управлять своим поведением, чувство ответственности и многие другие качества ума и характера школьника, отличающие его от детей дошкольного возраста. При этом главную роль играет развитие мышления, происходящее в ходе усвоения научных знаний. Возникающие здесь новообразования являются существенными для понимания тех изменений, которые происходят в сознании и личности детей подросткового возраста.

Согласно мысли Л.С. Выготского, обучение в школе выдвигает мышление в центр сознательной деятельности ребенка. А это означает закономерную перестройку и самого сознания. Становясь доминирующей функцией, мышление начинает опре-

делять работу и всех других функций сознания, интегрируя их для решения стоящих перед субъектом задач. В результате «обслуживающие мышление» функции интеллектуализируются, осознаются и становятся произвольными.

Но самые существенные перемены происходят в самом мышлении. До обучения оно, опираясь на непосредственный жизненный опыт, оперирует либо конкретными образами и представлениями, либо своеобразными эквивалентами понятий, данными в форме неосознаваемых ребенком чувственных обобщений («житейских понятий»¹). В процессе школьного обучения оно преобразуется в мышление теоретическое, дискурсивное, в основе которого лежит оперирование понятиями.

Усваивая знания, школьник учится процессу образования понятий, т.е. овладевает умением строить обобщения не по сходным признакам (какой бы мерой общности они не обладали), а на основе выделения существенных связей и отношений. Для того, чтобы образовать, например, такое понятие, как жизнь, надо, по словам Энгельса, «исследовать все формы жизни и изобразить их в их взаимной связи»². Таким образом, овладевая понятием, школьник овладевает не только «абстрактной всеобщностью», но и тем «сгустком утверждающих суждений», который в нем заключен. Он овладевает умением развернуть эти суждения, переходить от понятия к понятию, т.е. рассуждать в собственно теоретическом плане.

Выработка понятий требует от школьника активности, направленной на решение поставленной перед ним учебной задачи; иначе говоря, этот процесс в известном смысле является творческим. Усвоение знаний в школе потому и способствует образованию понятий и развитию теоретического мышления, что требует от школьника анализа причин соответствующих явлений, понимания закономерностей, которые их связывают, а также осознания тех способов мышления, которые приводят его к правильным выводам. В этом движении школьник сначала начинает осознавать систему предложенных ему рассуждений, а затем и свой собственный процесс мышления.

¹ Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе. - Вопросы психологии, 1979, № 2.

² Энгельс Ф. Диалектика природы. - К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 634.

Возникновение и развитие теоретического мышления, опирающегося на научное понятие (функционально новое образование, осознанное и выражаемое в речи), служит источником для многих изменений в психике школьника, наиболее полно выраженных в период подросткового возраста. Оно позволяет подростку овладевать новым содержанием, формирует новый тип познавательных интересов (интерес не только к фактам, но и к закономерностям), порождает более широкий взгляд на мир и - что, может быть, самое главное для понимания изменений в личности подростка - приводит к возникновению рефлексии - умению «направить мысль на мысль», а также на познание своих собственных психических процессов и всех особенностей своей личности. Это и определяет формирование у него нового самосознания.

Конечно, не только развитие мышления определяет возникновение специфической для подростков формы самосознания. Этому способствуют и те новые обстоятельства, которые отличают образ жизни подростка от образа жизни детей младшего школьного возраста. Прежде всего это повышенные требования к подростку со стороны взрослых, товарищей, общественное мнение которых определяется уже не столько успехами школьника в учении, сколько многими другими чертами его личности, взглядами, способностями, характером, умением соблюдать «кодекс нравственности», принятый среди подростков. Все это порождает мотивы, побуждающие подростка обратиться к анализу самого себя и к сравнению себя с другими. Так у него постепенно формируются ценностные ориентации, складываются относительно устойчивые образцы поведения, которые в отличие от образцов детей младшего школьного возраста представлены уже не столько в виде образа конкретного человека, сколько в определенных требованиях, которые подростки предъявляют к людям и к самому себе. И даже в тех случаях, когда образец - это определенный человек, то, как показывают специальные исследования, этот образец лишь конкретизирует в себе ценные для подростка качества¹. Иначе говоря, если для младших школьни-

¹ Никитинская М.И. Психологические особенности идеалов подростков и старших школьников. - Советская педагогика, 1976, № 11; Гришанова З.И. Нравственный идеал и его роль в регуляции поведения старшеклассников: Автореф. канд. дисс. - М., 1976.

ков непосредственная эмоциональная привлекательность человека делает его образцом и ребенок принимает его целиком, часто вместе с его отрицательными качествами, то для подростка эмоциональная привлекательность образца определяется тем, насколько образец воплощает в себе требования, которые он предъявляет к человеку.

3

Развитие самосознания и его важнейшей стороны - самооценки - это сложный и длительный процесс, сопровождающийся у подростка целой гаммой специфических (часто внутренне конфликтных) переживаний, на которые обращали внимание буквально все психологи, занимавшиеся этим возрастом. Они отмечали свойственную подросткам неуравновешенность, вспыльчивость, частые смены настроения, иногда подавленность и пр.

Еще очень незрелые попытки анализа своих возможностей сопровождаются то взлетом самоуверенности, то, напротив, сомнениями в себе и колебаниями. Такого рода неуверенность в себе часто приводит подростков к ложным формам самоутверждения - бравированию, развязности, нарушению дисциплины исключительно с целью показать свою независимость.

Часто самооценка оказывается у подростка внутренне противоречивой; сознательно он воспринимает себя как личность значительную, даже исключительную, верит в себя, в свои способности, ставит себя выше других людей. Вместе с тем внутри его гложут сомнения, которые он старается не допустить в свое сознание. Но эта подсознательная неуверенность дает о себе знать в переживании, подавленности, плохом настроении, упадке активности и пр. Причину этих состояний подросток сам не понимает, но они находят свое выражение в его обидчивости («ранимости»), грубости, частых конфликтах с окружающими взрослыми.

Иногда высказывается мнение, что указанные и некоторые другие черты (например, стремление к самоутверждению, чувство одиночества, уход в себя), так часто и подробно описанные в традиционной психологии, присущи лишь подростку, развивающемуся в условиях буржуазного общества, т.е. имеют конкретно-историческое происхождение.

Нет сомнения, что образ жизни и воспитание накладывают

свой отпечаток на особенности личности человека. Следует также отметить, что, чем старше ребенок, тем больше сказываются на нем результаты его индивидуального опыта. Нет и не может быть ни одного подростка, который бы не отличался от другого, личность каждого из них уникальна и неповторима. И тем не менее было бы ошибкой отрицать на этом основании существование психологических особенностей, характерных для каждого возрастного периода развития ребенка, в том числе и для подростка. Тем не менее с таким взглядом можно встретиться и в нашей, и в зарубежной литературе. Этот взгляд основан на том, что многие, особенно современные, исследования обнаруживают большие различия в психологии детей и подростков в зависимости от условий их социализации¹. Безусловно, этико-культурные, социально-экономические, конкретно-исторические, половые и биографические различия накладывают свой отпечаток на содержание и характер протекания подросткового кризиса. Однако это не исключает наличия общих для всех подростков психологических особенностей, определяемых возникающими в логике психического развития и специфическими для данного возраста новообразованиями. Ведь каждая психологическая структура, характеризующая качественно новый этап развития, строится на основе предыдущих и является необходимой предпосылкой для возникновения последующих. Отрицать это - значит отрицать психическое развитие как процесс самодвижения, имеющий сущие ему закономерности.

В связи с этим вопросом, а также для того, чтобы отчетливее представить особенности личности, характерные для подростков «вообще», напомним вкратце два конкретных исследования, одно из которых относится к 90-м гг. прошлого столетия, другое - к 60-м гг. нашего.

Л.С. Седов² систематизировал и сопоставил данные, собранные им самим и другими русскими и иностранными учеными, и показал, что черты подростка, воплощенные Л.Н. Толстым в образе Николеньки Иртеньева, в своих существенных чертах совпадают с теми, которые выделяются в работах разных психологов, хотя предметом их исследований были подростки, фор-

¹ Кон И.С. Психология юношеского возраста. - М., 1979, с. 9-19.

² Седов Л.С. Психология юношеского возраста. - Вестник воспитателя. 1897, № 6-7.

мирование которых проходило в совершенно разных социальных условиях. Второе исследование - работы Т.В. Драгуновой³ - заключалось в сопоставлении особенностей личности Николеньки с особенностями личности... подростков 60-х гг. Для этого применялся следующий методический прием. После того как подростки прочитывали специальный подбор отрывков из «Детства, отрочества и юности» Л.Н. Толстого, с ними проводилась экспериментальная беседа, в которой выяснялось, что в Николеньке (его поведении, взаимоотношениях с окружающими и в его переживаниях) им особенно запомнилось, что показалось им близким, похожим на них самих, и, что, напротив, было им непонятно, чуждо, вызывало недоумение или даже порицание. В заключение задавался вопрос: смог ли бы Николенька дружить с нашими ребятами, и если нет, то что бы этому мешало?

В результате удалось установить, что большинство специфически -подростковых особенностей Николеньки совпадают с особенностями наших школьников, некоторые оказались для них нетипичными, - а некоторые, хотя и имели нечто общее, все же отличались друг от друга конкретным содержанием и способом выражения. Поясним это примером. Наши подростки не вполне понимали появившееся у Николеньки переживание одиночества как некоторого постоянного жизнеощущения. Однако многие отмечали, что у них также стало часто появляться желание «побыть одному», «разобраться в себе», «в людях», «в том, что происходит». Этот факт: свидетельствует о том, что в логике психического развития у подростков закономерно возникает рефлексия как особый, самостоятельный вид деятельности. Однако в условиях... воспитания, центральным принципом которого является воспитание в коллективе, эта деятельность не приводит подростков ни к «уходу в себя», ни к «самокопанию», ни к чувству одиночества.

Но, как было уже сказано, больше всего оказалось черт, совпадающих у Николеньки и у современных подростков, т.е. черт, типичных для совершающегося в этот период возрастного перелома.

До 11 лет школьники, как правило, проходят мимо тех мест в повести Л.Н. Толстого, где описывается отношение Николеньки

³ Драгунова Т.В. О некоторых психологических особенностях подростка и психологический анализ оценки поступков подростками. - В сб. Вопросы психологии личности школьника. М. 1961, с. 120-219.

к себе; они их чаще всего не замечают и не запоминают. Завязать с ними беседу на эту тему оказалось невозможным: они скучали и сводили разговор на события жизни Николеньки.

Но уже к 12 годам картина начинает меняться. Школьники все чаще отмечают те места, где описываются особенности личности Николеньки, его нравственные качества, его переживания. Они сами, без специального вопроса, начинают сравнивать себя с Николенькой («Я тоже стал думать о себе»), сочувственно относиться к его переживаниям и связанным с ними поступкам («Правильно обижался!», «И мне часто, так кажется», «Обидно, когда тебе не доверяют», «Хорошо, что взбунтовался» и т.д. и т.п.).

Так же остро, как и Николенька, наши подростки реагируют на успехи и неудачи своей деятельности. Они склонны относить их исключительно за счет своих способностей, а в результате - то испытывают чувство гордости собой и за свои достижения, то впадают в переживание своего «ничтожества». Случайная удача или похвала приводит подростка в приподнятое настроение, а временный неуспех, особенно подчеркнутый окружающими, заставляет падать духом, вызывает неуверенность в себе, робость.

Таким образом, материалы исследования показали, что общими для всех подростков, независимо от различий в их социализации, являются те психологические особенности, в основе которых лежит развитие рефлексии, порождающие потребность понять самого себя и быть на уровне собственных к себе требований, т.е. достигнуть избранного образца. А неумение удовлетворить эти потребности определяет целый «букет» психологических особенностей, специфичных для подросткового кризиса.

4

Однако, не все особенности кризиса переходного возраста связаны с неудовлетворенностью подростка, идущей как бы изнутри. Большое значение имеет здесь и расхождение между возникшими у него потребностями и обстоятельствами жизни, ограничивающими возможность их реализации, расхождение, характерное для каждого возрастного кризиса.

Фактически подросток остается еще типичным школьником¹. Учение, школа, взаимоотношения с товарищами заполняют по-

¹ См. подробнее *Божович Л.И.* Этапы формирования личности в онтогенезе. - Вопросы психологии, 1979, № 2.

что все его время и составляют главное содержание его жизни. Вместе с тем характер внутренней позиции подростка меняется. Та позиция («позиция школьника»), с которой ребенок вошел в школьную жизнь и которая характеризовала не только его отношение к учению, но и всю систему его отношений к действительности, сначала расшатывается, а затем к концу младшего школьного возраста, и вовсе перестает определять и его психическую жизнь, и его поведение. В связи с учением, возмужанием, накоплением жизненного опыта и, следовательно, продвижением в общем психическом развитии у школьников к началу переходного возраста формируются новые, более широкие интересы, возникают различные увлечения и появляется стремление занять иную, более самостоятельную, более «взрослую» позицию, которая связана с таким поведением и такими качествами личности, которые, как им кажется, не могут найти своей реализации в «обыденной», школьной жизни. Ни один подросток не согласится с тем, что систематическое соблюдение школьного режима характеризует и воспитывает волю, а открытое признание своих недостатков - независимость и храбрость. Им кажется, что проявление и воспитание ценных ими качеств личности требуют каких-то особенных, экстремальных условий.

Расхождение между стремлениями подростка, связанными с осознанием и утверждением себя как личности, и положением школьника вызывает у него желание вырваться за рамки повседневной школьной жизни, в какую-то иную, значительную и самостоятельную. Подросток в отличие от младшего школьника обращен в будущее, хотя это будущее представляется ему еще очень туманно.

Невозможность практически изменить свой образ жизни порождает мечты, которые всегда рассматривались и рассматриваются в психологии как присущие подростковому возрасту. Конечно, мечты современного школьника и мечты, например, Николеньки Иртеньева имеют разное содержание и конкретное выражение. Но в них всегда имеет место то или иное «моделирование» своего будущего и себя в этом будущем, или, как говорят зарубежные психологи, воображаемое проигрывание будущих ролей. Следовательно, мечта, являющаяся типичным спутником подросткового возраста, выполняет ту же функцию, что игра в дошкольном детстве: и то, и другое представляют собой способ реализации тех аффективных тенденций, которые не могут найти воплощения в их повседневной жизни.

Но это лишь один способ «самовыражения» детей подросткового возраста, способ наиболее благополучный. Иногда подростки, остро переживающие конфликт между своими желаниями и возможностями их удовлетворения, вступают на путь поиска особой, не воображаемой, а действительной жизни, но уводящей их от ее благополучного течения и нарушающей ход нормального развития подростка. В этих случаях подростки забрасывают учение, школу, их захватывает двор, улица, компании таких же оторвавшихся от школы ребят, что нередко приводит их к асоциальным формам поведения.

5

Кризис переходного периода протекает значительно легче, если уже в этом возрасте у школьника возникают относительно постоянные личностные интересы или какие-либо другие устойчивые мотивы поведения.

Личностные интересы в отличие от эпизодических (ситуативных) характеризуются своей «ненасыщаемостью»: чем больше они удовлетворяются, тем более устойчивыми и напряженными становятся. Таковыми являются, например, познавательные интересы, эстетические потребности и пр. Удовлетворение таких интересов связано с активным поиском (или созданием) предмета их удовлетворения. Это толкает подростков к постановке все новых и новых целей, часто выходящих за пределы сегодняшнего дня.

Значение этого факта трудно преувеличить. Психологические исследования последнего времени отчетливо свидетельствуют о том, какую роль для формирования устойчивости личности и ее саморегуляции имеет ориентация субъекта на отдаленные цели¹.

На решающее значение перспективных целей для психологической структуры и поведения субъекта обратил внимание еще К. Левин. В своем топологическом учении о личности он доказывал, что цели, которые ставит перед собой человек, намерения, которые он принимает, являются своеобразными потребностями («квазипотребностями»), не отличающимися по силе и другим динамическим свойствам от истинных потребностей. И чем бо-

¹ Чудновский В.Э. К вопросу о психологической сущности устойчивости личности. - Вопросы психологии, 1978, № 2.

лее широким является «жизненное пространство», в которое включен индивид, тем большее значение приобретают отдаленные цели. Ценностные ориентации субъекта на эти будущие цели подчиняют себе промежуточные и тем самым определяют поведение, эмоции и моральное состояние субъекта.

Таким образом, наличие у подростка устойчивых личностных интересов делает его целеустремленным, а следовательно, внутренне более собранным и организованным. Он как бы обретает волю. Недаром Л.С. Выготский, возражая принятому в традиционной психологии взгляду, говорил, что подростка характеризует не слабость воли, а слабость целей.

Конечно, целенаправленность и другие указанные выше особенности личности могут возникнуть не только на основе ненасыщаемых интересов. Они возникают и в связи с другими устойчивыми мотивами, требующими целевой организации поведения, например, с мотивами общественно-трудовой деятельности или с необходимостью поддержать семью, кого-либо из близких людей и пр. Иначе говоря, любые осознанные и устойчивые мотивы (мотивы «второго порядка») изменяют весь внутренний облик подростка. Они становятся доминирующими в структуре его мотивационной сферы и таким образом подчиняют себе все другие его потребности и стремления. Это ликвидирует постоянные конфликты разнонаправленных мотивационных тенденций, характерных для кризиса переходного возраста и делает подростка внутренне более гармоничным.

Переходный критический период завершается возникновением особого личностного новообразования, которое можно обозначить термином «самоопределение». С точки зрения самосознания субъекта оно характеризуется осознанием себя в качестве члена общества и конкретизируется в новой, общественно значимой позиции.

Самоопределение формируется во второй фазе подросткового возраста (16-17 лет), в условиях скорого окончания школы, связанного с необходимостью так или иначе решить проблему своего будущего. Правда, подлинное самоопределение часто не завершается к моменту окончания школы, о чем убедительно свидетельствует исследование внутренней позиции абитуриентов и студентов 1-11 курсов, проводимое коллективом кафедры педагогики Воронежского университета под руководством С.М. Годника.

От мечтаний подростка, связанных с будущим, самоопределение отличается тем, что оно основывается на уже устойчиво сложившихся интересах и стремлениях субъекта; тем, что оно предполагает учет своих возможностей и внешних обстоятельств; опирается на формирующееся мировоззрение подростка и связано с выбором профессии. Правда, вопрос о том, кем быть и что делать дальше, возникает у подростков уже в конце VIII класса. Однако, как показывают экспериментальные данные, в это время они еще психологически не готовы к его решению. Чаще всего эту проблему решают за них взрослые или обстоятельства жизни и лишь иногда они сами, да и то либо случайно, либо по подражанию. Исключение составляют только учащиеся, обладающие какими-либо специальными способностями или рано сложившимися устойчивыми личностными интересами. Подлинное же самоопределение, т.е. самоопределение как системное новообразование, связанное с формированием внутренней позиции взрослого человека, возникает значительно позже и является завершающим последний этап онтогенетического развития личности ребенка.

Сопоставление результатов анализа всех критических периодов, характеризующих этапы формирования личности в онтогенезе (кризисы 1-го года, 3, 7 лет и кризис подросткового возраста), позволяет увидеть некоторые имеющиеся здесь закономерности.

Прежде всего обнаруживается место в этом процессе сознания и его функций. Сознание является центром, в котором интегрируются все психологические новообразования, определяя тем самым личность субъекта как «высшую психологическую систему» (Л.С. Выготский) - ее структуру, ее возрастные и индивидуальные особенности.

Интегрирующая и регулирующая функция сознания осуществляется на основе не только интеллектуальных, но и аффективных обобщений. Поэтому в структуру системных новообразований, характеризующих личность (например, в структуру нравственных чувств, убеждений, мировоззрения), входят не только интеллектуальные, но и аффективные компоненты; они-то и придают этим новообразованиям побудительную силу.

Все воспринимаемые субъектом воздействия, опосредствуясь сознанием, определяют его внутреннюю позицию и его целостную реакцию.

Развитие сознания в онтогенезе характеризуется тем, что в нем все большую и большую роль начинают играть процессы познания и осознания субъектом самого себя как некоторого единого целого, способного и стремящегося к активному самовыражению. Развитие сознания изменяет характер взаимоотношений между субъектом и средой. Только что родившийся ребенок (новорожденный) представляет собой существо, действующее под влиянием непосредственно идущих от организма присущих ему биологических потребностей. Затем поведение и деятельность ребенка начинают определяться восприятием тех предметов внешнего мира, в которых «кристаллизировались», т.е. нашли свое воплощение, его биологические потребности. В этот период он является рабом актуально действующей на него ситуации.

Однако уже на втором году жизни положение существенно меняется. В этот период формируется первое личностное новообразование - мотивирующие представления, выражающиеся в способности ребенка действовать в соответствии со своими внутренними побуждениями. Мотивирующие представления являются результатом первого синтеза интеллектуальных и аффективных компонентов, обеспечивающих ребенку «отрыв» от непосредственно действующей на него ситуации. Они порождают у него стремление поступать согласно своим внутренним побуждениям и вызывают «бунт» ребенка, если реализация его активности встречает сопротивление среды. Конечно, это «бунт» стихийный, не намеренный, но он является свидетельством того, что ребенок вступил на путь формирования личности и ему стали доступны не только реактивные, но и активные формы поведения.

На следующем этапе (кризис 3 лет) происходит выделение ребенком самого себя в качестве субъекта в мире объектов, на которые он может воздействовать и которые может изменять. Здесь ребенок уже осознает свое «Я» и требует возможности проявлять свою активность («Я сам»). Это не только обуславливает новый шаг в преодолении ситуативности поведения, но и порождает у ребенка стремление активно воздействовать на ситуацию, преобразуя ее для удовлетворения своих потребностей и желаний.

На третьем этапе (кризис 7 лет) у ребенка возникает сознание себя как существа социального и своего места в системе доступных ему общественных отношений. Условно этот период можно обозначить периодом рождения социального «Я». Именно в это время у ребенка формируется «внутренняя позиция», порождающая потребность занять новое место в жизни и выполнять новую общественно значимую деятельность. И здесь, так же, как и во всех других случаях, у ребенка возникает протест, если обстоятельства его жизни не изменяются и тем самым мешают проявлению его активности.

Наконец, на последнем этапе возрастного развития у подростка возникает самосознание в собственном смысле слова, т.е. способность направлять сознание на свои собственные психические процессы, включая и сложный мир своих переживаний. Этот уровень развития сознания порождает у подростков потребность обернуться на самого себя, познать себя как личность, отличную от других людей и в соответствии с избранным образцом. Это, в свою очередь, вызывает у него стремление к самоутверждению, самореализации и самовоспитанию.

В конце переходного возраста в качестве новообразования этого периода возникает самоопределение, которое характеризуется не только пониманием самого себя - своих возможностей и стремлений, но и пониманием своего места в человеческом обществе и своего назначения в жизни.

Все схематически изложенные здесь этапы формирования личности ребенка свидетельствуют о том, что, чем выше уровень развития его личности, тем более свободным он становится и что формирование личности осуществляется не в условиях приспособления субъекта к требованиям окружающей среды, а в условиях его постоянной творческой активности, направленной на перестройку и окружающей его среды, и самого себя.

Л.С. ВЫГОТСКИЙ¹

Я и Оно

То время, когда психологи могли считать человеческую личность чем-то единым и простым, осталось давно позади. Ныне психологический анализ вскрывает в структуре нашей личности такие совершенно разнородные пласты, которые не позволяют и далее относить ее к какой-то единой субстанции, но дают более близкое представление о ней тогда, когда пытаются ее изобразить в форме диалектического столкновения самых различных тенденций и сил.

Даже популярный язык очень легко проводит различие между тем, что я хочу или делаю, и тем, что мне хочется, как бы устанавливая разницу между двумя основными стержнями нашей личности - теми, которые условно в новой психологии обозначаются как Я и Оно. При этом совершенно точно обнаруживается двойственный характер нашего мышления как постоянного столкновения между Оно и Я. Фрейд говорит, что Я подобно всаднику, а Оно подобно лошади. И если всадник не хочет быть сброшенным лошадью, ему приходится часто вести ее туда, куда она желает. Так точно и нашему Я приходится очень часто следовать за влечениями, заложенными в более глубоких пластах личности, иначе возникает существенный и серьезный конфликт, кончающийся или временным недугом, или более длительным заболеванием. Психозы и неврозы, как показывают исследования, представляют формы заболеваний, возникающих на почве внутреннего конфликта между отдельными слоями личности. При этом Я и является тем сознательным и организующим поведением ядром, которое мы все время обозначаем как мышление. Я есть мыслящая сторона нашей личности; отсюда делается совершенно ясна и та зависимость, в которую попадает мышление, от более коренных и основных стремлений организма.

Мы начинаем понимать, что мышление само возникает только на инстинктивной и эмоциональной базе и направляется именно силами последней. Установление эмоционального и активного характера мышления представляет едва ли не важнейшее завоевание психологии последних десятилетий. С особой настойчивостью выдвигается и подчеркивается обстоятельство, что

¹ Л.С. Выготский. Педагогическая психология. М. 1991.

мысль всегда означает необычайную заинтересованность организма в том или ином явлении, что мышлению присущ активный и волевой характер, что в своем течении мысли подчиняются не механическим законам ассоциации и не логическим законам достоверности, но психологическим законам эмоции.

В этом смысле мысль приходится понимать как особую, ново решаемую задачу поведения или ориентировки в новых обстоятельствах. Мышление всегда возникает из затруднения. Там, где все течет легко и ничем не стесняемо, еще нет повода для возникновения мысли. Мысль возникает там, где поведение встречает преграду. Вот эта затрудненность как основной источник мышления и дала повод для всех тех психологических анализов, которые устанавливают подчиненность нашей мысли детерминирующей тенденции, т.е. такой предопределяющей задаче, которая должна быть решена на этот раз. Отсюда и те элементы усилия, поисков, направленности и всех других неоформленных и хаотических остатков приспособительной деятельности, которые возникают при мышлении.

Реальные формы социального поведения

В реальной жизни люди поддерживают свое существование тем, что в процессе труда приспособляют природу к своим потребностям. Производство человека отличается коллективным характером и всегда нуждается в организации общественных сил как в предварительном моменте для своего возникновения.

В жизни, вообще, существует тесная зависимость между организмами одного и того же вида. Однако формы человеческой общественности отличаются от форм общественности животных. Животная общественность возникла на основе инстинктов питания, защиты, нападения и размножения, которые потребовали совместного сотрудничества разных организмов. У человека эти инстинкты привели к образованию и возникновению хозяйственной деятельности, которая лежит в основе всего исторического развития. Маркс говорит по этому поводу: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие, отношения - производственные отношения, которые соответствуют определенной

ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания... С изменением экономической основы происходит более или менее быстро переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче - от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 13. С. 6-7).

Таким образом, с точки зрения исторического материализма «конечных причин всех общественных изменений и политических переворотов следует искать не в головах людей, - говорит Энгельс, - не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их нужно искать не в философии, а в экономике соответствующей эпохи» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 19. С. 210).

Процесс производства принимает у человечества широчайший общественный характер, который в настоящую пору охватывает весь мир. В зависимости от этого возникают сложнейшие формы организации общественного поведения людей, с которыми ребенок сталкивается прежде, нежели он непосредственно сталкивается с природой

Поэтому характер воспитания человека всецело определяется тон общественной средой, в которой он растет и развивается. Но среда не всегда влияет на человека непосредственно и прямо, но и косвенно, через свою идеологию. Идеологией мы будем называть все социальные раздражители, которые установились в процесс исторического развития и отвердели в виде юридических норм, моральных правил, художественных вкусов и т.п. Нормы являются насквозь пронизанными породившей их классовой структурой общества и служат классовой организации производства. Они обуславливают все поведение человека, и в этом смысле мы вправе говорить о классовом поведении человека.

Мы знаем, что все решительно условные рефлексy человека определяются теми воздействиями среды, которые посылаются

на него извне. Поскольку социальная среда является в своей структуры классовой, постольку, естественно, все новые связи запечатлеваются этой классовой окраской среды. Вот почему некоторые исследователи решаются говорить не только о классовой психологии, но и о классовой физиологии. Наиболее смелые умы решаются говорить о «социальной всепропитанности» организма и о том что самые интимные наши функции являются в конечном счете выразителями социальной природы. Мы дышим и совершаем важнейшие отправления нашего организма всегда в согласии с теми раздражителями, которые воздействуют на нас. Разбирая психологию современного человека, мы находим в нем такое множество чужих мнений, чужих слов, чужих мыслей, что мы решительно не можем сказать, где кончается собственная и где начинается социальная его личность. Поэтому каждый человек в современном обществе, хочет он того или нет, непременно является выразителем того или иного класса.

Поскольку мы знаем, что индивидуальный опыт каждого человеке обуславливается ролью его в отношении среды, а классовая принадлежность именно и определяет эту роль, постольку ясно, что классовая принадлежность определяет психологию и поведение человека. «Таким образом, - говорит Блонский, - никаких неизменных и общеобязательных законов человеческого поведения в обществе нет. В классовом обществе понятие «человек» вообще есть)) пустое отвлеченное понятие. Общественное поведение человека определяется поведением его класса, и каждый человек непременно есть человек того или другого класса» (1921, с. 73). В этом отношении мы должны быть глубоко историчными и всегда приводить поведение человека в связь с классовой ситуацией в данный момент. Это должно быть основным психологическим приемом для всякого общественного психолога. Припомним, что классовая структура общества определяет собой позицию, которую человек занимает в организованном общественном труде. Следовательно, классовая принадлежность определяет заразу и культурную и природную установку личности в среде. «Отсюда, - говорит Блонский, - всякий человек есть некоторая вариация (средняя, наиболее частая, минимальная, максимальная и т.п.) того или иного общественного класса. Отсюда следует, что поведение индивидуума есть производная поведения соответствующего класса» (там же).

Дело в том, что человеческий труд, т.е. борьба за существование, по необходимости принимает формы общественной борьбы и в зависимости от этого ставит в одинаковые условия целые массы людей, требуя от них выработки одинаковых форм поведения. Одинаковые формы поведения и составляют те общераспространенные религиозные верования, обряды, нормы, в которых живет данное общество. Таким образом, хотим мы того или не хотим, сознательно или бессознательно, но воспитание всегда направляется по классовой линии.

Для психолога это означает, что система раздражителей, которая формирует системы поведения ребенка, состоит из классовых раздражителей.

Это следует иметь в виду, когда перед нынешней педагогикой ставится старый вопрос относительно того, что является идеалом воспитания - интернациональный, общечеловеческий тип или национальный. Надо принять во внимание классовую природу всех идеалов; надо помнить, что идеалы национализма, патриотизма и прочие - только замаскированные формы классовой направленности воспитания. Вот почему для нашей педагогики ни то, ни другое не может явиться верным решением вопроса. Напротив того, поскольку нынешнее воспитание приравнивается к выходящему на историческую арену интернациональному рабочему классу, постольку идеалы интернационального развития и классовой солидарности должны превзойти идеалы национального и общечеловеческого воспитания.

Однако это вовсе не означает того, чтобы современная педагогика относилась с невниманием к национальным формам развития. Дело в том, что национальные формы развития представляют из себя несомненный и великий исторический факт. Поэтому, само собой разумеется, они входят непременно психологическим условием в наше школьное дело. Все то, что усваивает ребенок, приравнивается к тем особым формам поведения, языка, обычаев, нравов и навыков, которые воспринимает ребенок.

Важно избежать основных ошибок, которые делает обычно педагогика. Во-первых, чрезмерного культа народности, который усиливает национальный элемент в поведении и вместо национальности культивирует в учениках национализм. Обычно это связывается с отрицательным отношением к другим народностям, квасным патриотизмом, т.е. пристрастием к внешним, показным признакам своей народности. Национальная окраска

человеческого поведения представляет из себя, как и все культурные приобретения, величайшую человеческую ценность, однако только тогда, когда она не становится футляром, который замыкает в себе человека, как улитку в раковину, и отгораживает его от внешних влияний.

Сталкивание различных культур часть приносило с собой смешанные и ложные формы языка, искусства, но вместе с тем давало прекрасные результаты в смысле развития новых форм культурного творчества. Верность своему народу есть верность своей индивидуальности и единственный нормальный и нефальшивый путь поведения.

Другой опасностью национализма является чрезмерная сознательность в этом вопросе. Дело в том, что национальные формы культуры приобретаются как бы стихийно и входят неосознанной частью в строй нашего поведения. В этом смысле психологически и педагогически национальность не противоречит классу, но и то и другое имеют свою очень важную психологическую функцию.

Проблема одаренности и индивидуальные цели воспитания

Личность и воспитание

Постоянные указания на социальный характер воспитательного процесса отнюдь не означают упразднения проблемы личности в школе или равнодушия к ней. В конце концов воспитание всегда имеет дело с отдельными личностями, и социальная среда складывается или, правильнее сказать, реализуется в отдельных индивидуумах.

Само собой разумеется, что роль и направляющее значение личности воспитанника в воспитательном процессе никак не могут напоминать тот «педагогический дуэт», к которому сводится индивидуалистическое воспитание как процесс, всецело заключенный между учителем и учеником. Если прежде личность ученика составляла центр воспитательного мира, то сейчас она приобретает новое значение и смысл.

Проблема личности в социальном воспитании может означать одновременно несколько отдельных вопросов. Первый из

них касается тех индивидуальных различий, которые присущи каждому ученику. При родовой общности строения человеческого тела и поведения каждая конституция отличается особыми, неповторимыми, единичными, ей одной принадлежащими качествами и свойствами и, в сущности, представляет собой вариацию того среднего типа «человека вообще», на который следует смотреть лишь как на удобный «методический прием, как на абстракцию, но не больше.

Человек вообще, как и отдельные его части и стороны, окажем скелет, психология существуют только в отвлеченной мысли; на деле, в реальной действительности существует только этот или тот человек, скелет и психология этого или того человека. И вот, внимание к этим конкретным особенностям каждого из отдельных людей, само собой разумеется, должно сделаться обязательным для педагога и психолога.

Воспитание никогда не начинается на пустом месте, не выковываются совершенно новые реакции, не осуществляется первый толчок. Напротив, всегда исходят из уже готовых и данных форм поведения и говорят об их изменении, стремятся к замене, но не к созданию абсолютно нового. В этом смысле всякое воспитание есть перевоспитание уже осуществленного. Поэтому первым требованием воспитания является совершенно точное знание наследственных форм поведения, на основе которых придется надстраивать личную сферу опыта. И вот здесь-то знание индивидуальных различий выступает с особой силой.

Крайне резко это бросается в глаза в тех случаях, когда мы «имеем дело с очень яркими и явными отклонениями личности от среднего тина. Представим себе ребенка слепого, глухонемого или с врожденным органическим дефектом центральной нервной системы, окажем идиота. Ясно, что все формы воспитания и обучения, хотя они и не должны нарушать основных законов педагогики, получают какое-то особое направление и смысл применительно к таким детям. У слепых, например, вырабатываются такие же точно условные рефлексy, как и у зрячих, но только с осязания, а не со зрения, и в зависимости от того, что слепой читает пальцами по выпуклому шрифту, т.е. ощупывает и осязает буквы, а не воспринимает их глазом, весь процесс чтения и связанные с ним акты приобретают у него совершенно особый характер и уклон.

Равным образом и процессы выучки и приспособления к тру-

довой жизни глухонемого и идиота представляют такие явные отличия, с которыми не может не считаться педагог. Глухие от рождения не выучиваются обычно разговору, потому что они не слышат чужих слов и звуков, произносимых ими самими. Для того чтобы приобщить их к человеческой речи и сделать возможным общение между ними и нормальными людьми, приходится фиксировать их внимание на тех движениях губ, которые мы производим всякий раз, произнося то или иное слово, учить связывать каждое движение с известными начертанием слова и значением. Затем надо научить их считывать глазами человеческую речь с губ совершенно так же, как мы считываем ее с листа. Для того чтобы выучить глухого говорить, необходимо доставить ему возможность воспринимать произносимое им и контролировать собственные речевые реакции. Так как нельзя сделать это обычным путем через ухо, приходится заменить в данном случае ухо кинестетическими и осязательными раздражениями и, прикладывая руку ученика к горлу, научить его осязать те движения, которые совершаются во время речи и, возвращаясь на самого же говорящего, помогают ему выработать сознательную речь. Эта речь у нас вырабатывается при помощи уха, посредством того, что мы не только произносим, но и слышим и, следовательно, оцениваем произносимое нами.

Равным образом при воспитании идиота приходится прибегать к иным психологическим приемам для закрепления и установления у него условных реакций, чем при воспитании нормального ребенка, и часто пользоваться самыми примитивными инстинктами и потребностями, чтобы научить идиота необходимым формам поведения. Чтобы научить некоторых идиотов умываться или одеваться, приходится связывать этот акт с актом кормления, так как только под давлением сильнейшего раздражения голода такой ребенок оказывается способным выйти из состояния неподвижности и принудить себя к известной деятельности.

И такие приемы, которые заслуживали бы самого сурового осуждения, если бы были применены к нормальному ребенку, оказываются единственно разумными и нужными при воспитании умственно отсталых и дефективных детей.

Равным образом, если мы возьмем другую крайность, а именно детей чрезмерно одаренных, то и здесь натолкнемся на необходимость изменения некоторых общих приемов и правил

воспитания. Опять грубее и проще всего это проявляется на некоторых специальных формах одаренности, скажем к рисованию, музыке или танцу, когда только раннее специальное обучение, начинающееся с самого нежного возраста, может обеспечить нормальное развитие заложенных в ребенке возможностей.

Поэтому воспитание ненормальных, калек и талантов издавна считается как бы экстерриториальным в педагогике, т.е. таким, на которое не распространяются общие законы. Надо сказать, что этот взгляд глубоко ошибочен, и экстерриториальность этой области ей принадлежит не по праву и присвоена по ошибке - в силу естественного непонимания неизученных еще феноменов. Общие законы педагогики только тогда и могут быть научными законами, когда они остаются одинаково применимыми ко всей области воспитания. Законы давления и тяжести совершенно одинаковы, прокладываем мы рельсы в горном туннеле или в болотистой местности. Физика обеих местностей тождественна, хотя практическая работа, связанная с прокладкой путей, будет всякий раз принимать иные формы для каждой местности. Однако требование своеобразных форм работы для каждой местности отнюдь не будет означать существования отдельных законов для каждой из них, но только указывать на то, что одни и те же законы могут иметь разное выражение и степень количественного значения.

Таким образом, и гений, и идиот представляют из себя в детском возрасте такой же точно объект воспитания, как и всякий другой ребенок, и общие законы педагогики писаны для них в такой же мере, как и для всех детей данного возраста. Только исходя из этих общих педагогических законов, мы сумеем найти правильные формы той индивидуализации, которая должна быть сообщена воспитанию каждой из них.

Равным образом неверна мысль, что проблема индивидуализации возникает только по отношению к тому, что выходит за пределы нормы. Напротив, в каждом отдельном ребенке мы имеем известные формы индивидуализации, правда, не столь резко подчеркнутые и выраженные, как при слепоте, гениальности, глухонемоте или идиотизме. Но явление не перестает быть самим собой, если количественная степень его понижается. Требование индивидуализирования воспитательных приемов тоже составляет общее требование педагогики и распространяется решительно на всякого ребенка.

Отсюда перед педагогом встают две задачи: во-первых, индивидуального изучения всех особенных свойств каждого отдельного воспитанника, а во-вторых, индивидуального прино-
рвления всех приемов воспитания и воздействия социальной среды на каждого из них. Стричь всех под одну гребенку - величайшее заблуждение педагогики, и основная ее предпосылка непременно требует индивидуализации: сознательного и точного определения индивидуальных целей воспитания для каждого ученика.

Современная психология все больше и больше начинает проникаться мыслью о конкретности индивидуальных целей воспитания и в связи с этим склонна пересмотреть традиционное учение об одаренности как об абстрактной и общей способности или, во всяком случае, внести в него существенные поправки. Так, Берт заменяет понятие умственной одаренности понятием школьной пригодности и придает всей проблеме психотехнический уклон. Ребенок при этом рассматривается с точки зрения соответствия практическим задачам, которые выдвигает перед ним школа, - совершенно аналогично тому, как психотехника изучает рабочего с точки зрения соответствия требованиям той или иной профессии. На место абстрактных способностей выдвигаются конкретные и практические исследования и испытания реальных навыков в письме, в счете в чтении.

Другая существенная поправка сводится к замене понятия общей и отвлеченной одаренности понятием специальной и конкретной пригодности. Эта поправка оправдывается с одинаковой ясностью и на дефективном ребенке, и на гениальном писателе. Всякая одаренность есть непременно специальная одаренность к чему-нибудь одному. Толстой, например, занял бы одно из первых мест, если бы исследовалась писательская одаренность, но и, вероятно, очень скромное и, может быть, одно из последних мест, если бы исследование касалось музыкальных способностей, пригодности к инженерной деятельности, математического таланта. Чехов был очень средний врач и большой художник. Нередки и такие случаи, когда полудиоты могут блеснуть такой феноменальной памятью, которой позавидовали бы гении. Все это говорит об одном: нет никакой «одаренности вообще», но существуют различные, специальные предрасположения к той или иной деятельности.

Основные формы изучения личности ребенка

Современная психология располагает тремя основными формами изучения личности ребенка.

Первая из них может быть определена как научно упорядоченное наблюдение. Она заключается в том, что мы наблюдаем индивидуальные проявления воспитанника, но только в научно упорядоченной форме. Чтобы понять смысл и назначение этого метода, следует припомнить отличие научного наблюдения от наблюдения простого.

Все мы наблюдаем каждый день чрезвычайное множество фактов, и научное наблюдение отличается только несколькими существенными чертами.

Во-первых, в отличие от обыденного научное наблюдение предполагает заранее установленный отбор подлежащих наблюдению факторов. Предположим, что солнечное затмение наблюдают обыватель, астроном, зоолог, интересующийся поведением животных, психолог и т.д. Наблюдения научные будут всякий раз выделять особый ряд фактов из того множества явлений, которое связано с солнечным затмением. И в то время как обыватель будет руководиться собственным интересом и случайной последовательностью фактов и переводить свой глаз с испуганной коровы на крестящегося человека и с потемневшего солнечного диска на пепельное отражение его в воде, научный наблюдатель всякий раз ограничит свое наблюдение только одной группой фактов, из пределов которой он постарается не выходить ни на минуту. Астроном будет следить только за постепенным потемнением солнца, зоолог - только за поведением животных и т.д.

Таким образом, первое умение научного наблюдателя заключается в знании того круга фактов, который подлежит выделению из всего остального.

Во-вторых, как условие научного наблюдения следовало бы признать классификацию наблюденных фактов, т.е. умение разнести сходные из них по группам, как бы преодолеть индивидуальность каждого факта и найти его одинаковый с другими, типический смысл и значение. Огромнейшая куча совершенно достоверно наблюденных фактов никогда не составит даже пер-

воначального материала науки. Необходимо знать, для чего эти факты собраны. Иначе говоря, нужно произвести новый, вторичный отбор нужных свойств внутри этих фактов и подобрать их так, чтобы данные свойства выделились и выступили с отчетливой ясностью.

Наконец, третьим правилом научного наблюдения надо считать установление известной связи между отдельными группами фактов, т.е. умение составить связную и цельную картину какой-нибудь одной стороны изучаемого процесса, которая вмещала бы в себя всю эту разрозненную группу фактов.

И последним, четвертым правилом будем считать умение научного наблюдения не только описать факты, но и объяснить их, т.е. найти причины и зависимости, которые лежат в основе этих фактов.

Такие же общие требования необходимо предъявлять и к психологическому научному наблюдению. Надо оговориться, что нас здесь занимает не общий вопрос относительно методики психологического наблюдения, но частный - о методике психологических наблюдений в педагогике, т.е. о том смысле и значении, которые могут представлять психологические наблюдения для учителя. При этом предполагается, что мы всякий раз имеем дело не с психологом, но с человеком, обращающимся к психологии только за вспомогательной услугой.

И вот в этом смысле на помощь учителю приходят всевозможные схемы, программы наблюдения личности, планы исследования детской души, которые под разными именами выполняют одну и ту же задачу - дать учителю в руки такое средство, которое позволило бы ему массу ежедневно делаемых наблюдений подчинить изложенным выше четырем правилам и тем самым превратить свое наблюдение в научные психологические наблюдения над личностью учеников.

Не касаясь частных случаев каждого из этих планов, следует указать общие принципы и основы каждого из них. Всякий такой план представляет из себя как бы ряд вопросов, обращенных к учителю и разнесенных по отдельным главам, подглавам, параграфам и номерам. Скажем, пятую главу составляют вопросы о памяти, касающиеся отдельных сторон этой функции - продолжительности, точности, объема памяти и т.п. В свою очередь, каждая из подглав может распадаться на ряд отдельных конкретных вопросов, которые непосредственно указывают учителю

те проявления, которые могут быть отнесены к данному случаю и быть показательными для него. Например, задай вопрос: на какой срок сохраняет ученик усвоенный и выученный материал или сколько повторений требуется ученику для усвоения того или иного стихотворения? При этом план обычно имеет вид книжки или тетради, напечатанной на одной половине страницы, а на другой, остающейся свободной, учитель против всякого вопроса заносит соответствующие наблюдения.

Этот печатный экземпляр можно использовать и для целой школы с таким расчетом, чтобы запись вести в отдельных тетрадях под соответствующими номерами вопросов, параграфов и глав. Учителю необходимо заранее быть знакомым с планом, чтобы ориентироваться в нем.

Затем накопление психологических наблюдений протекает совершенно незаметно в процессе домашней жизни или школьной работы. Учитель, воспитатель или родители заносят всякий замеченный ими факт поведения ребенка в тетрадь, предварительно найдя соответствующие место и номер вопроса. Если для подобного факта не оказывается подходящего вопроса, это означает, что данный факт не подлежит учету и наблюдению. Такие записки накопление фактов происходят в течение длительного времени (полугода или даже года), в результате чего накапливается большой материал. При этом оказывается, что нами уже осуществлены совершенно автоматически два первых требования научного наблюдения: сам собой произошел отбор нужных фактов; благодаря существованию плана факты, незначительные или второстепенные, устранены вовсе из поля внимания и благодаря принятой системе записей факты не просто накоплены, но автоматически классифицированы, они разнесены по соответствующим разделам и, следовательно, определены в своем типическом и родовом значении.

В этом смысле дневник играет роль коллекционного ящика, в который факты складываются как бы в заранее приготовленные для них отделения. Таким образом, на долю воспитателя остаются два последних момента научного наблюдения: систематизация накопленного и его объяснение. Если принять во внимание необычайную трудность четвертого момента (даже для солидно поставленного научного исследования) и особую сложность объяснения полученных фактов полностью, придется признать, что это требование может быть выполнено лишь частично

в наиболее поддающихся толкованию местах, а полностью встает только задача систематизации наблюдений.

Приемов такой систематизации существует несколько, но опять-таки объединяющая их всех черта сводится к переходу от ряда конкретных фактов к некоторым общим выводам и формулировкам относительно той или иной стороны поведения. Предположим, что в течение года нами накоплено несколько десятков фактов, свидетельствующих о том, что ученик запомнил всякий раз исключительно большие и значительные группы учебного материала. При этом оказывается, что продолжительность запоминания практически не подкреплена ни одним фактом, который нам случалось наблюдать в течение года. Само собой разумеется, что, систематизируя наблюдения, мы делаем естественный вывод: закрепление реакций у данного ученика должно быть признано исключительно развитым и активным в смысле объема охватываемых и усваиваемых реакций, но представляет чрезвычайно скромную величину в смысле продолжительности закрепления.

На этом примере ясно видно, что систематизация, в сущности говоря, не включает в себе ничего нового. В ней крайне важно избежать всякой натяжки и сочинительства или привнесения от себя каких-либо домыслов, догадок и т. п. Она не должна заключать в себе ничего, кроме того, что заключено в самих фактах, но она должна только перейти от описания отдельных фактов к общим формулировкам.

При этом причинное объяснение только тогда делается возможным и желательным, когда само сопоставление отдельных групп фактов, возникающее при их систематизировании, наталкивает мысль на предположение о существовании причинной зависимости между одной и другой группами фактов. Если в отделе, характеризующем рецептивный момент реакции, мы придем на основании фактов к выводу, что у нашего ученика зрительные рецепторы работают ослабленно и вяло, и параллельно в характеристике памяти придем к фактическому установлению того, что из (всех типов памяти у ученика наихудшим образом развита зрительная, естественно должны будем сделать заключение, что в данном случае перед нами причинно связанные между собой явления и именно потому зрительная память ученика недоразвита, что его зрительное восприятие слабо.

Достоинствами такой формы научно упорядоченного наблюдения являются, во-первых, естественность производимого здесь наблюдения, во-вторых, научная классификация фактов и, в-треть-

их, параллельность совершаемых наблюдений со всей школьной работой.

В самом деле, мы наблюдаем ученика всякий раз в естественных условиях его работы, и накопленные нами факты всегда относятся к тем непосредственным способам работы, которые привычны ученику. Кроме того, мы классифицируем факты согласно естественной обстановке работы: как они возникают. И наконец, никогда и нигде ученик не подозревает о том, что он является объектом наблюдения. Мы, в свою очередь, никогда не прекращаем педагогической работы для специальных наблюдений, но включаем их как составную часть в общий процесс воспитательных приемов.

Однако данная система обладает и целым рядом очень крупных недостатков. Первый и самый существенный - неопределенность и стихийность такой системы наблюдений. Мы не являемся в данном случае хозяевами положения; напротив, нам остается спокойно ждать, пока нужный нам факт не проявится сам собой. Поэтому долго, иногда годами, приходится ждать нужных фактов, а может случиться и так, что они вовсе не обнаружатся в школьной работе. Поэтому отсутствие тех или иных фактов в том или ином отделе отнюдь не свидетельствует о том, что таких форм поведения у ученика нет, а о том, что они не могут быть получены в школьной или семейной обстановке.

Второй недостаток заключается в раздвоении внимания, которое требуется от учителя и воспитателя, когда он, будучи одновременно психологом и педагогом, должен не только заниматься своим делом, но и наблюдать. Понятно, что при таком раздвоении внимания могут пострадать обе стороны дела - и точность наблюдения, и подъем педагогического творчества.

Наконец, третьим недостатком системы является отвлечение внимания учителя сразу многими или несколькими учениками, что при наблюдении в течение долгого срока не дает ему возможности помнить, какие стороны каких учеников уже закреплены в достаточной мере, а какие не представлены в его дневнике вовсе. Эта случайность и несистематичность наблюдения от раза к разу, ото дня ко дню лишают наблюдение действенного, активного характера.

Из стремления избежать этих недостатков возникла другая чрезвычайно популярная форма психологических наблюдений, тесно связанная с исследованием одаренности. Этой форме может быть присвоено название экспериментального исследования личности ученика.

Л.С. ВЫГОТСКИЙ¹

Развитие личности и мировоззрения ребенка

Попытка синтетического охвата культурного развития должно исходить из 2-х положений. 1-ое заключается в том, что по своему содержанию этот процесс может быть охарактеризован как *развитие личности и мировоззрения ребенка*. Оба этих понятия являются недостаточно определенными и точными научными терминами.

Личность в этом понимании имеет, узкий смысл, чем в обычном словоупотреблении. К этому понятию не причисляются все признаки индивидуальности, отличающих ее от ряда других индивидуальностей, составляющих ее своеобразие или относящих ее к какому-то определенному типу. Между личностью ребенка и ее культурным развитием мы ставим знак равенства. Личность т.о. есть понятие социальное, оно охватывает надприродное, историческое в человеке. Она не рождена, но возникает в результате культурного развития, поэтому личность есть понятие историческое.

Под мировоззрением также понимается какая-либо логическая, продуманная, оформленная и осознанная система взглядов на мир и его важнейшие части. Это слово употребляется тоже в синтетическом охватывающем смысле, соответствующей личности в плане субъективном. Мировоззрение - это то, что характеризует все поведение человека в целом в его культурной части по отношению к внешнему миру. В этом смысле у животного нет мировоззрения, и в этом же смысле нет его у ребенка в момент рождения. И в первые годы жизни, иногда до поры полового созревания, мировоззрение в собственном смысле этого слова отсутствует у ребенка. Часто скорее это миродействие.

Личность развивается как целое. Только тогда когда личность овладевает той или иной формой поведения, только тогда она поднимает ее на высшую ступень.

Сущность культурного развития, как мы видели, заключается в том, что человек овладевает процессами собственного поведения, но необходимой предпосылкой для этого овладения является образование личности, и поэтому развитие той или иной функции является всегда производным и обусловленным развитием личности в целом.

¹ Психология личности. Тексты. М., 1982.

Приобретение речью социальных функций (обращение внимания) и выход ее за пределы естественной органологии через употребление орудий - вот 2 важнейших момента, подготовляющих в первые годы жизни важнейшие изменения, которые лягут в основу всего дальнейшего культурного развития. Вся эта пора в жизни ребенка является переходом от натуральной к культурной жизни. Каждое действие ребенка в эту пору носит еще смешанный животное-человеческий, природно-исторический, примитивно-культурный или органически-личный характер. Эта стадия условно определяется как магическая. (Это 1 год жизни ребенка). Ребенок еще не различает тех изменений, которые происходят вследствие его собственных реакций, и тех, которые производятся независимо от него. У новорожденного отсутствует самое примитивное Я, т.е. личность и мировоззрение, отношение к другим. То и другое для него, следовательно, нераздельно. Это доказательство того, что у ребенка действительно еще не произошло завязывание личности и она еще совершенно слита с его мировоззрением, проявляющимся в его действиях.

Вот характерные черты этой стадии.

1ая - память. При всей необычной силе памяти ребенка в этом возрасте, впечатление первого года жизни никогда не сохраняются и не удерживаются в продолжении последующей жизни ребенка.

Существуют 2 основных объяснения этого факта:

Фрейд полагает, что воспоминание раннего детства вытесняются из сознания, поскольку они относятся к совершенно другой организации жизни ребенка, чем вся последующая его жизнь.

Уотсон отождествляет бессознательное Фрейда с невербальным поведением, с поведением, не закрепленным в словах, и объясняет этот факт тем, что все эти впечатления накоплены без участия речи. Память же является функционированием вербальной стороны нашего поведения. Т.е. первый год в жизни ребенка является как бы доисторической эпохой в его развитии, о которой мы также ничего не помним, как не помним о доисторической эпохе человечества, не оставившей письменности. Наша речь и является, как бы своеобразной письменностью нашего прошлого.

Следующая эпоха в развитии ребенка характеризуется 2-мя основными переменами, происходящими в эту пору и имеющей для всей последующей картины развития решающее значение.

Первый момент - органический, он состоит в том, что ребенок овладевает вертикальной походкой. Отсюда радикальная перемена во всем его приспособлении к пространству, расширение его власти над вещами, освобождение рук от функции передвижения и обилие предметов, которыми ребенок может теперь манипулировать и овладевать.

Другой момент культурный, он заключается в овладении речью.

Овладение речью приводит к перестройке всех особенностей детского мышления, памяти и других функций. Речь становится универсальным средством для воздействия на мир.

Решающим моментом в смысле развития личности ребенка в этом периоде являются осознание им своего Я. Как известно ребенок первоначально называет себя собственным именем, он с некоторым трудом переходит к тому, чтобы усвоить личное местоимение.

Понятие о Я развивается у ребенка из понятия о других. Понятие о личности есть т.о. социальное, отраженное понятие, Строящееся на основе того, что ребенок применяет по отношению к самому себе те приемы, приспособления, которые он применял по отношению к другим. Вот почему можно сказать, что ЛИЧНОСТЬ - есть социальное в нас. Личное имя ребенка выделяется часто в ответ на вопрос, когда у многих детей спрашивают: «Кто хочет этого, у кого это есть?». Здесь личное местоимение, как и собственное имя ребенка, является указательным жестом на самого себя.

Фихте хотел праздновать духовное рождение сына с того дня, как он начал говорить Я, но, конечно, появление этой частицы также мало означает появление сознания личности, как указательный жест далек от объективного значения слова.

Любопытно замечание Штерна, что у перворожденных детей собственное имя часто предшествует личному местоимению, а у детей вторых и дальше - частица Я появляется одновременно и как имя - не только как грамматическая частица, не отделимая от глагола, но и в примитивном смысле, как местоимение указательное.

Следующей типической стадией в развитии детского мировоззрения является возраст игры как особой формы поведения ребенка. На стадии игры еще неустойчиво локализует свою личность и локализует свое мировоззрение. Он также легко может быть другим, как и самим собой, так же, как и каждая вещь может принять любой облик, но что примечательно - это то, что при общей лабильности, неустойчивости детского Я и окружающих его вещей, внутри каждой игры ребенок уже не магически, а разумно расчленяет обращение с вещами и обращение с людьми. Примечательно и то, что ребенок на этой стадии развития уже не путает деятельность игры и деятельность серьезную. То и другое выделено у него, как бы особую сферу, и ребенок легко и с сознанием дела переходит из одной сферы в другую, никогда не путал их. Этот значит, что он уже владеет одной и другой.

Только в школьном возрасте появляется у ребенка впервые, более устойчивая форма личности и мировоззрения. По Плаже, ребенок школьного возраста, является и гораздо более социализированным и индивидуализированным существом. Только с нарастанием, углублением и дифференцированием социального опята растет, оформляются и вызревает личность ребенка.

Важнейшей основой этого изменения является формирование внутренней речи. Только с годами, только постепенно ребенок научается овладевать ходом своих мыслей, как раньше овладевал ходом своих действий, начинает их регулировать, отбирать, и это регулирование мыслительных процессов есть в такой же степени волевой акт, акт выбора, как и моральное действие.

Только к 12 годам, т.е. окончанию первого школьного возраста, ребенок преодолевает вполне эгоцентрическую логику и переходит к овладению своими мыслительными процессами.

Возраст следующий за этим, возраст полового созревания, недаром обозначили как возраст, когда совершаются 2 крупнейшие перемены в жизни подростка.

Это возраст открытия своего Я, оформления личности, с одной стороны, и возраст оформления мировоззрения, отношения к миру - с другой.

В каких бы сложных отношениях эти 2 момента не стояли к основной перемене, совершающейся в этом возрасте, т.е. к процессам полового созревания, несомненно, что в области культурного развития ребенка они означают центральные моменты, наи-

более важные по значению из всего того, что характеризует этот возраст. И не случайно этот возраст Шпрангер назвал возрастом вхождения в культуру.

Когда говорят, что в этот период подросток открывает свой внутренний мир и впервые открывает все его возможности, устанавливая его относительную независимость от внешней деятельности, то с точки зрения того, что нам известно о мышлении, о культурном развитии ребенка, это может быть обозначено как овладение этим внутренним миром.

Недаром внешним корелетом этого события является возникновение жизненного плана как известной системы приспособления, которая впервые осознается ребенком в этом возрасте. Этот возраст, как бы увенчивает и завершает весь процесс культурного развития ребенка.

Деятельность и личность

1. Личность как предмет психологического исследования

Чтобы преодолеть господствующую в психологии диадическую схему, нужно было прежде всего вычлениить то «среднее звено», которое опосредствует связи субъекта с реальным миром. Поэтому мы начали с анализа деятельности, ее общего строения. Однако тотчас обнаружилось, что в определение деятельности необходимо входит понятие о ее предмете, что деятельность по самой своей природе является *предметной*.

Другое дело - понятие о субъекте деятельности. Первоначально, то есть до выяснения важнейших образующих деятельность, субъект остается как бы за пределами исследования. Он выступает лишь в качестве предпосылки деятельности, ее условия. Только дальнейший анализ разных видов деятельности и порождаемых ими форм психического отражения приводит к необходимости ввести понятие о конкретном субъекте, о личности как о *внутреннем условии деятельности*. Категория деятельности открывается теперь в своей действительной полноте: в качестве объемлющей оба полюса - и полюс объекта и полюс субъекта.

Изучение личности как условия деятельности и ее продукта составляет специальную, хотя и не «отдельную» психологическую проблему. Проблема эта является одной из самых сложных. Серьезные трудности возникают уже при попытках выяснить, какая реальность описывается в научной психологии термином «личность».

Личность является не только предметом психологии, но и предметом философского, общественно-исторического познания.

¹ Леонтьев А.Н. Деятельность и личность. Вопросы философии, № 4, 1974.

А на определенном уровне анализа личность выступает и со стороны своих природных, биологических особенностей - как предмет антропологии, соматологии и генетики человека. Интуитивно мы достаточно хорошо знаем, в чем состоят здесь различия. Тем не менее в психологических теориях личности постоянно возникают грубые смещения и неоправданные противопоставления.

Лишь немногие общие положения о личности принимаются с теми или иными оговорками всеми авторами. Одно из них состоит в том, что личность представляет собой некое неповторимое единство, некую целостность. Другое положение заключается в признании за личностью роли высшей, интегрирующей инстанции, управляющей психическими процессами (У. Джемс называл личность «хозяином» психических функций, Г. Олпорт - определителем «поведений и мыслей»). Однако попытки дальнейшей интерпретации этих положений привели в психологии к ряду ложных идей, мистифицирующих проблему личности.

Прежде всего это идея, противопоставляющая «личностную психологию» психологии, изучающей конкретные процессы (психические функции). Одна из попыток преодолеть это противопоставление выражается в требовании сделать личность отправным моментом всякого психологического исследования, «центром, исходя из которого только и можно решать все проблемы психологии», так что необходимость в специальном разделе психологии - психологии личности - отпадает¹. Несмотря на всю убедительность старого афоризма, что «мыслит не мышление, а человек», это требование является методологически наивным по той простой причине, что субъект до аналитического изучения его высших жизненных проявлений неизбежно выступает либо как абстрактная, «незаполненная» целостность, либо как метапсихологическое «я», обладающее изначально заложенными в нем диспозициями или целями. Последнее, как известно, постулируется всеми персоналистическими теориями. При этом безразлично, рассматривается ли личность с биологизаторских, орга-

¹ См. *Е.В. Шорохова*. Некоторые методологические вопросы психологии личности «Проблемы личности». Материалы симпозиума, т. I. М., 1969, стр. 29-30. Иначе ставит этот вопрос С.Л. Рубинштейн: «Сделать, - говорит он, - личностный аспект единственным - значит закрыть себе путь для раскрытия закономерностей психической деятельности» (см. его книгу «Проблемы общей психологии». М., 1973, стр. 248).

нистических позиций или как чисто духовное начало либо, наконец, как некая «психофизиологическая нейтральность»².

Впрочем, требование «личностного» подхода в психологии иногда понимается в том смысле, что при изучении отдельных психологических процессов внимание исследователя должно быть сосредоточено прежде всего на индивидуальных особенностях. Но это отнюдь не решает проблемы, так как а priori мы не можем судить о том, какие из этих особенностей характеризуют личность, а какие - нет. Входят ли в психологическую характеристику личности, например, скорость реакции человека, объем его памяти или умение печатать на машинке?

Один из способов обойти этот капитальный вопрос психологической теории состоит в понимании под личностью человека в его эмпирической тотальности. Психология личности оборачивается, таким образом, особого рода антропологией, включающей в себя все: от исследования особенностей обменных процессов до исследования индивидуальных различий в отдельных психических функциях³.

Конечно, комплексный подход к человеку является не только возможным, но и научно оправданным. Однако никакое комплексное исследование не в состоянии *заменить* собой тот или иной специальный раздел знаний, входящий в данный комплекс. Не иначе обстоит дело и с психологией личности: психология личности отнюдь не замещается комплексом сопоставляемых между собой физиологических, морфологических и функционально-психологических данных. Растворяясь в них, она в конечном счете оказывается редуцированной либо к биологическим, либо к социологическим или культурологическим представлениям о человеке.

Вопрос о соотношении общей и дифференциальной психологии до сих пор остается настоящим качнем преткновения в исследовании личности. Большинство авторов избирает дифференциально-психологическое направление. Беря свое начало от Гальтона и Спирмена, направление это вначале ограничивалось

² В современной психологии персоналистические взгляды развиваются в очень разных направлениях, включая социоантропологические (см., например, A. Maslow. *Motivation and Personality*. N. Y., 1954; M. Dufrenne. *Pour l'homme*. Paris, 1968).

³ См., например, Б.Г. Ананьев. *Человек как предмет познания*. Л., 1968.

исследованием умственных способностей; впоследствии оно охватило изучение личности в целом. Уже Спирмен распространил идею «факторов» на особенности воли и аффективности, выделив наряду с общим фактором «g» фактор «w»⁴. Дальнейшие шаги были сделаны Кеттелом, предложившим многомерную и иерархическую модель факторов (черт) личности, среди которых фигурируют такие, как эмоциональная стабильность, экспансивность, самоуверенность⁵.

Метод исследования, развиваемый эти направлением, состоит, как известно, в изучении статистических связей между отдельными чертами личности (ее свойствами, способностями или поведением), выявляемыми посредством их тестирования. Устанавливаемые корреляционные связи между ними и служат основанием для выделения гипотетических факторов и «суперфакторов», обуславливающих эти связи. Таковы, например, факторы интроверзии и нейротизма, образующие, по Эйзенку, вершину факторной иерархической структуры, которая отождествляется им с психологическим типом личности⁶. Таким образом, за понятием личности выступает некое «общее», которое выделяется посредством тех или иных процедур статистической обработки количественно выраженных признаков, отбираемых по статистическим же критериям. Поэтому, несмотря на то, что в основе характеристики этого «общего» лежат эмпирические данные, оно все же остается по существу *метапсихологическим*, не нуждающимся в психологическом объяснении. Если попытки его объяснения и предпринимаются, то они идут по линии поиска соответствующих морфо-физиологических коррелятов (типы высшей нервной деятельности Павлова, конституции Кречмера - Шелдона, переменные Эйзенка), что возвращает нас к органистическим теориям.

Характерный для этого направления эмпиризм, собственно, и не может дать большего. Изучение корреляций и факторный анализ имеют дело с вариациями признаков, которые выделяются лишь постольку, поскольку они выражаются в доступных измерению индивидуальных или групповых различиях. Соответствующие количественные данные - будут ли они относиться

⁴ *J. Eysenck. Dimension of Personality. London, 1947.*

⁵ *B.B. Cattell. Personality. N.Y., 1950.*

⁶ *H.Eysenck. The Structure of Human Personality. London, 1960.*

к скорости реакции, к строению скелета, к особенностям вегетативной сферы или к числу и характеру образов, продуцируемых испытуемыми при рассматривании чернильных пятен, - подвергаются обработке независимо от того, в каком отношении находятся измеренные признаки к особенностям, ближайшим образом характеризующим человеческую личность.

Сказанное, конечно, вовсе не значит, что применение в психологии личности метода корреляции вообще невозможно. Речь идет о другом: о том, что *сам по себе* метод корреляции индивидуальных свойств является для психологического раскрытия личности еще недостаточным, так как выделение этих свойств нуждается в основаниях, которые не могут быть извлечены из данных дифференциального исследования. Задача найти эти основания возникает тогда, когда мы отказываемся от понимания личности как некой целостности, охватывающей совокупность *всех* особенностей человека - «от политических и религиозных взглядов до способов переваривания пищи»⁷. Из факта множественности свойств и особенностей человека вовсе не следует, что психологическая теория личности должна стремиться к глобальному их охвату. Ведь человек как эмпирическая целостность проявляет свои свойства во всех формах взаимодействия, в которые он вовлечен. Падая из окна многоэтажного дома, он, конечно же, обнаружит свойства, присущие ему как физическому телу, обладающему массой, объемом и т.д.; возможно, что, ударившись о мостовую, он получит увечья или погибнет, и в этом тоже проявятся его свойства, а именно свойства, соответствующие его морфологии. Никому, однако, не придет в голову включать подобные свойства в характеристику личности, сколь бы статистически надежно ни были установлены связи между весом тела или индивидуальными особенностями скелета и, скажем, памятью на цифры⁸.

Когда в повседневной жизни мы даем характеристику личности человека, то мы без особых колебаний включаем в нее такие черты, как, например, сила воли («сильная личность», «слабохарактерный человек»), отношение к людям («доброжелательный», «равнодушный») и т.п., но мы обычно не относим к числу личностных такие особенности, как, например, разрез глаз или уме-

⁷ R.B. Cattell. Ibid., p.3.

⁸ См. «Проблемы личности». Материалы симпозиума, т. I, стр. 117.

ние считать на счетах; мы делаем это, не пользуясь никаким разумным критерием для различения «личностных» и «неличностных» особенностей. Если идти путем перебора и сопоставления отдельных психологических и иных особенностей, то такой критерий вообще не может быть найден. Дело в том, что *одни и то же особенности человека могут стоять в разном отношении к его личности*. В одном случае они выступают как безразличные, в другом - те же особенности существенно входят в его характеристику.

Последнее обстоятельство делает особенно очевидным, что вопреки широко распространенным взглядам никакое эмпирическое дифференциальное исследование не способно дать решения психологической проблемы личности, так как само дифференциальное исследование возможно только на основе общепсихологической теории личности. Фактически именно так и обстоит дело: за любым дифференциально-психологическим исследованием личности - тестологическим или клиническим - всегда лежит та или иная явно или неявно выраженная общетеоретическая концепция.

Несмотря на кажущуюся пестроту и даже взаимную непримиримость современных психологических теорий личности, большинство из них сохраняет характерную для домарксистской и немарксистской психологии метафизическую диадическую схему анализа, о несостоятельности которой я уже говорил⁹. Теперь эта схема выступает в новом обличье - в обличье теории двух факторов формирования личности: *наследственности и среды*. Какую бы особенность человека мы ни взяли, она, согласно этой теории, объясняется, с одной стороны, действием наследственности (заложенными в генотипе инстинктами, влечениями, способностями или даже априорными категориями), а с другой - влиянием внешней среды (природной и социальной - языка, культуры, обучения и т.д.). С точки зрения здравого рассудка другого объяснения, собственно, и нельзя предложить. Однако обыденный здравый рассудок, по меткому замечанию Энгельса, весьма почтенный спутник в домашнем обиходе, переживает самые удивительные приключения, как только он отваживается выйти на простор исследования¹⁰.

⁹ См. А.Н. Леонтьев. Проблема деятельности в психологии «Вопросы философии». 1972, № 9, стр 95-98.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 204.

Кажущаяся непреодолимость теории двух факторов приводит к тому, что споры ведутся главным образом вокруг вопроса о значении каждого из этих факторов: одни настаивают на том, что главной детерминантой является наследственность и что внешняя среда, социальные воздействия обуславливают лишь возможности и формы проявлений той программы, с которой рождается человек; другие выводят важнейшие особенности личности непосредственно из особенностей социальной среды, из «социокультурных матриц». Однако при всем различии идейного и политического смысла высказываемых взглядов все они сохраняют позицию двойной детерминации личности, так как просто игнорировать один из факторов, о которых идет речь, значило бы идти против эмпирически доказуемого влияния обоих¹¹.

Взгляды на соотношение биологического и социального факторов как на простую их конвергенцию или делящие психику человека на сосуществующие эндосферу и экзосферу уступили свое место более сложным представлениям. Они возникли в связи с тем, что главным предметом анализа стали проблема внутренней структуры самой личности, образующие ее уровни, их иерархические отношения. Так, в частности, возникло представление о характеризующем личность соотношении сознательного и бессознательного, развитое З. Фрейдом. Выделенное им «либидо» представляет собой не только биоэнергетический источник активности, но и особую инстанцию в личности - «оно» (Id), противостоящую «я» (ego) и «сверх-я» (super-ego); генетические и функциональные связи между этими инстанциями, осуществляемые посредством специальных механизмов (вытеснения, цензуры, символизации, сублимации), и образуют с этой точки зрения структуру личности.

Здесь нет необходимости вдаваться в критику фрейдизма, взглядов М. Адлера, Е. Юнга и их современных продолжателей. Совершенно очевидно, что взгляды эти не только не пре-

¹¹ Теория двух факторов в этой, так сказать, облагороженной ее форме не заслуживала бы внимания, если бы ей не приписывали иногда «диалектичности». Человек, читая мы в уже цитированной книге, является диалектическим единством природного и общественного. «Все в нем, будучи производным двух факторов (социального и биологического), должно нести печать их на себе, только одно в большей, а другое в меньшей степени, в зависимости от содержания психического явления». («Проблемы личности». Материалы симпозиума, т. 1. стр. 76-77).

одолевают, а, напротив, обостряют теорию двух факторов, превращая идею их конвергенции в смысле В. Штерна или Дж. Дьюи в идею их *конфронтации*.

Другое направление, в котором развивался подход к личности со стороны ее внутреннего строения, представлено культурно-антропологическими концепциями. Отправными для них явились этнологические данные, которые показали, что существенные психологические особенности определяются различиями не человеческой *натуры*, а человеческой *культуры* и что соответственно система личности есть не что иное, как субъективно отраженная, индивидуализированная система культуры, в которую включается человек в процессе его «аккультуризации». Нужно сказать, что в этой связи приводится множество наблюдений, начиная с известных работ М. Мид, которая показала, например, что даже такое устойчивое явление, как психологический кризис в подростковом возрасте, не может быть объяснено наступлением полового созревания, так как в некоторых культурах этого кризиса не существует¹². Аргументы черпаются также из обследования лиц, внезапно перемещенных в новое культурное окружение, и, наконец, их экспериментальных исследований таких специальных явлений, как влияние преобладающих в данной культуре объектов на ход борьбы зрительных полей и т.п.¹³.

Для психологии значение культурно антропологических интерпретаций личности является, однако, иллюзорным: они неизбежно ведут к *антипсихологизму*. Уже в 40-х годах Р. Линтон указывал на возникающую здесь трудность, которая состоит в том, что культура реально существует лишь в своей концептуализированной форме, как обобщенный «конструкт». Ее носители - это, конечно, конкретные люди, каждый из которых частично ее усваивает; в них культура персонифицируется и индивидуализируется. Но при этом она образует не *личностное* в человеке, а то, что, напротив, является в нем безличным - как, например, общий язык, знания, распространенные в данной социальной среде, предрассудки, моды и т.д.¹⁴. Поэтому для психологии личности

¹² См. *M. Mead. Coming of Age in Samoa*, N.Y., 1963.

¹³ См. *J. W. Bagby. A Cross-cultural Study Predominance of Perceptual Binocular Rivalry. «Journal of Abnormal and Social Psychology»*, 1957, vol. 54, pp. 331-344.

¹⁴ См. *R. Linton. The Cultural Background of Personality*. N. Y. 1945.

значение обобщенного понят (construct) культуры является, по выражению Олпорта, «обманчивым»¹⁵. Психолога интересует индивид как личность, а личность - это не просто сколок, частичная персонификация той или иной культуры. Культура, хотя она и существует в своих персонификациях, составляет предмет истории, социологии, а не психологии.

Культурологические теории вводят в этой связи различение собственно личности, как продукта индивидуальной адаптации к внешним ситуациям, и ее общей «базы» или «архетипа», которые формируются у человека в детстве под влиянием черт, свойственных данной расе, этнической группе национальности, социальному классу. Введение этого различения, однако, ничего не решает, потому что образование архетипа само нуждается в дальнейшем объяснении и допускает различные интерпретации, в частности психоаналитические. При этом общая двухфакторная схема остается, хотя и в несколько трансформированном виде. Понятие генотипа (наследственность) теперь осложняется введением понятия базовой личности, архетипа, или первичных установок, а понятие внешней среды - введением понятия ситуации и понятия *роли*. Последнее и стало сейчас чуть ли не центральным в социальной психологии личности.

По широко распространенному определению, роль - это программа, отвечающая ожидаемому поведению человека, занимающего определенное место в структуре той или иной социальной группы; это структурированный способ его участия в жизни общества. Личность и представляет собой не что иное, как система усвоенных («интернализированных») ролей. В социальной группе, которая образует семью, - это роль сына, отца и т.д.: на работе - роль, скажем, врача или учителя. В неопределенных ситуациях роль тоже возникает, только тогда в роли гораздо больше проявляются черты архетипа и индивидуально приобретенного опыта.

Идея прямого сведения личности к совокупности ролей, которые исполняет человек, является - несмотря на всевозможные оговорки адептов этой идеи - одной из самых чудовищных. Конечно, ребенок усваивает то, как он должен вести себя с мамой, например, что ее нужно слушаться, - и он слушается; но можно

¹⁵ G. Allport. *Pattern and Growth in Personality*. N. Y., 1961.

ли сказать, что при этом он играет роль сына или дочери? Столь же нелепо говорить, например, о роли полярного исследователя, «акцептированной» Ф. Нансеном; для него это не роль, а *миссия*. Конечно, иногда человек действительно разыгрывает ту или иную роль; но она все же остается для него только ролью независимо от того, насколько она «интернализирована». Роль - не личность, а *изображение*, за которым она скрывается. Если воспользоваться терминологией П. Жане, понятие роли соотносительно не с понятием личности (*personnalite*), а с понятием персонажа (*personnage*)¹⁶.

Важнейшими возражениями против «ролевых» теорий являются не те, которые идут по линии критики того или иного понимания места, отводимого ролям в структуре личности, а те, которые направлены против самой идеи, связывающей личность с запрограммированным поведением, даже если программа поведения предусматривает ее самоизменение и создание новых программ и подпрограмм (Гандерсон). Что бы вы сказали, спрашивает цитируемый автор, если бы узнали, что «она» лишь искусно играла перед вами роль?¹⁷

Судьба концепции ролей та же, что и других социологических культурно-антропологических концепций, остающихся в плену теории двух факторов. Чтобы спасти психологическое в личности, она вынуждена апеллировать к темпераменту и способностям, заложенным в генотипе индивида, и мы снова возвращаемся к ложной проблеме о том, что является главным - генотипические особенности человека или воздействия социальной среды. Более того, нас предупреждают об опасности любой односторонности. Лучше всего, говорят нам, сохранять в решении этой проблемы «разумное равновесие»¹⁸.

Итак, на деле методологическая премудрость этих концепций сводится к формуле вульгарного эклектизма: «и то и другое», «с одной стороны, с другой стороны». С позиций сей премудрости свершается суд и над психологами-марксистами - они де повинны (вместе с защитниками культурологии!) в недооценке

¹⁶ P. Janet. L'evolution psychologique de la personnalite. Paris, 1929, pp. 320-332, а также: G. Bergez. Caractere et personnalite PUF, 1959. Pp. 69-71.

¹⁷ K. Gunderson. Robot, Consciousness and Programmed Behaviour. «The British Journal for the Philosophy of Science?», 1968, vol. 19, № 2.

¹⁸ G. Allport. Op cit., p. 194.

внутреннего в личности, ее «внутренней структуры»¹⁹. Понятно, что высказывания такого рода могут возникнуть только в результате бессмысленных попыток уложить взгляды марксизма на личность в глубоко чуждые ему концептуальные схемы.

Дело вовсе не в том, чтобы констатировать, что человек есть и природное и общественное существо. Это положение указывает лишь на разные системные качества, проявляемые человеком, и ничего еще не говорит о сущности его личности, о том, что ее порождает. А в этом как раз и заключается научная задача.

Задача эта требует понять личность как новообразование, которое формируется в жизненных отношениях индивида в результате преобразования его деятельности. Но для этого необходимо с порога отбросить представление о личности как о продукте совокупного действия разных сил, из которых одна скрыта, как в мешке, «за поверхность кожи» человека (что бы в этот мешок ни сваливали), а другая исходит из внешней среды (как бы мы эту силу ни трактовали - как силу воздействия стимульных ситуаций, культурных матриц или социальных «экспектаций»). Ведь никакое развитие непосредственно не выводимо из того, что составляет лишь необходимые его *предпосылки*, сколь бы детально мы их ни описывали. Марксистский диалектический метод требует идти дальше и исследовать развитие как процесс «самодвижения», то есть исследовать его *внутренние* движущие отношения, противоречия и взаимопереходы, так что его предпосылки выступают как в нем же трансформирующиеся его собственные моменты²⁰.

Такой подход необходимо приводит к выводу об общественно-исторической сущности личности. Положение это означает, что личность впервые возникает в обществе, что человек вступает в историю (и ребенок вступает в жизнь) как индивид, наделенный определенными природными свойствами и способностями, и что личностью он становится лишь в качестве субъекта общественных отношений. Иначе говоря, в отличие от индивида

¹⁹ G. Allport. Ibid. В числе направлений, характеризующихся социологическим редукционизмом, указывает на советскую психологию и Ж. Пиаже (см «Экспериментальная психология». Редакторы-составители П. Фресс и Ж. Пиаже, рус. Перевод. М., 1966, стр. 172.

²⁰ Принципиальная несовместимость буржуазно-психологических теорий личности с марксизмом всесторонне показана Л. Сэвом в его книге «Марксизм и теория личности». М., 1972.

личность ни в каком смысле не является предсуществующей по отношению к деятельности человека; как и его сознание, личность порождается деятельностью. Исследование процесса порождения и трансформаций личности человека в его деятельности, протекающей в конкретных социальных условиях, и является ключом к подлинно научному психологическому пониманию личности.

2. Индивид и личность

Изучая особый класс жизненных процессов, научная психология необходимо рассматривает их как проявления жизни материального *субъекта*. В тех случаях, когда имеется в виду отдельный субъект (а, например, не вид, не сообщество, не общество), мы говорим «особь» или, если мы хотим подчеркнуть также и его отличие от других представителей вида, «*индивид*».

Понятие «индивид» выражает неделимость, целостность и особенности конкретного субъекта, возникающие уже на ранних ступенях развития жизни. Индивид как целостность - это продукт биологической эволюции, в ходе которой происходит не только процесс дифференциации органов и функций, но также и их интеграции, их взаимного «слаживания». Процесс такого внутреннего «слаживания» хорошо известен; он отмечался Дарвином, описывался в терминах коррелятивного приспособления Кювье, Плате, Осборном и другими. Функцию вторичных коррелятивных изменений организмов, создающих целостность их организации, особенно подчеркнул в своей «гипотезе корреляции» А.Н. Северцов.

Индивид - это прежде всего генотипическое образование. Но индивид является не только образованием генотипическим; его формирование продолжается, как известно, и в онтогенезе, прижизненно. Поэтому в характеристику индивида входят также свойства и их интеграции, складывающиеся онтогенетически. Речь идет о возникающих «сплавах» врожденных и приобретенных реакций, об изменении предметного содержания потребностей, о формирующихся доминантах поведения. Наиболее общее правило состоит здесь в том, что чем выше мы поднимаемся по лестнице биологической эволюции, чем сложнее становятся жизненные проявления индивидов и их организация, тем более выраженными становятся различия в их прирожденных и при-

жизненно приобретаемых особенностях, тем более, если можно так выразиться, *индивиды индивидуализируются*.

Итак, в основе понятия индивида лежит факт неделимости, целостности субъекта и наличия свойственных ему особенностей. Представляя собой продукт филогенетического и онтогенетического развития в определенных внешних условиях, индивид, однако, отнюдь не является простой «калькой» этих условий; он есть именно продукт развития *жизни*, взаимодействия со средой, а не среды, взятой самой по себе.

Все это достаточно известно, и если я все же начал с понятия индивида, топишь потому, что в психологии оно и потребляется в чрезмерно широком значении, приводящем к неразличению особенностей человека как индивида и его особенностей как личности. Но как раз их четкое различение, а соответственно и лежащее в его основе различение понятий «индивид» и «личность» составляет необходимую предпосылку психологического анализа личности.

Наш язык хорошо отражает несовпадение этих понятий: слово «личность» употребляется нами только по отношению к человеку, и притом начиная лишь с некоторого этапа его развития. Мы не говорим «личность животного» или «личность новорожденного». Никто, однако, не затрудняется говорить о животном и о новорожденном как об индивидах, об их индивидуальных особенностях (возбудимое, спокойное, агрессивное животное и т.д.; то же можно сказать и о новорожденном). Мы всерьез не говорим о личности даже и двухлетнего ребенка, хотя он проявляет не только свои генотипические особенности, но и великое множество особенностей, приобретенных под воздействием социального окружения. Кстати сказать, это обстоятельство лишний раз свидетельствует против понимания личности как продукта перекрещивания биологического и социального факторов. Любопытно, наконец, что в психопатологии описываются случаи раздвоения личности, и это отнюдь не фигуральное только выражение; но никакой патологический процесс не может привести к раздвоению индивида; раздвоенный, «разделенный» индивид есть бессмыслица, противоречие в терминах.

Понятие личности, так же как и понятие индивида, выражает целостность субъекта жизни; личность не состоит из кусочков, это не «полипняк». Но она представляет собой целостное образование особого рода. Личность не есть целостность, обуслов-

ленная генотипически: личностью не рождаются, личностью становятся. Поэтому-то мы и не говорим о личности новорожденного или о личности младенца, хотя черты индивидуальности проявляются па ранних ступенях онтогенеза не менее ярко, чем на более поздних возрастных этапах. *Личность есть относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека.* Об этом писал, в частности, и С.Л. Рубинштейн²¹.

Это положение может быть, однако, интерпретировано по-разному. Одна из возможных его интерпретаций состоит в следующем: врожденный, если можно так выразиться, индивид не есть еще индивид вполне «готовый», и вначале многие его черты даны лишь виртуально, как возможность; процесс его формирования продолжается в ходе онтогенетического развития - пока у него не развернутся все его особенности, образующие относительно устойчивую структуру; личность якобы и является результатом процесса вызревания генотипических черт под влиянием воздействий социальной среды. Именно эта интерпретация и свойственна в той или иной форме большинству современных концепций.

Другое понимание состоит в том, что формирование личности есть процесс *sui genesis*, прямо не совпадающий с процессом прижизненного изменения природных свойств индивида в ходе его приспособления к внешней среде. Человек как природное существо есть индивид, обладающий той или иной физической конституцией, своеобразным типом нервной системы, темпераментом, определенными динамическими силами биологических потребностей, аффективности и многими другими чертами, которые в ходе онтогенетического развития частью разворачиваются, а частью подавляются, словом - многообразно изменяются. Однако не изменения этих врожденных свойств человека порождают его личность. Личность есть специально человеческое образование, которое так же не может быть выведено из его приспособительной деятельности, как не могут быть выведены из нее его сознание или его человеческие потребности. Как и сознание человека, так и его потребности (Маркс говорит: *производство сознания, производство потребностей*), личность чело-

²¹ См. С.Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1940, стр. 515-516.

века тоже «производится» - создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности. То обстоятельство, что при этом трансформируются, изменяются и некоторые его особенности как индивида, составляет не причину, а следствие формирования его личности.

Выразим это иначе: особенности, характеризующие одно единство (индивида), не просто переходят в особенности другого единства, другого образования (личности) так, что первые уничтожаются; они сохраняются, но именно как особенности индивида. Например, особенности высшей нервной деятельности индивида не становятся особенностями его личности и не определяют ее. Хотя функционирование нервной системы составляет, конечно, необходимую предпосылку развития личности, но ее тип вовсе не является тем «скелетом», на котором личность «надстраивается». Сила или слабость нервных процессов, уравновешенность их и т.д. проявляют себя лишь на уровне механизмов, посредством которых реализуется система отношений индивида с миром. Это и определяет неоднозначность их роли в формировании личности.

Чтобы подчеркнуть сказанное, я позволю себе некоторое отступление. Когда речь заходит о личности, мы привычно ассоциируем ее психологическую характеристику с ближайшим, так сказать, субстратом психики - центральными нервными процессами. Представим себе, однако, следующий случай: у ребенка врожденный вывих тазобедренного сустава, обрекающий его на хромоту. Подобная грубо анатомическая исключительность очень далека от того класса особенностей, которые входят в перечень особенностей личности (в так называемую их «структуру»), тем не менее ее значение для формирования личности несопоставимо больше, чем, скажем, слабый тип нервной системы. Подумать только: сверстники гоняют во дворе мяч, а хромающий мальчик - в сторонке; потом, когда он становится постарше и приходит время танцев, ему не остается ничего другого, как «подпирать стенку». Как сложится в этих условиях его личность? Это невозможно предсказать, невозможно именно потому, что даже столь грубая исключительность индивида однозначно не определяет формирования его как личности. *Сама по себе* она не способна породить, скажем, комплекса неполноценности, замкнутости или, напротив, доброжелательной внимательности к людям - и вообще никаких психологических особенностей человека как лично-

сти. Парадокс состоит в том, что предпосылки развития личности по самому существу своему безличны.

Личность, как и индивид, есть продукт интеграции процессов, осуществляющих жизненные отношения субъекта. Существует, однако, фундаментальное отличие того особого образования, которое мы называем личностью. Оно определяется природой самих порождающих его отношений; это специфические для человека *общественные* отношения, в которые он вступает в своей предметной деятельности. Как мы уже видели, при всем многообразии ее видов и форм все они характеризуются общностью своего внутреннего строения и предполагают сознательное их регулирование, то есть наличие сознания, а на известных этапах развития также и самосознания субъекта.

Так же как и сами деятельности субъекта, процесс их объединения - возникновения, развития и распада связей между ними - есть процесс особого рода, подчиненный особым закономерностям. Изучение процесса объединения, связывания этих деятельностей субъекта, в результате которого формируется его личность, представляет собой капитальную задачу психологического исследования. Ее решение, однако, невозможно ни в рамках субъективно-эмпирической психологии, ни в рамках поведенческих или «глубинных» психологических направлений, в том числе и их новейших вариантов. Задача эта требует анализа предметной деятельности субъекта, всегда, конечно, опосредствованной психическим отражением, которое и «сшивает» отдельные деятельности между собой. Поэтому демистификация представлений о личности возможна лишь в такой психологии, в основе которой лежит учение о деятельности, о ее строении, о ее развитии и о ее преобразованиях, о различных ее видах и формах. Только при этом условии полностью уничтожается упомянутое выше противопоставление «личностной психологии» и «психологии функций», так как невозможно противопоставлять личность порождающей ее деятельности. Полностью уничтожается и господствующий в психологии фетишизм - приписывание свойства «быть личностью» самой *натуре* индивида, откуда делается вывод, что под давлением внешней среды меняются лишь проявления этого мистического свойства.

Фетишизм, о котором идет речь, является результатом игнорирования того важнейшего положения, что субъект, вступая в общество в новую систему отношений, обретает также новые -

системные - качества, которые только и образуют действительную характеристику личности: психологическую - когда субъект рассматривается в системе деятельностей, осуществляющих его жизнь в обществе, и социальную - когда мы рассматриваем его в системе объективных отношений общества как их «персонализации»²².

Здесь мы подходим к главной методологической проблеме, которая кроется за различением понятий «индивид» и «личность». Речь идет о проблеме двойственности качеств социальных объектов, порождаемых двойственностью объективных отношений, в которых они существуют. Как известно, открытие этой двойственности принадлежит Марксу, показавшему двойственный характер труда, производимого продукта и, наконец, двойственность самого человека как «субъекта природы» и «субъекта общества»²³.

Для научной психологии личности это фундаментальное методологическое открытие имеет решающее значение. Оно радикально изменяет понимание ее предмета и разрушает укоренившиеся в ней схемы, в которые включаются такие разнородные черты или подструктуры, как, например моральные качества, знания, навыки и привычки, формы психического отражения и темперамент. Источником подобных «схем личности» является представление о развитии личности как о результате наслаивания прижизненных приобретений на некий предсуществующий метапсихологический базис. Но как раз с этой точки зрения личность как специфически человеческое образование вообще не может быть понята.

Действительный путь исследования личности заключается в изучении тех трансформаций субъекта (или, говоря языком Л. Сэва, «фундаментальных переворачиваний»), которые создаются самодвижением его деятельности в системе общественных отношений²⁴. На этом пути мы, однако, с самого начала сталкиваемся с необходимостью переосмыслить некоторые общие теоретические положения.

Одно из них, от которого зависит исходная постановка пробле-

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 244; т. 46, ч. I, стр. 505.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 50; т. 46, ч. I, стр. 89; т. 46, ч. II, стр. 19.

²⁴ См. Л. Сэв. Марксизм и теория личности. стр. 413.

мы личности, возвращает нас к положению о том, что внешние условия действуют через внутренние. «Положение, согласно которому внешние воздействия связаны со своим психическим эффектом - опосредствованно, через личность, является тем центром, исходя из которого определяется теоретический подход ко всем проблемам психологии личности...»²⁵. То, что внешнее действует через внутреннее, верно, и к тому же безоговорочно верно, когда мы рассматриваем эффект того или другого воздействия. Другое дело, если видеть в этом положении ключ к пониманию внутреннего как *личности*. Автор поясняет, что это внутреннее само зависит от предшествующих внешних воздействий. Но этим возникновение личности как особой целостности, прямо не совпадающей с целостностью индивида, еще не раскрывается, и поэтому по-прежнему остается возможность понимания личности лишь как обогащенного предшествующим опытом индивида.

Мне представляется, что для того, чтобы найти подход к проблеме, следует с самого начала обернуть исходный тезис: внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет. Положение это имеет совершенно реальный смысл. Ведь первоначально субъект жизни вообще выступает лишь как обладающий, если воспользоваться выражением Энгельса, «самостоятельной силой реакции», но эта сила может действовать только через внешнее: в этом внешнем и происходит ее переход из возможности в действительность - ее конкретизация, ее развитие и обогащение - словом, ее преобразования, которые суть преобразования и самого субъекта, ее конкретного носителя. Конечно, сказанное представляет собой лишь теоретическую абстракцию. Но описываемое ею общее движение сохраняется на всех уровнях развития субъекта. Повторю еще раз: ведь какой бы морфофизиологической организации, какими бы потребностями и инстинктами ни обладал индивид от рождения, они выступают лишь как предпосылки его развития, которые тотчас перестают быть тем, чем они были виртуально, «в себе», как только индивид начинает действовать. Понимание этого метаморфоза особенно важно, когда мы переходим к человеку, к проблеме его личности.

²⁵ С.Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, стр. 118.

3. Деятельность как основание личности

Главная задача состоит в том, чтобы выявить действительные «образующие» личность - это высшее единство человека изменчивое, как изменчива сама его жизнь, и вместе с тем сохраняющее свое постоянство, свою аутоидентичность. Ведь независимо от накапливаемого человеком опыта, от событий, которые изменяют его жизненное положение, наконец, независимо от происходящих физических его изменений он как *личность* остается и в глазах других людей и для самого себя тем же самым.

Таким образом, существует известное противоречие между очевидной изменчивостью человека и устойчивостью его как личности. Это и выдвинуло проблему «я» в качестве особой проблемы психологии личности. Она возникает потому, что черты, включаемые в психологическую характеристику личности, выражают явно изменчивое и «прерывное» в человеке, то есть то, чему как раз противостоит постоянство и непрерывность его «я». Что же образует это постоянство и непрерывность? Персонализм во всех своих вариантах, отвечая на этот вопрос, постулирует существование некоего особого начала, образующего ядро личности, которое обрастает многочисленными жизненными приобретениями, способными изменяться, существенно не затрагивая самого этого ядра.

Чаще всего вопрос, о котором идет речь, растворяется в других вопросах: о формировании представлений о своем физическом облике, о своих способностях, нравственных качествах и т.д. Вопросы эти, однако, относятся к особой проблеме - об уровнях и сторонах самосознания. Но самосознание не конституирует личность. Оно само является продуктом, а на известном этапе также и механизмом ее развития.

В основу другого подхода к личности кладется категория предметной человеческой деятельности, анализ ее внутреннего строения, ее опосредствований и порождаемых ею форм психического отражения. Такой подход уже с самого начала позволяет дать предварительное решение вопроса о том, что образует действительный базис личности, что именно входит и что не входит в характеристику человека именно как *личности*. Решение это исходит из положения, что реальным базисом личности человека является совокупность его общественных по своей природе отношений к миру, но отношений, которые *реализуются*; а

они реализуются его деятельностью, точнее, совокупностью его многообразных деятельностей.

Имеются в виду именно *деятельности* субъекта, которые и являются исходными «единицами» психологического анализа личности, а не действия, не операции, не психофизиологические функции или блоки этих функций; последние характеризуют деятельность, а не непосредственно личность. На первый взгляд это положение кажется противоречащим эмпирическим представлениям о личности и, более того, обедняющим их. Тем не менее только оно открывает путь к пониманию личности в ее действительной психологической конкретности.

Прежде всего на этом пути устраняется манная трудность: определение того, какие процессы к особенностям человека относятся к числу психологически характеризующих его личность, а какие являются в этом смысле нейтральными. Дело в том, что взятые сами по себе, в абстракции от системы деятельности, они вообще ничего не говорят о своем отношении к личности. Едва ли, например, разумно рассматривать как «личностные» операции письма, способность чистописания. По вот перед нами образ героя повести Гоголя «Шинель» - Акакия Акакиевича Башмачкина. Служил он в некоем департаменте чиновником для переписывания казенных бумаг, и виделся ему в этом занятии целый разнообразный и приятный мир. Окончив работу, Акакий Акакиевич тотчас шел домой. Наскоро пообедав, вынимал баночку с чернилами и принимался переписывать бумаги, принесенные на дом. Если же таких не случалось, он снимал нарочно копии для себя, для собственного удовольствия. «...Написавшись всласть, - повествует Гоголь, - он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то Бог пошлет переписывать завтра».

Как произошло, как случилось, что переписывание казенных бумаг заняло центральное место в его личности, стало смыслом его жизни? Мы не знаем конкретных обстоятельств, но так или иначе обстоятельства эти привели к тому, что произошел сдвиг главного мотива на обычно совершенно безличные операции, которые в силу этого превратились в самостоятельную деятельность: в этом качестве они и выступили как характеризующие личность.

Можно, конечно, рассуждать проще: что в этом-де проявилась некая «каллиграфическая способность», заложенная от

природы. Но такое рассуждение будет уж совсем в духе начальников Акакия Акакиевича, которые постоянно видели его все тем же самым прилежным чиновником для письма «так что потом уверились, что он, видно, так и родился на свет...»

Иногда дело обстоит по-иному. В том, что с внешней стороны кажется действиями, имеющими для человека самоценное значение, психологический анализ открывает лишь средства для достижения целей, действительный мотив которых лежит как бы в совершенно иной плоскости жизни. В этом случае за видимостью одной деятельности скрывается другая. Именно она-то непосредственно и входит в психологический облик личности, какой бы ни была осуществляющая ее совокупность конкретных действий. Последняя составляет как бы только оболочку этой другой деятельности, реализующей то или иное действительное отношение человека к миру, - оболочку, которая зависит от объективных условий, иногда случайных. Вот почему, например, тот факт, что данный человек работает техником, сам по себе еще ничего не говорит о его личности; ее особенности могут обнаруживаться не в этом, а в тех отношениях, в которые он неизбежно вступает как в процессе своего труда, так и вне этого процесса.

Все это почти трюизмы, и я говорю об этом лишь для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что исходя из набора отдельных психологических или социально-психологических особенностей человека низкую «структуру личности» установить невозможно; что реальное основание личности человека лежит в той системе деятельностей, которые реализуются знаниями и умениями.

Общий вывод из сказанного состоит в том, что в исследовании личности нельзя ограничиваться выяснением предпосылок, а нужно исходить из развития деятельности, ее конкретных видов и форм и тех связей, в которые они вступают друг с другом, так как их развитие радикально меняет значение самих этих предпосылок. Таким образом, направление исследования должно идти не от приобретенных навыков, умений и знаний к характеризующим ими деятельностям, а от содержания и связей деятельностей к тому, как и какие процессы их реализуют, делают их возможными.

Уже первые шаги в указанном направлении приводят к возможности выделить очень важный факт. Он заключается в том, что в ходе развития субъекта отдельные его деятельности всту-

пают между собой в иерархические отношения. На уровне личности они отнюдь не образуют простой пучок, лучи которого имеют свой источник и центр в субъекте. Представление о связях между деятельностями как о коренящихся в единстве и целостности их субъекта является оправданным лишь на уровне индивида. На этом уровне (у животного, у младенца) состав деятельностей и их взаимосвязи непосредственно определяются свойствами субъекта - общими и индивидуальными, врожденными и приобретаемыми прижизненно. Например, изменение избирательности и смена деятельности находятся в прямой зависимости от текущих состояний потребностей организма, от изменения его биологических доминант. Другое дело - иерархические отношения деятельностей, которые характеризуют личность. Их особенностью является их «отвязанность» от состояний организма. Эти иерархии деятельностей порождаются их собственным развитием: они-то и образуют ядро личности.

Иначе говоря, узлы, соединяющие отдельные деятельности, образуются не действием биологических или духовных сил субъекта, которые лежат в нем самом, а той системой отношений, в которую вступает субъект.

Наблюдение легко обнаруживает те первые «узлы», с образования которых у ребенка начинается самый первый этап формирования личности. В очень выразительной форме это явление однажды выступило в опытах с дошкольниками. Экспериментатор, проводивший опыты, ставил перед ребенком задачу - достать удаленный от него предмет, непременно выполняя правило: не вставать со своего места. Как только ребенок принимался решать задачу, экспериментатор переходил в соседнюю комнату, из которой и продолжал наблюдение, пользуясь обычно применяемым для этого оптическим приспособлением. Однажды, после ряда безуспешных попыток, малыш встал, подошел к предмету, взял его и спокойно вернулся на место. Экспериментатор тотчас подошел к ребенку, похвалил его за успех и в виде награды предложил ему шоколадную конфету. Ребенок, однако, отказался от нее, а когда экспериментатор стал настаивать, то малыш тихо заплакал.

Что кроется за этим феноменом? В процессе, который мы наблюдали, можно выделить три момента: общение ребенка с экспериментатором, когда ему объяснялась задача, решение задачи и общение с экспериментатором после того, как ребенок

взял предмет. Действия ребенка отвечали, таким образом, двум различным мотивам, то есть осуществляли двоякую деятельность: одну - по отношению к экспериментатору (выполнение правила), другую - по отношению к предмету (к награде). Как показывают наблюдения, в то время, когда ребенок доставал предмет, ситуация отнюдь не переживалась им как конфликтная, как ситуация «ошибки». Иерархическая связь между обеими деятельностями обнаружилась только в момент возобновившегося общения с экспериментатором, так сказать, *postfactum*: конфета оказалась горькой, горькой по своему субъективному, *личностному смыслу*.

Списанное явление принадлежит к самым ранним, переходным. Несмотря навею наивность, с которой проявляются эти первые соподчинения разных жизненных отношений ребенка, именно они свидетельствуют о начавшемся процессе формирования того особого образования, которое мы называем личностью. Подобные соподчинения никогда не наблюдаются в самом раннем возрасте, зато в дальнейшем развитии, в своих несоизмеримо более сложных и «спрятанных» формах, они заявляют о себе постоянно. Разве не по аналогичной же схеме возникают такие глубоко личностные явления, как, скажем, угрызения совести?

Развитие, умножение видов деятельности индивида приводят не просто к расширению их «каталога». Одновременно происходит центрирование их вокруг немногих главнейших деятельностей, подчиняющих себе другие. Этот сложный и длительный процесс развития личности имеет свои этапы, свои стадии. Процесс этот неотделим от развития сознания, самосознания, но не сознание составляет его первооснову; оно лишь опосредствует и, так сказать, резюмирует его.

Итак, в основании личности лежат отношения соподчиненности человеческих деятельностей, порождаемые ходом их развития. В чем, однако, психологически выражается эта подчиненность, эта иерархия деятельностей? В соответствии с принятым нами определением мы называем деятельностью процесс, побуждаемый и направляемый мотивом - тем, в чем опредмечена та или иная потребность. Иначе говоря, за соотношением деятельностей открывается соотношение мотивов. Мы приходим, таким образом, к необходимости вернуться к анализу мотивов и рассмотреть их развитие, их трансформации, способность к раздвоению их функций и те их смещения, которые происходят внутри системы процессов, образующих жизнь человека как *личности*.

Формирование личности

Ситуация развития человеческого индивида обнаруживает свои особенности уже на самых первых этапах. Главная из них - это опосредованный характер связей ребенка с окружающим миром.

Изначально прямые бесконечные связи ребенок-мать очень скоро опосредствуются предметами: мать кормит ребенка из чашки, надевает на него одежду и, занимая его, манипулирует игрушкой. Вместе с тем связи ребенка с вещами опосредствуются окружающими людьми: мать приближает ребенка к привлекающей его вещи, подносит ее к нему или отнимает ее у него. Словом, деятельность ребенка все более выступает как реализующие его связи с человеком, через вещи, а связи с вещами - через человека. Эта ситуация развития приводит к тому, что вещи открываются ребенку не только всех физических свойствах, но и в том особом качестве, которые они приобретают в человеческой деятельности - в своем функциональном значении (чашка - из чего пьют, стул - на чем сидят, часы - то. Что носят на руке), а люди - как «ПОВЕЛИТЕЛИ» этих вещей, от которых зависят его связи с ними.

Предметная деятельность ребенка приобретает орудийную структуру, а общение становится речевым, опосредствованным языком. В этой исходной ситуации развития ребенка и содержится зерно тех отношений, дальнейшее развертывание которых составляет цепь событий, ведущих к формированию его как личности.

Первоначально отношения к миру вещей и к окружающим людям сливаются для ребенка между собой, но дальше происходит их раздвоение, и они образуют разные, хотя и взаимосвязанные линии развития, переходящие друг в друга.

В онтогенезе эти переходы выражаются в чередующихся сменах фаз: фаза преимущественного развития предметной (практической и познавательной) деятельности и фаза развития в/отношений с людьми и обществом.

Но такие же переходы характеризуют движение мотивов внутри каждой фазы. В результате и возникают те иерархические связи мотивов, которые образуют «узлы» личности.

Завязывание этих узлов представляет собой процесс скрытый и на разных этапах развития выражающийся по-разному.

Действительную основу личности составляет то особое строение **ЦЕЛОКУПНЫХ** деятельности субъекта, которое возникает на определенном этапе развития его человеческих связей с миром.

Человек живет, как бы, во все более расширяющейся для него действительности. Вначале это узкий круг, непосредственно окружающих его людей и предметов, взаимодействие с ними, чувственное их восприятие и усвоение их значения. Но далее перед ним начинает открываться действительность, лежащая далеко за пределами его практической деятельности и прямого общения: раздвигаются границы познаваемого, представляемого им мира. Истинное «поле», которое определяет теперь его действия, есть не просто наличное, но существующее объективно, или иногда только иллюзорно.

Знание субъектом этого существующего всегда опережает его превращение в определяющее его деятельность. Такое знание выполняет важнейшую роль в формировании мотивов. На известном уровне развития **МОТИВЫ** сначала выступают как только «**ЗНАЕМЫЕ**», как возможные, реально не побуждающие никаких действий. Для понимания процесса формирования личности нужно непременно это учитывать, хотя само по себе расширение знаний не является определяющим для него; поэтому-то, воспитание личности не может сводиться к обучению, к сообщению знаний.

Формирование личности предполагает развитие процесса целого образования и соответственно развития действий субъекта.

Действия, все более обогащаясь, как бы перерастают тот круг деятельности, которые они реализуют и вступают в противоречие с породившими их **МОТИВАМИ**. Явления такого перерастания хорошо известны; они-то и образуют т.н. **КРИЗИСЫ** развития - кризис 3-х лет, 7 лет, подросткового периода и малоизученные кризисы зрелого возраста. В результате происходит сдвиг **МОТИВОВ** по **ЦЕЛИ**, изменение их иерархии и рождение **НОВЫХ МОТИВОВ** - новых видов деятельности; прежние цели психологически дискредитируются, а отвечающие им действия или вовсе перестают существовать, или превращаются в безличные операции.

Внутренние движущие силы этого процесса лежат в исходной действительности связей субъекта с миром, в их двоякой опосредованности - предметной деятельностью и общением. Ее

развертывание порождает не только двойственность мотивации действий, но благодаря этому также и соподчинение их, зависящие от открывающихся перед субъектом объективных отношений, в которые он вступает. Развитие и умножение этих особых по своей природе соподчинений, возникающих только в условиях жизни человека в обществе, занимает длительный период - этап стихийного, не направляемого самосознанием складывание личности. На этом этапе, продолжающемся вплоть до подросткового возраста, процесс формирования личности не заканчивается, он только подготавливает рождение сознающей себя личности.

Личность действительно рождается дважды: первый раз - когда у ребенка проявляются в явных формах полимотивированность и соподчиненность его действий (феномен «горькой» конфеты), второй раз - когда возникает его сознательная личность.

В последнем случае возникает какое-то особая перестройка сознания, и возникает необходимость понять суть этой перестройки и в чем она состоит.

Эту необходимость создает то обстоятельство, что чем больше расширяются связи субъекта с миром, тем более они перекрещиваются между собой. Его действия, реализующие одну его деятельность, одно отношение, объективно оказываются реализующими и другое отношение. Возможное несовпадение их или противоречие, не создает однако альтернатив, которые решаются просто «арифметикой мотивов». Реальная психологическая ситуация, порождаемая перекрещивающимися связями субъекта с миром, в которые независимо от него вовлекаются каждое его действие и каждый его акт общения с другими людьми, требует от него ориентировки в системе этих связей.

Иными словами, психическое отражение, сознание уже не может оставаться, ориентирующим лишь те или иные действия субъекта, оно должно также активно отражать иерархию их связей, процесс происходящего подчинения и переподчинения их мотивов. А это требует особого внутреннего движения сознания.

В движении индивидуального сознания, описанном как процесс в/переходов непосредственно-чувственных содержаний и значений, приобретающих в зависимости от мотивов деятельности, определенный смысл, теперь открывается движение еще в одном измерении.

Если описанное раньше движение образно представить себе как движение в горизонтальной плоскости, то новое движение происходит, как бы по вертикали. Оно заключается в соотношении мотивов друг с другом: некоторые занимают место подчиняющих себе другие и как бы возвышаются над ними, некоторые, наоборот, опускаются до положения подчиненных или даже вовсе утрачивают свою, смыслообразующую функцию.

Становление этого движения и выражает собой становление связанной системы личностных смыслов - становление ЛИЧНОСТИ.

Существуют многие явления, которые отмечают этот переход. Прежде всего это перестройка сферы отношений к другим людям. Если на предшествующих стадиях общество открывается в расширяющихся общениях с окружающими и поэтому преимущественно в своих персонифицированных формах, то теперь это положение оборачивается: окружающие люди все больше начинают выступать через объективные общественные отношения. Переход, о котором идет речь, и начинает собой изменение, определяющий главное в развитии личности, в ее судьбе. Необходимость для субъекта ориентироваться в расширяющейся системе его связей с миром раскрывается теперь в новом своем значении: как порождающая процесс развертывания общественной сущности субъекта.

Одно из изменений, за которым скрывается новая постройка иерархии мотивов, проявляется в утрате самоценности для подростка отношений в интимном круге его общения. Так, требования, идущие со стороны даже самых близких взрослых, сохраняют теперь свою смыслообразующую функцию лишь при условии, что они включены в более широкую социальную мотивационную сферу, в противном случае они вызывают явление «психологического бунтарства».

Это вхождение подростка в более широкий круг общения не означает, что интимное, личностное, как бы отходит теперь на второй план. Напротив, именно в этот период и именно поэтому происходит интенсивное развитие внутренней жизни: наряду с приятельством возникает дружба, питаемая взаимной конфиденциальностью; меняется содержание писем, которые теряют свой стереотипный и описательный характер, и в них появляется описание переживаний; делаются попытки вести интимные дневники и начинаются первые влюбленности.

Еще более глубокие изменения отмечают последующие уровни

развития, включительно до уровня, на котором личностный смысл приобретает сама система объективных общественных отношений, ее выражения. Конечно, явления возникающие на этом уровне, еще более сложны, и могут быть по настоящему трагическими, но и здесь происходит тоже самое: чем больше открывается для личности общество, тем более наполненным становится его внутренний мир.

Процесс развития личности всегда остается глубоко индивидуальным, неповторимым. Он дает сильное смещение по абсциссе возраста, а иногда вызывает социальную деградацию личности.

Главное - он протекает совершенно по разному в зависимости от конкретно-исторических условий, от принадлежности индивида к той или иной социальной среде. Он особенно драматичен в условиях классового общества с его неизбежными отчуждениями и парциализацией личности, с его альтернативами между подчинением и господством. Естественно, что драматическая история нашей страны наложила свою печать на ход развития личности.

И когда сегодня мы говорим: борьба общества за человеческую личность, во имя человека - это означает не просто для его потребления, это - для его ЛИЧНОСТИ, хотя при этом подразумевается, что человек должен быть обеспечен и материальными благами и духовной пищей.

На этом уровне прошлые впечатления, события и собственные действия субъекта, не выступают для него как покоящиеся пласты его опыта. Они становятся предметом его отношения, его действий, и потому меняют свой вклад в личность. Одно в этом прошлом умирает, лишается своего смысла и превращается в простое условие и способы его деятельности: сложившиеся способности, умения, стереотипы поведения; другое открывается ему в совсем новом свете и приобретает прежде не увиденное им значение: наконец, что-то из прошлого активно отвергается субъектом, психологически перестает для него существовать, хотя и остается на складах его памяти. Эти изменения происходят постоянно, но они могут и концентрироваться, создавая нравственные переломы.

Возникающая переоценка прежнего, установившегося в жизни, приводит к тому, что человек сбрасывает с себя груз своей биографии. Разве не свидетельствует это о том, что вклады

прошлого опыта в ЛИЧНОСТЬ стали зависимыми от самой личности, стали ее функцией.

Это оказывается возможным благодаря возникшему новому внутреннему движению в системе индивидуального сознания, которое образно названо движением «по вертикали». Не следует думать, что перевороты в прошлом личности производятся сознанием, сознание не производит, а опосредует их; производятся же они действиями субъекта, иногда даже внешними - разрывами прежних общений, переменой профессии, практическим вхождением в новые обстоятельства.

Вопреки своей распространенности взгляд на личность как на продукт биографии человека является неудовлетворительным, оправдывающим фаталистическое понимание его судьбы (ребенок украл, станет вором). Взгляд этот конечно допускает, конечно, изменить что-то в человеке, но только ценой внешнего вмешательства, СИЛОЙ своего перевешивающегося сложившееся в его опыте. Это - примата кары, а не раскаяния, награды, а не действий, которые она венчает. Упускается главный психологический факт, а именно, что человек вступает в отношение к своему прошлому, которое по разному входит в наличное для него - в память его личности. Толстой говорил: замечай, что помнишь, что не помнишь; по этим признакам узнаешь сам себя.

Неверен этот взгляд потому, что расширение действительности для человека происходит не только в направлении прошлого, но и в направлении будущего. Как и прошлое будущее составляет наличное в личности. Открывшаяся человеку жизненная перспектива есть не просто продукт «опережающего отражения», а его достояние.

Личность создается объективными обстоятельствами, но не иначе, как целокупность его деятельности, осуществляющей его отношение к миру.

Первое основание личности - есть богатство связей индивида с миром. Но речь идет о действительных, а не об отчужденных от человека отношениях, которые противостоят ему и подчиняют его себе. Различия, которые здесь существуют, являются не только качественными, выражающими меру широты открывшегося человеку мира в пространстве и времени - в его прошлом и будущем. За ними лежат различия в содержании тех предметных и социальных отношений, которые заданы объективными условиями эпохи, нации, класса. Поэтому подход к личности

должен быть конкретно историческим. Но психологический анализ не останавливается на этом, ибо связи личности с миром могут быть как беднее тех, что задаются объективными условиями, так и намного превосходить их.

Второй важнейший параметр личности есть степень иерархизированности деятельности, их мотивов. Степень эта бывает очень разной, независимо от того, узко или широко основание личности, образуемое его связями с окружающими. Иерархии мотивов существуют всегда, на всех уровнях развития. Они то и образуют относительно самостоятельные единицы жизни личности, которые могут быть менее крупные, более крупные, разъединенными между собой или входящими в единую мотивационную сферу. Разъединенность этих, иерархизированных внутри себя единиц жизни, создает психологический облик человека, живущего отрывочно - то в одном «поле», то в другом. Напротив, более высокая степень иерархизации мотивов выражается в том, что свои действия человек как бы примеривает к главному для него мотиву - цели, и тогда может оказаться, что одни стоят в противоречии с этим мотивом, другие прямо отвечают ему, а некоторые уводят в сторону от него.

Когда имеют в виду главный мотив, побуждающий человека, то обычно говорят о жизненной цели. Всегда ли этот мотив адекватно открывается осознанно? С порога ответить на этот вопрос нельзя, потому что его осознание в форме понятия, идеи, происходит не само собой, а в том движении индивидуального сознания, в результате которого субъект только и способен преломить свое внутреннее через систему усваиваемых им значений, понятий.

Смысловые единицы жизни могут собраться, как бы в одну точку, но это формальная характеристика. Главным остается вопрос о том, какое место занимает эта точка в многомерном пространстве, составляющем реальную, хоть не всегда видимую индивидом, подлинную действительность.

Вся жизнь Скупого рыцаря направлена на одну цель, возведение «державы золота». Эта цель достигнута («Кто знает, сколько горьких воздержаний, обузданных страстей, тяжелых дум, дневных забот, ночей бессонных все это стоило?»), но жизнь обрывается ничем, цель оказалась бессмысленной. Словами «Ужасный век, ужасные сердца!» заканчивает Пушкин трагедию о Скупом.

Иная личность, с иной судьбой складывается, когда ведущий мотив - цель возвышается до истинно человеческого и не обособливается, а сливается ее жизнь с жизнью людей, их благом. В зависимости от обстоятельств, выпадающих на долю человека, такие жизненные мотивы могут приобретать очень разное содержание и разную объективную значимость, но только они способны создать внутреннюю психологическую оправданность его существования, которая составляет смысл и счастье жизни.

И здесь мы подходим к самому сложному параметру личности: к общему типу его строения. Мотивационная сфера человека даже в наивысшем ее развитии никогда не напоминает застывшую пирамиду. Она может быть сдвинута, эксцентрична по отношению к актуальному пространству исторической действительности, и тогда мы говорим об односторонности личности. Она может сложиться наоборот, как многосторонняя, включающая широкий круг отношений. Но и в том и другом случае она необходимо отражает объективное несовпадение этих отношений, противоречия между ними, смену места, которое они в ней занимают. Структура личности представляет собой относительно устойчивую конфигурацию главных внутри себя иерархизированных мотивационных линий. Речь идет о том, что неполно описывается как «направленность личности», неполно потому, что даже при наличии у человека отчетливой ведущей линии жизни, она не может оставаться ЕДИНСТВЕННОЙ. Служение избранной цели, идеалу, не исключает и не поглощает других жизненных отношений человека, которые, в свою очередь, формируют смыслообразующие мотивы.

Образно говоря, мотивационная сфера личности всегда является многовершинной. Многообразные отношения, в которые человек вступает в действительности, являются объективно противоречивыми. Их противоречия и порождают конфликты, которые при определенных условиях фиксируются и входят в структуру личности. Структура личности не сводится ни к богатству связей человека с миром, ни к степени их иерархизированности; ее характеристика лежит в соотношении разных систем сложившихся жизненных отношений, порождающих борьбу между ними. Иногда эта борьба происходит во внешне не приметных, обыденно драматических формах и не нарушает гармоничности личности, ее развития; ведь гармоническая личность вовсе не есть личность не знающая никакой внутренней

борьбы. А иногда эта внутренняя борьба становится главным, что определяет весь облик человека, такова структура трагической личности. Предметно-вещественные «потребности для себя» насыщаемы, и удовлетворение ведет к тому, что они низводятся до «условий жизни», которые тем меньше замечаются человеком, чем привычнее они становятся.

Поэтому личность не может развиваться в рамках потребления, ее развитие необходимо предполагает смещение потребностей на созидание, которое одно не знает границ.

Мы привыкли думать, что человек представляет собой центр, в котором фокусируются внешние воздействия и из которого расходятся линии его связей, его интеракции с внешним миром, что этот центр, наделенный сознанием и есть его «Я». Но дело обстоит не так.

Мы видели, что многообразные деятельности субъекта пересекаются между собой и связываются в узлы, объективными, общественными по своей природе отношениями, в которые он необходимо вступает. Эти узлы, их иерархии и образуют тот таинственный «центр личности», который мы называем «Я», иначе говоря, центр этот лежит не в индивидуе, не на поверхности его кожи, а в его бытии.

Понятие личности в аспектах нормы и патологии

Понятие личности относится к области многих наук: философских, общественно исторических, юридических, педагогических, психологических и медицинских.

В области философии без него нельзя обойтись при рассмотрении основных *онтологических* проблем. Ведь проблема сущности действительности не ограничивается вопросом об основе существующего (материи), а требует также решения вопроса о связи материи с сознанием, а последнее - не только функция мозга, но и основное свойство личности. Познать действительность - значит познать не только основные элементы мироздания, но и сложнейшие продукты развития материи, в том числе и человеческую личность.

Сведение действительности к сумме ее элементов представляет собой механистическую ошибку, которая чревата особенно пагубными последствиями при изучении личности. Личность не разлагается на части, она - органическое целое, в котором можно выделить те или иные стороны лишь для удобства анализа на определенной его стадии. Личность имеет различные свойства, но не сводится к отдельным свойствам или к их совокупности.

Проблема личности важна и в *гносеологическом* плане. Представление о познаваемости психического и того, что является высшим в нем - сознания как основного свойства личности, чаще всего служит убежищем для агностицизма. Объявление непознаваемости самого субъекта (преподносимое обычно под видом мнимого объективизма) ведет не только к исключению субъекта из круга познания, но и к искажению всего процесса познания, лишает научной основы проблему его адекватности (отражения субъекта субъектом).

Философское рассмотрение проблемы личности необходимо еще и потому, что здесь открывается наиболее плодотворная возможность для изучения ряда мало разработанных философских проблем, касающихся таких категорий, как конкретное и

¹ Мясищев В.Н. Психология отношений. Москва-Воронеж. 1995.

сложное, вторичное и субъективное. Метафизическая философия рассматривает идеальное и материальное как взаимоисключающие противоположности, причем лишь одной из них приписывается бытие. Диалектический же материализм признает реальность обеих, но считает материальное первичным, а идеальное вторичным, производным. Тем самым в план философского рассмотрения включаются объекты и процессы, в которых материальное и идеальное существуют в реальном и сложном единстве. Главной проблемой при этом является единство материального и идеального в человеке как объекте-организме и как субъекте-личности.

В *общественно-исторических* науках понятие личности рассматривается в аспекте двух проблем человек как общественный деятель и роль личности в общественно-историческом процессе. Однако для рассмотрения в этих науках личности в ее отношении к обществу требуется, чтобы проблемы самой личности были разработаны какой-то другой наукой.

Аналогичная ситуация и в *педагогике*. Она пользуется понятием личности для обоснования программ и методов формирования у воспитываемого человека социально ценных свойств. Имея предметом воспитания личность человека, педагогика сама опирается на понятие о личности, разрабатываемое другой наукой.

Науку, в которой личность является *центральной* понятием, представляет *психология*.

Решение вопросов психологии затруднено сложностью ее проблем, ее объекта - человека, объединяющего в себе организм как биологическое целое и личность как члена общества и общественного деятеля.

Из чрезвычайно многочисленных попыток эмпирического освещения проблемы личности, предпринимавшихся за рубежом, следует указать на работу Г. Оллпорта (Allport H., 1937), автор, приводя 49 эмпирических определений личности, дает пятидесятое «Личность - это организованная система, функционирующая как целое, или единство навыков, предрасположений и чувств, которые характеризуют какого-либо члена группы как отличающегося от других членов группы». Совершенно очевидно, что автор, много занимавшийся проблемой личности и осветивший немало относящихся к ней вопросов, дает все-таки формальное, эклектическое определение, в котором общественно-историческое понимание личности полностью отсутствует. В нем не видно поэтому разницы между животным и человеком.

В зарубежной психологии преобладают направления, отражающие механистические, идеалистические и эклектические позиции. К ним относятся бихевиоризм, персонализм, психоанализ и двухфакторная теория личности.

Бихевиоризм подходит к поведению человека механистически и рассматривает сознание, личность, переживания человека только как «эпифеномены». Так, под видом естественнонаучного подхода сложные и высшие особенности человека и деятельности его мозга упрощаются, а их физиологический механизм искажается. В схеме бихевиоризма «стимул - реакция» выпадает или по крайней мере недооценивается самое существенное, а именно, внутренняя переработка внешнего воздействия. Основанные на этом принципе (стимул - реакция) психология и педагогика (научение - Learning) имеют разные оттенки. Но всех их роднит одно: основным понятием для процесса развития личности объявляется навык (Э.Л. Торндайк, Д.В. Уотсон, Е.С. Толмен, К.С. Халл и др.).

Главная ошибка бихевиоризма заключается в игнорировании того, что стимул в процессе развития превращается из причины в повод, а внешняя реакция из следствия и показателя превращается в многообразие различных ответов, правильно оценить которые можно лишь через раскрытие их внутренней обусловленности. Конечно, принцип стимул - реакция, а также принцип навыка являются материалистическими. Но их механистическое истолкование, при котором не учитывается различная сложность стимула и изменения соотношения стимул - организм - личность - реакция в процессе развития, ведут к упрощенному, а следовательно, неправильному представлению о психической деятельности.

Если бихевиоризм снимает личность со счета, выражает имперсоналистические (обезличивающие) тенденции в подходе к человеку, то его противоположностью является *персонализм*, связанный в психологии с именем В. Штерна (Stern W., 1922). Персонализм откровенно идеалистическая теория, выдвигающая в качестве основных два понятия: лица (персоны) и вещи, из которых вещь является предметом причинно-механистического объяснения, а лицо - телеологического. Согласно взглядам персоналистов, личность, т.е. человек как лицо, не материальна и не идеальна, а психофизически нейтральна; мир же представляет собой иерархию лиц. Высшей личностью или «вселичностью»

является божество. Спекулятивно используя для своего укрепления новейшие достижения естествознания, персонализм остается религиозно-идеалистическим учением, современным перепевом монадологии Лейбница.

Бессильный понять общественно-исторический процесс развития, персонализм не может правильно объяснить различия личности и вещи, объяснить личность как единство объекта и субъекта, т.е. как организм, ставший сознательным деятелем. Преподносимое как «чисто» психологическое, понятие психофизической нейтральности не соответствует действительности. В нем, как и в понятиях темперамента, способности, разработанных персоналистами, особенно ясно выявляется необходимость в физиологической трактовке этих феноменов.

Имперсонализм и персонализм теоретически отражают две стороны характерной для буржуазной идеологии тенденции: обезличить (отрицание личности), низвести человека до уровня робота, когда речь идет о массе, а по отношению к стоящим над нею обосновать, в разнообразных оттенках теорию культа личности, используя для этого идеи Штирнера об единственном, Ницше - о сверхчеловеке, Шленглера - о цезаризме, Дьюи - об избранных, Богардуса - о лидерстве и Гука - о героях. В тех же целях перпеваются старые мотивы Зомбарта, Сигеле и Михайловского о «вождях», «героях» и «дикой толпе», прикрываемые иногда псевдомемократической фразеологией. Извращая взаимоотношения личности и общества (коллектива), названные концепции в основном повторяют старую психологическую теорию общественной статики и динамики Г. Тарда, согласно которой прогресс складывается из изобретений гениальных людей и подражаний бездумной массы (ср. рассуждения Богардуса о «духе энтузиастов изобретателей» в его книге «Социальная психология» о лидерстве, якобы обусловленном потребностью труппы, ищущей руководства, в книге «Лидер и лидерство»). Из такого извращения и вырастают сверхиндивидуализм одного направления - персонализмами анти- индивидуализм другого - имперсонализма.

Уже Аристотель говорил о человеке как общественном животном. В эмпирической науке с конца XIX века установилось понимание личности как *биосоциального* единства. Такое понимание до сих пор имеет своих сторонников за рубежом. В России его развивали в начале XX века неопозитивист Е.В. Де-

Роберти (1910) и В.М. Бехтерев (1926). Биосоциальная трактовка личности, правильно учитывая наличие в человеке обоих начал, приобрела различные оттенки в зависимости от того, как рассматривалось их взаимоотношение. В.М. Бехтерев, в отличие от приверженцев одностороннего биологизма, подчеркивал роль социального фактора.

Весьма плодотворный современный американский психолог Г. Мерфи в своих многочисленных работах, посвященных проблеме личности (Murphy, 1937, 1947), объявляет о своем биосоциальном подходе к проблеме. С фактической стороны он охватывает личность разносторонне и, как выражаются в похвальном смысле многие зарубежные рецензенты, «эклектически». Мерфи явно акцентирует биологическую сторону вопроса, определяя человека как биологический организм, взаимодействующий с материальным и социальным окружением. Человек, по Мерфи, - это организованное поле внутри более широкого поля постоянного взаимодействия приходящих, исходящих и входящих энергии.

Мерфи считает основными компонентами личности:

1) физиологические предрасположения, возникающие из наследственных и эмбриональных предрасположений; 2) канализацию как процесс, благодаря которому мотив или концентрация энергии находит путь к разряду в поведении; 3) условно-рефлекторные ответы, которые представляют собой связи между внутренними условиями тканей и специфическими формами поведения; 4) познавательные или перспективные навыки как продукты второго и третьего компонентов. В конечном счете элементами личностной структуры оказываются потребности (needs) или напряжения (tensions). В процессах детерминации органические черты превращаются в символические (мысленные) черты. Напряжения - суть концентрации энергии в ткани или ряде тканей. Из элементов складываются сложные структурные элементы личности, например, «роль» как фиксированная культурой форма поведения, «сам» (self) как восприятие себя и понятие о себе в целом, как система привычных активностей, обеспечивающих поведение. Такие же понятия, как привычка, оценка, склонность, восприятие, концепция, образ, характер - объявляются структурными компонентами личности. Таким образом, все сложное сводится к элементарно биологическому. Не отрицая роли приобретенных мотивов, Мерфи все

приобретенное рассматривает как результат органических побуждений. В чем же проявляется социальная сторона личности? В том, что процесс ее развития объявляется Мерфи процессом социализации, в котором общество воздействует на индивиды четырьмя путями: 1) системой сигналов «обуславливает» поведение; 2) содействует формированию личности предписаниями и запретами; 3) изменяет импульсы индивида качественно путем награды и наказания; 4) организует процессы восприятия и познания в соответствии с нормами данного общества. «Социализированное существо» представляется играющим ряд ролей, определяющих поведение в разных условиях и ситуациях. Мерфи подходит к личности с позиций «ситуационизма», т.е. признания того, что люди ведут себя согласно требованиям ситуации; с изменением ситуации меняется «роль» и меняется личность (Murphy, 1947, с. 867).

Определяя личность, как биосоциальное явление, Мерфи детально характеризует ее биологическую сторону, рассматриваемую к тому же как существующую рядом с социальной стороной, при анализе которой не вскрывается ее внутреннее содержание, не выявляются полярные типы личности, обуславливаемые социальным развитием.

В рамки биосоциальной трактовки личности укладываются и взгляды Э. Кречмера (1924), подчеркивающего значение конституционально-биологической стороны, выводящего характер в значительной мере из конституции. С гипертрофией конституционального момента связаны такие реакционнейшие концепции расизма, как, например, «конституциональная типология» Э. Иенча.

Наиболее гипертрофированную форму раздувания роли врожденных инстинктивных влечений предстает *психоанализ* З. Фрейда (1924). Человеком, по Фрейду, управляют влечение к жизни (половое) и влечение к смерти и разрушению, а обстоятельства и условия жизни - всего лишь внешние моменты, которые учитываются организмом, влекомым к наслаждению или покою. Структура личности, по Фрейду, состоит из трех систем: «оно», «я» и «сверх-я».

«Оно» - это врожденная инстинктивная основа личности, фонд психической энергии, источник силы для двух других систем, «истинная психическая реальность», поскольку отражает внутренний мир субъективного опыта. «Оно» не допускает прирос-

та энергии, переживаемого как напряжение, и в случае его образования разряжает энергию, доставляя этим наслаждение согласно принципу удовольствия, «Я» - система внешнего объективного опыта, необходимая для существования, орудие мышления и познания мира, действующее по принципу реальности. «Я» осуществляет контроль действия, но, будучи производным от «оно», лишь от него заимствует свою силу. «Сверх-я» является представителем оценок и идеалов общества, прививаемых ребенку родителями. Это - моральное оружие, действующее не в соответствии с влечением к наслаждению, а согласно требованиям совершенства. «Сверх-я» тормозит импульсы «оно», противоречащие общественным требованиям, особенно сексуальные и агрессивные, побуждает «я» к замене реальных целей моральными, побуждает к самоусовершенствованию. В общем «оно» представляет в личности биологическое, а «сверх-я» - социальное.

Как неоднократно отмечалось в литературе, Фрейд биологизирует личность, правда не в том смысле, что вовсе отрицает социальное в ней («сверх-я» - это социальный продукт). Однако у Фрейда социальное не только лишено конкретно-исторического содержания, но его роль в человеке чрезвычайно принижена. Ведь «я» и «сверх-я» - всего лишь производные от «оно», их энергия - это энергия «оно», в котором нет уж ничего социального. Из-за столь грубого искажения роли объективной общественной действительности, концепция Фрейда исключает не только конкретно-историческое содержание, но и по существу какое бы то ни было развитие личности, подменяя его лишь этапами формирования и переключения либидо. Биологическая основа - «оно» остается постоянной и определяющей сущность человеческой личности.

Многие изъяны теории Фрейда были давно вскрыты авторами, стоявшими вне психоаналитической школы, хотя их критика имела скорее умозрительный характер, не подкреплялась эмпирическим материалом. Более чувствительными для этой теории оказались внутренние «взрывы», учиненные сперва отпавшими от Фрейда учениками - К. Юнгом, А. Адлером, О. Ранком, а затем так называемыми неопрейдистами (Г.С. Салливан, Э. Фромм, К. Хорни). Однако последние не превратились в антифрейдистов. Они, хотя и противопоставили инстинктивной обусловленности человека культурные условия его развития, «все же придерживались метода индивидуально-психологического

рассмотрения личности, продолжая пользоваться основными понятиями психоанализа.

В последнее время приобрел многочисленных приверженцев среди крупных психиатров Запада (Л. Бинсвангер, Франкль) *экзистенциализм*. Эта теория ввела в план философского рассмотрения понятие существования, поставив тем самым проблему его взаимосвязи с сущностью. Для экзистенциализма всякое существование, в том числе и существование личности, есть раскрытие сущности. Выходит, что сущность предшествует существованию и лишь проявляется в нем. На самом же деле - существование - это история бытия, в котором каждый неопределенный «кусочек материи» становится определенным объектом, а человек - объектом и одновременно субъектом, т.е. личностью. В истории существования формируется объект-субъект с его сущностью. Не личность предшествует своему существованию, как это следует из мистико-идеалистической трактовки личности экзистенциалистами, а история существования, бытие создает личность.

Личность представляет собой единое целое. Известно, однако, что *принцип целостности* провозглашается также холизмом и гештальтизмом (Smuths, Goldstein, Maslow и др.). Очевидно, идеалистическую метафизику отличает от материалистической диалектики не само по себе признание целостности личности, а то, как понимается природа этого целого, как разрешается проблема связи целого и частей, как трактуются законы развития целого. Диалектический материализм устанавливает общественно-историческую природу человека, объективно материальную обусловленность его личности.

В процессе развития в личности как целом выделяются свойства как части, определяемые целым и представляющие различные стороны его многообразия.

Вопрос о *структуре* человеческой личности, от решения которого зависит выяснение основы личности, условий и хода ее развития, привлекал внимание многих психологов и психиатров, тяготевших к различным философским направлениям.

Большое распространение получило, например, связанное в известной мере с психоанализом представление о послойной структуре личности (Hoffman, Braun и др.). согласно которому самым внешним слоем являются идеалы, а самым внутренним - «глубинные» инстинктивные влечения. В Германии, в психоло-

го-характерологической и психиатрической литературе, имела широкое хождение предложенная Л. Клягесом (Klages, 1926) схема, включавшая такие компоненты личности и характера: а) материя, б) структура, в) движущие силы. Известный американский психолог Р. Кеттел (Cattell, 1950) в своей большой работе «Личность» указывает на следующие три аспекта личности: а) интересы, б) способности, в) темперамент. Эти аспекты представлены, однако, не как структуры, а как части или разделы, которые анализ открывает в личности.

В современной советской литературе проблема личности с точки зрения ее состава освещается внешне очень близко к Кеттелу. Так, С.Л. Рубинштейн (1946) рассматривает личность в трех планах: 1) направленность (установки, интересы, потребности); 2) способности; 3) темперамент и характер.

Примерно тот же перечень обычно дается и в учебниках психологии. Не имея возможности детально рассмотреть данный вопрос, кратко остановимся на значении, которое имеет для понимания личности как единства выяснение внутренней связи перечисленные понятия. С.Л. Рубинштейн правильно указывает, что они служат лишь планами анализа и притом не рядоположенными, а связанными в одном узле.

Среди советских психологов все более нарастает интерес к проблеме структуры личности (Н.Ф. Добрынин, А.Г. Ковалев, В.Н. Колбановский, К.Н. Корнилов, Г.С. Костюк, В.С. Мерлин, В.Н. Мясищев, К.К. Платонов и др. - см., например, Доклады, 1956), хотя в ее разработке сделано еще сравнительно немного.

Отметим здесь два момента. Во-первых, в психической деятельности можно и должно различать психические процессы (например, мышление, представление, восприятие, внимание и т.п.) и потенциальные психические образования (например, характер, интеллект, способность, личность). Во-вторых, и в личности, и в психике нужно различать процессы и образования различной степени сложности. Так, в процессах психической деятельности более элементарным являются восприятия, более сложным - процессы мышления и, наконец, самым сложным, интегральным или синтетическим понятием является сознание, психическая деятельность в целом.

Личность - высшее интегральное понятие. *Личность характеризуется, прежде всего, как система отношений человека к окружающей действительности.* В анализе эту систему мож-

но дробить на бесконечное количество отношений личности к различным предметам действительности, но как бы в данном смысле эти отношения частичны ни были, каждое из них всегда остается личностным.

Самое главное и определяющее личность - ее *отношения к людям*, являющиеся одновременно *взаимоотношениями*. В этом пункте субъективное отношение, отчетливо проявляясь в реакциях и действиях, обнаруживает свою объективность, а индивидуально-психологическое становится социально-психологическим. Отношения человека избирательны прежде всего в эмоционально-оценочном (положительном или отрицательном) смысле. *Отношения человека представляют сознательную избирательную, основанную на опыте, психологическую связь его с различными сторонами объективной действительности, выражающуюся в его действиях, реакциях и переживаниях. В свою очередь они образуются и формируются в процессах деятельности*

Избирательные отношения человека многосторонни и сложны, но не разрозненны и не рядоположены, а составляют единую сформированную его опытом индивидуальную иерархическую историческую систему, внутренне связанную, хотя, может быть, и противоречивую. Так, потребность и идеал могут вступать в конфликт друг с другом, вместе с тем в идеале или в требованиях долга, так же как и в потребностях, заключено внутреннее побуждение к действию. Идеал, первоначально как внешнее требование или правило, в процессе развития становится внутренним требованием.

Сознание, чувство и воля представляют то процессуальное триединство, которое выражается потенциально в отношении к каждому объекту и проявляется в различных отношениях, в интересах, в той или иной эмоциональной (положительной или отрицательной) оценке, в той или иной степени действенной активности - влечения, желания, стремления или потребности. *Отношение - сила, потенциал, определяющий степень интереса, степень выраженности эмоции, степень напряжения желания или потребности. Отношения поэтому являются движущей силой личности.*

Психологи неоднократно отмечали, что у личности могут преобладать органические, личные или сверхличные (общественные) цели, мотивы или потребность. Характеризуя личность,

обычно говорят об ее направленности. Этот термин, однако, не вполне удовлетворителен. В сущности речь идет о доминирующих отношениях, т.е. о большей или меньшей активности, реактивности, аффективности в отношении к тем или иным объектам. Так, доминировать могут «животные», конкретно личные или идейные интересы. Отношения человека представляют систему, образующуюся в результате его развития, воспитания и самовоспитания. Подобно тому как объекты окружающей действительности имеют разную важность для человека, в системе его отношений имеется иерархия господствующих и подчиненных отношений. Эта система постоянно меняется, развивается, но всегда определяющую роль играют отношения между людьми, в целом обусловленные структурой общества, т.е. лежащими в его основе общественно-производственными отношениями. Общественно-историческая обусловленность личности обнаруживается прежде всего в том, что в характеристике одних личностей самым важным являются общественные, а у других - личные интересы.

Первый план характеристики личности образуют *доминирующие отношения* последней. С вопросом о доминирующих отношениях связаны вопросы о том, для чего живет данный человек, что для него является смыслом жизни: руководят ли им социальный идеал блага или цели личного преуспевания, или человек вообще, не ставит перед собой отдаленных задач и целей, еле справляясь с захлестывающими его повседневными заботами.

Хотя важнейшей, и не только философски, но этически, психологически, педагогически и житейски, проблеме счастья до сих пор уделяется мало внимания в научных исследованиях, она теснейшим образом связана с проблемой личности, ее целей, отношений и воспитания. Нельзя недооценивать и медицинскую сторону вопроса, так как болезнь или инвалидность вызывают реакцию личности (слабодушие, отчаяние, болезненное депрессивное состояние), крайним следствием которого может быть самоубийство. Другие болезненные формы выражают неудовлетворенность или конфликт с исходом в преступление или в реактивное невротическое или психотическое состояние.

Вторая группа свойств охватывает *психический уровень* человека. Это не только уровень его желаний, но и уровень его достижений. Определить данный уровень - значит ответить на

вопросы чего достиг человек, каковы его возможности, какой след он оставил в жизни общества, иначе говоря, каково историческое значение личности. Здесь опять-таки тесно соприкасаются психологический и социологический аспекты рассмотрения личности. Богатство личности определяется богатством ее опыта, и выражая уровень ее развития, неразрывно связано с ее сознательностью и ее самосознанием, под которым подразумевается способность личности правильно отражать действительность в ее настоящем и прошлом, а также предвидеть будущее, правильно оценивать себя самого и свое место в действительности.

Уровень развития личности одновременно является уровнем развития ее функциональных возможностей, ее, говоря языком психологических понятий, интеллектуальных, волевых, эмоциональных свойств. Сюда же относятся такие еще мало изученные свойства, как сложность, тонкость, дифференцированность личности.

Аспекты общественного и культурного развития личности полностью не совпадают. Общественное развитие человека выражается той ролью, которую играют в его поведении общественные интересы по сравнению с личными. Культурный же уровень личности выражается «соотношением идейных элементов индивидуального опыта и органических («витальных») импульсов поведения. Конечно, наиболее высокий уровень развития характеризуется сочетанием коллективизма с высокой культурой. Однако культурно развитый человек может быть индивидуалистом, а культурно не развитый - коллективистом. Культурное развитие первого, какого бы высокого уровня оно ни достигло, неполноценно, ущербно, ибо недоразвиты общественные связи и мотивы поведения. Коллективизм второго оказывается стихийным, примитивным, ибо не сочетается с высоким культурным развитием, необходимым для обеспечения общественной сознательности человека. Ступени общественного и культурного развития отличаются различной ролью, которую на каждой из них играют для личности общественные и личные отношения.

Избирательная направленность отношений определяет и внешние и внутренние реакции личности. В социальном плане - это полюса внешней социальности и внутренней отзывчивости личности к другим людям и требованиям коллектива. Уровень развития и избирательность отношений характеризуют *содержание личности*.

Третьим существенным компонентом является *динамика реакций* личности. Она соответствует тому, что в психологии называется темпераментом и с физиологической стороны освещено И.П. Павловым как тип высшей нервной деятельности.

Следует только подчеркнуть, что: 1) темперамент проявляется во всех сторонах личности, в том числе в ее интеллектуальной и идейной жизни; 2) темперамент обнаруживается лишь в области активных отношений личности; 3) темперамент также может меняться под влиянием жизненных условий.

Понятие темперамента в нашей психологической литературе толкуется в соответствии с учением И.П. Павлова об общих типах высшей нервной деятельности. Отправляясь от типологии И.П. Павлова, не надо, однако, утрачивать собственно психологического аспекта и забывать психологические факты. Первостепенное значение имеет, например, такой психологический факт, как эмоциональность человека в ее разных проявлениях. Физиологически эти проявления объясняются динамикой корковых процессов (соотношением иррадиации и концентрации) и соотношением коры мозга и подкорковых областей (центральной ретикулярной формации), определяющих соматическую и эндокринную динамику организма.

Четвертый компонент характеристики личности - это *взаимосвязь основных компонентов* или *общая, структура* личности. Сюда относятся пропорциональность, гармоничность, цельность личности, ее широта и глубина, ее функциональный профиль, т.е. соотношение различных свойств психики или то, что по преимуществу называют характером личности.

Эта сторона важна для понимания таких волевых и моральных свойств, как устойчивость, настойчивость, выдержка, самообладание, отзывчивость, внимание к человеку, принципиальность, честность и противоположные им отрицательные качества. В названных свойствах, как в едином узле, связываются доминирующие отношения человека с уровнем его развития в целом, в отдельных сторонах и в динамике темперамента.

Это может быть показано на примере полярных свойств - коллективизма и индивидуализма. Во-первых, они выражают противоположные направления движущих сил человеческого поведения. Во-вторых, в общественно-историческом плане они выступают как разные уровни процесса развития от стихийного индивидуализма и коллективизма к сознательному. Наконец, они

суть особенности характера личности проявляющиеся на каждом шагу ее жизни.

Единство в структуре личности, соотношение в ней идеального и материального, социального и индивидуального следует рассматривать в связи с ее историческим развитием. Человек формируется в социальной среде, и в ходе этого процесса у него вырабатываются такие способы действия, которые благоприятствуют возникновению и развитию сознательных психических свойств, преобразованию биологического социальным, (когда социальное из внешних условий, воздействий, требований, образцов, знаний и впечатлений переходит во внутренние потребности, привычки, требования личности к себе и к окружающим). Индивидуальное постепенно, критически, не без борьбы, реорганизуется социальным и становится социальным, не утрачивая индивидуальности, по приобретая новый «социализированный» характер.

Несмотря на многообразие и изменение свойств личности, она в нормальных условиях остается единой. Это *единство* основывается на синтезе реакций и тенденции индивида, регулируемом его центральной нервной системой, на единстве его жизненного опыта. Личность многообразна в своем единстве, и различные люди, имея общие свойства, обладают как типичными, так и индивидуальными особенностями. Поэтому наряду с общими закономерностями развития личности важную теоретическую и практическую задачу представляет исследование психических особенностей человека.

С позиций монистически материалистического и исторического понимания личности человек есть сложное развивающееся единство физиологического и психического, биогенного и преобразующего его социогенного.

Из многочисленных, в том числе не до конца еще разрешенных, вопросов развития личности мы остановимся на одной, важной и с философской и с конкретно-научной точки зрения проблеме, а именно проблеме *движущей силы развития человека*. В процессе развития слепые силы влечения организма превращаются в осознанные потребности, инстинктивное приспособление к природе и социальной среде становится все более сознательным и планомерным, включающим не только приспособление к действительности, но и преобразование ее.

Известно, что развитие есть постоянная борьба противоположностей, находящихся в каждый данный момент в определен-

ном временном единстве. Одной из сторон развития личности является нарастание и обогащение системы ее возможностей и потребностей (требований к жизни). Вместе с тем предъявляет ряд требований к человеку и предоставляет ему определенные возможности окружающая действительность. Борьба и единство противоположностей здесь заключается в том, что жизнь создает меняющиеся условия (общественные требования и возможности), которые сталкиваются с имеющимися у человека потребностями и его внутренними возможностями и побуждают его к освоению нового и переделке самого себя, в результате чего у него возникают новые потребности и новые внутренние возможности. Личность, изменяясь, развивается, меняется и характер ее отношения к действительности. Но последняя также изменяется. Весь этот спиралевидный процесс развития с наполняющими его борьбой, процессами овладения и преодоления составляет основное содержание развития личности, в ходе которого она выступает не пассивным объектом, а все более активным и сознательным субъектом. В зависимости от условий развития формирование личности приводит к разным результатам.

При изложении павлового учения о типах в нашей литературе преимущественное внимание уделялось их генотипической почве. При этом забывалось, что сам Павлов говорил о сплаве врожденного (генотипического) и приобретенного (паратипического). Надо добавить, что у человека роль приобретенного опыта особенно велика, она становится решающей. Вот почему условия различных общественных структур определяют и различают личности.

Поскольку человек отражает и выражает общественные отношения, он не самостоятелен в своем поведении и деятельности. Вместе с тем не прямой, а весьма сложный характер отражения в человеке объективных отношений, существующих в обществе, обуславливает известную самостоятельность личности. Будучи объектом, человек в то же время является субъектом познания и практики. Степень самостоятельности, конечно, не одинакова у разных людей. Она зависит, прежде всего, от истории их развития, от политико-экономических и общественно-педагогических условий, также от уровня, которого достиг человек в процессе развития. Самостоятельность - одна из важнейших предпосылок истинной свободы.

Общественные условия формируют личность как систему

отношений. Они определяют как содержание личности, так и ее структуру и форму.

Содержание личности включает и предметное содержание опыта человека, и отношение его как субъекта к предметному содержанию, и связанную с этим систему ценностей, идеалов, убеждений, представляющих не только знание, но и побуждение к определенному действию.

Форму личности характеризуют особенности способа осуществления ею своего содержания, своих отношений. Решительность или нерешительность, смелость или трусость, постоянство или неустойчивость, твердость или податливость, цельность или непоследовательность, гармоничность или внутренняя противоречивость и т.п. - все это внешние проявления, форма, соотношение различных компонентов содержания личности.

Таким образом, связь содержания и формы означает здесь переход к действию, реализуется в поведении. Когда идеи и принципы адекватно воплощаются в способе действия, в поступках - это и есть «оформление» содержания личности, причем такое, что слитность формы и содержания воспринимается как черта личности - цельность, последовательность, принципиальность. Воплощение идеи в образе действия есть в то же время соединение социального с индивидуальным: личность в поступке (индивидуальное) реализует идею, обусловленную общественными отношениями (социальное).

Изучение личности, неразрывно связанное с изучением общественных отношений, позволяет объединить естественнонаучное понимание человека с общественно-историческим, т.е. видеть в человеке (как организме и личности одновременно) продукт общественных условий, результат формирования и преобразования этими условиями его органической природы. Из сказанного следует несколько отправных положений, имеющих принципиальное значение для конкретного научного исследования и связанной с ним практики: личность общественно обусловлена, поэтому ее изучение предполагает изучение общественных условий ее развития; единство природного и социального в личности требует правильного общественно-исторического освещения ее природной материально-физиологической обусловленности и ее болезненных изменений: личность формируется в процессе ее деятельности, т.е. является продуктом общественной практики и развития организма в условиях этой практики.

В медицине, в том числе и в психоневрологии, еще недостаточно учитываются и не всегда правильно трактуются различные стороны человека как личности; клиническая патология почти не связана с научной теорией личности.

Конечно, медики-материалисты, изучая организм человека, понимают, что психика есть функция мозга, что организм и его болезни зависят от условий среды, что и организм и психика являются продуктом общественно-исторического развития. Однако при этом обычно упускается из виду, что сложные продукты развития, возникнув из простых, в свою очередь на них воздействуют. При игнорировании такого обратного влияния психика и личность оказываются всего лишь эпифеноменами, а динамика развития личности и организма искажается, поскольку не учитывается, что существующие в теле наряду с более инертными соматическими компонентами более подвижные нервно-психические изменения влияют на развитие и изменение тела.

В указании смысле в нашей медицине еще до конца не преодолены ни метафизика, ни биологизм в подходе к человеку.

Понятие болезни в различных планах связано с проблемой личности. Болезнь может выражаться: 1) болезненными процессами; 2) распадом личности; 3) таким патологическим развитием, которое изменяет ее. Душевная болезнь есть болезнь личности, говорил еще В.М. Бехтерев (1921).

Мы коснемся лишь некоторых сторон этого большого и сложного вопроса.

В психотическом процессе изменения личности вызываются функциональной дезорганизацией мозговой деятельности. Будучи проявлением и следствием болезни мозга, сами они зависят от личности. Чем тяжелее болезненное состояние и болезненный процесс, тем больше изменяется личность человека.

Не зависящим от личности и внешних условий, т.е. эндогенным заболеванием считается *циклофрения*, или маниакально-депрессивный психоз, издавна относимый к функциональным психозам. Связь циклофрении с особым типом телосложения, с изменениями обмена, а следовательно, с измененной диэнцефальной динамикой мозговой деятельности несомненна. Деструктивные изменения, обнаруживаемые у больных с маниакально-депрессивным синдромом в диэнцефальной области, подтверждают это положение.

В *шизофрении* особый интерес в свете рассматриваемой нами

проблемы вызывает вопрос о соотношении психо-неврогенного и сомато-неврогенного. Хотя здесь все еще много неясного, можно утверждать, что шизофрения в своем развитии представляет сложнейший клубок психогенных и соматогенных влияний. Со времени появления работ Э. Кречмера в клинический обиход вошли понятия «шизоид» и «шизотим». Позднее возникло понятие «*шизоидизация*». Первые два понятия относятся к чертам склада личности до ее заболевания, а третье понятие обозначает характерное изменение личности под влиянием жизненных условий и переживаний. Наблюдается и так называемый *шизофренический дефект* - постпроцессуальное изменение личности, которое не ограничивается интеллектуальной стороной, а сопровождается возникновением как бы иной личности. Изучение последней тем более поучительно, что она является интегральным результатом такого изменения невропсихических систем, которое, как показал новый психофармакологический опыт, обратимо.

Из сказанного понятно не только диагностическое, терапевтическое и патогенетическое значение исследования личности при шизофрении, но и то, что без опоры на учение о личности нельзя построить подлинно научную теорию этого заболевания. Последнее подтверждается психогенетическим освещением шизофрении в духе психоанализа, на примере которого видно, как ошибочное понимание личности и психики препятствует построению теории болезни.

Что касается *прогрессивного паралича*, то относительная роль особенностей организма, мозга и Личности больного в возникновении этого тяжелейшего хронически-воспалительного и дегенеративно-атрофического процесса мозга пока невыяснена.

При всяком психозе (соматогенном или вызванном деструктивными процессами в мозгу, инфекцией или интоксикацией), представляющем изменение личности в широком смысле слова, встает вопрос о роли свойств личности в его возникновении и проявлениях. Этот вопрос еще мало исследован.

В более узком смысле, как болезненное изменение личности, психоз выступает в синдроме *деперсонализации*, которая известна и как соматическая деперсонализация («расстройство схемы тела»), т.е. переживание больным измененности его тела, и как собственно деперсонализация, т.е. переживание личностью изменения своей психики.

Механизм соматической деперсонализации, по-видимому, связан с изменением обычных экстеро-, интеро- и проприоцептивных импульсов и их расхождением с предшествующим стереотипом. Наши исследования, обнаружив у лиц, страдающих такой деперсонализацией, чрезвычайную лабильность порогов кожной чувствительности, позволяют считать, что деперсонализация в этих случаях является выражением непосредственного нарушения мозговой динамики, начинающейся с элементарных сторон личности.

От форм соматической деперсонализации отличаются явления психической деперсонализации в форме «раздвоения личности» или «двойной или даже множественной личности», описанные при неврозах А. Бинэ (Binet, 1892), М. Принсом (Prince, 1929) Эти формы теперь почти не встречаются, стали крайне редкими, что позволяет предположить, не являются ли они таким же клиническим артефактом, как и фазы истерического припадка, описанные Ж.-М. Шарко. Во всяком случае то, что они обнаруживаются при истерии, характеризующейся патологической лабильностью центральной нервной системы, сближает их с соматогенной деперсонализацией, при которой наблюдается аналогичная лабильность, и указывает на то, что при постоянной изменчивости личности в эволюции или инволюции ее единству опирается на некоторый устойчивый динамический фон деятельности мозга. Однако и здесь еще неясен вопрос: играют ли и какую именно роль свойства личности в возникновении и течении деперсонализации. Эта роль, по-видимому, наиболее сказывается в области так называемых пограничных состояний и особенно при психогенных заболеваниях, так как у ряда больных при состояниях «двойной» личности смена одной «личности» другой возникает под влиянием волнений, психических реакций или переживаний, связь которых с особенностями личности несомненна, хотя и не освещена в имеющейся литературе.

При *нарушении процесса развития*, вызванном органическим поражением мозга, страдают все стороны личности. При задержке умственного развития и суженном при этом кругозоре уровень идейной мотивации и регуляции снижен, но в зависимости от внешних условий соотношение индивидуального и социального даже на уровне олигофрении определяется не только степенью задержки психического развития. Это доказано большим опытом олигофренопедагогики. Все же в основном олигофрения представляет собой патологию развития психики

и личности, обусловленную дефектом мозга, и следовательно, вторичную аномалию развития.

Наиболее важными для уяснения рассматриваемой проблемы являются *патология развития личности, называемая психопатией, и патологические реакции, называемые неврозами или психоневрозами.*

В одном из руководств по психиатрии (см.: Handbook, 1959) термин «психопатическая личность» отвергается и взамен него предлагается термин «расстройство личности». Дело, разумеется, не в замене терминов, но интересно, что в обоих случаях речь идет именно о личности. Формы, которые при этом имеются в виду, таковы: 1) расстройство образцов (pattern) поведения (неадекватная, шизоидная, циклотимная, параноидная личность); 2) расстройство свойств личности (эмоционально-неустойчивая, пассивно-агрессивно-обсессивно-компульсивная и другие расстройства свойств личности); 3) социопатические расстройства свойств личности (антисоциальное и диссоциальное, разные сексуальные отклонения, наркомании, алкоголизм и др.); 4) специальные симптоматические реакции (расстройства речи, диурез, сомнамбулизм и др.).

Конечно, эта группировка пестра и соединяет разнородные явления. Определяя психопатию как аномалию личности, авторы, вследствие недостаточной разработанности проблемы личности в психиатрии, дают либо дефектное (по объему содержания), либо формальное определение.

Рассмотрим некоторые определения и классификацию психопатий. Одни авторы вообще не дают определений, а ряд весьма авторитетных лиц предлагает необъятно-широкие определения. Так, Е. Блейлер определяют психопатию как отклонение от нормы во всех возможных направлениях. Е. Кан, говоря о невозможности точного определения психопатии, утверждает, что она обуславливается отклонениями в трех слоях личности (влечениях, темпераменте, характере) и проявляется в разных вариантах нарушенных соотношений «я» и «другие».

Известна формула К. Шнейдера, согласно которой психопат есть ненормальная личность, которая из-за этого страдает сама и заставляет страдать других. Ясно, что такая широкая формула допускает включение в нее почти всех психических расстройств, в том числе и неврозов.

Встречаются утверждения, относящие психопатов к психоти-

ческим группам с затыжным и мягким течением и отрицающие самостоятельность этой болезненной формы. Но из такого представления следует, что его сторонники не понимают разницу между болезненным процессом в организме и болезненным развитием личности.

Отправляясь от учения И.П. Павлова, некоторые авторы - А.Г. Иванов-Смоленский, Е.А. Попов, О.В. Кербилов и др. рассматривают психопатию как крайние варианты типов нервной системы.

Нам кажется более правильным определение П.Б. Ганнушкина и В.А. Гиляровского (1954), согласно которому психопатия представляет собой патологическое развитие личности, образовавшееся под влиянием неблагоприятных внешних факторов на почве ее прижженных особенностей. Вместо «внешних» правильнее было бы, по нашему мнению, оказать «преимущественно социальных».

Еще более наглядно отсутствие четкой научной трактовки психопатии обнаруживается в попытках классификации психопатий. Здесь существует разноречие, в известной мере объясняемый дефектами методологических позиций. Наиболее известные классификации Крепелина, Шнейдера, Кана значительно расходятся друг с другом и основываются на разных критериях. Так, у Крепелина дана лишь внешне описательная типология, в его классификации представлены типы, а не системы. «Возбуждаемые», «неустойчивые», «импульсивные» характеризуются общим элементарным симптомом, а «эксцентричные», напротив, - сложным симптомом. «Лгуны», «обманщики» и «враги общества» определены по признакам социального поведения как сложные социально-патологические типы, охарактеризованные с точки зрения господствующей идеологии.

У Шнейдера большинство групп определено отдельным симптомом «гипергимные», «депрессивные», «неустойчивые», а две группы - сложными характерологическими образованиями «не уверенные в себе» и «ищущие признания».

Использование социального момента в классификации Крепелина отражает стремление распространить критерий антисоциальности на революционных борцов, вообще на активных противников существующего строя, расценить их поведение как якобы социально неполноценное и на этом «основании» отнести их к «врагам общества».

Печатью такого подхода отмечена и классификация американского психиатра Минингера, который выделяет четыре группы психопатов: 1) хищная, грабительская личность, 2) обманщик, лгун, 3) шутовская личность, 4) скрытная личность. На этой классификации явно оказываются узость и тенденциозность лежащего в ее основе критерия.

Очевидно, что пестрота и разноречивость в определениях и классификациях психопатий могут быть преодолены лишь на базе диалектико-материалистической методологии. Основанной на ней классификации еще нет. Однако ясно одно - подлинно научная классификация должна исходить из ведущего значения прижизненных социальных моментов и в то же время из опирающегося на конкретный индивидуальный анализ учета роли врожденного момента, подчиняющегося социальным условиям.

Здесь методологически важно иметь в виду следующие моменты:

1. Необходимо учитывать *общий реактивно-динамический фон* - астенический, депрессивный, лабильный, стенический с недостатком самоконтроля, обычно рассматриваемого как недостаток торможения внешних реакций, составляющих динамическую почву психопатии. Эту почву надо рассматривать не просто как конституционально-биологическую основу, но и как прямой продукт отрицательных воспитательных, общественных влияний, проявляющихся в астенических, лабильных, импульсивных и заторможенных формах.

2. Далее должны быть приняты во внимание *структурные характерологические особенности*, выражающиеся в таких чертах, как сензитивность, диспропорция типа (фантастического или импульсивного), внутренняя противоречивость и т.п. Важно в конкретном анализе установить, как в истории развития взаимоотношений данного лица с другими возникают и формируются психопатические черты характера.

3. Третьим моментом являются *доминирующие тенденции личности*, которые при психопатиях имеет эгоцентрически индивидуальный характер не только потому, что возникают в неблагоприятных социальных условиях или выражают пережиточные влияния, но также и потому, что конфликт с окружающими людьми содействует развитию у личности антагонистических реакций и препятствует формированию общественно полноценных качеств. Чрезмерная выраженность или извращенность сексуальных тенденций характеризует сексуальных психопатов.

Отсутствие воспитательных влияний или противоречивость и непоследовательность создают тем большую неустойчивость, чем более резко выражены эти дефекты воспитания. Нарушения интеллектуального уровня и богатства личности, как известно, не специфичны для психопата.

Физиологический механизм *невроза* заключается в «срыве» нервной деятельности, вызванном «ошибкой» возбудительного и тормозного процессов. В таком самом общем виде этот механизм свойствен и животным. Конкретное же его понимание применительно к человеку требует содержательного объяснения того, что возбуждает и что тормозит, почему возбуждает и почему тормозит. А это возможно лишь на основе исследования истории развития личности и ее связей с действительностью или отношений к различным сторонам последней, важность которых для личности может определять болезненную силу реакции. Известно, что психические травмы - смерть близкого человека, измена супруга, несправедливое осуждение, клевета, оскорбление, потеря средств к существованию, разнообразные конфликты с людьми - не всегда влекут за собой невроз. Это зависит от особенностей отношений личности и способов переработки ею событий, впечатлений и трудностей.

Психотерапия, особенности которой яснее всего выступают в лечении неврозов, заключается, прежде всего, в изменении личности в смысле переделки ее отношений. Больные, преодолевшие свое болезненное состояние, говорят, что после лечения они стали иначе относиться к тем явлениям жизни, которые раньше вызывали у них болезненное состояние.

В предшествующем изложении мы пытались осветить существующее понимание психопатии и невроза с эмпирической стороны. Однако с точки зрения методологической нельзя не подчеркнуть, что оба термина крайне неудачны, расплывчаты.

Психопатия буквально значит страдание психики, а невроз - нервная болезнь. Надо учесть, что эти термины выражают уровень знаний того периода, когда понятия о душевной и нервной болезнях были еще очень мало обоснованы в этиологическом и патогенетическом плане, когда теория развития человека и личности еще отсутствовала или находилась в зародышевом состоянии. Поэтому то, что сказано о болезненном измерении личности в рамках психопатии, требует уточнения самого понятия последней. Это тем более важно, что существуют формы психотических бредовых состояний, в которых на первый план, как и при психопатии, выступает не болезненный процесс или болез-

ненная реакция, а патологическое развитие личности. Сюда относится паранойя, включая сензитивный бред отношения, также сутяжное помешательство и некоторые формы бреда ревности. Раскрытие патогенеза этих состояний, так же, как психопатий и неврозов развития, требует разработки с правильных позиций учения о личности и механизме формирования у нее болезненно нарушенных отношений к различным сторонам действительности, особенно к людям и к самой себе.

Таким образом, в патологических формах развития личности и в психогенных заболеваниях явственно сказывается роль личности, причем ее особенности - это и проявления, и существенные условия развития болезни, и средство преодоления последней.

Не имея возможности подробно останавливаться на роли личности в психозе вообще, укажем лишь, что Я в образовании болезненных симптомов (в патопластике), и в развитии болезни эта роль весьма значительна, хотя она до сих пор недостаточно изучалась, а лишь иногда констатировалась. Если в состоянии острого психоза черты личности утрачиваются и как будто не играют заметной роли в его развитии, то и в этом случае знание личности необходимо: степень ее изменения, распада или степень ее сохранности существенна для оценки тяжести заболевания. По миновании острой стадии (в дефектной стадии) или а случае патологической задержки развития - знание личности важно также и с медико-педагогической точки зрения и с точки зрения реадaptации, т.е. в плане руководства больным в процессе приспособления при наличии дефекта и в целях его компенсации.

В процессе выздоровления, когда начинает восстанавливаться личность, все большее значение приобретают ее положительные или отрицательные черты, а также особенности ее избирательных реакций на окружающее, все это врач должен учитывать.

Творческое применение учения И.П. Павлова о высшей нервной или психической деятельности к человеку с учетом высшей регуляторной функции второй сигнальной системы позволяет также правильно понять роль личности и ее реакций в возникновении ряда соматических заболеваний (гипертонической, язвенной болезней, диабета, холецистита, гипертиреоза, психогенных нарушений половой функции, нейродермитов), влия-

ние нервно-психического фактора на возникновение, течение и исход инфекционных болезней.

Не только при реактивных, а даже при эндогенных заболеваниях нервно-психическое состояние человека зависит также и от личности, от особенностей ее отношений к окружающему и связанных с ним реакций на него. Каждое заболевание (и тем сильнее, чем оно длительнее и тяжелее) вызывает болезненную реакцию личности. Эта психически вторичная реакция может явиться источником тревожной мнительности и угнетения, а иногда в большей степени определяет декомпенсации, чем первичная болезнь. Напротив, стойкость личности в борьбе с болезнью повышает сопротивляемость организма, содействует рекомпенсации.

С.П. Боткин, Г.А. Захарьин, В.А. Манассеин и другие крупнейшие представители отечественной классической медицины неоднократно подчеркивали необходимость учета огромной роли психики. Формирование нормальной личности с положительной общественно-трудовой целеустремленностью, стойкой, выносливой, владеющей собой, не может не являться важным разделом нервно-психической гигиены и профилактики; в свою очередь психогигиена и психопрофилактика составляют часть проблемы нервно-психических заболеваний, имеющую тем большее значение, чем выше роль психики в генезе заболевания.

Конечно, вопросы формирования здоровой личности тесно связаны со всеми другими разделами психогигиены и психопрофилактики, относящимися к рациональной организации умственного и физического труда, школьному и профессиональному обучению, производственной и бытовой гигиене. Во всех этих обстоятельствах мероприятия по охране здоровья не могут не учитывать требований и интересов формирования здоровой личности. В самом деле, труд, например, это процесс, в котором личность может участвовать по-разному спокойно и уверенно или с тревожной мнительностью, с увлечением при правильном или с отвращением при неправильно воспитанном отношении к нему.

В процессе труда люди взаимодействуют друг с другом и при этом можно неправильно вести себя по отношению к товарищам, начальникам и подчиненным, вызывать нарекания, конфликты, проявлять обидчивость, претенциозность, упрямство,

создавать сложные и патогенные ситуации. С другой стороны, для преодоления трудностей и неприятностей, возникающих работе, необходимы самообладание, выносливость, самокритика, ответственное отношение к порученному делу, к коллективу предприятия или учреждения, в котором работаешь и т.п. То же самое относится и ко всем другим обстоятельствам жизни.

Отношение человека к своему здоровью не сводится только к заботе о здоровье или пренебрежению к нему. Здесь одновременно речь идет и о более высоких уровнях идейных отношений личности. Бережное отношение к своему здоровью, как и к здоровью других граждан, является выражением общественной сознательности. Формирование именно такого отношения к здоровью, когда оно рассматривается как общественная ценность, - задача санитарной пропаганды и воспитания.

Значительное место в гигиене и профилактике психического здоровья занимает вопрос о соматическом состоянии. Это связано с важной ролью психики и свойств личности в предупреждении соматических заболеваний и укреплении физического здоровья. Хорошо известно, что такие соматические заболевания, как гипертония, зависят от нервно-психического перенапряжения. Возникновение же перенапряжения и его фиксация, в свою очередь, зависят от свойств личности, от взаимоотношений человека с другими людьми, от умения находить рациональный выход при затруднениях, от самообладания, от правильной самооценки и объективной критической оценки обстоятельств.

Никто не сомневается в значении физической культуры для укрепления не только физического, но и нервно-психического здоровья. Однако занятия физкультурой требуют систематического усилия, которое само основывается на соответствующих свойствах личности - способности к усилию, настойчивости, целеустремленности. Здесь проблема здоровья выходит за пределы клиники: здоровье тела неразрывно связывается со здоровьем духа и не только в том смысле, что первое обуславливает второе, но и в том, что второе (здоровая психика) способствует первому (здоровью тела).

Мы стремились показать, что правильное понимание личности, необходимое для руководства здоровым человеком, применимо также и к больному человеку, обязательно для успешного предупреждения и лечения заболеваний.

Трудность правильного понимания личности заключается в умении видеть в ней целое, единство частей, в преодолении односторонней трактовки ее как только биологического, или только конституционального, или врожденного, или только приобретенного. Сложный и динамический характер явления, именуемого личностью, требует диалектико-материалистического подхода к ее изучению. Только при таком подходе могут быть выработаны научно обоснованные методы воздействия на человека и в медицинском и в социально-педагогическом плане.

Структура личности и отношения человека к действительности

Личность, как присущее только человеку психическое образование находится в особенно отчетливой зависимости от общественных условий развития человека.

Многообразие отношений, определяющее многосторонность и богатство личности как сложнейший синтетический продукт истории развития требует выделения в структуре личности доминирующих отношений, характеризующих ее направленность. Процесс развития, обусловленный внешними и внутренними условиями, определяет общий уровень развития и различные уровни развития различных отношений человека. Согласованность человека в его реакциях выражающих отношение к действительности, позволяет говорить о структуре отношений личности. Важный компонент в характеристике личности представляет динамика ее отношений к действительности.

Говоря о направленности или доминирующем отношении, надо учесть:

- а) Отношение человека к людям.
- б) Отношение его к себе.
- в) Отношение к предметам внешнего мира.

Категория отношения к людям является решающей и определяющей и носит характер взаимоотношения.

Система взаимоотношений с окружающими определяет:

1 - объективное положение ребенка и взрослого в окружающей социальной среде,

2 - их различную роль в ней,

3 - их отношение к социальному окружению.

Личность формируясь во взаимодействиях с людьми, не только удовлетворяет свои потребности, но и регулирует свое поведение.

Существенные условия и психологические закономерности педагогического успеха заложены в связи потребностей личности и требований окружающих, в связи привязанности к окружающим с удовлетворения ими потребностей личности, в вытекающей отсюда внутренней готовности выполнять на основе привязанности неприятные внешние требования или отказываться от желаемого, но запретного.

Уже в раннем возрасте в связи с существованием общественных требований и запретов у ребенка возникает сознание обязательного и запрещенного. Наряду с формулой «ХОЧУ» отчетливее сказываются формулы «можно», «нельзя», «нужно», «должно».

Возникает различное соотношение внешнего и внутреннего мира - поведения «для себя» и «для других». Из этих же взаимоотношений формируются такие черты характера, как инициативность, смелость, боязливость, откровенность, замкнутость, капризность, скрытность, прямота, лживость.

Особенности типа нервной деятельности в соотношении с систематичностью, последовательностью и объективной обоснованностью (или противоположными особенностями) воздействия также влекут за собой образование различных свойств характера как особенностей отношения и способов реакции на различные обстоятельства.

В зависимости главным образом от социально-экономического положения ребенок более или менее рано вовлекается в труд (бытовой, учебный, производственный). Осознание жизненной необходимости труда, любовь к нему, потребность в труде, так же как и противоположные свойства, вырастают с необходимостью из истории развития ребенка.

Отсутствие требований и безотказное удовлетворение потребностей формируют ребенка, подростка и далее юношу с недоразвитием общественнообязательного характера отношений.

Решающим в генетическом понимании отношений ученика к труду, учебному труду, к общественным требованиям, к дисциплине и первичным в этом смысле отношением является отноше-

ние к руководителю, к тому, кто указывает правила. Рост личности заключается в превращении персонального отношения в принципиальное, при котором незаметно происходит переход от зависимого действия (ради руководителя) к самостоятельному действию (ради принципа).

Тесные связи с коллективом развивают единство с общественными требованиями. Наоборот, изоляция и одиночество, жестокость и грубость, так же как чрезмерная снисходительность и пренебрежение окружающих влекут за собой гипертрофию индивидуальности и недоразвитие общественно положительных черт личности.

Чрезмерные требования могут повести за собой обезличенность, лицемерие или навротическое развитие.

Наряду с доминирующими отношениями общественной и индивидуалистической личности наблюдается и 3 вариант этих отношений: неслаженность или компромисс сознания общественности и эгоистических личных тенденций. Это соотношение может быть различным, и, так же как и оба крайних полюса отношений личности, оно зависит от условий развития ребенка.

Необходимо развенчать миф о закономерной целенаправленности или стойкости дефектов характера, в ряде случаев возрождающийся при педагогических трудностях. Анализ педагогического опыта особенно блестящих результатов А.С. Макаренки требует отказа от статистической характерологии свойств к динамической характерологии отношений, которая показывает, что даже внешние устойчивые стереотипно-привычные отношения, существующие длительное время, могут медленно или быстро изменяться, «взрываться» путем формирования новых отношений.

Можно и должно говорить о структуре отношений человека. Должна быть установлена фактически существующая субординация отношений. Нужно говорить о привычных, эмотивных и принципиальных отношениях, о цельности, гармоничности или противоречивости, раздвоенности, внутренней несогласованности тенденций личности. Можно говорить о профиле отношений в зависимости от большего или меньшего развития и о роли тех или других из них в системе отношений личности. Структура отношений отражает систематичность, пос-

ледовательность или противоречивость, объем и остроту формирующих влияний.

Динамика отношений личности обусловлена не только динамикой высшей нервной деятельности (в смысле темперамента). Характеризуя эмоциональность отношений, их устойчивость или неустойчивость, прочность, стереотипность и в известной мере глубину и богатство отношений человека, оно отражает так же объективную динамику условий жизни. Представляя собой продукт общественных условий и воспитания, качество личности, ставит перед педагогикой ряд задач и является предметом педагогических усилий. Как продукт активного и инициативного взаимодействия с окружающей социальной средой, человек тем полнее реализует свои возможности развития, чем более среда требует от него инициативного действия и поощряет инициативу. Вопрос о развитии и воспитании личности является вопросом организации ее взаимоотношений с различными коллективами. Наша задача в связи со сказанным заключается главным образом в формировании отношений человека. Воспитание личности представляет процесс организации и реорганизации личности руководимой коллективом, осуществляемый при активном участии личности в форме самовоспитания.

С.Л. РУБИНШТЕЙН¹

Теоретические вопросы психологии и проблема личности

1

Не только решение, но и сама постановка проблемы личности в психологии существенно зависит от общих теоретических установок, из которых при этом исходят. В свою очередь, то или иное решение проблемы личности существенно определяет общую теоретическую концепцию психологии.

Введение в психологию понятия личности означает, прежде всего, что в объяснении психических явлений исходят из реального бытия человека как материального существа, в его взаимоотношениях с материальным миром. Все психические явления в их взаимосвязях принадлежат конкретному, живому, действующему человеку; все они являются зависимыми и производными от природного и общественного бытия человека и закономерностей, его определяющих.

Это положение получает свое раскрытие и дальнейшее развитие в диалектико-материалистическом понимании детерминации психических явлений. Психология личности нередко исходила в объяснении психических явлений из позиции, представляющей прямую антитезу позиции механистического детерминизма. Механизмизм пытается *непосредственно* вывести психические явления из внешних воздействий. Персоналистическая психология при объяснении психических явлений легко соскальзывает на позицию прямо противоположную - на объяснение психических явлений, исходя лишь из *внутренних свойств или тенденций личности*. Попытка такого объяснения психических явлений представляет собой лишь оборотную сторону механистической концепции. Поэтому нельзя искать решения вопроса и преодоления этой антитезы в том, чтобы их соединить, утверждая, что надо учитывать и внешние воздействия, и внутреннюю обусловленность психических явлений личностью, приняв, таким образом, теорию двух факторов. Внешние воздействия и внутренние условия должны быть определенным образом со-

¹ Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1976.

отнесены друг с другом. Мы исходим из того, что внешние причины (внешние воздействия) всегда действуют лишь опосредствованно через внутренние условия. С этим пониманием детерминизма связано истинное значение, которое приобретает личность как целостная совокупность внутренних условий для понимания закономерностей психических процессов. Только при таком понимании детерминизма постановка проблемы личности освобождается от метафизики, субъективизма, от всего несовместимого с подлинной наукой и приобретает все свое значение для психологии. *При объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия* (в эти внутренние условия включаются и психические явления - психические свойства и состояния личности)¹. Поэтому введение личности в психологию представляет собой необходимую предпосылку для объяснения психических явлений. Положение, согласно которому внешние воздействия связаны со своим психическим эффектом лишь опосредованно через личность, является тем центром, исходя из которого определяется теоретический подход ко всем проблемам психологии вообще. Закономерности психических явлений также, и даже еще более, чем все остальные, можно выявить, лишь исходя из диалектико-материалистического понимания детерминизма. Закономерности психических явлений - это внешне обусловленные внутренние закономерности. Такое понимание психологических закономерностей и введение личности как необходимого звена в психологию - это, в известном смысле, эквивалентные положения.

Поскольку внутренние условия, через которые в каждый данный момент преломляются внешние воздействия на личность, в свою очередь формировались в зависимости от предшествующих внешних взаимодействий, положение о преломлении внешних воздействий через внутренние условия означает вместе с тем, что психологический эффект каждого внешнего (в том числе и педагогического) воздействия на личность обусловлен историей ее развития.

¹ Важнейший физиологический компонент этих внутренних условий составляют свойства нервной системы. Их систематическое изучение Б.М. Тепловым приобретает в этой связи свое «место», свою истинную психологическую значимость.

Говоря об истории, обуславливающей структуру личности, надо понимать ее широко: она включает эволюцию живых существ, и собственно историю человечества, и, наконец, личную историю развития данного человека. В силу такой исторической обусловленности в психологии личности обнаруживаются *компоненты разной меры общности и устойчивости, которые изменяются различными темпами*. Так, психология каждого человека включает в себя черты, обусловленные природными условиями и являющиеся общими для всех людей. Таковы, например, свойства зрения, обусловленные распространением солнечных лучей и строением глаза, детерминированным этими лучами. Поскольку эти условия являются неизменными, закрепившимися в строении зрительного прибора и его функциях, общими для всех людей являются и соответствующие свойства зрения. Другие черты изменяются в ходе исторического развития человечества. Таковы, например, особенности фонематического слуха, обусловленные фонематическим строем родного языка. Они различны не только у представителей различных народов, говорящих на разных языках, но и изменяются в ходе развития одного народа. Так, в XII-XIII веках произошли существенные изменения в фонематическом строе русского языка. В этот период появилась соотносительность глухих и звонких согласных и стали самостоятельными фонемами появившиеся в это время соотносительные твердые и мягкие согласные и т.д. В соответствии с этим у русских людей стали формироваться особенности фонематического слуха, которые сейчас для них характерны. Так, формы чувствительности - и данном случае речевой слух - меняются в результате исторического развития. То же можно сказать и о музыкальном слухе.

Определенные сдвиги и изменения в психическом облике людей происходят с изменением общественной формации. Хотя существуют общие для всех людей законы мотивации, конкретное содержание мотивов, соотношение мотивов общественных и личных изменяется у людей с изменением общественного строя. Эти изменения являются типически общими для людей, живущих в условиях определенного общественного строя. С этим сочетается индивидуальная история развития личности, обусловленная соотношением специфических для нее внешних и

внутренних условий. В силу этого одни и те же внешние условия (например, условия жизни и воспитания для двух детей в одной семье) по существу, по своему жизненному смыслу для индивида сказываются различными. В этой индивидуальной истории развития складываются индивидуальные свойства или особенности личности. Таким образом, свойства личности никак не сводятся к ее индивидуальным особенностям. Они включают и общее, и особенное, и единичное.

Личность тем значительнее, чем больше в индивидуальном преломлении в ней представлено всеобщее. *Индивидуальные свойства личности* - это не одно и то же, что *личностные свойства* индивида, т.е. свойства, характеризующие его как личность.

3

В качестве собственно личностных свойств из всего многообразия свойств человека обычно выделяются те, которые обуславливают общественно-значимое поведение или деятельность человека. Основное место в них поэтому занимают система мотивов и задач, которые ставит себе человек, свойства его характера, обуславливающие поступки людей (т.е. те их действия, которые реализуют или выражают отношения человека к другим людям) и способности человека (т.е. свойства, делающие его пригодным к исторически сложившимся формам общественно полезной деятельности).

Нет нужды здесь подробно останавливаться на истории понятия личности. Она освещена в ряде работ А. Тренделенбурга (1903), Г. Рейнфельдера (1928) и др. Беглую оценку их дает Г. Олпорт. Согласно этим исследованиям, слово «личность» (Person) обозначало сначала маску, которую надевал актер, затем самого актера и его *роль*. У римлян слово *persona* употреблялось не иначе как в контексте *persona patris, regis, accusatoris* (личность отца, царя, обвинителя и т.п.).

Ссылаясь на имеющиеся исследования, К. Бюлер утверждал, что сейчас понятие личности коренным образом изменилось: оно обозначает не общественную функцию человека, а его внутреннюю сущность (*Wesensart*). Неверно, однако, чисто *внешнее* противопоставление внутренней сущности и общественной функции личности, которое метафизически устанавливает К. Бюлер. Личность человека, конечно, не может быть непосред-

ственно отождествлена со своей общественной - юридической или экономической - функцией. Так, юридическим лицом может быть не только человек как индивид, как личность. Вместе с тем человек (индивид, личность) может выступать не в качестве юридического лица и уж, во всяком случае, никогда не бывает только юридическим лицом - персонифицированной юридической функцией.

Подобно этому в политической экономии Маркс, говоря о «характерных экономических масках лиц», что «это только олицетворение экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу»², вслед за этим отмечает неправомерность рассмотрения лиц *только* как персонифицированных социальных категорий, а не как индивидуумов. «...Мы попали в затруднение, - пишет Маркс, - вследствие того, что рассматривали лиц только как персонифицированные категории, а не индивидуально»³.

Однако из представления о личности, заключенного в первоначальном значении этого слова и указывающего на роль, которую актер играет в пьесе (а в дальнейшем и на ту реальную роль, которую человек играет в жизни), должна быть все же удержана одна существенная черта. Она заключается в том, что личность определяется своими отношениями к окружающему миру, к общественному окружению, к другим людям. Эти отношения реализуются в деятельности людей, в той реальной деятельности, посредством которой люди познают мир (природу и общество) и изменяют его. Никак нельзя вовсе обособить личность от той реальной роли, которую она играет в жизни. Значительность личности определяется не только самими по себе ее свойствами, но и значительностью тех общественно-исторических сил, носителем которых она выступает. Дистанция, отделяющая историческую личность от рядового человека, определяется не соотношением их природных способностей самих по себе, а значительностью тех дел, которые человеку, ставшему исторической личностью, удалось совершить в силу не только его исходных, природных способностей, но и стечения обстоятельств исторического развития и его собственной жизни. Роль крупного деятеля в истории, а не просто непосредственно сами по себе

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 95.

³ Там же, с. 173.

взятые его способности определяют соотношение масштабов его личности и рядового человека. Отнесение этих различий между исторической личностью и «простым» человеком исключительно за счет различий их исходных данных обуславливает ложное противопоставление гения и толпы и создает неверные перспективы в оценке возможностей, открытых перед каждым человеком.

Личность формируется во взаимодействии, в которое человек вступает с окружающим миром. Во взаимодействии с миром, в осуществляемой им деятельности человек не только проявляется, но и формируется. Поэтому-то такое фундаментальное значение для психологии приобретает деятельность человека. Человеческая личность, т.е. та объективная реальность, которая обозначается понятием личность, - это, в конце концов, реальный индивид, живой, действующий человек. Не существует никакой личности ни как психофизически-«нейтрального» (см. W. Stern. *Die Menschliche Personlichkeit*, Leipzig, 1923), ни как чисто духовного образования и никакой особой науки о так понимаемой «личности».

В качестве личности человек выступает как «единица» в системе общественных отношений, как реальный носитель этих отношений. В этом заключается положительное ядро той точки зрения, которая утверждает, что *понятие* личности есть *общественная*, а не психологическая категория. Это не исключает, однако, того, что сама личность как реальность, как кусок действительности, обладая многообразными свойствами и природными, а не только общественными, - является предметом изучения разных наук, каждая из которых изучает ее в своих специфических для нее связях и отношениях. В число этих наук необходимо входит психология, потому что нет личности без психики, более того - без сознания. При этом психический аспект личности не рядоположен с другими; психические явления органически вплетаются в целостную жизнь личности, поскольку основная жизненная функция всех психических явлений и процессов заключается в регуляции деятельности людей. Будучи обусловлены внешними воздействиями, психическими процессы обуславливают поведение, опосредствуя зависимость поведения субъекта от объективных условий⁴.

⁴ Часто говорят, что личность не входит в сферу психологии. Это, конечно, верно в том смысле, что личность в целом не есть психологическое образование и не может быть поэтому только предметом психологии. Но не менее верно и

Человек есть индивидуальность в силу наличия у него особых, единичных, неповторимых свойств; человек есть личность в силу того, что он сознательно определяет свое отношение к окружающему. Человек есть личность, поскольку у него свое лицо. Человек есть в максимальной мере личность, когда в нем минимум нейтральности, безразличия, равнодушия, максимум «партийности» по отношению ко всему общественно значимому. Поэтому для человека как *личности* такое фундаментальное значение имеет *сознание*, не только как знание, но и как отношение. Без сознания, без способности сознательно занять определенную позицию нет личности.

Подчеркивая роль сознания, надо вместе с тем учитывать многоплановость психического, протекание психических процессов на разных уровнях. Одноплановый, плоскостной подход к психике личности всегда есть поверхностный подход, даже если при этом берется какой-то «глубинный слой». При этой многоплановости целостность психического оклада человека сохраняется в силу взаимосвязи всех его иногда противоречивых свойств и тенденций.

Положение о протекании психических процессов на разных уровнях имеет фундаментальное значение для понимания психологического строения самой личности. В частности, вопрос о личности как психологическом субъекте непосредственно связан с соотношением произвольных и так называемых произвольных процессов. Субъект в специфическом смысле слова (как *я*) - это субъект сознательной, «произвольной» деятельности. Ядро его составляют осознанные побуждения-мотивы сознательных действий. Всякая личность есть субъект в смысле *я*, однако понятие личности и применительно к психологии не может быть сведено к понятию субъекта в этом узком, специфическом смысле. Психическое содержание человеческой личности не исчерпывается мотивами сознательной деятельности; оно включает в себя также многообразие неосознанных тенденций-побуждений его произвольной деятельности. *Я* - как субъект - это образование, неотделимое от многоплановой совокупности тенденций, составляющих в целом психологический склад лич-

то, что психические явления входят, и притом необходимо входят, в личность; поэтому без психологии не может быть всестороннего изучения личности.

ности. В общей характеристике личности надо еще также учитывать ее «идеологию», идеи, применяемые человеком в качестве принципов, на основе которых им производится оценка своих и чужих поступков, определяемых теми или иными побуждениями, но которые сами не выступают как побуждения его деятельности.

4

Исчерпывающее рассмотрение психических процессов - восприятия, мышления (а не только, скажем, чувства) - должно включать и «личностный», мотивационный аспект соответствующей деятельности, т.е. выявить в них отношение личности к задачам, которые перед ней встают. Однако это никак не значит, что можно рассматривать восприятие, мышление и т.д. только как частное проявление от случая к случаю изменяющегося отношения личности к ситуации⁵. Нельзя игнорировать динамику этих отношений в рассмотрении психических процессов, но нельзя все растворить в этой динамике отношений, вовсе исключив статику относительно устойчивых свойств⁶.

Все растворять в динамике личностных отношений - значит игнорировать наличие у личности, человека устойчивых свойств, сложившихся и закрепившихся у него в ходе истории. Сводить все в психологии к динамике отношений личности к окружающему не менее неверно и односторонне, чем, игнорируя их вовсе, ограничиваться только статикой свойств. Нельзя рассматривать,

⁵ Считая, что не только чувство и воля, но также и восприятие и мышление, взятые в их конкретности, включают в себя и отношение личности к ситуации, мы все же с осторожностью отнеслись бы к формулировкам, встречающимся, например, у К. Готтшальда, который превращает их в более или менее самостоятельные моменты в осуществлении отношений человека к определенной жизненной ситуации (см.: K. Gottschald. Zur Theorie der Persönlichkeit und ihrer Entwicklung. «Zeitschrift für Psychologie», B. 157, H. 1-2. Leipzig, 1954).

⁶ Поэтому, считая, как и В. Н. Мясищев, необходимым включить в психологию личности динамику отношений, мы все же с осторожностью относимся к тезису, требующему отказа от *статической характерологии свойств* и перехода к *динамической характерологии отношений* (см.: В. Н. Мясищев. Структура личности и отношение человека к действительности. В сб.: Доклады на совещании по вопросам психологии личности. М., Изд-во АПН РСФСР, 1956. с. 13).

например, восприятие только как выражение отношения человека к воспринимаемому, игнорируя общие для всех людей и ситуаций психофизиологические закономерности чувствительности, деятельности воспринимающих приборов. Неверно утверждать целостность и динамику так, чтобы тем самым отвергнуть всякую статику (все устойчивое) и всякую относительную самостоятельность частей (анализаторы и т.п.). «Личностный» аспект в изучении восприятия, мышления и т.п. - это необходимый аспект; без него не может быть исчерпывающего, конкретного изучения ни одного процесса. Но это все-таки только аспект, и сделать его единственным - значит закрыть себе путь для раскрытия всех, и прежде всего самых общих, закономерностей психической деятельности.

В психических процессах как и в личности, имеются и более общие и более специальные свойства. Выявление как одних, так и других является правомочной задачей исследования. В зависимости от того, какие из них должны быть изучены в данном исследовании исследователю приходится выбирать условия, при которых именно этот - более общий или более частный - аспект выступит на передний план.

К психологии личности обычно относят прежде всего совокупность психических свойств человека (особенно свойств характера и способностей), взаимосвязанных, взаимообусловленных и находящихся друг к другу в отношении определенной субординации. (Существенно не только то, каким «инвентарем» психических свойств обладает человек, но и то, какую роль - ведущую или служебную - каждое из этих свойств играет в общем старое данной личности.)

Однако неверно представление, будто психология личности, которая сводится при этом к совокупности ее психических свойств, и психология психических процессов образуют две обособленные области. Представление о психологии личности, обособленной от изучения психических процессов, и представление о психических процессах как абстрактных функциях, обособленных от личности, - это две стороны одной и той же ошибочной концепции. На самом деле нельзя построить ни учения о психических свойствах человека в отрыве от изучения его психической деятельности, ни учения о психической деятельности, о закономерностях протекания психических процессов, не учитывая их зависимости от психических свойств личности. Всякое

противопоставление общей психологии (психических процессов, их закономерностей) и какой-то от нее обособленной психологии личности, которое иногда у нас встречается⁷, в корне ошибочно.

Психические деятельности - это тот «строительный материал», из которого складываются психические свойства и способности человека.

Способности - это закрепленная в индивиду система обобщенных психических деятельностей. Для формирования способностей нужно, чтобы соответствующие психические, деятельности, обобщились и, став, таким образом, доступными переносу с одного материала на другой, закрепились в индивиду. Качество способности, ее более или менее творческий характер существенно зависят от того, как совершается эта генерализация.

Характер человека - это закрепленная в индивиду система генерализованных обобщенных побуждений. Обычно, рассматривая отношение мотивов и характера, подчеркивают зависимость побуждений, мотивов человека от его характера: поведение человека, мол, исходит из таких-то побуждений (благородных, корыстных, честолюбивых), потому что таков его характер. На самом деле таким выступает отношение характера и мотивов, лишь будучи взято статически. Ограничиться таким рассмотрением характера и его отношения к мотивам - значит закрыть себе путь к раскрытию его генезиса. Для того чтобы открыть путь к пониманию становления характера, нужно обернуть это отношение характера и побуждений или мотивов, обратившись к побуждениям и мотивам не столько личностным, сколько ситуационным, определяемым не столько внутренней логикой характера, сколько течением внешних обстоятельств. И несмелый человек может совершить смелый поступок, если на это его толкают обстоятельства. Лишь обращаясь к таким мотивам, источниками которых непосредственно выступают внешние обстоятельства, можно прорвать порочный круг, в который попадаешь, замыкаясь во внутренних взаимоотношениях характерологических свойств личности и ими обусловленных мотивов. Узловой вопрос - это вопрос о том, как мотивы (побуждения),

⁷ См., например, редакционную статью «О философских вопросах психологии. (К итогам дискуссии)» в журнале «Вопросы философии», 1954. № 4.

характеризующие не столько личность, сколько обстоятельства, в которых она оказалась по ходу жизни, прекращаются в то устойчивое, что характеризует данную личность. Именно к этому вопросу сводится, в конечном счете, вопрос о становлении и развитии характера в ходе жизни. Побуждения, порождаемые обстоятельствами жизни, - это и есть тот «строительный материал», из которого складывается характер. Побуждение, мотив - это свойство характера в его генезисе. Для того чтобы мотив (побуждение) стал личностным свойством, закрепившимся за личностью, «стереотипизированным» в ней, он должен генерализоваться по отношению к ситуации, в которой он первоначально появился, распространившись на все ситуации, однородные с первой, в существенных по отношению к личности чертах. Свойство характера - это, в конечном счете, и есть тенденция, побуждение, мотив, закономерно появляющийся у данного человека при однородных условиях.

Каждое свойство характера всегда есть тенденция к совершению в определенных условиях определенных поступков. Истоки характера человека и ключ к его формированию - в побуждениях и мотивах его деятельности. Ситуационно обусловленный мотив или побуждение к тому или иному поступку - это и есть личностная черта характера в ее генезисе. Поэтому пытаться строить характерологию как отдельную дисциплину, обособленную от психологии, - значит стать на ложный путь.

Исследование характера и его формирования, до сих пор мало продвинутое, должно было бы сосредоточиться в первую очередь на этой проблеме - проблеме перехода ситуационно, стечением обстоятельств порожденных мотивов (побуждений) в устойчивые личностные побуждения. Этим в педагогическом плане определяется и основная линия воспитательной работы по формированию характера. Исходное здесь - это отбор и «прививка» надлежащих мотивов путем их генерализации и «стереотипизации».

Неправомерность обособления учения о психических свойствах от учения о психических процессах отчетливо выступает как в учении о характере, так и в учении о способностях.

Основной недостаток традиционных испытаний интеллекта заключается в их отрыве от психологии мышления. В тестовых испытаниях интеллекта как способности о нем судят, исходя из результата, который человек дает при испытании, минуя про-

цесс, который к нему ведет. Результат деятельности, конечно, должен быть учтен, но сам по себе он не однозначный показатель для суждения об интеллекте, о способности. Психологически, лично, результат существен именно как результативное выражение процесса мыслительной деятельности. Исходя только из результата, нельзя достоверно судить о том, как мыслит и мыслит ли вообще данный человек, давая при испытании тот или иной показатель, определяемый достигнутым им результатом.

Не только диагностирование, но и самое формирование способностей было бы невозможно, будь способности, свойства личности обособлены от психических процессов, от ее деятельности: закрепляющиеся, как бы оседающие в человеке, ходы и результаты его деятельности - познавательной, эстетической и т.п. - включаются в самый состав его способностей.

Более динамические психические состояния личности тем более не могут быть обособлены от процесса. Психические состояния человека - это непосредственно динамический эффект его деятельности и фон, на котором они возникают. Таковы прежде всего аффективные состояния, связанные с успехом или неуспехом действий. Динамика этих состояний и закономерности, которым они подчиняются, несомненно составляют важный «компонент психологии личности, совершенно очевидно неотрывный от динамики психических процессов. Эти же последние, в свою очередь, не могут быть обособлены от психических свойств и состояний личности, от соотношения уровня ее достижений и сложившегося в ходе предшествующей деятельности уровня ее притязаний. За обособлением психических свойств от психических процессов и тем самым от деятельности, которая ими регулируется, таится мысль о детерминации поведения человека только изнутри, только внутренними условиями. Обособление же психических процессов от психических свойств и состояний личности скрывает за собой отрицание роли внутренних условий в детерминации психических процессов. Значение, которое имеет личность именно в качестве совокупности «внутренних условий всех психических процессов, исключает такое обособление психических процессов от личности, ее свойств и состояний. Обособление друг от друга психических свойств и психических процессов - это производный результат разрыва

внешних и внутренних условий, продвинутый внутрь психического.

Общая концепция, согласно которой внешние причины действуют через посредство внутренних условий, определяющая, в конечном счете, наш подход к психологическому изучению человеческой личности, определяет и понимание путей ее психического развития.

В силу того что внешние причины действуют лишь через внутренние условия, внешняя обусловленность развития личности закономерно сочетается с его «спонтанностью». Все в психологии формирующейся личности так или иначе внешне обусловлено, но ничто в ее развитии не выводимо непосредственно из внешних воздействий⁸. Законы внешне обусловленного развития личности - это внутренние законы. Из этого должно исходить подлинное решение важнейшей проблемы развития и обучения, развития и воспитания.

Когда исходят из наивного механистического представления, будто педагогические воздействия непосредственно проецируются в ребенка, отпадает необходимость специально работать над развитием, над формированием, строить педагогическую работу так, чтобы обучение давало образовательный эффект, не только сообщало знания, но и развивало мышление, чтобы воспитание не только снабжало правилами поведения, но и формировало характер, внутреннее отношение личности к воздействиям, которым она подвергается. Неверный подход к этой проблеме и ее неразработанность в нашей педагогике - одна из существенных помех в деле воспитания подрастающего поколения. Поэтому принципиально правильное решение проблемы детерминации психического развития личности и связанного с ней вопроса о соотношении развития и воспитания имеет не только теоретическое, но и практическое жизненное значение.

⁸ Поэтому нельзя, в частности, выводить развитие личности непосредственно из требований, которые к ней предъявляет общество, как этого хочет А. В. Веденцов. Выводить развитие личности из требований, которые ей извне обществом предъявляются, - это значит отрицать внешне обусловленное саморазвитие личности, т.е. в конечном счете отрицать саму личность как объект такого развития (см.: А. В. Веденцов. Личность как предмет психологической науки. «Вопросы психологии», 1956, № 1).

Самосознание личности и ее жизненный путь

Процесс становления человеческой личности включает в себя, как неотъемлемый компонент формирование его сознания и самосознания. Личность как сознательный субъект осознает не только окружающее, но и себя самое в своих отношениях с окружающим. Если нельзя свести личность к ее самосознанию, к «Я», то нельзя и отрывать одно от другого. Поэтому вопрос, который встает перед нами в плане психологического изучения личности, это вопрос о ее самосознания, о личности как Я, которое в качестве субъекта сознательно присваивает себе все, что делает человек, относит к себе все исходящие от него дела и поступки, и сознательно принимает на себя за них ответственность в качестве их автора и творца.

Реальная история развития самосознания неразрывно связана с реальным развитием личности и основными событиями его жизненного пути.

Первый этап в реальном формировании личности как самостоятельного субъекта, выделяющегося из окружающего, связан с овладением собственным телом, с возникновением произвольных движений, которые вырабатываются в процессе формирования первых предметных действий.

Дальнейшей ступенькой на этом пути является начало ходьбы, самостоятельного передвижения. Здесь важна не столько техника передвижения, сколько то изменение во взаимоотношениях индивида с окружающими людьми, к которому приводит возможность самостоятельного передвижения, так же как самостоятельного овладения предметом, посредством хватательных движений. Одно как и другое, одно вместе с другим порождает некоторую самостоятельность ребенка по отношению к другим людям. Ребенок реально начинает становиться относительно самостоятельным субъектом различных действий, реально выделяясь из окружающего. С осознанием этого объективного факта и связано зарождение самосознания личности, первое

представление ее о своем Я. При этом человек осознает свою самостоятельность, свое выделение в качестве самостоятельного субъекта из окружения лишь через свои отношения с окружающими его людьми, и он приходит к самосознанию, к познанию собственного Я через познание других людей. Не существует Я вне отношений к Ты, и не существует самосознания вне осознания другого человека как самостоятельного субъекта. Самосознание является относительно поздним продуктом сознания.

Существенным звеном в истории становления самосознания является и развитие речи. Развитие речи, являющейся формой существования мышления и сознания в целом, играет значительную роль в развитии сознания ребенка, и вместе с тем увеличивает возможности ребенка, изменяя т.о. взаимоотношения ребенка с окружающими. Вместо того, чтобы быть лишь объектом, направляющихся на него действий окружающих его взрослых, ребенок, овладевая речью, приобретает возможность направлять действия, окружающих его людей по своему желанию и через посредство других людей воздействовать на мир. Все эти изменения в поведении ребенка и в его взаимоотношениях с окружающими порождают, осознаваясь, изменения в его сознании, в свою очередь, ведут к изменению его поведения и его внутреннего отношения к другим людям. В развитии личности и ее самосознания существует целый ряд ступеней. В ряду внешних событий жизни личности сюда включается все, что реально делает человека самостоятельным субъектом общественной и личной жизни, как-то: сначала у ребенка развивающаяся способность к самообслуживанию и, наконец, у юноши, у взрослого, начало собственной трудовой деятельности, делающей его материально независимым; каждое из этих внешних событий имеет и свою внутреннюю сторону: объективное, внешнее изменение человека взаимоотношений с окружающими, отражаясь в его сознании, изменяет и внутреннее, психическое состояние человека, перестраивает его сознание, его внутреннее отношение и к другим людям и к самому себе.

Однако этими внешними событиями и теми внутренними изменениями, которые они вызывают, не исчерпывается процесс

становления личности и ее развития. Они закладывают лишь фундамент, создают лишь основу личности, осуществляют лишь первую, грубую ее формовку; дальнейшие достройка и отделка связаны с другой более сложной внутренней работой, в которой формируется личность в ее самых высших проявлениях.

Самостоятельность субъекта не исчерпывается способностью выполнить задания, она включает еще более существенную способность самостоятельно, сознательно ставить перед собой задания, цели, определять направление своей деятельности. Это требует большой внутренней работы, предполагает способность самостоятельно мыслить и связано с выработкой цельного мировоззрения. Лишь у подростка, у юноши совершается эта работа; вырабатывается критическое мышление формируется мировоззрение; к тому же приближение поры вступления в самостоятельную жизнь невольно с особой остротой ставит перед юношей вопрос о том, к чему он пригоден, к чему у него есть особые склонности и способности; это заставляет серьезно задуматься над самим собой и приводит к значительному развитию у подростка и юноши самосознания. Развитие самосознания проходит при этом через ряд ступеней - от наивного неведения в отношении самого себя ко все большему углубленному самопознанию, соединяющемуся затем со все более определенной и иногда резко колеблющейся самооценкой. В процессе этого развития самосознания центр тяжести для подростка все более переносится от внешней стороны личности к ее внутренней стороне, от отражения более или менее случайных черт к характеру в целом. С этим связаны осознание - иногда преувеличенное - своего своеобразия и переход к духовным, идеологическим масштабам самооценки. В результате человек самоопределяется как личность в более высоком плане.

В широком смысле все переживаемое человеком, все психическое содержание его жизни входит в состав личности.

Но в более специфическом смысле своим, относящимся к его Я, человек признает не все, что отразилось в его психике, а только то, что было им пережито в специфическом смысле этого слова, войдя в историю его внутренней жизни. Не каждую мысль посетившую его сознание, человек в равной мере признает своей,

а только такую, которую он не принял в готовом виде, а освоил, продумал, т.е. такую которая явилась результатом собственной его деятельности.

Точно так же и не всякое чувство, мимолетно коснувшееся его сердца, человек в равной мере признает своим, а только такое, которое определило его жизнь и деятельность. Но все это - и мысли, и чувства, и желания - человек в большей части в лучшем случае признает своим, в собственное Я он включает лишь свойства своей личности - свой характер и темперамент, свои способности - и к ним присоединит он разве мысль, которой отдал все свои силы и чувства, с которыми срослась вся его жизнь.

Реальная личность, которая отражаясь в своем самосознании осознает себя как Я, как субъекта своей деятельности, является общественным существом, включенным в общественные отношения и выполняющим те или иные общественные функции. Реальное бытие личности существенно определяются ее общественной ролью, поэтому отражаясь в ее самосознании, это общественная роль тоже включается человеком в его Я. Самосознание человека, отражая реальное бытие личности, делает это - как и сознание вообще - не пассивно, не зеркально.

Представление человека о самом себе, даже о собственных своих психических свойствах и качествах, далеко не всегда адекватно их отражает; мотивы, которые человек выдвигает, обосновывая перед другими людьми и перед самим собой свое поведение, даже и тогда, когда он стремиться правильно осознать свои побуждения и субъективно вполне искренен, далеко не всегда объективно отражают его побуждения, реально определяющие его действия.

Самосознание не дано непосредственно в переживаниях, оно является результатом познания, для которого требуется осознание реальной обусловленности своих переживаний. Оно может быть более или менее адекватно. Самосознание, включая то или иное отношение к себе, тесно связано с самооценкой. Самооценка человека существенно обусловлена мировоззрением, определяющим нормы оценки.

Самосознание не изначальная данность, присущая человеку,

а продукт развития. В ходе этого развития, по мере того, как человек приобретает жизненный опыт, перед ним не только открываются все новые стороны бытия, но и происходит глубокое переосмысливание жизни. Этот процесс ее переосмысливания, проходящий через всю жизнь человека, образует самое сокровенное и основное содержание его внутреннего существа, определяющее мотивы его действий и внутренний смысл тех задач, которые он разрешает в жизни.

Способность, вырабатываемая в ходе жизни у некоторых людей, осмыслить жизнь в большом плане и распознать то, что в ней подлинно значимо, умение не только изыскать средства для решения случайно вспыхнувших задач, но и определить самые задачи и цель жизни так, чтобы по настоящему знать, куда в жизни идти и зачем - это нечто бесконечно превосходящее всякую ученость, хотя бы и располагающую большим запасом специальных знаний, это драгоценное и редкое свойство - мудрость.

Установка у человека

Проблема объективации

1. Две сферы воздействия на человека. Если спросить, что же является специфически характерной особенностью человека по сравнению с другими живыми существами, то в первую очередь и голову приходит, конечно, мысль о языке, и мы говорим, что человек одарен способностью речи, в то время как другие живые существа абсолютно лишены ее. Другой вопрос, является ли эта способность вторичным, производным феноменом, в основе которого лежит какое-нибудь другое явление, имеющее более основное значение, чем она. Не касаясь подробно этого вопроса, мы можем утверждать, что, несомненно, не существует ничего другого, за исключением окружающей нас действительности, что в такой же степени могло бы влиять и определять наше поведение, как это делает речь.

Мы могли бы и иначе выразить ту же мысль, утверждая, что нет ничего характернее для человека, чем тот факт, что окружающая его действительность влияет на него двояко - либо прямо, посылая ему ряд раздражений, непосредственно действующих на него, либо косвенно, через словесные символы, которые, сами не обладая собственным независимым содержанием, лишь презентуют нам то или иное раздражение. Человек воспринимает либо прямое воздействие со стороны процессов самой действительности, либо воздействие словесных символов, представляющих эти процессы в специфической форме. Если повеление животного определяется лишь воздействием актуальной действительности, то человек не всегда подчиняется непосредственно этой действительности; большей частью он реагирует на ее явления лишь после того, как он преломил их в своем сознании, лишь после того, как он осмыслил их. Само собой разумеется, это очень существенная особенность человека, на которой, быть может, базируется все его преимущество перед другими живыми существами.

¹ *Узнадзе Д.Н. Теория установки. Москва-Воронеж. 1997.*

Но возникает вопрос, в чем заключается эта его способность, на чем по существу основывается она.

Согласно всему тому, что мы уже знаем относительно человека, естественно приходит в голову мысль о той роли, которую может играть в этом случае его установка. Перед нами стоит задача установить роль и место этого понятия в жизни человека.

Если верно, что в основе нашего поведения, развивающегося в условиях непосредственного воздействия окружающей нас среды, лежит установка, то может возникнуть вопрос, что же происходит с ней в другом плане - плане вербальной, репрезентированной в словах действительности? Играет ли и здесь какую-либо роль наша установка или эта сфера нашей деятельности построена на совершенно иных основаниях?

2. Проблема внимания. Для того, чтобы получить возможность разрешить этот вопрос, необходимо в качестве исходного пункта использовать проблему *внимания*, точнее, проблему возможности акта внимания, более того - проблему осмыслимости этого акта. Дело в том, что обычно принято считать, что внимание по существу имеет избирательный характер, что оно дает нам возможность из ряда действующих на нас впечатлений выбрать какое-нибудь из них и сосредоточиться на нем с тем, чтобы представить его, с максимальной ясностью и отчетливостью.

Но достаточно хоть несколько приглядеться к этому определению, чтобы тотчас же увидеть, что в сущности оно совершенно лишено должной ясности. Больше того, оно само возбуждает ряд вопросов, без предварительного разрешения которых нельзя остановиться на каком-нибудь из возможных определений внимания.

В самом деле! Как возможно, чтобы мы обратили внимание на что-нибудь, прежде чем оно стало предметом нашего сознания? Ведь для того, чтобы остановиться на чем-нибудь, чтобы обратить на него внимание, совершенно необходимо, чтобы оно уже было нам дано в какой-то степени. Но чтобы это было возможно, т.е. для того, чтобы что-нибудь было нам дано, необходимо, чтобы мы уже обратили на него свое внимание. Принципиально, конечно, не имеет никакого значения вопрос о степени сосредоточения внимания; наша проблема касается вопроса в возможности первичного сосредоточения внимания независимо от степени, в какой оно происходит.

Таким образом становится очевидным, что обычное определение внимания не дает по существу ясного представления о

нем; оно нисколько не помогает нам понять, что же такое, собственно, то, что называют вниманием.

Конечно, все это касается, как мне кажется, наиболее широко распространенного определения интересующего здесь нас понятия. Но ведь существуют же и другие определения! Можно ли и относительно них утверждать то же самое?

Я считаю, что основная мысль, которая здесь нас интересует, является общей для всех более или менее известных попыток определения внимания. Везде, во всех определениях, основной функцией внимания считается одно и то же, а именно - *повышение степени ясности и отчетливости* возникающего представления, и если эти определения отличаются в чем-нибудь друг от друга, то во всяком случае не в этом. Поэтому, поскольку речь касается основной мысли существующих определений нашего понятия, мы считаем достаточным ограничиться сказанным.

Если приглядеться к этому определению, возникает мысль, что оно касается не какого-нибудь единичного процесса. Скорее всего, можно подумать, что речь идет здесь о двоякой данности одного и того же явления; действующие на нас впечатления, как будто, переживаются нами двояко: с одной стороны, как явления, не сопровождаемые актами нашего внимания, с другой - как те же явления, но на этот раз опосредствованные как раз этими актами. Следовательно, считается, что мы можем переживать ряд явлений, но без всякой ясности и отчетливости их представления; в случае же активности внимания, мы переживаем их ясно и отчетливо. Это, конечно, не означает, что в первом случае мы имеем дело со слабой степенью, а во втором - с сильной степенью деятельности внимания. Скорее всего, в первом случае вовсе отрицается наличие внимания.

Следовательно, считается, что есть случаи, в которых наша мысль работает, в частности воспринимает ряд явлений, без всякого участия нашего внимания, т.е. воспринимает явления, которые на этот раз лишены ясности и отчетливости. Конечно, в обычном определении внимания предполагается, что это возможно, что в сознании могут иметь место и такие явления, которые вовсе лишены предиката ясности и отчетливости. Но вряд ли имеет смысл допустить наличие у нас таких содержаний, которые ничего не получают от того, что они становятся именно психическими содержаниями, что они остаются для субъекта тем же, чем они были до того, т.е. чуждым, «неизвестным», не существующим для него содержанием.

По-видимому, мы должны допустить, что если существуют какие-нибудь психические содержания, то они всегда сопровождаются той или иной степенью «сознания», независимо от того, можем мы в этих случаях говорить об участии внимания или нет. В противном случае не было бы никакого основания считать, что мы имеем дело действительно с психическими содержаниями.

Можно предположить, что, быть может, в основе традиционного понимания внимания лежала неосознанная мысль, что работу человеческой психики, собственно, следует полагать в двух различных планах, из которых в одном она протекает без участия внимания, а в другом - с его прямым участием. Причем наличие ясности и отчетливости можно бы было в обоих случаях считать бесспорным. Наша задача заключается сейчас в том, чтобы показать, что эти планы работы сознания действительно имеют место и что для понимания психической жизни на различных ступенях ее развития необходимо учитывать это обстоятельство.

3. Два плана работы нашей психики. О каких же планах работы нашей психики идет здесь речь?

Правда, в нашей науке до настоящего времени не усматривалась с достаточной ясностью необходимость применения этих двух планов работы нашей психики. Однако при научном осознании ряда явлений психической жизни приходилось принимать положения, которые, не будучи правильными по существу, все же скрывали в себе указания на ряд моментов, изучение которых в дальнейшем могло бы вскрыть истинную природу этих явлений.

Для того, чтобы составить себе ясное представление, о каких планах работы сознания идет здесь речь, мы попытаемся проанализировать какой-нибудь из самых обыкновенных случаев нашего поведения. Допустим, человек пробуждается и обращается к обычному в этом случае акту поведения: он начинает одеваться, берет обувь и начинает ее натягивать, и вдруг оказывается, что дело не подвигается вперед, что что-то мешает этому. В этом случае мыслимо двоякое отношение к данному явлению: или субъект не обращает внимания на это сравнительно незначительное явление и все-таки продолжает обуваться, или же он сейчас же прекращает акт обувания, задерживается на некоторое время и начинает фиксировать свою обувь с тем, чтобы уяс-

нить себе причину неожиданно возникшего неудобства. Это он должен сделать для того, чтобы устранить эту причину и совершить необходимый для него акт поведения.

Этот элементарный пример является самым обычным случаем, который можно констатировать на каждом шагу нашей жизни; можно сказать, что вся человеческая жизнь в значительной степени построена на серии процессов этого рода. Необходимо поближе приглядеться к ним, чтобы увидеть, что в данном случае мы имеем дело с бесспорно существенным явлением, бросающим свет на истинную природу психической жизни человека.

Дело в том, что в этом сравнительно элементарном, обычном акте нашего поведения мы можем вскрыть наличие двух отдельных, существенно различных планов деятельности нашей психики - плана «импульсивной» и плана «опосредствованной» деятельности. Мы должны остановиться на анализе обоих этих планов, чтобы составить себе ясное представление об интересующем нас здесь вопросе.

1. *План импульсивного поведения.* Если обратиться к первому из них, т.е. к плану «импульсивного» поведения, то мы найдем, что спецификой его психологически являются в первую очередь непосредственность, включенность субъекта, как и его актов, в процесс поведения, безостановочная абсорбированность и того и другого им. Для того, чтобы яснее представить себе эту специфику импульсивного поведения, нужно вспомнить о так называемой инстинктивной деятельности животного или же о привычной, механизированной активности человека.

Нет сомнения, что в этих случаях акт отражения соответствующих отрезков действительности имеется налицо и субъект отражает эту последнюю не во всей ее целостной совокупности, не во всех деталях, а лишь в определенной части ее агентов, имеющих непосредственное отношение к целям поведения. Кроме того, он отражает их достаточно ясно для того, чтобы они могли сделаться действительными факторами в процессе его поведения. Курица, например, должна заметить наличие зерен, чтобы начать клевать. Конечно, для того, чтобы стимулировать этот акт поведения, нет никакой необходимости детально обследовать эти зерна, достаточно заметить их. И этого бывает ей совершенно достаточно, чтобы сохранить себе жизнь.

Или же, если вернуться к нашему примеру: вставая утром с постели, человек должен выделить платье или обувь из числа

окружающих его вещей, должен достаточно ясно воспринять их, чтобы одеться и обуться. Это совершенно необходимо для него, но и вполне достаточно в определенных, обычно протекающих условиях его жизни. Ибо бесспорно, что всякая целесообразная деятельность предполагает факт отбора действующих на субъекта агентов, концентрацию соответствующей психической энергии на них и достаточно ясного отражения их в психике. Иначе всякая деятельность в этих условиях ее возникновения представляла бы собой один лишь хаос отдельных актов, не имеющих никакого отношения ни к целям субъекта, ни к особенностям внешней ситуации, в условиях которой она протекает.

Несмотря на то, что здесь мы имеем дело и с фактами отбора агентов, действующих на субъект, и с концентрацией психической энергии на них, как и с фактом ясного отражения их в психике, говорить об участии внимания в этих актах у нас все-таки нет настоящего основания. Дело в том, что и содержание сознания, вроде образов восприятия, и отдельные акты деятельности, включенные в процесс импульсивного поведения, характеризуются особенностью, исключающей всякую мысль об обусловленности их актами внимания: они возникают и действуют лишь для того, чтобы немедленно, без всякой задержки уступить место стимулированным ими последующим актам, которые, в свою очередь, также безостановочно делают то же самое. Они играют роль отдельных звеньев в цельной цепи поведения, - роль сигналов, стимулирующих дальнейшие шаги в процессе поведения. Они не имеют своей независимой ценности, не существуют самостоятельно и отдельно от процесса поведения, в который они безостановочно включены. Импульсивное поведение протекает под знаком полной зависимости от импульсов, вытекающих из сочетания условий внутренней и внешней среды - под знаком непосредственной и безусловной зависимости от актуальной ситуации, которая окружает субъекта в каждый данный момент. Словом, в актах импульсивного поведения субъект остается рабом условий воздействующей на его актуальной среды.

Возникает вопрос: чем же в таком случае, если не той специфической способностью, которую принято называть вниманием, определяются эти процессы - процессы избирательного выделения из массы действующих на нас агентов, именно тех, которые имеют отношение к задачам нашего поведения, концентрации «психической энергии» на них и, в результате всего этого, достаточно заметной степени ясности их сознания?

Этот вопрос оказывается совершенно не разрешимым для обычной психологии, огульно игнорирующей наличие в нас процессов, все еще не известных старой, традиционной науке. В свете нашей теории установки вопрос этот разрешается без особенных затруднений. Мы знаем, что, согласно этой теории, когда возникает какая-нибудь определенная потребность, то живой организм, или, правильнее, субъект, силится установить определенное отношение к окружающей действительности - к ситуации удовлетворения этой потребности - для того, чтобы на самом деле удовлетворить возникшую потребность. Действительность, со своей стороны, как ситуация удовлетворения наличной потребности воздействует непосредственно не на отдельные процессы, психические или физиологические, имеющие место в организме - носителе этой потребности, а на живой организм в целом, на субъекта деятельности, порождая в нем соответствующий целостный эффект. Эффект это может представлять собой лишь некоторое целостное, субъектное (не субъективное) отражение действительности, как ситуация удовлетворения данной потребности, - отражение, которое должно быть трактуемо как предпосылка и руководство ко всей разворачивающейся в дальнейшем деятельности субъекта, как установка, направляющая данное поведение в русло отражения окружающей действительности.

Если принять как основу это положение, то станет понятным, что все поведение, как бы и где бы оно ни возникало, определяется воздействием окружающей действительности не непосредственно, а прежде всего опосредованно - через целостное отражение этой последней в субъекте деятельности, т.е. через его установку. Отдельные акты поведения, в частности вся психическая деятельность, представляют собой явления вторичного происхождения.

Следовательно, в каждый данный момент в психику действующего в определенных условиях субъекта проникает из окружающей среды и переживается им с достаточной ясностью лишь то, что имеет место в русле его актуальной установки. Это значит, что то, чего не может сделать внимание, мыслимое как формальная сила, становится функцией установки, являющейся, таким образом, не только формальным, но и чисто содержательным понятием.

Таким образом, становится понятным, что в условиях импульсивного поведения у действующего субъекта могут возникать

достаточно ясные психические содержания, несмотря на то, что о наличии у него внимания в данном случае говорить не приходится. Мы видим, что это может происходить на основе установки, определяющей деятельность субъекта вообще и, в частности, работу его психики. На основе актуальной в каждом данном случае установки в сознании субъекта вырастает ряд психических содержаний, переживаемых им с достаточной степенью ясности и отчетливости для того, чтобы ему - субъекту - быть в состоянии ориентироваться в условиях ситуации его поведения. Правда, ясно и отчетливо переживаемыми становятся в этих условиях лишь те стороны или моменты, которые имеют непосредственное отношение к ситуации данного поведения. Поэтому луч ясности и отчетливости направляется в ту или иную сторону, на тот или иной момент ситуации, не по произволу субъекта. Он находится в зависимости от условий, в которых рождается и, быть может, фиксируется действующая в данный момент установка. Само собой понятно, что в этом случае речь может идти лишь о сравнительно простых ситуациях, на базе которых рождается и с успехом развивается соответствующая этим условиям установка.

2. *План объективации.* Другое дело в случае усложнения ситуации, необходимой для разрешения задачи, поставленной перед субъектом, - в случаях возникновения какого-нибудь препятствия на пути. Поведение здесь уже не может протекать так же гладко и беспрепятственно, как это бывает при импульсивной деятельности. При появлении препятствия наличный, очередной акт поведения, наличное отдельное звено в цепи его актов уже не может у человека; как обычно, возникнув, немедленно уступить место следующему за ним и стимулированному им акту поведения, так как препятствие касается как раз процесса этой стимуляции. В результате этого поведение задерживается и звено, так сказать, вырывается из цепи актов поведения. Не вызывая более последующих актов, оно перестает быть на некоторое время одним из звеньев цепи и становится психологически предметом, объектом, имеющим свое самостоятельное, не зависящее от условий актуально протекающего поведения существование и свои особенности, которые предварительно нужно осознать для того, чтобы снова использовать это звено целесообразно, снова включить его в процесс поведения.

Итак, при возникновении препятствий поведение задержива-

ется на каком-нибудь из актуальных звеньев. Например, обуваясь, я чувствую, что «нога не лезет в обувь», но я не окончательно прекращаю поведение, направленное на обувание, а лишь задерживаю его на некоторое время: я останавливаюсь, прекращаю осуществлять в своих действиях акты обувания. Зато возникает новая форма поведения: обувь, образ которой я получил в результате ее восприятия, включенного в акты процесса обувания, не будучи в состоянии стимулировать и направлять удачный, в данном случае достаточно целесообразный, акт обувания, становится сейчас для меня самостоятельным объектом, особенностью которого я должен осознать для того, чтобы быть в состоянии обуться, и я начинаю снова воспринимать обувь; она становится предметом, на который направляются мои познавательные акты, - я начинаю ее воспринимать с разных сторон, сопоставлять замеченные мной особенности, размышлять о возможной обусловленности замеченного мной неудобства, быть может, именно обстоятельством, которое бросается в глаза. Словом, на почве *идентифицирования* обуви начинается процесс специально познавательного отношения к предмету, отношения, отвлекающегося от интересов непосредственного практического применения каждой из отмеченных мной особенностей, начинается процесс элементарного теоретического, а не непосредственного, практического поведения.

От результатов этого последнего и зависит, как развернется в дальнейшем моя деятельность, что я сделаю с обувью, чтобы целесообразно закончить процесс обувания. Очевидно, я внесу в нее необходимые в данном случае изменения, устраню препятствия, задерживающие целенаправленность моего поведения, - словом, в результате теоретического отношения к предмету я сперва осуществляю практические акты, необходимые для приведения обуви в пригодность, и только после этого возьмусь за осуществление задержанного мною акта обувания.

Таким образом, вследствие усложнения ситуации, процесс импульсивного поведения может задержаться, и тогда наличное звено его, отраженное первично в психике в процессе осуществляющихся актов поведения, может обратиться в самостоятельный для меня объект, может выключиться из непрерывной цепи актов практического поведения и сделаться предметом моего повторного наблюдения, стать объектом, на который я направляю деятельность своих познавательных функций с тем, чтобы

получить более детальное и более ясное его отражение, необходимое для целесообразного завершения задержанного процесса моего поведения.

В результате, этого акта поведение поднимается на более высокий уровень - на уровень опосредствованного познавательными актами, освобожденного от действия непосредственных импульсов поведения. Словом, - поведение в этих условиях поднимается на уровень специфически человеческих актов, качественно отличающихся от всего того, что может дать в обычных условиях своего существования то или иное животное.

Этот специфический акт, обращающий включенный в цепь деятельности человека предмет или явление в специальный, самостоятельный объект его наблюдения, можно было бы назвать коротко актом объективации¹.

Само собой разумеется, этот акт объективации вовсе не создает впервые предметов или объектов окружающего нас объективного мира; эти предметы, конечно, существуют независимо от субъекта и являются необходимыми условиями возникновения всякого поведения, кому бы оно ни принадлежало. Но сейчас они воспринимаются субъектом, идентифицируются. Акт объективации имеет в виду наличие в действительности объектов, на которые можно бы было человеку направить свои акты с тем, чтобы повторно заметить и в этом смысле объективировать их, а затем, при помощи специальных познавательных функций, уяснить себе, что они представляют собой.

Таким образом, объективация не создает объектов, они существуют в объективной действительности, независимо от наших актов, - а обращает наличные объекты в предметы, на которых мы концентрируем наше внимание, или, говоря точнее, которые мы объективируем.

Если приглядеться к этому процессу, то можно будет сказать, что наше поведение, которое было включено в цепь последовательных актов отношения к действительности, как бы «освобождается» из этой цепи, «выключается» из нее и становится самостоятельным и независимым процессом. Решающую роль в этом процессе «освобождения» поведения, поднятия его на более

¹ Об опыте экспериментального исследования объективации см.: А. Мосисова. Материалы к вопросу о процессе объективации. «Психология». 1945. Т. III, 1947. Т. IV.

высокий, истинно человеческий уровень играет, несомненно, акт объективации - акт обращения звена в цепи в самостоятельный, независимый предмет, на который направляются усилия наших познавательных функций. Но нет сомнения, что это и есть акт той самой задержки, остановки, фиксации, который мы наблюдаем в условиях работы специфического состояния, известного под названием «внимания».

Следовательно, внимание по существу нужно характеризовать как процесс объективации - процесс, в котором из круга наших первичных восприятий, т.е. восприятий, возникших на основе наших установок, стимулированных условиями актуальных ситуаций поведения, выделяется какое-нибудь из них; идентифицируясь, оно становится предметом наших познавательных усилий и в результате этого - наиболее ясным из актуальных содержаний нашего сознания.

Таким образом, акт объективации является специфическим состоянием, свойственным человеку, состоянием, которого лишено животное и на котором по существу строится все преимущество человека над этим последним, строится возможность нашего логического мышления.

Нам необходимо специально отметить наличие обоих этих уровней психической жизни - уровня установки и уровня объективации. В то время как первый из них является специфическим для всякого живого существа (в частности, в определенных условиях и для человека), второй представляет собой специальное достояние лишь этого последнего как существа мыслящего, строящего основы культурной жизни, как творца культурных ценностей.

Если приглядеться к первому уровню - уровню установки, то нетрудно увидеть, что жизнь на этом уровне представляет собой безостановочный поток ряда изменений, неустанное становление нового: она не знает ничего *повторяющегося*, ничего *тождественного*. Здесь, в плане установки, основным принципом действительности является принцип становления, исключающий всякую мысль о неизменяемой тождественности явлений. Мы видели выше, что действительность отражается в психике лишь в тех своих отрезках, которые необходимы для развития потока деятельности, направленной на удовлетворение актуальных потребностей живого организма. Сама же эта действительность

или какая-нибудь из ее сторон остается целиком за пределами внимания субъекта, она не является его объектом, не является тем же предметом, специально обращающим на себя его взоры.

Словом, становится бесспорным, что действительность в плане установки представляет собой поле неисчерпаемых изменений, безостановочного движения, исключая даже мысль о тождественности в бесконечном ряду явлений. Коротко говоря, действительность в плане установки представляет собой поле не имеющих конца, не знающих перерыва изменений.

Другое дело второй план этой действительности, обусловленный принципом объективации, свойственным лишь этому плану. Как только действительность сама же начинает казаться той же действительностью, сама же начинает становиться объектом для человека, она выступает из ряда факторов, непосредственно обуславливающих поведение человека, и становится самостоятельным предметом, на который направляется внимание субъекта; иначе говоря, она *объективируется*.

На этой основе вырастают мыслительные акты, направленные на возможно всестороннее отражение объективированной таким образом действительности.

В отличие от отражения в плане установки, здесь, в плане объективации, мы имеем дело с отражением, построенным на основе логического принципа тождества, необходимого для регулирования актов нашей мысли. А именно: после того как мы выдвигаем идею одной из сторон объективированного нами отрезка действительности, нам приходится немедленно перейти к другой, затем к третьей и т.д., пока не исчерпаем всего предмета, представляющего в данном случае интерес для нас. Но, переходя от одной стороны к другой, мы вовсе не приближаемся к удовлетворительному разрешению задачи, если не допустить, что каждая из рассмотренных нами сторон сохраняется перед нами в своей неизменной тождественности, необходимой для того, чтобы мы могли воссоздать из них образ предмета как целого; мы анализируем и идентифицируем каждую из его сторон в течение времени, необходимого для того, чтобы завершить построение его, как целого.

Словом, течение нашей психической жизни из живого и активного потока обращается в объективированную данность - из отрезка жизни становится предметом нашей мысли.

Представления и идеи

1. Слово как объективный фактор установки. Мы видим, что человек выходит из затруднения, в которое попадает в усложненных условиях своей жизни, обращаясь к акту объективации, к акту крутого изменения направления и внутренней природы своего поведения. Вместо того, чтобы действовать в том или ином направлении, он останавливается на некоторое время, чтобы сначала «обсудить» создавшееся положение, и лишь после этого, в зависимости от результатов этого обсуждения, обратиться к актам поведения.

Как протекает весь этот процесс? Принимает ли и здесь наша установка то или иное участие? Вот вопросы, которые должны быть разрешены, прежде чем составить окончательное мнение о характере и внутренней структуре человеческой активности.

Для того, чтобы разрешить этот вопрос, мы лучше всего обратимся и здесь к нашим обычным опытам. Только их придется несколько изменить, поскольку в данном случае нас интересует не вопрос о влиянии актуально действующей ситуации, а вопрос о влиянии ситуации, вербально опосредованной, ситуации, действующей лишь в плане представления. Новое, что должно быть осуществлено в этих опытах, - это замена актуально воспринимаемой ситуации лишь воображаемой, лишь вербально репрезентированной ситуацией. Во всем же остальном опыты могут сохранить свою обычную структуру.

Опыты эти протекают следующим образом: вместо того, чтобы давать испытуемому обычные установочные тела, например шары, мы предлагаем ему представить, что в одной руке у него больший по объему шар, а в другой - меньший. Как и в обычных опытах, установочные экспозиции (представления) повторяются многократно, в этом случае до 15 раз. Нужно полагать, что, если представление может быть фактором, стимулирующим установку, в результате этих 15 представлений у субъекта должна фиксироваться соответствующая установка. И это должно обнаружиться, как обычно, в критических опытах, в которых испытуемому предлагаются обычные критические объекты - равные шары.

Опыты *этого* рода были проведены также и в оптической

сфере¹. В последнем случае экспериментатор поступал следующим образом: показав предварительно, какого рода раздражители следует представлять, он предлагал испытуемому вообразить себе на том же экране, рядом, два круга, из которых один должен быть заметно больше другого. После 15-кратного повторения этих представлений испытуемый получал там же на экране два равных круга с заданием сравнить их между собой в отношении величины.

Результаты опытов оказались следующие: наша обычная иллюзия установки обнаружилась как в гаптической, так и в оптической областях. Значит, не подлежит сомнению, что у испытуемых установка фиксируется и путем лишь *словесного* воздействия: достаточно им *представить* 15 раз, что на них действуют шары разных объемов или что они видят два неравных круга, чтобы у них фиксировалась соответствующая установка. Установка, которая затем не дает им, как обычно, возможности адекватно воспринимать на некоторое время фактически предлагаемые им равные объекты.

Правда, такого рода иллюзии, т.е. иллюзии, стимулированные на основе одного только представления установочных объектов, возникают значительно реже, чем иллюзии, появляющиеся в условиях непосредственного, актуального воздействия этих объектов, но факт наличия этих иллюзий не подлежит никакому сомнению. Так, с обычными иллюзиями установки в гаптической сфере мы имеем дело чуть ли не во всех 100% случаев, тогда как здесь, т.е. при стимуляции этих иллюзий путем вербального воздействия, процент их не превышает 71,6. Еще ниже процент этих иллюзий в оптической сфере, где он едва достигает 42,2 общего числа испытуемых.

Таким образом, на основе данных этих опытов становится бесспорным, что установка может быть фиксирована и на основе представления, стимулированного словесным воздействием на субъекта. Но становится бесспорным и то, что это бывает далеко не так часто, как в наших обычных опытах. Нужно думать, что в общей массе испытуемых встречается какой-то более или менее значительный процент лиц, которым не удается фиксировать установку, стимулированную путем словесного воздей-

¹ Р.Г. Натадзе. К вопросу о стимулированной представлением фиксированной установки. «Психология». 1942. Т. 1.

ствия. Есть основания полагать, что это лица, которые характеризуются наличием какой-то степени аномалии - временной и случайной или, быть может, даже сравнительно постоянной и стойкой.

Но если рассмотреть ближе нормально одаренных испытуемых, т.е. испытуемых со способностью фиксировать установку на базе вербального воздействия, то нам придется признать, что и они значительно отличаются друг от друга по степени живости фиксированной установки и легкости ее образования. На основании имеющихся у нас результатов опытов можно утверждать, что, в то время как большинство нормальных испытуемых обнаруживает способность фиксировать установку на основе вербального воздействия лишь в слабой степени, сравнительно немного испытуемых, состоящих главным образом из артистов, а также студентов театрального института, оказываются необычайно одаренными в этом отношении: они фиксируют установку на базе представления почти во всех 100% случаев, и притом фиксируют ее в достаточно сильной степени¹.

Если рассмотреть случаи фиксированных таким образом установок со стороны их *стойкости* или *прочности*, то нам придется отметить, что установка, стимулированная вербальным воздействием, отличается сравнительно низкой степенью стойкости: из 16 испытуемых, у которых имеется фиксированная в этих условиях установка, у 15, т.е. у 93,8%, отмечается сравнительно слабая фиксация установки, и только один субъект обнаруживает установку, которую можно было бы считать зафиксированной в сильной степени.

Словом, не подлежит сомнению, что фиксация установки этим способом отличается значительно более низкой степенью стойкости, чем это имеет место в случаях фиксации установки в условиях воздействия актуальной ситуации.

Сравнительно невысокая степень стойкости или прочности установки, фиксированной на основе представления, отражается и на состоянии ее других сторон, в первую очередь на степени ее стабильности, а затем также и на ее возбудимости. Из тех же опытов стало ясно, что при испытании стабильности интересующей здесь нас фиксированной установки (испытанию подвергались 13 испытуемых, давших явно выраженную картину фикса-

¹ Р.Г. Натадзе. Указ. соч.

ции вербально стимулированной установки), по истечении 5 - 15-минутных пауз после опытов ее фиксирования, сохранили ее пять испытуемых, т.е. 38,4% из общего числа их; притом, за исключением одного случая, в котором мы имели дело с феноменом статической установки, все эти лица обнаружили очень слабую степень фиксации, а именно: двое из них дали по две иллюзии, а двое - по одной.

Словом, в этих опытах степень стабильности фиксированной установки оказалась очень невысокой.

Эти данные указывают, что вербально стимулированная установка, вообще говоря, значительно менее стабильна, чем установка, возникающая в условиях непосредственного воздействия актуальной ситуации.

То же самое приходится сказать и относительно возбудимости этого рода установки. При пяти установочных экспозициях в гаптической сфере удалось фиксировать установку только у трех лиц - из общего числа 13 испытуемых, у которых вообще удается вербально стимулировать установку. Если сравнить это число с числом лиц с возбудимой установкой при актуальной стимуляции, то, несомненно, оно очень низко: во-первых, низший порог возбудимости там значительно выше (в то время как там достаточно бывает и одной экспозиции, чтобы получить ощутимый эффект фиксации, здесь для этой цели оказываются необходимыми уже пять установочных экспозиций); во-вторых, в то время как в обычных опытах число лиц с таким порогом сравнительно высоко, здесь оно не выше 23%; наконец, в-третьих, эта иллюзия здесь оказывается очень слабой, поскольку у одного испытуемого она продолжается до трех экспозиций, у другого - до двух и у третьего ее хватает лишь на одну-единственную экспозицию.

Мы видим, что вербально стимулированная установка возбуждается гораздо труднее, чем обычная фиксированная установка.

Есть ли какие-либо особенности в процессе угасания этой установки?

Согласно данным той же работы, обращает на себя внимание следующее:

а) из 36 испытуемых, дающих эффект фиксации установки, девять, т.е. 25%, оказываются лицами с статическим типом установки: они дают контрастную иллюзию без изменения в течение более 30 экспозиций. В обычных опытах с нормальными

лицами этого нет, там таких испытуемых не более 3-5 %, Дальнейшие опыты должны показать, на чем базируется эта особенность вербально фиксированной установки;

б) особенно часто (52%) встречаются лица, у которых констатируется грубая динамическая установка. Это - лица, которые обнаруживают с самого же начала контрастную иллюзию и удерживают ее без заметных изменений до того момента, пока окончательно не замечают равенства критических объектов;

в) наконец, в 25% всех случаев мы имеем испытуемых с пластической установкой - число также невысокое в сравнении со случаями установки не в воображаемой, а в актуально воздействующей ситуации.

Все эти особенности процесса угасания вербально фиксированной установки были получены в наиболее ранних экспериментах Р.Г. Натадзе, поставленных для разрешения вопроса о возможности такого рода установки. Дальнейшие опыты должны показать, что из этих результатов придется сохранить и что изменить в том или ином направлении.

2. Проблема представления. Если мы окинем взором все, что получили в результате этих опытов, нам придется признать, что фиксация установки на базе вербального воздействия является бесспорным фактом. Нет сомнения, что слово представляет собой специфическую для нас сферу действительности, на основе которой строится новый слой установочных состояний человека, обуславливающих и определяющих его поведение.

И вот вопрос, который сейчас стоит перед нами, можно формулировать следующим образом: чем же достигает, слово того, что начинает играть в данном случае ту же роль, что и объективная действительность, на базе которой обычно разворачивается наша деятельность? Ведь, в самом же деле, в этом случае не окружающая нас действительность, не фактически действующая на нас ситуация является фактором, непосредственно определяющим возникновение установки, а только вербально опосредованная форма действительности. Мы могли бы сказать, что объективным фактором, определяющим возникновение установки, в данном случае является не актуальная, а лишь вербально стимулированная ситуация. Это значит, что вопрос, какая же установка возникает здесь в субъекте, зависит не от того, в каких условиях ему приходится действовать, а от того, какого рода

действительность имеет он в виду в выражениях, что он хочет выразить своим словом.

Итак, если в обычных случаях наших опытов с установкой мы всегда имеем дело с каким-нибудь индивидуальным отрезком актуальной действительности, с вполне определенной для данного лица ситуацией, то в этом случае объективным условием возникновения установки является уже только мнимая или просто *идейная ситуация*; субъекту приходится считаться не с реально данной, а только с идейно представленной, мыслимой ситуацией.

Конечно, объективные условия возникновения установки в обоих этих случаях существенно отличаются друг от друга. Если в обычных случаях действия установки речь идет относительно реально наличной объективной ситуации, то здесь мы имеем в виду не действительно существующую, актуально действующую на нас ситуацию, а лишь *представленную* или *мыслимую*.

Следовательно, мы должны признать, что в этих условиях речь идет относительно совершенно нового слоя установки, слоя, который может быть лишь у субъектов, оперирующих идеями, представлением или мыслью.

Что же представляет собой эта идея? Можно бы было подумать, что здесь вопрос касается обычного представления, т.е. воспроизведенного образа предмета, основывающегося на нашем прошлом опыте. Но в указанных выше экспериментах мы имеем данные, которые не дают оснований принять эту возможность. Дело в том, что представления одного и того же предмета или явления, как известно, могут отличаться друг от друга прежде всего по степени интенсивности или яркости но в этих опытах оказывается, что момент интенсивности или яркости не играет существенной роли: представления могут быть максимально яркими, но они оказываются бессильными стимулировать активность субъекта. Следовательно, мы должны признать, что решающую роль в этих случаях играет не представление, не простой образ предмета, а нечто совершенно другое.

3. «Представление» в сиовидении. Для того, чтобы яснее представить себе природу специфических процессов, лежащих в этих случаях в основе поведения субъекта, мы должны обратиться к анализу ряда случаев, в которых не только люди, но и животные кажутся носителями переживаний, аналогичных тем, которые здесь нас интересуют.

Мы имеем в виду образы сновидений, которых, по-видимому, не чужды люди самых примитивных ступеней развития, дети на значительно ранних стадиях их жизни и, наконец, даже животные.

Мы должны, конечно, признать, что образы сновидений вовсе не являются по существу переживаниями активно действующих содержаний. Тем не менее они являются, бесспорно, засвидетельствованными фактами даже на примитивных ступенях развития, где о наличии настоящих актов мышления, по-видимому, и речи не может быть.

Вот одно наблюдение! Охотничья собака лежит передо мной и спит; по всем признакам она не спокойна, она скулит, временами лает, правда, глухо, но достаточно отчетливо для того, чтобы заметить, что в данном случае имеем дело с обычным для нее при преследовании дичи специфическим лаем. Словом, все указывает на то, что собака «видит во сне» сцену охоты, в которой она как бы принимает участие.

О детских сновидениях и говорить не приходится: они до такой степени часты, что не вызывают никаких сомнений. Конечно, то же самое нужно сказать и относительно сновидения примитивного человека.

Словом, факты этого рода нужно считать бесспорными и мы можем полагаться на них без колебаний.

Но если это так, если факт сновидения на этих, сравнительно примитивных ступенях развития не вызывает сомнений, то это значит, что мы должны признать, что и способность представления на этих ступенях развития бесспорна; животное, в данном случае собака, имеет определенные образы, и они вызывают в ней соответствующие реакции - она начинает лаять. То же самое можно сказать и относительно человеческого сновидения: факт наличия в нем представлений, как будто, не подлежит сомнению. Можно сказать, что все содержание сновидения, вообще складывается из образов представлений.

Но здесь нужно отметить одну из особенностей сновидения. Если мы приглядимся внимательно к случаям наших представлений во сне, то увидим, что они постоянно, сейчас же по появлении трансформируются, немедленно обращаются в восприятия. Это бывает так часто, что возникает подозрение, можем ли мы в состоянии сновидения вообще в настоящем смысле этого слова, иметь какие-нибудь представления. Конечно, раз процесс модифицирования наших представлений в образы восприятия не

вызывает сомнения, то ясно, что сомневаться в фактической данности представления не приходится. Но данность эта имеет часто своеобразный, до такой степени специфический характер, что становится трудным считать ее обычной, настоящей данностью. Дело в том, что образы наших представлений во сне, как мы только что отметили, сейчас же, по обращении на них, внимания, начинают становиться образами восприятия. То, что вначале начинает появляться в сознании лишь в виде отдельных представлений, немедленно начинает трансформироваться в актуальные переживания, в настоящие восприятия, в феномены, которые фактически начинают разворачиваться перед нашими глазами. Мысли, которые приходят в голову во сне, сейчас же облекаются в плоть и начинают переживаться в виде настоящих, актуальных восприятий. Эта трансформация переживается до такой степени ясно, что не остается в ней никакого сомнения; не остается сомнения, что вот мы вспоминаем во сне что-то и уже видим, как образы этого воспоминания немедленно начинают разворачиваться перед нами, в виде настоящих, ясных содержаний восприятия.

Это наблюдение, как нам кажется, особенно близко характеризует содержание нашего сознания в состоянии сновидений; во сне все, что мы представляем, немедленно трансформируется в образы восприятий.

Этот бесспорный факт обращения содержания представлений в содержание восприятий представляет большой интерес с точки зрения вопроса о психологических особенностях сновидения. Раз такого рода трансформация образов представления в содержание восприятия действительно возможна, то это дает основание утверждать, что в сновидениях они и не отличаются друг от друга по содержанию: если восприятие является отражением конкретной действительности, отражением индивидуально данного определенного содержания, то то же самое нужно сказать и относительно представления во сне; в противном случае трансформация его в восприятие была бы совершенно невозможна. Раз данное содержание может быть содержанием представления или восприятия, безразлично, то это значит, что эти последние несколько не отличаются друг от друга и одно и то же индивидуально конкретное содержание может служить как в одном, так и в другом случае. Это значит, что восприятие и представление в состоянии сновидения не дифференцированы

друг от друга, они представляют собой диффузные переживания и представление так же конкретно и индивидуально по своему содержанию, как и восприятие. Следовательно, утверждение о том, что содержание представления вообще носит в какой-то степени обобщенный характер, вряд ли в данном случае имеет достаточно основания.

Правда, в случаях неопределенности, диффузности какого-либо содержания становится трудно отнести его к одному, точно определенному переживанию представления или восприятия. Но от этого сами-то факты нашего сознания вовсе не становятся обобщенными: они характеризуются в данном случае лишь диффузностью и неопределенностью, не переставая быть переживанием, правда, малоопределенного, но все же вполне индивидуального содержания.

В аналогичных случаях мы имеем дело не с принципиально обобщенным содержанием, не с совокупностью общих признаков какой-то группы явлений или предметов, а лишь с мало определенным, диффузным переживанием, которое именно по причине этой диффузности трудно или невозможно бывает отнести к какому-нибудь определенному индивидуальному содержанию.

Таким образом, мы можем утверждать, что представление, которое мы имеем в состоянии сновидений, по основным свойствам своего содержания несколько не отличается от восприятия - одно переходит в другое, ничего не меняя в своем содержании; в состоянии сновидения дифференцированных друг от друга представлений и восприятий чаще всего не бывает.

4. Идеи на базе вербального воздействия. Если под представлением понимать переживания, которые обычно составляют содержание сновидений, то мы должны признать, что они не отличаются принципиально от восприятий и могут иметь место не только у человека разных ступеней развития, но и у животных.

Таким образом, мы видим, что идеи, лежащие в основе обсуждаемых нами экспериментов с установкой на базе вербальной стимуляции, нельзя отождествить с «представлениями» в тесном смысле этого слова. Эти последние могут иметь место и на сравнительно ранних ступенях развития - не только в сновидениях, в то время как идеи, стимулированные на базе словесного воздействия, могут быть констатированы лишь у обладающего речью живого существа - у человека.

Что дело здесь, действительно, не в индивидуальных пред-

ставлениях, это видно уже из той роли, которую играет в данном случае речь. Ведь слово никогда прямо не выражает какого-нибудь конкретного, индивидуального образа. Оно всегда обобщает, имеет в виду всегда более или менее общее содержание. Поэтому мы, скорее, должны принять, что здесь речь идет о каком-то более общем, чем в случае представления, процессе. Мы имеем основание утверждать, что мы здесь отступаем от конкретной сферы единично воспринимаемого или представляемого и поднимаемся в более высокую сферу мыслимого.

Это значит, что в этих случаях вступает в свои права специфически человеческая особенность, сформировавшаяся на наиболее высоких ступенях его развития, - *начинает действовать мышление.*

Таким образом, выясняется, что у человека появляется вторая, более высокая форма установки, которая характеризуется прежде всего тем, что, помимо потребности, стимулирующей его деятельность, она предполагает наличие ситуации, определяемой в категориях мышления, а не восприятия, как это бывает в случаях действующей в актуальном плане установки.

Получается такое положение: у человека вырабатывается способность действовать в каком-то новом плане, в плане вторично отраженной действительности и, таким образом, открыть в себе возможность не только непосредственного, прямого ответа на действующие на него раздражения, что в той или иной степени доступно и животному, но и опосредованных видов реакции на развертывающуюся перед его глазами широкую картину действительности.

5. Опыты на базе представлений и идей. В одной из работ Р.Г. Натадзе вскрывается довольно любопытное явление, которое он формулирует в следующих выражениях: «психологическая сущность сценического перевоплощения заключается в выработке установки, соответствующей представляемой (а не воспринимаемой в данный момент) ситуации; вызванная представлением установка фиксируется в процессе репетиций»¹. Наш автор приходит к заключению, что фиксировать установку на основе «представления» удастся гораздо легче способным дея-

¹ Р.Г. Натадзе. О связи способности сценического перевоплощения со способностью выработать фиксированную установку на основе воображения «Психология». 1945. Т. III.

телям сцены, талантливым артистам, чем лицам, не имеющим отношения к сцене или отличающимся малой способностью к сценическому перевоплощению. Особенно характерно, что способность к фиксированию установки на основе представления оказывается значительно более развитой у сценически более одаренных студентов, чем у менее одаренных. В ряде самых разнообразных опытов автор показывает, что положение это, безусловно, обосновано: оно оправдывается в самых различных комбинациях экспериментальных условий.

Для того, чтобы показать, как сильно отличаются в этом отношении друг от друга сценически более одаренные лица от менее одаренных, мы обратимся к данным, суммированным в таблице. Здесь мы видим, что сценически одаренные субъекты значительно выделяются по своим показателям в сравнении с лицами, не имеющими отношения к сцене. Разница в данном случае большая: несмотря на то, что не исключена возможность, что среди случайно отобранных испытуемых, не имеющих отношения к сцене, могли быть и лица, не лишенные способности к сценическому искусству, их данные (31,1%) оказались все же почти втрое ниже показателей артистов 87,7%, как и способных студентов театрального института 80%. По-видимому, нельзя сомневаться, что сценическая одаренность в высокой степени положительно коррелирует с количеством установочных иллюзий, стимулированных представлением испытуемого (в этих опытах испытуемому предлагают словесно представить себе, что у него в правой руке больший по объему шар, а в левой - меньший). Особенно интересно, что эти данные существенно не меняются и в более осложненных условиях опытов, а именно в условиях опытов, в которых испытуемые актуально воспринимают раздражители, вполне противоположные представляемым установочным объектам.

Таблица

	Число испыт.	Адекв. ответ, %	Иллюзия, %
Заслуженные артисты	10	10	90
Молодые артисты	7	14,3	85,27
Способные студенты	10	20	80
Не имеющие отношения к театру			

Испытуемые получают в руки одинаковые по весу, но разные по объему объекты Шарпантье. Следовательно, ничто не мешает им получить соответствующую иллюзию. Но они имеют задание представить, что тяжести распределены в направлении, обратном их действительному порядку, и, следовательно, считать, что с той стороны, с которой воспринимается более тяжелый объект, у них имеется более легкий и там, где они должны чувствовать наличие более легкого, - более тяжелый объект.

Результаты, полученные в этих опытах, показывают, что испытуемые оказываются способными преодолеть, путем представления, силу действия иллюзии Шарпантье. Выясняется, что в то время как в этих условиях у лиц, не имеющих отношения к театральному искусству (у служащих средней квалификации), вовсе не получают иллюзии, у театрально одаренных испытуемых число их достигает 65,2%. Нет сомнения, что цифра эта указывает на наличие большой разницы между этими категориями испытуемых.

Бесспорно, мы можем заключить, что данные об иллюзиях установки в этих условиях в высокой степени положительно коррелируют со способностью к театральному искусству.

Более того, в другом варианте этих опытов подтверждается, что установка фиксируется на основе представления и в тех случаях, в которых этому представлению явно противоречит восприятие той же модальности: если испытуемый имеет в руках, например, одинаковые по объему объекты, то при соответствующих условиях у него может фиксироваться установка, что, например, в правой руке у него имеется объект, с большим объемом, чем в левой. Причем у лиц театрально одаренных это бывает значительно чаще, чем у обыкновенных испытуемых, не отобранных по этому признаку.

Не останавливаясь на других вариантах этих опытов, на их основе мы можем вообще утверждать, что способность фиксировать установку на базе представления объекта, противоположного актуально воспринимаемому, распространена среди театрально одаренных лиц несравненно в большей степени, чем среди лиц, не имеющих отношения к театру, и тех из студентов театрального института, которые, как видно из данных наблюдений над их работой, лишены артистических способностей.

Резюмируя все сказанное, мы можем повторить, что на основе данных ряда соответствующих экспериментов можно безогово-

рочно утверждать, что фиксированная установка на базе представления несравненно чаще вырабатывается у лиц, одаренных артистическими способностями, чем это имеет место у лиц, лишенных этих способностей.

На что указывают эти результаты? Выше мы отметили, что в этих, как и в аналогичных им опытах исследуется не способность к живому представлению - представлению вроде сновиденческих диффузных переживаний, а, скорее, способность к какой-либо идее или мысли вообще. Но результаты, полученные в опытах с театрално одаренными лицами, по-видимому, в корне расходятся с этим предположением. Мы ведь не имеем никаких оснований утверждать, что эти лица превосходят наших обычных испытуемых именно способностью мыслить. Существуют другие пути, которые дают нам надежные основания судить об интеллектуальных способностях наших испытуемых, и их данные не всегда совпадают с результатами этих опытов. Это обстоятельство снова ставит перед нами тот же вопрос: что же исследуют наши эксперименты - мысль, идею или просто способность индивидуальных представлений?

Для разрешения этого вопроса мы обратимся к некоторым из данных, обнаружившихся в процессе самих опытов. Прежде всего обращает на себя внимание значительная разница между обеими категориями испытуемых: в то время как одаренные артистическими способностями лица легко разрешают предложенную им задачу представить разрешение, скажем, в смысле, противоположном данному, лица, не имеющие отношения к театралному искусству, в большинстве случаев достигают этого или с большим затруднением, или вовсе отказываются от этой задачи. Большинство испытуемых этой второй группы чувствует необычайно сильное напряжение при ее разрешении: «Собираю все силы»... «Необычайное напряжение»... «Знаете, устал необычайно!»... «Сердце утомилось!» - говорят испытуемые этой категории. И если в конце концов им все же удастся разрешить задачу, то это лишь после достаточно длинного ряда попыток - лишь после 15-26 экспозиций, в то время как для лиц другой категории достаточно бывает трех-пяти экспозиций.

Словом, мы можем повторить, что, в то время как сценически одаренные лица легко разрешают такого рода задачи, обыкновенные испытуемые оказываются сравнительно бессильными сделать это.

Очень существенно отметить, как проходит этот процесс у лиц, которым он удается сравнительно легко. В тех случаях, в которых предложенная задача осложняется специальными условиями опытов, испытуемый отмечает трудность ее разрешения. Для характеристики способа ее разрешения, к которому прибегают испытуемые этой категории - сценически одаренные лица, - эти случаи представляют для нас специальный интерес.

Испытуемый фиксирует требуемое в задаче представление, но вдруг неожиданно оно выпадает, и испытуемый остается на некоторое время ни с чем, пока не сумеет снова вызвать к жизни нужное представление: «Опять выключилась!.. Снова включилась!» - говорит одна артистка. «Поймал было, но опять ускользнуло!.. есть! опять чувствую тяжесть!» - говорит другой испытуемый.

Таким образом, мы видим, что, действительно, несмотря на значительные усложнения в условиях опытов, они протекают для испытуемых данной категории, вообще говоря, легко, несравненно легче, чем для лиц, не имеющих отношения к сцене.

Это дает нам возможность судить, в чем заключается разница в поведении обеих групп наших испытуемых. Мы видим, что одна группа их - способные к сцене лица - сравнительно легко настраиваются к разрешению задачи, легко активируют в себе что нужно (для них достаточно бывает трех-пяти экспозиций, чтобы вызвать в себе требуемое представление), легко вырабатывают представление, которое от них требуется. С другой стороны, и способ выработки этого представления у них специфический: они «включаются» или «выключаются» вовсе, они «имеют» или совершенно не имеют его. Одним словом, впечатление таково, что представление это или имеется у них в готовой виде, или его вовсе нет до тех пор, пока оно опять сразу не появится.

Это обстоятельство достаточно хорошо характеризует природу этих представлений. Нужно полагать, что это - психические акты, достаточно определенно отличающиеся от того, чем руководствуются в своем поведении в этих опытах испытуемые - не работницы сцены. Если они, скорее всего, пользуются в своем поведении актами мысли или идеями, как мы предпочитаем называть их, то одаренные сценическими способностями лица обращаются при разрешении стоящих перед ними задач, как правило, не к актам мысли, а к живым, индивидуальным образам, к вполне определенным представлениям, возникающим и

действующим у них, как целостные образы, которые или присутствуют в сознании в своей завершенной целостности, или же их вовсе нет там, - переживаниям, аналогичным недифференцированным представлениям наших сновидений. Этим они в корне отличаются от того, что имеется в этих случаях у наших обыкновенных, не специфически одаренных к артистической деятельности испытуемых. Мы могли бы коротко в следующих словах сформулировать различие между ними: в то время, как у лиц, одаренных к сценической деятельности, в ситуации наших опытов возникают индивидуально определенные образы или живые; недифференцированные представления, у других в тех же случаях появляются идеи или мысли, которые начинают определять их деятельность через соответствующие формы установки.

Конечно, нельзя сомневаться, что и первая группа наших испытуемых не лишена способности «мыслить», что в соответствующих условиях и она может демонстрировать эту свою способность, но в данном случае условия опыта таковы, что они стимулируют у них, скорее, активность образуемого представления, чем более или менее обобщенных процессов мысли. Если же с другой группой испытуемых этого не случается, если у них активизируется не способность к конкретному представлению, а скорее, в какой-то мере отвлеченная мысль, то, нужно полагать, что это происходит просто потому, что образное представление у этих лиц актуально не в такой степени, как это имеет место у первой категории испытуемых.

Итак, мы видим, что результаты экспериментов на стимулирование установки на основе представления показывают, что в то время, как у сценически одаренных лиц в этом случае действительно выступают индивидуальные, конкретные образы представлений, у обыкновенных испытуемых в дело вступают сравнительно более обобщенные психические переживания.

Мышление и воля

1. Мышление протекает на базе объективации. Мы знаем, что представление, которое можно констатировать у животных, еще чаще бывает, конечно, у человека. Характерной особенностью этого психического акта является прежде всего то обстоятельство, что он непосредственно, т.е. в самом переживании субъекта, никогда не противопоставляется акту восприятия: и

представление и восприятие - оба они переживаются как данность объекта. Что же касается вопроса о том, актуальна ли эта данность, то это остается здесь в полной мере вне внимания, вроде того, как это бывает; например, в состоянии сновидения, когда переживание восприятия и представления возникает на базе актуальной установки.

Но мы видели выше, что на человеческой ступени развития случается нередко, что субъект становится перед каким-нибудь часто непреодолимым препятствием. В результате этого поведение его теряет способность развиваться дальше и субъект оказывается вынужденным остановиться, отказаться от продолжения импульсивных актов поведения. Но если в аналогичных случаях животное действительно прекращает данное поведение с тем, чтобы перейти на новую его разновидность, то относительно человека этого нельзя сказать - он не потому прекращает акт текущего поведения, что думает окончательно отказаться от него. Нет! Приостановить, прекратить эти акты он решается лишь потому, что этим он надеется получить возможность их дальнейшего успешного продолжения. Приостановить, прекратить акты своего поведения вовсе не означает в данном случае полной отмены деятельности субъекта. Напротив! Здесь, как мы видели выше, зарождается новый своеобразный слой активности, дающий возможность успешного продолжения дальнейшей деятельности. А именно: на данной ступени поведения происходит *повторное* переживание или, правильнее, *объективация* возникшего препятствия. Приостановить процесс текущего поведения, прекратить его активность необходимо именно для того, чтобы получить возможность такого рода *повторного* переживания.

Мы видим, таким образом, что акт объективации как бы умерщвляет живой поток поведения и на его место выдвигает условия, дающие возможность повторного переживания и, следовательно, испытания и изучения условий поведения на этой базе.

Как реализуется этот акт? Как удастся человеку изучить объективированное поведение и какие для этого у него имеются возможности?

Когда в процессе нашего поведения выступают условия, призывающие нас обратиться к актам объективации, в первую очередь возникает вопрос: «Что это такое и почему это так?», «Что случилось бы, если бы это было иначе?». Одним словом, появляется вопрос, требующий немедленного разрешения.

Иначе и быть не может! В процессе развития поведения нередко мной возникает затруднение, которое не поддается немедленному и непосредственному устранению и по этой причине возбуждает во мне потребность выяснить в первую очередь характер этого затруднения, как и возможность его устранения.

В этом случае, точно так же, как и в случае развития обычного импульсивного поведения, у субъекта появляется потребность, стремящаяся к своему удовлетворению, - положение точно такое же, как и во всех случаях обычного поведения: потребность и ситуация ее удовлетворения - вот оба условия, необходимые для возникновения того или иного акта поведения.

Но в то же время между обоими этими случаями замечается и несомненное различие. Дело в том, что возникающая на базе объективации потребность имеет вполне определенный характер - она представляет собой вопрос, который как таковой должен быть разрешен в плане познавательной или, можно сказать, *теоретической*, но не *практической* деятельности, как это бывает в случаях импульсивной активности. Она стоит вне пределов актуальной практической задачи, выше этих пределов и потому не служит ее интересам непосредственно. Она стремится, скорее, к *освещению* обстоятельств, представляет собой, скорее, теоретический вопрос, чем, практический, который обычно разрешается в первичном плане отражения действительности.

Итак, при том или ином поведении человека перед нами открывается следующая картина: скажем, субъект совершает более или менее сложный акт поведения, и вот какое-нибудь значительное препятствие закрывает ему путь к дальнейшей деятельности. В таком случае он чувствует себя принужденным отказаться от активной деятельности, приостановиться и вместо очередного акта поведения обратиться к объективации. Это дает ему возможность перенести активность своего поведения в область теории - он обращается к мышлению с тем, чтобы разрешить возникшую перед ним проблему и таким образом удовлетворить специфическую потребность, выросшую на основе объективации.

Так возникает человеческое мышление. Оно представляет собой психическую активность, приходящую в движение лишь на базе объективации и направленную на удовлетворение стимулированной таким образом теоретической, познавательной потребности. Следовательно, мы убеждаемся, что мышление, в

истинном смысле слова, возможно лишь при наличии способности объективации, что в сфере активности, лишенной объективации, настоящего мышления быть не может. Значит, мышление, в собственном смысле слова, появляется лишь на человеческой ступени развития психики, и поэтому все попытки буржуазных психологов констатировать наличие действительных процессов мышления и на ступенях психического развития животных представляются нам бесплодными и ненаучными. Итак, мы утверждаем, что объективация, как и вырастающее на ее базе мышление, представляет собой способность, совершенно чуждую для первого плана поведения, но абсолютно необходимую для второго плана.

Однако было бы неправильно думать, что для активности мышления достаточно одной лишь способности объективации. Совершенно бесспорно, что участие установки здесь так же необходимо, как и на первом плане активности. Спрашивается; как мыслить участие установки при наличии процессов мышления? Какие особенности сказываются в этих условиях?

Скажем, я обращаюсь к какому-нибудь обычному акту поведения, например, беру ручку и начинаю писать. Однако скоро замечаю, что временами это плохо удается, скажем, местами пропись делается невнятной. Поэтому мне не раз приходится возвращаться к написанному, что бы его подправить. Скоро я совсем прекращаю писать и стараюсь найти причину моей задержки, хочу узнать, что мешает мне писать, как следует, не перо ли необходимо переменить или, быть может, причину нужно искать в чем-нибудь другом?

Мы видим, что на основе определенной установки я развертываю соответствующую деятельность - начинаю писать. Однако скоро обнаруживается, что появляется какая-то задержка - активность понемногу начинает задерживаться. Это заставляет меня прекратить свою деятельность и обратиться к акту объективации. И вот на почве этого акта, вместо того, чтобы продолжать деятельность, я начинаю судить, что мешает мне писать. Одним словом, на базе объективации я начинаю совершать акты мышления, чтобы выяснить, как мне изменить поведение, чтобы сделать его более продуктивным. Нет сомнения, что процесс мышления и в этом случае не может протекать совершенно независимо от той или иной установки субъекта. Каждый акт суждения, несомненно, вытекает из соответствующей установки, и

задача заключается в том, чтобы выяснить, какова эта установка в каждом отдельном случае и откуда идет она.

Прежде всего нужно заметить, что в данном случае мы имеем дело с установкой, возникшей не на основе актуальной потребности и соответствующей ситуации, а на базе вторичной, так сказать, воображаемой потребности и ее ситуации: в каждом отдельном случае у субъекта возникает вопрос (потребность познания), как и представление ситуации его разрешения, в результате чего у него появляется совершенно определенная установка. В дальнейшем каждый отдельный независимый акт мышления выступает на базе этой установки и, следовательно, представляет отдельный случай ее реализации.

Так реализуется в нашем случае установка, построенная на основе объективированного содержания, - так возникает и осуществляется логическое мышление человека.

Мы уже остановились выше на попытке анализа некоторых из основных условий этого мышления.

Как известно, наше мышление предполагает наличие некоторого числа бесспорных положений, без которых оно никак не может обойтись. Я имею в виду, прежде всего, конечно, наличие так называемых основных аксиоматических законов мышления. Для наших целей, однако, будет достаточно, если мы остановимся на рассмотрении лишь одного из них - на рассмотрении закона *тождества* как основного и наиболее типичного из всех законов мышления.

Основным аксиоматическим положением логического мышления является положение, что все равняется себе, что $A=A$.

О чем говорит нам это положение? Очевидно о том, что если отвлечься от факта безостановочного мирового движения и повторно пережить что-нибудь, то мы увидим, что все равняется себе, что $A=A$. Или же, если A противопоставить A , т.е. какое-нибудь явление сравнить с ним самим, совершенно необходимо повторно остановиться на нем и пережить его вторично как одно и то же - один раз в роли субъекта и другой раз в роли предиката.

Одним словом, то обстоятельство, что необходимым условием логического мышления является аксиоматическое положение о тождестве, указывает на то, что логическое мышление касается действительности, как таковой, т.е. повторно переживаете-

мой действительности, действительности как объекта, но не как непрерывно меняющегося течения.

Отсюда становится понятно, что необходимой предпосылкой нашего логического мышления является факт объективации, на базе которой вырастает возможность переживания тождества, что логическое мышление возможно лишь на той ступени развития, на которой фактическое наличие объективации не вызывает сомнения, что это мышление, следовательно, встречается лишь на человеческой ступени развития.

2. Воля как другая специфически человеческая функция.

Мышление служит разрешению теоретической задачи, выступающей перед нами в условиях объективированной действительности. Но эта задача в конечном счете служит все же интересам практической жизни; как бы далеко ни шла теоретическая проблема, в конце концов она прямо или косвенно касается все же вопросов человеческой практики. Дело в том, что необходимость объективации возникает всегда лишь в случаях осложнения обстоятельств - в случаях затруднения разрешения задачи, и акты мышления становятся необходимы лишь в этих случаях.

Но как только разрешается ряд вопросов или отдельный вопрос, стоящий перед нами, возникает новая задача - задача практического осуществления интеллектуально разрешенного вопроса. Или иначе: субъект становится перед практической задачей обратиться к такому акту поведения, который мог бы ему гарантировать полное практическое осуществление теоретически найденных результатов. Вопрос отныне касается умения переключиться из плана объективации в план актуального поведения. Перед субъектом возникает задача осуществить практически то, что он признал теоретически целесообразным, коротко перед ним становится задача совершить соответствующие волевые акты. Как удается это?

Задача в данном случае сводится к умению актуализировать установку, соответствующую долженствующему совершиться акту поведения. Достаточно появиться такой установке, чтобы осуществление этого акта считать гарантированным. Задачей волевого акта, следовательно, является именно это обстоятельство, т.е. задача обратить установку, выработанную в плане объективации, в актуальную установку - в силу, направляющую человеческую активность в определенную сторону.

Когда животное повторяет одну и ту же активность, то это по существу не настоящее повторение: животное осуществляет в каждом отдельном случае новый акт поведения, оно не переживает его как тот же акт. Это значит, что для животного повторения как такового не существует.

Иное дело человек! Когда перед ним определяется трудность осуществления какого-нибудь акта, то он прекращает его и сосредоточивается на одном из его моментов как на центре затруднения; он проводит объективацию этого момента, он останавливается на нем сознательно на некоторое время. Следовательно, он выделяет его из тянувшегося во времени процесса поведения, изолирует его и обращает в предмет нового - интеллектуального поведения.

Коротко: и животное останавливается на каком-нибудь из моментов своего поведения, но это не остановка в настоящем смысле слова, поскольку для животного, которому сознание тождества чуждо, это не тот же самый момент. Другое дело человек! Он может совершать акты объективации, и на этой основе у него и развивается сознание тождества.

Но на что опирается это расхождение между психикой животного и человека? Нет сомнения, оно опирается на ту кардинальную разницу, которая существует между животным и человеком, - на факт социальности человека. Дело в том, что человек живет и действует, т.е. существует, не только для себя, но и для другого. Он - социальное существо, бытие которого переходит за границы собственного существования и становится фактической действительностью и для другого: особенно следует остерегаться того, чтобы опять противопоставить «общество», как «абстракцию», индивиду. Индивид - социальное существо. Поэтому проявление его жизни есть проявление и олицетворение социальной жизни. Нет сомнения, что в жизни социального существа - человека, - по мере оформления социальности, должно было формироваться и сознание объективного бытия. Способность объективации могла быть выработана лишь на базе социальности, потому понятно, что именно эта способность и составляет специфику психики человека.

Каковы же те перемены, которые должны были быть обусловлены этим обстоятельством?

В первую же очередь это, конечно, то, что психика человека должна была развить свою активность на базе объективации. Мы видим, что это действительно так и случилось и человек стал владеющим речью, мыслящим существом. У него появились интеллектуальные функции, которые стали его руководящей силой.

Затем, вместе с этим и на базе той же объективации, в области человеческой активности обнаружилась новая перемена, имеющая, бесспорно, существенное значение. У человека выработалась воля, или способность свободно, следуя указаниям своего интеллекта, управлять своим поведением.

Таким образом, и интеллект, и воля формируются на базе объективации. Однако не исключена возможность, чтобы дополнительно и восприятия, и память установили с ней связь и в результате этого стали бы определенно активными процессами. Но для этого необходимо, чтобы с деятельностью этих функций было бы сопряжено и участие мышления, могущее дать определенно активный характер этим самим по себе пассивно протекающим процессам. В этом случае место такого рода пассивного восприятия занимает наблюдение и место не менее пассивной репродукции - активное воспоминание.

Таковы перемены, обнаруживающиеся в психике человека как социального существа.

Согласно этому легко видеть, что традиционная классификация душевных процессов на познавательные, эмоциональные и волевые совершенно не соответствует объективному положению вещей. Скорее всего, на психику следует смотреть с точки зрения развития, и тогда ошибочность позиции традиционной буржуазной психологии при анализе психических процессов станет бесспорной.

Но если это верно, то в таком случае мы должны различать два уровня психической активности - уровень установки, где мы, кроме аффективных, находим и ряд малодифференцированных перцептивных и репродуктивных элементов, и уровень объективации, где имеем дело с определенно активными формами психической деятельности - с мышлением и волей.

Уровень установки констатируется нами в обычных явлениях актов каждодневного поведения. Другое дело уровень объективации! Нам приходится подниматься на ее ступень лишь в тех случаях, когда перед нами вырастает какая-нибудь новая,

более или менее сложная задача, требующая соответственно нового разрешения. В этом случае нам приходится сначала обратиться к акту объективации, а затем на ее основе и к мыслительным процессам, долженствующим помочь нам найти установку, реализация которой возлагается на нашу волю.

Таковы интересующие нас здесь особенности психологии человека, в корне отличающие ее от психологии животного.

К вопросу об индивидуальных типах установки

Бесспорно, что указанные стороны активности установки требуют дальнейших, более детальных исследований, которые, нужно полагать, не только уточняют установленные выше дифференциально-психологические понятия, но откроют и ряд новых, которые, быть может, будут не менее продуктивны в учении об установке, чем уже указанные выше. Дальнейшие исследования в этом направлении представляются, безусловно, неотложными.

Но дифференциально-психологический аспект в учении об установке вовсе не исчерпывается изложением лишь тех пунктов, которых мы здесь сумели коснуться. Перед нами стоит и ряд других вопросов, на которые мы имеем возможность дать более или менее удовлетворительные ответы. Сейчас я имею в виду поставить не какие-нибудь частные дифференциально-психологические вопросы, как мы это делали до сих пор, а вопросы более общего порядка - о типологической ценности нашего понятия установки, о типах установки отдельных индивидуумов.

Проследим прежде всего, не являются ли выявленные выше нами отдельные стороны установки лишь случайными вариациями ее проявления или они представляют собой моменты единой структуры, находящей свое выражение в специфическом сочетании отдельных аспектов установки личности.

В результате изучения явлений этой категории в течение ряда лет у нас накопился большой материал, который не оставляет сомнения относительно ответа на этот вопрос. Мы можем считать совершенно бесспорным, что существуют специфические сочетания отдельных аспектов, которые, наряду со способностью объективации, характеризуют установку того или иного субъекта как представителя определенного типа.

Нет сомнения, вопрос этот является одним из безусловно существенных. Дело в том, что установка является самым важ-

ным моментом в деятельности человека, самым основным, на котором она - эта деятельность - вырастает; и если окажется, что существуют какие-то определенные типы активности установки, которые выступают в зависимости от индивидуальных особенностей субъекта этой деятельности, то тогда придется признать, что установка имеет нечто вроде типологически отличающихся форм своего проявления и что, следовательно, перед нами возникает задача специального изучения этих форм

1. Установка отдельных типов людей. Но как разрешить эту задачу?

По-видимому, вопрос разрешается довольно просто. Для того нам необходимо подобрать достаточное число лиц, значительно отличающихся друг от друга типологически, составить из них, в результате наблюдений над ними, отдельные группы и приступить к исследованию фиксированной установки этих групп. Причем следует иметь в виду, что установка субъектов этих групп изучается во всех ее дифференциально-психологических проявлениях. В результате этого мы получим материал, достаточно полно характеризующий установку каждой из этих групп, и это даст нам возможность характеризовать людей с точки зрения особенностей их фиксированных установок.

В нашем распоряжении имеется достаточно обширный материал в этом роде, и на его основе мы могли бы разрешить стоящую сейчас перед нами задачу¹. Мы нашли, что, с точки зрения особенностей фиксированной установки, людей можно разделить на три основные группы. Не учитывая особенностей ряда подгрупп, мы можем характеризовать первую группу как группу людей динамической установки или просто как группу динамических людей, вторую - как группу статичных и, наконец, третью - как группу вариабильных людей. Познакомимся с каждой из них.

1. Динамичные люди. Опыты по исследованию установки проводились и здесь обычным способом. Причем следует отметить, что опыты эти во всех случаях касались трех чувственных модальностей - зрительной, тактической и мускульной. Изучалась фиксируемость установки в каждой из этих чувственных сфер отдельно, сначала у одной, самой многочисленной из отобранных групп, а затем и у остальных, сравнительно незначительных групп. Следует заметить, что в случае первой группы

¹ В. Норакидзе. Характер и фиксированная установка. 1948.

испытуемых, т.е. группы динамичных людей, мы получили вполне аналогичные картины состояния фиксированной установки во всех трех испытанных нами чувственных модальностях. Это обстоятельство можно считать одной из специфических особенностей, присущих лицам этой категории.

В частности, что касается прежде всего состояния возбудимости фиксации установки, то оказалось, что лица этой группы начинают давать оптимум иллюзии во всех трех чувственных модальностях в общем при 15 установочных экспозициях. При увеличении либо уменьшении этого числа количество иллюзий начинает падать. Конечно, не все испытанные нами чувственные модальности дают точно одинаковое число иллюзий, но колебания в этих случаях столь незначительны, что они могут остаться вне внимания, и мы можем считать, что возбудимость фиксированной установки интересующей нас категории испытуемых вполне одинакова.

Итак, мы можем сказать, что возбудимость фиксированной установки у испытуемых, которые относятся к одной и той же группе, дает в основном одинаковую картину. Возбудимость эта не очень высокая, но и не очень низкая.

Однако существуют лица, которые, правда, очень близко стоят к этой основной группе, но типологически все же несколько отступают от нее, и возбудимость у них либо значительно выше возбудимости установки у основной категории наших испытуемых, или же, наоборот, значительно ниже ее. Наша основная категория испытуемых занимает в этом отношении среднее место (в то время как оптимум возбудимости установки у этих испытуемых равен 15, у других это число равно в одном случае 2, а в другом - 25-33).

Во вторую очередь нужно поставить вопрос о типах течения фиксированной установки у этой группы испытуемых. При анализе соответствующих данных, как, впрочем, и следовало ожидать, оказалось, что в группе наших испытуемых сильно преобладает тип пластичной и динамичной фиксированной установки (в среднем 83% во всех трех изученных чувственных модальностях). Остальные типы представлены у лиц этой группы в до того незначительных показателях, что их можно оставить без внимания. Нужно, однако, заметить, что к этой же группе испытуемых следует отнести и лиц с грубой динамической установкой, и тогда окажется, что громадное большинство наших испы-

туемых характеризуется динамичностью своей установки, и потому было бы уместно группу лиц этой категории обозначить как группу динамичных людей.

Перейдем к вопросу о прочности и стойкости этого типа установки у наших испытуемых. Результаты опытов показывают, что цифры в среднем для всех испытуемых колеблются в следующих границах: средний коэффициент в оптической сфере равен 13,5, в гаптической - 15,7 и в мускульной - 11,4. Это значит, что, несмотря на некоторую разницу числа данных, в общем все же есть основание утверждать, что фиксированная установка у наших испытуемых заметно стойкая.

Что касается вопроса о степени константности фиксированной установки, то она представляется в следующих цифрах: в оптической сфере - 87,8%, в гаптической - 78,8% и в мускульной - 87,8%. Эти показатели достаточно высоки для того, чтобы мы имели право заключить, что фиксированная установка изучаемой нами категории лиц, как правило, достаточно константна.

Но она и стабильна в высокой степени: в оптической модальности 84,8% наших испытуемых (их было 33) обнаруживают стабильную форму установки в течение ряда дней (пять серий опытов), в гаптической - почти все 100% и, наконец, в мускульной - 87,8%.

Данные о степени иррадиации установки оказались следующими:

а) в опытах с иррадиацией из зрительной области в гаптическую, иррадиация констатируется у 75% наших испытуемых, однако нужно отметить, что иррадирующая установка в этих случаях значительно слабая, что она выражается в сравнительно высоком коэффициенте случаев выступления ассимилятивных иллюзий, которые, как мы знаем, имеют место по преимуществу при слабой фиксации;

б) несколько ниже процент иррадиации в обратном направлении: фиксированная в гаптической области установка иррадирует в зрительную область лишь в 67% наших случаев; при этом она и здесь оказывается слабой, хотя не в такой степени, как в случаях иррадиации в обратном направлении, т.е. при иррадиации из зрительной в гаптическую область;

в) приблизительно так же часто встречаются случаи иррадиации из зрительной области в мускульную (66,3%). Однако у некоторых из подтипов этой группы испытуемых эти случаи достигают высоких показателей (до 100%).

Наконец, иррадиация в обратном направлении, т.е. из мускульной модальности в зрительную, характеризует лишь 62% наших испытуемых. Как и следовало ожидать, особенно легко протекает она у тех лиц, которые обнаруживают их в максимальной степени в опытах в обратном порядке.

Таким образом, мы видим, что для испытуемых изучаемого сейчас нами типа людей характерна иррадиация установки из одной чувственной модальности в другую - иррадиация, достаточно экстенсивная, но в большинстве случаев продолжающая пребывать на сравнительно низких ступенях интенсивности.

Если спросить себя, какова же в целом фиксированная установка лиц, которых мы называем динамичными, то мы можем сейчас же подытожить данные по этому вопросу следующим образом: оптимум возбудимости фиксированной установки этих лиц колеблется в границах 10-15 установочных экспозиций; тип установки у них - динамичный, при этом она константна, стойка в средних границах, иррадирована и интермодально стабильна.

Существуют дополнительные варианты этого типа испытуемых, но на них нет нужды специально останавливаться здесь, так как число их сравнительно невысокое и к тому же они отличаются от представителей нашего основного типа лишь в незначительной степени: показатели оптимальной возбудимости установки, ее стабильности и иррадиации у них несколько ниже, чем у представителей нашего основного типа, во всем же остальном они остаются в полной гармонии с ними.

Таким образом, мы видим, что в общем все представители обрисованного нами типа людей по данным отдельных сторон и форм фиксированной установки сходятся между собой достаточно близко для того, чтобы считать их представителями одного определенного типа установки.

Как видно из данных специальных наблюдений, мы можем без колебаний признать, что лица этой типологической группы обладают значительно развитой способностью объективации. Достаточно появиться необходимости актуализации этой способности, чтобы она пришла в активное состояние. Здесь следует обратить внимание как на специфику объективации динамичных субъектов на легкость ее актуализации и гладкость ее протекания. В этих случаях нет вовсе впечатления, что акты объективации наталкиваются здесь на значительные затруднения, которые нужно преодолеть для того, чтобы реализовать их

в той или иной степени. Как мы увидим ниже, наши статичные испытуемые часто болезненно переживают внутреннюю борьбу за осуществление объективированных ими целей.

Итак, развитая способность объективации и готовность легко переключаться в направлении объективированных целей - вот что следует особенно подчеркнуть при характеристике людей динамической установки.

Но, наряду с лицами динамической структуры установки, представляющими преобладающее большинство людей - здоровых членов общества, встречаются и лица с установками, несколько отступающими от этой обычной нормы. Это прежде всего люди статической установки. В большинстве случаев это - энергичные члены общества, успешно справляющиеся с своими задачами. Они нередко обращают на себя внимание своей неутомимой активностью в работе, но, тем не менее, это все же люди, значительно отличающиеся от обычных здоровых представителей общества и специфически переживающие свою жизнь и деятельность. Интересно проследить, в каких формах протекает фиксированная установка этих людей.

2. Статичные люди. Что касается вопроса о скорости фиксации установки или ее возбудимости, то оказывается, что у преобладающего большинства интересующей нас категории лиц она оказывается значительно высокой: 88% испытуемых фиксируют установку уже после двукратного предложения экспериментальных объектов. Однако в этом случае возникает, правда, грубая, но пока еще динамическая форма установки. Если же число установочных экспозиций довести до 5-10, то динамическая установка уступает место ее статической форме, и теперь данные большинства испытуемых показывают, что именно здесь мы имеем дело с оптимальным числом установочных экспозиций. Итак, мы можем считать, что оптимальная возбудимость фиксированной установки исследуемой категории лиц равна 5-10 экспозициям.

Какие же формы установки являются преобладающими для исследуемой категории испытуемых? Данные опытов в разных чувственных модальностях показывают, что характерной формой установки для данной категории лиц является грубая статическая фиксированная установка. Именно она - эта форма установки - констатируется у исследованных субъектов чаще все-

го (89-100%). Поэтому эту группу испытуемых, в отличие от динамичных, мы обозначаем как группу статичных людей.

Что же касается вопроса о константности установки, то она представлена почти во всех 100% случаев (от 90 до 100%). Тоже самое нужно сказать и о стабильности ее (100%). При этом нужно заметить, что почти во всех этих случаях (90%) установка сохраняет свой грубостатический характер.

Наряду с этим оказывается, что фиксированная установка интересующей нас группы испытуемых иррадирует в значительно широких масштабах: она распространяется с зрительной области на гаптическую и мускульную и с этой последней, наоборот; на зрительную и гаптическую области.

То же самое нужно сказать и относительно гаптической установки, которая без задержки переходит на остальные две сенсорные области. При этом нужно заметить, что иррадирующая установка почти во всех случаях сохраняет форму грубостатической. Характерно, что в громадном большинстве случаев выступает контрастная форма иллюзии, которая остается доминантной почти во всех случаях иррадиации установки.

Итак, мы можем заключить, что фиксированная установка статичных личностей сильно возбудима, грубостатична, интермодальна, константна и достаточно широко иррадирована.

Такова картина фиксированной установки статичных людей.

Но если оценить поведение этих людей, их деятельность в осуществление заданий, принимаемых ими на себя, то мы должны признать, что в данном случае им приходится преодолевать внутреннюю противоречивость, пронизывающую их сущность. Если бы вся деятельность статичных людей протекала непосредственно по линии характеризующих их установок, то, нет сомнения, она представляла бы совершенно иную картину - мы имели бы перед собой подлинную картину поведения шизофреника. Но фактически этого нет, и в кругу статичных людей нередко можно найти деятелей с выдающимися способностями.

Спрашивается, чем объяснить это обстоятельство, что корригирует особенности статичных людей, делая их полезными деятелями общества?

Нет сомнения, что это делает объективация - способность, действующая у них с заметной силой. Эти люди оставляют впечатление, что деятельность их протекает по преимуществу под бдительным контролем их сознания. Им приходится постоянно

задерживать импульсы своих установок и выбирать линии своей активности лишь после того, как на базе возникшей объективации мысленно признается ими целесообразность какого-нибудь из конкретных видов деятельности, а затем усилиями воли принимаются меры к проведению его в жизнь.

Статичные люди - люди объективации, которые прежде всего на этой базе становятся способными коррегировать свою не совсем нормально структурированную сущность. Поэтому понятно, что акты объективации переживаются ими значительно более остро, чем людьми динамической структуры. Они сами жалуются на болезненность этих переживаний, на большое напряжение, к которому приходится им прибегать, чтобы выбрать и актуализировать установку, соответствующую той, которая на базе объективации была признана ими целесообразной.

3. Вариабильные люди. Обратимся, наконец, к исследованию установки третьей группы испытуемых - группы вариабильных людей. Нужно, однако, иметь в виду, что группа эта включает в себя по крайней мере две достаточно отличающиеся друг от друга подгруппы. Это - вариант стабильных и вариант лабильных людей.

Попытаемся выяснить наиболее существенные особенности установок этих групп.

А. Вариабильно-стабильные лица. Первая группа вариабильных людей - группа вариабильно-стабильных - отличается от других по преимуществу одной существенной особенностью. Они обращают на себя внимание значительно развитой силой своих потребностей, и поэтому поведение этих людей идет по линии активации установок удовлетворения этих потребностей. При фиксировании установки ведущую роль играет у них прежде всего субъективный фактор - сила потребностей, ищущих удовлетворения. Это соотношение факторов установки - преобладание субъективного фактора над объективным - накладывает свой специфический отпечаток на всю типологию установки вариабильно-стабильного человека. Попытаемся охарактеризовать вкратце эту установку.

Прежде всего следует выдвинуть далеко идущую ее вариабильность. Это значит, что люди этой типологической группы редко или почти никогда не обнаруживают признаков константности своих установок. Совершенно наоборот. Установка их варьирует от момента к моменту, выступая в самых разнообраз-

ных формах: то она является грубодинамической, то пластико-динамической, то она выдвигается в форме пластико-статической, то в форме грубо статической, часто имеет форму строго локализованной, иногда же достаточно широко иррадированной установки. Словом, установка людей этой группы крайне вариabильна.

Но вариabильность установки характеризует и другую группу наших испытуемых. Спецификой же этой группы нужно признать стабильность ее варьирующих установок. Это значит, что вариabильная установка в этих случаях довольно прочно сохраняет свое содержание - она остается вариabильной в строго очерченных границах. Поэтому-то мы и говорим, что вариabильная установка этой группы людей отличается стабильностью. Если выразить в цифрах степень распространенности этих признаков среди наших испытуемых, то мы должны подчеркнуть, что в обоих случаях процент ее доходит до 100. Правда, каждый из этих признаков установки представлен в разных чувственных модальностях не всегда одинаковыми численными показателями (например, стабильность установки в гаптике выше, чем в оптике), но разница здесь не столь велика, чтобы необходимо было специально считаться с ней.

Следовательно, особенностью лиц этой группы является то обстоятельство, что они могут на ряд существенно друг от друга отличающихся явлений реагировать одинаковыми установками и, наоборот, на ряд одинаковых ситуаций в разное время - разными установками. Допустим, например, что после пяти установочных экспозиций у субъекта вырабатывается грубостатическая установка. Через некоторое время оказывается, что этот же субъект в тех же условиях дает грубостатическую или пластико-статическую установку; может случиться и так, что в данном случае установка у него не фиксируется вовсе.

Не касаясь других сторон установки, которые отличаются теми же свойствами вариabильности и стабильности, я хочу остановиться на способности объективации наших вариabильно-стабильных субъектов. Опыты проводились с ними (пять испытуемых) по методу фиксации установки посредством чтения и письма. Возникающая в опытах задержка вызывала у испытуемого объективацию критического слова, в результате чего он фиксировал его достаточно определенно, как русское слово. Однако испытуемый не оказался в состоянии написать это сло-

во сразу как русское; он писал его в латинской транскрипции, как все еще латинское слово. Для того, чтобы преодолеть импульс фиксированной установки и реализовать совершившийся факт объективации, испытуемому необходимо прибегнуть к довольно сильному напряжению. Только после такого напряжения он оказывается в состоянии сделать это.

Таким образом, мы можем заключить, что вариабильно-стабильный субъект достаточно легко совершает акты объективации. Но он оказывается не в силах столь же легко развить и волевые акты, необходимые для того, чтобы реализовать результаты этой объективации.

Б. Вариабильно-лабильные люди. Другую группу вариабильных субъектов представляют люди вариабильно-лабильных установок. В характеристику этой группы нужно выдвинуть в первую очередь обращающую на себя внимание слабость их потребностей. В противоположность первой группе вариабильных, они характеризуются тем, что фиксируют свои установки под приоритетом ситуации, на базе которой возникают и утверждают эти последние. Можно утверждать, что в установках этих людей внешний фактор играет более значительную роль, чем это имеет место в других случаях. Это обстоятельство накладывает на лиц вариабильно-лабильной установки специфическую печать, которая и выдвигает их в особую группу, отличающуюся от всех остальных групп наших испытуемых. Какова же установка вариабильно-лабильных людей? Прежде всего нужно подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело лишь с подгруппой вариабильных людей. Следовательно, нет нужды специально подчеркнуть, что установку и этих людей нужно характеризовать как вариабильную. Специфическую особенность установки их нужно видеть прежде всего в ее лабильности, достигающей чуть ли не до 100% всех случаев (фактически до 96%). Они обнаруживают различные формы протекания своих фиксированных установок: чаще слабую, но иногда и сильную пластико-динамическую или грубо-динамическую установку, иногда, в некоторых случаях, и грубо-локальную или грубо-иррадированную. Бывает и так, и притом нередко, что установка этой группы испытуемых не фиксируется вовсе.

Не лишено интереса, что и возбудимость установки этих людей вариабильна: она меняется от субъекта к субъекту, давая достаточно далеко расходящиеся данные. При этом установка огра-

ничивается областью ее первоначального возникновения: она не распространяется на другие чувственные модальности, иррадирует слабо, хотя и не всегда локально ограничена (показатели иррадиации - от 36 до 21%).

Особенно следует иметь в виду сильную лабильность наших испытуемых: фиксированная установка у них сохраняет силу часто не более одного часа, нередко даже меньше этого времени.

Не исключается возможность фиксации установки и на базе представления. Но она крайне слаба и обуславливает не более одной-двух иллюзий. Согласно с этим проявляется у них и способность объективации, которая лишь сравнительно редко приводится в деятельное состояние для целей задержки импульсивных актов поведения.

Нельзя не видеть, в какой степени ярко отражаются эти особенности установки во всем поведении лиц вариабильной установки. Но на этом мы не можем здесь остановиться. Мы выдвигаем этот вопрос лишь для дальнейшего детального исследования.

2. Объективация как независимая от установки сила. Все эти три группы наших испытуемых отличаются друг от друга значительно своеобразными особенностями фиксированных установок. Если наиболее крупная из этих групп - группа динамической установки - представляет собой преобладающее большинство наших испытуемых, то относительно двух остальных групп - группы статической и группы вариабильной установок - этого сказать нельзя. Они объединяют в своих рядах лишь незначительное число испытуемых.

Тем не менее все же нужно признать, что люди - обычные работники, строители жизни, значительно отличаются друг от друга по типу своих установок. Однако эта разница большой роли не играет. Если, несомненно, наиболее приспособленными следует считать людей динамической установки, то и две остальные группы играют не менее значительную роль. Правда, если судить по типу установок, этого нельзя бы было ожидать от них. Но фактически лица этих групп, особенно люди статической установки, обычно хорошо справляются со своими задачами и в ряде случаев занимают выдающееся положение в обществе.

Мы видели, что это объясняется активностью объективации, представленной в той или иной степени у всех наших испытуемых. Это можно сказать особенно относительно двух последних групп. Конечно, способность объективации представлена и

у динамичных субъектов. Но у них она активируется легко и действует без напряжения, так что обращает на себя немного внимания. Что же касается лиц двух остальных групп, то акты объективации, как мы видели выше, осуществляются у них с заметным затруднением. И это потому, что развивающимся на их базе актам мышления и воли приходится преодолевать силу природных импульсов - силу импульсов статических или лабильных установок - и вызывать к жизни стремление к целесообразной активности, часто противоречащей импульсам этих установок.

Таким образом, если судить по результатам этого рода деятельности, нельзя видеть разницу между лицами, представляющими значительно расходящиеся типы установки. Они все могут стоять на одинаково высоких ступенях производительности. Такова роль активности на базе объективации, представленной у представителей всех этих установочных типов.

Это дает нам возможность утверждать, что способность объективации освобождает человека от прямой зависимости от природных установок и открывает ему путь к независимой объективной деятельности. Она дает ему силу самостоятельного, объективно обоснованного воздействия на обстоятельства и управления ими; она освобождает человека от прямой, безусловной зависимости от природы и помогает ему стать независимой от нее силой, способной управлять ею.

Однако природные особенности человека, в данном случае особенности его установки, продолжают в нем существовать, но они продолжают существовать в нем в снятом виде и, следовательно, ведущего значения в деятельности человека более не имеют. На уровне объективации человек становится как бы независимой от своей природы силой и начинает управлять обстоятельствами в согласии с объективно с ними связанными особенностями.

Но природная установка человека все же дает себя чувствовать. Она находит свое выражение в личных переживаниях субъекта и воздействует на него в определенном, специально ей соответствующем направлении. Лица статической, как и лабильной установок имеют свои личные переживания, которые в общем можно было бы характеризовать как достаточно тяжелые.

Возникает вопрос: насколько постоянна, неизменяема установка субъекта? Насколько подвержена она влиянию всегда

локально ограничена (показатели иррадиации - от 36 до 21%).

Особенно следует иметь в виду сильную лабильность наших испытуемых: фиксированная установка у них сохраняет силу часто не более одного часа, нередко даже меньше этого времени.

Не исключается возможность фиксации установки и на базе представления. Но она крайне слаба и обуславливает не более одной-двух иллюзий. Согласно с этим проявляется у них и способность объективации, которая лишь сравнительно редко приводится в деятельное состояние для целей задержки импульсивных актов поведения.

Нельзя не видеть, в какой степени ярко отражаются эти особенности установки во всем поведении лиц вариабильной установки. Но на этом мы не можем здесь остановиться. Мы выдвигаем этот вопрос лишь для дальнейшего детального исследования.

2. Объективация как независимая от установки сила. Все эти три группы наших испытуемых отличаются друг от друга значительно своеобразными особенностями фиксированных установок. Если наиболее крупная из этих групп - группа динамической установки - представляет собой преобладающее большинство наших испытуемых, то относительно двух остальных групп - группы статической и группы вариабильной установок - этого сказать нельзя. Они объединяют в своих рядах лишь незначительное число испытуемых.

Тем не менее все же нужно признать, что люди - обычные работники, строители жизни, значительно отличаются друг от друга по типу своих установок. Однако эта разница большой роли не играет. Если, несомненно, наиболее приспособленными следует считать людей динамической установки, то и две остальные группы играют не менее значительную роль. Правда, если судить по типу установок, этого нельзя бы было ожидать от них. Но фактически лица этих групп, особенно люди статической установки, обычно хорошо справляются со своими задачами и в ряде случаев занимают выдающееся положение в обществе.

Мы видели, что это объясняется активностью объективации, представленной в той или иной степени у всех наших испытуемых. Это можно сказать особенно относительно двух последних групп. Конечно, способность объективации представлена и у динамических субъектов. Но у них она активируется легко и действует без напряжения, так что обращает на себя немного

внимания. Что же касается лиц двух остальных групп, то акты объективации, как мы видели выше, осуществляются у них с заметным затруднением. И это потому, что развивающимся на их базе актам мышления и воли приходится преодолевать силу природных импульсов - силу импульсов статических или лабильных установок - и вызывать к жизни стремление к целесообразной активности, часто противоречащей импульсам этих установок.

Таким образом, если судить по результатам этого рода деятельности, нельзя видеть разницу между лицами, представляющими значительно расходящиеся типы установки. Они все могут стоять на одинаково высоких ступенях производительности. Такова роль активности на базе объективации, представленной у представителей всех этих установочных типов.

Это дает нам возможность утверждать, что способность объективации освобождает человека от прямой зависимости от природных установок и открывает ему путь к независимой объективной деятельности. Она дает ему силу самостоятельного, объективно обоснованного воздействия на обстоятельства и управления ими; она освобождает человека от прямой, безусловной зависимости от природы и помогает ему стать независимой от нее силой, способной управлять ею.

Однако природные особенности человека, в данном случае особенности его установки, продолжают в нем существовать, но они продолжают существовать в нем в снятом виде и, следовательно, ведущего значения в деятельности человека более не имеют. На уровне объективации человек становится как бы независимой от своей природы силой и начинает управлять обстоятельствами в согласии с объективно с ними связанными особенностями.

Но природная установка человека все же дает себя чувствовать. Она находит свое выражение в личных переживаниях субъекта и воздействует на него в определенном, специально ей соответствующем направлении. Лица статической, как и лабильной установок имеют свои личные переживания, которые в общем можно было бы характеризовать как достаточно тяжелые.

Возникает вопрос: насколько постоянна, неизменяема установка субъекта? Насколько подвержена она влиянию обстоятельств и не остаются ли по этой причине лица с этой установкой жертвой этой последней на всю свою жизнь?

3. Проблема константности установки у человека. Если допустить, что люди рождаются с определенными установками или же приобретают их в жизни раз навсегда и окончательно, то тогда, конечно, не остается сомнения в константной, неизменной природе наших установок. Если же, наоборот, считать, что установка находится в существенной зависимости от условий, в которых она возникает, определяется и фиксируется в них, то в таком случае придется признать, что она ни в какой степени не относится к разряду раз навсегда данных, неизменных категорий.

Достаточно поставить этот вопрос, чтобы ответ на него стал для нас совершенно бесспорен. Именно, если судить об установке по характеру условий, необходимых для ее возникновения, то не подлежит сомнению, что она не может относиться к категории врожденных, раз и навсегда данных сущностей, потому что как понятия потребности, так и среды относятся к группе явлений, зависящих от постоянно меняющихся условий существования организма.

Следовательно, уже одного анализа условий возникновения установки достаточно для того, чтобы видеть, что раз навсегда разграниченных, фаталистически предопределенных установок не существует.

Тем не менее мы попытаемся обратиться к фактам наблюдения, чтобы выяснить, нет ли там данных, подтверждающих правильность этого положения.

Мы должны проследить случаи, в которых, ввиду резко изменившихся условий жизни, сам субъект преобразился бы радикально, с тем чтобы выяснить, что произошло с типическими особенностями фиксированной установки - остались ли они нетронутыми или и они подверглись специфическим изменениям, соответствующим наличным типологическим сдвигам у данного индивида.

Мы имеем ряд наблюдений, которые доказывают, что такие случаи действительно встречаются¹. В жизни некоторых из изученных нами лиц имели место события крупного общественного значения, которые одновременно тесно были связаны и с личной судьбой этих лиц. События эти, как оказалось, сыграли в жизни этих людей роль факторов, произведших глубокий переворот в структуре их личности: лица с вариabильным характером ока-

¹ *Вл. Норакидзе. Указ. соч.*

зались динамически или статически установленными, как и наоборот, динамичные или статичные люди вдруг стали типичными носителями особенностей вариабильного человека. Сделать эти наблюдения не оказалось трудным, поскольку вопрос касается лиц, исследованных сначала в довоенные годы, а затем вторично - и в годы после войны, в которой некоторые из этих людей принимали прямое участие.

Из этого материала мы приведем здесь случай, который, вообще говоря, можно было бы считать типичным. Одна из испытуемых - она подробно была изучена в годы до начала Отечественной войны - производит впечатление сильного, убежденного, социально и заодно альтруистически настроенного человека. Она берется за дело энергично и решительно и обычно с успехом завершает его. По всем признакам, перед нами человек с решительной волей и твердым характером. Она не поддается своим увлечениям, как бы они ни были сильны, и всегда готова помочь нуждающемуся. Словом, перед внешним наблюдателем стоит человек с сильными социальными и альтруистическими тенденциями, готовый решительно и стойко бороться за их осуществление. Но стоит пристальнее взглянуть в нашу испытуемую, чтобы сейчас же убедиться, что и данном случае мы имеем дело лишь с внешней видимостью, что на самом деле она представляет собой полную противоположность тому, чем она кажется. Можно утверждать, что здесь мы имеем чуть ли не завершившийся факт полного разрыва между делом и внутренним миром человека.

Исследование фиксированной установки этого субъекта показывает, что она грубо-статична, иррадирована, константна и интермодально-стабильна.

Но вот, через семь-восемь лет после этого мы еще раз встречаемся с тем же субъектом. За эти годы в жизни ее произошла значительная перемена: муж ее пошел на фронт и она осталась одна. Застигнутая неожиданными событиями, она быстро втянулась в заботы о своих детях, об их воспитании и здоровье. Ее индивидуалистические и эгоистичные тенденции начали отступать, и в ней вырос сильный, альтруистически и социально настроенный индивид, окончательно освободившийся от былой своей раздвоенности. Внутренний разлад прошел, по-видимому, бесследно, и перед нами встала вполне гармоничная личность, не чувствующая в себе ровно ничего из бывших своих внутренних

терзаний. Если судить по всему этому, то в испытуемой произошел перелом, и конфликтный субъект стал вполне гармоничным человеком.

Интересно посмотреть, что же произошло с ее установкой. Осталась ли она все той же или в ней произошли какие-нибудь перемены?

Опыты показывают, что и установка нашей испытуемой подверглась резким изменениям. Вместо грубо-статического, испытуемая оказывается пластико-динамически установленным субъектом. В этом отношении она стала совсем другим человеком. Что же касается других моментов установки, то здесь она осталась менее изменившейся: фиксированная установка у нее стабильна, иррадирована и интермодально-константна, хотя и в ограниченных пределах - следы вариативности в какой-то, правда, незначительной степени, но пока еще все же констатируются у нее.

Таким образом, мы видим на этом примере, что типологическая структура установки человека не представляет собой ничего рокового и неизменного. Наоборот, она может подвергаться существенным изменениям: например, статически установленный субъект может стать динамически установленным. Но для этого необходимы более или менее резкие переломы в окружающих человека условиях, изменения, выходящие за рамки обычного течения его жизни.

Таких примеров немало. Однако необходимы дальнейшие исследования, которые должны показать ближе; в каких условиях возникают эти изменения и в каких направлениях они протекают.

4. Область установок у человека. Допустим, что акт объективации завершился и возникший на ее базе процесс мышления разрешил задачу в вполне определенном смысле. За этим обычно следует стимуляция установки, соответствующей разрешенной задаче, а затем и усилие для целей ее осуществления, ее проведения в жизнь. Таков чисто человеческий путь психической деятельности.

Возникает вопрос: не считать ли в процессе активности психической жизни человека этот путь единственно необходимым путем, который не оставляет более места для непосредственной активности установки?

Выше, при анализе проблемы объективации, мы пришли к выводу, что субъект обращается к ее актам только в том случае, когда в этом возникает необходимость - когда он стоит перед

задачей, не поддающейся разрешению под непосредственным руководством установки. Но если этого нет, если задача может быть разрешена и непосредственно, на базе установки, то в таких случаях в активности объективации нет нужды и субъект обходится лишь мобилизацией соответствующих установок.

Допустим, что задача впервые была разрешена на базе объективации. В таких случаях, при повторном выступлении той же или аналогичной задачи, в объективации нет более нужды и она разрешается на базе соответствующей установки. Раз найденная установка может пробуждаться к жизни и непосредственно, помимо впервые опосредовавшей ее объективации. Так растет и развивается объем установочных состояний человека: в него включаются не только непосредственно возникающие установки, но и те, которые когда-то раньше были опосредованы актами объективации.

Круг установок человека не замыкается такого рода установками - установками, опосредованными случаями объективации и возникшими на ее основе собственными актами мышления и воли. Сюда нужно отнести и те установки, которые впервые когда-то были построены на базе объективации других, например, творчески установленных субъектов, но затем они перешли в достояние людей в виде готовых формул, не требующих более непосредственного участия процессов объективации. Опыт и образование, например, являются дальнейшими источниками такого же рода формул. Им посвящается специальный период в жизни человека - школьный период, захватывающий все более и более значительный отрезок времени нашей жизни. Но обогащение такого же рода сложными установками продолжается и в дальнейшем - опыт и знание человека непрерывно растут и расширяются.

Таким образом, расширение области человеческих установок в принципе не имеет предела. В нее включаются не только установки, развивающиеся непосредственно на базе актуальных потребностей и ситуации их удовлетворения, но и те, которые возникали когда-нибудь на базе лично актуализованных объективаций или были опосредованы при содействии образования - изучения данных науки и техники.

Если иметь все это в виду, то станет ясно, до какой степени далеко стоят друг от друга области установок человека и животных. Ведь эти последние не знают объективации, и у них не

может быть опосредованных ею установок. Животное ограничивается лишь областью фиксированных в его жизни установок, и притом установок, в значительной степени диффузных, не в пример человеку, установки которого дифференцируются чем дальше, тем тоньше.

Поэтому не может быть сомнения, что установка констатируется и у животных и активность их строится на ее базе, но это не значит, что животное отождествляется с человеком. Возникающая у общественного человека объективация резко меняет состав и характер его установок. Поднимая человека на высокие ступени развития, она содействует дальнейшему осложнению, уточнению и дифференциации и его непосредственно актуальных установок.

Таким образом, разница между человеком и животным в области установки является, несомненно, существенной.

Заключение

Подведем итоги сказанному. На человеческой ступени развития мы встречаемся с новой особенностью психической активности, с особенностью, которую мы характеризуем как способность *объективации*. Она заключается в следующем: когда человек сталкивается в процессе своей активности с каким-нибудь затруднением, то он вместо того, чтобы продолжать эту активность в том же направлении, останавливается на некоторое время, прекращает ее с тем, чтобы получить возможность сосредоточиться на анализе этого затруднения. Он выделяет обстоятельства этого последнего из цепи непрерывно меняющихся условий своей активности, задерживает каждое из этих обстоятельств перед умственным взором, чтобы иметь возможность их повторного переживания, объективирует их, чтобы, наблюдая за ними, решить, наконец, вопрос о характере дальнейшего продолжения активности.

Непосредственным результатом этих актов, задерживающих, останавливающих нашу деятельность, является возможность воспризнания их как таковых - возможность идентификации их: когда мы объективируем что-нибудь, то этим мы получаем возможность сознать, что оно остается равным себе за все время объективации, что оно остается самим собой. Говоря короче, в таких случаях вступает в силу прежде всего *принцип тождества*.

Но этого мало! Раз у нас появляется идея о тождественности объективированного отрезка действительности с самим собой,

то ничто не мешает считать, что мы повторно можем переживать эту действительность в любое число раз, что она за все это время остается равной себе. Это создает психологически в условиях общественной жизни предпосылку для того, чтобы объективированную и, значит, тождественную себе действительность обозначить определенным наименованием, короче говоря, это создает возможность зарождения и развития речи.

На базе объективированной действительности и развивающейся речи разворачивается далее и наше *мышление*. Это оно представляет собой могучее орудие для разрешения возникающих перед человеком затруднений, оно решает вопрос, что нужно сделать для того, чтобы успешно продолжать далее временно приостановленную деятельность. Это оно дает указания на установку, которую необходимо актуализировать субъекту для удачного завершения его деятельности.

Но для того, чтобы реализовать указания мышления, нужна специфически человеческая способность - способность совершать волевые акты - необходима воля, которая создает человеку возможность возобновления прерванной активности и направления ее в сторону, соответствующую его целям.

Таким образом, мы видим, что в сложных условиях жизни человека, при возникновении затруднений и задержке в его деятельности, у него активируется прежде всего способность *объективации* - эта специфически человеческая способность, на базе которой возникают далее идентификация, наименование (или речь) и обычные формы мышления, а затем, по завершении мыслительных процессов, и акты *воли*, снова включающие субъекта в целесообразном направлении в процесс временно приостановленной деятельности и гарантирующие ему возможность удовлетворения поставленных им себе целей.

Объективация - специфически человеческая способность, и на ее базе существенно усложняется и запас фиксированных у человека установок. Нужно иметь в виду, что установка, опосредованная на базе объективации, может активироваться повторно, в соответствующих условиях, и непосредственно, без нового участия акта объективации. Она вступает в круг имеющихся у субъекта установок и выступает активно, наряду с прочими установками, без вмешательства акта объективации. Таким образом, становится понятным, до какой степени сложным и богатым может сделаться запас человеческих установок, включающих в себя и те, которые были когда-нибудь опосредованы на базе объективации.

РАЗДЕЛ II

Личность в процессе деятельности и общения

1. Личность как субъект деятельности

В процессе деятельности человек действует не по абстрактной схеме, а в разнообразных общественно необходимых формах решает общественно необходимые задачи, направляет свою активность на поиски оптимальных путей решения этих задач. Рассматривая деятельность как общественно необходимую, т. е. общественно организованную, социально регулируемую, нормируемую и т.д., необходимо выяснить, как личность (группа, коллектив и т.д.) становится ее субъектом. Для социальной психологии это прежде всего проблема отношения личности к общественно необходимой деятельности (труду). Для психологии труда, психологии профессии это проблема сочетания психологических, личностных особенностей и профессиональных требований деятельности. Возникает вопрос о согласовании активности человека с объективными формами деятельности и тем самым о различении активности и деятельности и их согласовании. Вопрос о согласовании, соизмерении объективных и субъективных факторов деятельности решается не помимо человека, а именно посредством особой его активности. Он мобилизует активность в необходимых, а не в любых формах, в нужное, а не в любое удобное время и т.д. и вместе с тем действует по собственному побуждению, использует свои способности, ставит свои цели.

Требования деятельности, ее характеристики и условия - временные, пространственные, технические и т.д. - не по отдельности соотносятся с теми или иными психическими качествами личности (как это долго пытались делать в инженерной психологии), а опосредованно, через личность, которая и придает им целостность. С одной стороны, человек вырабатывает комплекс психологических режимов деятельности в зависимости от своего состояния, способностей, отношения к задачам; с другой - оп-

¹ *Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.*

ределает свою стратегию и тактику; и с третьей - выявляет динамику требований и фрагментов деятельности. Этот комплекс формируется человеком как динамическая целостная система деятельности, способная изменяться, а не как раз и навсегда заданная.

Человек стремится к оптимальному согласованию внешних и внутренних условий своей деятельности, разных уровней своей активности - начиная от психической и кончая социально-психологической. Показателем оптимальности является продуктивность деятельности: при оптимальном согласовании происходит возрастание, умножение психической и личностной активности. Продуктивность труда создается за счет организации деятельности человеком. Одновременно продуктивность способствует развитию и совершенствованию самой личности, обуславливает ее переход на качественно новый уровень деятельности.

В процессе общественной жизни осуществляются передача опыта, организация деятельности и постоянная социальная регуляция деятельности индивида (в виде норм, условий, временных режимов и т.д.). Общественная регуляция деятельности не исключает ее индивидуальную регуляцию человеком, саморегуляцию. Оптимальное сочетание общественной и индивидуальной регуляции зависит от того, в какой мере личность становится подлинным субъектом деятельности. Общество определяет формы деятельности и свои требования к деятельности индивида, а личность вырабатывает свои, т.е. индивидуальные, формы активности и связывает все это в деятельности. Зависимость личности от общественных отношений опосредуется ее позицией в этих отношениях и характером ее активности, особенность которой в свою очередь определяется ее жизненным путем. Личностная активность проявляется в становлении человека субъектом деятельности, когда у него возникает собственное отношение к деятельности, создается свой «стиль» ее осуществления.

Из предметов, средств, условий и т.д. личность как субъект деятельности формирует целостный контур деятельности, т.е. эта целостность создается ею из производственных, социальных, экономических элементов и т.д. При этом человек сочетает объективные требования и собственные интересы, цели, опыт, мотивы, способности, свои состояния активности. Мера соответствия задач возможностям субъекта (трудность, пропорциональность,

своевременность и т.д.) выступает критерием качества осуществления деятельности.

Для всех людей, живущих в социалистическом обществе, в равной мере обязателен труд, участие в общественной жизни и т.д., но отношение людей к труду различно; наряду с позитивным существует и негативное отношение: для одних труд - действительная личностная потребность, смысл жизни, для других - средство материального благосостояния, для третьих - занятие, служба и т.д. Отношение к труду как к общественной необходимости, которая становится для личности долгом или потребностью, предполагает и отношение к обществу, к реальным людям, вместе с которыми трудится человек, отношение к данному коллективу, к данной профессии, представление о своем возможном месте в ней, т. е. выражает жизненную позицию в целом. Труд становится или делом жизни, или интересным занятием, или тяжелой обязанностью. (Когда деятельность превращается в последовательность отдельных заданий, дел, ситуаций, то она определяется только рабочим днем, рабочим местом и т.д.).

Ценность деятельности для личности связана прежде всего с возможностью самовыражения, применения своих способностей, с возможностью творчества. «Лишь в границах деятельности определенного субъекта любые реальности - действительные и воображаемые - выстраиваются в *смысловой ряд*, в иерархию ценностей, в актуальный жизненный мир, запечатлевающий неповторимость судьбы этого субъекта»¹.

Обычно в научной литературе подчеркивается роль деятельности в преобразовании действительности, в созидании и изменении предметного мира. Однако деятельность конкретного человека, отдельной личности редко обладает такого рода масштабом, т.е. создает новые ценности в искусстве, науке, промышленности. Притягательным в ней для каждого субъекта оказывается приобщение к деятельности общества, к задачам, решаемым в тех или иных профессиях, а не только производство той или иной продукции. Возможность выразить себя в деятельности, в профессии - основная потребность личности как субъекта, отличающаяся от частных и конкретных мотивов.

¹ *Иванов В.П.* Человеческая деятельность — познание — искусство. Киев,

Реально не любая личность самовыражается в деятельности, не любая деятельность отвечает притязаниям личности. Ценность деятельности для личности строится и определяется на пересечении многих составляющих - и общественной престижности данной деятельности, и возможности самовыражения в ней и т.д. Так конкретно формируется личностная мотивация деятельности.

Ценность деятельности для личности изменяется на протяжении жизни в зависимости от того, насколько с течением времени человек считает, что он уже реализовал себя в профессии, доволен своей позицией в ней, достигнутыми результатами. Для субъекта деятельности характерна такая вовлеченность в дело, такая ответственность (за судьбы науки, культуры и т.д.), которые даже при возрастании трудностей не дают ему возможности изменить свое отношение к делу. Возникающие в процессе деятельности трудности предстают перед личностью как перспектива возможности их разрешения своими силами.

Нормативные требования труда, обращенные к человеку, различны и не всегда четко определены. Они жестко фиксированы в системе «человек - машина», где технические особенности системы требуют от человека строго определенных нормативных действий (скорости, ловкости и т.д.). В других профессиях нормативные требования выражены не столь явно, поскольку человек должен сам в целом справляться с совокупностью профессиональных задач (он может это делать и лучше, и хуже). Тогда перед личностью возникает проблема соответствия или несоответствия профессиональным требованиям, нормам, которую она решает в комплексе с другими проблемами. Например, стоит ли при невысокой оплате труда заниматься трудной для нее профессиональной деятельностью?

Формирование отношения к труду происходит в процессе профессионального становления личности, развития ее профессионального мастерства, интереса. В психологии труда довольно подробно исследован процесс овладения профессией, развития профессиональных способностей, профессионально важных качеств, индивидуального стиля деятельности. Профессиональное совершенствование личности, рост ее мастерства ведут к развитию ее творческого, инициативного отношения к труду.

Становление личности субъектом деятельности происходит не только в процессе овладения ею общественно-историческими

формами деятельности, не только в ее осуществлении на общественно необходимом нормативном уровне, но и в организации деятельности и своей активности. Организация личностью своей активности сводится к ее мобилизации, согласованию с требованиями деятельности, сопряжению с активностью других людей. Эти моменты составляют важнейшую характеристику личности как субъекта деятельности. Они выявляют личностный способ регуляции деятельности, психологические качества, необходимые для ее осуществления.

Личность как субъект деятельности может приспосабливать свои индивидуальные особенности, способности к конкретным задачам деятельности. Способность непротиворечиво соединять все уровни регуляции деятельности есть способность саморегуляции. В зависимости от способа связи психических и личностных (мотивы, способности и т.д.) уровней деятельности она приобретает оптимальный или неоптимальный характер. В последнем случае возникают вторичные психические и личностных образования - усталость, скука, чрезмерная перенапряженность, негативные эмоциональные состояния, стресс и т.д. Тогда в саморегуляцию включаются специальные задачи по преодолению этих негативных состояний (например, чем снять утомление, раздражение, перенапряжение и т.д.).

Способ связи индивидуальных психических особенностей носит или оптимальный, или неоптимальный для данной личности характер, ее активность может находиться как на минимальном, так и на максимальном уровне. В процессе осуществления деятельности она может умножаться, возрастать, а может и истощаться, подавляться. Психологом Крепелином были отмечены два фактора работоспособности: позитивный - упражнение и негативный - утомление.

Сама активность личности в деятельности выступает в разных конкретных формах: работоспособности человека, дееспособности, трудоспособности и конкретных индивидуальных способностей личностей. Уровень активности, ее длительность, устойчивость и т.д. зависят как от согласованности и оптимальных сочетаний разных компонентов (эмоционального, мотивационного и т.д.), так и от способа, с помощью которого личность как субъект включается в решение задач деятельности, от позиции, которую она занимает в этой деятельности. Так, человек может приступить к деятельности на основе высокого уровня

своих притязаний, переоценивая при этом свои возможности и недооценивая сложность предстоящего дела. Однако у него может оказаться недостаточной мотивация достижения, настойчивость (или способность к риску), благодаря чему относительно простое дело он выполняет хуже, чем человек, реально оценивший свои возможности.

По мере осуществления деятельности может выявиться, что привлекательность дела и важность цели гораздо ниже, чем затрачиваемые на преодоление трудностей усилия, и человек, если он не опирается на волевое усилие, не имеет развитой ответственности, может прекратить деятельность.

Саморегуляция - это тот механизм, посредством которого обеспечивается централизующая, направляющая и активизирующая позиция субъекта. Она осуществляет оптимизацию психических возможностей, компенсацию недостатков, регуляцию индивидуальных состояний в связи с задачами и событиями деятельности. Она обеспечивает также целевое и смысловое соответствие действий субъекта этим событиям, своевременность, пропорциональность действий и т.д.

Включение в деятельность требует от субъекта расчета сил на весь период деятельности, особенно на непредвиденные трудности, неожиданности и т.д. Например, человек, читающий лекцию, должен рассчитать силы и для ответов на вопросы. На этот период он должен сохранить потенциальные резервы или мобилизовать свои возможности. В целом способность субъекта соотносить свои возможности и индивидуальные особенности с характером решаемых задач является одной из важнейших характеристик саморегуляции. Есть виды деятельности, которые требуют напряжения на первых этапах, другие - на завершающих, третьи требуют максимальной активности в непредвиденный и незаданный момент времени.

Выбор принципа действия или принятие того или иного решения есть своеобразное самоопределение субъекта, которое меняет соотношение предыдущих и последующих этапов деятельности и определяет их психологический характер. Переломный момент перехода от периода адаптации деятельности к периоду стабилизации индивидуально варьируется. С помощью саморегуляции личность поддерживает стабильный уровень активности независимо от изменчивости психических состояний на том или ином этапе.

В организацию деятельности входит неосознаваемая саморегуляция активности: последовательность включения восприятия или мышления, способ реализации своих способностей, психические и личностные темпы деятельности, установка на трудность (легкость) и многое другое. Каждая личность, став субъектом, определенным образом приспособливает и реорганизует свои особенности в связи с характером деятельности. Субъект типичным и удобным для себя образом актуализирует, преобразует, направляет систему тех качеств, которыми он обладает как личность.

Саморегуляция заключается в направленной активизации психических процессов, в поддержании их определенного характера и интенсивности; она обеспечивает непрерывность психической активности на протяжении единой личностно значимой линии деятельности. Нахождение принципа действия, принятие решений (Б.Ф. Ломов, Д.Н. Завалишина) есть выработка субъектом определенных способов по ходу осуществления деятельности, которые и выражают его позицию в деятельности, и помогают оптимально ее осуществлять.

Механизмы оценки и контроля, выделение принципа действия, принятие решений - эти моменты раскрывают системный характер активности субъекта в его целостном соотношении с требованиями деятельности. Однако сказанное не означает, что эти механизмы всегда взаимодействуют оптимально. Механизмы контроля, связанные с оценкой успешности (неуспешности) своих действий, могут принимать негативную эмоциональную окраску, фиксироваться на мелочах и тем самым препятствовать формированию принципа действия. Но и привязанность к внешним требованиям, которые буквально учитываются исполнительным типом, строгое соблюдение любых правил осуществления действий, формальных инструкций могут подавлять его мотивацию и творческий поиск.

В ходе конкретной деятельности перед субъектом возникает задача композиции принципа действия, ее конкретных задач и целей и их соподчинения, последовательности, т. е. стратегии и тактики деятельности. Простыми примерами возможных стратегий является выработка целей, предварительное составление плана действия и перспектив его реализации. Однако существуют типы людей с противоположными стратегиями: они сначала совершают действие, поступок, подчиняясь непосредственному по-

буждению, и лишь затем начинают их анализировать. Стратегия субъекта может проявляться в стремлении избегать трудностей, в установке на их преодоление, в ориентации на внешние опоры или с расчетом на собственные силы.

Саморегуляция не всегда осуществляется объективно-оптимальным и субъективно-удобным образом. Эти же особенности личностной регуляции проявляются и в психологической, и в личностной «цене» деятельности. Поддерживать определенный уровень активности можно двумя способами: перенапряжением всех сил, что ведет к утомлению, падению активности, и за счет эмоционально-мотивационного подкрепления (психологически легкого и удобного способа). Не следует думать, что возможности совершенствования саморегуляции безграничны, что все ее уровни осуществляются только сознательно. Ряд процессов и способов действия из первоначально сознательно и произвольно регулируемых превращаются в неосознаваемые. В психологической системе саморегуляции есть не только гибкие, но и жесткие связи. Но с точки зрения принципа развития важно отметить главное: качество осуществления деятельности субъектом является результатом совершенствования всей системы его психической организации, а не результатом простого развития отдельных психических процессов и свойств.

Субъект с учетом своих индивидуальных особенностей (возможностей и недостатков) согласует систему своих личностных качеств (чувств, мотивации, воли) с системой объективных условий и требований решаемой задачи. Итак, позиция субъекта - это комплексная характеристика психологических режимов деятельности в соответствии со способностями, состояниями, отношением субъекта к задаче, с одной стороны, его стратегией и тактикой - с другой, наконец, с объективной динамикой деятельности (ее событиями и фрагментами) - с третьей.

В зависимости от опыта субъект обладает большей или меньшей способностью прогнозировать наступление событий. В свою очередь такой прогноз преобразует его внутреннее состояние: чувство неуверенности перед неожиданным наступлением событий заменяется состоянием готовности к любым неожиданностям. Именно системный характер саморегуляции позволяет понять источник мобилизации субъектом своих сил и резервов, а не только источник компенсации недостатков.

Очевидно, что мотивированная деятельность, т. е. представ-

ляющая интерес для субъекта, порождает положительные эмоции, вызывает чувство удовлетворения. Деятельность человека, обладающего способностями, также порождает дополнительную мотивацию к творчеству, мотивацию самовыражения, достижения. Если задача, дело являются жизненно значимыми, регуляция текущих состояний (болезнь, усталость и т.д.) не требует тех волевых усилий, которые необходимы при низкой значимости деятельности.

Индивидуальные особенности деятельности стали предметом изучения и получили название индивидуального стиля деятельности (это касается и личности руководителя, и личности в любой другой профессии). Под стилем деятельности имеются в виду устойчивые, обобщенные особенности осуществления деятельности данной личностью. Стил проявляетс в том, как человек действует всегда. Кроме того, есть особенности регуляции и саморегуляции деятельности, которые не охватываются понятием «стиль». К ним относятся индивидуальные особенности организации деятельности субъектом.

Психика каждого человека, как отмечалось, имеет индивидуальные временные особенности (скорости психических процессов, смена их последовательности во времени, периоды активности-пассивности и т.д.). Общая характеристика стиля проявляется, например, в том, что один человек всегда опаздывает, другой - делает все заранее. Организация личности своей деятельности состоит в том, чтобы, опираясь на временные параметры своей психики, оптимально сочетать во времени свою активность и деятельность. Речь идет уже о своевременности мотивации, об оптимальном использовании своих способностей, об оптимальности и своевременности волевого напряжения и т.д.

Личности как субъекту деятельности свойственны и такие особые индивидуальные способности, как способность к организации времени (и способность к своевременной активности), способность программировать будущую деятельность, предвидеть ее события, устанавливать оптимальные для себя режимы активности и пассивности, определять ритмы деятельности.

Субъект прогнозирует свою деятельность, соподчиняя и устанавливая последовательность трудовых операций. Программирование позволяет личности, во-первых, типичным и удобным с точки зрения ее психологических возможностей образом связывать последовательность задач именно по характеру актив-

ности, требуемой в начале, в кульминационный момент и в конце деятельности. Во-вторых, позволяет определять точно момент и форму максимального напряжения активности, уплотнять, перераспределять субъективное время, что приводит к его экономии. Слабая организация деятельности проявляется в том, что возрастает ее психологическая «цена», т.е. деятельность, которая не соответствует индивидуальным особенностям личности, ее мотивам и ценностям, превышает уровень ее возможностей. Деятельность, выполняемая по принуждению, приводит к отказам, срывам личности, которые могут оборачиваться психологическими травмами, издержками, являются своеобразной высокой психологической «ценой» за непосильную деятельность.

Даже несложная деятельность, если она не организована самим субъектом, становится причиной перенапряжения человека, которое, накапливаясь, переходит в усталость и раздражение. Организация деятельности помогает субъекту придерживаться ее основной линии (направления) даже при возникновении трудностей. Французские психологи, исследовавшие программу действий медсестры на день, обнаружили, что ее постоянно отвлекали от дела больные различными просьбами, поэтому она быстро утомлялась².

Одной из труднейших задач является обеспечение непрерывности творческой деятельности. В процессе музыкально-исполнительской деятельности, например, опасен перерыв, остановка, кратковременный «сбой», ведущие к потере качества исполнения, а профессиональный провал может порой привести к отказу от выбранной профессии³. Исследование творчества писателей и художников финскими психологами показало, что для постоянного самообновления и вдохновения им необходимы довольно длительные творческие перерывы, снимающие утомление, дающие возможность накопить впечатления и с новыми силами начать работу⁴.

Именно в творчестве возникает слитность художника с его произведением, возможная лишь при условии полного вовлече-

² Bodieu P. Le sens en pratique. Approche sociopragmatique les personnels. P., 1985.

³ См.: Мышкина В.Т. Психологическая готовность к художественно-творческой деятельности. Ч. II. М., 1987.

⁴ См.: Психология личности и образ жизни.

ния человека в творческий процесс, в котором он постоянно находит все новый и новый смысл. Интерес к творческой задаче не позволяет человеку ни на минуту оторваться или выключиться из процесса⁵.

Непрерывность деятельности поддерживается постоянно происходящим в ней обновлением и разнообразием (размышлений и планов, наблюдений и впечатлений, поисков и проб, проверок и самокритики). Личность и деятельность, как бы «переливаясь» последовательно друг в друга в процессе активности, взаимно обновляются и побуждаются к дальнейшему движению.

С.Л. Рубинштейн раскрыл многостороннюю связь сознания и деятельности человека. Он показал, что на основе сознания возникает принципиально иной тип регуляции деятельности, поскольку сознание отражает то, что отделено от индивида во времени и пространстве⁶. В сознании возникает возможность моделировать обобщенный и идеальный образ действия и отражать реальный способ действия. Сознание осуществляет функции контроля и оценки, строит стратегию и тактику деятельности, выделяет принципы действия все более высокого уровня (с точки зрения ее иерархии). Эти принципы возникают на основе и жизненного, и профессионального опыта личности, на основе ее отношения к другим людям.

Сознание в отличие от познания, дающего объективную картину мира, абстрагирующегося от позиций и пристрастности субъекта, отражает мир относительно к субъекту. В психологии может быть разработана своеобразная теория относительности: человек воспринимает не только то, что есть в мире в целом, но прежде всего то, что для него самого значимо, актуально. В этом смысле сознание - это отражающая способность действующего, деятельного субъекта. Субъект, по-видимому, отражает причинную связь своих действий с изменением действительности (что позволяет ему осмыслить способ, характер, причины своих действий). Способность к отражению связана с изменением позиции субъекта в ходе деятельности. То, что было существенно на одном этапе деятельности, уже не является значимым на другом. Именно поэтому надо говорить об условиях, которые в деятельности постоянно изменяются, обновляются.

⁵ См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества.

⁶ См.: Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание.

Таким образом, в сознании субъекта отражается способ его действия, но он отражается особым образом, на основе динамики деятельности, изменения ее задач, событий. Для понимания сущности деятельности мы предложили в качестве единиц ее анализа понятие «задачи деятельности»¹. Оно, на наш взгляд, более адекватно выражает тот факт, что не всякая деятельность и не на каждом этапе имеет результат в виде предмета или продукта. Результатом может быть решение разного рода задач, которые ставятся самим субъектом (или перед ним) в профессиональной деятельности. При решении задачи и проявляется способность субъекта к целостной организации деятельности, к оптимальной комбинации ее условий и требований.

2. Совместная деятельность и ее субъект

Поскольку не каждый субъект деятельности решает космические задачи по преобразованию действительности, постольку одной из его главных задач является включение в совместную деятельность. Личность включается в решение профессиональных задач, которые стоят перед коллективным субъектом деятельности, группой, занимает некоторую позицию в совокупном субъекте, который вырабатывает совместный способ действия. Личность должна обладать способностью к оптимальному соединению с деятельностью общности (ее целями, задачами и т.д.) и действиями других людей. И это составляет ее совершенно особую задачу. У личности как участника совместной деятельности должны формироваться особые, индивидуальные качества, от которых зависит согласованность действий людей. Считается, что главная линия согласования действий личности и группы, коллектива - это наличие общих целей, принятие личностью целей коллектива. Однако (практика это уже доказала) не всегда достигается реальное единство целей. В совместной деятельности возникают проблемы срабатываемости, психологической совместимости людей. При наличии общей программы действий (задания, плана и т.д.) усилия каждого могут быть или согласованы, или не согласованы с усилиями всех. У личности в процессе труда должны развиваться средства психологического воздей-

¹ См.: Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности.

ствия на другого (умение подчинять других или приказу, или своему примеру и т.д.). В ходе совместной деятельности должен происходить обмен индивидуальными качествами, расширяться спектр индивидуальных возможностей. Совместная деятельность развивает способность, желание и умение соотносить свои цели и действия с целями и действиями других людей на основе установления определенных отношений с ними. Умение мобилизовать активность не только в желаемом, но и в нужном направлении, проявить инициативу, решительность и дисциплинированность одновременно - вот качества, которые развивает совместная деятельность.

Кроме этих качеств важны также согласованность-несогласованность особенностей личностной активности, например, - один берет на себя ответственность только в том случае, если другой ее не проявляет, один проявляет инициативу только тогда, когда ее принимает и поддерживает группа, и т.д. Очевидно, что личностной основой совместной деятельности является комплекс «я - другие», отношение к себе и отношение к другим, а также отношение других ко мне.

В качестве примера способности к совместному способу действия можно рассмотреть совершенно особую способность (или неспособность) личности связывать свои действия и их оценки и отношения к себе других людей. Способность человека отделить оценку своей личности от оценки своих действий (собственной и других) стала предметом специального исследования. Оно показало, что лица с развитым чувством инициативы и ответственности коллегиального типа обладали высокой и гибкой самокритичностью и спокойным, деловым отношением к критике своих действий, поскольку они относили критические замечания не к своей личности в целом и учитывали их в необходимой для себя мере. Лица с инициативой и ответственностью эгоистического типа были безразличны к критике своих действий и несамокритичны. Лица индивидуалистического типа были самокритичны, но принимали критику неадекватно, как критику своей личности. Лица с преобладанием инициативы были либо нетерпимы к критике, либо отождествляли критику своих действий с критикой своей личности.

Казалось бы, с возрастом человек становится более зрелым и должен на каждом возрастном этапе все более взвешенно относиться к критике. Но, как показали исследования, восприятие

критики связано не с возрастными, а с личностными особенностями. Совсем маленький ребенок (по данным М.И. Лисиной) может отделять положительное отношение к себе взрослого от критики последним своих действий, не «обижаясь» на критику, понимая ее частный характер. Но уже подросток может испортить хорошее отношение со взрослым даже за критику одного своего поступка. Взрослые люди, как показывает исследование, соотносят критику себя и критику своих действий как равноценные или соподчиненные - в зависимости от типа своей личности и общей установки. Некоторым людям кажется, что окружающие их не одобряют, и тогда любое замечание они рассматривают как придирку. Другие стремятся сотрудничать только с теми, кто их одобряет, третьи способны спокойно и по-деловому реализовывать замечания других (равно как негативные, так и позитивные), не рассматривая их как оценку своей личности.

Способность прислушиваться к критике, учитывать ее в своих действиях является одним из важнейших условий оптимального соединения собственной активности с активностью других людей. Лица с преобладанием инициативы над ответственностью в ответ на критику не только не стремились совершенствовать самоконтроль, но начинали встречную критику, становились агрессивными, впадали в стресс или переключались на помощь другим, отказываясь от собственных обязательств. Полученные нами данные подтверждают, что у молодежи отношение к себе и отношение к другим соединяются в единый индивидуальный комплекс, который и побуждает активность разного типа: «я не хуже других», «я лучше других», «я всем докажу», «сделаю недозволенное» и т.д. Активность личности одновременно включает три отношения: к себе, к общности (к другим - использовать их, поддержать, отрицать, играть на противоречии с ними) и других к себе. Последнее отношение один тип людей способен воспринимать адекватно, а другие типы дают свою интерпретацию отношениям к себе, воспринимают не реальность, а кажимость.

Стремление прийти на помощь является важнейшим типологическим признаком и свидетельствует о способности к коллективному способу действия. Эта способность характерна не только для лиц с коллективистской инициативой и ответственностью, но и для людей, у которых преобладает или ответствен-

ность, или инициатива. У лиц с низкой активностью не наблюдалось стремления оказывать помощь; у лиц с инициативой и ответственностью эгоистического типа такая способность проявлялась в тех случаях, когда они стремились завоевать авторитет группы и занять в ней позицию лидера.

Способность человека взаимодействовать в деятельности с другими людьми, сохранять активность и инициативу в условиях общей дисциплины зависит от структуры и типа активности личности, от занимаемого места в группе и роли в совместной деятельности. Причем активность данной личности также носит некоторые социально-психологические черты: одни дают максимум при поощрении коллектива, других отличает высокая требовательность к себе, критичность, самоконтроль. Для одних стимулом оказывается успех, признание, для других - преодоление трудностей, возможность ставить и решать новые, более сложные задачи. Портрет личности в группе иногда включает черты активности, которые проявляются только при определенной совокупности условий: либо в успешной, либо в социально престижной, либо в социально поощряемой деятельности. Однако активность такого рода людей исчезает, стоит им только окантаться наедине с трудностями, в ситуации неуспеха, узнать о критическом отношении к ним группы.

В трудовой деятельности сплошь и рядом возникают ситуации, когда между личными и общественными интересами объективно нет соответствия, когда необходимо что-то делать, но для личности в этом нет психологической привлекательности, когда есть приказ, но нет собственной инициативы. Эти особенности профессиональной позиции личности и составляют реальные противоречия ее труда. Приведет ли несправедливая оценка к потере инициативы в труде, приведут ли жесткая дисциплина или волевые директивные указания руководителя к потере работником творческой инициативы - эти вопросы еще только изучаются учеными, а на практике они взаимосвязаны и должны учитываться в комплексе.

Включение личности в состав субъекта совместной деятельности предполагает ее участие в организации и регуляции совместных действий, в выработке общей программы (ответственность за совместный продукт труда, совместная оценка труда, регуляция и контроль за непрерывностью всего процесса труда,

принятие коллективных решений). Именно потому, что регуляция совместных отношений отвечает особой потребности личности в организации коллективной деятельности (а не только собственной), большое значение имеют деловые игры, пользующиеся в настоящее время популярностью. У личности может появиться новая социально-психологическая мотивация: участвовать в регуляции взаимоотношений коллективного субъекта. Это совершенно новый «мотив» трудовой деятельности. Мотив руководить другими людьми отнюдь не всегда возникает в результате стремления к власти, не всегда есть проявление особого характера. Руководство другими людьми необходимо для достижения результата путем оптимальной организации взаимодействия. Это не столько потребность обладать властью, сколько потребность в организации все той же целостности, к которой стремится и субъект индивидуальной деятельности.

В совместной деятельности реализуются отношения двух уровней: отношения, посредством которых складывается и функционирует коллективный субъект, и отношения друг к другу его членов. Эти отношения соотносятся таким образом: если группа существует как общность людей (что и проявляется в совместной деятельности, и формируется в ней), то на уровне отдельных ее членов преобладают, как обычно говорят, деловые, профессиональные отношения, в принципе регулируемые при наличии противоречий и даже отдельных конфликтов. Если же группа представляет собой формальное объединение, т.е. не объединена в деятельности профессиональными задачами, то между ее членами возможны отношения и личные и безличные, и конфликтные и дружеские, но все они складываются стихийно.

В соответствии с этими различиями каждый член группы строит свою стратегию, а руководитель - стратегию группы в целом. Одни коллективы ориентируются на усредненного работника, т.е. не учитывается индивидуальность личности, ее особенности, возможности; другие строятся с учетом перспективы роста каждого, развития его способностей. При последней форме организации коллектива материальные ресурсы направляются на профессиональный рост одного, на воспитание другого, на обучение третьего. А это в свою очередь является основным условием роста активности каждого участника совместной деятельности.

3. Личность в процессе общения

Общение часто рассматривают как диалог, как своеобразную дискуссию. Оно подразумевает две или более общающиеся стороны, между которыми происходят процессы понимания (или непонимания), взаимного влияния, взаимных оценок. Общающиеся стороны могут быть соединены и в лице одного человека, если он осуществляет «внутренний» диалог⁸.

Общение можно рассматривать как особый способ существования индивида посредством связи с другими индивидами, как способ взаимоотношений между ними⁹. Общение предполагает такое взаимодействие общающихся сторон, при котором происходит обмен мнениями, информацией, опытом и т.д.¹⁰. В общении выделяют предмет, по поводу которого происходит общение (информационная сторона, решение обсуждаемой задачи), и сам процесс общения (его особенности, нюансы). Общение разнообразно, многолико (по своим формам оно может быть опосредованным и непосредственным, формальным и неформальным, осуществляться большими или малыми группами), но оно всегда социально по содержанию, направленности, цели. Без потребности человека в общении общество не смогло бы нормально функционировать: ведь если бы не существовали самые разные формы общения, люди оказывались бы в условиях изоляции и каждый раз заново учились понимать друг друга, заново искать способы общения.

Общественная природа общения обуславливает постоянно возобновляющуюся у индивида потребность в нем. Потребность в общении у людей - это либо потребность изменения каких-либо свойств, качеств, сторон в себе самом и другом человеке (индивидуально-личностная сторона общения), либо потребность в достижении взаимопонимания, установления отношений с другими людьми (социально-психологическая сторона общения), либо потребность в решении совместной задачи, в достижении совместной цели (социально-предметная сторона общения) и т.д.

⁸ См.: Кучинский Г.М. Психология внутреннего диалога. Минск, 1988

⁹ См.: Абульханова К.А. О субъекте психической деятельности.

¹⁰ См.: Ломов Б.Ф. Особенности познавательных процессов в условиях общения // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 5.

В соответствии с тем или иным характером потребности в общении (индивидуальным, коллективным) определяется и направленность личности на общение (личное, совместное, безличное), и ее готовность к общению. Как отмечают психологи, трудно переоценить готовность человека к профессиональному общению, которую они определяют как подлинный и ничем не заменимый профессионализм.

Особый интерес представляет определение общения, данное С.Л. Рубинштейном, как отношение к миру, к другим людям, к себе¹¹. Отношение человека к миру, в котором он живет, действует, общается, - это отношение не только к миру явлений и предметов, а к миру человека, людей, оценка их отношений, связей, зависимостей друг от друга. Действительность, в которой живет человек, - это совокупность отношений, влияний, восприятие и переосмысление им этих отношений. Это мир «особой» действительности - действительности отношений, условностей, способов поведения, которые человек, рождаясь, застает готовыми, сформированными, которые он познает и к которым приобщается. К. Маркс определил эту действительность как гражданскую жизнь общества, в соответствии с которой и внутри которой каждый человек начинает общаться и строить свои отношения.

Мир отношений - это непрерывный процесс становления отношений между людьми и действительностью, которая обуславливает характер, направленность, особенности этих отношений. Существующие в обществе ценности, условности, тенденции фиксируются, закрепляются в сознании людей и служат руководством к действию. Нормы общения человек постоянно мысленно «проецирует» на свои отношения, свое поведение оценивает с позиций этих норм (их принятия или непринятия). Отношение личности к существующей в обществе системе норм общения, поведения, отношений и т.д. зависит от того, в какой мере в ней воплощено богатство всех существующих форм общения. В неразвитом обществе существует жесткая система норм в отношениях между людьми. Эта неразвитая, обедненная, несовершенная система «проецируется» на индивидуальное сознание. В развитом обществе преобладает система этических отно-

¹¹ См.: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии.

шений, которые устанавливаются, вырабатываются членами общества и регулируются ими же самими.

Самое сложное - это реализация социальных норм на уровне индивида. Например, для воспитания у ребенка правильных навыков общения нужно прежде всего, чтобы слово не расходилось с делом. И взрослый постоянно решает противоречие между осознаваемой нормой и не соответствующей ей практикой общения и поведения.

Типы отношений людей в группе определяются на основе таких социальных потребностей, как потребности в социальном участии, в контроле, в положительной эмоциональной оценке и т.д. Существует точка зрения, согласно которой индивид проецирует на отношения в группе опыт отношений в семье. Эта точка зрения положена в основу теорий межличностных отношений некоторых зарубежных психологов¹². Типом отношений в семье они определяют ценности, нормы, потребности общения, которые затем переносятся в практику «взрослого» (самостоятельного) общения. К этой точке зрения можно отнести и понимание общения как осуществления той или иной роли. Ролевая игра как один из способов приобщения к особенностям социально-психологической реальности также непосредственно зависит от конкретного содержания роли, «исполняемой» ребенком (роли матери, почтальона, полицейского), от того, что становится для него достойным подражания, а что отрицается (пародируется).

Усвоение социальных норм общения происходит не только через поведение, но и через восприятие одного человека другим¹³. Признание того, что общество состоит из разных людей, непохожих ни по внешним, ни по душевным качествам, доброжелательное отношение к этим разным людям, умение слушать их, уважать их мнения являются основной предпосылкой формирования гуманной личности.

Общение играет большую роль в формировании психики личности. Дефицит общения - прежде всего бедность эмоционального фона, его недостаточность, когда все рисуют одним

¹² Shaw M.E., Costanzo P.R. Theories of social psychology. N.Y., 1970. P. 255.

¹³ См.: Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.

цветом,- особенно влияет на неокрепшую детскую психику. Исследования чешским психологом И. Кхолом особенностей мышления показывают, что «ошибки» мышления сказываются на процессе общения уже сформировавшихся личностей, проявляются в недостаточном понимании, в неверной интерпретации окружающего мира¹⁴. Он выделяет «черно-белый» тип мышления, когда мир воспринимается однолинейно, категорично, поверхностно. Очевидно, что подобное «черно-белое» общение (это нельзя, это не делай, это не так) не способствует духовному обогащению личности, не позволяет ей наиболее полно выразить себя в общении.

О том, насколько продуктивно общение со сверстниками, с людьми других поколений, можно судить по тому, удалось ли партнерам найти точки соприкосновения, говорят ли они «на одном языке». При этом точки соприкосновения, «один язык» мнений, взглядов не должен сводиться к одной позиции, предполагает способность, желание, умение партнера понять позицию другого человека, сохраняя при этом свою. М.М. Бахтин выделял «эстетическое (там, где невозможно этическое) вживание» в мир другого человека, в мир его переживаний, для которого необходимо «усвоение жизненного кругозора» другого человека. Он считал это особой формой отношений, иногда более значимых, чем действия и поступки¹⁵.

Каждый сам выбирает способ, с помощью которого он может лучше общаться с другим человеком, но в любом случае человек должен осуществлять этот процесс осмысленно, направленно, эмоционально. Заинтересованность в своем партнере по общению, желание «поделиться» с ним, внушить, склонить на свою сторону, почувствовать, что его отношение вызывает в другом ответный отклик, какие бы преграды их ни разделяли (языковые, возрастные, географические), - таковы основные побуждения общения.

Особый интерес представляет «опосредованный» тип общения, когда оно осуществляется не непосредственно, а на основе того или иного контекста (культурного, исторического, литературного). Такое общение происходит при работе человека с текстом (книгой, статьей и т.д.), когда общение опосредовано вре-

¹⁴ *Khol 1. Rozhodovani v Kazdodenni Zivotni a Ridici praxi. Praha, 1987.*

¹⁵ См.: *Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества.*

менем, культурой, языковыми средствами и т.д. Автор, живший за несколько десятилетий или даже столетий до нас, передает веяние своей эпохи, знакомит с культурными традициями или просто высказывает свою точку зрения на те или иные проблемы. В эпоху НТР общение, опосредованное информационно-технологическими средствами, приобретает особую значимость, но оно должно осуществляться в разумных пределах. Опасность заключается в том, что теле-, аудио-, видеосредства часто сводят на нет собственно человеческое общение, обедняя эмоциональный мир личности. Тогда как книга, отмечает, например, Ю.М. Лотман, остается для человека надежным спутником жизни, молчаливым собеседником, разделяющим его заботы и тревоги.

Общение опосредованно и лично, причем это опосредование осуществляется средствами, соответствующими жизненным ценностям, установкам, правилам, которыми руководствуется человек. Можно сказать, что общение происходит типичным для данной личности образом, и при этом неважно, относится ли общение к деловой или личной сфере, важны те мировоззренческие, этические принципы, на основе которых данная личность вступает в общение. Личность активно стремится к общению, отвечающему ее жизненным ценностям, избегая общения, если оно идет с ними вразрез. Ограниченная сфера общения, ее узкий круг объясняются в первую очередь неспособностью личности к последовательной, произвольной регуляции процесса общения в соответствии с его общим для партнеров руслом, общими задачами.

Существует тип общения, который объединяет людей как индивидуальностей. Если признание существования другого как личности предполагает признание его «права на самоопределение», свободу, непохожесть на себя, то союз индивидуальностей включает принцип различия и «право» на выбор общения в соответствии с ним. Такой нормой, или высшим типом человеческого общения, достойного подражания, является не только признание, но и утверждение в другом человечности. Признав право другой личности на самовыражение, человек делает первый шаг в этом направлении, но пока только пассивно признает необходимость такого общения и еще не содействует ему. На высшую ступень общения он поднимается в процессе утверждения в другой личности всего лучшего, что в ней есть, всего человеческого.

Потребность в общении с другим человеком не просто особая потребность в помощи, в понимании, в самовыражении и т.д. Личность в процессе общения не просто удовлетворяет свою потребность в дружбе, в помощи и т.д., а развивает способность утверждать в другом человека, учитывать его интересы и тем самым развивает и удовлетворяет свою высшую потребность - потребность в человечности. Такая личностная «установка» может реализоваться в общении и с близкими, и с «далекими» людьми. Она исходит из признания ценности самого существования человеческой личности безотносительно к тому, как последняя ко мне относится. При создании таких отношений личность как бы «выносит себя за скобки», отодвигает на второй план свои личные интересы. Это изменение «точки отсчета» при построении отношений между людьми, как правило, наиболее плодотворно. В этом наиболее оптимальном случае личности включают в общение все богатство своих отношений к миру, такой союз не сковывает, не ограничивает, а дает простор для их развития и самоопределения.

Как свидетельствуют эксперименты, проведенные под руководством С.Л. Рубинштейна¹⁶, пробуждение понимания как особого качества мышления связывается не только с фиксированием понятий в словах, но и с пониманием как вопрошанием (особенно характерным для возраста «почемучек» в раннем детстве), с активным отношением к воспринимаемому. Процесс общения между детьми и взрослыми отличается от «равноценного» обмена информацией между взрослыми своей пассивностью - зависимостью детей от получения, приема информации, поступающей из внешнего мира. Подчас неконтролируемое со стороны взрослых обилие телевизионных передач, знакомств, встреч, поток информации обрушивается на неподготовленного ребенка. Внутренняя неготовность (нежелание) ребенка (подростка) к общению не является признаком его асоциальности, замкнутости. Во всяком случае «борьба» с необщительностью не должна производиться одним и тем же арсеналом средств (иди, делай, говори, общайся и т.д.), тем более что такая «методика» воздействия еще никогда не приносила успеха.

¹⁶ См.: Сыркина В. Е. Понимание выразительности речи школьниками // Известия АПН РСФСР. 1947. № 7.

Этические проблемы касаются не только этических ценностей и законов нравственной жизни. Прежде всего они затрагивают отношения людей и личностные способы регуляции этих отношений. Уровень этической зрелости личности определяется не только ее следованием нравственным ценностям, но прежде всего способностью гуманно относиться к другому человеку, строить и отстаивать отношения, достойные обоих. Исходя из этого можно сказать, что принцип «обратимости отношений» ни в нравственном, ни в психологическом смысле неправомерен.

Этот принцип был в свое время сформулирован И. Кантом, который считал, что человек должен поступать по отношению к другим так, как он хочет, чтобы поступали по отношению к нему. Данный принцип, хотя и неявно, предполагает известное взаимосогласование этических позиций в отношениях людей. Отсюда можно сделать вывод: поступай с людьми хорошо в той мере, в какой они хорошо относятся к тебе. Эта своеобразная этическая «договоренность» подрывает, на наш взгляд, суть этики как высшего регулятора человеческого поведения.

Принцип «взаимосогласования» и «соизмерения» этических позиций ограничивается практикой непосредственного общения, нивелирует этический идеал, сужает возможность следовать ему. Так появляется формула: «Ты - мне, я - тебе». Люди, разделяющие ее, перестают вести себя согласно моральному идеалу, нравственным принципам, поскольку другие часто ведут себя по отношению к ним безнравственно. Способность избегать, нивелировать давление ситуации, практику непосредственно сложившегося общения и есть реальная психологическая способность личности разрешать противоречие между этическим идеалом и тем, как поступают другие.

Способность абстрагироваться в процессе общения с другим человеком и от его субъективного отношения, и от ситуации показывает этическую воспитанность человека и умение разрешать сложные психологические противоречия. Абстрагирование от «обстоятельств», от непосредственной ситуации, от субъективного отношения другого и есть проявление истинной свободы в общении, а также способности к творческому созиданию людьми своих отношений друг с другом.

Творческое отношение, на наш взгляд, должно проявляться прежде всего не в сфере создания предметов, вещей, а в сфере человеческих отношений, т. е. в способности строить их соглас-

но высшим гуманистическим идеалам. Задача психолога состоит в том, чтобы донести до людей ту простую истину, что способность и готовность идти навстречу жизненным трудностям и противоречиям и достойно разрешать их не только ничего не отнимают у человека, но, напротив, развивают в нем высокие человеческие качества - человеческое достоинство, душевную свободу и мужество.

Как отмечалось, характер общения влияет на процесс развития личности, хотя очевидно, что развитие личности происходит не только в общении с людьми, но и в совместной с ними деятельности. Личности и различаются по тому, в какой сфере жизни они преимущественно развивают и проявляют себя - в интимно-личностной или в общественной, какую из них они превращают в сугубо личную потребность и ценность. Однако, на наш взгляд, неправомерно их противопоставлять и обособлять: одну - как сферу личных чувств, другую - как сферу общественно необходимого дела.

Личные чувства и отношения окрашивают все сферы жизни человека. Вместе с тем любую сферу общения нельзя свести только к проявлению чувств, симпатий, антипатий, к чисто субъективным отношениям. Общение как построение отношений, с одной стороны, формирует человеческие чувства, с другой - регулирует поведение, поступки. Строить отношения можно только на основе единства чувства и дела, на искренности. Поэтому противопоставлять личную сферу общественной (одну - как субъективное, другую - как объективное проявление личности) неправомерно. Личные отношения должны основываться не только на любви и симпатии, но и на реальных действиях, заботе, помощи, поддержке. Не случайно одной из важнейших причин распада семейных отношений или неумения их создать является иллюзия, что чувства не требуют никаких реальных деловых «доказательств».

Конечно, при некоторых видах общения (дружба, любовь) определенную роль играет притягательность другого человека, его обаяние. При построении таких отношений люди должны проявлять способность абстрагироваться от некоторых качеств человека, от прошлых субъективных отношений. Необходимо уметь освободиться от личных пристрастий (подталкивающих иногда на ложный путь и формирующих мнимые ценности), ставить во главу угла интересы другого. Это заставляет челове-

ка подчас вступать в спор с самим собой, одерживая победу над первым порывом чувств, которые могут внести некоторый диссонанс в отношения.

Однако ни само общение, ни построение отношений, регулирующих поведение и коммуникации людей, не могут быть объяснены только симпатией или антипатией. Тем более они не могут объяснить, почему установились те или иные отношения людей в коллективе, в семье и т.д. Важно учитывать не только качества личности, необходимые для ее вхождения в коллектив, но и то, каким должен быть в коллективе тип отношений, чтобы он мог формировать соответствующие качества у членов этого коллектива. В структуре коллективных отношений имеет значение не только наличие микрогрупп, микроотношений, главное - это общественно значимые отношения: принципиальность, деловитость, условия для более полного проявления индивидуальностей, для развития людей. Следовательно, у перспективного коллектива преобладает тип отношений, которому свойственна высокая общественная ценность и который благодаря усилиям руководителя и всего коллектива может превратиться в преобладающий тип отношений между всеми членами коллектива.

Таким образом, для профессионального становления личности важна не та или иная формальная сетка межличностных отношений, а такой их тип, который представляет систему деловых и ценностных отношений, систему расстановки сил с учетом профессионального роста личностей, при которой требования к людям соотносятся с их возможностями. Этот тип отношений предъявляет требования не только к самим людям, их поведению, но и задает им эталон общения, создает деловую обстановку, атмосферу общения.

Вышесказанное позволяет подчеркнуть многоуровневость проблемы общения. Непосредственно наблюдаемые акты коммуникаций, средства общения, формы поведения, по-видимому, регулируются не только общающимися личностями, но и совместно создаваемыми отношениями. Качество отношений или дает простор, или ограничивает развитие субъектов общения. Высшим уровнем отношений является такой уровень, на котором реализуются нравственные ценности. Качество личности как субъекта общения, руководствующегося этическими принципами, заключается не только в том, чтобы строить свое поведение в соответствии с этими принципами. Активная борьба за достой-

ные обоих общающихся нравственные отношения, за их прочность, перспективу, а не только за отдельные поступки - такова подлинно этическая позиция субъектов - участников общения.

Отношения могут быть условно названы функциональными, если другой человек выступает как средство для достижения личных целей. Тогда общение строится только на основе соблюдения некоторых ситуативных правил, а отношения протекают лишь на поведенческом уровне, т.е. принимаются в расчет лишь поступки партнера, а не его отношение. Иной вид отношения принимают, когда один относится к другому как к личности. Это означает, что другим признается вся совокупность человеческих качеств и прав, в том числе и право быть непохожим на меня, право поступать в соответствии со своими интересами, право на собственный жизненный путь. Такое признание другой личности в значительной мере определяет характер складывающегося отношения. Будет ли это дружеский или деловой союз, он при всех условиях создает возможности для взаимного проявления личностных качеств. Такое отношение не ограничивает проявление способностей и черт личностей, которые включены в него, поэтому оно перспективно.

С.Л. Рубинштейн в книге «Человек и мир» раскрыл этическую основу человеческих отношений. Она заключается в признании самого существования другого человека. Он писал: ««Полюби нас черненькими, беленькими всякий нас полюбит» - подлинный смысл этого положения в том, чтобы любить человека не за тот или иной поступок, встретивший одобрение или порицание других людей, который может быть случайным, а за него самого, за его подлинную сущность, а не за его заслуги». Важно не то, как данный человек отнесется ко мне и что он захочет включить в сферу наших с ним отношений, а безотносительная ко мне, к моим потребностям и «интересам» объективная ценность его личности. Через анализ этого этического аспекта общения, в котором заключается подлинное общение субъектов, происходит сближение между личным и общественным, между «ближним» и «дальним». И здесь предстает иерархия ценностных отношений личности, характер ее жизненных отношений - к людям, к делу, к жизни в целом.

Характер общения личности является ее пробным камнем. Если человек способен на подлинное уважение к другому, на признание в нем личности, индивидуальности, если он еще не

может признать личностями всех, с кем ему приходится общаться, то это в первую очередь характеризует его самого. Независимо от того, выступает ли другой человек в качестве другого «я», близкого «ты» или в качестве более далекого «он», личность должна строить отношение к нему как к субъекту, а не как к объекту. Это не просто следование нормам и ценностям как таковым, а утверждение ценности другого человека посредством построения соответствующих отношений с ним. Такие отношения требуют от людей не просто умозрительного знания нравственных истин, а всех душевных сил и способностей, ума, такта, спокойствия, воли и доброты.

Очевидно, что выводить все общение из психологии личности было бы так же неверно, как и «вычитать» ее из общения, типизируя общение безотносительно к личности. На наш взгляд, психология общения вычленяет свой предмет тогда, когда рассматривает, как двое, вступая в контакт, создают нечто третье, что и представляет собой отношение между ними. Отношение между людьми может быть результатом уступок со стороны одного, равным, основанным на взаимоприемлемых условиях или взаимным сердечным согласием. Однако в любом из этих случаев оно есть некоторый «идеальный продукт» взаимных усилий. Этот «идеальный продукт» обнаруживается через позиции общающихся. В свою очередь отношение начинает детерминировать конкретные акты общения, стратегии и тактики его участников. Так, например, уступка одного, зафиксированная в установившихся отношениях, может вызвать у него постоянное глухое или открытое раздражение в адрес другого. Здесь можно говорить уже о том, что это чувство вызвано не самим по себе поведением или субъективным отношением другого, а именно положением подчиненности, зависимости в сложившихся отношениях. В каждом акте общения, в его конкретной ситуации воспроизводится с теми или иными вариациями тип установленного прежде отношения. Существенно, что характер частных актов и ситуаций общения обусловлен не только мотивами, чувствами личностей, но и логикой их общего, совместно созданного отношения.

В свою очередь предположение об отношениях людей как о некотором «идеальном продукте», о некотором «мосте», связывающем их, позволяет наметить в предварительном порядке типологию отношений. Одни отношения выступают как простая

кооперация, в рамках которой происходит своеобразное «разделение труда», взаимодополнение способностей друг друга. В таком случае две личности совместно создают то, что богаче и полнее каждой из них в отдельности. Другие отношения носят характер обмена, и, даже если речь идет об обмене духовными ценностями, это ограничивает их союз функциональными рамками. Характер и тех и других отношений бывает весьма сложным, позиции участников союза могут в известных пределах меняться, не нарушая его самого.

Общественная активность личности, ее самоопределение, «обособление» в составе коллективного субъекта связаны с комплексом отношений, в который входят по крайней мере три взаимосвязанных элемента: отношение к коллективному субъекту (его задачам, целям и способу организации); отношение к своему месту, занимаемому в коллективе; наконец, отношение к другим членам коллектива. Синтез двух первых отношений составляет социально-психологическую характеристику личности, задает способ ее отношений к другим. Так, например, в коллективе личность может выступать как исполнитель, отвечающий только за свой «участок», не всегда связанный с общим делом и общими целями коллектива. В этом случае она обычно и к другим относится как к таким же исполнителям. Этим задается в свою очередь и способ общения: оно будет включать и сочувствие, и симпатию, и взаимопонимание, но не содействие, не взаимопомощь. Противоположный способ связи первых двух отношений заключается в принятии целей коллектива как личных и соответствующее отношение его членов друг к другу как к товарищам по общему делу.

Как правило, для всех людей в нашем обществе чрезвычайно важна оценка коллектива (чем мы, однако, нередко пренебрегаем в общественной и организационной работе). В то же время важны и оценки отдельных индивидов, причем тип людей, оценки которых значимы для личности, обнаруживает характер ее ценностной позиции: для одних важна похвала начальства, для других - одобрение друга, для третьих - кто хвалит, тот и становится другом. Обнаруживается определенная взаимосвязь между выбором значимых людей, на оценку которых реально опирается личность, и ее отношением к оценкам коллектива в целом. Честолюбивый человек как бы не слышит плохого мнения о себе, низкой оценки; даже если это мнение всего коллектива,

он предпочтет мнение того, кто его хвалит. Человек, живущий интересами общего дела, всегда скорректирует оценку своих достоинств.

Зрелая личность, с гармоничной, непротиворечивой системой ценностных ориентаций, если они не совпадают с отношениями, сложившимися в группе, способна активно противостоять им, не только отстаивать свое мнение, но даже перестраивать отношения в этой группе. Если личность маскирует свою эгоистическую ориентацию, рассматривая членов группы как объекты и средства достижения своих целей, ее безразличие к ним рано или поздно проявится. Эгоистический характер ориентации обоих партнеров формирует временные союзы, основанные на деловом обмене услугами, на достижении каждым личных целей, где, как уже говорилось, партнер становится средством достижения этих целей. Этическая характеристика общения проявляется в том, каким образом другой включается в общение - как человек, представляющий интерес сам по себе, как человек, выступающий как цель моего с ним общения, или как объект, контакт с которым служит лишь моим личным целям, как функциональное средство (последний случай типичен для «отчужденного», безличного общения людей).

Межличностные отношения могут различаться по своему ценностному социальному содержанию и тем самым иметь разные последствия для участвующих в них личностей. Одни отношения, складывающиеся в группе, обезличивают людей, «учитывают» их лишь как исполнителей, другие (характерные для настоящего коллектива) открывают возможность для развития каждого. Поэтому тип отношений в коллективе всегда может быть содержательно охарактеризован по личностному основанию.

В содержательно-ценностном аспекте существует, по-видимому, непосредственная связь типа межличностных отношений, преобладающего в коллективе, и характера непосредственного общения. Высоко-моральные деловые отношения в коллективе создают такую атмосферу, в которой возникает и соответствующее личное общение (исчезают конфликты на почве зависти, неприязни и т.д.). Напротив, в нездоровом коллективе, который по характеру преобладающих в нем отношений фактически теряет это высокое звание, личное общение его членов приводит к их реальному отрицанию как субъектов в психологическом и социально-психологическом смысле слова. Хотя общение в этом случае происходит между личностями, по существу оно, как это ни парадоксально на первый взгляд, безлично, так как в нем

происходит абстрагирование от самого ценного - человека как личности, как субъекта, раскрывающего себя в общении.

К сожалению, не всегда при расстановке кадров, при организации коллектива учитываются проблемы организации общения людей, но если такая расстановка происходит на деловой основе, в соответствии с принципами справедливости и равенства, то это отражается и на характере непосредственного общения людей. Так, отношение руководителя к членам коллектива может не носить интимно-личный характер, и на первый взгляд создается впечатление, что здесь собственно личностные, индивидуальные качества исключаются из делового общения. Однако в расстановке кадров, в их оценке, в дозировании сложности заданий и в мере доверия и ответственности, возлагаемой на каждого персонально, реально учитывается перспектива развития работников, раскрытия их индивидуальных качеств, повышения их активности.

Общественная и организационная деятельность такого руководителя имеет своей целью не только выполнение плана, объем и качество продукции, но и предполагает развитие, профессиональное и деловое продвижение подчиненных. Решение общественных задач любыми другими способами, ориентированными лишь на производственные результаты, неизбежно приводит к духовным потерям, оборачивается моральными издержками. Отношения с людьми теряют свою прочность, поддерживаются только административно. Утрачивается главное - видение перспективы роста людей, их развития, а следовательно, и основа для построения делового общения, взаимопомощи и т.д.

Основная проблема в понимании собственно психологического аспекта общения состоит в том, чтобы точно определить то специфическое качество, в котором должны выступить его участники, и ту роль, которую общение играет в развитии личности. Оказываясь в той или иной типичной ситуации общения, личность вынуждена занимать определенную позицию, выбирать средства и принимать решения. Типичность ситуаций общения на первый взгляд ограничивает спектр поведения, предопределяет выбор средств и целей. На самом же деле личность становится субъектом того или иного поведения, отбрасывает те или иные средства общения как непригодные и т.д. Действуя в «рамках» разных типов общения (семейного, служебного, возрастного и т.д.), личность в свою очередь типизирует их по своему личностному основанию, причем, поскольку связи с людьми выступают в системе основных отношений личности к миру, последовательность реализуемых типов общения соотносится с особенностями ее жизненного пути.

Л. И. АНЦЫФЕРОВА¹

Некоторые теоретические проблемы психологии личности

Психологическая организация личности - одна из самых пластичных и динамичных организаций, известных науке. Стабильность, устойчивость органически сочетаются в ней с удивительной гибкостью, огромными компенсаторными резервами, возможностями перестройки, взаимозаменяемости, взаимодополнения ее компонентов, со способностью постоянно выходить за свои пределы, превосходить себя. Можно сказать, что основным способом существования личности является развитие, которое выражается в появлении личностно-психологических новообразований, переходе личностной системы на новый уровень функционирования и формирования новых психологических стратегий решения жизненных, социально-детерминированных задач. По мере становления личности растет целостность, интегративность ее психологической организации, усиливается взаимосвязь различных свойств и характеристик, накапливаются новые потенции развития. Происходит расширение и, главное, углубление связей личности с окружающим миром, обществом, другими людьми. Именно такое углубление, растущая многоуровневость отношений человека к миру, - один из важных критериев прогрессивного развития личности.

1. Зрелый возраст как период продолжающегося развития личности

Психическое и социальное развитие личности отнюдь не ограничено какими-то определенными отрезками времени, теми или иными периодами. Оно осуществляется на всех этапах жизненного пути человека. При этом каждый этап, наряду с общими закономерностями развития, характеризуется и особенными, специфичными лишь для него. С этой точки зрения период зрелости личности не может рассматриваться как некоторое конечное состояние, к которому направлено развитие и которым оно заканчивается.

¹ *Анцыферова Л.И.* Некоторые теоретические проблемы психологии личности. Вопросы психологии. № 1, 1978.

Наоборот, чем более зрелой с психологической и социальной точки зрения является личность, тем более возрастает ее способность к дальнейшему развитию. Период личностной зрелости открывает качественно новые и социально ценные возможности ее становления.

В период зрелости личности типы деятельности, являвшиеся ведущими на пройденных стадиях индивидуального развития: общение, исследование предметного мира, игра, учение, организационно-общественная деятельность, труд, воспитание нового поколения и т.д., - интегрируются и в своих полностью развитых формах порождают разные типы совмещенных способов жизнедеятельности человека.

Именно в период зрелости совершается кардинальной важности переход личности со стадии решения поставленных перед нею жизненных задач к стадии постановки новых проблем, к формулировке качественно новых задач.

Конкретные исследования развития структуры и функции психологической организации взрослой, зрелой личности только еще начинаются и касаются главным образом интеллектуальной сферы (внимания, памяти, мышления). Акцент на такого рода исследованиях объясняется, несомненно, тем, что именно интеллектуальные компоненты по мере становления личности играют все более и более важную роль в мотивационно-потребностной, эмоционально-аффективной и волевой сфере личности. Долговременные наблюдения и исследования показывают, что структура интеллекта взрослого человека в возрасте от 18 до 40 лет продолжает качественно меняться, возрастает количество корреляций между различными показателями развития мышления, усиливаются внутрифункциональные связи между отдельными сторонами мыслительной деятельности.

Генетически более ранние формы мышления отнюдь не теряют своего значения, не отступают на задний план, но продолжают развиваться. «С возрастом устанавливаются все более тесные и устойчивые связи между образным, вербально-логическим и практическим мышлением. Наблюдается усиление в умственной деятельности взрослого человека роли образного и практического мышления». При этом практическое мышление взрослых продолжает интенсивно развиваться под влиянием обучения, хотя это последнее, как известно, направлено, главным образом на формирование вербально-логического мышления.

Качественное преобразование практической мысли взрослых под влиянием теоретической доказывается тем фактом, что именно при решении практического типа задач наибольшее число неправильных ответов было получено в группе необучающихся испытуемых. Подводя итоги своим исследованиям, Е.И. Степанова пишет: «Взаимосвязи образных, вербально-логических и действенных компонентов мышления у обучающихся взрослых отличаются большей подвижностью, что сказывается в проявлении ими гибкости при решении задач, особенно практического типа. Учащиеся быстрее выходят за пределы привычных способов решения задачи».

Таким образом, интеллектуальное развитие личности отнюдь не заканчивается выделенной Ж. Пиаже стадией операционального интеллекта. Усложнение и развитие динамической структуры мышления зрелой личности позволяет ей подняться на новый уровень активности. Человек оказывается способным не только творчески решать поставленные задачи, но предусматривать и ставить новые задачи.

2. Системно-уровневая концепция развития личности

Положение о том, что развитие - основной способ существования личности на всех этапах ее индивидуального пути - выдвигает перед психологией в качестве одной из наиболее актуальных и наименее исследованных задачу психологического исследования целостного жизненного пути личности. Решение такой задачи невозможно без создания новых понятий, содержанием которых должна быть системно-диахроническая, т.е. развертывающаяся во времени структура жизненного пути личности. Назрела проблема временной организации жизнедеятельности личности, ее психологических ритмов, циклов и фаз.

Необходим переход от структурно-статичного исследования психологической организации личности к процессуально-динамическому. В философии в последнее время все более широко разрабатывается проблема исследования всех процессов развития как обладающих диахронической структурой, поскольку «время является важнейшей имманентной характеристикой любой целостной системы, рассматриваемой как в плане ее организации, так и в плане ее развития». «Процесс развития структу-

рирован и в смысле последовательной смены одних уровней организации другими, и в смысле организации (связи, этапов, стадий, фаз, факторов и т.п.) самого процесса развития, и в смысле материального субстрата».

Психологический анализ диахронической структуры развития личности на ее жизненном пути требует организации очень длительных пролонгированных исследований. За рубежом существует опыт таких исследований. В Гарварде, например, такого рода работа, продолжающаяся и в настоящее время, началась в 1872 г., в университете штата Айова - в 1915 г., в Иельском институте развития человека подобные исследования развернуты с 1925 г., а в Калифорнийском университете - с 1928 г. Хорошо известны также результаты пролонгированных исследований одаренных детей, начатых Л. Терменом в Стэнфордском университете. Недостатком всех этих исследований является слабость их теоретической базы, основанной на самых общих, глобальных, малодифференцированных представлениях о психологической организации человека.

Иной подход характерен для долговременных исследований, начатых под руководством Б.Г. Ананьева в 1965 г. и посвященных проблеме «Возрастная и индивидуальная изменчивость психики человека в различные периоды зрелости (взрослости)». Теоретической основой изучения эволюции психики в период от 18 до 40 лет служит все более углубляющийся системный подход. Детально раскрыта иерархически-уровневая структура отдельных психических функций, прослежено ее преобразование в различные макро- и микропериоды жизни человека, выявлены центральные образующие организации той или иной функции на разных этапах развития психических процессов. Так, например, изучение развития памяти у взрослых позволило выделить в качестве центральной характеристики памяти объем вербального запечатления долговременной памяти. В структуре мышления доминирующее положение занимает обобщение словесного материала. Роль этих центральных компонентов с возрастом все более увеличивается. Показано, что различные компоненты той или иной психической функции обладают разной мерой устойчивости. Так, устойчивость и концентрация внимания с возрастом не претерпевают существенных изменений, в то время как в объеме, переключении и избирательности внимания в разные микропериоды наблюдаются спады и подъемы.

В контексте данной статьи для нас важны эти результаты не сами по себе, но общий принцип исследования - принцип структурно-уровневого и системного анализа, который, несомненно, является полезным методологическим орудием и для раскрытия становления и эволюции психологической организации личности, ее мотивационно-потребностной, волевой, эмоционально-эффективной сферы, сферы ее способностей и характера, ее целостного развития.

При долговременном исследовании личности на первый план выступает принцип общественно-исторической обусловленности всех этапов и фаз жизненного пути человека - активного участника исторических событий своего времени. Однако этот принцип получил конкретное воплощение главным образом применительно к раннему периоду развития личности. Исторической природе детства посвящено немало исследований в нашей стране и за рубежом. Выявляется своеобразие периодов детства в условиях социалистического общества. Но не менее поразительна и интересна социально-историческая природа подросткового периода и юности. Этот факт получил широкое признание в мировой литературе. Так, Г. Бернард пишет: «Половая зрелость есть, конечно, естественный или физический процесс, но то, что мы называем юностью, представляет собой феномен западной цивилизации двадцатого столетия».

Современный этап общественного развития характеризуется тем, что юноше дается длительная отсрочка перед вступлением в мир взрослости - социально обусловленная и социально необходимая отсрочка.

В связи с этим возникает вопрос, на какие же фазы и этапы делится период юности, каковы особенности этого членения в условиях зрелого социалистического общества. Закрепленное в нашей Конституции право «на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей» касается прежде всего подросткового периода и периода юности и требует выявления психологических особенностей этих периодов на разных этапах общественно-исторического развития.

Несомненно, что период зрелости личности также включает несколько фаз. Но вопрос об их содержании и общественно-исторической обусловленности совсем не разработан в психологии.

Понимание индивидуального пути становления личности как многократных переходов от одной стадии или фазы к другой, от более простого уровня функционирования к более сложному ставит перед психологами - как и перед всеми исследователями, изучающими развитие, - необходимость конкретного разрешения парадокса развития (В.В. Орлов). Этот парадокс заключается в том, что высшее возникает из низшего, в котором высшего еще нет. Теоретической основой при разработке этого вопроса может быть введенное в философию понятие одноплоскостного развития, т.е. развития в пределах одного и того же уровня сложности. Психологические исследования подтверждают существование такого типа развития, обеспечивающего непрерывный его характер. Обобщая результаты изучения ранних этапов онтогенеза, А.В. Запорожец обосновывает гипотезу о существовании кроме стадияльного еще функционального развития, совершающегося внутри одной и той же стадии развития и ведущего к накоплению качественно новых элементов, которые и образуют потенциальный резерв развития или зачатки более сложного уровня функционирования.

Важно отметить при этом, что накапливающаяся на каждой стадии потенциальная сфера открывает возможность развития личности в разных направлениях и создает в то же время детерминанты реализации лишь некоторых из этих направлений. Положения о формировании в процессе деятельности потенциальной сферы или функционального запаса разработаны к настоящему времени применительно к мотивационной сфере личности (В.Г. Асеев), к способностям личности (Т.И. Армеева), к интеллекту (Я.А. Пономарев) и к деятельности оператора (В.П. Зинченко). Формирующиеся потенциальности, качественно новые элементы в побудительной и исполнительной сфере личности под влиянием новых жизненных задач, социальных требований порождают психологические новообразования и переход на новый уровень функционирования личности. Такой уровень характеризуется не только новым качеством личности, но и соответствующими ему новыми психологическими стратегиями и тактиками более эффективного решения жизненных задач.

Положение о том, что каждая стадия развития личности характеризуется особыми психологическими новообразованиями, новым принципом функционирования, означает, что все, в том числе самые ранние, стадии развития психики имеют непрехо-

дящее значение для полноценного формирования личности, для всей ее последующей судьбы. С этой точки зрения процесс развития личности необратим. Из этого тезиса, однако, отнюдь не следует, что сформировавшееся на ранних стадиях онтогенеза свойство личности не может быть радикально переделано на последующих этапах развития или даже вновь воспитано. Наоборот. Многочисленные исследования позволяют сделать оптимистический вывод об огромных возможностях преобразования, перевоспитания личности, предупреждения формирования нежелательных ее свойств. И все же процесс развития личности необратим. Парадокс этот находит свое разрешение в положении о том, что одни и те же черты личности, но сформированные на разных стадиях развития личности или возникающие в результате перевоспитания личности, по своей психологической структуре будут значительно отличаться друг от друга. Будут иными и условия их формирования, и механизмы функционирования.

Исследования убедительно показывают, что новообразования каждого уровня, каждой стадии развития личности продолжают развиваться и формироваться, включаясь в состав последующей стадии или более высокого уровня развития. (Они могут, разумеется, также деформироваться и заменяться иными.) Так, например, качества общительности, эмпатии, доверительного отношения к миру, сформировавшиеся в первые три года жизни ребенка, продолжают развиваться в психологической структуре личности в последующие годы, они начинают регулировать более сложные формы поведения, возникающие в ходе общения ребенка со все более широкими социальными группами. Становясь основой новых психологических образований, ранее сформированные свойства личности преобразуются под влиянием этих последних, приобретая системные качества более высоких уровней личностного развития. При этом меняется и качество целостного формирования личности.

Принцип непреходящего значения и в то же время качественного преобразования и обогащения психологических стратегий, тактик и свойств личности в составе высших уровней развития позволяет обосновать структурно-уровневую концепцию психологической организации личности.

Представления об уровневой организации личности являются составной частью многих теорий личности, в том числе психо-

логических. Выделяют произвольный и произвольный уровень деятельности личности, говорят о бессознательном, предсознательном, постсознательном и сознаваемом уровнях ее функционирования. В обосновываемой концепции анализ ведется в ином аспекте. В ней предлагается решение вопроса о том, как связаны друг с другом онтогенетические стадии или уровни развития личности с психологической организацией личности. Выдвигается предположение о том, что пройденные личностью стадии развития постепенно складываются в иерархическую организацию, в составе которой позднейшие психологические новообразования, стратегии и тактики не отменяют, но качественно видоизменяют - обогащают, ограничивают, регулируют, подчиняют себе образования более ранних стадий и уровней через включение их в новые системы психологических отношений личности к миру, в новые жизненные позиции.

Идея о том, что у взрослого человека каждая из пройденных им онтогенетических стадий соответствует определенному уровню в иерархии его поведения, была разработана Ж. Пиаже применительно к развитию интеллекта. Критикуя ее, С.Л. Рубинштейн убедительно доказал, что положение Ж. Пиаже не учитывает факта качественного преобразования генетически позднейшими и более сложными уровнями предшествующих, более простых.

Несомненно, что эти идеи могут быть применены и для решения проблемы связи онтогенетических стадий развития личности с ее системной организацией.

Чем дальше продвигается человек по жизненному пути, тем более значительное место в структуре личности начинают занимать конфигурации свойств или черт, сформировавшиеся как реакции индивида на свои собственные качества и формы поведения. Можно выделить комплексы защитных, компенсирующих, дополняющих, усиливающих, акцентированных и других свойств. Они постепенно становятся функционально автономными и начинают определять типы и уровни личностного функционирования человека. Личность, таким образом, творит, создает себя.

Можно предполагать, что свободный и легкий переход от одного уровня функционирования личности к другому, способность определенное время функционировать на более простом уровне, требующем меньшего психологического напряжения, и

вновь без особых усилий возвращаться на более высокий уровень являются признаком и залогом психологического здоровья личности.

Существуют наблюдения, которые показывают, что в определенных ситуациях у человека появляются формы поведения, по некоторым внешним признакам, по психологической тактике сходные с поведением, характерным для ранних этапов онтогенетического развития личности. В качестве примера часто приводят «детское» поведение, нередко наблюдающееся у будущих молодых матерей. Такое явление обычно называют регрессией, но оно отнюдь не является действительным возвращением к ранним формам поведения. Это уровень функционирования зрелой личности, необходимый в данном конкретном случае для эффективного эмпатического эмоционального общения с маленьким ребенком.

Аналогичным образом и в патопсихологических случаях, при распаде или функциональном нарушении высших уровней функционирования личности, отнюдь не происходит возвращения к ранее пройденным стадиям ее развития. Более того, патологический процесс захватывает, несомненно, все уровни личностной организации, в результате чего даже элементарные формы поведения патологически измененной личности качественно отличаются от сходных с ними, но характерных для ранних этапов ее становления.

3. О роли противоречий и гармонии в развитии личности

Проблема взаимосвязи стадий, фаз или уровней психического развития тесно связана с вопросом о механизмах или движущих силах психического развития личности, обуславливающих смену уровней.

Наши советские психологи, разрабатывающие диалектическую теорию психического развития личности, справедливо подчеркивают и выявляют роль борьбы противоположностей и противоречий между ними как движущей силы перехода от стадии к стадии и накопления новых потенций развития. В настоящее время проблемы диалектики развития начинают все более привлекать внимание и зарубежных психологов. Об этом свидетельствует, в частности, обширная статья К. Ригеля «Диалекти-

ка человеческого развития», в которой доказывается, что развитие осуществляется путем противоречий, которые создают расхождения и конфликты. К. Ригель выступает против того широко распространенного в зарубежной, особенно американской психологии мнения, что развитие направлено к состоянию равновесия, покоя, стабильности. Сходным образом Дж. Ланджер, исследуя развитие личности ребенка, обосновывает гипотезу о том, что одним из механизмов такого развития может быть нарушение равновесия между желаемыми целями и недостаточными для их достижения средствами. При этом он предполагает, что новые средства, необходимые для достижения поставленных целей, содержат в себе более широкие возможности, выходящие за пределы этих целей. В свою очередь, новые цели побуждают снова к поиску новых средств.

Изучая противоречия, лежащие в основе развития психической организации личности, исследователи до сих пор не выходили за пределы представлений об аморфной множественности противоположностей, борьба между которыми служит механизмом обогащения и качественного преобразования личностных уровней функционирования. Однако в последнее время выдвинута гипотеза, заслуживающая серьезного внимания, о сложной совмещенной структуре противоречий, движущих психическое развитие (В.Г. Асеев). Так, например, противоречие между сложившимися личностными свойствами (функциональными возможностями) и объективно требуемыми качествами создает устойчивое, относительно неизменное «поле детерминации», под влиянием которого специфическим образом вступают в действие конкретные механизмы конкретных ситуативных противоречий.

При разработке проблемы движущих сил личностного развития индивида исследователи до сих пор все внимание уделяли механизмам возникновения и разрешения противоречий, борьбе противоположностей. Но всегда ли между противоположностями существуют отношения противоречия и только ли отношения противоречия между противоположностями являются движущей силой психического развития личности? Диалектический подход требует исследования и другой стороны детерминации развития - гармонии противоположностей, их отношения взаимодополнения, гармонического разрешения борьбы между ними как движущей силы развития личности. Постановка этого вопроса вытекает из следующих соображений. Прежде всего,

выдвижение на первый план важной социальной задачи формирования всесторонне и гармонично развитой личности включает уже в себе идею того, что гармоничность личности выступает существенной движущей силой дальнейшего полноценного развития человека. Второе соображение касается закономерностей работы функциональных систем, выделенных П.К. Анохиным. Как показал Анохин, элементы системы связаны друг с другом не просто отношениями взаимодействия, но отношениями содействия. Логично предполагать, что именно по принципу содействия связаны друг с другом компоненты психологической организации личности. Естественно, что в высокодифференцированной системе содействие предполагает наличие элементов, выполняющих не просто различные, но и противоположные функции, гармоническое единство которых, взаимодополнение позволяют системе успешно функционировать и развиваться.

Наконец, в философской литературе начинается разработка положения о гармонии как движущей силе развития. Не лишено оснований предположение о том, что именно в гармонический период развития происходит накопление качественно нового, а также порождение новых противоположностей и противоречий.

К такому выводу подводит философский анализ процесса развития систем. На этапе усиленной дифференциации системы вновь возникающие ее компоненты для наиболее полного выявления всех своих возможностей должны включиться в возможно более широкие и разнообразные связи с другими элементами. Иначе говоря, как пишет А.Н. Аверьянов, «дифференциация не заканчивается образованием элементов с различными функциональными свойствами. Она идет дальше. Противоречия между ними остаются, наряду с тенденцией к гармонии. В этот период особенно отчетливо проявляется роль гармонии как движущей силы развития системы в целом. Взаимодополняя друг друга, координируясь друг с другом, элементы системы получают больше возможностей для развития. Таким образом решается известный спор о гармонии как движущей силе развития. Да, гармоническое взаимодействие на определенном этапе развития системы выступает его движущей силой. Но именно противоречия продолжают способствовать дальнейшей дифференциации элементов системы».

С позиций взаимодополнения и борьбы противоположностей можно рассмотреть соотношение сензитивных и критических

периодов психического развития, необходимость четкого различения которых подчеркнута Н.С. Лейтесом. Критические периоды обычно описываются как периоды снижения темпа развития, повышенной уязвимости, переоценки ценностей, нередко внутреннего метания. В то же время многие исследования показывают, что именно после успешного разрешения кризисов у индивида наблюдается прилив новых сил, стремительное овладение новыми областями деятельности, повышается мотивация к достижению, формируются новые способности. Здесь гармония взаимодополнения мотивов, способностей, возможностей, собственного стремления к достижению и социальных требований выступает как движущая сила развития, как механизм возникновения новых противоречий и подготовки новой стадии развития.

Разумеется, и в механизме гармонии действуют противоположности, в частности важная противоположность между желаемым и достигнутым, между идеалом и его осуществлением. Но противоречия между ними весьма сглажены: достигнутое для субъекта выступает как важная ступень достижения желаемого или даже как его часть.

4. Образ жизни и развитие личности

Психологическое развитие личности существенным образом зависит от образа жизни индивида. Образ жизни можно определить как «устоявшиеся, типичные для исторически конкретных социальных отношений формы индивидуальной и групповой жизнедеятельности людей, которые характеризуют особенности их общения, поведения и склада мышления в сферах труда, общественно-политической деятельности, быта и досуга». Можно, однако, выдвинуть предположение о том, что развитие личности определяется образом жизни не непосредственно, а опосредствованно - через психологический стиль жизни индивида. В философско-социологической литературе проводится различие между образом жизни и жизненным стилем или стилем жизни как социально-психологическим явлением. Под психологическим стилем жизни мы понимаем психологические механизмы социальной жизнедеятельности человека.

Для психолога важно выяснить, каково психологическое обеспечение одного и того же образа жизни у разных индивидов, какой психологической ценой платит человек за свой образ жизни.

Личности с разными психологическими стилями могут вести с социологической точки зрения сходный образ жизни.

Изучение типологии психологических жизненных стилей - важная проблема психологии личности. В литературе существуют описания по крайней мере двух таких типов - способствующих и препятствующих полноценному и гармоничному развитию личности.

Приведем лишь несколько характеристик первого. Он отличается творчеством, созидательностью, реализующейся без чрезмерных, истощающих усилий со стороны индивида. Общение с другими осуществляется легко, оно не затруднено повышенной уязвимостью, обидчивостью, боязнью критики. Такая личность не боится пересматривать, корректировать свои жизненные планы и перспективы. Оценки других и мнения воспринимаются адекватно и сопоставляются с собственными. Отсутствует амбивалентность в чувствах по отношению к окружающим. Такая личность чувствует себя ответственной за собственную жизнь, которая воспринимается индивидом как результат его свободного выбора. Многие другие психологические характеристики таких личностей выявлены Маслоу в его исследовании так называемых самоактуализирующихся личностей.

Иными, порой противоположными чертами характеризуется психологический стиль жизни, который нередко называют невротическим. Личность, живущая таким стилем, воспринимает свои планы и проекты как навязанные извне и их осуществление не воспринимается как личная необходимость. За свою продуктивность она платит дорогой ценой. Препятствием для реализации горячо желаемых целей выступает высокая уязвимость, неумение строить отношения с окружающими. Боязнь неуспеха преобладает над желанием успеха. В своей жизнедеятельности такая личность постоянно прибегает к разным формам психологической защиты. Собственные мнения и проекты она утверждает, только обесценивая мнения других людей. Постоянная психическая напряженность, неуверенность в себе препятствуют полноценному развитию личности и актуализации всех ее возможностей.

Разные психологические стили жизни проявляются и в профессионально-трудовой жизни, и в семейных отношениях, и в самом широком общении с окружающими. Эта проблема типологии психологических способов осуществления образа жизни

совсем не разработана, а между тем в комплексе проблем, касающихся психологии развития личности, она занимает немало-важное место. Важно при этом подчеркнуть, что психологические механизмы, психологические стратегии и тактики образа жизни индивида отнюдь не являются имманентно присущими человеку. Они формируются, складываются и закрепляются в процессе индивидуальной жизнедеятельности, которая представляет собой индивидуальную форму реализации образа жизни людей в определенных конкретно-исторических условиях. С этой точки зрения постулируемая, например, Маслоу потребность в самоактуализации, в творчестве, потребность реализовать все свои потенции является продуктом социального отношения индивида к обществу, ответом индивида на требования общества. Однако не всякое общество требует от каждого индивида самоактуализации и обеспечивает для этого условия. Лишь социалистическое общество впервые выдвинуло в качестве социальной задачи положение о необходимости полное самоактуализации своих членов («от каждого по способностям») и создало возможности для его воплощения в жизнь.

**Движущие силы
и условия развития личности**

Среда, наследственность и развитие личности

Секрет любых вечных проблем в науке заключается в способе их постановки, определяемом принятыми в данной культуре нормами и установками научного мышления. Если в течение нескольких столетий исследователи вновь и вновь поднимают один и тот же вопрос и не могут прийти к его решению, то стоит усомниться, верно ли поставлен сам вопрос, не нуждается ли он в переформулировке. К числу таких вечных вопросов относится и проблема соотношения биологического и социального в человеке.

В психологии эта проблема фигурирует под разными названиями: соотношение среды и наследственности; степень «животности» и степень «человечности» в личности; роль «ситуации» и «диспозиции» (черт личности, прошлого опыта, задатков) в объяснении причин поведения личности; внутренняя и внешняя детерминация развития личности; объективные и субъективные факторы ее развития; соотношение общественного и индивидуального в поступках личности и ее восприятии мира и т.п.

Сторонники представлений о главенствующей роли «среды», «ситуации», «общества», «объективной» и «внешней» детерминации развития личности, как бы ни различались их позиции в интерпретации всех этих понятий, находят множество аргументов в пользу того, что человек представляет собой продукт воздействующих на него обстоятельств, из анализа которых можно вывести общие закономерности жизни личности. Кто будет отрицать самые обычные факты о том, что поведение личности ребенка изменяется в саду, школе, на спортплощадке, в семье.

¹ Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. Москва - Воронеж. 1996.

Под влиянием других людей ребенок начинает копировать их манеры, усваивает в обществе разные социальные роли, получает из школьной «среды» массу новых знаний. У людей разных культур - разные обычаи, традиции и стереотипы поведения. Без анализа всех этих «внешних», совсем неэкзотических факторов вряд ли удастся предсказать поведение личности. В сфере этих фактов и черпают свои аргументы сторонники различных теорий «среды», начиная со старых позиций «эмпиризма», согласно которым пришедший в мир человек - «чистая доска», на которой «среда» выводит свои узоры, - до концепции современного «ситуационизма» (В. Мишель) в теориях личности. В этих появившихся в 70-х гг. концепциях личности с упорством отстаивается мнение о том, что люди изначально не делятся на частных и бесчестных, агрессивных и альтруистичных, а становятся таковыми под давлением со стороны «ситуации». Каскад подтверждающих эту позицию экспериментальных исследований, варьирующих «независимые» внешние переменные, поддерживает «победоносное» шествие сторонников современного варианта теорий «среды».

Однако, по меткому замечанию известного психолога начала XX в. В. Штерна, старые нативистские установки (native - врожденное) опираются на не менее достоверные факты, поддерживающие победоносное шествие концепции «наследственности», традиционно объясняющей развитие и поведение личности врожденными задатками, конституцией человека и, наконец, его генотипом. В более современной и не столь жестко привязанной к врожденным факторам форме теория «наследственности» выступает в различных «диспозиционных» подходах к личности, исходящих при объяснении поведения из «врожденных» или «приобретенных» черт личности, характерологических особенностей, т.е. различных внутренних факторов, которые определяют прежде всего индивидуальные различия в поведении человека. Какой бы пагубной ни была «среда», настоящие таланты пробивают себе дорогу, их задатки могут прорасти в любых, даже неблагоприятных внешних условиях. Так утверждают представители теории «наследственности» в ее традиционном варианте. Но кто станет отрицать, что человек, как и любое другое живое существо, обладает многими общими с животными фор-

мами поведения: ест, пьет, спит, размножается. В письме А. Эйнштейну основатель психоанализа З. Фрейд констатирует, что человеку от природы присуща агрессивность. Та же самая натура человека становится территорией для поиска индивидуальных различий в человеческих действиях, их отклонений от нормативного типичного поведения, предписанного обществом. Один из специалистов в области изучения мотивации поведения личности Х. Хекхаузен выделяет *три* параметра индивидуального действия личности, которые нелегко объяснить с помощью внешних «ситуационных» или «средовых» факторов.

Первый параметр - это степень соответствия действия человека действиям других людей. Чем больше действие отклоняется от типичных действий большинства людей, тем вероятнее, что за ним стоят «внутренние» личностные факторы - внутренние «диспозиции» (предрасположенности к действиям). В зале библиотеки все, как правило, сидят за своими местами, а один человек, несмотря на недоуменные взгляды окружающих, становится на стул коленями и пишет. Этот человек имеет тенденцию к нонконформности или же обладает индивидуальным полнезависимым стилем поведения. *Второй* параметр - степень соответствия действия человека его же действиям в других происходящих в близкое время ситуациях. *Третий* параметр индивидуального действия - степень его соответствия действиям, которые имели место в прошлом в сходных ситуациях (стабильность во времени). Если при повторяющейся сходной ситуации человек ведет себя по-иному, то есть основания, чтобы объяснить подобную перемену его поведения «внутренними», «индивидуальными», а не «средовыми», «социальными» факторами¹. Подобного рода устойчивость индивидуальных действий личности, как бы ни менялась вокруг «среда», используется представителями теории черт личности в дискуссиях со сторонниками «ситуационных» концепций личности.

Чаша весов, на которые ложатся факты сторонников «среды» и «наследственности» в любых модификациях этих подходов, непрерывно колеблется. Как правило, эти факты дают про-

¹ См.: Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. Т. I. М., 1986. С. 15.

стор для противоположных интерпретаций. Так, в родословной Бахов кроме И.С. Баха было еще несколько десятков музыкантов. Для сторонников концепции «наследственности» - это яркий пример передачи задатков музыкальных способностей из одного поколения в другое.

В тех же фактах представители концепций «среды» видят социально-психологический механизм, иллюстрирующий роль традиций, психологического климата в семье Бахов. Другой пример такого рода фактов - это появившееся в начале 80-х гг. сообщение, что мужчины с ХУУ-хромосомной конституцией, т.е. с лишней Y-хромосомой, чаще встречаются среди заключенных в тюрьме, чем мужчины с соответствующей норме хромосомной конституцией. Эти факты, возродившие мифы о гене «преступности», впоследствии не подтвердились. Чаша весов вновь склонилась в пользу представителей теории «среды». Однако сами по себе эти факты, по мнению советского генетика Н.П. Бочкова, равным счетом ничего не говорят ни в пользу теории «среды», ни теории «наследственности». Преступность, естественно, не детерминируется хромосомной конституцией. Тем не менее наличие хромосомного набора ХУУ ненормально для человека, что может повлечь за собой патологические изменения его поведения, а тем самым увеличить вероятность возникновения асоциальных поступков.

Представления о «наследственной» и «средовой» детерминации развития личности отличаются поразительной жизнестойкостью. Вместе с тем лежащий в их основе механистический «линейный» детерминизм уже вначале вызвал оппозицию. В конце нашего века эта оппозиция в принципе сохранилась, а дискуссия о соотношении «средового» и «наследственного» факторов была переведена в плоскость экспериментальных исследований, в частности исследований проблемы устойчивости и изменчивости свойств личности в изменяющихся ситуациях. К чему же в итоге привели эти многочисленные исследования, современная полемика между сторонниками теории «черт личности», пытающихся прогнозировать поведение человека на основе устойчивого набора присущих ему предрасположенностей к действиям, и сторонниками «ситуационных» концепций личности, строящих прогнозы человеческого поведения на основе ва-

рыирования ситуаций. Раскрывая ограниченность этих противоборствующих подходов, А.М. Эткинд обращает внимание на весьма красноречивый результат, ставший итогом экспериментальных исследований в этой области: за реальную изменчивость поведения различия между ситуациями, взятые сами по себе, и различия между людьми, взятые сами по себе, отвечают лишь в 10% случаев². Подобный итог исследований, за которыми стоит постановка проблемы «среда или диспозиция», лишний раз убеждает в том, что проблема исходно поставлена в некорректной форме. Но если ни ситуация сама по себе, ни личность сама по себе не определяют большинство человеческих поступков, то что же их определяет? Ответ на этот вопрос в самых разных подходах к исследованию причин поведения личности звучит следующим образом: *взаимодействие* между личностью и ситуацией, взаимодействие между средой и наследственностью³.

Выход из положения был найден в различного рода *двухфакторных теориях детерминации развития личности*, которые до сих пор определяют постановку проблемы о соотношении биологического и социального в человеке, а также методы ее изучения.

Существует три наиболее распространенных варианта двухфакторных теорий, или, как их иногда называют, «концепций двойной детерминации развития» личности человека: *теория конвергенции двух факторов* (В. Штерн), *теория конфронтации двух факторов* (З. Фрейд) и *концепция взаимодействия двух факторов*.

Теория конвергенции двух факторов. В. Штерн, предложивший эту теорию, с подкупающей откровенностью писал, что его концепция представляет компромиссный вариант между теориями «среды» и теориями «наследственности»: «Если из двух противоположных точек зрения каждая может опереться на серьезные основания, то истина должна заключаться в соединении их обеих: душевное развитие не есть простое выступление

² См.: Эткинд А.М. От свойств к взаимодействиям: становление системной ориентации в психологии личности // Системные исследования. М., 1982.

³ См.: Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. Т.1. М., 1986.

прирожденных свойств, но и не простое восприятие внешних воздействий, а результат *конвергенции* внутренних данных с внешними условиями развития. Эта «конвергенция» имеет силу как для основных *черт*, так и для отдельных явлений развития. Ни о какой функции, ни о каком свойстве нельзя спрашивать: «Происходит ли оно извне или изнутри?», а нужно спрашивать: «Что в нем происходит извне? *Что* изнутри? Так как то и другое принимает участие - только неодинаковое в разных случаях - в его осуществлении»⁴. Иными словами, В. Штерн считает, что личность выступает как продукт социальной среды, т.е. социального фактора, так и наследственных predispositions, которые достаются человеку от рождения, т.е. биологического фактора. Социальный фактор (среда) и биологический фактор (диспозиции организма) приводят к возникновению нового состояния личности. Впоследствии Г. Оллпорт специально подчеркнул, что предложенная В. Штерном схема или принцип «конвергенции» не является собственно психологическим принципом, а взаимодействие сил «среды» и «сил», исходящих из организма, является выражением *диалектического* взаимоотношения организма и среды.

Г. Оллпорт прав, утверждая, что схема конвергенции, предложенная философом и психологом В. Штерном, является по своему характеру методологической схемой, выходящей за рамки психологии. Дискуссии о соотношении биологического и социального, длящиеся более семидесяти лет между биологами, социологами, психологами, медиками и т.п. после выделения схемы «конвергенции» двух факторов («сил»), опирались на эту схему как на нечто само собой разумеющееся. Нередко независимо от В. Штерна и Г. Оллпорта эта схема характеризовалась как «диалектическое» взаимодействие двух факторов. Однако, оттого что к складыванию двух противоположных «факторов» прибавляется термин «диалектика», ни методологический анализ развития человека в природе и обществе, ни конкретно-психологическое исследование механизмов развития личности в мире человека не продвигаются ни на шаг. Напротив, использование мнимой «диалектики» создает опасную видимость решения проблемы там, где нет ни методологически корректной постановки

⁴ Штерн В. Психология раннего детства. Петроград, 1915. С. 20.

вопроса, ни конкретно-научных поисков путей его решения. В связи с этим, например, А.Н. Леонтьев предостерегал против легкомысленной «псевдодialeктики», за которой стоит признанная самим В. Штерном эклектическая позиция, исходный *дуализм* механистически сложенного биологического и социального в жизни человека.

Теория конфронтации двух факторов. Другой теорией, пытающейся решить вопрос о детерминации развития личности, а тем самым вопрос о взаимодействии биологического и социального, является теория конфронтации двух факторов, их противоборства. Эта теория выступила в психоанализе З. Фрейда, а затем в индивидуальной психологии А. Адлера, аналитической психологии К. Юнга, а также многих представителей неопрейдизма (Э. Фромм, К. Хорни и др.). В менее явной форме идея о конфликте между биологическим и социальным проявилась в большинстве направлений изучения личности в западной психологии. З. Фрейд считал, что любая динамика и развитие жизни могут быть поняты, исходя из изучения двух принципов душевной деятельности - принципа стремления к удовольствию (избегания неудовольствия) и принципа реальности. В соответствии с принципом реальности «душевной аппарат» человека вынужден считаться с реальными отношениями мира, а также стремиться преобразовать их. Благодаря «воспитанию» удается временно примирить те силы, которые сталкиваются из-за противоборства принципа реальности и принципа удовольствия. Если человек, побуждаемый либидозной энергией, стремится к получению удовольствия, то реальная социальная среда накладывает свои нормы, свои запреты, препятствующие достижению той или иной потребности. С позиции внешнего наблюдателя конфронтация двух факторов предстает как конфликт между культурой, обществом и влечениями личности. Во внутреннем плане конфронтация биологического и социального обозначается З. Фрейдом через изначальный конфликт между различными инстанциями личности - «Сверх-Я» и «Оно». Сверх-Я представляет в организации личности социальные нормы, усвоенные в ходе развития субъекта под давлением принципа реальности, а Оно в основном отражает спрятанное в глубинах организма природное начало.

Теория конфронтации двух факторов неоднократно подвергалась критическому анализу в психологии и философии. При этом подчеркивалось, что в мировоззренческом плане предложенные З. Фрейдом схемы влекут за собой резкое противопоставление «личность» и «общество». Пансексуализм психоаналитической теории З. Фрейда, его настойчивое стремление видеть в метаморфозах либидозных первичных порывов объяснительный принцип любых проявлений не только жизни личности, но и общественных движений в истории человечества, привел к появлению «отступников» в рядах сторонников психоанализа. Многочисленные попытки вначале К. Юнга и А. Адлера, а затем К. Хорни, Э. Фромма и многих других неофрейдистов ограничить сферу действия либидозных порывов как объяснительного принципа развития личности шли по пути «социологизации» психоанализа, а также поиска фактов, доказывающих ограниченное значение сексуальных влечений в жизни личности. Известно, что З. Фрейд не принял ни этих попыток «социологизации» психоанализа, ни этих фактов, ни обвинений в биологизаторстве. Дело заключается в том, что З. Фрейд и его критики общались на разных уровнях методологии науки. Ни один из неофрейдистов, как, впрочем, и их противники в рядах гуманистической психологии, социального бихевиоризма, ролевых подходов к изучению личности, не вышел за рамки *метапсихологии* традиционного психоанализа, обоснованной З. Фрейдом в его исследовании «По ту сторону принципа удовольствия». Этими рамками являются выведение развития жизни, истории организмов из борьбы конструктивной тенденции к *ассимиляции* (поддержанию жизни и ее развитию) и разрушающей тенденции к *диссимиляции* (стремлению к распаду, к смерти), конечной целью которой является присущая любой органической жизни тяга к восстановлению прежнего состояния. Тягу к восстановлению прежнего состояния З. Фрейд и охарактеризовал понятием «либидо», или первичный порыв, за которым стоит, по его выражению, в разных формах дуализм двух тенденций, в частности в виде конфликта Оно и Сверх-Я. Невосприимчивость З. Фрейда к подобной критике имеет своим объективным основанием то, что на методологическом уровне большинство его противников критиковали частности, сами оставаясь в рам-

ках схемы противоборства двух факторов, обеспечивающих в конечном итоге *адаптацию* индивида и вида. а также историю их эволюции.

Методологическая платформа психоанализа и его современных вариантов не будет расшатана от полупризнаний и социально-экономических прививок к психоаналитической доктрине, которые используют неофрейдисты, отправившиеся за поиском истины: «Феномены социальной психологии должны, быть объяснены как процессы активной и пассивной *адаптации* инстинктивного аппарата к социально-экономической ситуации. В определенных аспектах инстинктивный аппарат как таковой является биологически данным; но он в высокой степени подвержен преобразованиям. Роль первичных формационных (образующих) факторов переходит к экономическим условиям. Через семью экономическая ситуация оказывает свое образующее влияние на индивидуальную психику. Задача социальной психологии заключается в том, чтобы объяснить долю психических установок и идеологии - в особенности их бессознательных корней - через влияние экономических условий на либидозные порывы»⁵. В неофрейдизме к биологическому фактору прибавляется солидный социально-экономический фактор, а лежащие в основе развивающиеся системы закономерности эволюции полностью остаются согласующимися с их пониманием в метапсихологии психоанализа.

Двухфакторные схемы детерминации развития личности в результате подобной критики уточняются, «переодеваются» в новые термины, но содержание их остается неизменным. В связи с этим особенно сложной становится задача их критического анализа, выделения тех реальных фактов, на которые опираются в современной психологии личности схемы двухфакторной детерминации развития личности, а также тех устойчивых стереотипов, схематизмов сознания в мышлении ученых, которые препятствуют продуктивной постановке проблемы биологического и социального в человекознании.

⁵ From Э. The Crisis of Psychoanalysis. Essays on Freud, Marx and Social Psychology. 1978, P. 164.

Методологические предпосылки концепций двойной детерминации развития личности

3. Фрейд и В. Штерн по праву считаются классиками современной психологии личности, а не исследователями, чьи идеи принадлежат лишь истории. Именно поэтому следует со всей тщательностью осмыслить лежащие в основе их теорий методологические предпосылки концепции двойной детерминации развития личности.

При всем различии подходов к изучению соотношения «среды» и «наследственности», «степени животности» и «степени человечности», «индивидуального» и общественного в развитии человека эти подходы опираются на некоторые общие методологические установки.

Антропоцентристская парадигма мышления. Сущность человека предполагается либо в самом человеке, либо в воздействующей на него среде (биологической, социальной или физической). Тем самым на уровне философской методологии разработка проблемы соотношения биологического и социального ведется в контексте биологизированной, социологизированной или психологизированной *антропоцентрической* парадигмы мышления о человеке, изучающей «человека вне мира», а «мир вне человека». Иными словами, из антропоцентрической парадигмы мышления вытекает *дуалистический* взгляд на человека, приводящий к изъятию человека из природы и общества, а затем с помощью схем двухфакторной детерминации развития человека превращающий его в кентавра из древнегреческих мифов - полуживотное, получеловека, полубиологическое, полусоциальное существо.

Абсолютизация филогенетических, социогенетических, онтогенетических закономерностей развития человека. Из антропоцентрической парадигмы мышления о человеке вытекает либо взгляд на человека *вне истории* его развития, либо абсолютизация закономерностей какого-либо этапа естественноисторического процесса эволюции человека.

Бушующие дискуссии о «степени животности» или «степени человечности» человека, как правило, начинают свое обсуждение «биосоциальной» природы человека с рассмотрения его в

онтогенезе, либо совершают рекордный по временному интервалу прыжок из филогенеза в онтогенез. При этом изменения человека в ходе эволюции его образа жизни в антропогенезе и социогенезе полностью сбрасываются со счетов.

Человек - существо социально-генетическое не только потому, что он родился в обществе. За его появлением на свет стоит сложный процесс преобразования эволюционных закономерностей образа жизни в истории филогенеза, антропогенеза и социогенеза.

В связи с этим постановка вопроса о «степени животности» и «степени социальности» человека в обществе некорректна в самой своей основе. Она, во-первых, изолирует человека из системы общества, в которой он только и существует; во-вторых, абстрагируется от истории преобразования образа жизни человеческого вида в антропогенезе и социогенезе, игнорирует специфику истории человеческого вида в эволюции, смену закономерностей этой эволюции.

Поэтому, например, бихевиористы, изучающие человека как «стимульно-реактивное» существо, взаимодействующее с той же средой, что и животные, допускают не только неправомочную абстракцию от закономерностей развития человека в истории общества. Они допускают также и необоснованную абстракцию как биологи, отождествляя закономерности развития вида «человека» с закономерностями других видов. Аналогичную двойную абстракцию проделывает и социобиология, перенося закономерности развития «общественных» насекомых на закономерности человеческого вида и общества.

Своего рода образцом скачка из филогенеза и эмбриогенеза в область изучения типологии личности служит конституционная концепция личности У. Шелдона. Беря за основание своей концепции понятие «соматотония» (тип телосложения), У. Шелдон из трех слоев зародышевых листиков в эмбриогенезе - энтодермы (из энтодермы образуются внутренние органы), мезодермы (из мезодермы образуются мышечные ткани) и эктодермы (из эктодермы развиваются кожа и нервные ткани) выводит разные соматотипы, из них - типы темперамента, из них - характер личности, а затем и закономерности развития общества. Закономерности эмбриогенеза организма, присущие самым раз-

ным биологическим видам в филогенезе, абсолютизируются и возводятся в ранг закономерностей развития общества. На место закономерностей развития общества становятся закономерности филогенеза и эмбриогенеза, присущие разным биологическим видам. Концепция У. Шелдона опять же не только не учитывает социального происхождения личности. Она еще в большей степени, чем концепции бихевиористов, погружает процесс развития человека в самые глубокие пласты биологической эволюции, забывая о биологической специфике вида *Homo sapiens*.

Примером абсолютизации закономерностей социогенеза и их прямого переноса на онтогенез личности является концепция рекапитуляции С. Холла, который устанавливает отношения изоморфизма между тремя разными периодами развития человеческого вида - эмбриогенезом, социогенезом и онтогенезом. Согласно Холлу, ребенок в индивидуальном развитии воспроизводит все фазы развития общества (животная фаза, фаза охоты и рыболовства, конец дикости и начало цивилизации и т.д.), как эмбрион проходит основные этапы филогенеза.

За этими примерами стоит абсолютизация тех или иных частных реальных закономерностей эволюционного процесса и изолирование процесса становления личности из антропогенетического, социогенетического и онтогенетического естественно-исторического процесса развития человечества. Развитие личности опосредовано историей антропогенеза и социогенеза человеческого вида, а поэтому вопрос о существовании животного, «низшего» начала в человеке и т.п. как с точки зрения философской методологии, так и с позиций системной и конкретно-научной методологии науки упускает из виду тот факт, что человек рождается человеком в мире человека.

«Искусственные миры» вместо «мира человека в обществе». Парадоксальность различных представлений о «среде», «культуре» и т.п. заключается в том, что так называемые «среды», например «физическая среда» в понимании И. Ньютона, «геометрическое пространство» Евклида, «система координат» Декарта, являются человеческим деянием, как и любые другие системные проявления предметного мира. В психологии предпринималось немало усилий, чтобы человек очутился в «мире нео-

бработанного опыта». Благодаря специальным процедурам, например методической процедуре аналитической интроспекции, предметы изымались из мира общественно-исторического опыта, освобождались от значений. Если, например, испытуемые после специальной тренировки входили в «мир необработанного опыта», то они обучались вместо «дороги» видеть «две прямые линии», вместо слова «мама» - набор незнакомых звуков и т.п. Предполагалось, что человек наконец окажется в реальном «физическом мире», которые вызывает «чистые ощущения». Логика подобных исследований неоднократно подвергалась критике в психологии за искусственность процедур анализа, помещение человека в неестественную обстановку. При этом, однако, упускалось из виду, что «мир необработанного опыта» - это совсем не физическая среда обитания человека, а та открытая наукой на данный момент ее истории реальность, которая считается «физической средой».

В.И. Вернадский называл научную деятельность человечества тем геологическим фактором, который приводит к возникновению ноосферы. В ноосфере и обитают многочисленные «лабораторные миры», «искусственные среды», «абстрактное время и пространство», открытые наукой, а потом принятые за «реальность», подчиняющуюся универсальным законам. Один из американских исследователей психологии развития Дж. Брунер озаглавил свою книгу «За пределами непосредственной информации», выпукло отразив стремление психологов выйти за пределы «мира стимулов» и заглянуть в мир культуры и мотивации личности. В действительности же книгу об истории многих психологических течений - бихевиоризма, интроспективной психологии, психофизики, когнитивной психологии, «топологической» теории К. Левина, психолингвистики Н. Хомского - можно было бы озаглавить «За пределами мира человека».

За пределами мира человека открываются и конструируются в соответствии с представлениями науки и культуры конкретно-исторической эпохи «искусственные миры», в которых помещается человек (испытуемый), а затем начинает исследоваться.

В «башне молчания» И.П. Павлова или «проблемной клетке» бихевиористов он начинает реагировать на стимулы, причем

иногда по ряду параметров быстрее или медленнее, чем крыса или собака.

В экспериментах К. Левина он помещается в топологическое «жизненное пространство» и побуждается разнонаправленными векторами, исходящими от окружающих его вещей.

Психоаналитик, проработавший много часов с лежащим на кушетке пациентом, в конце концов заставит его поверить, что он всю жизнь ненавидел свою жену или же бессознательно хотел смерти собственного отца из-за того... и т.д.

«Искусственные миры», неявно выдаваемые за особенности образа жизни в данном обществе или оправдываемые действительно необходимой аналитической стратегией экспериментатора, приводят к возникновению не только «психологических миров», «физической среды», «биологической среды», но и в меньшей степени к «искусственным мирам» культуры.

«Человеческое существо живет не в одном только объективном мире, не в одном только мире социальной деятельности, как это обычно считается. В значительной степени человек находится во власти конкретного языка, являющегося для данного общества средством выражения. Было бы заблуждением считать, что человек приспосабливается к действительности абсолютно без участия языка.

На самом же деле «реальный мир» в большей степени строится бессознательно, на основе языковых норм данной группы. Мы видим, слышим и воспринимаем действительность так, а не иначе, в значительной мере потому, что языковые нормы нашего общества predispose к определенному выбору интерпретации»⁶.

Эти строки известного лингвиста Э. Сапира представляют собой не только предельное выражение «лингвистического детерминизма» в объяснении поведения и познания личности, но и символизируют помещение человека в новый «искусственный мир» — мир языка». Основой образа жизни человека становится язык, который и представляет собой, по Сэпиру, человеческую среду. Позднее такой французский психоаналитик, как Ж. Лакан, определит человека как «говорящее существо», появятся

⁶ Цит. по: Слобит Д., Грин Дж. Психоллингвистика. М., 1986. С. 198.

идеи Л. фон Берталанфи о «символическом существе». С развитием современной семиотики культура начинает интерпретироваться как «текст», а человек как «знаковое» или «психосемантическое» существо. Из реального влияния языка на развитие познания и личности делаются выводы о том, что человек живет в «мире языка».

Гипертрофия культуры может привести и к тому, что «среда» обернется «миром безличных социальных норм», которые подчиняют социальным шаблонам антропологические характеристики разных индивидов, их природные мотивы и потребности. «Культурные модели предстают *перед* индивидом как готовое платье: они приблизительно соответствуют мерке его требований, но не идут ему по-настоящему до тех пор, пока они не уменьшены здесь и не распушены там. Так же, как костюмы, реальные модели имеют границы, в которых возможны подобные модификации, но обычно эти границы достаточно широки для обеспечения всякой случайности, кроме значительного отклонения от нормы»⁷ - так характеризует соотношение общества и индивида культурантрополог Р. Линтон. Мир культуры уподобляется Р. Линтоном дому готовых моделей, в котором вместо платья выдаются нормы, подгоняемые под биологическую фигуру индивида.

Из реальных фактов существования социальных норм в «мире человека» исследователь, оказавшийся под влиянием схем двухфакторной детерминации развития личности, вынужден сделать выводы о существовании двух изолированных миров - «мира социальных норм», присущего некоей типичной личности в данной культуре, и «психофизиологического мира» индивида, от индивидуальных естественных особенностей которого зависит в незначительной степени адаптация к этим социальным нормам.

При анализе «искусственных миров», подчиняющихся вторяемым неизменным законам классической науки, складывается поразительное впечатление, что многие исследователи психологии личности во что бы то ни стало пытаются вместить изучение личности в рамки обезличенной рациональной науки, в то

⁷ Цит. по: Сэ Л. Марксизм и теория личности. М., 1972. С. 345.

время как некоторые современные химики и математики, например И. Пригожин, Н.Н. Моисеев, восстали против дегуманизированного мира ньютоновской рациональности. Символом рациональности, мирового порядка часто служили часы: «Часы - механизм, управляемый рациональностью, которая лежит вне его, планом, которому слепо следуют внутренние детали. Мировые часы - метафора, наводящая на мысль о божьих часах, рациональном вседержателе, управляющем природой, послушно выполняющей его указания наподобие робота»⁸ И. Пригожин показывает, что взгляды, использующие идеал рациональности на мир как на мир-автомат и на мир, подчиненный богу, сходятся: автомату необходим бог. Именно принятие рациональной механистической картины природы и общества, мира универсальных законов равновесия и порядка сближает характеристики «искусственных миров», в которых любые индивидуальные проявления жизни человека подчинены принципу гомеостаза.

Гомеостатическая модель развития психики человека. За схемами двухфакторной детерминации развития личности стоит гомеостатическая модель, выводящая любые проявления активности организма в ходе эволюции из стремления к достижению равновесия. Именно эта модель была исходной для психоанализа З. Фрейда, его метапсихологических построений. Впоследствии на гомеостатическую модель опиралось большинство теорий психического развития человека, в том числе и теория основателя швейцарской школы генетической психологии Ж. Пиаже, по праву получившей мировую известность. Ж. Пиаже провел скрупулезный анализ разных вариантов гомеостатических объяснений эволюции в биологии и психологии, рассматривающих процесс взаимоотношения организма со средой.

По мнению Ж. Пиаже, могут быть выделены неэволюционистские и эволюционистские подходы к пониманию адаптации. К числу самых распространенных неэволюционистских подходов относится *преформизм*, сводящий адаптацию к актуализации изначально заложенных в организм наследственных структур и, по сути, нивелирующий роль внешней среды в процессе эво-

⁸ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 91.

люции. Среди эволюционистских взглядов на взаимоотношение организма и среды Ж. Пиаже выделил три варианта: а) объяснение адаптивных изменений организма исключительно влиянием среды (ламаркизм); б) объяснение адаптации эндогенными внутренними мутациями с последующим отбором; в) объяснение адаптации прогрессирующим влиянием внешних и внутренних факторов. Свою теорию познавательного развития Ж. Пиаже относит к третьему варианту - к концепции двухфакторной детерминации познавательного развития ребенка⁹.

При всем своеобразии теории генетической психологии Ж. Пиаже она в понимании адаптации процесса развития сходна с представлениями психоанализа об ассимиляции и диссимиляции, обеспечивающими стремление организма при взаимодействии со средой к состоянию равновесия. Тем самым идеи психоанализа о развитии, о двухфакторной детерминации личности ни в коей мере не следует считать только достоянием истории психологии.

Дать критику психоанализа, а также схему двухфакторной детерминации развития личности на уровне системной и деятельностной методологии науки - это значит ответить на вопрос, правомерны ли представления о развитии организма в эволюции как адаптивном процессе. Из принципов анализа человека как активного «элемента» развивающейся системы следует, что обязательным условием развития является возникновение неадаптивных неутилитарных проявлений поведения человека, возникающих в системе и обеспечивающих ее историческую изменчивость, особенно в критических непредвиденных ситуациях. Подобное понимание развития, эволюции систем резко расходится с пониманием развития в психоанализе. Само ядро данного понимания может быть передано следующим образом: *«Процесс жизни есть не уравнивание с окружающей средой... а преодоление этой среды, направленной не на сохранение статуса или гомеостаза, а на движение в направлении родовой программы развития и самообеспечения»*¹⁰.

⁹ См.: Пиаже Ж. Избранные психологические произведения. М., 1969.

¹⁰ Бернштейн Н.Л. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966. С. 314-315.

Из принципов гомеостатического понимания развития человека вытекает ряд прикладных направлений изучения динамики поведения организма. Встает вопрос, существуют ли конкретные факты, которые рассогласуются с гомеостатической моделью развития. Так, из схемы конфронтации двух факторов, в частности, следует, что организм, стремящийся к удовольствию, при встрече с неблагоприятными обстоятельствами или барьерами на пути достижения объекта, испытывает *отрицательные эмоции*, которые им подавляются или, если есть возможность, сводятся к минимуму. Эта схема З. Фрейда получила широкое распространение в *психосоматике* - направлении медицины, изучающей влияние психологических факторов, психотравмирующих ситуации на многие соматические заболевания. В психосоматике как общепризнанный факт принимается положение о том, что неотреагированные отрицательные эмоции (тревога, страх, гнев) приводят к вредным соматическим последствиям. Основываясь на идеях З. Фрейда, один из основателей современной психосоматики Ф. Александер предложил свою схему действия на организм отрицательных эмоций у человека. Адаптивное значение отрицательных эмоций в регуляции поведения организма заключается в том, чтобы оценить смысл для организма неблагоприятной ситуации. После эмоциональной оценки ситуации как неблагоприятной могут быть осуществлены два типа поведенческих реакции - бегство или борьба, т.е. избегание из травмирующей ситуации или ее разрушение. У животных отрицательная эмоциональная оценка ситуации приводит к таким физиологическим изменениям организма, которые призваны обеспечить либо борьбу, либо избегание неблагоприятной ситуации (повышение мышечного тонуса, учащение пульса, повышение артериального давления и т.п.). Вслед за такой психофизиологической пред-настройкой у животных разворачивается поведенческий акт. По-иному происходит адаптация у человека. В силу многих социальных запретов при эмоциональной оценке ситуации как опасной он далеко не всегда может отреагировать бегством или агрессией. Между тем механизмы физиологической мобилизации, выработанные в ходе эволюции, срабатывают, что и приводит вначале к стойкому вегетативному возбуждению, а затем и к органическому поражению внутренних органов, например к гипертонической или язвенной болезни.

Из схемы «разрядки» эмоции в поведении, предложенной Ф. Александером, следуют три вывода:

1) отрицательные эмоции вредны организму, причем если они подавлены, то их вред возрастает;

2) эмоционально-нейтральная ситуация предпочтительнее для адаптации организма, чем отрицательные эмоции;

3) позитивные эмоции полезны для организма, так как дают возможность более полно проявиться принципу удовольствия (В.С. Ротенберг).

Здравый смысл, а также факты из области психосоматики на первый взгляд подтверждают гомеостатическую схему «разрядки» эмоций Ф. Александера, а тем самым концепцию конфронтации двух факторов З. Фрейда.

Схема «разрядки» Ф. Александера была проанализирована В.С. Ротенбергом - одним из последователей создателя «физиологии активности» Н.А. Бернштейна. В.С. Ротенберг приводит две группы фактов, которые не только противоречат схеме Ф. Александера, но и показывают ограниченность концепций детерминации двух факторов.

Первая группа фактов основывается на наблюдениях врачей за поведением людей, их подверженностью различным заболеваниям во время экстремальных критических ситуаций, массовых катастроф, войны, блокады. Во время войн падает процент психосоматических заболеваний (язва двенадцатиперстной кишки, гипертония). Далее, в экстремальных условиях повышается устойчивость к инфекционным заболеваниям, например у борющихся с эпидемиями врачей; у матерей, которые являются единственными кормильцами детей. В указанном круге ситуации резкое ухудшение условия жизни, порой совершенно нечеловеческие ее условия приводят к возрастанию отрицательных эмоций, которые не только не влекут за собой предсказанные З. Фрейдом и Ф. Александером последствия, а приводят при одном *обязательном* условии к прямо противоположным эффектам. В качестве такого условия выступает активное вовлечение людей в экстремальных ситуациях в ратную или трудовую *деятельность*, за которую они несут ответственность и ради которой преодолевают самые различные препятствия. При отказе от деятельности и при возвращении в нормальные ситуации, несмотря на положительные эмоции, как это ни пара-

доксально, процент психосоматических заболеваний вновь возрастает.

Вторая группа фактов, рассогласующихся со схемой «рядки» эмоций Ф. Александера, касается «*болезней достижения*», или, как их удачно называет В.С. Ротенберг, «*синдрома Мартина Идена*». Для «*болезней достижения*» характерно то, что резко выраженные психосоматические заболевания возникают у людей на гребне успеха, т.е. при достижении той цели, к которой они стремились и наконец достигли. Человек стремится завершить любимое дело, неумоимо борется за истину, в общем ставит перед собой сверхзадачи, разрешает их и... возникают «*болезни достижения*» (инфаркты и т.п.), вызванные психогенными причинами. В основе «*болезней достижения*» лежит та же самая причина, которая вела к повышению сопротивляемости человека к психосоматическим заболеваниям, - *поисковая активность, деятельность по преодолению подобных ситуаций*. Однако при «*болезнях достижения*» резкий отказ от поисковой активности влечет за собой утрату смысла существования, что может привести и приводит порой к тяжелым соматическим последствиям, в том числе и к летальному исходу. Данные две группы фактов¹¹ не укладываются в традиционные представления психосоматики, а тем самым в стоящую за психосоматикой гомеостатическую модель развития личности.

Они также свидетельствуют о том, что без учета деятельности, снимающей оппозиции «человек-среда», «личность-общество» картина представлений о развитии личности не просто обедняется, а искажается приводя к противопоставлению человека его жизни мире человека.

* * *

Дуализм схем двухфакторной детерминации развития личности, устойчиво поддерживаемый антропоцентрической парадигмой мышления о человеке, помещением человека в «искусственные миры» среды и культуры вместо анализа образа жизни человека в обществе, абсолютизацией филогенетических, социогенетических и онтогенетических закономерностей развития, а также гомеостатической моделью развития психики человека преодолеваются в системной и конкретно-научной деятельностной методологии человекознания.

¹¹ См.: Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Поисковая активность и адаптация, М., 1984; Ротенберг В.С. Адаптивная функция сна. М., 1982.

Образ жизни, индивидуальные свойства человека, совместная деятельность - предпосылки и основание жизни личности в обществе

В качестве отправной точки при анализе проблемы природной и социальной детерминации личности, а также таких связанных с ней вопросов о роли социальной среды в развитии личности, движущих сил развития личности, ее жизненного пути, структуры личности, творчества, личностного выбора и, наконец, характера и способностей личности может быть дана следующая методологическая характеристика предмета психологии личности:

«Личность ≠ индивид; это особое качество, которое *приобретается* индивидом в обществе, в целокупности отношений, общественных по своей природе, в которые индивид *вовлекается*. (. . .)

Иначе говоря, личность есть *системное* и поэтому «*сверхчувственное*» качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его врожденными и приобретенными свойствами. Они, эти свойства, составляют лишь условия (предпосылки) формирования и функционирования личности, как и внешние условия и обстоятельства жизни, выпадающие на долю индивида.

С этой точки зрения проблема личности образует новое психологическое измерение: *иное*, чем измерение, в котором ведутся исследования тех или иных психических процессов, отдельных свойств и состояний человека; это - исследование его места, *позиции* в системе, которая есть система общественных связей, *общений*, которые открываются ему; это - исследование того, *что, ради чего и как* использует человек врожденное ему и приобретенное им (даже черты своего темперамента и уж, конечно, приобретенные знания, умения, навыки... мышление). То же относится и к внешним условиям, к объективным возможностям удовлетворения потребностей человека»¹².

Данная А.Н. Леонтьевым характеристика предмета психологии личности представляет собой пример той абстракции, развертывая которую можно создать конкретную картину систем-

¹² Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1983. С. 385.

ной детерминации развития личности. Для того чтобы развернуть эту абстракцию, нужно, во-первых, обозначить содержащиеся в ней ориентиры, задающие общую логику изучения развития личности: разведение понятий «индивид» и «личность», «личность» и «психические процессы», а также выделение новой схемы детерминации развития личности. Во-вторых, указать конкретные области психологии личности, высвечиваемые этими ориентирами. Основная особенность данной характеристики предмета психологии личности состоит в том, что она является выражением полисистемного видения личности и тем самым контрастирует с любыми описаниями «индивида» и «личности» в рамках антропоцентрической парадигмы, изолирующей их из системы природы и общества.

Первый ориентир - это разведение понятий «индивид» и «личность», а также выявление различных качеств «индивида» и «личности», отражающих специфику их развития в природе и обществе.

При выделении понятия «индивид» в психологии личности отвечают прежде всего на вопрос, в чем данный человек *подобен* всем другим людям, т.е. указывают, что объединяет данного человека с человеческим видом. Понятие «индивид» не следует смешивать с противоположным по значению понятием «индивидуальность», с помощью которого дается ответ на вопрос, чем данный человек *отличается* от всех других людей. «Индивид» обозначает нечто целостное, неделимое. Этимологическим истоком этого значения понятия «индивид» является латинский термин «*individuum*» (индивидуум). Характеризуя «личность», также имеют в виду «целостность», но такую «целостность», которая рождается в обществе. Индивид выступает как преимущественно генотипическое образование, а его онтогенез характеризуется как реализация определенной филогенетической программы вида, достраиваемой в процессе созревания организма. В основе созревания индивида лежат, в основном адаптивные приспособительные процессы, в то время как развитие личности не может быть понято исключительно из приспособительных форм поведения. *Индивидом рождаются, а личностью становятся* (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн).

В обыденном сознании «индивид» и «личность» нередко отождествляются между собой. Истоки отождествления этих понятий восходят еще к мифологической антропологии Древнего

Египта, откуда идея телесно инкапсулированной личности перекочевала в христианскую мифологию, а затем проявилась в таких психологических течениях, как психоанализ, персонология и гуманистическая психология. Это понимание «телесности» личности нашло, в частности, выражение в том, что некоторые персонологи, проследивая этимологию термина «личность», указывают не только на греческую или латинскую этимологию этого термина (*persona*) как *маска*, а затем «*роль артиста*», но и на удобное для разведения различных психологических течений разграничение в немецком языке терминов «*Personlichkeit*» и «*Personalitat*». Немецкий термин «*Personlichkeit*» близок по значению к латинскому «*persona*» и отражает то впечатление, которое данный человек производит на других людей. Термин «личность» в этом смысле сводит понятие «личность» к внешним публичным проявлениям человека. В данном контексте термин «личность» используется преимущественно в ролевых подходах к пониманию социального поведения человека.

Термин «личность» в значении «*Personalitat*» отражает ядро, сердцевину, неповторимую глубинную природу человеческого существа, которая может быть врожденной, приобретенной, но, главное, телесно инкапсулированной. С помощью термина «*Personalitat*» подчеркивается устойчивость личности, ее автономность от изменяющихся социальных ситуаций, общества в целом. В этом значении термин «личность» употребляется психоаналитиками (З. Фрейд, К. Юнг), представителями гуманистической психологии (А. Маслоу, Г. Оллпорт), а также создателем теории неповторимой индивидуальной личности Г. Мюрре-ем. В персонологии Г. Мюррея пространством обитания личности считается мозг человека. В указанных течениях личность выступает как нечто «единичное», уникальное, резко отличающееся от периферийного социального фасада, т.е. социальной маски, персоны, «социального индивида». «Индивид» тем самым оказывается ядром «личности» и как «единичное» существо противопоставляется миру.

Если различие реальностей, обозначаемых понятиями «индивид» и «личность», упускается из виду, сущность личности размещается в пространстве «индивида», а исследователи оказываются в плену схем двухфакторной детерминации развития личности и многочисленных биологических типологий личности, опирающихся при построении этих типологий на те или иные

свойства индивида, например, на особенности его внешнего или внутреннего телосложения (Э. Кречмер, У. Шелдон, Г. Айзенк и др.). Игнорирование несовпадения реальностей, обозначаемых понятиями «индивид» и «личность», влечет за собой две крайности: либо развитие личности подменяется развитием индивида, вследствие чего появление различных психических новообразований механически приурочивается к тому или иному возрасту по чисто хронологическим и биологическим критериям; либо процессы созревания индивида полностью выносятся за скобки при изучении механизмов формирования личности.

Важность разграничения понятий «индивид» и «личность» очевидна. Но при этом не должно произойти подмены терминов, при которой вместо «биологического» употребляется «индивидуальное», вместо «социального» - «личностное», а сам взгляд на проблему соотношения биологического и социального остается дуалистическим.

Разграничение понятий «индивид» и «личность» имеет не только методологические, но и эмпирические основания. Если представить шкалу с противоположными точками «индивид» и «личность», то на одном ее конце окажется «личность без телесного индивида» вроде описанного Ю. Тыняновым поручика Киче или различных мифических личностей, а на другом - «индивид без личности» вроде детей, выращенных животными (феномен Маугли). Трагическую картину процесса превращения личности в индивида, возникающего при выпадении личности как активного субъекта из системы общественных связей, приходится иногда наблюдать в домах-интернатах для престарелых (В.Ф. Болтенко). В.В. Давыдов, приводя пример из известной повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», проводит грань между биологической смертью «индивида» и порой опережающей ее смертью самосознания личности. Иван Ильич знал, что умирает, но никак не мог принять этого. «Возможно, это и покажется парадоксальным, но люди порой «умирают» задолго до биологической смерти. Умирают, ибо все ими *сделано* и исчерпана до конца та возможность выразить себя в мире, которая дается каждому лишь раз. И у границы «роковой черты» остается только одно - сказать себе правду о своей жизни. Остается только исповедь как форма самораскрытия *изнутри*. И эта правда, которую должен сказать себе человек, является последним, что ему остается сделать в жизни. Иван Ильич ска-

зал себе эту правду, и ему было легко умирать, так как он уже фактически похоронил свою душу - эту, по меткому выражению М.М. Бахтина, последнюю смысловую позицию личности»¹³. Самосознание личности оставляет человека, а жизнь индивида в системе общественных отношений еще продолжается, что ставит перед медиками порой немало трудноразрешимых этических проблем.

При разграничении понятий «индивид» и «личность» в эмпирическом плане самого пристального внимания заслуживает обнаруженный психогенетиками феномен «мы - самость» (we - self) - существование одной личности у двух-, однойцевых близнецов, полностью отождествивших себя друг с другом и не могущих существовать друг без друга ни во времени, ни в пространстве. Одна личность тем самым как бы обслуживается двумя индивидами.

В советской психологии необходимость разведения понятий «индивид» и «личность» признается практически во всех общепсихологических направлениях, каких бы разных интерпретаций этих понятий их представители ни придерживались (Б.Г. Ананьев, Б.В. Зейгарник, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплой, Е.В. Шорохова, Ш.А. Надирашвили). И это неудивительно, так как без данного разведения вряд ли возможно отразить многокачественность человека в разных системах и подойти к выявлению системной детерминации развития личности в обществе.

Наряду с разграничением понятий «индивид» и «личность» в отечественной и зарубежной психологии при характеристике личности используют различные триады: «организм», «социальный индивид» и «личность» (М.Г. Ярошевский, Ром Харре); «индивид», «личность», «индивидуальность» (С.Л. Рубинштейн). Б.Г. Ананьевым было введено представление об «индивиде», «личности», «субъекте деятельности» и «индивидуальности». Через понятие «индивид» он обозначил «индивидные» природные свойства человека; через понятие «личность» - социальное положение человека в обществе, общественные функции - роли, цели и ценностные ориентации, определяющие социальную биографию человека. Под «субъектом деятельности»

¹³ Давыдов В.Б. Личностью падо «выдслаться» // С чего начинается личность. М., 1979. С. 109-110.

Б.Г. Ананьев понимал человека, обладающего сознанием и активно преобразующего мир в познании, труде и т.д., а под «индивидуальностью» - интегративное целостное объединение «индивида», «личности» и «субъекта деятельности». Сходных взглядов на индивидуальность придерживается В.С. Мерлин, разрабатывающий концепцию «интегральной индивидуальности».

Такого рода разграничение разных проявлений жизни личности в обществе является продуктивным, особенно когда в целях экспериментального исследования ставится задача выделения тех или иных специфических закономерностей становления личности. Вместе с тем при резком разведении личности на различные «триады» возникают определенные затруднения. Биогенетическая ориентация исследования развития человека в онтогенезе приводит исследователей к изучению прежде всего фенотипических особенностей созревания организма. Социогенетическая ориентация побуждает исследователей к разработке представлений о закономерностях развития «социального индивида» или «личности» в понимании Б.Г. Ананьева. Персонологическая ориентация, даже если освободится от ассоциации термина «персонология» с «персонологией» в смысле Г. Мюррея, приводит к анализу преимущественно формирования самосознания личности, проявлений ее «индивидуальности». Выделяя эти ориентации изучения личности, И.С. Кон отмечает: «Поскольку каждая из этих моделей (реализация биологически заданной программы, социализация и сознательное самоосуществление) отражает реальные стороны развития личности, спор по принципу «или - или» не имеет смысла. «Развести» эти модели по разным «носителям» (организм, социальный индивид, личность) также невозможно, ибо это означало бы жесткое однозначное разграничение органических, социальных и психических свойств индивида, против которого выступает вся современная наука»¹⁴.

При анализе соотношений «индивида», «личности» и «индивидуальности» как «элементов» эволюционирующей системы анализируются их взаимосвязи в филогенетическом, антропогенетическом, социогенетическом, онтогенетическом и функциональном аспектах их развития в контексте истории *образа жизни*, а

¹⁴ Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М., 1984. С. 168.

также ставится вопрос о преобразовании закономерностей историко-эволюционного процесса в ходе истории вида.

Появление человеческого индивида в «мире человека» опосредствовано всей историей его вида, которая преломилась в наследственной программе индивида, подготавливающей его к специфическому для данного вида образу жизни. Так, только человеку присущи рекордная продолжительность периода детства; возможность пребывать при рождении в состоянии крайней «беспомощности»; размер веса мозга ребенка, составляющий всего лишь около четверти веса мозга взрослого человека. Последний факт станет еще более красноречивым, если вспомнить, что вес мозга большинства обезьян при рождении составляет более двух третей взрослой особи и достигает веса мозга взрослой обезьяны уже к концу первого года жизни. Подобная беспомощность человеческого индивида при рождении - яркое свидетельство того, что закономерности биологической эволюции потеснились, преобразовались, а на первый и крупный план вышли закономерности естественноисторического процесса развития общества. Законы биологической эволюции давно перестали быть движущим фактором прогрессивного развития человечества. «Но такие явления, как спонтанные аборт (15% от всех беременностей), мертворождения (1% всех родов), определенное количество бесплодных браков, повышенная смертность мальчиков в первый год жизни, - все они... должны рассматриваться как элементы естественного отбора против определенных генотипов»¹⁵.

Образ жизни человечества приводит к коренной перестройке закономерностей историко-эволюционного процесса, но именно к перестройке этого процесса, а не к его полной отмене. Закономерности эволюции не просто отмирают, а радикальным образом преобразуются, в корне меняется логика причин и движущих сил эволюционного процесса. Индивидуальные свойства человека выражают прежде всего тенденцию человека как «элемента» в развивающейся системе общества к сохранению, обеспечивая широкую адаптивность человеческих популяций в биосфере. Они преимущественно могут быть объяснены в контексте

¹⁵ Бочков Н.П. Методологические и социальные вопросы современной генистики человека // Дialeктика в науках о природе и человеке. М., 1983. С. 183.

гомеостатических моделей адаптации, особенно когда речь идет о филогенетически наиболее древних уровнях организации индивида. Однако биология индивидуального развития человека, его онтогенеза, несмотря на горы фактов, по мнению классика современной биологии Б.Л. Астаурова, в сущности еще отсутствует. И главные ее трудности как раз в том и заключаются, что индивидуальное развитие человека осуществляется в контексте социального образа жизни, который не просто накладывается на природный «субстрат» человека, а и в антропогенезе, и в социогенезе, и в жизненном пути личности приводит к преобразованию этого природного «субстрата». В связи с этим на индивидуальное развитие человека в онтогенезе не могут быть перенесены закономерности биологической эволюции, разработанные на материале филогенеза в биологии. Вопрос о природе и характере этих закономерностей, в том числе и о влиянии жизненного пути личности на отнотенетическое развитие индивида, ждет своего решения в человекознании.

В методологическом плане, с какого бы уровня методологии вопрос о соотношении биологического и социального в человеке ни рассматривался, особенно в том его варианте, который влечет бесплодные рассуждения о «степени животности» и «степени человечности» человека, его решение расходится не только с фактами социологии и психологии, но и биологии. Индивид не безучастный носитель системных социальных качеств личности, и по способу жизни в среде он коренным образом отличается от любых других биологических видов. «Никто не возражал бы иметь глаз орла, желудок кашалота, сердце ворона и т.д., т.е. обладать звериным здоровьем и «зверской» физической работоспособностью. Но человеческое общество не могло бы сложиться, если бы у людей сохранились животные отношения к вещам и друг другу; звериные отношения к миру разрушили бы и общество, и человеческое в нас самих. У человека нет «биологического» в простом и основном значении этого термина - животнo-биологического. Биологические особенности человека состоят именно в том, что у него нет унаследованных от животных инстинктивных форм деятельности и поведения»¹⁶.

¹⁶ Гальперин П.Я. К вопросу об инстинктах у человека // *Вопр. психологии*. 1976. № 1. С. 36.

Таким образом, при разведении понятий «индивид», «личность» и «индивидуальность» в контексте историко-эволюционного подхода к изучению развития личности в системе общественных отношений не происходит подмены этими понятиями терминов «биологическое» и «социальное». Сама постановка вопроса о животнo-биологическом в человеке, навязанная антропоцентристской парадигмой мышления, теряет смысл. Главными вопросами становятся вопросы о преобразовании закономерностей биологической эволюции в историческом процессе развития общества и о системной детерминации жизни личности, способом существования и развития которой является совместная деятельность в социальном конкретно-историческом образе жизни данной эпохи.

Второй ориентир - схема детерминации развития личности в системе общественных отношений.

Основанием этой схемы является совместная деятельность, в которой осуществляется развитие личности в *социально-исторической* системе координат данной эпохи. «Мы привыкли думать, что человек представляет собой центр, в котором фокусируются внешние воздействия и из которого расходятся линии его связей, его интеракций с внешним миром, что этот центр, наделенный сознанием, и есть его «я». Дело, однако, обстоит вовсе не так (...) *Многообразные деятельности* субъекта пересекаются между собой и связываются в узлы объективными, общественными по своей природе отношениями, в которые он необходимо вступает. Эти узлы, их *иерархии* и образуют тот таинственный «центр личности», который мы называем «я»; иначе говоря, центр этот лежит не в индивиде, не за поверхностью его кожи, а в его бытии.

...Анализ деятельности и сознания неизбежно приводит к отказу от традиционного для эмпирической психологии эгоцентрического, «птолемеевского» понимания человека в пользу понимания «коперниковского», рассматривающего человеческое «я» как включенное в общую систему взаимосвязей людей в обществе. Нужно только при этом подчеркнуть, что включенное в систему вовсе не значит растворяющееся в ней, а, напротив, обретающее и проявляющее в ней силы своего действия»¹⁷.

¹⁷ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 228-229

Во избежание односторонней интерпретации представлений о совместной деятельности как основания развития личности необходимо подчеркнуть, что «центром» личности являются не столько сами по себе «узлы» или «иерархии деятельностей», а то, что порождается в процессе движения деятельностей субъекта в системе общественных отношений, - системные качества человека, то, ради чего и как субъект использует приобретения для него личностный смысл социальные нормы, ценности, идеалы, в том числе и индивидуальные свойства, участвуя в преобразовании данной социальной системы. На определенном этапе развития личности взаимоотношение между личностью и порождающим ее основанием изменяется. *Совместная деятельность в конкретной социальной системе по-прежнему детерминирует развитие личности, но личность, все более индивидуализируясь, сама выбирает ту деятельность, а порой и тот образ жизни, которые определяют ее развитие.* Иначе говоря, в ходе жизни обозначается переход от режима употребления, усвоения культуры к режиму овладения ею ради созидания образа жизни.

В советской психологии в самое последнее время специально отмечается тот факт, что *развитие психики и развитие личности* невольно стали употребляться как синонимы (А.В. Петровский, В.А. Петровский). Подобного рода отождествление исторически обусловлено тем, что в течение последних пятидесяти лет главное внимание в психологии было приковано к теоретическому и экспериментальному анализу познавательных процессов, а также к изучению развития психики. Логической предпосылкой такого отождествления был взгляд на человека как на относительно автономную систему, в то время рассмотрение личности как активного «элемента» развивающейся системы общественных отношений незаметно ушло на задний план. Еще в 1935 г. С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что психические функции или психические деятельности не отчуждены от личности, а представляют собой «органы индивидуальности». Однако реальная сложность разработки представлений об этих «органах» (познании, деятельности, психике в целом) привела к тому, что главным образом стали заниматься «органами», а не «индивидуальностью». При этом развитие «психики» - «органа», «средства» отождествилось с развитием «индивидуальности», утра-

тив свои первоначальные «рабочие» инструментальные характеристики. Не «психика» стала обслуживать «личность», а «личность» была переведена на положение «личностного фактора», обслуживающего различные психические процессы.

При изучении «психики» в контексте системной схемы детерминации, развития личности, основанием которой является совместная деятельность, «личность» восстанавливается в своих правах, а «психика» становится тем, что она есть, т. е. «органом индивидуальности». «С именем «органа» мы привыкли связывать представления о морфологически сложившемся статическом постоянном образовании. Это совершенно не обязательно. Органом может быть всякое временные сочетание сил, способное осуществить определенное достижение»¹⁸.

Вне анализа совместной деятельности как основания развития личности возникают серьезные трудности при реализации в психологии принципов развития и историзма. Вопросы о том: как индивид вовлекается в общественные отношения, каким образом приобретаются системное «сверхчувственное качество, позволяющее характеризовать индивида как «личность», как зовут ту силу, которая не только может породить личность, но и определить закономерности ее функционирования и развития, через что личность выражает свои отношения к миру и преобразует мир - остаются без ответа. Путь к решению этих вопросов открывается в том случае, если в качестве *системообразующего* основания в схеме детерминации развития личности берется совместная деятельность. Индивидуальные свойства человека и социальная среда не являются чем-то внешним по отношению к деятельности, не понимаются как два «фактора», варьируя которыми по принципу «больше-меньше» таинственный кукольник определяет судьбу личности, ее поступки. Они как бы погружены в деятельность, и их преобразования, влияющие на развитие личности, неотделимы в жизни личности от преобразований самой деятельности.

Индивидуальные свойства человека - предпосылки развития личности. Человек рождается как существо социально-генетическое, и его индивидуальные особенности подготовлены к социально-историческому образу жизни общества. Эти «индивидуальные

¹⁸ Ухтомский А.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1950. Т. 1. С. 279.

свойства» (термин Б.Г. Ананьева) на ранних этапах онтогенеза не представляют собой биологическую базу или фактор, который предопределяет развитие личности в ходе совместной деятельности, а выступают как «безличная предпосылка» развития личности, претерпевающая порой в процессе жизненного пути личности некоторые изменения. Безусловно, индивидуальные предпосылки человека, преобразуясь в ходе жизни человека в обществе, являются условием развития личности. Иногда приписываемый ряду психологов взгляд, будто бы деятельностный подход сбрасывает вообще индивидуальные свойства со счетов при анализе развития личности в обществе, или утверждение о полном прекращении действия биологических закономерностей развития человека, основан на недоразумении. Нередко подобный социологизаторский взгляд приписывается А.Н. Леонтьеву. «...Начиная от кроманьонского человека, т.е. человека в собственном смысле, люди уже обладают всеми морфологическими свойствами, которые необходимы для процесса дальнейшего безграничного общественно-исторического развития человека - процесса, теперь уже не требующего каких-либо изменений его наследственной природы. Таким действительно и является фактический ход развития человека на протяжении тех десятков тысячелетий, которые отделяют нас от первых представлений вида *Homo sapiens*: с одной стороны, необыкновенные, не имеющие себе равных по значительности и по все более возрастающим темпам изменения условий и *образа жизни человека*; с другой стороны, устойчивость его видовых морфологических особенностей, изменчивость которых не выходит за пределы *вариантов, не имеющих социально существенного приспособительного значения*.

Значит ли это, однако, что на уровне человека про исходит остановка всякого филогенетического развития? Что природа человека как выразителя своего вида, раз сложившись, далее не меняется?

Если признать это, то тогда необходимо также признать и то, что способности и функции, свойственные современным людям, например тончайший фонематический слух... - все это является продуктом онтогенетических функциональных изменений (А.Н. Северцов), *не зависящих* от достижений развития предшествующих поколений.

Несостоятельность такого допущения очевидна¹⁹. В деятельностном подходе к изучению личности тем самым речь идет не об остановке биологической эволюции человека, а о том, что у человека устойчивы видовые *морфологические* особенности, не выходящие за пределы *вариантов*, не имеющих социально приспособительного значения. Вопросы же изучения индивидуальных предпосылок развития личности в онтогенезе заключаются в том, при каких обстоятельствах, каким путем и в чем находят свое выражение закономерности созревания индивида в жизненном пути индивидуальности, а также в том, как *преобразуются* индивидуальные свойства человека в зависимости от социального образа жизни, порой превращаясь из предпосылок развития личности в продукт этого развития.

Индивидуальные предпосылки, будь то от природы унаследованные задатки или темперамент, сами по себе не предreshают развитие способностей и характера, точно так же как социальные условия жизни - хижины или дворцы, усвоенные в процессе социализации роли, - сами по себе не определяют, вырастет ли в этих условиях пекущийся о своем благополучии приспособленец или же борец, готовый отдать жизнь ради рождения нового общества. Если индивид не будет вовлечен в соответствующую его природным задаткам деятельность, то они останутся нереализованными. Темперамент и задатки, впрочем, как и любые индивидуальные предпосылки, не представляют собой свойств личности. Эти предпосылки не являются основой личности. В действительности свойству индивида (строение тела, пол, биологический возраст, типы высшей нервной деятельности и т.д.) определяют формально-динамические аспекты поведения личности и, включаясь в деятельность, выражающую отношения человека к миру, к другим лицам и самому себе, оказывают влияние на становление личности. В связи с этим, например, конституция или какой-либо органический дефект вроде хромоты может оказать влияние на формирование личности. Основатели конституционных типологий личности (Э. Кречмер, У. Шелдон, Г. Айзенк) подвергаются критике вовсе не за то, что они пытались выявить связь индивидуальных свойств человека с развитием, а за

¹⁹ Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. 1. М., 1983. С. 110-111.

то, как они устанавливали эту связь. «Относительно связи биологического и психического вряд ли целесообразно сформулировать некоторый универсальный принцип, справедливый для всех случаев... В одних измерениях и при одних определенных обстоятельствах биологическое выступает к психическому как его *механизм* (физиологическое обеспечение психических процессов), в других - как *предпосылка*, в третьих - как *содержание* психического отражения (например, ощущения состояний организма)...»²⁰, т.е. связь индивидуальных свойств с развитием личности имеет системный характер.

При изучении индивидуальных свойств человека не следует забывать, что они развиваются и преобразуются в контексте социально-исторического образа жизни общества.

Социально-исторический образ жизни - источник развития личности в системе общественных отношений. В философской методологии, а также в ряде конкретных общественных наук, прежде всего в социологии, образ жизни характеризуется как совокупность *типичных* для данного общества, социальной группы или индивида видов жизнедеятельности, которые берутся в единстве с *условиями* жизни данной общности или индивида. В психологии в сходном смысле употребляется понятие «социальная ситуация развития», которое и было предложено в дискуссии с исследователями, придерживающимися двухфакторных схем развития личности, в частности в ходе критики представлений о «среде» как о «факторе» развития личности. Понятие «социальная ситуация развития», введенное Л.С. Выготским, получило затем право гражданства в детской и социальной психологии благодаря исследованиям Л.И. Божович и Б.Г. Ананьева. Говоря о «социальной ситуации развития», Л.С. Выготский подчеркивал, что среда не есть «обстановка развития», т.е. некий «фактор», непосредственно детерминирующий поведение личности. Она представляет собой именно *условие* осуществления деятельности человека и источник развития личности. Но это то условие, без которого, как и без индивидуальных свойств человека, невозможен сложный процесс строительства личности. Материалом для этого процесса служат те конкретные обще-

²⁰ *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1964. С. 383.

ственные отношения, которые застает индивид, появляясь на свет. Все эти обстоятельства, выпадающие на долю индивида, сами по себе выступают как «безличные» предпосылки развития личности.

Введение социально-исторического образа жизни как источника развития личности позволяет исследовать развитие личности на пересечении двух осей в одной системе координат - оси *исторического времени* жизни личности и оси *социального пространства* ее жизни.

О природе времени и его роли в детерминации развития личности в психологии известно немного. Классические исследования В.И. Вернадского о качественно различных структурах времени в физической, геологической, биосферной и социальной системах затронули психологию по касательной. Точно так же, как психология изучала личность в «искусственных мирах», «средах», она долго довольствовалась представлением о времени, заимствованном из классической механики. Любые трансформации времени в истории культуры или сознании человека, его уплотнения или ускорения, интерпретировались как иллюзии, как «кажущиеся» отклонения от физического времени. В отечественной психологии тезис о зависимости времени от тех систем, в которые оно включено - в неорганическую природу, в эволюцию органической природы, в социогенез общества, в историю жизненного пути человека, - был сформулирован С.Л. Рубинштейном. «...Кажущимся оно (время. - А. А.) является только по отношению к общепринятому официальному, за которое принимается время природы, время механического движения материи. Субъективно переживаемое время - это не столько кажущееся, субъективно данное в переживании якобы неадекватно преломленное время движущейся материи, а относительное время жизни (поведения) данной системы - человека, вполне объективно отражающее план жизни данного человека. В концепции времени отражается теория детерминации процесса»²¹. Эта идея С.Л. Рубинштейна лишь недавно стала интенсивно разрабатываться в психологии личности (К.А. Славская, Е.И. Головаха, А.А. Кроник). В исследовании Е.И. Головахи и А.А. Кроника дается характеристика различных форм детерминации време-

²¹ Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 305.

нем жизни человека: *«физического или хронологического времени, к которому до сих пор сводится представление о времени в позитивистски ориентированной психологии познания; биологического времени, зависящего от жизнедеятельности биологических систем и изучаемого прежде всего в цикле работ о биологических ритмах жизни, о биологических часах; исторического времени, обусловленного особенностями социогенеза конкретно-исторических общностей (кто, например, назовет поездку из Москвы в Ленинград путешествием, как это сделал А.Н. Радищев); психологическое время личности, представляющее собой одновременно условие и продукт реализации деятельности в ходе жизненного пути личности.*

Одна ось исторического времени образа жизни личности в данном обществе дает возможность выделить тот объективный социальный режим, который задан личности - исторически обусловленную протяженность детства в этой культуре; объективный режим смены игры - учебой, учебы - трудом; распределение временного бюджета на *«работу»* и на *«досуг»*, характерное для этого типичного образа жизни. Без учета исторического времени те или иные особенности деятельности человека, вовлечение ребенка в игру или учебу будут казаться исходящими либо из самого ребенка, либо из его непосредственного социального окружения. Они могут лишь чуть замедлить или ускорить исторический ритм образа жизни, но не изменить его в рамках данной эпохи.

Другая ось образа жизни - это социальное пространство, предметная действительность, в которой существуют на данном интервале исторического времени различные *«институты социализации»* (семья, школа, трудовые коллективы), большие и малые социальные группы, участвующие в процессе приобщения личности через совместную деятельность общественно-исторического опыта. В волшебной сказке М. Метерлинка *«Синяя птица»* добрая фея дарит детям чудодейственный алмаз. Стоит лишь повернуть этот алмаз, и люди начинают видеть *«скрытые души»* вещей. Как и в любой настоящей сказке, в этой сказке есть большая правда. Окружающие людей предметы человеческой культуры действительно имеют, по выражению К. Маркса, *«социальную душу»*. И *«душа»* эта не что иное, как поле значе-

ний, существующих в форме опредмеченных в процессе деятельности в орудиях труда схем действия, в форме ролей, понятий, ритуалов, церемоний, различных социальных символов и норм. Только в том случае человек становится личностью, если он с помощью социальных групп включится в поток деятельности (а не поток сознания) и через их систему усвоит экстериоризованные в человеческом мире «значения». Совместная деятельность и есть тот «алмаз», который, как правило, совершенно этого не осознавая, поворачивает человек, чтобы увидеть «социальные души» предметов и приобрести свою собственную «душу».

Иными словами, *в окружающем человека мире объективно существует особое социальное измерение, создаваемое совокупной деятельностью человечества, - поле значений. Это поле значений отдельный индивид находит как вне-его-существующее* - им воспринимаемое, усваиваемое, поэтому также, как то, что входит в его образ мира (А.Н. Леонтьев). Организуя деятельность в соответствии с полем значений, люди тем самым непрерывно подтверждают реальность его существования. Социальное пространство кажется столь естественным, изначально приросшим к натуральным свойствам объектов природы, что его замечают чаще всего тогда, когда оказываются в рамках совершенно другой культуры, другого образа жизни. Тогда-то и открывается различие в образе мира человека разных культур, например, различия в этническом самосознании, ценностных ориентациях и т.д.

Социально-исторический образ жизни личности - источник развития личности, который в ходе жизни личности превращается в ее результат. В реальности личность никогда не скована рамками заданных социальных ролей. Она - не пассивный слепок культуры, не «ролевой робот», как это порой явно или неявно утверждается в ролевых концепциях личности.

Преобразуя деятельность, развертывающуюся по тому или иному социальному «сценарию», выбирая различные социальные позиции в ходе жизненного пути, личность все резче заявляет о себе как об индивидуальности, становится все более активным творцом общественного процесса. Проявления активности личности возникают не в результате какого-либо первотолчка, вы-

зываемого темп или иными потребностями. Поиск «двигателя», дающего начало активности личности, необходимо искать в тех рождающихся в процессе деятельности противоречиях, которые и являются движущей силой развития личности. Кульминационным пунктом в ходе анализа личности в обществе является рассмотрение продуктивных (творчество, воображение, целоеобразование и т.п.) и инструментально-стилевых (способности, интеллект, характер) проявлений индивидуальности личности, т.е. личности, вступающей в отношение к самой себе, преобразующей мир, изменяющей свою собственную природу и подчиняющей ее своей власти.

При переходе деятельности личности от режима потребления, усвоения культуры в режим созидания и творчества биологическое и историческое время все более превращается в *психологическое время* жизни личности, строящей свои планы и воплощающей свою жизненную программу в социальном образе жизни данного общества. По словам Л. Сэва, «время жизни» человека превращается в его «время жить».

* * *

Итак, в схеме системной детерминации развития личности выделяют три следующих момента: индивидуальные свойства человека как предпосылки развития личности, социально-исторический образ жизни как источник развития личности и совместная деятельность как основание осуществления жизни личности в системе общественных отношений. За каждым из этих моментов стоят различные и пока недостаточно соотнесенные между собой области изучения личности.

Представления об *индивидуальных предпосылках развития личности* и их преобразовании в ходе ее развития остаются на уровне рассуждений, если не обратиться к богатым теоретическим конструкциям и эмпирическим данным, накопленным в дифференциальной психофизиологии, психогенетике, психосоматике и нейропсихологии. Вместе с тем исследования по дифференциальной психофизиологии, психогенетике и другим областям будут напоминать, если выразиться образно, «кошку, которая гуляет сама по себе», если не рассмотреть их предмет как органические предпосылки развития личности и тем самым вклю-

читать его в контекст целостной системы знаний о психологии личности.

При изучении общества как источника развития личности неизменно встают вопросы о ее социотипических проявлениях, ее социальной позиции в обществе, механизмах социализации и регуляции ее социального поведения, развития в социогенезе. Решение данных вопросов немыслимо без обращения к социальной, исторической, возрастной, педагогической, экологической психологии и этнопсихологии. В свою очередь каждая из этих дисциплин рискует «не увидеть за деревьями леса» и свести, например, «личность» к «роли» или смешать «социальный характер» с «индивидуальным характером», принять периодизацию развития психики за периодизацию развития личности в том случае, если другие детерминанты не будут находиться хотя бы на периферии исследования этих областей психологической науки. Разработка представлений о социально-историческом образе жизни как источнике развития личности помогает решить вопросы, *что* присваивается, приобщается личностью в процессе ее движения в системе общественных отношений, каковы возможности выбора, перехода от одного вида деятельности к другому, каково *содержание* приобретенных в этой системе черт и установок личности.

И при анализе индивидуальных предпосылок, и при исследовании социально-исторического образа жизни как источника развития личности постоянно следует учитывать, что речь идет не о параллельных линиях биогенетических и социогенетических программ жизни личности в обществе. С самого момента движения человека в обществе эти предпосылки начинают активно участвовать в жизни той или иной эволюционирующей системы влиять на ее развитие, *трансформироваться из предпосылок в результате ее развития*, использоваться личностью как средства достижения ее целей.

Особенно остро эта проблема встает при изучении индивидуальности личности как субъекта деятельности. Наиболее выражение индивидуальность личности, ее творчество, характер, способности, поступки и деяния проявляются в проблемно-конфликтных ситуациях, увеличивая потенциальные возможности развития культуры. При изучении индивидуальности личности

в центре оказываются вопросы о том, *ради чего* живет чело век, *какова* мотивация его развития, *каким, закономерностям* подчиняется его жизненный путь. Над решением этих вопросов работают помимо общих психологом представители возрастной, педагогической, социальной, инженерной психологии, психологии труда и медицинской психологии, т.е. тех отраслей психологии, перед которыми стоит задача воспитания личности и коррекция ее поведения. При исследовании индивидуальности личности как субъекта деятельности представители общей и дифференциальной возрастной, социальной исторической, клинической и инженерной психологии поднимают проблемы личностного выбора, самоопределения, саморегуляции личности, механизмов, обеспечивающих продуктивность деятельности личности, общих и специальных способностей как характеристика успешности выполнения деятельности. Они также ставят вопросы об изучении индивидуального стиля деятельности и характера как форм выражения личности в деятельности.

Комплексное решение названных проблем требует от специалистов-психологов, разрабатывающих психологию личности, создания по всей стране разветвленной сети психологических служб.

Выделенные ориентиры рассмотрения психологии личности выступают как основа для изучения сложной сети взаимоотношений между природой, обществом и личностью. Они также позволяют обозначить точки приложения усилий разных отраслей психологии, занимающихся изучением многообразных проявлений личности. Главное же значение этих ориентиров заключается в том, что они дают возможность представить разрозненные факты, методы и закономерности в едином контексте общей психологии личности.

Методология марксистской философии, общенаучные принципы системного анализа, деятельностный подход к изучению психических явлений позволяют выделить междисциплинарные связи в человекознании и наметить пути к пониманию механизмов развития и функционирования личности в природе и обществе.

Психология личности

Исходные психологические предпосылки и гипотезы

1. Вводные замечания

Знакомство с современным состоянием психологии личности обнаруживает отсутствие какой-либо однозначности, элементарной согласованности в понимании самого термина «личность». Мы уже обращали внимание в прошлой главе на частое смешение понятия «личность» с понятиями «индивид», «человек», «индивидуальность», «темперамент», «характер», «субъект» и т.п., причем каждый исследователь привносит в это смешение свой особый акцент, долю своего понимания (или непонимания), что еще более увеличивает пестроту взглядов. Понятие «личность» как бы разбелось по всем разделам психологической науки, стало расхожим, часто повторяемым. Любопытно заметить в этом плане, что обсуждение проблем личности даже в профессиональном кругу психологов (например, на кафедре общей психологии факультета психологии Московского университета, где работает автор) резко отличается от обсуждения проблем психофизиологии, восприятия или памяти. Если во втором случае спор обычно локализуется между непосредственными специалистами в данной узкой области, тогда как остальные, и прежде всего «личностники», занимают позицию сторонних наблюдателей, не решающихся высказать свое мнение в силу его заведомой некомпетентности, то в первом случае буквально каждый - специалист ли он в области исследования личности или нет - активно вступает в обсуждение и считает себя вполне компетентным для спора и утверждения (часто категорического) своего мнения.

Истоки такого отношения к проблеме личности в общем вполне понятны и объяснимы. В отличие, скажем, от исследования движений глаз или оперативной памяти проблема личности ин-

¹ Братусь Б.С. Аномалии личности. М., 1988.

интересует всех, но в то же время является необыкновенно широкой, сложной и многомерной. Эта многомерность отражена уже в самом богатстве языковых возможностей описания личности. Олпорт и Одберг обнаружили, например, в английском языке 17 тыс. слов, с помощью которых можно охарактеризовать поведение, относящееся к личности, из них 4505 являются названиями черт как таковых; Клагес насчитал 4 тыс. таких слов в немецком языке, а Баумгартен, выбравший более строгие критерии, - 1093. К.К. Платонов считает, что только в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова среди 52 тыс. включенных в него слов 1548 определяют свойства личности; по его же данным, в грузинском языке таких слов еще больше - около 4 тыс.

Как же возможно учесть все это обилие красок, их смешение, оттенки, полутона и найти то, что существенно для конкретного понимания личности, для выявления предмета ее психологического изучения? Наиболее очевидным и едва ли не единственным путем поиска ответа часто считается путь исследования тех или иных отдельных черт личности и их последующего соотношения между собой. Согласно этому направлению, надо внимательно изучить и описать все детали, а затем уже составлять общее представление о конструкции в целом.

Однако, несмотря на всю, казалось бы, разумность, такой подход продемонстрировал по сути его полную несостоятельность. Архивы психологии стали необозримыми, они буквально переполнены данными, полученными с помощью экспериментов, опросников, тестов, наблюдений и т.п. Но чем более накапливается фактов, тем очевиднее становится, что, ни взятые сами по себе, ни в своей совокупности, они не способны дать представление о целостной живой человеческой личности. Из этих данных можно было бы вполне составить обширную многоплановую экспозицию, целый «музей» психологических черт и механизмов, но сама фигура личности как таковая в этом «музее» явно бы отсутствовала, причем для полноты образа добавим, что устроителей такого «музея» - психологов, изучающих личность, - это обстоятельство практически мало бы смущало и единственное, чем бы они были серьезно озабочены, - это изысканием новых площадей (т.е. научных журналов, лабораторий и т.п.) для размещения и представления результатов своих очередных изысканий и опытов, направленных на поиск еще одной (n+1-й) детали неизвестного целого. Следование психологов по этому пути было,

конечно, не результатом их личного заблуждения, а следствием вполне определенных исторических причин. Мы уже говорили в предыдущей главе, что, отделившись от философии, психология в стремлении стать самостоятельной наукой обратилась прежде всего к опыту естественных дисциплин. Это выразилось, в частности, в заимствовании моделей научного исследования, образцов методологического подхода. Одна из таких моделей состояла в том, что последовательное и полное изучение отдельных частей некоторой системы, их взаимных связей приводит к познанию всей системы в целом. Однако, как показал еще Кант, это может быть верно на уровне механических систем. На уровне живых систем такая модель не работает. Здесь целое определяет части, а не части целое. Функция и назначение отдельных частей и деталей могут быть поняты только в свете целостного представления.

Необходимость поворота к целостным, обобщающим гипотезам, к выработке широких теоретических взглядов, способных объединить, осветить частности психологических исследований и наблюдений, стала особенно очевидной и острой в отечественной психологии где-то с начала 70-х годов. А.Н. Леонтьев неоднократно подчеркивал, что главным препятствием, камнем преткновения в изучении личности является вопрос о соотношении общей и дифференциальной психологии. Подавляющее большинство авторов идет путем дифференциальных исследований, суть которых сводится к тому, что выделяются признаки, имеющие или способные иметь какое-либо отношение к личности, затем они коррелируются между собой, вследствие чего выделяются факторы, индивидуальные профили и т.д. Не ставя под сомнение правомерность и просто необходимость во многих случаях применения дифференциального подхода (проблемы профотбора, диагностики и т.п.), приходится, однако, констатировать, что следование преимущественно лишь по этому пути уводит психологию от изучения личности как таковой, подменив его по сути изучением индивидуальных различий. В результате и создалось нынешнее парадоксальное положение: несмотря на обилие работ, в заголовке и тексте которых фигурирует слово «личность», реальная личность человека, если воспользоваться замечанием одного западного психолога, «растворилась в тумане метода». Едва ли не основную причину этого А.Н. Леонтьев

усматривал в том, что «изучение корреляций и факторный анализ имеют дело с вариациями признаков, которые выделяются лишь постольку, поскольку они выражаются в доступных измерению индивидуальных или групповых различиях» и, далее, «подвергаются обработке безотносительно к тому, в каком отношении находятся измеренные признаки к особенностям, *существенно* характеризующим человеческую личность».

Увлечение формализованными методами вызвало беспокойство и многих психологов за рубежом. Так, В. Метцгер на вопрос о том, как он оценивает состояние психологии, писал: «Прогноз не является очень радостным, потому что как раз среди молодых людей энтузиазм по отношению к новым методам, пришедшим в большинстве случаев из англосаксонских стран, столь велик, что часто они, как мне кажется, рассматривают психологию как резервуар для упражнений на статистические и другие методические задачи, так что собственные основания проблем больше не видятся, а метод в известной степени становится самостоятельным». Об этом же писал и известный американский ученый С. Тулмин: «Принятый позитивистский подход привел к тому, что бихевиористские методы проникли всюду, в множество никак не сообщающихся между собой, часто узкоспециализированных дисциплин... преобладающим стал принцип: чем уже и определеннее ставится вопрос исследователя, тем он более «научен». Так, например, зачастую задача исследования сводится к получению статистических корреляций между числовыми значениями «поддающихся подсчету» вариативных данных».

Альтернативой подобным подходам является развитие *общей психологии личности*. И здесь, в частности, одной из главных задач должно стать выделение того, что с точки зрения психологии относится к собственно личности. Не к личности ученого, инженера, рабочего, студента, астеника, флегматика и т.п., что обычно составляло предмет психологического рассмотрения, а к личности как к совершенно особому психологическому образованию, особому уровню отражения, который будет конечно же по-разному преломляться в людях разных профессий, обладающих разными темпераментами и особенностями нервной организации. Без создания такого целостного представления о личности нельзя с достаточной степенью осознанности и полно-

ты подойти к насущным вопросам развития, воспитания и коррекции личности.

Особенно пагубно сказывается отсутствие целостной общепсихологической концепции при исследовании аномалий личности. Отдельные, даже блестяще разработанные, аспекты, «куски» теории личности оказываются явно недостаточными для такого рода исследований. Проблемы аномального развития настолько тесно взаимосвязаны с реальной жизнью, многосторонни, «целостны», что их возможно сколь-либо глубоко отразить только в достаточно целостной теоретической концепции, причем, и это важно подчеркнуть, теоретической концепции «среднего уровня», т.е. исходящей из общих методологических принципов, но в то же время могущей быть примененной к исследуемой реальности, ее анализу и коррекции.

При этом перед нами по крайней мере два возможных основных пути. Один - использовать уже имеющиеся подходы к изучению аномалий, данные психолого-клинического опыта и исходя из этого материала строить подходящую теорию. Здесь, однако, сразу встает вопрос: как будет относиться построенная таким путем теория к развитию нормальному и что мы, исходя из патологии, будем подразумевать под нормой?

В начале первой главы мы уже приводили типичные ответы на этот вопрос, согласно которым норма понимается лишь как отсутствие или слабая, не мешающая социальной адаптации выраженность болезненных явлений, их относительная скомпенсированность. Патология при этом часто рассматривается как увеличительное стекло, сквозь которое становится явно заметным, гипертрофированным и потому легко обозримым скрытое от нас в норме. В этом плане можно сослаться еще на Гарвея, который писал: «Нигде так явно не открываются тайны природы, как там, где она отклоняется от проторенных дорог». Однако сама констатация отклонения подразумевает некое понимание меры, эталона, относительно которого оно произошло, поэтому, постулируя изучение аномалий как исходный момент, мы тем самым неизбежно (а вовсе не вследствие частных заблуждений) приходим к пониманию нормы как отсутствия недостатков, но не присутствия некоего достоинства со всей уже отмеченной ранее методологической ограниченностью этого взгляда.

Другой, принципиально иной путь требует в качестве первого необходимого шага создания развернутого, методологически обоснованного, позитивного представления об общем, нормальном развитии, его принципах, закономерностях, отталкиваясь от которых появляется реальная возможность судить об аномалиях, отклонениях от этого развития. Надо ли говорить после всего сказанного, что мы отдаем решительное предпочтение данному подходу. Если образно представить теорию как зеркало, призванное отражать мир, то, на наш взгляд, аномалии должны видаться, познаваться, исследоваться через отражение их в ориентированной на позитивное представление о норме теории и рассматриваться тем самым как собственно отклонения, искривления развития, нежели принимать за должное обратную позицию, столь свойственную пока современной психологии, - судить о норме на основании ее отражения в искривленных зеркалах ориентированных на патологию теорий*.

2. Гипотеза об уровнях психического здоровья

В контексте нашего изложения сказанное выше должно означать, что предстоит продолжить движение от абстрактного к конкретному, начатое в первой главе, с тем чтобы данное там общее представление о личности по возможности дове-

* Нслишне заметить, что взгляд на норму только через анализ, гипертрофию ее возможных недостатков, проецируя в широкое обыденное сознание, может сыграть (и уже во многом вследствие своей распространенности сыграл) весьма пагубную роль в формировании нравственных ориентаций. Он как бы развенчивает человека, давая любым самым невысшим проявлениям заземленное, часто прямо идущее от болезни объяснение, сводя все к «сублимации», действию замаскированных элементарных эгоистических «инстинктов» и т.п. Продолжив аналогию с зеркалом, как не вспомнить здесь мудрую андерсеновскую историю-предостережение о злом тролле, который «смастерил такое зеркало, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось дальше некуда, а все дурное и безобразное так и выпирало, делалось еще гаже... А если у человека являлась добрая мысль, она отражалась в зеркале такой ужимкой, что тролль так и покатывался со смеху, радуясь своей хитрой выдумке. Ученики тролля - а у него была своя школа - рассказывали всем, что сотворили чудо: теперь только, говорили они, можно увидеть мир и людей в их истинном свете. Они бегали повсюду с зеркалом, и скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые бы не отразились в нем в искаженном виде».

сти, конкретизировать до развернутой психологической концепции*.

Напомним, что в этом общем представлении личность рассматривалась как способ организации, инструмент, орудие присвоения человеческой сущности. Этим мы как бы подтверждали, экстраполировали идущее в отечественной психологии от Л.С. Выготского понимание человека как существа производящего, строящего орудия и инструменты своего развития. Причем орудия эти могут быть не только внешними, вещными, конкретно представленными - лопата, топор, станок, ЭВМ, но и внутренними, психологическими - способ мышления, специальные приемы запоминания, воображение, построение образа, использование знака и т.п.

Следующим шагом в этом направлении должно было стать понимание развитых внутренних психологических орудий не только как средств решения возникающих перед индивидом задач, но и как особого рода «психологических органов», в функции которых входит относительно самостоятельное продуцирование самих задач, обеспечение и закрепление определенных, достаточно единообразных способов их решения, взаимодействие с другими подобными «психологическими органами» и т.п. Ценной аналогией здесь служит представление о «функциональных органах»**, которые возникают складываются в нервной систе-

* Путь этот пока не является в психологии частым. Как справедливо замечает В.Е. Кемеров, обычно «психология шла не по пути «реконструкции» психики на основе истолкования личностного бытия а, наоборот, - по пути «реконструкции» бытия личности на основе описания ее психики».

** «...Одним из крупнейших современников И.П. Павлова А.А. Ухтомским, была выдвинута мысль о существовании особы физиологических или функциональных органов нервной системы. Это органы, которые функционируют так же, как и обычные морфологически постоянные органы; однако они отличаются от последних тем, что представляют собой новообразования, возникающие в процессе индивидуального (онтогенетического) развития. Они-то и представляют собой материальный субстрат тех специфических способностей и функций, которые формируются в ходе овладения человеком миром созданных человечеством предметов и явлений - творениями культуры... Теперь мы можем более ясно представить себе и то, в чем именно выразилось очеловечивание человеческого мозга... Оно выразилось в том, что кора человеческого мозга с ее 15 миллиардами первых клеток стала в гораздо большей степени, чем у высших животных, органом, способным формировать функциональные органы».

ме в единое целое прижизненно, в тесной зависимости от конкретных внешних условий и обстоятельств, и затем начинают функционировать с той же устойчивостью, что и морфологически наследственно обусловленные органы. «Органом, - писал А.А. Ухтомский, - может быть всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение». Эта, безусловно, важнейшая гипотеза была направлена по преимуществу в сторону высшей физиологии и не касалась сути психологических проблем. Лишь в трудах А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца, а в последнее время В.П. Зинченко и его сотрудников гипотеза получила развитие применительно к ряду областей психологии и стало возможным говорить об отдельных психологических структурах (мышления, памяти, действия) не только как о психологических орудиях, но и как о психологических органах.

Настает, видимо, пора применить эти представления и к изучению личности. Прежде всего обратим внимание на взаимосвязь двух обсуждаемых понятий - «психологическое орудие» и «психологический орган». Орудие, будучи развитым и обретшим относительную самостоятельность в рамках целостной организации, приобретает функции органа. С генетической точки зрения орудие есть то, что может стать органом, есть орган в потенциале. Орган же в свою очередь - зрелое орудие, - орудие, переставшее быть только средством, способом реализации чужой воли, но приобретшее собственную волю (а порой своеволие), собственную активность. Эта активность в рамках психической организации человека имеет по крайней мере два основополагающих направления. Одно состоит в познании внешнего мира, производстве предметов, преобразовании окружающего. Другое направление связано с нахождением *смысла* своего бытия в мире и многочисленных продуктов, следствий этого бытия. Каждое из этих направлений порождает и соответствующие сферы приложения психической активности. Одна из них есть «мир вещей», причинно-следственных отношений, другая есть «мир идей», мир смыслов. Соответственно этому деятельность в «мире вещей» можно назвать деятельностью производства «вещных» продуктов, предметов, измерений, тогда как деятельность в «мире идей» следует назвать деятельностью смыслообразования, производства смыслов. Если продукты деятельности первого рода зримы и осязаемы, могут быть непосредственно и в объективной форме предъявлены другому, то про-

дукты деятельности второго рода субъективны, мало и трудно поддаются объективации, непосредственной передаче другому.

Следует сразу подчеркнуть, что две указанные сферы существуют во взаимосвязанных, хотя и во многом противоречивых, отношениях. Дело в том, что первая сфера не несет в себе смысла своего существования, смысл этот должен быть найден, доказан, и тем самым она нуждается в постоянном и все новом, по мере ее развития, осмыслении, т.е. в продуктах деятельности другой сферы - сферы смыслообразования. В то же время «производство» смыслов никогда не существует в некоем «чистом» виде, но всегда нуждается в материале реальности, с одной стороны, как источнике, толчке к смыслообразованию, а с другой стороны, - поле, полигоне реализации уже обретенного смысла, попыток его объективации. П.А. Флоренский, который еще до Л.С. Выготского четко поставил проблему орудийности человеческой психики, писал, что творчество разума распадается на производство *вещей*, смысл которых не нагляден, и производство *смыслов*, реальность которых не очевидна. Необходимо поэтому доказывать осмысленность вещей и вещьность смысла.

Это несовпадение и одновременно взаимозависимость, взаимосвязанность двух сфер, создаваемое между ними внутреннее напряжение, противоречие есть по сути отражение общего противоречия между обусловленной данной конкретной ситуацией ограниченностью каждого отдельного человека и его потенциальной универсальностью, безграничными возможностями, безмасштабным развитием, предполагаемым родовой человеческой сущностью*. На уровне индивидуального сознания это противоречие обычно отражается как противоречие между «я» реальным и «я» идеальным, между «я» сегодняшним и «я» буду-

* «Убеждение в том, что вещи существуют не сами по себе, а обладают еще каким-то важным и существенным для человека «смыслом», растет из особого положения человека в мире, - пишет В.М. Межуев. - В своем стремлении постичь смысл вещи, раскрыть его средствами мифологического, религиозного, художественного или философского сознания люди исходят не из своей чисто природной потребности в ней, а из своей общественной, «родовой» потребности, определяемой существованием того общественного целого, к которому они принадлежат. Они как бы смотрят на вещь глазами этого целого, пытаясь увидеть в ней то, что имеет значение для их жизни в границах данного целого. Будучи сам «родовым» существом, человек и в вещах ищет то, что составляет их общий «вид», «эйдос», «идею», что образует их «родовую» сущность».

щим; как противоречие между бытием и долженствованием, реальным и потенциальным, вещным и смысловым.

Ниже, когда мы будем рассматривать строение смысловой сферы, динамику деятельности, мы постараемся развить эти исходно важные для нас общие положения, а теперь вернемся к определению личности как способу организации, орудию присвоения человеческой сущности. Нетрудно после сделанных выше замечаний увидеть, в каком новом дополнении, конкретизации нуждается это определение. Поскольку присвоение человеческой сущности распадается на присвоение «мира вещей», причинно-следственных связей и отношений и на присвоение «мира идей», производство смысловых образований, то соответственно и орудия, органы психической деятельности неоднородны, но распадаются, вернее, тяготеют к двум соответствующим сферам. Если же применить «поуровневый» подход*, то следует говорить о разных измерениях, уровнях психического аппарата. Один уровень мы назовем *собственно личностным* или *личностно-смысловым*, «ответственным» за производство смысловых ориентаций, определение общего смысла и назначения своей жизни, отношений к другим людям и к себе. Специально подчеркнем при этом, что речь идет не об абстрактной философской рефлексии, а о вполне насущной и каждым так или иначе решаемой задаче осмысления, смыслового оправдания своего бытия**.

Однако смысловые ориентации не могут сами по себе обеспечить присвоение человеческой сущности, они лишь определя-

* «Поуровневый» подход имеет весьма давнюю историю. Деление на «душу» и «тело», которому тысячи лет, можно рассматривать как первую попытку такого рода. Не менее почтенный возраст имеет и трехчленное деление на «телесное», «душевное» и «духовное». Двух- и трехчленное деление, наполненное, разумеется, иным содержанием, остается наиболее распространенным и сейчас. Напомним лишь некоторые примеры: индивид - личность (А.Н. Леонтьев); субъект-личность (П.Я. Гальперин); индивид-личность-индивидуальность (Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов); индивид - субъект - личность (Ш.А. Надирашвили); организм - индивид - личность (М.Г. Ярошевский) и др. В развиваемых ниже взглядах на проблему психического здоровья мы также будем придерживаться трехчленной традиции.

** Напомним в данной связи слова Л.Н. Толстого о том, что «неизбежно необходимое для живых людей знание было и есть всегда одно: знание своего назначения в том положении, в котором находит себя человек в этом мире, и в той деятельности или в том воздержании от деятельности, которое вытекает из понимания этого назначения»¹⁰. Кроме двух обозначенных уровней необходи-

ют те или иные устойчивые отношения к ней. Для реализации, овеществления, опредмечивания этих отношений необходима соответственно организованная активность человека, его деятельность, неизбежно несущая при этом на себе печать всех его индивидуальных особенностей, характерологических черт и свойств. Этот другой уровень мы назовем уровнем *реализации, индивидуально-исполнительским* или *индивидуально-психологическим* уровнем.

Кроме двух обозначенных уровней необходимо, особенно в контексте изучения аномального развития, ввести в рассмотрение еще один - *психофизиологический* уровень. В противном случае личностные процессы как бы повиснут в воздухе и будут пониматься без учета роли биологической, нейрофизиологической базы, которая обуславливает как саму возможность функционирования процессов психического отражения, так и существенные особенности строения и динамики, режимов этого функционирования.

В соответствии с таким подходом будет строиться и наше представление о психическом здоровье. Его следует рассматривать не как однородное образование а как образование, имеющее сложное, поуровневое строение. Высший уровень психического здоровья - личностно-смысловой, или *уровень личностного здоровья*, который определяется качеством смысловых отношений человека. (В первой главе мы уже называли некоторые философско-психологические основания критериев нормальности.) Следующий уровень - *уровень индивидуально-психологического здоровья*, оценка которого зависит от способностей человека построит адекватные способы реализации смысловых устремлений. Наконец, *уровень психофизиологического здоровья*, который определяется особенностями внутренней, мозговой, нейрофизиологической организации актов психической деятельности.

мо особенно в контексте изучения аномального развития ввести в рассмотрение еще один - психофизиологический уровень. В противном случае личностные процессы как бы повиснут в воздухе и будут пониматься без учета роли биологической, нейрофизиологической базы, которая обуславливает как саму возможность функционирования процессов психического отражения, так и существенные особенности строения и динамики, режимов этого функционирования.

Нетрудно предположить, что каждый из данных уровней, имея свои критерии, должен иметь и свои особые закономерности протекания. Из этого в свою очередь следует и другая гипотеза: несмотря на взаимосвязь и взаимообусловленность уровней, возможны самые различные варианты их развитости, степени и качества их здоровья. Иначе говоря, психическое здоровье, будучи многоуровневым, может страдать на одних уровнях при относительной сохранности других*. Представим последнюю гипотезу в формализованном виде.

Если рассматривать психофизиологический уровень как первый, тогда здоровье этого уровня, психофизиологическое здоровье, можно обозначить как N1, а отклонения от него - как N1. Соответственно здоровье и отклонения следующего уровня - индивидуально-исполнительского - обозначим как N2 и N2, а личностное здоровье и отклонения от него - как N3 и N3. Отсюда можно в принципе построить трехмерный массив данных и соответствующее «трехмерное пространство психического здоровья», каждая ось которого будет соответствовать тому или иному измерению, плоскости этого здоровья - личностной, индивидуально-исполнительской и психофизиологической. Тогда любое психическое состояние человека может быть представлено как точка в этом пространстве, координаты которой заданы наличными - либо положительными (степени здоровья), либо отрицательными (степени нездоровья) - показателями по каждой из осей. Общий вид предполагаемых здесь сочетаний может быть представлен в виде следующих двух матриц, первая из которых (I) показывает, какие варианты могут соседствовать с

* Нелишне заметить, что применение термина «уровень» является здесь в достаточной степени условным (равно, впрочем, как и в перечисленных выше в примечании примерах «поуровневых» делений). Об уровнях в строгом значении уместнее было бы говорить при изменении какого-либо свойства или качества, когда, скажем, каждая новая ступень подьема вбирает в себя, как бы «заполняет» нижележащие, пройденные, оставленные уже уровни (так говорят о повышении уровня образования, культуры и т.п.). В нашем же случае речь идет скорее о составляющих, параметрах, этапах психического здоровья, существующих (живущих) одновременно, пусть глубоко взаимосвязанно и взаимозависимо, но все же не поглощая и не замняя друг друга. Но поскольку понятие поэтапного подхода пока не привычно, да и ассоциируется больше со строительным делом, нежели с психологией, мы с учетом высказанных оговорок будем в основном использовать устоявшуюся, «уровневую» терминологию.

личностным здоровьем (положительное значение соответствующей оси рассматриваемого трехмерного пространства, обозначенное нами как N3), а вторая (II)- какие варианты могут соседствовать с отклонениями личностного здоровья (отрицательное значение соответствующей оси, обозначенное нами как N3).

I	II
1. N1N2N3	5. N1N2N3
2. N1N2N3	6. N1N2N3
3. N1N2N3	7. N1N2N3
4. N1N2N3	8. N1N2N3

В нашу задачу не входит подробное рассмотрение всех выделенных классификационных ячеек, поскольку это заняло бы слишком много места и увело от основной логики работы. Ниже (гл. IV и V) мы остановимся лишь на некоторых типичных структурах психического здоровья, характерных прежде всего для тех видов аномального развития личности, которые непосредственно попадут в фокус нашего рассмотрения. Однако одно, поистине фундаментальное, взаимоотношение сразу требует особого и пристального рассмотрения в контексте данной книги: это взаимоотношение первого - психофизиологического - с двумя вышележащими - собственно психологическими - уровнями. Нетрудно видеть, что по сути своей способ определения этих взаимоотношений является частным, производным от того или иного решения более общей методологической проблемы - проблемы соотношения биологического и социального в человеке, поскольку первый уровень непосредственно связан с наследственными, биологическими характеристиками, тогда как два последующих зависят от социальных условий обучения и воспитания.

3. О роли биологического в формировании личности

Поскольку речь идет о биологическом и социальном в психике человека, то необходимо рассмотреть соотношение трех реальностей: биологической, психологической и социальной. Сузим картину, возьмем прежде соотношение двух реальностей - биологической и психологической, а затем уже вернемся к третьей - внешней, социальной реальности.

Собственно человеческая, сложно организованная психика может сформироваться и успешно функционировать в каждом

отдельном человеке лишь при определенных биологических условиях, куда входят и требования к содержанию кислорода в крови и обеспечению питания мозга, и необходимость для успешной жизнедеятельности солнечных излучений, и согласная работа отделов нервной системы и многое, многое другое. Существует огромное количество этих параметров и звеньев нашего телесного существования, живое содружество которых обеспечивает «на выходе» необходимые для протекания психических процессов условия. В норме все системы находятся в динамическом внутреннем равновесии, создавая относительное постоянство диапазона условий, нужного для продуктивной работы психического аппарата. Степень здоровья организма определяется запасом прочности, стойкости в отношении пагубных влияний, т.е. тем, насколько легко и надежно защитные силы гасят, компенсируют эти влияния, не допуская искажения условий работы психики (подобно тому как рессоры хорошего автомобиля гасят неожиданные ухабы дороги, не допуская лишних помех и неудобств для работы водителя). Что касается больных организмов, то, как писал А.Л. Чижевский, их можно рассматривать как системы, находящиеся в состоянии неустойчивого равновесия. Здесь отсутствует или крайне мал запас прочности (здоровья) в отношении вредоносных воздействий; такие воздействия вовремя не гасятся, в результате чего общая неустойчивость еще более возрастает. Все это создает «на выходе» перебои, искажения основных физиологических условий протекания психических процессов, что не может не сказаться на качестве этих процессов.

Итак, психическое всегда действует, протекает, разворачивается в рамках определенных биологических (физиологических, организмических) условий. Для постоянства и «самостоятельности» логики развития психики (т.е. ее относительной независимости от перипетий жизнедеятельности организма) необходимы обеспечение нужного диапазона этих условий, их устойчивость. Серьезное нарушение внутреннего равновесия изменяет характер протекания психических функций, тем самым так или иначе влияя на эти функции. Причем надо ясно осознавать, что это именно две реальности, которые можно различить, с одной стороны, как класс условий, а с другой - как процесс, протекающий в этих условиях.

Вернемся теперь к роли третьей реальности - реальности

внешней, социальной - миру предметов и явлений, общения и борьбы, в котором живет человек. Эта реальность является формообразующей, «ответственной» за содержание психических процессов, ведущей специфической детерминантой развития человеческой психики. Но при этом следует помнить, что реальность социальная, воздействия социального мира прямо не переходят в реальность психическую. Вот здесь-то мы и должны применить ценную формулу С.Л. Рубинштейна: внешние причины действуют, преломляясь через внутренние условия. Следует только помнить, что внутренние условия не есть соединенные в одну совокупность биологические и психологические особенности*. «Внутреннее» есть собственно душевная, психическая реальность. Однако конкретные процессы этой реальности в свою очередь постоянно протекают в рамках условий, определяемых биологической, физиологической природой.

Формула «внешнее через внутреннее» описывает в основном характер воздействия на психику внешних, социальных причин, бытия - на сознание. Для того чтобы выделить другой важнейший аспект (который в философско-психологическом плане мы уже затрагивали в гл. 1) - созидательную творческую активность психики человека, в частности ее преобразующее влияние как на социальные общественные процессы, так и на

* Мы делаем эту оговорку, поскольку у самого С.Л. Рубинштейна внутренние условия понимались как раз в таком расширенном толковании. «При объяснении любых психических явлений, - писал он, - личность выступает как восходящая связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия». Структура личности при этом рассматривалась как включающая в себя и черты, обусловленные природными данными и общие для всех людей (например, свойства зрения, вызванные распространением солнечных лучей на Земле), и условия, которые изменяются в ходе исторического развития (например, особенности фонематического слуха, вызванные строем родного языка), и свойства высшей нервной системы, и, наконец, систему мотивов и свойств характера¹². Подобный «тотальный» подход к личности, слияние в одну разнородных образований, отнесение к ней как физиологических, так и собственно психических свойств во многом, на наш взгляд, снижали ценность формулы «внешнее через внутреннее» и, возможно, явились причиной, по которой эта формула не нашла пока должного применения в исследованиях личности. При таком подходе оказывается затрудненной и возможность конкретно разобраться в той специфической роли, которую играют различные особенности организма, перинатальное его «биогенное» в нормальном и отклоняющемся развитии.

собственное развитие, - необходимо воспользоваться следующей формулой, предложенной А.Н. Леонтьевым: «Внутреннее... действует через внешнее и этим само себя изменяет». Важно заметить, что данная формула вовсе не отменяет, а существенно дополняет, корректирует действие предыдущей, взятые же вместе, они достаточно полно отражают реальное движение психики, подчеркивая, акцентируя разные моменты постоянного «кольцевого» взаимодействия, взаимосозидания внутреннего и внешнего, бытия и сознания.

В этом взаимодействии биологическая природа человека участвует как необходимое условие протекания, развертывания внутренних психических процессов. Понятно отсюда, что изменение физиологических параметров изменяет и характер протекания психических процессов, что может сказываться на формировании сложных психических образований, включая и личность человека. Нельзя поэтому сколько-нибудь игнорировать биологические особенности, сводить чуть ли не все в характеристике человека к производственным, общественным отношениям, социологизаторскому подходу, которому, по мнению Б.Ф. Ломова, присуща трактовка человека как некоторого сгустка экономики, культуры или социума, начисто лишенного всего биологического, органического, вообще природного. Между тем биологическое составляет необходимое условие, в котором разыгрывается драма психической жизни. Соматическое, психофизиологическое здоровье есть постоянство и оптимум* этих условий; болезнь есть большее или меньшее их искажение. Особенно пагубными являются психические болезни. Рамки условий при неблагоприятном течении таких болезней настолько суживаются, что образуют как бы сходящийся коридор, воронку. Это

* Здесь, что отметил, наверное, внимательный читатель, мы уже второй раз используем критерии, о которых критически отзывались в начале предыдущей главы. Сначала это был критерий внутреннего равновесия, гомеостаза; теперь - критерий оптимальности. Однако подчеркнем во избежание недоразумений, что наша критика была направлена не на сами по себе критерии - каждый из них правомерен на своем месте, а на неадекватность или по крайней мере малую эффективность их применения к собственно психологическим уровням человеческого развития, в особенности к уровню личностному. Сейчас же речь идет об организменных системах, к которым вполне применимы критерии внутреннего равновесия и критерий оптимальности. Под последним в данном

накладывает резкие ограничения на свободу психического развития и может создавать впечатление, что биологическое непосредственно продуцирует, производит ту или иную аномалию или дефект личности. Однако следует помнить, что сами по себе эти рамки, сколь бы узкими и ограниченными они ни были, не формируют психики, не наполняют ее содержанием и смыслом. Они, повторяем вновь, составляют класс условий, в которых разворачивается собственно психологический процесс - процесс формирования аномалий личности.

Такая постановка отнюдь не отводит биологическим особенностям малозначимую роль в аномальном развитии. Напротив, именно ими создаются условия, необходимые для формирования данного вида патологии личности, вне их невозможно появление присущих этому виду психопатологических черт, как невозможна и сама психическая болезнь. Поэтому психологическое исследование в этой области должно не просто констатировать те или иные биологические характеристики болезни, но рассматривать всякий процесс психических изменений как протекающий в рамках этих условий*.

Конечно, для психолога вовсе не обязательно (хотя, вероятно, и желательно) изучение биохимических или анатомических основ болезни. Но совершенно необходимы знание и учет тех условий, которые могут непосредственно влиять на протекание психических процессов. А это прежде всего высшая физиоло-

случай подразумевается такой результат работы рассматриваемых систем, который обеспечивает широту и постоянство диапазона условий функционирования психического аппарата. Критерий оптимальности вообще является безличным, чисто «технологическим» показателем, и в этом плане он применим по сути к любому процессу с обязательным, однако, условием четкого представления о том, что именно должен представлять собой данный оптимум, что он должен обеспечивать, чему (обычно вышележащему по уровню) он призван служить.

* А.Н. Леонтьев неоднократно подчеркивал, что будущее психологии зависит от способности освоения «межуровневых переходов», которые связывают психологический уровень с биологическим и социальным. Но надо согласиться с М.Г. Ярошевским, что главные результаты в анализе деятельности получены пока лишь на одном из «переходов» - от социального уровня к психологическому. Другой же важнейший «переход» - от биологических уровней к психологии - остался фактически не разработанным. Анализ аномального развития может дать, на наш взгляд, очень многое для заполнения этого пробела.

гия, которая обеспечивает работу психического аппарата, обуславливая инертность или подвижность, уравновешенность или неустойчивость, силу или слабость нервной системы и другие показатели внутренней нейрофизиологической, психофизиологической организации актов психической деятельности. Поэтому мы обозначили в качестве первого уровня, требующего учета в психологическом анализе, именно уровень психофизиологический, а не уровень, скажем, организма вообще. Организм в свою очередь - сложная, многоуровневая система, в которой далеко не все имеет непосредственное касательство к обеспечению психических процессов. Так, организм может быть болезненно изменен на тонком биохимическом уровне, в нем достаточно долгое время могут зреть и развиваться злокачественные явления, однако до поры, пока они существенно не затронут психофизиологические процессы, это не будет сказываться на психическом отражении*. Поэтому для психолога оперативно важны не все знания об организме, не вся область физиологии, а лишь та ее часть, которая непосредственно влияет на функционирование психического аппарата. Так, невралгия тройничного нерва иногда сопровождается значительными изменениями психического облика - человек перестает интересоваться окружающим, замыкается в себе и т.д. Для исследования психологической природы этих изменений не обязательно подробно знать анатомическое строение тройничного нерва или особенности нервного импульса, но необходимо постоянно учитывать, что психика, личность страдающего этой невралгией формируются в условиях непрерывного ожидания острой психофизиологической реакции - приступов боли, которая иногда настолько резка и нестерпима, что «лишь уверенность в окончании приступа примиряет больного с жизнью».

Изменить биологические условия болезни - задача не психологическая, а медицинская. Но есть и другая важнейшая задача, разрешение которой имеет поистине общегосударственное значение, - социальная и трудовая адаптация больного человека,

* «Редко кто проходит медицинское обследование, - констатирует И.И. Брехман, - без одного или нескольких диагнозов в заключении, хотя сам человек чувствует себя здоровым и трудоспособным».

приобщение его к полноценной жизни. И разработка этой проблемы немыслима без широких психологических исследований, ведь человек не просто пассивно приспосабливается к биологическим условиям болезни, которые, подобно жесткому клише, единообразно оттискивают его психический облик, но способен компенсировать, преодолевать их, строить, творить себя даже в стесненных условиях. Мы, правда, с детства прочно затвердили, что «в здоровом теле - здоровый дух», а следовательно, в теле больном и дух болен, но реальность учит другому - тому, что помимо этих вариантов (которые, согласно изложенной в предыдущем параграфе типологии, занимают позиции 1 и 8) есть еще два, и тоже достаточно типичных, иллюстрации к которым легко подберет из своего опыта не только профессиональный психолог, но и любой психолог-любитель, любой внимательный наблюдатель жизни. Эти варианты (в нашей типологии они значатся под номерами 2 и 7) суть следующие: во вполне здоровом теле может бытовать дух упадка и разложения, и, напротив, духовное здоровье и ясность сочетаться с тяжкими болезнями тела*. Поэтому конечная цель психологического исследования отклонений в развитии личности, наблюдаемых при тех или иных болезненных страданиях, есть нахождение путей преодоления диктуемых болезнью условий, путей полноценной компенсации идущих от болезни симптомов и соответственно психологическая помощь и поддержка человека в следовании по этим нелегким путям.

* Распространенность этих двух вариантов и дала, видимо, повод к появлению следующего четверостишия, построенного как оппозиция затасканной латинской пословицы:

В здоровом теле -
Здоровый дух,
На самом деле -
Одно из двух.

Что касается профессиональных свидетельств существования вариантов соотношения биологической и социальной полноценности, то сошлмся, например, на мнение столь опытного клинического психолога, как В.Н. Мясищев. «... Могут быть выделены, - писал он, - четыре основных типа: 1) тип социально и биологически полноценный; 2) социально полноценный при биологической неполноценности; 3) биологически полноценный, а социально неполноценный и 4) социально и биологически неполноценный».

4. Смысловая сфера личности*

Мы видели, что биологическое, точнее, быть может, сказать, органическое** составляет необходимое условие психического развития. Другое важнейшее условие - социальное окружение, мир культуры. Но, как уже подчеркивалось выше, из самих по себе условий, предпосылок, сколь бы мы их детально ни изучали, никакое живое развитие невыводимо. Требуется «идти дальше», - писал по этому поводу А.Н. Леонтьев, - и исследовать развитие как процесс «самодвижения», т.е. исследовать его *внутренние* движущие отношения, противоречия и взаимопереходы, так что его предпосылки выступают как в нем же трансформирующиеся, его собственные моменты». Что же тогда определяет внутреннее движение этого развития, что составляет его движущие противоречия и взаимопереходы?

В отечественной общепсихологической науке, прежде всего в трудах А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, А.В. Запорожца, П.Я. Гальперина, Д.Б. Эльконина и др., дан достаточно однозначный ответ на этот вопрос: источники движущих противоречий надо искать в системе предметной деятельности субъекта. Следует, однако, сразу сказать, что изучение деятельности отнюдь не прерогатива психологии. Деятельность - важнейший общепсихологический объяснительный принцип. В истории европейской философии выделяется всего три таких принципа: Космос (в античной философии и науке), Природа (в философии и науке Нового времени) и Деятельность (начиная с XVIII-XIX вв. - в классической немецкой философии). Психологию интересует прежде всего роль деятельности в формировании психического аппарата отражения и в связи с этим ее внутреннее строение и динамика.

Кратко обозначим основные понятия, которыми обычно оперируют в рассуждениях о психической деятельности. Исход-

* Взгляды, изложенные в этой главе, получили свое развитие в дальнейших публикациях автора (см., в частности, главу «Типологическая модель» Б.С. Братуся в хрестоматии «Психология и психоанализ характера», Изд. дом «БАХ-РАХ», Самара, 1998 г., с. 155-172).

** Следует, видимо, согласиться с П.Я. Гальпериным, который настаивает на том, что термин «органическое» является более подходящим, поскольку не содержит в отличие от понятия «биологическое» указания на «животное в человеке», а ориентирует прежде всего на имеющиеся анатомо-физиологические предпосылки и возможности, которые играют совершенно бесспорную и очень важную роль в развитии человека, особенно наглядно (как мы увидим ниже, в § 1 гл. IV) проявляющуюся в аномалиях этого развития.

ным является понятие «*потребность*». Потребность трактуется как требование, нужда, ожидание, стремление к какому-либо недостающему, желаемому предмету, содержание которого может быть самым разным - от необходимости размять энергичным движением затекшее от долгого сидения тело до стремления к познанию и истине. От содержательных показателей мы можем отвлекаться, однако лишь в формально-логическом плане, в плане же конкретно-психологическом они составляют ключевую характеристику потребности, наполняя ее энергетическую емкость и потенциал определенностью и осмысленной направленностью. Не зная, не представляя себе предмета потребности, рассматривая ее как «*потребность вообще*», мы почти ничего не можем сказать и о собственно психологической характеристике самой потребности, о тех конкретных актах, которые будут предприняты для ее удовлетворения. Эта направляющая, побуждающая к активности функция предмета особо выделена в общепсихологической теории А.Н. Леонтьева, где ей придана роль двигателя, *мотива* всей деятельности в целом.

Предмет потребности, как правило, не может быть достигнут сразу, он дан в сложной, часто препятствующей достижению жизненной среде с присущими ей жесткими условиями и преградами, так что обычно требуется не одно, а целая цепь, система взаимосвязанных *действий*, направляемых на некоторые промежуточные, опосредующие *цели*, объединенные задачей этого достижения. В свою очередь каждая цель может быть выполнена разными способами, разными конкретными *операциями*. Все вместе эти цели, действия, способы, операции и образуют наличный, или, как говорят, *операционально-технический*, состав деятельности. Схематически это можно представить себе так:

$$\Pi \rightarrow (\overset{d_1}{\rightarrow} \quad \underset{ц_1}{\rightarrow} \quad \overset{d_2}{\rightarrow} \quad \underset{ц_2}{\rightarrow} \dots \rightarrow \underset{ц_n}{\rightarrow}) \rightarrow M, \quad (1)$$

где для удовлетворения потребности (Π) разворачивается деятельность, состоящая из ряда действий ($d_1, d_2, \dots, d_n$), направленных на осуществление целей ($ц_1, ц_2, \dots, ц_n$), подчиненных в конечном счете задаче достижения предмета, мотива (M) всей деятельности в целом.

Однако такая схема, взятая сама по себе, вполне укладывается в рамки сугубо бихевиористских представлений, одинаково по сути отражая и поведение крысы в сложном лабиринте, и

внешнюю сторону действий человека, стремящегося в условиях стоящих перед ним преград обойти, преодолеть их и достичь желаемого. Даже поправка на то, что животное действует инстинктивно, а человек выбирает пути и действия по разуму, не устраняет некоторой механистичности представленного. Чтобы понять специфику человеческого поведения, необходимо ввести в рассмотрение некоторые характеристики *сознания*, которые тесно связаны с регуляцией предметной деятельности.

Важнейшей образующей сознания, исследованию которой посвящены многие работы психологов, является *значение*. А.Н. Леонтьев описывал значение как идеальную, духовную форму кристаллизации общественного опыта, общественной практики человечества. «Человек в ходе своей жизни усваивает опыт предшествующих поколений людей; это происходит именно в форме овладения им значениями... Итак, психологически значение - это ставшее достоянием моего сознания (в большей или меньшей своей полноте и многосторонности) обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или даже в форме умения как обобщенного «образа действия», нормы поведения и т.п.».

Исходя из данного подхода совокупность значений может быть представлена как *культура*, т.е. система понятий, норм, образцов, представлений, бытующих в рассматриваемой среде*.

Важность значения как идеальной формы общественного опыта для психического развития очевидна. Человек видит яв-

* Такое понимание культуры не является общепринятым. Но дело в том, что термин «культура» вообще чрезвычайно многозначен и в различных частных науках и даже внутри каждой из них толкуется по-разному. В последнее время в отечественной философской литературе стала преобладать точка зрения, согласно которой в основу понимания культуры кладется исторически активная деятельность человека и, следовательно, развитие самого человека в качестве субъекта этой деятельности. Развитие культуры при таком подходе фактически совпадает с развитием человечества, причем не в какой-то особой (например, специфически духовной - научной, художественной и т.п.), но в любой области общественной жизнедеятельности. Подобное философское понимание, комментирует В.М. Межуев, «имеет дело с культурой не как с особым объектом, подлежащим специальному изучению (наряду, например, с природой, обществом, человеком и т.д.) в границах отдельной дисциплины, а как с всеобщей характеристикой всего действительного мира». Для конкретного психологического анализа такая точка зрения представляется чересчур глобальной, не

ления прежде всего через призму усвоенных категорий, он как бы накладывает сетку значений, понятий и определений (Л.С. Выготский сравнивал это с параллелями - горизонтальными связями и меридианами - связями вертикальными, иерархическими) на окружающий мир, познает и выражает, передает плоды своего познания не иначе как через систему значений. И все же следует признать, что, взятые сами по себе, в своей объективной представленности, знаки культуры могут быть отчуждены от реальной душевной жизни человека; они, повторяем, объективны, т.е. существуют до встречи с конкретным человеком, и остаются, пусть даже измененными, после этой встречи, являя собой отражение действительности независимо от индивидуально-личностного отношения к ней самого человека.

Привнесение же этого отношения неизбежно порождает субъективное значение данного объективного значения («значение значения»). Чтобы избежать удвоения терминов, А.Н. Леонтьев предложил говорить в этом случае о *личностном смысле*. Таким образом, «смысл выступает в сознании человека как то, что непосредственно отражает и несет в себе его собственные жизненные отношения».

Выше мы уже определили смысловой уровень как собственно личностный. Теперь подробно рассмотрим смысл (смысловое образование, смысловую динамическую систему) как «живую клеточку», «единицу» анализа* этого уровня.

Сама проблема смысла в научном рассмотрении человека появилась не сразу. Выдающийся отечественный ученый

позволяющей расчленять компоненты и условия развития личности. Поэтому мы понимаем здесь культуру более узко - как систему бытующих в обществе значений (понятий, норм, образцов и т.п.), относя деятельность в иную категорию анализа, хотя понятно, что как знаки мертвы вне культуротворческой и культуропотребляющей деятельности, так и сама деятельность (в качестве собственно человеческой) бессмысленна вне этих знаков.

* Л.С. Выготский выделял два принципиально отличных способа анализа, применяемых в психологии. Первый можно назвать разложением сложных психологических целых на элементы. Его Л.С. Выготский сравнивал с химическим анализом воды, разлагающим ее на кислород и водород. Другой путь анализа - это анализ, расчленяющий сложное единое целое на единицы. «Под единицей», - писал далее Л.С. Выготский, - мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства. Не химическая формула воды, но изучение молекул и

Н.А. Бернштейн писал, что каждая наука применительно к явлениям в своей области должна прежде всего ответить на два определяющих вопроса: как происходит явление и почему оно происходит? Для наук о неживой природе эти вопросы оказываются и необходимыми, и достаточными. Долгое время и наука о живой природе - биология - пыталась со всей строгостью следовать лишь этим вопросам, однако многочисленные наблюдения и факты, указывающие на неоспоримую целесообразность устройств и процессов, присущих живым организмам, неминуемо привели к постановке нового, третьего вопроса: «для чего существует то или иное приспособление в организме, к какой цели оно направлено, какую доступную наблюдению задачу оно предназначено решать?»

Все эти вопросы сохраняют первостепенное значение и для психологии, в частности для исследования поведения и деятельности. Первый вопрос ставит проблему феноменологии деятельности, качественных характеристик этого явления. Ответ на второй вопрос подразумевает исследование причинности, механизмов движения деятельности. Наконец, при ответах на третий вопрос мы должны анализировать цели и мотивы, на которые непосредственно направлен процесс деятельности. Однако эти три вопроса не затрагивают или, точнее, затрагивают лишь косвенно проблему смысловой регуляции поведения. Между тем в психологии накопилось множество фактов, показывающих осо-

молекулярного движения является ключом к объяснению отдельных свойств воды... Психологии, желающей изучить сложные единства, необходимо понять это. Она должна заменить методы разложения на элементы методами анализа, расчленивающего на единицы». Позже об этом писал и С.Л. Рубинштейн: «Для того чтобы понять многообразные психические явления в их существенных внутренних взаимосвязях, нужно прежде всего пойти ту «клеточку», или «ячейку», в которой можно вскрыть зачатки всех элементов психологии в их единстве». Эти положения актуальны и сейчас. Необходимо добавить также, что выделение и обоснование этих единиц - особая теоретическая работа, поскольку «единицы анализа не могут непосредственно заимствоваться в самой реальности в качестве ее вещественно экземплифицированных представителей, но каждый раз являются продуктом мысленного конструирования (разумеется, опираясь не произвольного, но опираясь к реальности)». Собственно, в каждой сколько-нибудь развитой психологической теории можно выделить такую единицу: «знак» - у Л.С. Выготского, «установка» - у Д.Н. Узнадзе, «деятельность» - у А.Н. Леонтьева, «действие», «поступок» - у С.Л. Рубинштейна, «акт поведения» - у М.Я. Басова и др.

бую значимость этого уровня регуляции для судьбы деятельности, ее продуктивности и конкретного хода. И как биология в рамках ответов на вопросы как и почему приходила к выводам, оказывавшимся, по словам Н.А. Бернштейна, крайне бедными предсказательной силой, так и психология, ограниченная на этот раз тремя вопросами - как, почему и для чего,- оказывается недостаточной для понимания многих сторон человеческого поведения и деятельности, реальных проблем их развития. Для преодоления этой недостаточности необходимо включить в рассмотрение еще один аспект, задать еще один, четвертый вопрос, внешне сходный с третьим, но все же имеющий свой особый оттенок: это вопрос, *ради чего* совершается то или иное действие, деятельность человека или *в чем подлинный смысл* достижения тех или иных целей, мотивов, задач,- смысл, стоящий за взятыми самими по себе или в своей совокупности целями, задачами, мотивами?

Что же требуется для ответа на данный вопрос, как рождаются смысловые образования, или, если воспользоваться более точным термином Л.С. Выготского динамические смысловые системы, несущие в себе и особое отражение действительности, ее знак, и эмоционально-личное, пристрастное к ней отношение?

Мы уже касались некоторых вопросов смыслообразования в первой главе книги, когда рассматривали философские аспекты проблемы личности, определения ее нормы и аномалии. Там, как помнит читатель, речь шла об одном, но, разумеется, главном, вершинном для человека смысле - смысле жизни, здесь же речь идет о всем многообразии динамических смысловых систем. Однако, на наш взгляд, основная внутренняя закономерность остается единой для всех случаев - психологические смысловые системы рождаются в сложных, многогранных соотношениях меньшего к большему, отдельных ситуаций, актов поведения к более широкому (собственно смыслообразующим) контекстам жизни. В соответствии с этим их осознание - всегда процесс определенного внутреннего соотношения.

Поясним сказанное простым примером. Ради чего стоит посещать лекции в институте? Ради чего стоит стремиться к высшему образованию? Ради чего стоит жить? Для того чтобы ответить на подобные вопросы надо соответствующую данному явлению деятельность соотносить с контекстом деятельности

более широких, и соотношение это тем сложнее и индивидуальнее, чем выше мы поднимаемся по ступеням, уровням смысловой иерархии. Скажем, смысл посещения лекций для большинства очевиден - он в том, чтобы успешно сдать сессию, закончить вуз. Труднее ответить на вопрос: ради чего нужно кончать вуз? Ответы могут захватить много взаимосвязанных деятельностей и мотивов, различные их сочетания и оттенки: интерес к профессии, престижность, мотивы самоопределения, материальные интересы, поступление в аспирантуру и т.д. И уже совсем нелегко ответить на вопрос: ради чего стоит жить? Ведь здесь, как мы уже говорили в прошлой главе, надо соотнести не что иное, как всю свою жизнь с каким-то более широким и общим контекстом, с тем, что больше нашей индивидуальной жизни и не оборвется с ее физическим прекращением (дети, счастье будущих поколений, прогресс науки и т.п.).

При этом необходимо подчеркнуть два важных момента. Во-первых, смысл той или иной деятельности не порождается, на наш взгляд, самим по себе мотивом более общей, вышележащей по иерархическому уровню деятельности. Так, в последнем примере не сами по себе дети, счастье будущих поколений или прогресс науки являются смыслом, а те многочисленные и сложные связи, принципы, соотношения, противоречия, которые завязываются, возникают вокруг этих предметов, составляя как бы «кристаллическую решетку», внутреннюю психологическую структуру смыслового образования*. Поэтому, в частности, за ссылкой на один и тот же смыслообразующий мотив могут, как показывают психологические исследования, стоять совершенно разные по содержанию и динамике смысловые образования. При ответе на вопрос «ради чего» называемый предмет следует рассматривать не как твердо установленное значение, объективный знак, а скорее как символ, символическое оформление сложного

* Как и во многих других случаях проявления жизненной диалектики, здесь скорее важен не результат, а процесс, реальные формы его достижения и утверждения. Дело потому часто не в смыслообразующем мотиве как таковом, а в тех способах, соотношениях, связях, каковыми произошло его становление. Эти способы, эта живая сеть соотношений и рождает, питает смысловые системы (о важности изучения процессуальной, динамической стороны мы будем говорить подробнее в следующей главе).

по своему генезису и структуре переживания. Символ этот складывался, формировался в ходе жизни человека (Л.С. Выготский часто повторял - «за сознанием лежит жизнь»), и, следовательно, расшифровка его не может быть лишь умозрительной задачей, решаемой путем анализа, сопоставления самих по себе речевых знаков, опросов исследуемого человека (в особенности если мы имеем дело с аномалиями, где диссоциация осознаваемого и реального часто весьма очевидна). Решение этой задачи возможно лишь при обращении к анализу самой жизни человека, ее индивидуальной истории, приведшей именно к такому, а не иному способу смыслового опредмечивания, смыслового опосредствования душевного бытия.

Отсюда следует второй момент, который надо выделить особо. Уяснение человеком смысла того или иного отношения к миру не дается ему прямо и автоматически, но требует сложной и специфической внутренней деятельности оценивания своей жизни, решения особой «задачи на смысл» (А.Н. Леонтьев). Причем, как мы видели, чем выше по иерархическим ступеням смысловые образования, тем труднее работа по их осознанию, поскольку все шире и неопределеннее становится область смыслопорождающей действительности, все сложнее и опосредствованнее те связи и отношения, из которых завязывается динамическая смысловая система.

Вот почему, с одной стороны, самые главные вопросы - о смысле жизни, любви, добра, зла и т.п. - требуют таких больших внутренних усилий человека в поисках ответа на них, а с другой, стороны, сами эти ответы, если они наконец найдены, часто кажутся стороннему наблюдателю неопределенными, малозначимыми (вспомним гамлетовское: «Слова, слова, слова»), расплывчатыми. Причем последнее указывает вовсе не на слабость человеческого языка и мышления, а на многоаспектность, системность самой сути смысловых реалий, которые заведомо шире и многостороннее реалий языковых. С этим связаны и писательские «муки слова», и недовольство словом уже найденным, его недостаточностью для определения живого предмета*, и то, на-

* Напомним признание Александра Блока:

Ведь я - сочинитель,

Человек, пазывающий все по имени,

Отнимающий аромат у живого цветка.

конец, почему художники порой отказываются определить основной смысл или, даже проще, основную мысль своего произведения*. Что же касается психологических изысканий, то в структуру смыслового образования входят эмоционально-непосредственный смысл и вербализированный смысл. Первый как бы составляет пристрастную, изменчивую, недоговоренную подоплеку второго, т.е. смысловые образования (о чем писал уже Л.С. Выготский) являют собой сплав сознательных (интеллектуальных) и эмоциональных (аффективных) процессов, чем во многом и объясняется сложность их адекватного осознания.

Совершенно особый вопрос - кто и как ставит «задачу на смысл» перед человеком. Чисто внешне, феноменологически, кажется, что все зависит только от уровня самосознания, желаний данного человека, от того, захочет ли он задуматься над смыслом своих поступков или нет, направляют ли его к тому события жизни, друзья, воспитатели, учителя, семья - словом, внешние, окружающие его обстоятельства. Существуют, однако, и вполне объективные внутренние законы движения деятельности, его собственная логика, изнутри подготавливающая ситуацию осмысления себя, своих действий и места в жизни. И сознание тогда играет роль скорее подытоживателя, активатора, реализатора, нежели причины постановки «задачи на смысл». (На некоторых законах этой логики мы остановимся в следующем параграфе.)

Когда же «задача на смысл» все же решена и речь идет о той или иной форме осознанности, отрефлексированности наиболее общих смысловых образований, то уместно, на наш взгляд, говорить о *ценностях* личности или, лучше, о *личностных ценностях*, отличая их от личностных смыслов, которые далеко не всегда носят осознанный характер. Таким образом, личностные ценности - это осознанные и принятые человеком общие смыслы его жизни**. Их следует отличать и от чисто декларируемых, называ-

* Л.Н. Толстой писал: «...нужны люди, которые бы показывали бессмысленность отыскивания мыслей в художественном произведении и постоянно руководили бы читателей в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства, и к тем законам, которые служат основанием этих сцеплений».

** Мы не берем здесь социологические аспекты изучения ценностей, а рассматриваем ценность в ее психологической характеристике как разновидность смыслового образования. Отметим также во избежание недоразумений, что

ных ценностей, не обеспеченных «золотым запасом» соответствующего смыслового, эмоционально-переживаемого, задевающего личность отношения к жизни, поскольку такого рода ценности не имеют по сути дела прямого касательства к смысловой сфере, более того, могут стать бутафорией, маскирующей совсем иные личностные устремления*.

Заметим также, что осознанные ценностно-смысловые отношения могут быть не только позитивными, т.е. определять то, что по восприятию человека хорошо, но и негативными, т.е. занимать на субъективной ценностной шкале отрицательные значения, быть как бы «отрицательными ценностями», определять восприятие чего-либо как недостойного, плохого. Если в динамическом плане отношения первого рода можно назвать отношениями притягивания («положительная валентность», по К. Левину), центростремления, то отношения второго рода тяготеют к отталкиванию («отрицательная валентность»), центробежности**.

Понятно, что позитивные смысловые переживания, связан-

психологии личности часто говорят о смысле во множественном числе (например, личностные смыслы), тогда как в традиции русского языка слово «смысл» принято употреблять в единственном числе. Это расхождение легко объяснить: в отличие от обывательского языка под смыслом в психологии подразумевается особая составляющая сознания, которая имеет разные виды и формы, поэтому вполне правомерно говорить о множественности этих смыслов, их системы, иерархии и т.п.

* Различия, несоответствия, а часто прямые противоречия между желанием «быть» и соблазном «казаться» не столь уж редко случаются в жизни любого человека, и потому борьба за искренность, постоянство, подлинность, без «приписок», самовыражение - одна из основных линий нравственного развития и воспитания. Гиперсис многих видов отклонений, аномалий личности связан с теми или иными запущенными формами этого несоответствия. Например, клиницистам и психологам хорошо известно, что пылкие уверения в любви к людям и подвигах самопожертвования у лиц истероидного склада часто не имеют под собой никакой смысло-жизненной основы и являются лишь способом прикрытия безоглядного эгоцентризма и самолюбования.

** Напомним, однако, что в рассуждениях Левина речь шла о валентности предметов, данных в конкретном, здесь-и-теперь возникшем «психологическом поле», о побудительной силе, от них исходящей. Сейчас же мы говорим об отношениях к предметам, точнее, к их взаимосвязям, о способах, принципах смыслового восприятия, придания личностно-субъективной цены возникающим в окружающем мире связям и отношениям. Так, в работе ку-

ные с ожиданием, верой в лучшее, чаще бывают радостными, нежели негативные, являющиеся по преимуществу горькими и разочаровывающими. Не следует думать, однако, что лишь первые хороши, а вторые всегда дурны и должны подлежать искоренению. Отрицательные смысловые переживания столь же важны для развития человека, как и положительные: в них нередко заложены точки роста, они могут дать толчок к поискам нового взгляда на жизнь, могут быть источником нетерпимости (не головной, а внутренней, душевной) к недостаткам и порокам как в себе, так и в окружающем мире. Другое дело, когда они начинают исключительно превалировать, определяя весь тон и направление жизни, все формы отношения к миру и самому себе. Такая односторонность - начало аномального, отклоняющегося развития, уводящего от общих сущностных задач, замыкающих человека в узкий круг негативных переживаний и в конце концов ненависти (чаще бессильной) к себе и другим. Личностные ценности такого человека, т.е. то, чем он поддерживает смысл своего существования, - это ценности, точнее, придание ценности отталкиванию, но, отталкивая все и вся, он остается один на один со своим озлоблением, которое уже оттолкнуть не может, ибо оно составило его суть, стало привычным и единственным способом видения и осмысления мира.

Именно общие смысловые образования (в случае их осознания - личностные ценности), являющиеся, на наш взгляд, основными конституирующими (образующими) единицами созна-

бинского психолога М. Кальвиньо мы читаем: «Можно рассматривать четыре возможных отношения, в качестве которых может выступать то или иное явление: 1) явление выступает в качестве мотива; 2) явление представляет условие, препятствующее достижению мотива; 3) явление представляет условие, способствующее достижению мотива; 4) явление представляет условие, способствующее достижению одного мотива и препятствующее достижению другого. Этим четырем отношениям соответствуют и четыре возможных смысла явления: смысл мотива, негативный смысл, позитивный смысл, конфликтный смысл». Положение это тонко фиксирует возможность разного смыслового отношения к одному и тому же явлению в зависимости от его места в структуре деятельности. Однако, как мы увидим ниже, далеко не все смысловые образования, на все его уровни можно прямо приписать к конкретной деятельности, сведя роль смысла к оперативной регуляции достижения мотива, к взаимоотношению мотива и преграды или мотива и пособия достижения.

ния личности, определяют главные и относительно постоянные отношения человека к основным сферам жизни - к миру, к другим людям, к самому себе. Нельзя говорить о нормальном или аномальном развитии личности, не рассматривая эти отношения - как их динамическую сторону (характер их напряженности, способы осуществления, соотношение реальных и идеальных целей и т.п.), так и сторону содержательную.

Надо заметить, что если задача изучения механизмов динамической стороны психической деятельности без оговорок принимается большинством психологов, то задача изучения содержательной стороны нередко вызывает резкие возражения, которые наиболее часто сводятся к тому, что это скорее предмет философии, этики, но не психологии. Однако с этим мнением нельзя согласиться, иначе будет упущена из виду важнейшая детерминанта, определяющая черты как конкретных, так и общих свойств личности. Необходимость учета содержательной стороны становится, пожалуй, особенно явной при встречах с трудным, аномальным, отклоняющимся развитием (как в подростковом, так и в более зрелом возрасте), которое, как показывают исследования, нередко является прямым следствием эгоцентрической ориентации человека. Наиболее благоприятные условия для развития личности, что уже давно замечено опытными психологами, создает противоположная эгоцентрической - альтруистическая ориентация. Например, еще у русского психолога А.Ф. Лазурского мы находим, что духовное здоровье в наибольшей степени обеспечивает идеал альтруизма. «Альтруизм в том или ином виде представляется формой и средством, и показателем наилучшей гармонии между личностью и средой. Здесь извращенных нет». Современные экспериментально-психологические данные в целом подтверждают эти суждения.

Итак, совокупность основных отношений к миру, к людям и себе, задаваемых динамическими смысловыми системами, образует в своем единстве и главной своей сущности свойственную человеку *нравственную* позицию. Такая позиция особенно прочна, когда она становится сознательной, т.е. когда появляются личностные ценности, рассматриваемые нами как осознанные общие смысловые образования. Исповедание этих ценностей закрепляет единство и самотождество личности в значительных отрезках времени, надолго определяя главные характеристики личности, ее стержень, ее мораль.

Может возникнуть принципиальный вопрос: о какой морали, о какой нравственности может идти речь при грубых отклонениях в развитии личности, например у злостного пьяницы или правонарушителя? Здесь, скажут многие, налицо их отсутствие, хотя никто не будет отрицать, что совершивший преступление - личность.

Моральная шкала, в нашем понимании, включает в себя не только положительные, но и отрицательные с общепринятой точки зрения ценности (подобно тому как, скажем, условно выделенная шкала ума должна располагать сравнительными отметками не только для высот ума, но и для его, с точки зрения наблюдателя, ущерба, т.е. глупости). Даже в тех случаях, когда мы говорим об аморальности, речь идет не просто об отрицании морали, а о моральной позиции, нам чуждой, извращенной. Именно своя мораль, своя достаточно очерченная и жесткая система ценностей, характерна и для асоциальных групп, в частности для противоправного, преступного мира. Исследование Е.Н. Голубевой, выполненное под нашим руководством на факультете психологии МГУ (1978), показало, что главные трудности в перевоспитании даже малолетних правонарушителей состоят не в том, что подросток «не хочет» исправиться или «не понимает», что надо жить честно, а в том, что он порой не может этого сделать из-за наличия уже сформировавшейся и ставшей достаточно инертной системы смысловых образований, которая, несмотря на «хотение» и «понимание», продолжает определять прежнее, извращенное («преступное») отношение к миру.

Сказанное позволяет прийти к выводу, что сущность личности не совпадает ни с темпераментом, ни даже с характером. Разумеется, характер неотделим от личности и в широком понимании входит в нее, поскольку реализует прежде всего не случайные побуждения, а главную, генеральную линию жизненных устремлений личности. Плоскость характера - это плоскость действия, *способов* осуществления основных смысловых линий, и здесь мы обычно говорим о таких параметрах, как сила - слабость, мягкость - твердость, воля - безволие и т.п. Многие не без основания рассматривают силу воли как стержень характера, и это верно, ибо синоним безволия - бесхарактерность, т.е. неумение организовать свои намерения и побуждения, довести их до конца.

Иное дело - личность. Здесь основная плоскость движения -

нравственно-ценностная. Личность в узком понимании (ядро личности) - это не способ осуществления позиции, а сама позиция человека в этом сложном мире, которая задается системой общих смысловых образований*. Лишь в более широком понимании (включая характер) - это динамическая система смысловых образований, опосредствующих ее главных мотивов и способов их реализации. Не случайно поэтому личность, ее ядро могут контрастировать с характером в уровне своего развития и качества; известно, что можно встретить «хорошего человека» (нередкое житейское определение личности) с плохим характером (скажем, вспыльчивым, недостаточно сдержанным) и, напротив, негодяя с прекрасным характером (уравновешенным, покладистым, сильным).

Сказанное ни в коей мере не умаляет роли и значения характера. Старая мудрость «Посеешь привычку - пожнешь характер, посеешь характер - пожнешь судьбу» имеет глубокий психологический смысл, ибо привычки ребенка, его характер - это реальные «кирпичи», из которых строятся затем такие важнейшие психологические образования, как стиль действия, манеры общения с другими, способы выражения и достижения целей и мотивов - словом, все то, что в конечном счете во многом строит судьбу человека, определяет ее повороты и перипетии. Речь идет лишь о том, что все эти важнейшие образования сами по себе еще не отвечают на вопрос, *ради чего* они существуют, какие смысловые устремления призваны осуществлять, иными словами, прямо и непосредственно не определяют нравственно-ценностных плоскостей развития человека, совпадение или несовпадение этих плоскостей с общечеловеческими идеалами и устремлениями. Отсюда, в частности, вытекает один важный вывод. При оценке личности, полагании ее нормальной или аномальной, отклоняющейся, наконец, при ее воспитании, психокоррекции и психотерапии следует иметь в виду не только и даже не столько особенности ее отдельных проявлений, их сочетания,

* В этом плане наиболее сжатой и яркой формулой личности (а не просто темперамента или характера) является, на наш взгляд, известное восклицание Лютера: «На том стою, и не могу иначе». Формула эта отражает все три момента, которые мы обозначили в конце первой главы в качестве существенных для нашего понимания личности: она подразумевает и определенную позицию, и ее достаточно ясно осознание, и, наконец, готовность постоять за нее как за нечто главное и истинное.

корреляции и т.п., но и то, как общие смысловые устремления общие мотивы и способы их достижения соотносятся с социальными и нравственными плоскостями общечеловеческого бытия.

Прежде чем перейти к обозначению некоторых из основных свойств и функций динамических смысловых систем, заметим, что они являются в известном плане сверхчувственными образованиями. Как пишет И.С. Кон, подобного рода образования не являются непосредственными данностями, но предполагают, разумеется, систему индикаторов, способы верификации гипотез и т.д. Качество сверхчувственности представляется некоторым авторам в отношении личности слишком отдаленным, чуть ли не идеалистическим, на деле же речь идет о хорошо известном феномене. «Со времени своего возникновения, - констатирует Б.С. Грязнов, - наука постоянно вынуждена решать, казалось бы, тривиальный вопрос: существуют ли объекты, знанием о которых она является, а если существуют, то как они существуют...». Что касается собственно психологии личности, то, как справедливо замечает В.Г. Норакидзе, исследователи, работающие в этой области, «давно пришли к общему мнению, что прямое наблюдение свойств личности невозможно (они непосредственно даны). Считается, что свойство - это определенного рода гипотеза, без которой невозможно понять характерные для деятельности индивида устойчивость, стабильность и последовательность».

В исследованиях Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца, в публикациях последних лет*, обозначены ряд свойств смысловых образований, их отличия в сфере значений, знаний и умений человека.

К числу таких основных отличий можно отнести по крайней мере следующие четыре. Во-первых, смысловые образования существуют не только в осознаваемой, но часто и в неосознаваемой форме, образуя, по выражению Л.С. Выготского, «утае

* В рамках развития общепсихологической теории деятельности исторически разработаны гипотезы и понятия, связанных с выявлением роли смысловых компонентов, достаточно коротка. Первый ее этап связан с исследованиями основателей теории деятельности (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и др.). Вторым этапом создания на факультете психологии МГУ в 1976 г. по инициативе А.Н. Леонтьева Межкафедральной группы по изучению психологии личности (на общ

ный» план сознания. Во-вторых, они не поддаются прямому произвольному контролю и чисто словесным, вербальным воздействиям («личность не учат, личность воспитывают», — подчеркивал А.Н. Леонтьев). В-третьих, смыслы не имеют своего «надындивидуального», «непсихологического» существования; они не бытуют сами по себе, как мир значений, культуры, который может быть отторгнут от нас и представляет собой нечто объективное, заданное. Наконец, в-четвертых, смысловые образования не могут быть поняты и исследованы вне их деятельностного, жизненного контекста; заостряя это положение, можно сказать, что психологию личности должны интересовать не отдельные факты, а акты поведения, т.е. целостные ситуации и их взаимосвязи, в которых возникают и находят свое проявление те или иные смысловые отношения к действительности.

Перейдем теперь к специфическим функциям смысловых образований как основных конституирующих единиц сознания личности. Обозначим здесь лишь две функции, являющиеся наиболее значимыми в контексте нашего изложения.

ственных началах). Общие результаты работы группы были изложены в двух итоговых статьях, которые определили контуры нового направления в исследовании личности. В 1980 г. Межкафедральная группа, которая в целом выполняла к тому времени свою координирующую роль, была распущена, и начался последний, современный уже этап развития. Ведущие участники группы продолжили и во многом, как при всяком творческом движении, видоизменили свои представления; появились новые имена, направления и творческие группы, которые строили исследования на других основаниях, во многом часто отталкиваясь и полемизируя с работами Межкафедальной группы. Укажем, например, на концепции А.Г. Асмолова, В.А. Петровского, Е.В. Субботского, А.У. Хараппа, на работы М. Кальвиньо и В.В. Столина, на психосемантические изыскания В.Ф. Петренко и А.Г. Шмелова, на яркое исследование смысловых переживаний, предпринятое Ф.Е. Василюком, и на ряд других психологических работ, исходящих из принципов теории деятельности. Разумеется, проблемы смысла затрагиваются (правда, не столь интенсивно) и в иных психологических школах, находят они отражение и в зарубежных исследованиях. Но мы не можем здесь обсуждать эти взгляды, поскольку это составляет особую и требующую подробного изложения задачу. Заметим лишь, что во многих зарубежных исследованиях речь идет о смысле скорее как об обобщенной мировоззренческой категории, тогда как в отечественных работах делаются попытки изучения более конкретных механизмов смысловой динамики и структуры личности.

Во-первых, это создание образа, эскиза будущего, той перспективы развития личности, которая не вытекает прямо из наличной, сегодняшней ситуации. Если в анализе реальной человеческой деятельности ограничиться единицами мотивов как предметов потребностей, единицами целей как заранее предвидимых результатов, то будет непонятно, за счет чего человек способен преодолевать сложившиеся ситуации, сложившуюся логику бытия, что ведет его к выходу за грань устоявшейся сообразности, к тому будущему, которому он сам сегодня не может дать точных описаний и отчета. Между тем это будущее есть главное опосредующее звено движения личности, без предположения которого нельзя объяснить ни реального хода развития человека, ни его бесконечных потенциальных возможностей.

Смысловые образования и являются, на наш взгляд, основой этого возможного будущего, которое опосредует настоящее, сегодняшнюю деятельность человека, поскольку *целостные системы смысловых образований задают не сами по себе конкретные мотивы, а плоскость отношений между ними, т.е. как раз тот первоначальный план, эскиз будущего, который должен предсуществовать его реальному воплощению.*

Не надо думать при этом, что будущее, о котором идет речь, всегда локализовано где-то неопределенно впереди во времени. Когда мы говорим о смысловом поле сознания, следует иметь в виду, что будущее присутствует здесь постоянно как необходимое условие, как механизм развития, в каждый данный момент опосредуя собой настоящее.

Во-вторых, важнейшая функция смысловых образований заключена в следующем: любая деятельность человека может оцениваться и регулироваться со стороны ее успешности в достижении тех или иных целей и со стороны ее нравственной оценки. Последняя не может быть произведена «изнутри» самой текущей деятельности, исходя из наличных актуальных мотивов и потребностей. Нравственные оценки и регуляция необходимо подразумевают иную, внеситуативную опору, особый, относительно самостоятельный психологический план, прямо не захваченный непосредственным ходом событий. Этой опорой и становятся для человека смысловые образования, в особенности в форме их осознания - личностных ценностей, поскольку они задают не сами по себе конкретные мотивы и цели, а плоскость отношений между ними, самые общие принципы их соотнесе-

ния. Так, например, честность как смысловое образование - это не правило или свод правил, не конкретный мотив или совокупность мотивов, а определенный общий принцип соотнесения мотивов, целей и средств жизни, в том или ином виде реализуемый в каждой новой конкретной ситуации. В одном случае это будет оценка и отсеивание, селекция некоторых способов достижения целей, в другом - изменение, смещение целей, в третьем - прекращение самой деятельности, несмотря на ее успешный ход, и т.п. Смысловой уровень регуляции не предписывает, таким образом, готовых рецептов поступкам, но дает общие принципы, которые в разных ситуациях могут быть реализованы разными внешними (но едиными по внутренней сути) действиями*. Лишь на основе этих принципов впервые появляется возможность оценки и регуляции деятельности не с ее целесообразной, прагматической стороны - успешности или неуспешности течения, полноты достигнутых результатов и т.п., а со стороны нравственной, смысловой, т.е. со стороны того, насколько правомерны с точки зрения этих принципов реально сложившиеся в данной деятельности отношения между мотивами и целями, целями и средствами их достижения.

В самых общих словах специфика этой формы регуляции такова: если в плане достижения успеха цели определяют и диктуют подбор соответствующих средств и по сути все средства хороши, лишь бы вели к успеху, то в плане нравственном главными становятся не цели, а нравственная оценка этих целей, не успехи, а средства, которые были выбраны для их достижения. Говоря образно, если в первом случае победителей не судят, а побежденных не оправдывают, то во втором - победителей могут судить, а побежденных оправдывать; если в первом случае цель оправдывает средства, то во втором - средства полномочны оправдать или исказить цель, ее первоначальную суть. Речь идет о той плоскости общечеловеческого бытия, где люди выступают как равные, вне зависимости от их социальных ролей и достигнутых на сегодня внешних успехов, равные в своих

* «Человек нравственный, - писал А.И. Герцен, - должен носить в себе глубокое сознание, как следует поступать во всяком случае, и вовсе не как ряд ощущений, а как всеобщую идею, из которой всегда можно вывести данный случай; он импровизирует свое поведение».

возможностях нравственного развития, в праве на свою, соотносимую с нравственными принципами оценку себя и других.

До сих пор мы говорили о динамических смысловых системах, по сути почти не затрагивая вопроса об их связи с конкретным строением деятельности. Если взять приведенную выше схему деятельности (1), то в ней, казалось бы, вообще нет места этим системам и все движение может быть вполне объяснено в терминах мотива, цели, действия, операции. Однако помимо общего определения личностного смысла как «значения значения» А.Н. Леонтьев дает и второе, более конкретное, операциональное определение через указание места (в известной степени - механизма порождения) личностного смысла в структуре деятельности. Согласно этому определению, личностный смысл есть отражение в сознании отношения мотива (деятельности) к цели (действия). Данное определение представляется чрезвычайно важным и во многом не до конца оцененным и использованным, поскольку в отличие от других подходов выделяет природу смысла не как непосредственно предмета, «вещи», а как сущность отношения между «вещами», в данном случае - между мотивами и целями деятельности.

Вместе с тем дальнейшее развитие этого подхода требует предпринятия целого ряда шагов. Наиболее существенным, на наш взгляд, должно явиться рассмотрение смысловых систем не только в связи с протеканием конкретной деятельности, но и как особых орудий, «органов» целостного психического организма, направленных в конечном итоге на выполнение функций ориентации в присвоении родовой человеческой сущности. Иначе говоря, смысловые отношения, будучи порожденными в деятельности, не остаются к ней непосредственно приписанными, возникающими лишь тогда, когда вновь и вновь воспроизводится данная деятельность, но они, как мы уже писали, образуют особую сферу, особый, относительно самостоятельный план отражения - иной, нежели план конкретных взаимосвязей целей, действий и операций. Поэтому мы можем вслед за Г.В. Биренбаум и Б.В. Зейгарник говорить о *смысловом поле* и о *действенном поле*. Или, если обратиться к современным изысканиям, первое определить как *смысловое строение*, второе - как собственно *бытийный слой сознания*, проявляющийся в образах, представлениях, значениях, программах решений, действий и т.п. Именно смысловое строение, смысловое поле и составляют особую пси-

хологическую субстанцию личности, определяя собственно личностный слой отражения.

Специально отметим, что в жизнедеятельности человека возникает множество конкретных смысловых зависимостей и отношений, далеко не все из которых могут быть отнесены к личностному слою отражения. Ведь ни одна операция, ни одно действие человека не являются бессмысленными, они включены в некоторую цепь, в нечто большее, в свете чего они получают свою осмысленность, свой смысл. Операция получает свой смысл в зависимости от целей и масштабов действия, цель действия смыслообразуется мотивом и т. д., есть, наконец, биологический смысл в функционировании любого физиологического органа, любого физиологического отправления. Психология личности, не найдя своего стержня, своего взгляда, критерия, может легко потеряться в этих многочисленных и взаимосвязанных проявлениях смыслообразования, смыслового оправдания различных форм активности души и тела.

Рассмотрение личности как способа, орудия формирования отношений к родовой человеческой сущности, прежде всего к другому человеку (как самооценности на одном полюсе, как вещи - на другом), и является, на наш взгляд, тем самым общим критерием, водоразделом, отделяющим собственно личностное в смыслообразовании от неличностного, могущего быть отнесенным к иным слоям психического отражения. Воспользовавшись этим критерием, наметим следующие уровни смысловой сферы личности.

Нулевой уровень - это собственно *прагматические, ситуационные смыслы*, определяемые самой предметной логикой достижения цели в данных конкретных условиях. Так, зайдя в кинотеатр и увидя перед самым началом сеанса большую очередь и объявление о том, что в кассе осталось мало билетов, мы можем сказать: «Нет никакого смысла стоять в этой очереди - билеты нам не достанутся». Понятно, что такой смысл вряд ли можно назвать личностным, настолько он привязан к ситуации, выполняющая служебную регулятивную роль в ее осознании.

Следующий, первый уровень личностно-смысловой сферы - это *эгоцентрический* уровень, в котором исходным моментом являются личная выгода, удобство, престижность и т.п. При этом все остальные люди ставятся в зависимость от этих отношений, рассматриваются как помогающие (удобные,

«хорошие») либо как препятствующие («плохие», враги) их осуществлению*.

Второй уровень - *группоцентрический*; определяющим смысловым моментом отношения к действительности на этом уровне становится близкое окружение человека, группа, которую он либо отождествляет с собой, либо ставит ее выше себя в своих интересах и устремлениях. Отношение к другому человеку существенно зависит при этом от того, является ли он «своим» или «чужим», «дальним». Третий уровень, который включает в себя коллективистскую, общественную и, как свою высшую ступень, общечеловеческую (собственно нравственную) смысловые ориентации, можно назвать, используя принятый в психологии термин, *просоциальным*. В отличие от предыдущего, где смысловая личностная направленность ограничена пользой, благосостоянием, укреплением позиций относительно замкнутой группы, подлинно просоциальный уровень, в особенности его высшие ступени характеризуется внутренней смысловой устремленностью человека на создание таких результатов (продуктов труда, деятельности, общения, познания), которые принесут равное благо другим, даже лично ему незнакомым, «чужим», «дальним» людям, обществу, человечеству в целом. Если на первом уровне другой человек выступает как вещь, как подножие эгоцентрических желаний, а на втором уровне другие делятся на круг «своих» обладающих самооценностью, и «чужих», ее лишенных, то на третьем уровне принцип самооценности становится всеобщим, опре

* Этот уровень может представлять иногда по внешности весьма привлекательные и даже как бы возвышенные намерения, скажем самосовершенствование, но если последнее направлено лишь на благо себе, оно есть на поверку не более чем эгоцентризм. Поэтому, если судить по некоторым утверждениям А. Маслоу (например, что окружающие представляют собой не более чем средство достижения целей самоактуализации⁴⁶), предлагаемую им самоактуализацию можно в значительной мере отнести к эгоцентрическому уровню. Заметим также, что такой подход к задаче самоосуществления, самоактуализации и т.п. является в конечном итоге тупиковым. По верному замечанию В. Франкла, самоактуализация вообще невозможна, когда ее превращают в конечную цель, а все остальное в средство ее достижения, ибо она есть не прямой, а побочный продукт направленности человека «вовне себя на что-то, что не является им самим... И лишь постольку, поскольку человек таким образом трансцендирует самого себя, он и осуществляет себя в служении делу или в любви другому».

деляя собой главное и, как мы знаем, единственно верное направление приобщения к родовой человеческой сущности. Пожалуй, в литературе нет недостатка в описаниях, которые могут служить иллюстрациями последнего уровня. Психологи же этих «вершинных» проблем касались крайне редко, вот почему так ценны следующие два высказывания классиков отечественной психологии. Одно принадлежит А.Н. Леонтьеву и взято из его лекции, обращенной к молодежи: «Растите в себе чувство ответственности и беспокойства за общее дело, развивайте сознание своего долга перед обществом, человечеством! Привыкайте быть соучастником всех событий окружающего мира. Определяйте свое место в нем. Вершина сотворения себя - вырасти «в человека Человечества». Желаю вам достичь этой вершины!». Второе принадлежит С.Л. Рубинштейну. Он заканчивает свою последнюю (посмертно опубликованную) работу «Человек и мир» такими замечательными словами: «Смысл человеческой жизни - быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества. Быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные. Быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь».

Различение смысловых уровней улавливается даже в самом языке описания человеческого поведения. Так, в плане действенного поля и соответствующего ситуационного, прагматического смысла мы говорим о действиях, и, если они неудачны, - об ошибках, промахах. Как только мы переходим в план смыслового поля, нравственных смыслов, мы говорим о поступках, деяниях, которые бывают низкими (т.е. определяемыми эгоцентризмом, себялюбием, как бы прижатыми к прагматическим смыслам) и высокими (т.е. устремленными к общечеловеческим идеалам).

Судят также о падении или возвышении человека через его поступки и деяния, подразумевая тем самым как бы некоторую плоскость, относительно которой можно возвыситься или пасть. В применении к этому говорят уже не об ошибке, сбое, промахе, а о поступке, преступлении, грехе. Очень красиво различие действия и поступка выразил однажды в лекции профессор П.Я. Гальперин: «Действуем мы бесконечно: обучаемся, садимся в автобус, обедаем. Поступок - изменение судьбы; возвеличение или гибель наших ценностей, переосмысление жизненно значимого...» Имея это в виду, мы уже не ошибемся в оценке лич-

ности, зная, что она проявляет себя не в действиях, а в поступках, т.е. действиях, соотносенных с ценностями и идеалами, с определенными уровнями нравственного сознания, действиях, требующих морального выбора.

Необходимо добавить, что поступок - это тот объект, в котором прямо пересекаются интересы и психологии, изучающей личность, и философии, прежде всего этики. Многие видные психологи говорили о важности поступка для характеристики личности, рассматривали поступок как «начало личности». Что касается философов, занимавшихся проблемами этики, то они всегда придавали поступку особое значение. Еще Гегель писал, что «*действительное моральное сознание есть сознание, совершающее поступки*». Современные философы-этики также отводят поступку центральное место, называя его первичной «клеточкой морали», «сердцевиной морального выбора» и т.п. До сих пор, однако, психология практически не доходила до уровня развернутого анализа поступков, занимаясь в основном исследованием закономерностей и механизмов психической деятельности безотносительно к проблемам нравственного сознания и морального выбора. А.Н. Леонтьев с горечью констатировал, что психология «вообще не располагает понятиями, в которых этические категории могут быть психологически раскрыты...». Этики, напротив, сразу начинают с уровня поступков, минуя пути реального восхождения к нему, пути трансформации действий в поступки. Думается, что в будущем эти две линии познания должны сомкнуться при исследовании природы человеческих поступков в этически ориентированной психологии личности, с одной стороны, и в психологически обоснованной этике - с другой.

Итак, смыслы не являются однородными, а тем более уровневыми образованиями, но существенно различаются в зависимости от отнесенности к тому или иному уровню. Помимо уровневой отнесенности для характеристики конкретного смыслового образования крайне важно представление об его интенсивности, степени присвоенности личностью. Е.З. Басина предлагает говорить, например, о трех типах смысловых образований - смысловых содержаниях, частных смысловых образованиях и общих смысловых ориентациях. Под смысловыми содержаниями понимаются локальные личностные смыслы, под частными смысловыми образованиями - более обобщенные психические образования, лишенные непосредственной предметности,

в которых выражено некоторое частное отношение личности к тем или иным аспектам действительности. Смысловые ориентации рассматриваются как наиболее общие и основные «единицы» личности, которые формируются не в конкретной деятельности, а на протяжении всей жизни личности.

Эта классификация представляется ценной, хотя предлагаемые термины выглядят, на наш взгляд, не совсем удачными. Так, определенное «смысловое содержание» имеется, безусловно, во всех трех видах смысловых образований, поэтому не стоит выделять его в качестве отдельной характеристики. Речь должна идти лишь о разной степени присвоенности, генерализованности этого содержания. Поэтому мы в дальнейшем будем говорить о неустойчивых, *ситуативных* смысловых содержаниях, характеризующихся эпизодичностью, зависимостью от внешних обстоятельств; об устойчивых, личностно присвоенных смысловых содержаниях, вошедших, вплетенных в общую структуру смысловой сферы и занявших в ней определенное место; и наконец, о *личностных ценностях*, которые мы уже определили выше как осознанные и принятые человеком наиболее общие, генерализованные смыслы его жизни.

Если уровни смысловой сферы (эгоцентрический, группоцентрический, просоциальный) составляют как бы вертикаль, ординату сетки смысловых отношений, то намеченные степени присвоенности их личностью (ситуативная, устойчивая, личностно-ценностная) составляют горизонталь, абсциссу этой сетки. В каждом конкретном случае можно в принципе выделить ведущий для данной смысловой сферы уровень, характер его связей со смысловыми образованиями, степень его внутренней устойчивости и т.п. Понятно, что ход нормального в нашем понимании, т.е. направленного на присвоение родовой человеческой сущности, развития смысловой сферы должен состоять в одновременном движении по вертикали и горизонтали - к общечеловеческим представлениям, смысловой идентификации с миром и по линии перехода от нестойких, эпизодически возникающих отношений к устойчивым и осознанным ценностно-смысловым ориентациям.

Разумеется, это движение идет отнюдь не линейным путем, а подразумевает и сложности, и отступления, и кризисы. Причем каждая ступень подъема по лестнице уровней смысловой сферы и каждое усиление степени присвоенности данного смыслового

содержания не уничтожает вовсе предшествующие смыслы и представления, но включает их в новые системные отношения, собирает в новый узор, отделяя главное от неглавного, качественно меняя «смысл их смысла» в жизни человека. В реальности смысловое обеспечение даже отдельно взятой, искусственно изолированной деятельности никогда нельзя полностью замкнуть, ограничить рамками только одного какого-либо уровня, напротив, полная характеристика определяется соотношением, конфигурацией нескольких уровней с той или иной силой интенсивности, представленных в сознании. Скажем, для эгоцентриста вполне могут существовать и групповые, и коллективистские, и даже общечеловеческие мотивы и смысловые отношения, только последние так или иначе, но постоянно уступают, «проигрывают», искажаются в угоду эгоцентрическому отношению, постепенно теряя при этом реально переживаемое содержание и девальвируясь в конце концов до пустой декларации.

Эта нередкая одновременная представленность в том или ином виде, с той или иной степенью присвоенности каждого из разобранных уровней не означает их «мирного сосуществования», напротив, они обычно сосуществуют в обстановке более или менее выраженной внутренней оппозиции. Стойкий эгоцентрист, чтобы уважать и оправдать себя, свои действия и поступки, стремится рассматривать свое миропонимание отнюдь не как локальное, лишь ему и ему подобным присущее, но как объективное, общее, пригодное для всех и, более того, так или иначе всеми разделяемое, но лишь у некоторых маскируемое громкими словами и фразами. Потому он охотно и часто с изрядной долей агрессии дискредитирует более высокие уровни, выискивая в них скрытые «корыстолюбие», «хитрость», «глупость», «ненужность», «вредность» и т.п. Исповедание собственно нравственных, просоциальных уровней также подразумевает противостояние, но на этот раз побуждениям, идущим от нижележащих уровней. Ни один уровень, даже интенсивно присвоенный, ставший личностно-ценностным, не дается человеку как некий постоянный капитал, который можно раз заслужить, заработать, а затем уже безбедно существовать всю остальную жизнь на ренту, проценты от него. Смысловую сферу каждого человека можно рассматривать как арену противоборства между ее основными векторами, направленностями: с одной стороны, направленностью к коллективистскому, общему, всеобщему, а с другой сто-

роны - к частному, ситуационному, прагматическому. (Легко усмотреть за этим противоборством то внутреннее движущее противоречие развития, о котором мы писали в гл. I, - между отношением к другому человеку как самоценности, трансцендирующему существу и отношением к нему как к конечной вещи.) Можно смело поэтому говорить о природе смысла как живой системы, т.е. системы, имеющей противоречия, соединяющей в себе разнонаправленные тенденции. Вспомним афоризм: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Если каждого человека строго «разобрать» на составляющие его желания, помыслы, потребности, то отдельные «детали» по своей внутренней структуре окажутся, во-первых, во многом сходными, а во-вторых, их набор, наименование - во многом одинаковыми. Важны не столько части, сколько их неповторимое соотношение, сочетание, общая устремленность, противоборство, которые и составляют захватывающую картину человеческого духа, его восхождение или нисхождение, подвижничество или прозябание, подвиг или падение. Пристрастность человеческого сознания, эмоциональная насыщенность смыслов реального бытия во многом определяются именно этим обстоятельством.

В этом плане представляет интерес разработка понятия о конфликтных личностных смыслах. Выше мы уже приводили интерпретацию конфликтного смысла М. Кальвино - это смысл явления, которое способствует достижению одного мотива и препятствует достижению другого. Конфликтный смысл, по В.В. Столину, выявляется в трудности преодоления человеком той или иной преграды ради достижения чего-то для него важного. Так, проведя многочисленные опросы и подвергнув результаты математической обработке, он пришел к выводам (в целом оказавшимся достаточно самоочевидными), что «ситуации, требующие активности в общении, делаются преградными для того, кто обладает *робостью*»; «ситуации, требующие от личности безнравственного поведения (солгать, нарушить обещание), предполагают в качестве внутренней преграды *совесть*» и т.п.

Из этого в свою очередь выводится, что поступок - «это либо преодоление преграды, либо, под ее влиянием, отказ от действий».

Эти экспериментальные факты подтверждают сложный и во многом внутриконфликтный характер рассматриваемых явле-

ний. Следует заметить, однако, что исследуемые конфликты в основном относимы к действительному полю и рассматриваются как могущие возникать, а могущие и не возникать на пути достижения мотива в данных конкретных условиях. Мы же сейчас касаемся проблемы более общей - проблемы движущих, т.е. постоянных, неустранимых противоречий собственно смыслового, в нашем понимании, поля. Если, по В.В. Столину, «пока поступок не свершен - смыслы «я» не находятся в противоречии», то, по нашему мнению, смысловая система «я», если таковая наличествует, есть внутренне напряженная, живая, т.е. повторяем, содержат противоречия, система*, которая конечно же проявляет, формирует, изменяет себя через действительный, бытийный план своей активности, но не может быть вся без остатка сведена к этому, не является в своем развитом состоянии лишь отражением конкретных коллизий - преодоления или непреодоления преград на пути к цели. Иначе говоря, закономерности действительного плана (поведение индивида в лабиринте преград) вряд ли следует прямо переносить на функционирование смыслового поля. Преодоление преград (т.е. по сути отголоски старого понимания проблемы воли как выбора наиболее сильного желания из ряда конкурирующих и подавление, преодоление остальных) представляется весьма удобной моделью для построения формальных исследовательских процедур и дальнейшей математической обработки результатов их применения, но все же далеко не отвечающей сложности порождения и функционирования смысловой сферы человека.

Смысловые системы, по крайней мере высшие, нравственно-ценностные их уровни, несут в себе функцию не столько отражения, сколько *преобразования* действительности, связывания разнородных и частных интересов, нижележащих смыслов («преградных» и «конфликтных» в том числе) в единый, определяющий суть и назначение человека взгляд на самого себя и на

* Гегель писал: «Таким образом, нечто жизненно, только если оно содержит в себе противоречие и есть именно та сила, которая в состоянии вмещать в себе это противоречие и выдерживать его»³⁴. Что касается конфликтов, то они не более чем внешний слой (констатируемый и обыденным, донаучным сознанием) лежащего более глубоко противоречия. Конфликты возникают и исчезают: движущее противоречие может исчезнуть лишь с прекращением жизнедеятельности той системы, которая была способна его «вмещать и выдерживать».

окружающую жизнь. Ценностное восприятие, по верному замечанию Ф.Е. Василюка, дает возможность человеку преодолевать неудачи и преграды действительного поля. Это не значит, что при этом человек вовсе не испытывает конфликтных состояний и переживаний, что в его смысловой системе нет и не может быть конфликтных смыслов. Их может быть сколько угодно. Но конфликты нижележащие (чаще в ходе специальной деятельности смыслопонимания) снимаются, точнее, преобразуются ценностным уровнем, рассматриваются и получают свою истинную цену в зависимости от того или иного решения исходного движущего родовидового противоречия. Поэтому, в частности, обилие конфликтных смыслов, неудачи в их «расконфликтывании» могут не менять ни общего уровня самоуважения личности, ни ее устойчивости, ни уверенности в себе, и, напротив, перемены ценностной ориентации всегда сопровождаются глубоким кризисом личности, даже в том случае, если нет видимых конфликтов на других уровнях смыслового сознания*. В этом плане очень верно следующее определение смысла, которое мы нахо-

* В возвеличивании конфликтов как главных единиц личности кроется и еще одна опасность. О ней хорошо сказал современный латышский философ А.А. Милтс: «Людам нередко не хватает легкости... Чуть ли не на каждом шагу нам мерещатся враги... Мы «боремся» там, где проще было бы снисходительно улыбнуться. Жена борется с мужем, покупатель с продавцом, учитель с учеником, подчиненный с начальником, летчик с пилотом, пьяница с водкой. Сколько в этой борьбе ничтожных побед и поражений! Но самое печальное состоит в том, что после этого у нас уже не остается ни сил, ни времени на истинно принципиальную борьбу, на настоящий героизм... Мелкие победы при более широком взгляде на вещи порой оказываются лишь составными частями крупного поражения. Это вовлекает личность в неразбериху беспрерывных конфликтов, вихрь мелких удач и неудач, которые никак не способствуют совершенствованию ни личности, ни семьи, ни общества» 4. Напомним в связи с этим и известное высказывание Б. Паскаля: «Кто преуспевает в малом, тот не способен достичь большого». Таким образом, конфликтный смысл есть скорее единица анализа личности особого типа (к сожалению, ныне весьма распространенного) - личности конфликтной, задержанной, потерявшей общие ориентиры и на место их поставившей ситуационные запросы. Повышение же уровня смыслового восприятия действительности ведет к интегрированию личности, пониманию происходящего (в том числе и затруднений - больших и малых) в свете борьбы за общие цели и идеалы, за человеческое достоинство и совершенство - как высокую трагедию, а не мелкотравчатую склоку человеческой жизни.

дим у А.А. Брудного: смысл - это такое отражение действительности в сознании, которое может изменить действительность. Надо лишь добавить и уточнить: не только может изменить, но обязательно изменяет, преобразует, преобразует в акте смыслового восприятия действительность, делая ее в своем внутреннем видении вовсе не той, чем она является номинально, но придавая ей особый, прямо не усматриваемый «объективным зрением» других и прямо не вытекающий из самой этой действительности смысл, связь событий.

Распадение же этой связи равносильно утере общего смысла, кризису смысловой сферы. При этом действительность, ее отражение, даже «объективность» этого отражения остаются, но теряется то, ради чего стоит ее отражать, - общий взгляд, общая, связующая жизнь воедино идея. Клинический опыт убедительно показывает, что так называемые неврозы потери смысла (нусогенные, экзистенциальные неврозы и др.) связаны прежде всего не с преодолением преград, не с трудностями выбора поведения в пользу того или иного мотива, а с отсутствием, потерей нравственно-ценностного взгляда на жизнь как главного условия ее осмысленности, из которого как частность вытекает и стремление к достижению тех или иных мотивов со всеми связанными с задачами этого достижения текущими переживаниями. Понятно, что в каждодневном бытии человека в большей степени отражаются именно эти, здесь-и-теперь одолевающие заботы, что и создает порой иллюзию их главности, их реальности и зримости в противовес отдаленным и расплывчатым общим идеям. Но достаточно резкой смены обстоятельств, кризиса, поворота внешних событий, чтобы увидеть стержневую для всей судьбы личности роль последних.

Что касается конкретной деятельности, то она может существенно по-разному осмысливаться в зависимости не только от ее места в иерархии иных деятельностей, ее взаимоотношений, пересечений с другими деятельностями, но и от того, в какой стадии своего движения, развития она находится. Сейчас мы и перейдем к анализу закономерностей этого движения.

5. Циклы развития деятельности

Центральным для понимания природы деятельности является вопрос о соотношении развернутой человеком целенаправленной активности (собственно деятельности в узком смысле слова) и потребности, связанной с этой активностью. Л. Сэв,

специально исследовавший эту проблему, говорит о двух принципиальных формулах такого соотношения. Согласно первой, потребность порождает деятельность, направленную на удовлетворение данной потребности (сокращенно П-Д-П). Согласно второй, деятельность порождает потребность (Д-П-Д). Л. Сэв отдаст предпочтение второй формуле как формуле «расширенного воспроизводства» потребности, в то время как первая формула, по его мнению, есть формула «простого воспроизводства» потребности. К этим выводам полностью присоединялся А. Н. Леонтьев в своей последней книге.

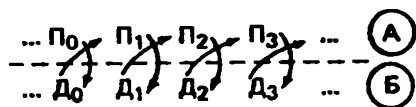
Между тем, на наш взгляд, по крайней мере в конкретно-психологическом плане, с такого рода резким противопоставлением двух формул согласиться трудно. Более того, любую из этих формул можно представить фигурой следующего замкнутого цикла:

Тогда первая формула будет исходить из потребности и через соответствующую деятельность вновь приходить к той же потребности, а вторая будет исходить из деятельности и через возникшую в ней потребность вновь приходить к деятельности.

Совершенно понятно, что подобные замкнутые циклы возможны, и то с очень большими оговорками, только для простых органических потребностей. Что же касается развитых, высших потребностей человека, то здесь циклы становятся разомкнутыми: потребность в ходе деятельности всякий раз изменяется, равно как изменяется и деятельность, побуждаемая этой изменившейся потребностью.

Схематически это можно представить в следующем виде:

Перед нами, таким образом, некоторая спираль развития, в которой преобразуются как потребности (т.е. $П \neq П_1 \neq П_2 \dots$), так и соответствующие деятельности ($Д_0 \neq Д_1 \neq Д_2 \dots$). Следует сделать еще одно добавление, точнее, примечание к нашей схеме. Согласно традиционным формулам П-Д-П и Д-П-Д, получается

так, что деятельность и потребность отделены друг от друга по времени. Сначала возникает потребность, а затем деятельность или, наоборот, сначала деятельность, а затем потребность. На деле, в функционировании собственно человеческих потребностей, нет такого временного разрыва, поскольку потребность слита здесь с реализующей ее деятельностью, равно как деятельность является непосредственным проявлением, формой жизни соответствующей потребности. Поэтому для полноты мы добавим в схему ось психологического времени (t_{ψ}), чтобы показать одновременность, психологическую синхронность протекающих здесь процессов, которые, что также значимо, можно разделить на две основные сферы - сферу потребностно-мотивационную (А) и сферу, в узком смысле, деятельностьную, производственную, операционально-техническую (Б).

Данная схема дает возможность достаточно наглядно представить те движущие отношения и противоречия, которые заложены в системе предметной деятельности. Противоречия эти являются частным случаем, проявлением более общего, основного противоречия между личной (индивидуальной) ограниченностью каждого отдельного человека и универсальностью, безграничными возможностями, предполагаемыми всеобщей родовой человеческой сущностью. На уровне индивидуального сознания это противоречие обычно отражается как противоречие, несоответствие между «я» реальным и «я» идеальным, между «я» сегодняшним и «я» будущим, между бытием и долженствованием. На уровне индивидуальной деятельности оно предстает в виде противоречия между потребностной (в более широком понимании - потребностно-мотивационно-смысловой) и операционально-технической сферами.

На особую значимость последнего отношения применительно к детскому развитию неоднократно указывали многие отечественные психологи, но наиболее последовательно и развернуто его роль была прослежена в работах Д.Б. Эльконина, посвященных проблеме периодизации в детском возрасте. Д.Б. Эльконин выделял две группы ведущих деятельности*. К первой группе он относил деятельности, при осуществлении которых

* Напомним, что понятие «ведущая деятельность», или «ведущий тип деятельности», было применительно к детскому возрасту введено А.Н. Леонтьевым в работе, опубликованной впервые в 1945 г. Он выделял три главных признака такого вида деятельности: «Во-первых, это такая деятельность, в форме которой возникают и внутри которой дифференцируются другие, новые виды

происходит развитие мотивационно-потребностной сферы, ко второй группе - те деятельности, при осуществлении которых происходит «формирование интеллектуально-познавательных сил детей, их операционально-технических возможностей». В детском возрасте, по мнению Д.Б. Эльконина, происходит постоянное чередование этих групп деятельности, что и определяет ход психологического развития ребенка. Что же касается зрелого возраста, то на него, считал Д.Б. Эльконин, нельзя переносить эти закономерности, поскольку и социальная ситуация развития, и ведущая деятельность остаются у взрослого постоянными в течение всей трудовой жизни, а не сменяются, как в детстве, одна другой.

Тем самым выделенные закономерности фактически рассматриваются как «детскопсихологические», но не «общепсихологические», с чем вряд ли можно согласиться, поскольку, как мы уже говорили, несоответствие потребностно-мотивационной и операционально-технической сторон есть прямое выражение более общего, движущего (т.е. неустранимого) противоречия развития личности, а не следствие лишь какого-либо одного (в данном случае начального) периода жизни человека.

Вместе с тем признание общей внутренней закономерности не означает, что формы ее конкретной реализации во взрослой и детской жизни будут идентичными. Коренным отличием здесь является то, что в детском возрасте смена одного типа деятельности другим во многом непосредственно диктуется социально-культурными условиями, а в зрелом возрасте нормальная личность способна сама выбирать объекты и формы своей активнос-

деятельности. Так, например, обучение в более тесном значении этого слова, впервые появляющееся уже в дошкольном детстве, возникает впервые в игре, т.е. именно в ведущей на данной стадии развития деятельности. Ребенок начинает учиться играя. Во-вторых, ведущая деятельность - это такая деятельность, в которой формируются или перестраиваются частные психические процессы. Так, например, в игре впервые формируются процессы активного воображения ребенка, в учении - процессы отвлеченного мышления... В-третьих, ведущая деятельность - это такая деятельность, от которой ближайшим образом зависят наблюдаемые в данный период развития основные психологические изменения личности ребенка. Так, например, ребенок-дошкольник именно в игре осваивает общественные функции и соответствующие нормы поведения людей...» Ниже мы коснемся современной критики положения о ведущей деятельности и нашего отношения к этой критике.

ти. Не случайно поэтому набор ведущих деятельности взрослого (и в этом, конечно, прав Эльконин) может длительно оставаться постоянным (семья, работа и т.п.), не меняя, как в детском возрасте (единообразно, достаточно регламентированно в рамках нашей культуры), свою последовательность, однако внутри каждой такой деятельности могут возникать самые различные перипетии, изменяющие как характер самих этих деятельности, так и соотношение между ними. Что касается социальной ситуации развития, то хотя и не столь резко и внешне заметно, но она сменяется и в зрелом возрасте. Действительно, на тридцатилетнего смотрят по-иному, нежели на сорокалетнего: первый может еще ходить в подающих надежды, от второго ждут реального подтверждения этих надежд. Тем самым, для того чтобы понять малоизученные кризисы взрослой жизни, необходимо обратиться к анализу движения самих личностно-значимых деятельности и возникающих здесь внутренних противоречий, а не искать эти противоречия только в оппозиции одних деятельности к другим. Поэтому тезис о строгом различении ведущих деятельности, одни из которых по преимуществу направлены на мотивационную сферу, а другие - на операционально-техническую, не следует абсолютизировать, особенно в применении к зрелому возрасту. Обе эти стороны не существуют порознь, а обретают особого рода единство в любой конкретной деятельности человека - от простой до сложной - и разветвленной. Ведь любая деятельность подразумевает для своего осуществления как производственную, операционально-техническую, так и мотивационную стороны.

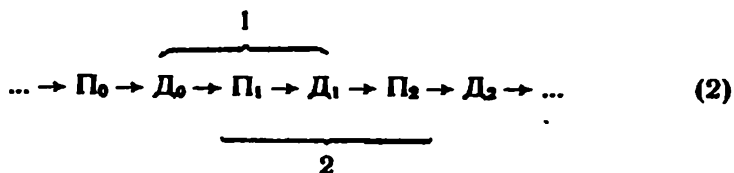
Причем видимость исключительно «мотивационных» или «операционально-технических» деятельности возникает нередко как акцентация различных моментов. Например, возникающее серьезное несоответствие предметной стороны деятельности ее прежнему мотиву часто обращает человека к пристальному анализу своих мотивационных ориентиров. Напротив, при мелких поломках операционально-технического аппарата деятельности внимание сосредоточивается на их исправлении, что в свою очередь может представляться как особая деятельность. Между тем и в том и в другом случае перед нами нередко одна общая деятель-

ность на разных этапах своего движения, с разной представленностью в нем двух основных сторон - мотивационной и операционально-технической. Так, невозможность осуществления прежними, привычными средствами важной для человека деятельности, например, профессиональной (вследствие болезни, серьезного нарушения трудоспособности) или интимно-личной (потеря близкого), обычно ведет к пересмотру, порой глубоко драматическому и мучительному, мотивационной, ценностной стороны жизни, тогда как обычные неприятности на работе или препятствия в любви заставляют лишь больше напрягать силы в избранном направлении. (Старая мудрость говорит, что мелкие неприятности выводят нас из себя, большие - возвращают нас себе.)

И наконец, последним моментом, который отмечал и Д.Б. Эльконин, является слабая разработка проблемы переходов от одного периода развития деятельности к другому. О явной недостаточности изучения «стыков» между этапами развития говорят и другие ученые. В особенности это касается, на наш взгляд, тех случаев, где встречаются серьезные препятствия в реализации деятельности, т.е. случаев, представляющих особый интерес в плане поиска истоков и мер коррекции отклоняющегося поведения.

Все эти моменты требуют более пристального и специального обращения к внутренним психологическим закономерностям движения деятельности, возникающим здесь преобразованиям, и прежде всего тем зонам этого движения, которые соответствуют переломам, качественным сдвигам, кризисам развития.

Для этого вернемся к нашей схеме (1), представив ее теперь для удобства дальнейшего изложения в следующем линейном виде:

При этом вновь обратим внимание на то, что формулы Д-П-Д и П-Д-П являются лишь разными фрагментами, звеньями живой

цепи: если мы возьмем отрезок, начинающийся с деятельности (на схеме он обозначен цифрой «1»), то получим первую формулу, если возьмем отрезок, начинающийся с потребности (цифра «2»), то получим вторую формулу*.

Возможность кризисов, сбоев в развитии деятельности, в том числе деятельности, которая нас наиболее интересует, т.е. личностно-значимой, занимающей важное или даже ведущее место в жизни человека, является не одиозным случаем, а психологической закономерностью; эта возможность заложена по сути в самой природе рассматриваемой цепи преобразований. Назовем несколько механизмов таких кризисов, но прежде выделим два основных направления, два вида развития цепи преобразований. Один условно назовем *восходящим* (он обычно характерен для нормального, продуктивного формирования), другой - *нисходящим* (он свойствен в большей степени аномальным случаям).

Теперь о механизмах восходящего пути. Их в свою очередь два. Первый связан с тем, что изменяющаяся потребность требует для своего удовлетворения все новых и новых средств, операционально-технических возможностей деятельности. Наконец, может настать такой момент, когда возможности эти исчерпываются, когда в наличии, в сфере реально доступного, для человека не оказывается необходимых для осуществления деятельности средств, что субъективно иногда очень остро переживается как состояние неудовлетворенности, растерянности, остановки, кри-

* Справедливости ради надо отметить, что, отдав предпочтение формуле Д-П-Д Л. Сэв в конце своей книги тем не менее признает правомерность и важность в анализе человека другой формулы, а именно формулы П-Д-П. Это признание вполне объяснимо, и в нем не следует видеть противоречия, ведь для Сэва, так же как для Леонтьева, было важно показать, что нет исходно заложенного в человеке перво двигателя, предшествующего разворачиванию самой деятельности. Но когда мы переходим к анализу реального плана психологического движения деятельности, его актуальных форм, то становится уже невозможным не признать взаимосвязь, взаимно обусловленность рассматриваемых формул этого движения, поскольку, говоря словами самого же Л. Сэва, если рассматривать как уже данный процесс удовлетворения развитых человеческих потребностей, то здесь «каждый момент может быть взят за отправной по отношению к другому, и тогда схема потребность - деятельность - потребность, П-Д-П, не менее законна, чем обратная схема, - деятельность - потребность - деятельность, Д-П-Д, так как одна из них непрерывно соединяется с другой».

зиса. Второй тип кризисных состояний связан с тем, что деятельность, напротив, постоянно усложняется, разветвляется, приобретает такие новые средства осуществления, операционально-технические возможности, что она как бы перерастает лежащую в ее основе потребность. Подобная логика возникновения кризисов нормального развития (главным образом в плане расширения связей и отношений) была впервые выявлена в рамках теории деятельности применительно к детскому возрасту в фундаментальных трудах А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца, Д.Б. Эльконина, Л.И. Божович и др.

Обратимся теперь к тому направлению изменений деятельности, которое названо нисходящим. Здесь также можно обозначить два варианта. В основе первого лежат происходящие вследствие тех или иных причин искажение потребностей, возрастание их принудительной силы и т.п., что ведет к перестройке - часто далеко не автоматической и не бескризисной - соответствующих деятельности по удовлетворению данных потребностей. Причинами кризисов другого типа становятся обеднение деятельности, искажение ее структуры, что приводит к перестройке потребностей и мотивов. (Ниже мы увидим, что примером первого типа кризисов могут служить изменения деятельности при хроническом алкоголизме, примером второго - изменения деятельности при эпилепсии*.)

Таким образом, в любой отдельно взятой деятельности возможно усмотрение действия противоречий между ее операционально-технической и мотивационно-потребностной сторонами, что позволяет подойти как к пониманию внутренних закономерностей, затруднений, кризисов взрослой жизни, где не происходит видимой смены одной деятельности другой, так и к случаям фрустраций, разного рода отклонений в реализации личнос-

* Можно искать и иные пути изучения природы кризисов. Так, согласно выдвинутой В.Г. Ассесвым системно-уровневой концепции детерминации развития психики, возможны двоякого рода противоречия: между субъектом и внешними условиями протекания деятельности, с одной стороны, и между отдельными внутриличностными образованиями - с другой⁶⁵. Интересным является и описанный В.С. Ротенбергом и В.В. Аршавским «синдром Мартина Идена», который проявляется тогда, когда, казалось бы, все заветные цели достигнуты и человек находится на гребне успеха⁶⁶. Целевая сторона оказывается исчерпанной, а вместе с тем постепенно гаснут и мотивы, освещавшие и направлявшие все силы на их достижение.

тно-значимых деятельности детского и подросткового возраста, когда кризисные явления трудно объяснить лишь взаимоотношениями между двумя ведущими типами деятельности. Вместе с тем для построения развернутой схемы преобразования деятельности не хватает одного важного звена, которое отражало бы структуру самого кризисного состояния.

В самом деле, обобщая представленные выше варианты кризисов*, нетрудно увидеть, что сбой в выделенной цепи преобразований возможен либо в звене П - Д, когда потребность не может удовлетвориться прежним набором средств деятельности, либо в звене Д - П, когда, напротив, изменившиеся операционально-технические возможности перестают соответствовать (перерастая в восходящем и обедняясь в нисходящем пути) прежним потребностям. Что же в психологическом плане происходит при этих сбоях, какого рода состояния образуются?

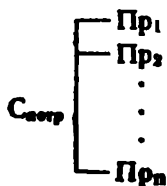
Если обратиться к внешним проявлениям кризисных состояний, к их феноменологии, то они, в особенности начиная где-то с подросткового возраста, могут быть описаны как особые психические состояния, состояния неопределенности, как бы неопределенности, неструктурированности желаний субъекта, невыраженности намерений и планов, их размытости, легкой смены одного другим и т.п. Часто об этом состоянии можно сказать, что человек, находящийся в нем, жаждет (порой очень страстно) того, чего сам толком не знает, чему не может дать однозначного описания. Подобное состояние, взятое как фрагмент развития дея-

* Следует, видимо, специально подчеркнуть, что мы не вносим в понятие «кризис» оценочную, только негативную окраску и не рассматриваем это явление как по преимуществу признак аномального развития, отклонения, болезненности. Кризисы, переломы, скачки - обязательные спутники всякого живого развития. Разумеется, в зависимости от обстоятельств эти периоды могут проходить по-разному - сглаженно или резко, легко или обостренно, краткосрочно или долговременно, накопясь, они могут иметь разный исход с точки зрения нравственно-ценностного развития, борьбы просоциальных и эгоцентрических тенденций. Задача воспитания и психологической помощи - способствовать созданию, с учетом возрастной специфики и индивидуальных отличий человека, таких условий, которые обеспечивали бы наилучшие формы прохождения кризисных периодов как со стороны общей нравственной направленности, так и со стороны внешних проявлений и реакций.

тельности, может быть обозначено как *переходное мотивационно-потребностное состояние*.

Следует, однако, сразу заметить, что наше понимание потребностного состояния отличается от его понимания А.Н. Леонтьевым. Согласно последнему, уровень собственно психологического анализа начинается с потребности, которая рассматривается как нужда, обретшая свой предмет или мотив. «Подобное понимание мотивов, - пишет А.Н. Леонтьев, - кажется по меньшей мере односторонним, а потребности - исчезающими из психологии. Но это не так. Из психологии исчезают не потребности, а лишь их абстракты - «голые», предметно не наполненные потребностные состояния субъекта». Тем самым потребностные состояния фактически выводятся из сферы психологического анализа. На наш же взгляд, психологический анализ переходных потребностных состояний является важнейшим условием понимания реального движения деятельности. Эти состояния, в особенности возникающие по ходу развития сложных общественно обусловленных видов деятельности, не являются лишь «голыми» негативными состояниями субъекта. Они имеют внутреннюю структуру и динамику, которые во многом определяют выбор конкретного предмета - мотива деятельности. Наконец, психология не вправе упускать эти состояния из сферы своего внимания, поскольку именно они (что мы, в частности, увидим ниже, при анализе раннего алкоголизма) очень часто являются наиболее опасными, ломкими моментами, в которых значительно возрастает вероятность возникновения больших и малых отклонений в развитии личности.

Достаточно схематично суть потребностного состояния ($C_{\text{потр}}$) можно определить как состояние, которому отвечают не жестко закрепленные предметы, а веер, вариация, целый *круг* достаточно разнообразных потенциальных объектов, предметов ($Пр_1, Пр_2, Пр_3, \dots, Пр_n$) или:

Потребности же соответствует более или менее определенный предмет или мотив, т.е. потребность - предмет (мотив), или П-Пр (М).

Лишь учитывая потребностное состояние, мы можем построить полную цепь движения деятельности и отразить в этой цепи периоды кризисных явлений. Начнем построение с переходного потребностно-мотивационного состояния, хотя понятно, что и до него могла существовать некая цепь развития деятельности, которая, однако, нарушилась вследствие действия одного из указанных выше механизмов кризиса.

Потребностное состояние по самой своей сути не может длиться долго*, и через некоторое время обычно происходит обнаружение, опробование действием того или иного предмета, который представляется, видится субъекту в наибольшей степени отвечающим данному моменту. Так осуществляется переход потребностного состояния в качественно иной психологический ранг - ранг опредмеченной потребности, т.е. потребности, нашедшей свой предмет - мотив**. Вслед за этим потребность через найденный мотив побуждает к деятельности, в ходе которой она воспроизводится и, как уже говорилось, несколько видоизменяется, толкая на новый, в свою очередь измененный по сравнению с прежним цикл деятельности и т.д., т.е. речь идет уже о цепи преобразований, рассмотренной нами выше. В то же время внутренней логика трансформации потребности и деятельности может по одному из представленных механизмов кризиса привес-

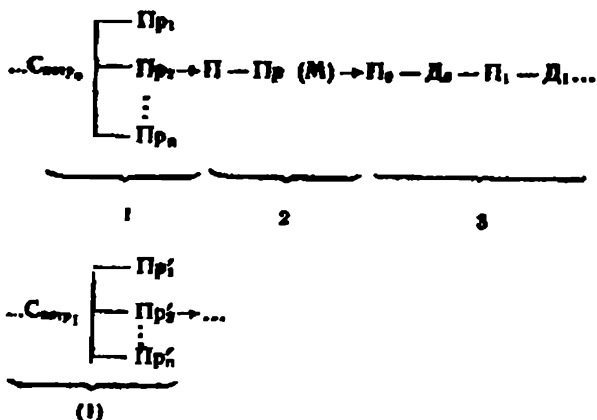
* Хотя встречаются в практике случаи, когда потребностное состояние затягивается, что может переходить в особую личностную аномалию, требующую тогда применения специальных психокоррекционных приемов.

** Ожидание первой любви, грезы о ней, пожалуй, наиболее яркий пример потребностного состояния, переходящего затем в осознанную потребность. Стендаль сравнивал это ожидание с соевым раствором, насыщенным до такой степени, что на предмете, помещаемом в его среду, могут образовываться кристаллы - чувства (мы ведь порой и говорим: «кристаллизация чувств»). То же и в известных пушкинских строках:

Давно сердечное томленье
Теснило сй младую грудь
Душа ждала... кого-нибудь,
И дождалась .. Открылись очи;
Она сказала: это он!

ти к фактическому разрыву данной цепи, к возникновению нового потребностного состояния, ждущего своего разрешения.

Изобразим сказанное в виде итоговой схемы:

В схеме этого движения можно условно выделить три основные стадии, или зоны: 1 - зона переходного потребностно-мотивационного состояния, или зона выбора предмета; 2 - зона первичного освоения и закрепления предмета в качестве мотива, или зона мотивообразования; 3 - зона преобразования потребности и деятельности.

Из сказанного следует ряд выводов. Так, если рассматривать человека как существо деятельное, постоянно осуществляющее какую-либо деятельность, то необходимо учитывать этапы, зоны движения этой деятельности. Состояние смысловой сферы также существенно зависит от того, в какой стадии находится деятельность. Можно говорить поэтому, например, о смысловой структуре потребностного состояния или смысловой структуре первичного мотивообразования, т.е. о достаточно типичных для тех или иных периодов становления деятельности смысловых структурах. Разумеется, степень «затронутости» смысловой сферы, входящих в нее смысловых образований будет существенно разной (в зависимости от отнесенности этих образований к тому или иному уровню): действенные поля оказываются вовлеченными в перестройки куда более непосредственно, чем высшие ценностные смысловые уровни. Это в свою очередь порождает вопрос об изменяющихся соотношениях между высшими и

низшими уровнями смысловой сферы, между отражающимися в сознании структурами идеальных (общих) и реальных (конкретных) целей. Приведенная схема хорошо согласуется и с представлениями А.Г. Асмолова и В.А. Петровского о чередовании в развитии деятельности этапов, где главенствуют установочные, инерционные моменты и моменты ломки инерции, так называемой «надситуативной активности». Исходя из представленного легко увидеть, что побуждения к «надситуативной активности» возникают не сами по себе, а как следствия определенной логики развития деятельности, лежащих внутри ее движущих противоречий. Ниже мы еще вернемся к этим и другим общепсихологическим выводам и постараемся показать их значение для исследования аномалий личности и психокоррекционной работы, а сейчас попытаемся увязать вместе, в единую систему те основные понятия, которые рассматривались в этой главе.

6. Координаты «пространства личности»

Чтобы соотнести между собой введенные выше основные понятия, воспользуемся следующей аналогией. Представим себе некоторое трехмерное пространство. Если считать плоскостями этого пространства, во-первых, деятельность, или, более обобщенно, *бытие* человека, определяемое как система сменяющих друг друга деятельностей; во-вторых, значение, или, обобщенно, *культуру* как систему значений, программ, образцов, норм, правил и т.п. и, наконец, в-третьих, *смыслы* как «значения значений», как динамические системы сознания, несущие пристрастные отношения человека к действительности, преобразующие в сознании саму эту действительность, то личность можно представить как некий предмет, идеальное «тело», существующее в этих плоскостях и особым образом связанное, отражающееся в каждой из них*.

* В.В. Давыдов считает, что исследования, связанные с изучением смысловых образований, динамических смысловых систем, относятся к сфере сознания, а не к области личности. С этим замечанием согласимся лишь отчасти. Действительно, если брать системы смыслов сами по себе, то они суть составляющие сознания, определяющие пристрастность ощущений. Иное дело, однако, если рассматривать эти системы во взаимосвязи с жизнедеятельностью человека в мире: тогда они, точнее, сама эта взаимосвязь есть характеристика личности. Об этом единстве и взаимосвязи и идет речь в нашей схеме, хотя понятна вся ее приближенность в отношении столь сложного предмета, каким является личность.

Очевидна условность такой аналогии, однако, приняв ее, мы сможем наглядно показать соотношение рассмотренных в главе основных понятий, каждое из которых освещает разные аспекты развития личности. Деятельность, бытие отвечает в основном на вопрос, *как* и *почему* происходит это развитие; обращение к плоскости культуры - на вопрос, *для чего*, для каких целей, задач, для достижения каких норм и образцов происходит развитие; наконец, плоскость смыслов соотносится с вопросом, *ради чего* человек живет, ради чего осуществляются, все эти «как», «почему», «для чего».

Каждая из этих плоскостей имеет и свои собственные параметры: говоря о деятельности, необходимо иметь в виду меру ее внутренней сложности, опосредствованности, стадии развития, широту связей и т.п.; говоря о культуре - качество, развитие и взаимосвязи значений, программ, образцов поведения, движение рассматриваемых значений от житейских и разрозненных до научных и системных. Что касается смысловой плоскости, то выше уже шла речь об ее уровнях, о борьбе двух основных векторов, один из которых направлен к коллективному, общему, всеобщему, а другой, противоположающийся - к частному, прагматическому, эгоцентрическому.

Исходя из представленного становится более понятной суть некоторых распространенных в психологии подходов, их возможности и ограничения. Так, если рассматривать личность как образование, целиком производное от культуры (культурологические теории), то личность предстанет как некий слепок, сколок культуры (проекция на плоскость значений), и тогда каждый человек, каждая личность может быть в конечном итоге охарактеризована ходячей фразой заголовка школьных сочинений: такой-то как типичный представитель своей эпохи, места, окружения. Подход, разумеется, важный и правомерный. С этой позиции можно объяснить фактически все многообразие личностных проявлений, не исключая таких, как творчество и мораль, ведь и то и другое так же имеют объективно существующие в обществе (т.е. предшествующие по отношению к конкретному человеку) предпосылки, свое разработанное веками бытие и пути достижения, зафиксированные, кристаллизованные, свернутые в знаках, значениях, понятиях, символах, поучениях, правилах, представленных в той или иной форме, будь то книга, писанный или неписанный закон, народный обычай, предсудок данного времени и т.п.

Но этот подход имеет и свои ограничения, ибо оставляет в

тени по крайней мере два важнейших момента. Во-первых, активность человека по усвоению всех этих знаков, навыков, норм и правил культуры и, во-вторых, возможность нравственной свободы человека в его действиях, в способах, формах и уровнях осмысления происходящего, без чего нельзя, в частности, понять, почему и как при одних и тех же обстоятельствах, в одинаковых эпохах, «культурных нишах» вырастают столь разные по своему личностному достоинству люди*.

Другой весьма распространенный подход может быть одобрен (в рамках нашей условной модели) проекции личности на деятельностную, бытийную плоскость, и тогда личность начинает рассматриваться как субъект или даже как только «момент деятельности». Это также чрезвычайно важный и плодотворный аспект, подчеркивающий деятельностную природу человека, значение труда, продуктивной деятельности для формирования и проявления личности.

Однако принятие лишь такого взгляда опять-таки обнаруживает известную недостаточность. Да, личность проявляет и формирует себя через деятельность, у нее нет по сути других путей формирования и реализации себя. Но она не сводится, не растворяется без остатка в любой из форм этой реализации, не сливается полностью и безраздельно с субъектом деятельности**, а

* Кроме того, следует помнить, что со знаками, установлениями, схемами культуры связаны не одни высоты человеческого духа. Налицо также и сковывающая роль культуры «Бюрократизм культуры», - писал, например, М.А. Лифшиц, - начиная с неоглифической письменности Египта и канцелярской мудрости шумерских писцов и кончая «чернильной культурой», на которую жаловался Гердер, и омертвевшими штампами средств информации более поздних времен, - страшная вещь... Нельзя забывать, что общественное мышление воплощается не только в телевизионных башнях, клубах, храмах и статуях или книгах. Оно воплощается и в «нерсбральных структурах» людей особого типа, грамотеев, служителей культуры, «мозговиков», образующих в каждой области мысли свою ничтожную монополию, свою кастовую мафию» Поэтому «мы вовсе не обязаны всегда, без дальнейшего анализа, без *distingio*, «я различаю», становиться на сторону общественных воплощений». Но это *distingio*, это различение (иначе оно и немыслимо вовсе), может быть лишь функцией чего-то, с самой культурой прямо не совпадающего, но подразумевающего свободный и нравственный выбор, т.е. в нашем понимании - функцией позиции личности.

** Б.Г. Ананьев писал по этому поводу, что в единой структуре человека характеристика субъекта деятельности так или иначе взаимосвязана с характеристиками человека как личности. Однако совпадение личности и субъекта

составляет особое, системное, прямо не сводимое к деятельности и прямо не выводимое из деятельности образование, существенной характеристикой которого является нравственно-ценностное (или ценностно-смысловое) отношение к происходящему. Образно говоря, человек лишь как субъект каких-то отдельных видов деятельности не всегда подлинный «хозяин» собственной личности в целом, а часто лишь ее исполнитель, нанятый хозяином работник, которого нельзя полностью отождествлять с тем, кто будет (сейчас или, быть может, через много лет) принимать и оценивать произведенную работу. Можно согласиться поэтому с Н.И. Сарджвеладзе, который пишет, что «субъект деятельности в каждый конкретный момент - преходящее явление, фактически сколько деятельностей, столько и субъектов деятельности. Но за этим преходящим субъектом стоит относительно устойчивое и перманентное образование, именуемое личностью. Личность, как относительно устойчивая и перманентная система, имеет множество своих преходящих проявлений в виде субъекта деятельности» .

Даже совершение одних и тех же действий, точнее, поступков (или проступков), движимых сходными мотивами, не уравнивает пути и шансы личностного развития, определяемого внутренним отношением к происходящему (а чаще - к происшедшему), тем, как отразится поступок в ценностно-смысловой плоскости сознания, с какими уровнями этой плоскости будет соотнесен, какой урок сам человек (а не персонифицированная в его лице культура или преходящий субъект деятельности) извлечет сейчас или по происшествии времени из случившегося. «Каждому, - свидетельствует писатель М. Ибрагимбеков, - если он захочет вспомнить, будет за что краснеть, просыпаясь по утрам, будет за что испытывать чувство стыда, но для одного эти плохие поступки в сумме составляют опыт, благодаря которому он становится еще хуже, для другого - это раскаленная решетка, на которой он корчится, но очищается и становится лучше... Но разница между подлецом и достойным человеком в том, что они сделали разные выводы из своих прегрешений» .

относительно даже при максимальном сближении их свойств. Другой психолог, В.Г. Норакидзе, справедливо подчеркивает, что утверждения «личность есть субъект деятельности» и «личность проявляет себя в каждый данный момент как субъект деятельности» вовсе не равнозначны, не эквивалентны между собой.

Теперь о понимании личности как проекции на смысловую плоскость. Если рассмотрение личности со стороны деятельности или усвоения значений, культуры достаточно широко представлено в научной психологии, то психологическое рассмотрение ее со стороны смысловой, нравственно-ценностной плоскости разработано пока крайне недостаточно. Этим отчасти и объясняется то, что мы уделили этой стороне особое внимание. Нами двигало при этом не только желание в какой-то степени по мере сил способствовать заполнению некоторого пробела общей психологии личности, но и сознание действительно особой значимости этой плоскости для понимания сути человеческой личности, путей ее нормального и аномального развития. Как мы пытались показать выше, главным в этой плоскости (плоскости, по нашей классификации, собственно личностного здоровья) становятся не успехи человека и его социальные роли, не сама по себе его продуктивная деятельность, не характер, не темперамент (т.е. то, что можно по преимуществу отнести к показателям индивидуально-психологического здоровья и здоровья психофизиологического), а мера участия, заинтересованности, страстности, проникновения его в нужды другого человека, общества, человечества в целом. Если рассматривать человека лишь как индивидуальность, то люди предстанут как бесконечно разные миры, становящиеся все более обособленными, особыми, неповторимыми по мере их развития. Через восходящее движение в нравственно-ценностной плоскости происходит реальное единение людей, приобщение к той, по словам А.Н. Леонтьева, не всегда видимой индивидом подлинной человеческой действительности, которая не обособливает человека, а сливает его жизнь с жизнью других людей, их благом. Сжато и точно сказано у М.М. Пришвина: «В знании общего дела есть сущность личности, потому что просто *индивидуум* знает только себя». Психология личности, не приобщенная к этому знанию, законам нравственного мира, будет по своей сути оставаться психологией «знающих только себя» человеческих индивидов.

Однако и эта взятая сама по себе точка зрения не является исчерпывающей. Проекция исключительно на данную плоскость может породить представление о личности лишь как решающей и оценивающей те или иные нравственные проблемы и коллизии; при этом бытие начинает рассматриваться только как сценическая площадка, на которой вновь и вновь, на разной обще-

ственно-исторической основе разыгрывается репертуар человеческих судеб.

Известны слова Л.Н. Толстого о том, что люди делают только вид, что воюют, торгуют, строят, главное же, что они делают всю жизнь, - это решают нравственные проблемы. В противовес этому мнению современная научная психология чаще всего, напротив, либо старается вовсе игнорировать в своих исследованиях нравственную сферу, либо рассматривает ее как некий довесок, добавок к продуктивной деятельности и возникающим вокруг нее производственным отношениям. И тот и другой подход следует признать односторонним, высвечивающим важную, но только одну сторону проблемы, поскольку, если воспользоваться нашей моделью, в первом случае личность целиком и полностью проецируется на смысловую, нравственно-ценностную плоскость, а во втором - на плоскость бытийную, деятельностную.

Итак, понятно, что личность в целом не проекция на одну какую-нибудь из представленных плоскостей, но системное образование, по-своему отражающееся в каждой из них*. Если же попытаться все же обозначить принцип, который является сквозным, связывающим всю систему, то для процесса формирования личности таким принципом будет принцип деятельностного опосредствования. Суть его заключается в производности личностных образований от реального бытия субъекта и, следовательно, в необходимости при исследовании, воспитании, коррекции личности выхода за рамки самих этих образований в мир реальной жизни, в мир деятельностей, их опосредующих. Именно через совокупность деятельностей, через бытие человека происходит присвоение культуры, происходит удвоение значений (появление субъективного значения данного объективного значения), которое и порождает личностные смыслы человеческого существования. Вне целенаправленной активности, не будучи освоенной деятельностью, культура выступает для человека лишь разрозненным и отчужденным набором значений, правил, норм

* Отсюда, в частности, ход к типологии личностей: ведь, к примеру, на одной и той же бытийной, деятельностной основе могут возникнуть существенно разные нравственно-ценностные построения и развитая система значений может сочетаться с низким смысловым уровнем (эгоцентризм, группоцентризм).

и т.п. Проходя через деятельность, опосредствуясь деятельностью*, эти значения приобретают смысл, порождают особый внутренний план - нравственное сознание с присущими ему уровнями и функциями.

Итак, мир человеческой культуры предшествует личности и являет собой неисчерпаемый источник возможностей, *депо смысловыражения*. Однако, прежде чем стать смысловой, внутриличностной реальностью, значения должны быть опосредствованы деятельностью, пройти через жизнь, бытие челове-

* Надо сказать, что именно понятие «опосредствование» было первоначально центральной характеристикой деятельности у Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева. В дальнейшем этот момент был несколько затуманен, а деятельность в ряде трактовок стала представляться как самодовлеющая психическая реальность. Видно, как реакцию на такого рода перегиб можно рассматривать некоторые недавние выступления в научной печати по поводу понятия «ведущая деятельность». А.В. Петровский, например, считает, что это понятие вообще лишено достаточных оснований, поскольку определяющим для развития является не какая-либо ведущая деятельность, а тип взаимоотношений личности, которые складываются у нее с референтными группами и лицами. Такое противопоставление кажется, однако, излишним категорическим. Два понятия - «межличностное общение» и «деятельность» (что показано в самих работах А.В. Петровского и его сотрудников) - не только не противопоставляются, но прямо подразумевают друг друга, поэтому ведущая (т.е. наиболее соответствующая, лидирующая для данного возраста) деятельность во многом задает круг референтного общения, равно как этот круг видоизменяет характер данной деятельности.

Другое дело, что нельзя сводить все многообразие и взаимозависимость форм активности только к одной ведущей деятельности. «Ведущая» не должна пониматься как «подавляющая». Именно забвение этого момента, считает К.А. Абульханова-Славская, привело к тому, что в некоторых психологических исследованиях личностная активность оказалась сведенной к ведущей деятельности. Но, на наш взгляд, с водой выплескивается и ребенок - ценнейшая идея стержневого вида, типа деятельности, с которым связывается, ассоциируется соответствующий возрастной этап и отныне, отсутствие которого было бы фактическим лишением человека детства или зрелости. И разве в последних случаях это не будет игра и труд, т.е. деятельности не рядовые, а именно ведущие для соответствующих этапов жизни? Ну а то, что в «производстве» этих деятельности важнейшую роль играют общение, социальные институты, референтные группы, другие формы активности и т.п., разумеется, безусловно, верно. Иными словами, то, что ведущая деятельность формируется и зависима, пусть даже производна от многих обстоятельств, не умаляет ее значения и не устраняет необходимости ее учета и рассмотрения.

ка*, которое представляет собой бесконечное в своих возможностях *депо смыслопорождения*. Если же попытаться коротко определить взаимосвязь всех трех плоскостей, то это будет следующая формула: смысл есть прошедшее через жизнь (систему деятельностей) человека значение.

Что касается практических, в частности воспитательных, психопрофилактических выводов, то эта формула лишний раз свидетельствует о том, что ни значения, ни слова, ни сама по себе активная предметная деятельность не являются гарантами воспитания полноценной, нравственной личности. Только слова, значения, соотношенные, сопряженные с жизнью, пропущенные через нее, через нелегкий труд бытия, через сложную совокупность и многообразие деятельностей, могут стать подлинной основой нравственного сознания. Следовательно, при воспитании необходимо так строить и направлять деятельности воспитанника, чтобы в ходе этих деятельностей, в ходе их развития, их последовательных этапов объективные и поначалу как бы вне человека существующие значения и идеалы, прежде всего значения и идеалы нравственные, приобретали личностный смысл, становились собственным, пережитым, активным отношением воспитанника к миру**.

Роль воспитателя при этом чрезвычайно, поскольку он выступает как реальное, живое олицетворение, так сказать, держатель тех смысловых уровней, которыми пока не обладает и которые чаще всего и не предугадывает воспитанник. Но на эти уровни - через общение с прямым или даже косвенным воспитателем, через совместные переживания, через совместную деятельность - он может со временем подняться***. Всякая высшая психическая функция, писал Л.С. Выготский, обнаруживает себя

* Надо ли говорить, что «проход» этот практически никогда не напоминал собой легкой, увеселительной прогулки. «Жизнь прожить - не поле перейти». - говорит пословица, подчеркивая сложность и тяжесть реальных путей человеческой жизни.

** Этот принцип хорошо иллюстрируется следующей американской пословицей: «Расскажи мне, и я забуду, покажи мне, и я запомню, вовлечь меня, и я пойму».

*** Когда мы говорим о воспитателе, то несколько подразумеваем нравственное, облагораживающее начало, но нельзя не заметить в контексте данной книги, что помимо воспитания позитивного, положительного существует и воспитание негативное. Так, мы увидим ниже, что в случаях аномального развития человек, например, не просто привыкает к алкоголю, регулярному пьянству, но

дважды: сначала как форма взаимодействия и сотрудничества между людьми, как категория интерпсихологическая, затем уже как функция субъекта, как категория интрапсихологическая. Сходным путем возникают, завязываются и смысловые отношения к действительности - сначала как бы разделенные между ребенком и взрослым, ребенком и его окружением, а затем становясь внутренними, собственными отношениями ребенка к действительности. Когда ребенок подрастает, роль взрослого, т.е. второго члена начального интерпсихологического отношения, может выполняться другим человеком, группой, коллективом, обществом, теми или иными событиями и идеями, но путь в целом остается прежним: через деятельность, через жизнь и труд бытия завязываются, осваиваются все новые и новые аспекты и уровни смысловых отношений к действительности.

Причем, разумеется, жизнь не есть лишь сплошное формирование все новых и новых качеств и образований. Будучи разсформированными, войдя в целостную структуру смысловой сферы, они начинают свою самостоятельную жизнь, приобретают собственную инерцию (смысловую установку, по А.Г. Асмолову), порождают собственные требования, т.е. становятся полноценными чертами личности, нравственного сознания, не просто отражающими действительность, но и творящими ее. Поэтому необходимо различать и стимулировать не только *активность присвоения*, формирования, завоевывания тех или иных позиций и смысловых содержаний, но и *активность отдачи*, активность проникновения, влияния на ценностно-смысловые уровни другого человека, других людей. Важные аспекты активности последнего рода были разработаны в «концепции вкладов». Центральным для этой концепции является введенное В.А. Петровским понятие отраженной субъектности, которое «воплощает в себе представление о личностном аспекте бытия человека в мире как формы активного «идеального» присутствия человека в жизни других людей, «продолженности человека в человеке». Эта концепция справедливо останавливает внимание на том постоянно действующем личностном, смысло-

часто активно к нему кем-то приобщается (в данном случае - «негативными воспитателями»), вовлекаясь в так называемую алкогольную компанию, усваивая через ее лидеров ценностные установки и особое, «алкогольное» смысловое видение мира.

вом влиянии, которое оказывается всяким человеком на окружающий его мир. Отсюда личность выступает как идеальная представленность индивида в других людях, как его «инобытие» в них. Для пояснения этого хода мыслей А.В. Петровский приводит метафорическое сравнение подлинной личности с источником некоего мощного излучения, радиации, способной изменять, преобразовывать других людей (радиация, как известно, может быть полезной и вредоносной, может лечить и калечить, ускорять и замедлять развитие, становится причиной различных мутаций и т.д.). Тогда индивида, обделенного личностными характеристиками, можно уподобить нейтринно-гипотетической частице, которая пронизывает любую, сколько угодно плотную среду, не производя в ней никаких - ни полезных, ни вредных - изменений. ««Безличность», - продолжает автор, - это характеристика индивида, *безразличного* для других людей, человека, от которого «не жарко и не холодно», чье присутствие или отсутствие ничего не меняет в их жизни, не преобразует их поведение, не обогащает и не обездоливает их и тем самым лишает его самого личности».

Таким образом, человеческую активность можно подразделить на активность присвоения и активность отдачи. Причем их несомненная и тесная связь не означает, однако, их идентичности. Если первая своей энергетикой, мобилизующим действием способствует образованию, структурированию определенной позиции, присвоению и завоевыванию новых свойств и рубежей, то накал, энергетический потенциал второй обнаруживает себя через проникающее, «радиационное» влияние на других. Соотношения этих двух видов личностной энергии, личностной активности могут быть существенно разными. В известной мере их можно уподобить двум каналам, двум руслам, по которым способна распределяться энергия активности. Личность может выявлять себя в какие-то моменты как той, так и другой формой активности, поэтому, в частности, вряд ли стоит говорить о «лишении» личности того, кто на рассматриваемый период «не обогащает и не обездоливает» других, поскольку личностная активность может быть устремлена просто по другому каналу - каналу присвоения. Несомненна связь активности и с содержательным наполнением мотивационных устремлений: эгоцентрические ориентации в большей степени переключают, ориентируют активность человека на приобретение, на использование, на пре-

вращение окружающего в средство достижения своих целей, тогда как алоцентрические, просоциальные устремления по самой сути своей переключают активность на процессы отдачи себя, преобразования мира в пользу других. Мир и люди становятся не средствами, но целью. Понятно отсюда, что активность такого рода есть несомненный признак личностного здоровья.

Сказанное не означает, конечно, что человек эгоцентрической ориентации, будучи занят собой, мало влияет на окружающих, не проявляет вовне направленную активность. Напротив, он, как мы упоминали, часто рассматривает свои ценности как достойные и должны быть присущими всем и порой не просто в активной, но даже в агрессивной форме пытается навязать, привить их другим. В этом плане следует говорить как бы о смысловом силовом поле, возникающем вокруг каждого человека, его деятельности и миропонимания. Всякий случай нормального, в нашем понимании, полноценного, ведущего к приобщению к родовой сущности развития создает мощное силовое поле благотворного влияния на других людей, благотворных «вкладов» и возвышающих смысловых преобразований, тогда как всякий случай извращенного, аномального развития создает свое силовое поле, на этот раз отрицательного по отношению к задачам достижения человеческой сущности свойства, направленного на низведение помыслов, задач и смысловых устремлений других до уровня эгоцентризма, а следовательно, в конце концов межлюдской разобщенности, психологической войны всех против всех и внутреннего одиночества каждого из участников этой войны. Вот почему всякая удача воспитания, всякая удача психокоррекции аномального развития есть не просто удача индивидуальной судьбы отдельного человека, счастливое преобразование свойств и структуры его личности, но реальный фактор оздоровления, облагораживания среды.

Разумеется, речь идет не просто о прямом и беспрепятственном радиировании смысловых влияний. Человек не пассивный восприниматель, экран проекции «инобытия», бытия-другого-внем, но если продолжить аналогию с радиацией, может быть либо в разной степени открыт ее проникающим влияниям, либо, напротив, наглухо закрыт, иметь труднопробиваемую психологическую защиту, подчас капсулирующую его в себе самом, отторгающую внешнее влияние как чуждое, заведомо инородное. Поэтому всякое влияние, чтобы быть действенным, усвоенным,

требует в качестве необходимого условия ответное усилие, ответную активность принятия, присвоения*. В этом акте должны соединиться два вида активности, направленные, настроенные на одну смысловую волну, чтобы в дальнейшем образовать, замкнуть, генерировать собой единое смысловое поле. Даже искусство, призванное, казалось бы, прямо, непосредственно транслировать личностные смыслы другим людям, на деле лишено этой способности. Оно достигает своих результатов лишь тогда, когда активно вовлекает воспринимающего его человека в свою сферу и образует не просто вербальное или чисто эмоциональное воздействие, но особую, всегда совместную, друг к другу идущую деятельностную активность, призванную соединить в общем смысловом поле исполнителя и слушателя, актера и зрителя. Недаром говорят не только о хорошем или плохом исполнителе и актере, но и о хорошем или плохом зрителе, о хорошей или плохой аудитории, которая может зажечь и поддержать или погасить и затормозить творчество артиста: в первом случае - чутким реагированием, точнее, сопереживанием, а во втором - отчуждением и равнодушием, т.е. разобщенностью с исполнителем, отсутствием единой совместной деятельности**.

* Отметим, что периоды преимущественного принятия или отторжения тесно связаны с высобозначенными циклами деятельности в переходных потребностно-мотивационных, поисковых состояниях проницаемости для влияния других быстро возрастает, в периоды же стабильного развития деятельности, относительного равновесия операционально-технической и мотивационно-смысловой сфер степень этой проницаемости всегда заметно меньше.

** Заметим, однако, что и в случае образования такой совместной деятельности, возникшего общего смыслового поля воспитательное, просо-разующее личностное воздействие искусства имеет известные пределы и ограничения. Пределы эти обнаруживаются уже за дверью театра, когда зритель возвращается в привычный ему мир жизни, в мир его субъективных деятельностей, их иерархии, пакатанных смысловых отношений и установок. И тот, кто только что сочувствовал Гамлету (а в театре это делают практически все), ведет себя как Полоний или даже Розенкранц. Искусство растормозило, всколыхнуло, показало возможность нового видения мира, пусть даже - по Аристотелю - очистило (катарсис) человека, но если все это не будет подкреплено его дальнейшей конкретной деятельностью, его жизнью, трудом и подвигом его бытия, эффект окажется временным, собственные смысловые образования останутся почти не затронутыми. Еще В. Джеймс приводил в пример барыньку, которая проливает в театре слезы над страданиями простого человека, в то время как ее кучер ступит на морозе у театрального подъезда.

Таким образом, мы вновь приходим к утверждению важности идеи деятельностного опосредствования: для того чтобы сформировать устойчивые смысловые структуры, необходимо вовлечение человека в такого рода деятельности, в такого рода жизненные проблемы, где бы он мог реально осуществить, отстоять, испытать свои принципы и устремления, где бы они срослись, сплывались с его поступками и деяниями, стали личностными ценностями, т.е. осознанными смысловыми образованиями, направляющими и оправдывающими весь конкретный ход его жизни. Такое деятельностное опосредствование важно и для воспитания, и для коррекции отклонений личности, с той, однако, существенной разницей, что в первом случае мы исходим из представления о еще не сформированной личности, достаточно открытой нашим влияниям, а во втором - о личности уже сформировавшейся, и, следовательно, если в первом случае мы готовимся личность строить, то во втором - нам предстоит ее перестраивать. В обоих случаях продвижение возможно лишь тогда, когда работа и воспитателя, и коррекциониста основана на знании внутренних законов развития личности, знании того, что есть норма этого развития, к чему в итоге следует направлять стремления человеческой личности. В этой и предыдущей главах мы пытались обосновать некоторые ответы на эти вопросы и наметить ряд самых общих положений, гипотез о нормальном и аномальном развитии личности. Разумеется, за рамками раздела осталось значительно больше проблем, нежели вошло в него, что объясняется не только нежеланием говорить скороговоркой о важных вещах, но и тем, что в нашу задачу входило не отыскание как можно большего количества детерминант, частей, свойств личности, а попытка определить некоторые стержневые, главные проблемы и ракурсы, исходя из которых возможно в дальнейшем проникновение и в более частные области.

...Однако любые теоретические рассуждения, сколь бы полны, искусны, изощренны они ни были, не в силах до конца разрешить ими же вскрываемые проблемы и противоречия. Для разрешения теоретических споров о личности необходимо вернуться на землю, к предмету, их порождающему,- самой реальной жизни. Но как психологу подойти к объективному исследованию жизни личности и возможно ли это в принципе?

А.В. ПЕТРОВСКИЙ

Индивид и его потребность быть личностью¹

Проблема соотношения личности и индивида обрела остроту и актуальность в 60-70-е годы в ходе оживленных дискуссий о природе человека. Начиная с этого времени стало очевидно, что природные, органические стороны и черты индивида выступают в структуре личности как социально обусловленные ее элементы. Биологическое существует в личности в превращенной форме как социальное. Несомненное единство, но не тождество понятий «личность» и «индивид» порождало ряд вопросов и среди них вопрос о том, что представляет собою это особое системное качество индивида, которое обозначается понятием «личность» и которое оказывается несводимым к биологическим предпосылкам, включенным в природу его носителя-индивида. А.Н. Леонтьев писал: «Личность не равен индивиду; это особое *качество, которое приобретается* индивидом в обществе, в совокупности отношений, общественных по своей природе, в которые индивид *вовлекается*: сущность личности в «эфире» (Маркс) этих отношений ... личность есть системное и поэтому «сверхчувственное» качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный телесный индивид со всеми его прирожденными и приобретенными свойствами». И там же: «С этой точки зрения проблема личности образует новое психологическое измерение: иное, чем измерение, в котором ведутся исследования тех или иных психологических процессов, свойств и состояний человека; это исследование его места, позиции в системе, которая есть система общественных связей, общений (Verkehr), которые открываются ему; это исследование того, что, рада чего и как использует человек врожденное ему и приобретенное им...».

¹ Петровский А.В. Индивид и его потребность быть личностью. - М. Вопросы философии. № 3, 1982.

Данная работа написана в соавторстве с А.В. Петровским.

Предложенному А.Н. Леонтьевым пониманию соотношения индивида и личности, заключающемуся в «новом психологическом измерении», ином, чем измерение, в котором ведутся исследования психических процессов, свойств и состояний человека (другими словами, за пределами традиционного «индивидуально или дифференциально психологического» раздела общей психологии), отвечает концепция деятельностного опосредствования межличностных отношений». С точки зрения концепции деятельностного опосредствования личность может быть понята только в систем устойчивых межличностных связей, которые опосредствуются содержанием, ценностями, смыслом совместной деятельности для каждого из ее участников. Эти межличностные связи практически нерасторжимы, они вполне реальны, но по природе своей «сверхчувственны»; они заключены в конкретных индивидуальных свойствах, но к ним несводимы; они даны исследователю в проявлениях личности каждого из членов группы, но вместе с тем образуют особое качество самой групповой деятельности, которое опосредствует эти личностные проявления, определяющие особую позицию каждого в системе межличностных связей, шире - в системе общественных отношений.

Как же можно вычленить собственно личностные характеристики субъекта, которые не совпадали бы с общепсихологической или, точнее говоря, дифференциально-психологической традицией изучения индивида и не растворялись бы без остатка в межсубъектных связях как предмете социально-психологического исследования?

Важнейшие характеристики личности, которые традиционно пытались усматривать в наборе имманентных качеств индивида, предлагается искать не только в нем самом, но и в других людях. В этой связи примечательна запись, которую сделал А.Н. Леонтьев после беседы с писателем В.Ф. Тендряковым 8 августа 1974 года, до настоящего времени не публиковавшаяся: «Я нахожу, имею свое «Я» не в себе самом (его другие находят во мне!), а в других, в другом, вне меня существующем - в собеседнике, в любимой, в природе и... в компьютере...».

Итак, прокладывается новый путь интерпретации личности - она выступает как *идеальная представленность* индивида в других людях, как его *инобытие* в них (и, между прочим, в себе,

как «другом»), как его персонализация². Сущность этой идеальной представленности, этих «вкладов» - в тех реальных смысловых преобразованиях, действительных изменениях интеллектуальной и эффективно-потребностной сфер личности другого человека, которые производит деятельность индивида или его участие в совместной деятельности. Инобытие индивида в других людях - это не статичный отпечаток. Речь идет об активном процессе, о своего рода «продолжении себя в другом».

Здесь схватывается важнейшая особенность личности (если она действительно личность) обрести вторую жизнь в других людях, производить в них долговечные изменения, имеющую свою динамику.

Феномен персонализации открывает возможность пояснить всегда волновавшую человечество проблему личного бессмертия, если личность человека не сводится к представленности ее в телесном субъекте, а продолжается в других людях, то со смертью индивида личность «полностью» не умирает. Вспомним слова А.С. Пушкина: «Нет, весь я не умру... доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит» Индивид как носитель личности уходит из жизни, но, персонализированный в других людях, он продолжается, порождая у них тяжелые переживания, объяснимые трагичностью разрыва между идеальной представленностью индивида и его материальным исчезновением. В словах «он живет в нас и после смерти» нет ни мистики, ни чистой метафоричности, это констатация факта разрушения целостной психологической структуры при сохранении одного из ее звеньев.

Следуя логике данного подхода, можно предположить, что если бы мы сумели зафиксировать существенные изменения, которые данный индивид произвел своей реальной предметной деятельностью и общением в других индивидах и, в частности, в самом себе как «другом», что формирует в других идеальную его представленность - его «личность», то мы получили бы наиболее полную его характеристику именно как личности, индивид может достигнуть ранга исторической личности в определенной социально-исторической ситуации только в том случае, если эти изменения затрагивают достаточно широкий круг лю-

² См. В.А. Петровский. К пониманию личности в психологии. «Вопросы психологии», 1981, № 2.

дей, получая оценку не только современников, но и истории, которая имеет возможность на своих весах эти личностные вклады достаточно точно взвесить. Напомним, что, изменяя других, личность тем самым изменяет себя и что ее вклады в других есть изменение и преобразование ее собственных личностных характеристик («через других мы становимся самим собой», как об этом писал еще Л.С. Выготский).

Если подлинную личность метафорически можно трактовать как источник некой мощной радиации, преобразующей связанных с нею в условиях деятельного опосредствования людей (радиация, как известно, может быть полезной и вредоносной, может лечить и калечить, ускорять и замедлять развитие, становиться причиной различных мутаций и т.д.), то индивида, обделенного личностными характеристиками, можно уподобить нейтрину, гипотетической частице, которая пронизывает любую, сколь угодно плотную среду, не производя в ней никаких - ни полезных, ни вредных, - изменений. Безличность - это характеристика индивида, безразличного для других людей, человека, от которого «не жарко и не холодно», чье присутствие или отсутствие ничего не меняет в их жизни, не преобразует их поведение, не обогащает и не обездоливает их, и тем самым лишает его самого личности.

Может возникнуть вопрос: если личность и индивид не тождественны, то, считая теоретически возможным наличие индивида, не осуществившего себя как личность, допустимо ли предположить существование личности без индивида? Допустимо, но это будет квазиперсона. Разве не обрели личностные характеристики Козьма Прутков и прописанный на 16-й полосе «Литературной газеты» «людовед и душелюб» Евгений Сазонов, за которыми нет реальных людей?

Разумеется, индивид «без личности», как и квазиперсона «без индивида» - явление исключительное, но обращение к такой гипотетической ситуации как мысленному эксперименту достаточно показательно для понимания проблемы единства и нетождественности личности и индивида.

Быть личностью... Можно предположить, что на определенном этапе общественного развития личностное как системное качество индивида начинает выступать в виде особой социальной ценности, своеобразного образца для освоения и реализации в индивидуальной деятельности людей. Вероятно, нужны

специальные исследования историков материальной и духовной культуры, чтобы ту степень развития общества, на которой с необходимостью порождается и воспроизводится в деятельности людей ценность личностного начала в индивиде. Однако уже сейчас можно допустить, что филогенетически появление подобного эталона было связано с общественным разделением труда, с возникновением на этой почве имущественного неравенства и порождаемым этим неравенством стремлением на одном полюсе сохранить и упрочить идеальную представленность свыше, «от бога» поставленных властителей, а на другом полюсе снять собственную обезличенность, что объективно могло быть достигнуто лишь в условиях классовых битв. Таким образом, эталон «быть личностью» должен был выступить в качестве предмета потребности индивида.

Запечатлевая, продолжая себя в других членах своей общности, человек упрочивал в ней свое существование. Обеспечивая посредством активного участия в деятельности свое инобытие в других людях, индивид объективно формирует содержание своей потребности в персонализации, которая субъективно может выступать в мотивации достижения, притязаний на внимание, славу, дружбу, уважение, положение лидера и которая могла быть или не быть отрафлексирована, осознана. Потребность индивида быть личностью становится условием формирования у других людей способности видеть в нем личность, жизненно необходимую для поддержания единства, общности, преемственности, передачи способов и результатов деятельности и, что особенно важно, установления доверия друг к другу, без чего трудно надеяться на успех общего дела. Таким образом, выделяя себя как индивидуальность, добиваясь дифференциальной оценки себя как личности, человек полагает себя в общности как необходимое условие ее существования, поскольку он производит всеобщий результат, что позволяет сохранять ее как целое.

Благотворительный для общества в целом процесс не менее благотворителен для каждого индивида. Прибегая к метафоре, можно сказать, что в обществе изначально складывается своеобразная система «социального страхования» индивида. Осуществляя посредством деятельности позитивные вклады в других людей, щедро делясь с ними своим бытием, индивид обеспечивает себе на случай старческой беспомощности, болезни, потери трудоспособности и т.п. внимание, заботу, любовь, жалость. Не следует

понимать это узкопрагматически. Полагая свое бытие в других людях, человек не обязательно предвкушает будущие дивиденды; он действует, имея в виду конкретные цели деятельности, ее предметное содержание, а вовсе не то, что для других индивидов оборачивается его деянием, (хотя не исключена и намеренная, осознанная потребность персонализации).

Социогенная потребность быть личностью существует, реализуется, в конкретно-исторической форме. Действия, которые совершали рабы, не выступали как деяния для их господина, они не имели своей жизни в нем, и потому рабы для него не обнаруживали себя как личности. Если персонализация и имела место, то она была лишь идеальной представленностью действующей вещи. Римские матроны, как известно, не испытывали чувства смущения, оставаясь обнаженными перед своими рабами; раб, невольник, не был персонализирован, а перед вещью стыд бесмыслен...

Гипотетическая «социогенная потребность» быть личностью, очевидно, реализуется в стремлении субъекта быть идеально представленным в других людях, жить в них путем поисков деятельностных средств полагания себя в другого человека. Подобно тому, как индивид стремится продолжить себя в другом человеке чисто физически (продолжить род, произвести потомство), личность индивида стремится продолжить себя, заложив идеальную представленность, свое инобытие в других людях. Не в этом ли сущность общения, которое невозможно свести только к обмену информацией, к актам коммуникации, поскольку оно представляет собой процесс, где человек делится своим бытием с другими людьми, запечатлевает, продолжает себя в них и за этот счет выступает для них как личность?

Потребность «быть личностью», потребность в персонализации обеспечивает активность включения индивида в систему социальных связей и вместе с тем оказывается детерминированной этими социальными связями, порождаемыми разделением труда в обществе, общественными отношениями, складывающимися объективно, вне зависимости от воли индивида. Стремясь включить свое «я» в сознание, чувства и волю других посредством активного участия в совместной деятельности, приобщая их к своим интересам и желаниям, человек, получив в порядке обратной связи информацию об успехе, удовлетворяет тем самым по-

требность персонализации. Однако, удовлетворение потребности, как известно, порождает новую потребность более высокого порядка, и процесс не является конечным. Он продолжается либо в расширении объекта персонализации, в появлении новых и новых индивидов, в которых запечатлевается данный объект, либо в углублении самого процесса, то есть в усилении его присутствия в жизни и деятельности других людей.

Реализуя потребность быть личностью и перенося себя в другого, индивид осуществляет эту «транспортировку» отнюдь не в безвоздушной среде «общения душ», а в конкретной деятельности, осуществляемой в конкретных социальных общностях. Экспериментальные исследования подтвердили выдвинутую нами гипотезу, что оптимальные условия для персонализации индивида существуют в коллективе. В подлинном коллективе как группе высшего уровня развития персонализация каждого выступает в качестве условия персонализации всех. В группах корпоративного типа каждый стремится быть персонализирован за счет деперсонализации всех остальных. Это следует из основных положений концепции деятельностного опосредствования межличностных отношений, направленных на другого. К примеру, альтруистические побуждения, а альтруизм - чистейший случай полагания себя в другом, в зависимости от того, опосредуются они социально ценным содержанием совместной деятельности или нет, могут в одном случае выступать в форме коллективистической идентификации, в другом - как всепрощение, попустительство и т.д. Русский язык хорошо охватывает различия в личностной представленности инициатора альтруистического деяния. В первом случае тот, кому адресован альтруистический поступок, или сторонний его наблюдатель, характеризуя личность, осуществляющую этот поступок, говорит: «добрый человек», во втором: «добренький». Человек, продолжающий свое бытие в другом своим деянием, получает возможность удовлетворить свою потребность в позитивной персонализации, если это деяние в наибольшей степени соответствует содержанию и ценностям деятельности, объединяющим их обоих, и в конечном счете общественным интересам, отраженным в этой деятельности.

В то случае, когда потребность индивида осуществил себя в качестве личности дана имплицитно, как скрытая мотивация его поступков и деяний, а чаще всего это так и происходит, она вы-

ступает как сущностная характеристика, феноменологически представленная в многочисленных и хорошо изученных в психологии явлениях мотивации достижений, притязаний, аффилиации, эмпатии и т.п.

Обращение к идею потребности индивида в персонализации, как можно надеяться, позволит понять, реинтерпретировать все эти феномены, ввести их в единый теоретический контекст, увидеть за конкретными психологическими явлениями их сущность. Не следует забывать, что отношения между потребностью и мотивами не может быть понято как отношение между членами одного ряда. представленное в потребности зависимость личности от общества проявляется в мотивах ее действий, но сами они выступают как формы кажущейся спонтанности индивида. Если в потребности деятельность человека, по существу, зависима от ее предметно-общественного содержания, то в мотивах эта зависимость проявляется в виде собственной активности субъекта. Поэтому открывающаяся в поведении личности система мотивов - мотивации достижений, дружбы, альтруизма - богаче признаками, эластичнее, подвижнее, чем потребность. В данном случае потребность персонализации выступает как составляющая ее сущность.

Потребность *быть личностью* возникает на основе социально-генерированной возможности осуществления соответствующих деяний - *способности быть личностью*. Эта способность, как можно предположить - а речь здесь пока идет только о гипотезах, которые подлежат в проверке и нуждаются в подтверждении, - есть индивидуализированное воплощение глубоко воспринятых («интериоризированных») индивидом предметно-социальных норм, эффектов идеальной представленности в нем других людей, также - его собственных «надситуативных» выходов.

Таким образом, в единстве с потребностью в персонализации, являющейся источником активности субъекта, в качестве ее предпосылки и результата выступает социально генерированная, собственно человеческая способность быть личностью.

Как и всякая способность, она прежде всего дана субъекту в своей исключительности как индивидуальное, выделяющее его среда окружающих и в известном смысле противопоставляющее его другим людям, как возможность передать, адресовать им свою неповторимость, особенность, непохожесть. Очевиден

драматизм судьбы человека, который в силу внешних условий и обстоятельств лишен возможности реализовать свою потребность в персонализации. Но бывает и так, что у человека вообще атрофирована или сведена к минимуму способность быть личностью, либо она приобретает откровенно уродливые формы. Последовательно придерживаясь принципа «Я сам по себе - я вас не трогаю, вы меня не трогайте, я яркая индивидуальность, и меня с собой не равняйте», такой человек в конечном счете деперсонализируется, перестает быть личностью. Парадокс: человек подчеркивает свою «самость», он индивидуалистичен, что называется, «до мозга костей», и он же тем самым лишается в глазах других индивидуальности, теряет «свое лицо», стирается в сознании окружающих, не внося в них сколько-нибудь значимых вкладов.

Но помимо индивидуального, в способности персонализации заключено и всеобщее. Оно проявляется в передачи субъектом элементов социального целого, образцов поведения, норм, психологических орудий и вместе с тем его собственной активности, носящей надиндивидуальный характер, другими словами, столь же принадлежащей данному представителю социальной общности, как и другим ее представителям.

Таковы в общих чертах характеристики потребности и способности быть личностью, выступающие перед нами в неразрывном единстве, анализ способов и особенностей их реализации открывают путь к построению теории личности, несовпадающей в своих исходных посылках с концепциями психоаналитической, персонологической и других ориентаций. принцип деятельного опосредования, принятый нами, и здесь остается руководящим при теоретической разработке проблемы.

Для становления гипотетико-дедуктивной концепции персонализации индивида необходимо определить совокупность основных гипотез, которые могли бы наметить путь конкретного психологического исследования личности. Так, может быть предложен постулат максимизации, то есть стремления индивида к максимальной персонализации с вытекающими из него теоретическими гипотезами: 1) Любое переживание, воспринимаемое индивидом как имеющее ценность в плане обозначения его индивидуальности, актуализирует потребность в персонализации и определяет поиск значимого другого, в котором индивид мог

бы обрести идеальную представленность; 2) В любой ситуации общения субъект стремится определить и реализовать те стороны своей индивидуальности, которые в данном конкретном случае доступны персонализации. Невозможность ее осуществления ведут к поиску новых возможностей в себе самом или в предметной деятельности; 3) Из двух и более партнеров по общению субъект при прочих равных условиях предпочитает того, кто обеспечивает максимально адекватную персонализацию. Аналогично - предпочтение будет отдано тому, кто может обеспечить максимально долговечную персонализацию. Валентность другого в плане персонализации монотонно растет с ростом ожидаемой адекватности и долговечности персонализации. Третьей переменной здесь является интенсивность потребности в персонализации. проверка эмпирических следствий из этих гипотез, осуществленная строго экспериментально, поможет очертить контуры будущей теории персонализации, выявить круг возможных областей ее применения (воспитание, управление, клиника и т.п.), осуществить поиск и отработку методик исследования с последующей их стандартизацией для нужд прикладного значения.

Принятие постулата максимизации и проверка связанных с ним теоретических гипотез позволяют построить широкую программу экспериментальных исследований, а также реинтерпретировать значительное число ранее полученных эмпирических данных.

В.А. ПЕТРОВСКИЙ¹

Личность как субъект активности

В настоящей статье выделено понимание личности как подлинного субъекта активности - в противовес тем представлениям, в которых личность сводится лишь к тому «внутреннему», сквозь которое преломляются внешние воздействия, падающие на индивида. В этой связи интересно обратиться к одной из форм активности, по существу не привлекавших к себе внимания психологов - активности, возникающей в ситуации потенциальной опасности при условии предоставления субъекту свободы действий. В этих обстоятельствах иногда наблюдается своеобразное явление - человек может испытывать острое влечение к опасности и даже предпринимать на первый взгляд ничем не оправданные попытки сблизиться с опасностью. Подмеченная и неоднократно описанная в художественной литературе², она не получила научно-психологического освещения. Трудности интерпретации этой «немотивированной» активности очевидны.

Прослеживая историю форм деятельности субъекта, в ее становлении можно выделить три последовательных этапа: функционирование или жизнедеятельность особи как предпосылка деятельности; деятельность как условие выживания субъекта; активность как высшая форма развития деятельности. Рассмотрим их последовательность.

Первое и простейшее проявление жизни - *функционирование* живых существ - может быть описано в плане взаимодействия субъекта с объектом, в ходе которого обеспечивается целостность присущих субъекту телесных структур. Рассматри-

¹ Петровский В.А. Феномены субъектности в развитии личности. Самара, 1997.

² В «Гранатовом браслете» Куригина читаем: «...Анна ... быстро подошла к самому краю обрыва, отвесной стеной падавшего глубоко в море, заглянула вниз и вдруг вскрикнула в ужасе и отшатнулась назад с побледневшим лицом. - У, как высоко! - произнесла она ослабевшим и вздрагивающим голосом. - Когда я гляжу с такой высоты, у меня всегда как-то сладко и противно искочет в груди... и пальцы на ногах шемит... и все-таки тянет... тянет...» А.И. Курилин. Собр.соч. Т.4. 1958.

Героям произведений Лермонтова, Гоголя, Достоевского также известно чувство neodолжимой тяги к опасности.

ваем ли мы растительные формы жизни или жизнь высших млекопитающих, в том числе и человека, требование поддержания и воспроизведения основных структурных особенностей строения живого тела лежит в самом фундаменте существования субъекта. Функционирование опирается на возможности непосредственного взаимодействия субъекта с его окружением. Отсюда основное ограничение, присущее функционированию как элементарному жизненному отношению: внешняя среда лишь постольку включается в цикл функционирования субъекта, поскольку возможно непрерывное возобновление телесных структур в прямом контакте с агентами окружающего. Отлучение живых тел от источников их существования оказывается губительным, так как наличие одной лишь способности к функционированию еще не достаточно для преодоления возникших барьеров.

Следующая ступень в развитии жизненных процессов, обозначаемая как *деятельность*, снимает ограничения, присущие предшествующей ступени. Посредством деятельности субъект получают возможность достичь предмет, прежде удаленный от него, но необходимый для его функционирования. Деятельность расширяет жизненную сферу субъекта, и, таким образом, происходит преодоление исходной зависимости возможности выживания субъекта от конкретных состояний непосредственно окружающей его среды (наличия или отсутствия в ней питательных веществ, благоприятных температурных условий и т.д.). Преодоление расстояний в поисках пищи, бегство или нападение на врага, строительство жилищ и т.п. биологически ценны лишь постольку, поскольку ведут к целесообразному результату - возобновляют возможность нормального функционирования особи, защищая коренные интересы целостности субъекта. Оторванные от своих непосредственных результатов, все эти акции потеряли бы свой приспособительный смысл. Таким образом, в цепь прежде непрерывно чередовавшихся друг с другом моментов функционирования особи вплетаются теперь такие процессы, которые сами по себе не обладают биологической целесообразностью, но обеспечивают возможность для фундаментальных отправлений субъекта, реализующих его целостность. Деятельность здесь оказывается, по существу, замкнутой на функционировании субъекта, всецело определенной его простейшими интересами, высвобождая субъекта из-под власти ближайшей к нему среды, она сама выступает как ограниченная - на

этот раз со стороны функциональных запросов особи, «пекущейся» о своей целостности.

В ходе борьбы за существование способность к деятельности становится решающим условием выживания. Вместе с ростом преимуществ, которые обеспечиваются деятельностью, возникает настоятельная необходимость к воспроизводству этой жизнетворной способности. Деятельность, таким образом, становится не только способом реализации жизненных отпращиваний субъекта, который словно дар природы присущ особи, сколько самостоятельной целью и особым проявлением жизненных сил.

В то время как специфические структуры деятельности, «врастая» в субъекта, становятся необходимым условием, а в дальнейшем и признаком его бытия, возникают и новые, вспомогательные формы взаимодействия с миром, нацеленные на обеспечение и поддержание самой возможности деятельности субъекта. Эти новые формы движения складываются внутри предшествующих деятельностей и могут внешне совпадать с ними. Поиск, преодоление препятствий, борьба за новые территории и т.д. и т.п. - одним словом, все те процессы, которые составляли своеобразие деятельности, в отличие от простого функционирования организма, исключаются теперь из контекста непосредственного жизнеобеспечения субъекта. Перерастая в деятельность, носящую самоподчиненный характер, они становятся тем, что может быть названо *активностью* субъекта.

Итак, третья ступень в развитии жизненных отношений субъекта - активность - понимается нами как присущая субъекту самостоятельная форма движения, воспроизводящая и расширяющая его способность к деятельности в предметной среде.

В цепи функционирования различные деятельности субъекта, преодолевая сопротивление среды, решали каждый раз *частную* задачу приспособления. Однако, в ходе их внутреннего движения, порождалась новая «сила», направленная против *каких бы то ни было* ограничений в сфере существования субъекта. Активность и есть выросшая из отдельных приспособительных деятельностей субъекта специальная деятельность по снятию наличных ограничений *вообще*. Таким образом, те существенные черты деятельности, которые были скрыты прежде в ее прагматической направленности, выступают теперь в своей *особенной* форме - в форме активности субъекта.

Итак, преобразование среды, как внутренний момент любой

деятельности, превращается в самостоятельную деятельность, ту, которая утратила прямую связь с функционированием субъекта. Следовательно, в активности происходит как бы двойное освобождение субъекта - от состояний ближайшей к нему среды и от его же собственных простейших потребностей. Деятельность в этом новом качестве - как активность, посредством которой субъект устанавливает свое господство над миром и над самим собой - сравнительно поздний продукт развития деятельных отношений субъекта, специфичный лишь для человека, продолжая известное высказывание Энгельса, можно сказать, что, несомненно, всякое живое существо обладает «самостоятельной силой реакции», но далеко не для всякого живого существа активность выделяется в самостоятельную форму его бытия.

Естественно, лишь в ходе экспериментальных исследований могут быть найдены убедительные подтверждения выдвинутой гипотезы. Результаты одного из таких исследований, предпринятого нами, приводятся ниже.

Данные, свидетельствующие о существовании особого вида активности человека в обстоятельствах, сопряженных с опасностью, были получены нами экспериментально.

Выбор ситуации опасности для изучения феноменов активности, разумеется, не случаен: с одной стороны, именно в этих условиях человек чувствует себя наиболее стесненным и ограниченным в действиях; именно здесь появляется естественное желание поскорее оставить столь неприятную ситуацию, решительно и бесповоротно порвать с нею. Вместе с тем, в этих побуждающих человека к бегству условиях создается принципиальная возможность противопоставить «детерминизму среды» - «свободную волю» субъекта, и пробуждается вдруг острое ощущение собственного бытия - «экзистенции», столь характерное для «пограничных» ситуаций.

При планировании экспериментов следовало учесть очень важное обстоятельство. Если в ситуации что-либо *прямо* угрожает субъекту, то единственным предметом наблюдения становится совокупность реактивных процессов, типичных для состояния стресса, названного Г. Селье «общим адаптационным синдромом». Нас же интересовала *активность* субъекта, выходя-

щая за рамки простой адаптации к ситуации. Поэтому элемент опасности был введен в контекст деятельности испытуемого *неявно*, а именно, таким образом, что ситуации могла выступить в равной мере как угрожающей, так и совершенно безопасной для человека в зависимости от проявлений его активности. Опишем более подробно экспериментальную ситуацию. Испытуемому сообщается, что он будет участвовать в эксперименте, выявляющем способность к точной оценке скорости движения объекта и к принятию решения в условиях неопределенности (истинные цели исследования испытуемому неизвестны). Перед испытуемым - экспериментальная панель с прорезью круговой или линейной формы. Там перемещается объект слежения - «цель». Основная деятельность испытуемого - это наблюдение за движением цели с попытками точной остановки цели в том или ином участке прорези. Сама по себе остановка цели не вызывает затруднений - для этого нужно всего лишь нажать на специальную кнопку. Однако весь смысл задачи в том, чтобы остановить цель точно и своевременно. Здесь основная трудность. Дело в том, что вся прорезь разбита на две части: в одной из них цель перемещается открыто для восприятия испытуемого, и от испытуемого требуется лишь прослеживание движения цели и оценка ее скорости; другая часть прорези закрыта и представляет собой своеобразный тоннель. Остановка цели должна быть произведена как раз в тоннельной части прорези. Так что, останавливая цель, испытуемый действует во многом наугад. Какова же задача, стоящая перед испытуемым? Он должен экстраполировать движение цели и, уловив момент, вовремя остановить ее в заранее выбранном месте тоннеля. Очень важное условие его работы заключается в следующем: в некоторой части тоннеля остановка категорически запрещена и наказывается. Следовательно, все действия должны быть рассчитаны таким образом, чтобы не допустить нежелательной остановки цели в запретной зоне.

Ясно, что чем ближе к этой зоне выбирается место остановки, тем больше шансов попасть в эту зону, тем значительнее риск наказания. Главное в этой ситуации то, что *испытуемый сам выбирает* место будущей остановки цели и может «заказать» любую мишень по желанию. Совершая рискованный выбор, испытуемый не получает при этом каких-либо поощрений или вознаграждений со стороны экспериментатора («в эксперимен-

те нет «хороших» или «плохих» мишеней. Изучается только *точность* Ваших реакций»).

Таким образом, создавалась ситуация «бескорыстного» риска. Соответствующий ей тип поведения интересно соотнести с поведением в условиях обычного риска. Когда говорят о риске, имеют ввиду склонность субъекта сближаться с опасностью ради достижения наиболее предпочтительных целей. При этом наиболее значимая для личности цель лишь внешним образом относится к риску как способу ее достижения. Так, намерение врача подвергнуть больного опасной операции и его цель помочь больному, если рассматривать их по отдельности, не обнаруживают между собой внутренней связи. Лишь в силу сложившихся обстоятельств цель деятельности врача оказывается заданной в таких условиях, которые требуют поведения, сопряженного с риском. Именно в этом плане риск рассматривался большим числом зарубежных исследователей (Mittenecker, Krammel, Gora, Willnauer, Klebelsberg и многими другими). На наш взгляд, существуют и другие формы риска, внутренне связанные с выдвижением цели¹. В этом случае стремление к риску выступает либо как «чистое» побуждение навстречу опасности («риск ради риска»), либо в другой сложной форме. В этом последнем случае, *желая* рискнуть, человек склонен мотивировать свой риск величиной будущего выигрыша, хотя подлинная основа действия - «влечение к опасности» - может не осознаваться.

В наших экспериментах предпочтение испытуемым рискованных мишеней не давало каких-либо внешних преимуществ в сравнении с нейтральными вариантами. Таким образом, создавались условия, в которых побуждение к риску выступало как проявление относительно независимой активности субъекта.

Как мы и предполагали, в этих условиях действительно наблюдались случаи «бескорыстно» рискованных действий, причем далеко не все те испытуемые, для которых это было характерно, могли впоследствии объяснить предпочтение одного варианта поведения другим. Сближение с опасностью, таким об-

¹ См. две наши работы: «Экспериментальное исследование риска как тенденции личности». Материалы IV всесоюзного съезда общества психологов, Мещисереба, Тбилиси, 1971; и «Поведение человека в ситуации опасности (к психологии риска)». Новые исследования в психологии, № 1, 1974.

разом, выглядело как «немотивированная», «спонтанная» активность субъекта.

С помощью описанной экспериментальной процедуры нами были получены следующие факты:

1) Изучалась зависимость между уровнем стресса и тенденцией к «бескорыстному» риску. В качестве стрессора, то есть того наказания, которое угрожало испытуемому в случае ошибочных действий (попадание в запретную зону), использовался звук различной интенсивности. Увеличение интенсивности звука четырьмя ступенями с 90 по 120 дБ приводило к учащению случаев рискованных выборов (рассматривались 4 группы испытуемых - девушек в возрасте от 18 до 25 лет численностью по 25 человек в каждой группе).

2) В других экспериментах¹ рассматривалась тенденция к спонтанному риску в зависимости от пола испытуемых. Всего было две группы испытуемых разного пола по 40 человек в каждой. В группе юношей риск был значительно выше, чем в группе. Однако, присутствие лиц-наблюдателей того же пола и возраста, что и испытуемый, резко снижало проявление риска у юношей в сравнении с тенденцией к риску у девушек в аналогичных условиях. Следовательно, «бескорыстный» риск есть, по-видимому, нечто иное, чем то, что обычно называют «мальчишеским» самоутверждением с характерными для него чертами демонстративности.

3) Свободное сближение с опасностью, не побуждаемое никакими посторонними стимулами, наблюдалось во всех экспериментах, независимо от модальности стрессора - испытуемые рисковали как при условии наказания физическим раздражителем (резкий звук стрессовой силы или электростимуляция), так и при санкциях социального порядка (категорический запрет, угроза снятия с соревнований как «несправившихся» и т.п.).

4) К числу «бескорыстно» рискующих по нашим данным можно отнести приблизительно до 20% всех испытуемых. Однако общее число всех рискующих, а также выраженность тенденции к риску значительно возрастает, если объектом исследо-

¹ В.А. Петровский, сб. «Проблемы психологии личности», М., МГПИ им. Ленина, 1974; «Тенденция к свободному риску и самоутверждение личности» и в сб. «Вопросы психологии личности и коллектива», Курск, 1974; «Присутствие группы как фактор индивидуальной деятельности».

вания становятся лица, профессиональная деятельность которых включает в себе элемент опасности. Об этом свидетельствуют данные, полученные по нашей методике при исследовании электриков-монтажников высоковольтных сетей, работающих на высоте до 10 м над железнодорожным полотном. За редкими исключениями, все они хотя бы однажды в эксперименте выходят в зону повышенного риска и для большинства из них характерны многочисленные попытки действия в этой зоне¹.

5) Что же касается соотношения между «бескорыстным» риском и риском, имеющим прагматическую ценность, то здесь были получены следующие данные: в условиях маловероятного успеха (повышенного риска) преимущественную роль в детерминации риска играет выявленная нами спонтанная активность субъекта навстречу опасности, практически все те испытуемые, которые рисковали в условиях обычного («мотивированного») риска, оказались в числе проявивших тенденцию к «бескорыстному» риску; но далеко не все те, кто проявил влечение к опасности, рисковали затем в условиях мотивированного риска. Таким образом, тенденция к бескорыстному риску является *необходимой* предпосылкой принятия рискованного решения (в условиях маловероятного успеха). Однако эта тенденция не является *достаточным* условием обычного риска, так как последний определяется, по-видимому, еще и такими факторами, как заинтересованность в успехе и субъективной оценкой возможности успеха (гипотетический фактор «везения»).

6) В наших экспериментах не было установлено какой-либо связи между выраженностью тенденции к «бескорыстному» риску и наиболее близким, как это принято считать, референтом» риска - мотивацией достижения (представленной по Хекхаузену двумя группами мотивов - «надеждой на успех» и «страх перед неуспехом»). Этот факт дает нам основание говорить об относительной независимости «спонтанной» активности риска как феномена мотивационной сферы личности.

7) «Немотивированное» сближение с опасностью наблюдалось в самых различных обстоятельствах деятельности испытуемых - при условии соблюдения основной схемы эксперимента: при решении задач на слежение за движущимся объектом, при

черчении линии по памяти без дополнительного зрительного контроля, при воспроизведении промежутков времени определенной деятельности и т.д.

Наметим общие подходы к рассмотрению «спонтанной» активности в ситуации опасности, позволяющие понять полученные нами экспериментальные факты. Возможны три направления интерпретации феноменов активности человека: на уровне активности индивида как целого, на уровне функционирования отдельных его подсистем и, наконец, на уровне проявления индивидом свойств более широкой (социальной общности, к которой он принадлежит).

* * *

В самом фундаменте эмпирической психологии лежит следующая методологическая предпосылка: представляется, что все многообразные формы активности субъекта едины в одном - их «внутренняя» цель и «конечное предназначение» состоят в том, чтобы обеспечить поддержание и воспроизводство индивидуальной целостности субъекта как высшей ценности его бытия. Эта теоретическая установка, приобретающая статус постулата, далеко не всегда осознается теми, для которых подобный способ мышления является привычным. сфера применимости данного принципа при анализе психологических факторов и закономерностей как будто бы не знает исключений, возможности его приложения выглядят бесспорными. И в самом деле, на первый взгляд кажется самоочевидным то, что всякий акт деятельности, устраняя, например, диссонантные отношения индивида со средой, соотнося его с предметом потребности, преднастраивая к будущим воздействиям среды и т.п., всегда преследуют некую полезную цель, ведущую к наиболее благоприятным для субъекта условиям его жизнедеятельности, отвечает исключительно адаптивным задачам. Все, что угрожает благополучию (нарушает гомеостазис), расценивается как вредное, нежелательное, и потому те действия индивида, которые устраняют возникший «разлад», представляются естественными и единственно оправданными. Когда же наблюдаются «немотивированные» действия, то они выглядят или следствием всякого рода «отклонений» субъекта от нормы, или результатом «ошибок» в работе, которые, в свою очередь, объясняются неподготовленностью деятель-

ности, малой информированности, отсутствием достаточной прозорливости, «незрелостью» и т.п. или, наконец, действием какого-то скрытого мотива, который, наряду с другими, также преследует задачу обеспечения «гармонии» индивида с внешней средой. Понятно, обсуждаемый нами принцип освещения психологических явлений - который мог бы быть условно обозначен как «принцип сообразности» - легко распространяется и на анализ тех действий, которые продиктованы, казалось бы, исключительно внешними требованиями и выглядят строящимися на иной основе - в соответствии с чужими интересами, по чужой воле. Здесь сторонникам «принципа сообразности», конечно, не составит труда вывести поведение человека из его автономных устремлений, разве что более глубоких и существенных. И в самом деле, ряд действий, не обладающих непосредственно побудительной силой, может быть направлен на сохранение индивидуального существования, имущественного положения, сохранения престижа и пр. Ориентируясь на «принцип сообразности», исследователь будет пытаться во всяком действии человека, в том числе и действиях «не по своей воле», раскрыть глубоко спрятанную, но вместе с тем интимно-индивидуальную мотивацию. Что же касается внутренних проявлений активности, таких как установки, эмоциональные сдвиги, целостные или фрагментарные психические состояния и т.п., то и они в конечном счете, согласно скрытому велению «принципа сообразности», отвечают задачам индивидуального приспособления, хотя и менее доступным для прямой интерпретации способом. Так, отрицательные эмоции «нужны» для того, чтобы указывать на незаконченность действий или на его неадекватность исходной программе; сон «нужен» человеку для того, чтобы просеивать текущую за день информацию и отбирать полезную; сновидения - для того, чтоб давать «разрядку функционально напряженным системам головного мозга» или, если иметь в виду его роль в «филогенетическом прошлом», - для «физиологической мобилизации организма в условиях внезапно возникшей во время сна опасности», для «закрепления опыта повседневной жизни» (по И.Е. Вольперту) и т.д. Если же что-либо трудно или невозможно объяснить по «принципу сообразности», то соответствующее явление рассматривают либо как болезненное, т.е. случайное для человека как вида, либо провозглашают уходящим из жизни человечества как лишнее, ненужное (смелость отдельных авторов рас-

пространяла действие того, что мы называли «принципом сообразности», даже на эмоции, ср.: «эмоции - цыгане нашей психики» (Джемс)¹.

Разумеется, трудно найти исследователя, который открыто защищал бы узко прагматическую направленность психических процессов. Однако наиболее распространенная и как будто бы бесспорная позиция авторов отвечает именно парадигмам «принципа сообразности».

Мы не предполагаем подвергать сомнению само действие «принципа сообразности» - необходимость адаптивных поведенческих актов очевидна; однако была бы неправомерна и его чрезмерная абсолютизация. Для нас несомненно наличие такие процессов, в которых намечается выход за рамки «принципа сообразности». Этот взгляд вытекает из представления об активности как тенденции к снятию наличных ограничений деятельности; в данном случае активность выступает как преодоление частных интересов субъекта, тех, которые подчинены узкопрагматической задаче приспособления.

* * *

Парадоксально, но факт: «принцип сообразности» выявляет свою недостаточность при интерпретации таких фактов активности субъекта, по отношению к которым, казалось бы, его объяснительная сила должна была бы проявиться в наибольшей мере имеются в виду именно особенности психических проявлений субъекта в ситуации потенциальной опасности. В ответ на сигналы предвидимой угрозы у человека возникает - предвещающее реально-практическое сближение с объектом угрозы - своеобразное состояние, которое можно было бы назвать «психологической прикованностью» к опасности. Возникает чувство беспокойства, смутного страха, тревоги; навязчиво всплывают мысли о возможной встрече с угрозой; несмотря на реальную отдаленность от источника опасности, нередко человек ощущает ее пагубное действие, чувствует себя «открытым» перед лицом опасности, находящимся «на волосок» от нее. Чем же обуслов-

¹ Чувство вины или мучительное переживание посылки - отнюдь не патологические и тем более не рудиментарные явления. Вместе с тем, было бы явной натяжкой искать в них какой-либо индивидуально-приспособительный смысл.

ливается это состояние? Действием каких механизмов можно объяснить его возникновение?

Хорошо известно, что в ряде жизненных ситуаций требуется повышенная осторожность, осмотрительность. В этих обстоятельствах как собственные действия человека, так и окружающие его объекты оцениваются преимущественно со стороны их опасности или безопасности, в то время как прочие свойства объектов оттесняются на задний план. Человек выглядит как бы «процеживающим» всю поступающую к нему информацию с целью идентификации сигналов угрозы. по отношению к подобной пристрастной позиции субъекта все текущие стимулы дифференцируются не нейтральные и потенциально опасные. К последним относятся все те объекты, которые содержат в себе возможность неблагоприятных последствий для субъекта при прямом контакте с ними. отвечая разным мотивам субъекта, эти объекты могут выступать в неодинаковом качестве - равно как нейтральными, так и имеющими смысл угрожающих (ср., так называемая «опасная бритва» в зависимости от повода восприятия способна выглядеть предметом повседневной необходимости, рискованнейшим из орудий бритья, опасной игрушкой для детей и т.д.). Функция предвосхищения возможной угрозы реализуется особой активностью субъекта, скрытой от самонаблюдения и открывающейся ему в форме беспокойных переживаний лишь тогда, когда в сферу отношений субъекта включается потенциально опасный объект. Эта активность и есть то, что лежит в основе так называемой «диспозиционной тревоги» или «тревожности» личности. Последняя, однако, представляется обычно в виде внутренней призмы, преломляющей поступающую извне информацию. Однако, задача состоит в том, чтобы понять тревогу не как «диспозиционную систему реагирования», а как особую активность - активность, ведущую поиск скрытой опасности.

Позволим себе привести пример, иллюстрирующий сказанное. Прохожий заключает о возникновении пожара в городе, слышав воющие звуки сирен и разглядев вдали красные блики машин, мчащихся по улицам, до этого момента вся огромная работа по своевременному выявлению возможных источников беды - противопожарный контроль, инспектирование, дозор и пр. остается практически вне поля зрения горожан. Отсюда даже может возникнуть беглое впечатление, что вся деятельность по-

жарных служб сводится лишь к реакции на уже возникший пожар, или по большей мере, к формированию готовности к оперативным действиям.

Тревожность - распознающая активность субъекта. Деятельно-пристрастная ее позиция состоит в том, чтобы присваивать объектам, «безобидным» на вид, но в действительности опасным, статус «неподлинности», обнажая заключенную в них угрозу. Активный характер тревожности проявляется также в том, что ее «кругозор», зачастую, распространяется далеко за рамки наличной ситуации, перенося субъекта как в будущее, так и в прошлое. Когда-то пережитая обида может требовательно возвращать к себе мысли человека, а возможные трудности переживаются столь же остро, как и сегодняшние. Как видно, здесь нет той независимой от субъекта «стимульной ситуации», которая бы действовала через внутреннюю призму тревоги. Скорее тревожность, как потаенная активность субъекта, привлекает к себе объект. В этой же связи любопытен житейски известный, а так же специально отмеченный рядом зарубежных психологов факт о том, что люди не избегают передавать тревожные, хотя иногда и нелепые слухи. Одна из предлагаемых интерпретаций этого явления состоит в том, что содержание слухов позволяет реализовать внутреннее напряжение, вызванное смутной тревогой. Тревожность, как видно, «ищет» подтверждения во внешних событиях, не столько преломляя, сколько притягивая к себе зримые сигналы беды.

Изолированно взятая поисковая активность тревоги еще недостаточно интенсивна - если, конечно, иметь в виду норму, а не болезнь! - для того, чтобы стать переживаемой и, тем более, осознанной субъектом. В качестве ее подспорья должен выступить внешний объект - носитель потенциальной опасности. Он включает в себе как раз те признаки, которые способны быть «ключевыми» для придания тревоге чувственно-конкретной формы. Резонируя в них, активность тревоги усиливается, становится способной достичь порога переживания и далее сознания. Прибегнув к метафоре, скажем, что невидимые лучи тревоги, отражаясь от потенциально-опасного объекта, окрашиваются в его цвет и, став зримыми, возвращаются назад, к субъекту. Что же касается человека, то он нередко испытывает чувство беспокойства, тревоги, страха тогда, когда его внутренняя активность тревоги уже вывела его на объект, могущий причинить вред. Пото-

му-то и кажется всегда, что *вещь* страшит, в то время как, бывает, она светит лишь отраженным светом.

Тревога, как поисковая активность субъекта, позволяющая обнаруживать в окружающем мире потенциально-опасные объекты,- мощный механизм, выработанный для реализации фундаментальной потребности субъекта в самосохранении. Однако, помимо той функции, которую выполняет активность тревоги, обслуживая интересы субъекта, она, как можно полагать, и всякая активность, интегрируемая на уровне целостного субъекта, обладает известной автономией, выступает также и «для себя». С наглядностью об этом свидетельствует факт возникновения состояния «психологической прикованности» к опасности, способного вступить в прямой конфликт с требованиями «принципа сообразности», принимающая сила опасности, распространяющаяся под влиянием поисковой тревоги субъекта, ограничивает жизненное пространство индивида, затрудняет нормальную жизнедеятельность, а принимая застойный характер, может вести к развитию неврозов, навязчивостей, психосоматических расстройств. Наличие «психологической прикованности» может быть оправдано с точки зрения задач адаптации лишь тогда, когда человек с *необходимостью* должен вступать в единоборство с опасностью. Тем более резко контрастирует с «принципом сообразности» тот факт, что состояние «прикованности» может быть обнаружено в условиях фактической свободы самоопределения субъекта в ситуации потенциальной опасности, как это случилось в организованной нами экспериментальной ситуации, где ничто не могло воспрепятствовать воле субъекта избежать встречи с опасностью и необходимость какой-либо борьбы с угрозой была исключена. Следовательно, не существовало каких-либо рациональных оснований для переживания состояния «психологической прикованности». Однако, вопреки разумной оценке, убеждавшей в отсутствии реальной угрозы, ситуация выступала в переживаниях субъекта как стрессовая. Все это свидетельствует в пользу существования особых - частично-неадаптивных - тенденций, навязывающих субъекту «свое» видение ситуации. Как произвольные по способу своего, эти тенденции могут вступать в противоречие с ведущими целями и мотивами деятельности. С содержательной стороны они характеризуются фиксацией сознания субъекта на «стрессогенных» элементах среды, а с динамической - длительностью И устой-

чивостью. В предположении о существовании таких тенденций мы опираемся на многочисленные факты, полученные в работах, посвященных проблеме психического стресса. В них, в частности, указывается на тот объективный вред, который может быть принесен человеку вследствие «предстрессовых» реакций, отмечается, что сила прогнозируемой неприятной эмоции часто намного превышает силу реальной, период же вегетативной подготовки к встрече с неблагоприятным воздействием далеко выходит за биологически полезные пределы. Таким образом, предстрессовая реакция в ответ на сигналы ожидаемой опасности «не вписывается» в контекст биологически целесообразных реакций, но частота и распространенность таких, неоправданных с точки зрения целей жизнедеятельности субъекта, реакций свидетельствует о том, что они не должны быть списаны за счет случайных «издержек» в работе других подсистем организма. Следовательно, в самом индивиде существует некий относительно-автономный «источник» активности, стимулирующий непрерывное поступление сигналов об опасности и обгоняющий сиюминутные нужды индивида в плане его адаптации к *среде*. Здесь можно полагать, проявляется действие одной из мотивационных, как бы мы назвали «заинтересованных» подсистем индивида, способных включаться даже в ответ на незначительные импульсы отвечающих им модальностей, имея свой оптимум активации, «заинтересованная» подсистема тревоги постоянно стремится к его поддержанию, стимулируя весь организм к действиям, направленным на соответствующий предмет. Отсюда такие столь типичные для состояния «психологической прикованности» процессы, как непроизвольная фиксация внимания человека на «стрессогенных» элементах ситуации, переживание особой «близости» к опасному краю, устремленность ассоциативного потока на объект, причиняющий беспокойство, насильственное представление о характере последствий в случае столкновения с источником угрозы и т.п. Таким образом, именно тревога как обобщенная, неподконтрольная активность субъекта, обусловленная действием относительно-автономной мотивационной подсистемы, лежит в основании того сложного психического настроения, который выше был назван нами состоянием «психологической прикованности» к опасности.

Разумеется, первая и естественная реакция человека (как и всего живого) в ответ на сигналы угрозы - это стремление к безопасности. Здесь, несомненно, «принцип сообразности» вступает в свои права: всякое реальное неблагополучие субъекта или даже намек на неблагополучие должны быть устранены в той мере, в какой позволяет данная ситуация. Состояние «психологической прикованности» к опасности травмирует индивида. Следовательно - как того требует «принцип сообразности» - оно не может не стимулировать индивида к поиску выхода из положения, в котором он оказался.

Хорошо известны две такие формы реакции на опасность, как агрессия и бегство, каждая из них по-своему мобилизует импульс к безопасности: агрессия - через уничтожение источника опасности; бегство - через устранение самой возможности столкновения с угрожающим объектом. Если сигнал угрозы невелик, наблюдается агрессивное поведение, если же интенсивность угрозы значительна - бегство. Таким образом, и агрессия и бегство представляет собой реакцию на уже известный уровень опасности.

Определенность степени ситуативной опасности - в какой-то мере льгота, предоставленная природой животному миру: эволюционно фиксированные эталоны опасности позволяют практически безошибочно идентифицировать уровень наличной угрозы и в соответствии с ним принимать решения о нападении или бегстве. При всем различии этих двух форм ответа на опасность, обе они реализуют цели индивидуальной адаптации особи, отвечая ее фундаментальным потребностям, преодолевая опасность, животное как минимум сохраняет свою жизнь - при бегстве, или - с случае успеха, при агрессии - возвышается над другими, расширяет свою территорию своего обитания, отвоевывает самку и т.д. Оба варианта поведения, так называемые «пассивно-оборонительная» и «активно-оборонительная» унитарная реакция, преследуют прежде всего задачи индивидуального приспособления и в значительной мере могут быть описаны в терминах «принципа сообразности».

Но, как показывают наши исследования, описанные адаптивные варианты поведения не исчерпывают всего спектра реакций субъекта на опасность. Существуют, как мы полагаем, третья форма ответа на опасность, специфична для человека. Ее мож-

но назвать актом *конфронтации* с потенциальной опасностью. В ходе активного противостояния опасности субъект получает возможность выхода за рамки угрожающей ситуации (но не через бегство!), преодоления опасности (но не через физическое уничтожения ее источника!). На чем же основан «целительный» эффект активности навстречу опасности? Здесь мы в общих чертах попробуем раскрыть логику конфронтации как способа борьбы с угрозой.

Для того, чтобы субъект чувствовал себя вне угрозы, объект должен выступить перед ним как носитель особого свойства - свойства «быть безопасным». В чем же заключается это свойство и каким образом оно может быть выявлено субъектом? Для ответа на этот вопрос вкратце дадим необходимые пояснения к интуитивно очевидному понятию *опасность* (и, следовательно, попытаемся раскрыть симметричное ему понятие о *безопасности*). Тот объект опасен, взаимодействие с которым нарушает благополучие субъекта, вызывая как физические, так и психические травмы субъекта. В том случае, если при взаимодействии субъекта с объектом последний не влияет на жизнедеятельность субъекта, не ограничивает его жизнедеятельность и т.д., то объект безопасен.

Фактически решение вопроса о том, опасен объект или нет, в конечном счете определяется тем, совместимы ли субъект и объект в пространстве и времени, сохраняется ли в ходе этого взаимодействия присущая субъекту целостность. На этот-то критерий стихийно и ориентируется субъект, сближающийся с опасностью. Выходя «один на один» с опасностью, он устанавливает меру своей совместимости с нею, или, что то же самое, степень проявляемой безопасности объекта. В том случае, если допустим контакт с «подозреваемым» объектом (без ущерба для субъекта!), то, следовательно, объект безопасен; контакт оказался невозможен - значит, объект не только потенциально, но и актуально опасен. Известно, что лишь посредством деятельной, практической активности людей свойства объектов из «заданных» становятся «данными» субъекту. Сближение человека с опасностью - своеобразная «тестовая» или, точнее сказать, постигающая активность субъекта, завершающаяся - в случае успеха предпринятой акции - выявлением в объекте свойства «быть безопасным».

Каков же конкретный психологический механизм *преодоле-*

ния потенциальной опасности при конфронтации с угрожающим объектом? Непосредственно данному субъекту *переживание* опасности есть та чувственная форма, в которой перед субъектом выступает *сигнал* о возможных последствиях встречи с угрожающим объектом. Этот сигнал об опасности - единственная реальность, открытая субъекту в объекте до непосредственного взаимодействия с последним. Она-то и воспринимается субъектом как сама опасность, хотя фактически может быть установлена лишь в ходе деятельности. Если сигнал о событии расходится с содержанием самого события и этот факт открывается в деятельности, то он, по существу, утрачивает свою сигнальную функцию. С этой точки зрения, сближение субъекта с опасностью представляет собой активность, направленную на расщепление первоначально различимых субъектом *сигнала* об ожидаемых свойствах объекта и *реальных свойств* объекта - источника воспринимаемой угрозы. В результате переживание опасности утрачивает свое сигнальное значение, и, таким образом, происходит психологическое устранение опасности. Следовательно, смысл активности индивида навстречу угрозе заключается в том, чтобы «обезопасить» потенциально опасный объект, разрушив сигнальную связь между предметом опасений и образом этого предмета в переживаниях субъекта. В этом и состоит суть «третьего» пути борьбы с потенциальной опасностью.

Как уже было отмечено, другие адаптивные реакции субъекта (агрессия и бегство) возникают в ответ на вполне определенный уровень угрозы. Чем проще степень организации среды обитания и, следовательно, чем более ранней является эволюционная ступень в развитии форм жизни, тем, видимо, должна быть выраженное дихотомия агрессии или бегства в поведении особи. Наоборот, усложнение среды, разрушение былой однозначности сигнальных связей во взаимоотношениях субъекта со средой, расширение круга новых агентов среды, еще не представленных в опыте субъекта, приводит к тому, что «биполярная» дифференциация поведения субъекта в условиях угрозы становится явно недостаточной для разрешения задач индивидуального приспособления. Отсюда - появление третьей формы - конфронтации с опасностью. С другой стороны, претерпевает изменения и исходная нацеленность самих адаптивных процессов. На уровне общественного субъекта - личности - они защищают и утверждают в субъекте его собственно человеческую природу.

«Индивидуальный» уровень рассмотрения активности субъекта, всецело подчиненный «принципу сообразности», способен объяснить лишь стремление субъекта к обретению чувства безопасности. В частности, и способ конфронтации выступил перед нами как своеобразный метод, позволяющий субъекту доказать безопасность противостоящего ему объекта. Однако та *форма*, в которой проявляется индивидуально-приспособительная активность субъекта в данном случае вступает в явные противоречия с самими основами «принципа сообразности». В самом деле, почему наблюдается предпочтение сближения с опасностью, то есть значительные трудности, в то время как существует заведомо более надежный вариант действия - в ситуации тревожной неопределенности уход от опасности? Рискованные действия требуют от человека несравненно больших усилий, чем бегство, так как преодоление комплекса «прикованности» достигается здесь лишь в самый момент столкновения с опасностью, то есть в условиях предельного обострения исходной напряженности. Почему же преодоление «психологической прикованности» достигается столь дорогой ценой? С нашей точки зрения, принципиальное решение этого вопроса возможно лишь со стороны рассмотрения человека как *общественного* субъекта, то есть через анализ проявляющихся в нем свойств более широкой социальной системы. Таким образом, мы переходим к анализу интересующего нас явления на уровне личностного подхода к активности субъекта.

«Субъект, вступая в общество в новую систему отношений, обретает также новые - системные - качества, которые только и образуют действительную характеристику личности»¹. Выдвинутое А.Н. Леонтьевым представление о личности как системы деятельностей субъекта, в которой проявляются свойства охватывающей субъекта метасистемы, отвечает фундаментальному положению Маркса, согласно которому всякий акт деятельности субъекта есть «проявление и утверждение» общественной жизни. Однако общественные отношения, объективно реализуемые в деятельности людей, обычно скрыты для них их

¹ Леонтьев А.Н. Деятельность и личность. Вопросы философии, № 4, 1974.
2 Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 17.

же собственными интересами и целями, вытекающими, казалось бы, из самых недр индивидуального бытия. Отсюда, в частности, настоятельная необходимость подчеркивать тот факт, что «деятельность порождается обществом» (А.Н. Леонтьев), в противовес эмпирическому истолкованию связи человека и общества как двух «взаимодействующих» агентов. Маркс, давая определение абстрактного труда, писал о том, что этот труд *«выступает, в сущности, не как труд различных субъектов, а напротив, различные работающие индивидуумы как простые органы этого труда»* (разрядка моя - В.П.)² Подобно тому, как «всеобщечеловеческий» труд непосредственно дан субъекту как его собственный, реализующий его индивидуальную природу (и лишь на известной ступени развития общественного производства становящийся отчужденным и противопоставленным производителю), так и в повседневной деятельности субъект склонен усматривать исключительно индивидуальные, как бы почерпнутые в себе самом мотивы. Абсолютизация факта принадлежности индивидуальных мотивов субъекту затмевает перед ним его же собственную общественную природу. Существуют ли, однако, такие формы деятельности субъекта, в которых бы *непосредственно* проявлялись метасистемные признаки субъекта, открывались бы заключенные в нем общественные свойства?

Здесь мы наметим лишь самую общую схему рассмотрения этой проблемы. Внутри всякой совместной деятельности людей - вне зависимости от ее конкретных особенностей и форм, будь то производственный труд или борьба со стихией - индивидуальные усилия отдельных исполнителей ее необходимо подчинены общей для всех цели деятельности. Индивид здесь - лишь момент коллективного субъекта активности, что и образует исходный пункт для социального определения и самоопределения личности. В зависимости от конкретного решения вопроса о том, позволяют ли индивидуальные качества данного человека выступить ему в роли носителя целей и задач *совместной* деятельности, появляется возможность судить о мере присвоения индивидом его социального качества. Следует иметь в виду, что процесс становления социального качества конкретной личности есть процесс двусторонний. Во-первых, в нем индивидом

² Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч., т.13, стр. 17.

присваиваются цели совместной деятельности, которые не даны, но заданы ему самим характером общественного производства. Во-вторых, в том же процессе происходит преодоление («отрицания», «снятия») таких потребностей, побуждений, целей людей, в которых они предстают как отдельные («абстрактные») индивиды. Лишь на этом пути потенциальное бытие общественного субъекта выступает перед своим «природным» носителем как его собственное социальное качество.

Следовательно, способы преодоления частных интересов людей, присущих им как изолированным индивидам, становятся предметом всеобщего интереса. Так возникают образцы специфически социального типа поведения и примеры «надындивидуальных» личностных качеств: «воля», «свобода», «альтруизм» и пр. В каждом из них социальное начало выступает в своем деятельностном оформлении, а не только как мыслимая, лежащая по ту сторону наблюдения и чувственной достоверности реальность. Таким образом, индивид приобретает возможность непосредственно «измерять» свое социальное качество, пробуждая дремлющую в себе особую активность, отрицающую его абстрактно-индивидуальную природу. Лишь в результате этой «снимающий» активности общественное начало субъекта, которое до сих пор представлялось существующим в нем лишь потенциально, выступает теперь в своем зримом и чувственно-данном виде.

Таково *объективное* содержание процесса присвоения индивидом его общественной сущности в форме единичных индивидуальных актов - общественная по своему существу активность облекается в форму индивидуального «самоутверждения» личности. *Субъективно* же актам самоутверждения (самоопределения) личности, через преодоление ее абстрактно-индивидуальной природы, придается форма «надындивидуального» требования. В частности, и явление «немотивированного» риска может быть понято как активность по преодолению природных границ индивидуального «Я». Действительно, в условиях опасности «естественная» реакция человека может принуждать к бегству (имеющиеся методы исследования, в том числе и наши экспериментальные данные, позволяют судить о скрытом присутствии таких произвольных реакций). Однако тенденция субъекта проявлять в себе признаки метасистемы диктует противоположный способ преодоления «психологической прикован-

ности к опасности». В ответ на переживаемые состояния, страха, в которых сказывается «телесность субъекта, индивид как социальное существо, осуществляющий ход в метасистему, мобилизует усилия на устранение реакции. Преодоление первичной реакции осуществляется в форме активности навстречу опасности.

Таким образом, присвоение «чистого» социального как противоположности «натуральному» и «естественному» человеку, с нашей точки зрения, может объяснить существование таких действий субъекта, которые в прямом противоречат «природным» тенденциям и инстинктам, следовательно, выступает в качестве особенности субъекта по преодолению заключенной в нем индивидуальной природы и утверждению его общности.

В.И. СЛОБОДЧИКОВ, Е.И. ИСАЕВ¹

Личность как реальность для других

Общее представление о личности в психологии

Реальность, которая описывается термином «личность», проявляется уже в этимологии этого термина. Слово «личность» (persona) первоначально относилось к актерским маскам (сравни - «личина»), которые в античном театре были закреплены за определенными типами действующих лиц («ревнивец», «завистник», «герой» и т.д.).

Затем это слово стало означать самого актера и его роль. У римлян слово persona употреблялось обязательно с указанием определенной *социальной функции, роли* (личность отца, личность царя, судьбы и т.д.). Иначе говоря, *личность по первоначальному значению - это определенная социальная роль или функция человека.*

Постепенно понятие личности наполнялось все большим многообразием смысловых значений, оттенки и диапазон которых в определенной мере специфичны для конкретного языка. В немецком, английском, французском языках личность означает лицо, особу человека. При этом только во французском языке появляется производное слово, обозначающее индивидуальность человека (в немецком и английском языке для этого существуют отдельные слова). В русском языке, как и во французском, понятие личности не отделено от смыслового значения индивидуальности (хотя, как мы видим, - слова разные). В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова личность характеризуется как отдельное человеческое Я, как человеческая индивидуальность, являющаяся носителем отдельных социальных и психологических свойств.

В значении слова «личность» можно выделить два основных смысла. Один, наиболее очевидный, - *несовпадение собственных характеристик человека, его лица с содержанием роли, которую он исполняет.* Другой смысл - *социальная типич-*

¹ Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М., 1995.

ность изображаемого персонажа, его открытость другим людям.

Зафиксированная в слове и в произвольных от него терминах связь этих значений привела в последующем к представлению о том, что социально-содержательные характеристики человека несовместимы с реальными свойствами носителя этих характеристик. Соответственно и социальные функции личности представлялись как не связанные с внутренними характеристиками психологических механизмов, обеспечивающих эти функции.

В научной психологии эволюция самого понятия личности от обозначения маски к ее носителю и далее к его роли дала импульс для развития представлений о личности как системе ролевого поведения, обусловленного совокупностью устойчивых социальных ожиданий со стороны ближайшего окружения. Это нашло свое выражение в так называемой *ролевой теории личности*, в которой она характеризуется главным образом через выполняемые ею социальные роли. В семье - это роль сына, отца, брата и т.п.; на работе - определенная профессиональная роль, вне работы это может быть роль друга, настоящего мужчины, обаятельной женщины и т.п.

В психологии личности ролевая теория подвергается резкой критике. Известный психолог А.Н. Леонтьев писал, что «идея прямого сведения личности к совокупности «ролей», которые исполняет человек, является - несмотря на всевозможные оговорки адептов этой идеи - одной из самых чудовищных. Конечно, ребенок усваивает то, как он должен вести себя с мамой скажем, что ее нужно слушаться, и он слушается, но можно ли сказать, что при этом он играет роль сына или дочери? Столь же нелепо говорить, например, о «роли» полярного исследователя, «акцептированной» А. Нансеном: для него это не «роль», а миссия. Иногда человек действительно разыгрывает ту или иную роль, но она все же остается для него «ролью». «Роль» не личность, а скорее изображение, за которым она скрывается»¹.

Критика подобного подхода в объяснении личности справедлива, если личность сводить только к совокупности усвоенных ею социальных ролей. Для понимания существа личности определяющее значение имеет не многообразие социальных ролей, а *выбор, принятие и исполнение человеком определенных соци-*

¹ Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М., 1989. Т.2. С.193.

альных действий, внутреннее отношение к ним. Личность - это не структура ролей и вообще не структура, а человек, который вовсе не сводится к игре в выбранные роли, не лицедействует только. Человек как личность свободно и осознанно принимает ту или иную социальную роль, сознает возможные последствия своих действий по ее осуществлению и принимает всю полноту ответственности за их результаты.

Понятие роли как способа социального поведения, принятого в данном сообществе, является достаточно адекватным для первичного анализа реальных действий личности. Само понятие личности имеет смысл лишь в системе общественных отношений, реализуемых через определенные социальные роли. Однако *социальные роли это не конечный, а исходный пункт в понимании сущности личности.* Для научной психологии важна не роль сама по себе, а ее носитель, субъект. Принятие или непринятие социальной роли, серьезность ее исполнения, ответственность за последствия своих действий характеризует человека как личность.

Личность как социокультурная реальность

В качестве отправных идей для научно-психологического понимания природы личности можно принять следующее высказывание А.Н. Леонтьева. Характеризуя предмет психологии личности, он писал: «Личность № индивид; это особое качество, которое приобретается индивидом в обществе, в целокупности отношений, общественных по своей природе, в которые индивид вовлекается... Личность есть системное и поэтому «сверхчувственное» качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его порожденными и приобретенными свойствами.

Они, эти свойства, составляют лишь условия (предпосылки) формирования личности - как и внешние условия и обстоятельства жизни, выпадающие на долю индивида.

С этой точки зрения проблема личности образует новое психологическое измерение:

иное, чем измерение, в котором ведутся исследования тех или иных психологических процессов, отдельных свойств и состояний человека;

это исследование его места, позиции в системе, которая есть

система общественных связей, общения, которые открываются ему; это исследование того, что ради чего и как использует человек врожденное ему приобретенное им... »¹.

Нам представляется важным подчеркнуть и пояснить в приведенном положении те характеристики, которые составляют специфическое содержание понятия «личность» и разделяются многими психологами. Это, прежде всего, указание на то, что *личность есть особое качество или характеристика человека* (индивида). Личность характеризует человека со стороны его общественных связей и отношений, т.е. взаимосвязей с другими людьми. А.Н. Леонтьев называет личность «сверхчувственным» образованием именно за то, что связи и отношения с другими людьми составляют особого рода реальность, недоступную непосредственному восприятию, предполагающую для своего понимания использование познавательных возможностей мышления, разума человека.

Следовательно, понятие личности в психологии обозначает *особый способ существования человека* - существование его как члена общества, как представителя определенной социальной группы. Близкие к понятию «личность» понятия «индивид» и «субъект» в строгом научном смысле не являются синонимами, они означают различные уровни организации субъективной реальности человека. В психологической литературе очень часто в понятие личности включают самые разнородные характеристики человека - от формально-динамических свойств темперамента до мировоззрения и жизненных принципов. Подобное расширительное толкование затрудняет понимание самого феномена личности в ее сути и приводит к неразличению задач полноценного развития индивида, обучения субъекта, воспитания личности. Проблема личности действительно образует новое психологическое измерение.

Сущность личности проявляется при изучении положения, *позиции человека во взаимоотношениях его с другими людьми*, раскрывается в его *жизненных целях* и стоящих за ними мотивах, в *способах поведения* и средствах действия применительно к общим своим целям и задачам. Понятие личности тесно связа-

¹ Цит. по ст.: Асмолов А.Г., Братусь Б.С. и др. О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности // Вопр. психологии. 1979. №4. С. 35.

но с понятием позиции и соотносимыми с ним понятиями социальной роли и социального статуса.

По широко распространенному в психологии определению, *роль - это программа, которая отвечает ожидаемому поведению человека в структуре той или иной социальной группы, это заданный, несвободный способ его участия в жизни общества.* Статус описывают поведение человека, включенного в систему сложившихся социальных отношений, где для него заданы место и способ действия, тип нормативного поведения. В статусной системе всегда есть нормы, которые регулируют наши отношения, наши действия.

Понятия статуса и роли имеют отношение к определению личности. Не случайно в обыденном сознании личность человека отождествляют с его социальным положением, общественным статусом, о личности судят по его социальным действиям, по его социальной роли.

Однако понятия статуса и роли не охватывают самой сути личности - *способности человека как личности действовать свободно, самостоятельно и ответственно*, т.е. выходить за пределы статусно-ролевых ограничений, нормативных предписаний. Как отмечал А.Н. Леонтьев, личность есть особое человеческое образование, которое не может быть выведено из его приспособительной деятельности. Личностное поведение - это поведение по собственному, свободному выбору. Личность - это субъект свободного социального действия или, по выражению М.М. Бахтина, - «субъект поступания».

Место человека в социальной жизни может быть задано, предписано ему волей случая, рождения, обстоятельств. Место человека в жизни может быть выбрано, найдено, завоевано им самим, по его собственной воле и свободному, осознанному выбору. В этом случае говорят о выборе субъектом *позиции в жизни*, о его личностном самоопределении. *Позиция - это наиболее целостная характеристика человека как личности. Личность - это человек, свободно, самостоятельно и ответственно определяющий свое место в жизни, в обществе, в культуре.* Поэтому личность есть целиком социокультурное образование. Можно встретить и такое определение: *личность - это субъект, свободно определившийся, выработавший свою позицию в пространстве культуры и времени истории.*

Но занять позицию в отношениях с другими невозможно раз

и навсегда. В каждой точке существования вновь и вновь возникает необходимость свободного и самостоятельного выбора, неизбежность принятия на себя ответственности за свои действия перед другими и самим собой. А потому *личность - это не раз и навсегда сформированное качество, состояние, структура или уровень*. Личность - это способ действий, образ бытия; это - субъект поступания. Следовательно, человек каждый раз должен утверждать себя как личность, он должен выбирать и отстаивать собственные позиции, начиная со школьного возраста и до глубокой старости. Личность есть специфический способ существования человека. Можно говорить об особом *личностном бытии человека*. Личностным способом человек может и не жить: он может жить, например, индивидуальным (в патологии), субъектным способом, душевными пристрастиями и влечениями.

Личностный способ бытия есть исходный уровень культурной и духовной жизни человека. С христианской точки зрения, только на уровне личностного бытия человек оказывается способен к прямому, личному, непосредственному обращению к Богу. Действия человека как личности, его поступки ориентированы на других людей, на нормы и ценности общественной жизни. Но в общественной жизни духовность может быть представлена в различной мере. Личность может утверждать себя и на негативных нормах и ценностях, существующих в человеческой культуре. Потому личность нельзя рассматривать только с положительным знаком. Особенно наглядно это проявляется в так называемых исторических личностях. Среди исторических личностей много героев и прогрессивных деятелей, но и немало злодеев и «темных личностей».

Личностный способ бытия человека обеспечивается благодаря особым *личностным образованиям*. В свою очередь, эти психологические, личностные образования формируются и складываются только при условии выхода человека на особый уровень жизнедеятельности, при ведении человеком личностного способа жизни. Только совершая поступки, человек может стать личностью, сформировать свое «лицо», заявить о себе, отличить себя от других Лиц.

Личность есть полная самоопределенность человека во всей совокупности его действий, отношений с другими, его устремлений и ориентаций. Формулой личностного поведения выступает заявление человека: «Я лично!». Человек заявляет о своей соб-

ственной, полной ответственности за свои действия и поступки. *Личностное бытие - это муки выбора, риск социального действия, тяготы ответственности за себя и других.* А потому не все люди соглашались на такой способ жизни. Но отказ от личностного бытия есть согласие на зависимый, безответственный, социально-приспособительный способ жизни. Это не менее тяжкая доля для человека.

Психологические образования личности

Пространство личности - это пространство социального поведения человека, его *поступки*. Личность проявляется и формируется через поступки. *Поступок в психологии определяется как сознательное действие, акт нравственного самоопределения человека, в котором он утверждает себя как личность в своем отношении к другому человеку, к себе самому, к обществу и миру в целом.*

Психологические образования личности, обеспечивающие человеку возможность совершать поступки, позволяющие ему осуществить акт свободного, самостоятельного и ответственного выбора, отстаивать собственную позицию, составляют особый уровень и особую структуру субъективности. С этой точки зрения субъектность человека, способности и механизмы его душевной жизни входят в психологические образования личности в качестве их особых предпосылок.

Способности субъекта в личностном плане получают оценку через особый (присущий данному индивиду) способ социального действия: способность глубоко и правильно оценить сложившуюся ситуацию, учет различных позиций других субъектов, предвидение возможных последствий для себя и других своих действий и др.

Характер (в широком смысле слова) также неотделим от личности, поскольку реализует главные жизненные устремления человека. Принципиальная общность личности и характера проявляется в присущей им совокупности основных жизненных отношений человека. Различия же проявляются в том, что личность определяет специфику позиции человека, мотивов и смыслов его социального действия, нравственных ориентиров, на которых оно строится, в то время как характер по преимуществу определяет способы действия, способы достижения намеренных целей.

В психологии указывается на то, что личность в ее узком понимании может контрастировать с характером. Житейская психология дает многочисленные примеры несовпадения личности и характера: можно встретить «хорошего человека» (т.е. индивида с социально ценной, нравственной позицией) с плохим характером (недостаточно сдержанным, безвольным) и, напротив, негодяя и подлеца (личностная позиция) с хорошим характером (общительным, уравновешенным). В научной литературе отмечается, что на личностном уровне бытия человек преодолевает недостатки своего характера: личность в своем развитии «снимает» характер¹.

Включенность субъектных образований в личностное поведение позволяет определять *личность как субъект социальных отношений*. Недоразвитие внутреннего мира проявляется и в личностном бытии человека. Отсутствие стойких социальных устремлений у субъекта приводит к избеганию ответственных действий. Неспособность осмыслить глубину и сложность социальных взаимоотношений, выработать собственное отношение к происходящему приводит либо к зависимому, несамостоятельному поведению, либо к асоциальным действиям.

С этой точки зрения, действительно, личность - это субъект (распорядитель, инициатор) социального поведения и в этом качестве включает в себя основные субъектные структуры. Определяя личность человека, С.Л. Рубинштейн писал: «В качестве собственно личностных свойств из всего многообразия свойств человека обычно выделяются те, которые обуславливают общественно значимое поведение человека. Основное место поэтому в нем занимает система мотивов и задач, которые ставит себе человек, свойства его характера, обуславливающие поступки людей (т.е. те их действия, которые реализуют или выражают отношения человека к другим людям), и способность человека, т.е. свойства, делающие его пригодным к исторически сложившимся формам общественно полезной деятельности»².

Подчеркивание этого момента важно в том отношении, что нередко в научно-психологических работах личность человека

¹ Подробнее о соотношении личности и характера см.: Братусь Б.С. Аномалии личности. М., 1988. Гл. II. §4; Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М., 1988. Лекция 15.

² Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959. С.119-120.

рассматривается в отрыве от ее носителя, от субъективного, внутреннего мира человека. Действительно, личность человека представляет собой особое измерение, которое получает человек как субъект общественных отношений и деятельности.

Интересны эмпирические данные, которые относятся к исследованиям «самоактуализации личности» А. Маслоу. Автор отобрал среди хорошо знакомых ему людей тех, кого можно было назвать «оптимально функционирующими личностями», и выделил у них общие психологические свойства. Основные из них следующие:

1) объективное восприятие действительности, выражающееся в четком отделении знания от незнания, в способности отличать конкретные факты от мнения по поводу этих фактов, существенные явления от видимостей;

2) принятие себя, других, мира такими, как они есть;

3) неэгоцентричность, ориентация на решение внешних проблем, центрированность на объекте;

4) способность переносить одиночество и потребность в обособлении;

5) творческие способности;

6) естественность поведения, но и отсутствие стремления нарушать условности просто из духа противоречия;

7) дружелюбное отношение к любому человеку с хорошим характером, вне зависимости от его образования, статуса и других формальных характеристик;

8) способность к глубоким привязанностям, часто к немногим людям, при отсутствии постоянной безусловной враждебности к кому-либо;

9) нравственная определенность, четкое различение добра и зла, последовательность в нравственном сознании и поведении;

10) относительная независимость от физической и социальной среды;

11) сознание различия между целью и средством умение не терять из вида цель, но в то же время эмоционально воспринимать и средство само по себе;

12) крупномасштабность психического содержания и деятельности («Эти люди приподняты над мелочами, обладают широким горизонтом, дальней временной перспективой. Они руководствуются широкими и универсальными ценностями»)¹

И вместе с тем для описания психологии личности используются новые понятия, отражающие факт включенности субъекта в социальные связи и отношения, описывающие человека как социокультурную реальность. Это такие понятия, как *личностные ценности, личные выборы, моральность личности, самостоятельность, ответственность, личное слово, кодекс чести, достоинство личности, личный характер, перспективы, цели личности, личное время* и т.д.

¹ Социальная психология / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. Л., 1979. С. 94.

Понятие личностных ценностей мы связываем с освоением конкретным индивидом общественных и групповых ценностей. Социальные ценности, преломляясь через призму индивидуальной жизнедеятельности, входят в психологическую структуру личностных ценностей, или *ценностных ориентаций личности*.

Основное содержание ценностных ориентаций личности, составляют политические, философские, нравственные убеждения человека, глубокие и постоянные привязанности, нравственные принципы поведения. Ценностные ориентации обеспечивают *устойчивость личности*, определенность и последовательность поведения, постоянство взаимоотношений человека с социальным миром, с другими людьми.

Развитые ценностные ориентации - признак зрелой личности, показатель меры ее социальности, степени вхождения индивида в общественно-социальные учреждения и общности. В силу этого в любом обществе ценностные ориентации личности оказываются объектом воспитания и целенаправленного формирования.

Ценностные ориентации выступают важнейшим фактором мотивации поведения личности, лежат в основе ее социальных поступков. Ценностные ориентации влияют на процесс личностного выбора. Личности нет там, где индивид отказывается идти на риск выбора, пытается избежать социальной оценки своих поступков, честного ответа перед самим собой о мотивах своего социального поведения. Человек как личность заявляет о себе в том случае, если он самостоятельно выбирает и планирует ответственное поведение, принимает решение на совершение действий, которые получают социальную оценку, заранее принимает на себя ответственность за последствия этих действий.

Самостоятельность и ответственность в социальном поведении составляют самые существенные характеристики человека как личности. Самостоятельность действия - это действие с опорой на свои собственные интеллектуальные и духовные силы, без обращения к подсказке другого, к авторитету. С этой точки зрения, личностный поступок обдумывается человеком наедине с собой, обсуждается в диалоге с внутренним собеседником, со своим Я. В философии в таком случае говорят об автономии «самозаконности» личности как способности человека возводить в принцип самостоятельно выработанные нормы поведения и добровольно им следовать.

Ответственность мы связываем со способностью человека нести ответ за свои поступки перед другими, обществом, перед самим собой. В межличностном взаимодействии хорошо различима эта характеристика поведения человека. Человек, признающий свою ошибку, вызывает уважение других. Напротив, стремление уйти от ответа за совершенные действия однозначно оценивается другими как внутренняя слабость, личностная недоразвитость, а нередко и безнравственность.

Личностное поведение всегда оценивается с точки зрения существующей морали. Поэтому личность - это моральная категория. Человек оценивается с позиций, принятых в данном обществе, социуме, группе ценностей, норм и эталонов взаимоотношений: так принято поступать, а так не принято в данном сообществе. Усвоение этих правил формирует моральность личности. *Моральность личности отличается от ее нравственности.* Моральность в первую очередь предполагает ориентацию на частные, исторические конкретные, оценки других, сообщества. Нравственность - ориентация на самостоятельно принятые абсолютные принципы и ценности.

Различие моральности и нравственности отчетливо проявляется в различных формах переживания человеком норм морали и нравственных ценностей. Нарушение норм морали, осознание человеком несоответствия своего поведения, принятым в данном сообществе и разделяемым им самим, требованиям морали переживается в эмоции *стыда*. Стыд переживается как неудовлетворенность собой, своим поведением, осуждение и обвинение себя. Стыд - это всегда стыд перед другими, страх быть осужденным окружающими людьми. Выражение «мне стыдно» подразумевает обязательно кого-то другого, авторитетное лицо или группу лиц.

В отличие от стыда, *совесть* представляет собой способность личности осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков. Здесь другой - это не конкретный индивид или данная группа, а обобщенный Другой (в пределе - человечество, для религиозного человека - Бог). Мы связываем совесть с более высоким уровнем духовного развития человека - с его индивидуальностью.

С моральностью личности тесно связано понятие *личного (честного) слова и кодекса чести*. Мои обязательства перед

другими закрепляются в определенных ритуалах или кодексах как совокупность норм и правил взаимоотношений в данном сообществе. Кодекс чести - это всегда конкретный, определенный кодекс. В этом плане говорят о чести офицера, ученого, дипломата, предпринимателя и т.д. Вступая в данное сообщество, субъект принимает на себя обязательство нести и выполнять его правила и нормы. Подтверждением этого факта для других часто является произнесение им выражения: «Честное (личное) слово». Нарушение данного слова сурово осуждается и подвергается групповому наказанию. Весьма развитый кодекс чести существует у подростков. Как мы покажем в дальнейшем, подростковый возраст - это период становления личности, определение своей позиции в группе, самоутверждение себя среди других.

Способность отстоять свою позицию, действовать самостоятельно и ответственно есть *достоинство личности*. Сообщество признает за индивидом право быть личностью, быть достойным на совершение поступков и социально оцениваемых действий. т.е. быть субъектом социального поведения. Достоинство личности составляет важную характеристику бытия человека среди людей.

Индивидуальность как встреча с собой - Другим

О специфике индивидуального бытия человека

Понятие индивидуальности (как и понятие личности) относится к духовным измерениям человеческой реальности. Вместе с тем, *личность и индивидуальность - это два способа бытия человека, два его различных определения*. Несовпадение этих понятий проявляется, в частности, в том, что существуют два различных процесса становления личности и индивидуальности.

Становление личности есть процесс социализации человека, который состоит в освоении им своей родовой, общественной сущности; это освоение всегда осуществляется в конкретно-исторических обстоятельствах жизни человека. Становление личности связано с принятием индивидом выработанных в обществе социальных функций и ролей, социальных норм и правил поведения, с формированием умений строить отношения с другими. Сфор-

мированная личность есть субъект свободного, самостоятельного и ответственного поведения в социальных сообществах.

Становление индивидуальности есть процесс индивидуализации субъективной реальности. Индивидуализация - это самоопределенность и обособленность личности, ее выделенность из сообщества, оформленность ее отдельности, уникальности и неповторимости. Ставшая индивидуальность есть самобытная личность, активно и творчески проявляющая себя в жизни. Индивидуальность - это прорыв за границы самости, выход на границы вечного, вселенского, универсального.

Понятия «личность» и «индивидуальность» фиксируют разные стороны, *разные измерения духовной сущности человека.* Суть этого различия схватывает наш язык. Со словом «личность» мы употребляем такие эпитеты, как «сильная», «энергичная», «независимая», подчеркивая тем самым ее *деятельную представленность* в глазах других людей. Об индивидуальности мы говорим: «яркая», «неповторимая», «творческая», как о *качествах самостоятельной сущности.*

В философско-психологической литературе из двух определений человека - личность и индивидуальность - «вершинным» считают личностное бытие человека. Личность понимают как высшую, интегральную форму организации человеческой реальности. Психолог Б.Г. Ананьев писал: «Если личность - «вершина» всей структуры человеческих свойств, то индивидуальность - это «глубина» личности и субъекта деятельности»¹.

С нашей точки зрения, понятие личности фиксирует социально значимые качества человека, описывает включенность индивида в систему социальных связей и отношений в группах и сообществах. Личность есть персонификация, олицетворение общественных отношений.

Индивидуальность - это не только и не столько включенность индивида в систему общественных отношений, интеграция их как личностно значимых, сколь его *выделенность* из этих отношений. Понятие индивидуальности указывает на то, что человек из всего многообразия социальных ролей и функций, совокупности связей и отношений с другими выделяет свое, собственное; делает их абсолютно ценным содержанием своего подлинного Я.

¹ Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1969. С. 329.

Про одни социальные нормы и ценности он может сказать: «Это мое, я их внутренне разделяю и принимаю, следуя им и буду отстаивать вплоть до смерти». Эти нормы и ценности входят во *внутреннюю сущность* конкретного человека, становятся его неотторжимым достоянием. Про другие социальные реальности индивид может сказать, что это не его, что он допускает их существование, но внутренне их не разделяет.

Без определенного ограничения социальных связей и отношений, сферы своей деятельности невозможно индивидуальное самоопределение. «... Только выражая себя в определенной индивидуальной форме, - писал Г. Гегель, - может гений создать истинно художественное творение»¹.

На определенном этапе своей жизни человек должен ответить на вопрос: «Кто я?», «Что я собой представляю?», «Что есть мое в этом мире?», «Кто я есть сам по себе, а не только в глазах других?». Ответы типа: «Я школьник (студент), отличник, лидер группы, член сборной команды, участник общественного движения» и т.п. - неудовлетворительны по той простой причине, что студентов, лидеров, спортсменов и др. много. *Социальные роли или функции сами по себе безличны.*

Необходимо ответить себе прямо и честно: «Это есть мое собственное, отличное от других в этих моих ролях, связях и отношениях». В исполняемые социальные роли, в общественное поведение, в осуществляемую деятельность человек должен вложить что-то свое - уникальное, неповторимое, самобытное (единственное в своем роде).

Если личность - это определенность позиции человека в отношениях с другими, то *индивидуальность - это определение собственной позиции в жизни, сама определенность внутри самой своей жизни.* Если личность возникает во встрече человека с другими людьми, то индивидуальность - это встреча с самим собой, с собой как Другим, несовпадающим теперь уже ни с собой, ни с другими по основному содержанию былой жизни. Поэтому *индивидуальность предполагает тотальную рефлексию* всей своей жизни, обращение, инверсию вглубь себя, выработку критического отношения к способу своей жизни. Поэтому *индивидуальность - это всегда внутренний диалог человека с самим собой, выход в уникальную подлинность самого себя.*

¹ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 553.

Что же открывается человеку во внутреннем пространстве своей жизни? Что входит в определение индивидуальности человека? Как индивидуализируется человек в социальной, общественной жизни? Что отличает одного человека от другого?

Ответы на эти вопросы предполагают выяснение условий становления и бытия человеческой индивидуальности

Понятие человеческой индивидуальности

Индивидуальность человека - явление многогранное. Для его описания используют определенный ряд терминов, каждый из которых подчеркивает специфическую особенность индивидуальности. Собирая ее целостного образа мы будем вести через анализ понятий, описывающих человеческую индивидуальность.

С.Л. Рубинштейн отмечал, что человек есть индивидуальность в силу наличия у него *особенных, единичных, неповторимых свойств*. Действительно, единичность и неповторимость индивида входят в определение индивидуальности.

Любая индивидуальность выступает прежде всего как нечто единичное. Но она несводима к единичности. Единичность указывает лишь на факт существования индивидуальности, на ее наличность, но качественная определенность индивидуального бытия здесь отсутствует. Поэтому определение индивидуальности через единичность является формальной ее характеристикой, не связанной с ее подлинным содержанием.

Индивидуальность характеризуется и неповторимостью, которая обуславливает ее собственное «лицо». Но сама по себе неповторимость, как и единичность, не является сущностным свойством индивидуальности. Индивидуальность не возникает прямо из различий индивидов, не тождественна неповторимости личности. Особенность, своеобразие, неповторимость не есть истинные характеристики индивидуальности.

Г. Гегель отмечал, что представление об индивидуальности как о неповторимости является формальным и оказывается за пределами науки. «Отдельные души - писал он, - отличаются друг от друга бесконечным множеством случайных модификаций. Но эта бесконечность представляет собой род дурной бесконечности. Свообразие человека не следует поэтому прида-

вать чрезмерно большого значения»¹. Указания на единичности и неповторимость человека выделяют лишь частные и внешние особенности индивидуальности.

Сущностное определение индивидуальности связано с использованием понятий «целостность», «единство», «неделимость», «самобытность», «авторство», «укорененность в мире», «собственный способ жизни» и т.п. «Индивидуальность, - писал Л. Фейербах, - это неделимость, единство, целостность, бесконечность; с головы до ног, от первого до последнего атома, насквозь, повсюду я индивидуальное существо»².

Сущность индивидуальности связана с целостным представлением о человеке, взятом в единстве всех его свойств и особенностей. Как отмечается многими авторами, термин «индивидуальность» означает *единство многообразного, многое в одном*. Б.Г. Ананьев полагал, что к индивидуальности следует подходить как к интеграции всех свойств человека как индивида, субъекта деятельности и личности. Раскрывая это положение, он писал: «Для того, чтобы подойти к проблеме индивидуальности с точки зрения целого (на молярном уровне), нужно представить человека не только как открытую систему, но и как систему «закрытую», замкнутую вследствие внутренней взаимосвязанности ее свойств (личности, индивида, субъекта)»³.

Философ И.И. Резвицкий понимает целостность индивидуальности как взаимосвязь общего, особенного и единичного в человеке. «Как целостная система, - пишет он, - индивидуальность включает в себя, во-первых, общие черты, свойственные индивиду как представителю биологического вида и человеческого общества; во-вторых, особенные признаки, которые присущи ему как члену определенной общественно-экономической формации; в-третьих, единичные признаки, обусловленные специфичностью его биологической организации и социальной среды»⁴. Эти черты и свойства, взятые во внутренней взаимо-

¹ Гегель Г. Энциклопедия философских наук: В 3 т. М., 1977. Т.3. С.74.

² Фейербах Л. Избр. философ, произведения: В 2 т. М., 1955. Т.1. С.496.

³ Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1969. С.327.

⁴ Резвицкий И.И. Личность, индивидуальность, общество. М., 1984. С.29.

связи и целостности, образуют индивидуальность человека, характеризуют его как конкретное существо.

Единство и целостность единичных и общих, природных и социальных свойств человека составляет его *самобытную «самость»*. Сущность индивидуальности как раз и связана с самобытностью индивида, со способностью его быть самим собой, быть независимым, суверенным, самостоятельным существом.

Благодаря индивидуальности, человек обособляется в относительно самостоятельную «точку бытия», творчески проявляет себя, *становится субъектом исторической, гражданской и личной жизни, потенциально воплощая в себе все характеристики рода человеческого, обнаруживая себя как индивидуализированный род* (единственный в своем роде).

Индивидуальность есть особая форма бытия человека в обществе. Человек не совпадает с обществом, с группой, с другими, а представляет собой отдельность, живущую в рамках общественного целого своей особой жизнью. Как индивидуальность, человек выражает *индивидуальный стиль деятельности*, реализует собственный способ жизни.

Индивидуальность - это авторство собственной жизни: в миропонимании, в стилях деятельности, в социальном поведении. В индивидуальном бытии человек несет ответственность не только за отдельные слова и поступки, но и за жизнь в целом, даже за ту, в которой он физически не участвовал, - за историю. Уникальным, единственным, неповторимым в индивидуальности выступают не внешние особенности индивида, не его облик, не его манеры обращения с другими, а способ жизни, самобытные формы жизнедеятельности, бытия в обществе. Индивидуальность - это человек как субъект или автор своей собственной жизни во всей ее полноте.

В заключение приведем развернутое определение индивидуальности, взятое нами у И.И. Резвицкого. «Индивидуальность - это интегральное понятие, выражающее особую форму бытия индивидов, в рамках которой они обладают внутренней целостностью и относительной самостоятельностью, что дает им возможность активно (творчески) и своеобразным способом про-

являть себя в окружающем мире на основе раскрытия своих задатков и способностей. В качестве индивидуальности человек является автономным и неповторимым субъектом сознания и деятельности, способным к самоопределению, саморегулированию самосовершенствованию в условиях общества»¹.

Подчеркнем еще раз: индивидуальность - это самобытность жизни человека. Это означает, что человек индивидуализируется в существенных, родовых характеристиках. Индивидуальность есть неповторимое, самобытное выражение или творческое проявление родовой сущности человека.

Как это не покажется парадоксальным, но в психологии используется понятие *«тип индивидуальности»*. Индивидуальность по самому существу своему в принципе не типологизируема. Потенциально - сколько людей, столько индивидуальностей. В христианской традиции однозначно положено, что каждая отдельная душа человеческая единственна, неповторима, уникальна. *«Тип индивидуальности»* поэтому - лишь устойчивая сумма тех или иных черт и свойств субъективности, но не ее целостный образ, не уровень духовного бытия человека.

Психологические образования индивидуальности человека

Основными субъективными составляющими индивидуальности человека являются *система смысловых отношений и ценностных ориентаций, мировоззрение, совесть, вера*.

Система смысловых отношений представляет собой ансамбль индивидуализированных отношений человека к условиям своей жизнедеятельности. В психологии смыслом называют внутренне мотивированное, индивидуальное значение для человека того или иного действия, поступка, события. Определить смысл действия или поступка для человека - это значит ответить на вопрос: ради чего он осуществляет это действие?

В аспекте индивидуальности как самобытности человека *смысл - это осознание абсолютной ценности события и по-*

¹ Резвицкий И.И. Личность, индивидуальность, общество. М., 1984. С.38.

ступка и одновременно субъективное переживание этой ценности человеком. Смысловое отношение - это ценностное отношение человека к миру, истории, обществу, другим людям, самому себе.

Система смысловых отношений внутренне связана с ценностными ориентациями личности. Самобытность человека вырабатывается относительно основных ценностей культурной, духовной, общественной жизни. Ответ на вопрос: ради чего? - предполагает определение ценностного отношения, лежащего в основе действия, поступка, деятельности, всей жизни в целом. В последнем случае речь идет о смысле жизни.

Смысл жизни отражает жизненную концепцию человека, осознанный и обобщенный принцип его жизни, его жизненную цель. Смысл жизни выводится из мировоззрения как системы взглядов на мир, на место в нем человека, на отношение человека к окружающей его действительности, к самому себе. Мировоззрение есть общее понимание мира, человека, общества и ценностное отношение к ним. Мировоззрение включает в себя жизненные принципы, определяющие характер деятельности человека, его взаимоотношения с другими, жизненные устремления.

Смысл жизни, выражая жизненные позиции и устремления человека, зависит от его реальных достижений, от реальной способности выразить себя в формах жизни. «... Смысл жизни, - пишет К.А. Абульханова-Славская, - это не только будущее, не только перспектива, но и мера достигнутого человеком, оценка достигнутого своими силами по существенным для личности критериям»¹.

Смыслу жизни противостоит *отчуждение человека от жизни*, когда собственные действия, поведение, жизнь в целом теряют ценность, значимость. Потеря смысла жизни - это духовное заболевание человека. Потеря смысла жизни стоит на одном из первых мест среди причин самоубийств.

Нравственным центром индивидуальности является *совесть*. Человек самостоятельно формулирует для себя нравственные обязанности и требует от себя их выполнения. Совесть есть

¹ Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991. С 73.

выражение нравственного самосознания человека. Она есть внутренняя, личная нравственность или автономная этика.

К образованиям индивидуальности относится система *верований и убеждений человека*. Вера есть полное и безоговорочное принятие человеком явлений, событий, собственных представлений и умозаключений, жизненных принципов, бесконечная ценность которых выявлена в свете превышающей человека Божественной Реальности. Вера, убеждения человека составляют основу его «Я», определяют его поступки, суждения, нормы поведения и отношения. Формулой индивидуальности может служить известное изречение реформатора церкви М. Блютера: «На том стою и не могу иначе».

Вместо заключения

А.Б. ОРЛОВ¹

Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека

*Заблуждаться относительно того,
что различно, а что нет,
означает заблуждаться
относительно всего*

Гроф С. За пределами мозга

Личность человека

Если обобщить определения понятия «личность», существующие в рамках различных психологических теорий и школ (К. Юнг, Г. Олпорт, Э. Кречмер, К. Левин, Ж. Нюттен, Дж. Гилфорд, Г. Айзенк, А. Маслоу и др.), то можно сказать, что личность традиционно понимается как «... синтез всех характеристик индивида в уникальную структуру, которая определяется и изменяется в результате адаптации к постоянно меняющейся среде» и «... в значительной мере формируется реакциями окружающих на поведение данного индивида». Итак, можно сказать, что личность человека - это социальное по своей природе, относительно устойчивое и прижизненно возникающее психологическое образование, представляющее собой систему мотивационно-потребностных отношений, опосредующих взаимодействия субъекта и объекта.

Такое определение личности вполне соответствует ее пониманию в частности в отечественной (советской) психологии, ориентировавшейся на марксизм (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Л.И. Божович и др.). «В социальной фи-

¹ Вопросы психологии, 1995, № 2.

лософии марксизма через понятие «личность», как правило, характеризуются сущностные социальные отношения, усвоенные человеком социальные роли, нормы, ценностные ориентации...».

Следует, однако, отметить, что в принципе верная идея о том, что «личностью не рождаются», что личностью человек становится, «выделяется» послужила в отечественной психологии основанием для совершенно неверной, на наш взгляд, точки зрения, что не каждый человек - личность. Подобное представление, с одной стороны, придало этическое, моральное измерение сугубо психологической проблематике, породило то, что можно было бы назвать «героическим видением» личности. Так, например, в учебнике по психологии личности А.Г. Асмолова читаем: «Быть личностью - это значит иметь активную жизненную позицию, о которой можно сказать: «На том стою и не могу иначе». Быть личностью - это значит осуществлять выборы, возникшие в силу внутренней необходимости, уметь оценить последствия принятого решения и держать за них ответ перед собой и обществом. Быть личностью - это значит обладать свободой выбора и нести через всю жизнь бремя выбора. Быть личностью - это значит осуществить вклад в общество, ради которого живешь и в котором жизненный путь индивидуальности превращается в историю Родины, сливается с судьбой страны». Подобное определение личности лишает права считаться личностью подавляющее большинство взрослых, не говоря уже о детях. С другой стороны, этическое (а можно сказать и более приземленно - педагогическое) определение личности, благодаря заложенному в нем косвенному отрицанию личности в ребенке, в учащемся служило и по сей день служит оправданию манипулятивной, формирующей педагогической практики: детей надо «выделать» личностями.

Из приведенного выше обобщенного определения личности следует, во-первых, что личность является атрибутивной характеристикой каждого человеческого субъекта, но не самим этим субъектом и, во-вторых, что личность является такой психологи-

ческой характеристикой субъекта, которая регулирует его отношения с объективной действительностью. Таким образом, личность - это система мотивационных отношений, которую имеет субъект.

Мотивационное отношение - компоненты, функции, типы

Если же обратиться теперь к рассмотрению мотивационного отношения как такового, т.е. к рассмотрению той «молекулы» или «клеточки» (Л.С. Выготский), из которых складывается личность человека, то можно сказать, что такой единицей личности является не мотив, не потребность и т. д. в их отдельности, но целостный комплекс взаимосвязанных детерминант - мотивационное отношение. Составляющие мотивационного отношения детально описаны в целом ряде психологических теорий мотивации. В число этих составляющих-детерминант входят: определенная потребность, распределенный мотив, цель и смысл. Каждой из этих четырех детерминант в структуре мотивационного отношения соответствует определенная функция: потребности - активирующая функция; мотиву - побуждающая функция; цели - направляющая функция; смыслу - осмысливающая функция. При этом данные компоненты и соответствующие им функции могут выступать в структуре мотивационного отношения и как антагонисты (например, потребность и смысл, мотив и цель), и как синергисты (например, потребность и мотив, смысл и цель).

Для дальнейшего анализа крайне важно также различие между предметным, субъектным и объектным содержаниями. Предметное содержание - это совокупность мотивационных отношений человека или содержание его личности (т.е. содержание определенных потребностей, распределенных мотивов, целей и смыслов). Предметное содержание представляет собой область личностной динамики и личностной детерминации. Субъектное и объектное содержания представляют собой совокупность квазимотивационных отношений, которые не определе-

ны и не распределены, соответственно, и тем самым не включены в область личностной динамики. Другими словами, эти содержания локализованы не между полюсами «субъект» и «объект», а на самих этих полюсах. Например, неопределенная потребность не обладает предметным содержанием и может быть охарактеризована только через субъектное содержание; следовательно, неопределенные потребности формируют субъектное содержание и область субъектной (внутриличностной) динамики и детерминации. Аналогично, нераспределенный (только знаемый) мотив также не обладает предметным содержанием и может быть охарактеризован только через объектное содержание; именно нераспределенные мотивы образуют объектное содержание и область объектной (также внеличностной) динамики и детерминации.

Проводя различие между предметным, субъектным и объектным содержаниями, важно принимать во внимание следующее принципиальное обстоятельство: потенциально осознаваемой является лишь область предметного содержания, тогда как субъектное и объектное содержание как таковые в принципе неосознаваемы. Если субъектное содержание образует сферу нашего субъективного бессознательного, традиционно являвшегося предметом всех вариантов глубинной психологии (от психоанализа до онтопсихологии), то объектное содержание представляет собой наше объективное бессознательное, существование которого отражено в интуитивных прозрениях В. Франкла и К. Юнга, а в более систематизированном виде представлено в работах ряда теоретиков современной трансперсональной психологии.

Соотношение предметного, субъектного и объектного содержания можно представить графически в виде следующей схемы (см. рис.1):

$$\left. \begin{array}{c} \text{с} \\ \text{ } \end{array} \right\} \quad n \quad \left\{ \begin{array}{c} \text{о} \\ \text{ } \end{array} \right.$$

Рис. 1. Соотношение предметного (П), субъектного (С) и объектного (О) содержания

Соотношение четырех функций различных компонентов мотивационного образования на данной схеме может быть представлено следующим образом (см. рис.2):

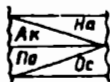

Рис. 2. Соотношение функций различных компонентов мотивационного образования: Ак - активация, По - побуждение, На - направление, Ос - осмысление.

Рассмотрение соотношения четырех функций мотивационного отношения позволяет в первом приближении выделить три типа мотивационных отношений. Первый тип - аффективно акцентированные мотивационные отношения, располагающиеся вблизи области субъектного содержания и представляющие собой «аффективно разработанные» мотивации с высоким потенциалом активации и побуждения, но плохо осмысление и без детальной целевой структуры. Второй тип - когнитивно акцентированные мотивационные отношения, которые, примыкая к объектному пределу континуума личностных проявлений, напротив, хорошо осмысленны и алгоритмизированы, но испытывают явный дефицит в отношении активации и побуждения. И наконец, третий тип мотивационных отношений представлен гармоничными мотивациями.

Рис. 3. Типы мотивационных отношений: ААМО - аффективно акцентированные мотивационные отношения; ГМО - гармоничные мотивационные отношения; КАМО - когнитивно акцентированные мотивационные отношения.

В феноменальном плане самосознания личности первые два типа мотивационных отношений воспринимаются чаще всего как

«внешние мотивы» (страсть и долг, соответственно), как проявления приложенной к личности инородной «внешней силы», как проявления привязанности и/или зависимости. Напротив, мотивационные образования третьего типа проявляются как «внутренние мотивы» и порождают особые состояния сознания личности, которые получили в психологии название «состояние потока» и для которых характерны, в частности, индифферентность в отношении социальных оценок, замедление субъективного времени, утрата такой характеристики конвенционального сознания, как четкая граница между самим собой и тем, что меня окружает.

Данные схемы (см. рис. 1-3) позволяют также более наглядно представить области внутриличностной и внеличностной динамики и детерминации: если внутри-личностная динамика представляет собой самодетерминацию личности ее собственным предметным содержанием, представленным составляющими личность мотивационными отношениями, то вне-личностная детерминация представляет собой влияния на личность «извне», т.е. со стороны субъектного и объектного содержаний. Процессы внеличностной динамики и детерминации протекают на «границах» личности и обеспечивают одновременно и ее открытость внепредметному содержанию благодаря конвергентным процессам опредмечивания и распредмечивания, и ее закрытость для этого внепредметного содержания благодаря дивергентным процессам вытеснения и сопротивления. Диады процессов-антагонистов (опредмечивание/вытеснение и распредмечивание/сопротивление) образуют, соответственно, субъектную и объектную «границы» личности. Эти границы можно представить в виде своеобразных психологических «мембран», обладающих избирательной пропускной способностью в отношении субъектного и объектного содержаний и тем самым поддерживающих целостность личности. Более того, через эти «мембраны» личность не только строится и регенерирует себя посредством процессов опредмечивания и распредмечивания, но и освобождает-

ся от «продуктов распада», выводит из области предметного содержания посредством процессов вытеснения и сопротивления дезинтегрированные мотивационные отношения (см. рис. 4).

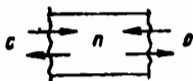

Рис.4. Соотношение областей внутриличностной и внеличностной динамики. Субъектная и объектная «границы» личности.

«Эмпирическая» личность и ее структура

Бели же вернуться к исходному определению личности как совокупности мотивационных отношений субъекта к объективной действительности, то с учетом всего вышесказанного личность можно представить в виде своеобразной оболочки, окружающей область субъектного содержания и отделяющей данную область от области объектного содержания. При этом в зависимости от типа мотивационных отношений, составляющих личность, она может складываться как из внешних (аффективно и когнитивно акцентированных), так и из внутренних (гармоничных) мотиваций. Личностную «оболочку» в целом можно рассматривать как область потенциального личностного развития. Каждую «эмпирическую» (т.е. конкретная, реально существующая) личность представляет собой конкретную актуализацию этого общего потенциала и имеет тем самым вполне определенную локализацию или, точнее, конфигурацию в пределах данной области (см. рис. 5).

Рис.5. Соотношение области потенциального личностного развития и конкретной «эмпирической» личности

Схема, представленная на рис. 5, позволяет увидеть три типа зон, или фрагментов «эмпирической» личности:

1) зоны, состоящие из когнитивно акцентированных мотивационных отношений; эти зоны можно назвать зонами психологических защит человека, именно они составляют ту сторону личности, которую К. Юнг обозначил термином «персона»;

2) зоны, состоящие из аффективно акцентированных мотивационных отношений; эти зоны можно назвать зонами психологических проблем человека, именно они составляют тот аспект личности, который К. Юнг обозначил термином «тень»; согласно К. Юнгу, «тень», или личное бессознательное (в отличие от коллективного бессознательного) представляет собой «совокупность тех психических процессов и содержаний, которые сами по себе могут достичь сознания, по большей части уже и достигли его, но из-за своей несовместимости с ним подверглись вытеснению, после чего упорно удерживаются ниже порога сознания».

3) зоны, состоящие из гармоничных мотивационных отношений; эти зоны можно назвать зонами психологических актуализаций, или «ликом» человека (ср.: «Я-аргири» в онтопсихологической системе А.Менегетти (см. рис. 6)).

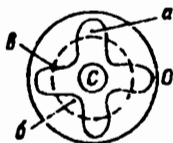

Рис. 6. Зоны: психологических защит - «персона» (а), проблем - «тень» (б) и актуализаций - «лик» (а) человека в структуре его «эмпирической» личности.

Таким образом, «эмпирическая» личность представляет собой дезинтегрированную (по определению) совокупность «персоны», «тени» и «лика».

Необходимо отметить, что мы используем эти понятия, конечно же, не в их исходных значениях, но в тех значениях, которые задаются и определяются теоретическим контекстом изложенной концепции. Иначе говоря, мы используем «терминологические оболочки» отдельных понятий, существующих в различных

теоретических традициях. При этом мы рассматриваем содержание данных понятий как наиболее близкое (но не тождественное изначально) тому содержанию, которым они наполняются в рамках концепции личности и сущности человека.

Онто- и актуалгенез «эмпирической» личности

Внутриличностные по своей природе процессы возникновения и развития «персоны» и «тени» в личности человека обусловлены обстоятельствами, относящимися к плану межличностных отношений. «Персона» и «тень» личности складываются тем самым не по своей внутренней логике, но в силу причин, имеющих коммуникативную природу и межличностное происхождение. Они возникают в личности ребенка исключительно потому, что он вынужден общаться со взрослыми, уже имеющими свои «персоны» и «тени». Ребенок вынужден постепенно отказываться от своего универсального «лика», от своей исходной, базовой личности, состоящей из гармоничных мотивационных отношений, функционирующих в логике «ценностного процесса» (К. Роджерс), и вырабатывать «взрослую» личность-индивидуальность, складывающуюся главным образом из «персоны» и «тени» и функционирующую в логике «ценностных систем», т.е. фиксированных «позитивных» и «негативных» ценностей. Основная движущая сила этого процесса - стремление ребенка сохранить принятие и любовь со стороны окружающих его взрослых.

В соответствии с пониманием данного процесса в эзотерической психологической системе Г.И. Гурджиева, пониманием, которое впоследствии воспроизводилось в работах таких крупнейших психологов и психотерапевтов современности, как А. Маслоу, К. Роджерс и А. Менегетти: «Действия маленького ребенка таковы, что они отражают правду о его бытии. Он или она не манипулятивны... Но как только начинается социализация, начинает формироваться личность (personality). Ребенок научается изменять свое поведение так, чтобы оно соответствовало принятым в культуре паттернам. Это научение происходит отчасти благодаря целенаправленному обучению, а отчасти благодаря естественной тенденции к подражанию. В качестве неизбежного следствия длительного периода человеческой со-

циальной зависимости (и отсутствия инстинктивных ограничений, характерных для более низкоорганизованных животных) мы тем самым приобретаем совокупности привычек, ролей, вкусов, предпочтений, понятий, представлений и предубеждений, желаний и мнимых потребностей, каждая из которых отражает особенности семейной и социальной среды, а не действительно внутренние тенденции и установки. Все это составляет личность». Анонимный автор описывает процесс социализации (формирование личности) как подлинную драму:

«Как можно потерять себя? Предательство, неизвестное и немыслимое, начинается вместе с нашей тайной психической смертью в детстве... это полноценное двойное преступление... Его (ребенка) не следует принимать как такового, таким, каков он есть. О, сии «любят» его, но они хотят от него или вынуждают его или ожидают от него, чтобы он был другим! Следовательно, его не должны принимать. Он сам научается верить в это и в конце концов принимает это как должное. Он на самом деле отказывается от себя. ... Его центр тяжести в «них», а не в нем самом. ... Все выглядит вполне нормально; никакого преднамеренного преступления, нет ни трупa, ни обвинения. Все, что мы можем видеть, - это солнце, которое встает и садится как обычно. Но что же произошло? Он был отвергнут не только ими, но и самим собой. (У него действительно нет Я.) Что он потерял? Всего-навсего одну подлинную и жизненную часть себя: свое собственное да-чувство, которое является самой способностью его роста, свою корневую систему. Но увы, он не умер. «Жизнь» продолжается, и он тоже должен жить. С момента его отказа от себя и в зависимости от степени этого отказа все, чем он теперь, не зная этого, озабочен, сводится к созданию и поддержанию псевдо-Я (pseudoself). Но это всего-навсего целесообразность - я без желаний. Он полагает, что его любят (или боятся), когда на самом деле его презирают, он полагает себя сильным, когда на самом деле он слаб; он должен двигаться (но эти движения карикатурны) не потому, что это забавляет и радует, но чтобы выжить, не потому, что он хочет двигаться, но потому, что должен подчиняться. Эта необходимость не есть жизнь, не есть его жизнь, она представляет собой защитный механизм против смерти. Она является также машиной смерти. ... Короче говоря, я

вижу, что мы становимся, невротиками, когда ищем или защищаем псевдо-Я, Я-систему; и мы являемся невротиками до той степени, до которой мы лишены Я (self-less)».

Подобные трансформации «ценностного процесса» ребенка в различные ценностные системы в ходе интериоризации ребенком различных социальных ролей и норм составляли основной предмет исследования в отечественной возрастной и педагогической психологии. Так, например, в известном исследовании А.В. Запорожца и Я.З. Неверович было показано, что интериоризация группового требования ребенком осуществляется как бы в три этапа. Вначале ребенок выполняет групповое требование (за которым всегда так или иначе стоит требование взрослого, воспитателя) быть дежурным, принимая его как чужое, и всячески пытается ускользнуть от этой безразличной для него работы. На втором этапе ребенок «дежурит», если есть внешняя опора, «стимул-средство» вроде похвалы или внешнего контроля за его поведением. На третьем этапе функционально-ролевые отношения социальной группы, ее нормы и требования приобретают для ребенка личностный смысл.

Рассмотрим теперь актуалгенез различных структур, составляющих «эмпирическую» личность.

Прежде всего актуалгенез личности представлен процессом персонализации, который обеспечивает усиление личностной «персоны», являя собой тенденцию к превращению всей «эмпирической» личности в одну «персону». Этот процесс может протекать в различных формах, одну из которых можно назвать «горизонтальной» персонализацией, или «спином» (вращением, сдвигом) «персоны», ее надвиганием на другие личностные зоны. Такая персонализация проявляется, с одной стороны, как демонстрация сильных сторон, «фасадов» (К. Роджерс) личности, а с другой стороны, как маскировка, сокрытие человеком своих личностных проблем как в общении с другими людьми, так и в общении с самим собой. Другая форма персонализации - «вертикальная» персонализация или «фортификация» (укрепление, утолщение) «персоны» - проявляется прежде всего в отгораживании, во «внутреннем отходе» (А.Н. Леонтьев) человека от того, что его окружает, обычно сочетающемся с ощущением (часто иллюзорным) увеличения внутренней психологической безопасности.

Процесс персонализации в двух его различных формах представляет трансляцию себя миру, другим людям в качестве сильной или обладающей властью «персоны». Он может протекать автономно по трем различным каналам, иметь три различных параметра - «авторитетность», «референтность», «привлекательность» (А.В. Петровский). Однако во всех случаях процесс персонализации приводит к тому, что человек становится: а) более закрытым, более отгороженным от других людей; б) менее способным к сопереживанию, эмпатии во взаимоотношениях с другими людьми; в) менее способным к выражению вовне, предъявлению другим своих собственных психологических проблем, менее конгруэнтным.

Более того, успешно протекающий процесс персонализации может привести к автономизации отдельных фрагментов «тени» человека, к превращению их в инкапсулированные комплексы индивидуального бессознательного. Дело в том, что персонализация приводит к сокращению и уменьшению зон актуализации человека, которые выступают, в частности, в качестве посредников, медиаторов между «персоной» человека и его «тенью». Исчезновение таких зон означает взаимообособление «персоны» и «тени», утрату контакта между ними, что в свою очередь порождает феномены «негативной психологии» и усугубляет в целом ту ситуацию «экзистенциальной шизофрении», которая характерна для жизни современного человека.

Второй аспект актуалгенеза личности - процесс персонификации. Персонификация - это персонализация с обратным знаком; в отличие от персонализации она проявляется не в стремлении человека «быть личностью», но в его стремлении быть самим собой. Данный процесс может протекать также в двух различных формах - как «горизонтальная» персонификация или «анти-спин» «персону», т.е. сдвигание «персоны» с других личностных зон, ее сокращение по горизонтали и как «вертикальная» персонификация или «релаксация» (ослабление, утоньшение) «персоны». Во всех случаях персонификации мы имеем дело с увеличением зон актуализации человека, с ослаблением противостояния «персоны» и «тени» в личности человека, с отказом от личностных «фасадов», т.е. с большим самопринятием человека. Успешно протекающий процесс персонификации усиливает интегрированность личностных структур, повышает сте-

пень позитивности, эмпатичности и конгруэнтности (К. Роджерс) человека и тем самым способствует повышению степени общей аутентичности человека своей сущности (см. ниже). Параметры персонификации (позитивная безоценочность, эмпатичность и конгруэнтность) в отличие от параметров персонализации (авторитетность, референтность, привлекательность) не образуют автономные, отдельные линии развития, они, напротив, теснейшим образом связаны друг с другом: невозможно персонифицироваться лишь по какому-то одному из этих параметров - большая безоценочность всегда связана с большей эмпатичностью и большей конгруэнтностью личности. По самой своей природе персонификация представляет собой гораздо более целостный, органичный и интегративный процесс нежели персонализация личности (см. рис. 7).

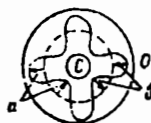

Рис. 7. Процессы персонализации (а) и персонификации (б) в личности человека.

Как мы уже отмечали, условиями внутриличностных процессов (персонализации и персонификации) являются межличностные, коммуникативные процессы. Этот тезис позволяет постулировать существование как персонализирующего общения, так и общения персонифицирующего. В первом случае мы имеем дело с общением с четко определенным оценочным контекстом, с общением, осуществляющимся в системе межличностных отношений, для которой характерна вполне определенная «эмоциональная карта» симпатий и антипатий, с общением, в котором человек должен быть адекватен не самому себе, а предзаданным и зачастую ритуализированным коммуникативным и ценностным клише. В персонифицирующем общении, напротив, преобладают установки на безоценочность, эмпатичность и конгруэнтность самому себе. Несколько утрируя, можно сказать, что персонализирующее общение ведет к дезинтеграции личности, автономизации «персоны» и «тени», психопатологизирует ее, наращивает зоны психологических защит и проблем, сокращает

зоны актуализации, тогда как персонифицирующее общение, напротив, является условием интеграции личности человека, делает эту личность более целостной, терапевтирует ее: психологические защиты «демонтируются», психологические проблемы конструктивно разрешаются, зоны самоактуализации расширяются, и в структуре личности начинают преобладать гармоничные, оптимальные мотивационные образования. Тем самым персонифицирующее общение как бы уводит «эмпирическую» личность от оптимума ее полноценного функционирования; персонифицирующее общение, напротив, приближает «эмпирическую» личность к этому идеалу.

Самосознание «эмпирической» личности

Важными следствиями процессов персонализации и персонификации оказываются различные по своему психологическому смыслу изменения Я-концепции человека, его самосознания. Данные изменения связаны с особенностями самоотождествления и самопринятия человека. Процесс персонализации приводит к тому, что человек принимает в своей личности только ее «персону» и самоотождествляется с ней. Здесь мы имеем дело со случаями так называемого ложного самоотождествления человека. Поскольку «персона» в «эмпирической» личности, как правило, фрагментарна, представляет собой «полипняк» «субличностей» («субперсон»), то самоотождествление в случае персонифицирующейся личности оказывается не только ложным, но еще и множественным.

Как известно, понятие субличности было введено в научный обиход в рамках психосинтеза - психотерапевтической системы, разработанной итальянским психиатром и психологом Р. Ассаджиоли. В соответствии с его представлениями субличность представляет собой динамическую подструктуру личности, которая обладает относительно независимым существованием. Самые типичные субличности человека - те, что связаны с социальными (семейными или профессиональными) ролями, которые он принимает на себя в жизни, например, с ролями дочери, матери, сына, отца, бабушки, любимой, врача, учителя и т.д. Психосинтез, как психотерапевтическая процедура, предполагает осознание клиентом своих субличностей с последующим раз-

тождеством с ними и обретением способности контролировать их. Вслед за этим клиент постепенно обретает осознание объединяющего внутреннего центра и интегрирует субличности в новую психологическую структуру, открытую для самореализации, творчества и радости жизни.

В случаях ложного самоотождествления ответ на вопрос «кто я?» оказывается перечнем социальных по своей сути ролей, позиций, функций: «муж», «отец», «военный», «полковник», «кормилец», «спортсмен», «филателист» и т.д. Генерализация «персоны», поглощение одной «субперсоной» других, приводит, как правило, к возникновению «суперперсоны» (по параметру «авторитетности» - «отец народов», «фюрер», «великий кормчий»; по параметру «референтности» - «эксперт», «ведущий специалист», «академик»; по параметру «привлекательности» - «красавица», «звезда», «супермодель»). В генерализированной «персоне» преодолевается (но и то лишь частично) множественность самоотождествлений человека, однако ложность этих самоотождествлений здесь еще более усиливается.

Что же происходит с самосознанием человека, личность которого персонифицируется? В данном случае человек склонен принимать в себе не только свои персональные, но и свои теневые стороны и проявления, он, с одной стороны, видит себя во всем, но, с другой стороны, он не отождествляет себя полностью ни с какой своей ролью или функцией. Например, роль отца осознается человеком как одна из его ролей, к которым он как таковой не сводится. Иначе говоря, его подлинное Я (сущность) каждый раз минует «сети» ложных самоотождествлений и по отношению к ним определяется скорее негативно: Я не «муж», не «отец», не «военный» и т.д. В этом смысле персонификация личности всегда связана с кризисом самоотождествления и с осознанием того фундаментального психологического факта, что личность и сущность человека представляют собой две различные психологические инстанции: личность не есть сущность, сущность не есть личность. Персонификация личности приводит также к выравниванию, «опрощению» ее эмпирического контура, к «втягиванию» зон психологических защит и проблем в зону психологической актуализации человека. Персонифицированная личность или «лик» человека представляет собой гармоничные «внутренние» мотивации и бытийные ценности. Для такой личности характерны измененные (по сравнению с кон-

венциональными) состояния сознания и «пиковые переживания» (А. Маслоу), ее можно охарактеризовать как «полноценно функционирующую личность».

Итак, мы рассмотрели феномен личности, ее внутреннюю структуру, совокупность внутриличностных и межличностных процессов, обеспечивающих ее функционирование и становление, а также ее самосознание.

Главное свойство личности - ее атрибутивный характер: личность является не субъектом, но атрибутом. По отношению к подлинному субъекту личность человека выступает в качестве внешней, состоящей из мотивационных отношений «оболочки», которая может как транслировать, так и трансформировать подлинные субъектные проявления человека.

В этой связи уместно вспомнить происхождение самого слова «личность». Как известно, латинское слово «persona» первоначально служило для обозначения специальной маски, использовавшейся актером античного театра. Эта маска, с одной стороны, помогала актеру: оборудованная специальным раструбом, она усиливала звук его голоса и доносила этот голос до аудитории. С другой стороны, она скрывала лицо актера под личиной персонажа. Интересно, что этимология слова «persona» («per» - через, «sonus» - звук) - «то, через что проходит звук» - еще отчетливее обозначает и атрибутивную и двойственную (способствование/препятствование) природу личности.

Сущность человека

Кому же способствует или препятствует личность? Кто является подлинным субъектом?

Для обозначения данного субъекта как трансперсональной (т.е. за- и внеличностной и, следовательно, за- и внесоциальной) психической реальности мы, вслед за Г.И. Гурджиевым и его последователями используем термин «сущность» («essence»). Этот термин, восходящий к латинскому слову «essere» - бытие, в аналогичном значении (сущность в себе - Ин-се) используется также в концептуальном аппарате онтопсихологии. В рамках гуманистической психологии данную инстанцию обычно обозначают термином «Внутреннее Я». Так, например, М.Боуэн, используя термины «сущность» и «Внутренне Я» как синонимы, пишет: «Изменение личности в процессе психотерапии яв-

ляется результатом нашего контакта с нашей собственной сущностью, следствием успокоения и укрепления неконтролируемого рассудка (mind), посредством чего мы можем почувствовать наше Внутреннее Я (Inner Self) и действовать с силой на этот источник силы и мудрости».

Сущность и личность

Сущность не есть личность, личность не есть сущность.

Сущность и личность - это различные психические инстанции. Личность возникает и формируется в области предметного содержания, сущность локализована на субъектном полке с субъект-объектного взаимодействия. Если главная характеристика личности - ее атрибутивность, то главная «особенность» сущности - отсутствие каких-либо атрибутов. Сущность - источник всех и всяких атрибутов. Личность живет (рождается, развивается, умирает) в плане феноменов, существования; сущность неизменно пребывает в плане ноуменов, бытия.

Столь характерно? для отечественной психологии отождествление личности и сущности (Внутреннего Я) человека, одновременно означающее утрату тотальное отчуждение личности от ее сущности, лаконично выражено в известном высказывании А.Н. Леонтьева: «Личность (...), ее коперниканское понимание: я нахожу / имею свое «я» не в самом себе (его во мне видят другие), а во вне меня существующем - в собеседнике, в любимом, в природе, а также в компьютере, в Системе».

Происходящее в настоящее время постепенное осознание внеличностной или, точнее, трансперсональной природы сущности или Внутреннего Я человека подчас приобретает в отечественной психологической науке довольно эксцентричные формы. «В реальной жизни, - пишет, например, А.Г. Асмолов, - в каждой личности обитает трикстер или культурный герой, существование которого проявляется в ситуациях, требующих выбора и постановки сверхцелей, разрешения противоречий с социальной группой и самим собой, поиска нестандартных путей развития». Подобная концептуализация сводит подлинную сущность человека до роли... трикстера, шута.

Различение личности и сущности, внешнего и Внутреннего Я человека означает одновременно постановку проблемы взаимо-

действия между этими психическими инстанциями. Как уже отмечалось, данное взаимодействие можно описать в общем виде как совокупность двух разнонаправленных процессов - опредмечивания и вытеснения, формирующих внутреннюю (субъектную) границу личности. Данные процессы можно описать также в терминах «самопринятие» и «самонепринятие». При этом речь будет идти о принятии или непринятии себя уже не как личности, но как подлинного субъекта жизни, существующего независимо и вне всяких социальных норм, стереотипов, ценностных систем и т.п.

Важные психологические феномены, характеризующие динамику содержания на границе между личностью и сущностью, - это так называемые феномены ложного и подлинного самоотождествления.

Ложное самоотождествление мы имеем всякий раз, когда человек отождествляет себя с тем или иным личностным образованием, с той или иной социальной по своему происхождению и функции ролью, маской, личиной. Он как бы забывает о подлинном субъекте, игнорирует его, ставит знак тождества между собой и своей личностью (или, точнее, субличностью). Подлинное самоотождествление, напротив, всегда связано с отказом от каких бы то ни было личностных самоопределений и самоотождествлений, с постоянным осознанием того обстоятельства, что моя сущность может иметь любые роли и личины, но никогда не сводится к ним, всегда остается за ними, так или иначе проявляя себя в них. Подлинное самоотождествление означает также постоянный поиск ответа на вопрос «Кто я?», внутреннюю работу по самоисследованию, стремление разобраться в разноголосице субличностей и расслышать сквозь нее наиболее чистые) неискаженные послания сущности. Внутреннего Я. Ложное самоотождествление (обычно это самоотождествление человека с той или иной его субперсоной) опасно тем, что оно депроблематизирует внутренний мир, создает иллюзию его самоочевидности (я есть я, мое эго), закрывает человеку доступ к его сущности.

Согласно Г.И. Гурджиеву основными препятствиями, стоящими на пути действительного развития человека, являются его собственные качества, важнейшее из которых - способность к идентификации (т.е. полное отождествление себя с происходящим, самоутрата в сочетании с направленностью процессов вни-

мания и осознания исключительно вовне). Разновидностью идентификации является «предупредительность» (considering) - самоотождествление с ожиданиями других людей. Г.И. Гурджиев различал два типа такой предупредительности. Внутренняя предупредительность обнаруживает себя в постоянном ощущении дефицита, нехватки внимания и расположения со стороны других людей и в постоянном стремлении восполнить этот дефицит идентификацией с ожиданиями других. Внешняя предупредительность, напротив, связана с развитым самосознанием и представляет собой внутреннемотивированную практику эмпатии, не обусловленную действиями, переживаниями и ожиданиями других людей.

Второе препятствие - способность лгать, т.е. говорить о том, что в действительности неизвестно. Ложь есть проявление частичного (неистинного) знания, знания без подлинного понимания. Ложь обнаруживает себя как механическое мышление, репродуктивное воображение, постоянный внешний и внутренний диалог, излишние движения и мышечные напряжения, поглощающие время и энергию человека.

Третье препятствие - неспособность любить. Это качество теснейшим образом связано со способностью к идентификации в форме внутренней предупредительности и с множественностью «я» каждого человека, с его дезинтегрированностью. Неспособность любить проявляется в постоянных метаморфозах «любви» в ненависть и другие негативные эмоциональные состояния (гнев, депрессию, скуку, раздражение, подозрительность, пессимизм и т.д.), которые наполняют буквально всю эмоциональную жизнь человека, тщательно скрываемую, как правило, под маской благополучия или индифферентности.

Все эти внутренние препятствия на пути самоисследования и самосовершенствования человека являются следствиями процесса формирования личности, следствиями того обстоятельства, что изначальная человеческая потенциальность (сущность) оказывается в плену своей личностной «оболочки», в своего рода «психической ловушке».

Г.И. Гурджиев писал об этой психологической несвободе и, следовательно, обусловленности человека так: «Человек - машина. Все его стремления, действия, слова, мысли, чувства, убеждения и привычки - результаты внешних влияний. Из себя са-

мого человек не может произвести ни единой мысли, ни единого действия. Все что он говорит, делает, думает, чувствует - все это с ним случается. ...Человек рождается, живет, умирает, строит дом, пишет книги не так как он того хочет, но как все это случается. Все случается. Человек не любит, не ненавидит, не желает - все это с ним

К. Спит отмечает также, что согласно Г.И. Гурджиеву: «...у каждого взрослого есть несколько «я» (selves), каждое из которых пользуется словом «я» для самоописания. В один момент присутствует одно «я», а в другом другое, которое может испытывать, а может и не испытывать симпатию к предыдущему «я».

Это «я» может даже не знать, что другое «я» существует, поскольку между различными «я» существуют относительно непроницаемые защиты, называемые буферами. Кластеры «я» образуют субличности, связанные ассоциативными связями - одни для работы, другие для семьи, иные для церкви или синагоги. Эти кластеры могут не знать о других кластерах «я», если они не связаны с ними ассоциативными связями. Одно «я» может пообещать, а другое «я» ничего не будет знать об этом обещании из-за буферов и поэтому у него не возникнет намерения выполнить это обещание. ...»Я», которое контролирует поведение человека в данный момент, детерминировано не его или ее личностным выбором, но реакцией на окружение, которое вызывает к жизни одно или другое «я». Человек не может выбрать, каким «я» ему быть, так же как он не может выбрать, каким «я» он хотел бы быть: выбирает ситуация. ... У нас нет способности что-либо сделать, у нас нет «свободной воли»...».

В одной из своих работ Г.И. Гурджиев так охарактеризовал реальную ситуацию человеческого существования: «Если бы человек мог понять весь ужас жизни обычных людей, который возвращаются в кругу незначимых интересов и незначимых целей, если бы он мог понять, что они теряют, то он бы понял, что для него может быть серьезным только одно - спастись от общего закона, быть свободным. Что может быть серьезным для заключенного, осужденного на смерть? Только одно: как спастись, как совершить побег: ничто другое не является серьезным».

Как бы развивая эту метафору, Г.И. Гурджиев указывал так же: «Вы не понимаете вашу собственную жизненную ситуацию, - вы в тюрьме. Все, что вы можете желать, если вы не бесчув-

ственны, - как сбежать. Но как сбежать? Необходим туннель под тюремной стеной. Один человек ничего не может сделать. Но давайте предположим, что есть десять или двадцать человек; если они работают сообща и если один сменяет другого, они могут прорыть туннель и сбежать.

Более того, никто не может сбежать из тюрьмы без помощи тех, кто сбежал раньше. Только они могут сказать, каким способом возможен побег или же могут послать инструменты, карты или же что-либо другое из того, что необходимо. Но один заключенный в одиночку не может найти этих людей или же как-то связаться с ними. Необходима организация. Без организации ничего достичь нельзя».

Итак, каждый из нас (как личность) является тюремщиком собственной сущности, но не знает, не осознает этого.

Важным проявлением (симптомом) утраты контакта, взаимодействия личности и сущности в случае ложного самоотжествления является неспособность человека видеть сны и создавать в своей фантазии динамические творческие образные ряды.

Стереотипное и фиксированное ложное самоотжествление связано с самонепринятием и, следовательно, с непринятием других людей, оно приводит к стагнации личностного развития, резкой поляризации «персоны» и «тени» в личности человека. И напротив, кризисы личностного развития (возрастные и экзистенциальные) обусловлены, как правило, отказом человека от устоявшихся ложных самоотжествлений.

В случае ложного самоотжествления личность господствует над сущностью, постепенно оформляет человека в соответствии с законами и нормами интерперсонального и персонализирующих) общения, использует сущность как источник энергии в целях собственного развития. Однако, чем успешнее такое развитие, чем дальше уходит «эмпирическая» личность в этом развитии от универсальной аутентичности своего детства, тем сокрушительнее ее финал.

Л.Н. Толстой в известном рассказе «Смерть Ивана Ильича» описал такой глубочайший экзистенциальный кризис «эмпирической» личности, связанный с мучительным для личности осознанием той драмы, которую уже цитировавший анонимный автор назвал «нашей тайной психической смертью в детстве»: Иван Ильич Головин, будучи смертельно болен, «... стал пере-

бирать в воображении лучшие минуты своей приятной жизни. Но - странное дело - все эти лучшие минуты приятной жизни казались теперь не тем, чем казались они тогда. Все - кроме первых воспоминаний детства.

И чем дальше от детства, чем ближе к настоящему, тем ничтожнее и сомнительнее были радости. ... И эта мертвая служба, и эти заботы о деньгах, и так год, и два, и десять, и двадцать - и все то же. И что дальше, то мертвее. Точно равномерно я шел под гору, воображая, что иду на гору. Так и было. В общественном мнении я шел на гору, и ровно настолько из-под меня уходила жизнь...

...ужаснее его физических страданий были его нравственные страдания, и в этом было его главное мучение.

Нравственные страдания его состояли в том, что... ему вдруг пришло в голову: а что, как и в самом деле вся моя жизнь, сознательная жизнь, была «не то».

Ему пришло в голову, что то, что ему представлялось прежде совершенной невозможностью, то, что он прожил свою жизнь не так, как должно было, что это могло быть правда. ... И его служба, и его устройства жизни, и его семья, и эти интересы общества и службы - все это могло быть не то.

... все это было не то, все это был ужасный огромный обман, закрывающий и жизнь и смерть».

Можно ли предположить, что существует иной тип развития, иной исход отношений между личностью и сущностью человека? «В наилучшем из миров, - отмечает К. Спит, - приобретенные привычки личности должны были бы быть полезными сущностной природе человека и должны были бы помогать ей адекватно функционировать в социальном контексте, в котором живет человек, и для реализованного человека это несомненно так оно и есть. К сожалению, обычный человек лишен способности использовать личность для удовлетворения своих сущностных желаний. Сущностное может проявиться только в простейшем инстинктивном поведении или же в примитивных эмоциях. Все остальное поведение контролируется, как мы видели, случайными последовательностями «я», которые составляют личность. А личность может как соответствовать, так и не соответствовать сущности. ... В большинстве из нас личность активна, а сущность пассивна: личность определяет наши ценности и убеждения, профессиональные занятия, религиозные верования и фи-

лософию жизни. ... Сущность - это мое. Личность - это не мое, это то, что может быть изменено за счет изменения условий или же искусственно удалено с помощью гипноза, наркотиков или специальных упражнений».

Подлинное самоотождествление, в отличие от ложного, представляет собой скорее процесс, нежели состояние. В ходе этого процесса сущность человека постепенно освобождается от господства личности, выходит из-под ее контроля. В результате человек, соподчинивший личность своей сущности, входит в контекст трансперсонального общения и начинает использовать свою личность в качестве средства, инструмента своей сущности. Из «господина» личность становится «службой» сущности.

Согласно Г.И. Гурджиеву, реализация и освобождение человека предполагает обращение традиционного отношения между личностью и сущностью: личность должна стать пассивной в ее отношении к сущности. Только так может возникнуть постоянное и интегрированное «Я». Основным путем такой работы по самореализации лежит через «... активизацию борьбы между сущностью и личностью. И сущность, и личность необходимы для этой работы. ... Это сражение ислам называет священной войной (джихадом), и в этой войне чем более беспристрастно обозначены противоположные стороны, чем больше интенсивность противоборства, тем более полным является разрушение и последующее обновление».

Выход человека из интерперсонального плана действительности в трансперсональный план реальности существеннейшим образом преобразует всю его психологическую структуру. Личность гармонизируется, освобождается от «персоны» и «тени», опрощается в «лик», ее объектная и субъектная границы исчезают.

Объектный полюс предстает перед человеком уже не в качестве того или иного каждый раз отдельного «знания», но как сознание, т.е. целостное, интегрированное мироощущение. Субъектный полюс обнаруживает себя не как та или иная также каждый раз отдельная «вещь», идущая из глубин бессознательного, но как совесть, т.е. целостное, интегрированное мироощущение. Человек перестает ощущать себя личностью, своего рода ареной столкновения «добра» и «зла», преисполненным противоречивых знаний и чувств моральным существом, противостоящим другим людям в их отдельности, одиноким эго, он

начинает воспринимать себя одновременно и в качестве источника, и в качестве посредника, проводника радостной любви (особого опыта трансперсонального общения, опыта сущностной тождественности с другими людьми). Наиболее яркие примеры таких полностью персонифицированных личностей - личности Будды, Христа, Магомета.

Драма взаимоотношений личности и сущности в жизни человека представляет собой, на наш взгляд, предмет подлинной гуманистической психологии. Ее важнейшими положениями являются, во-первых, признание, констатация двойственности человека (внешний и внутренний человек, внешнее и внутреннее Я, личность и сущность); во-вторых, особое, настороженно-критическое отношение к социально-центрированным и социально-обусловленным процессам формирования личности, в-третьих, отрицание традиционных форм образования как дисгармоничного взаимодействия между взрослыми и детьми, между миром взрослости и миром детства и, наконец, в-четвертых, идея культивирования трансперсональных отношений, персонифицирующего общения в межличностных взаимодействиях самого разного типа - терапевтических, педагогических, семейных.

БИБЛИОГРАФИЯ

Раздел I

Б.Г. АНАНЬЕВ

1. Психология педагогической оценки. - Труды Института мозга им. В.М. Бехтерева, 1935.
2. Сенестезия и схема тела. - Труды института мозга им. В.М. Бехтерева. Л., 1941.
3. Функциональные асимметрии в осязательно-пространственном различии. - "Ученые записки ЛГУ", 1954, № 189.
4. Ассоциация ощущений. - "Ученые записки философского факультета ЛГУ", 1955, № 203.
5. Пространственное различие. Л., Изд-во ЛГУ, 1955.
6. Человек как общая проблема современной науки. - "Вестник ЛГУ", 1957а, № 11.
7. О системе возрастной психологии. - "Вопросы психологии", 1957б, № 5.
8. Вклад советской психологической науки в теорию ощущений. - "Вопросы психологии", 1958, № 1.
9. Сорокина А.И. Первоначальное обучение и воспитание. М., Изд-во АПН РСФСР, 1958.
10. Веккер Л.М., Ломов Б.Ф., Ярмоленко А.В. Осязание в процессах познания и труда. М., Изд-во АПН РСФСР, 1959.
11. Развитие детей в процессе начального обучения и воспитания. - В кн.: Проблемы обучения и воспитания в начальной школе. М., Учпедгиз, 1960.
12. Теория ощущений. Л., Изд-во ЛГУ, 1961.
13. Комплексное изучение человека как очередная задача современной науки. - "Вестник ЛГУ", 1962, № 23.
14. Рыбалко Е.Ф. Особенности восприятия пространства у детей. - М., "Просвещение", 1964.
15. Человек как предмет воспитания. - "Советская педагогика", 1965, № 1.
16. Сенсорно-перцептивные характеристики развития человека. - "Вопросы психологии", 1968, № 1.
17. Человек как предмет познания. Л., Изд-во ЛГУ, 1968а.
18. Индивидуальное развитие человека и константность восприятия. М., "Просвещение", 1968б.
19. Психология и проблемы человекознания. М.-В., 1996.

Л.И. БОЖОВИЧ

1. Изучение личности школьника и проблем" воспитания // Психологическая наука в СССР. - М., 1960. - Т. 2.
2. Возрастные закономерности формирования личности ребенка: - Автореф. дис. ... докт. психол. наук. - М., 1966.

3. Личность и ее формирование в детском возрасте. - М., 1968.
4. Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации поведения детей и подростков. - М., 1972.
5. Развитие аффективно-потребностной сферы человека // Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. - М., 1978.
6. Этапы формирования личности в онтогенезе // Вопр. психологии. - 1978. - № 4. - 1979. - № 2, 4.
7. Морозова Н.Г., Славина Л.С. / Развитие мотивов учения у советских школьников // Известия АПН РСФСР. - 1951. - Вып. 36.
8. Значение переживания как предмет психологии / Вопр. психологии. - 1972. - № 1.
9. Психологическое развитие школьника и его воспитание. - М., 1979.
10. Опыт экспериментального изучения произвольного поведения. / Вопр. психологии. - 1976. - № 4.
11. Избранные психологические труды. - М., 1995.

Л.С. ВЫГОТСКИЙ

1. Собрание сочинений в 6-ти томах. - М., 1982-1986.

А.Н. ЛЕОНТЬЕВ

1. Развитие памяти. - М., 1930.
2. Развитие психики. - М., 1940.
3. Очерк развития психики. - М., 1947.
4. Психология. Уч. Пособие. - М., 1948.
5. Об историческом подходе в изучении психики человека. / Сб. Психологическая наука в СССР. Т.1. - М., 1959.
6. Анализ системного строения восприятия. Вопросы психологии. № 2, 1959.
7. Человек и культура. Ежегодник "Наука и человечество". - М., 1963.
8. Проблемы развития психики. - М., 1972.
9. Деятельность. Сознание. Личность. - М., 1975.
10. Начало личности - поступок. / Комсомольская правда, 1 сентября, 1976.
11. Избранные психологические произведения. В 2-х т. - М., 1983.
12. Потребности, мотивы, эмоции. - М., 1991.
13. Философия психологии. - М., 1994.

В.Н. МЯСИЩЕВ

1. Личность и отношения человека / Из: "Проблемы личности" (материалы симпозиума), М., 1969.
2. Сознание как единство отражений действительности и отношений к ней человека. / Из "Проблемы сознания" (материалы симпозиума), М., 1966.

3. О соотношении биологического и социального в психике человека. / Из: Соотношение биологического и социального в человеке" (материалы симпозиума), М., 1975.
4. Проблема личности и ее роль в вопросах соотношения психологии и физиологии. / Из: "Исследования личности в клинике и экстремальных условиях". Сборник работ ЛГУ и НИИ им. Бехтерева, Л., 1969.
5. Теория отношений и принцип доминанты в психофизиологической деятельности человека. Совместно с Н.В. Голиковым. / Из: "Нейрофизиологические механизмы психической деятельности человека". Л., 1974.
6. Проблема потребностей в системе психологии. / Из: "Ученые записки ЛГУ", № 244, Л., 1957.
7. О связи проблем психологии отношений и психологии установок. / Из: "Понятия установки и отношения в медицинской психологии" (материалы симпозиума 23-25.XII, 1968 г.), Тбилиси, 1970.
8. Психические функции и отношения. / Из: "Ученые записки ЛГУ" № 119, Л., 1949.
9. Проблемы психологии в свете взглядов классиков марксизма-ленинизма на отношения человека / Из: "Ученые записки ЛГУ", № 203, Л., 1955.
10. Социальная психология и психология отношения. / Из: "Проблемы общественной психологии", М., "Мысль", 1965.
11. О взаимосвязи общения, отношения и обращения как проблемы общей и социальной психологии. / Из: "Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развития контактов между людьми". Тезисы симпозиума 1-3.XII. 1970 г. Л., 1970.
12. Личность и труд аномального ребенка. / Из: "Труды Института мозга". Вып. 5. Л., 1936.
13. Методологическое значение медицинской психологии. / Из: "Методологические проблемы психологии", "Наука", 1969.
14. Понятие личности в аспектах нормы и патологии. / Из: "Методологические проблемы психоневрологии". Л., 1966.
15. Личность, отношения и реакции. / Психологическое значение блокадного опыта. / Из: "Проблемы психологии". Л., Изд-во ЛГУ, 1948.
16. Проблемы психических особенностей человека и их значение. / Из: глава из совместной с А.Г. Ковалевым монографии "Психические особенности человека". Т. 1. Л., 1957.
17. Проблема отношений в психологии индивидуальных различий. / Из: "Проблемы психологии". Л., 1948.
18. Характер и прошлое (к вопросу о методике анамнеза). / Из: "Труды педагогического института им. Герцена". Л., 1930.
19. Принципы и методы исследования характера. / Из: глава из совместной с А.Г. Ковалевым монографии "Психические особенности человека". Т. 1. Л., 1957.
20. Составление характеристики личности на основе принципов теории отношений. / Из той же монографии.
21. Проблема способностей в советской психологии и ближайшие задачи. / Из: сборник "Проблемы способностей" (материалы конференции). М., 1962.
22. Способности и потребности. / Из: "Ученые записки ЛГУ" № 287, Л., 1960.

23. О связи склонностей и способностей. / Из: сборник "Склонности и способности", Л., Изд-во ЛГУ, 1962.

24. Методы исследования способностей, и одаренности. / Из: глава совместной с А.Г. Ковалевым монографии "Психические особенности человека". Т.2. Л., Изд-во ЛГУ, 1960.

25. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека / Из: "Психологическая наука в СССР". Т. 2. Изд-во АПН РСФСР. М., 1960.

26. Личность и неврозы. / Из одноименного сборника трудов В.Н. Мясищева, Л., изд. ЛГУ, 1960, с. 419-425.

27. Психология отношений. М-В., 1995.

С.Л. РУБИНШТЕЙН

1. Пути и достижения советской психологии. "Вестник АН СССР", 1945, № 4.

2. Физиология и психология в научной деятельности И.М. Сеченова, "Физиол. журнал СССР", 1946, № 1; "Советская педагогика", 1945, № 11.

3. Основы общей психологии. Изд. 2-е, 1946.

4. Психология и проблема восстановления функций после ранения. "Ученые записки МГУ", вып. III, 1947.

5. Письмо в редакцию. "Советская педагогика", 1947, № 12.

6. Учение И.П. Павлова и психология. Труды объединенной сессии, посвященной 10-летию со дня смерти И.П. Павлова, 1947.

7. Проблемы психологии восприятия. В сб.: Исследования по психологии восприятия. М, 1948.

8. Выступление на научной сессии, посвященной проблемам физиологического учения акад. И.П. Павлова. Стенографический отчет. М, 1950.

9. Учение И.П. Павлова и некоторые вопросы перестройки психологии. "Вопросы философии", 1952, № 3.

10. Учение И.П. Павлова и проблемы психологии. В сб.: Учение И.П. Павлова и философские вопросы психологии. М., 1952.

11. Выступление на совещании по психологии в 1952 г. "Известия АПН РСФСР", вып. 45, 1953.

12. Вопросы психологической теории. "Вопросы психологии", 1955, № 1.

13. Психологические воззрения И.М. Сеченова и советская психологическая наука "Вопросы психологии", 1955, № 5.

14. Еще раз к "опросу о психологической теории. "Вопросы психологии", 1956, № 2.

15. Предмет, задачи и методы психологии. (1 гл. в учебнике "Психология" для педагогических институтов.) М., 1956.

16. Проблема мышления и пути ее исследования. В сб.: Тезисы докладов на совещании по вопросам психологии познания. 20-22 мая 1957 г. М, 1957.

17. Философия и психология. "Вопросы философии", 1957, № 1.

18. К вопросу о языке, речи и мышлении. "Вопросы языкознания", 1957, № 2.

19. Вопросы психологии мышления и принцип детерминизма. "Вопросы философии", 1957, № 5.

20. Принцип детерминизма и психологическая теория мышления. "Вопросы психологии", 1957, № 5.
21. Теоретические вопросы психологии и проблема личности. "Вопросы психологии", 1957, № 3.
22. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957.
23. О мышлении и путях его исследования. М., 1958.
24. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
25. Проблема способностей и вопросы психологической теории. В сб.: Тезисы докладов на 1 съезде Общества психологов. Вып. 3. М., 1959.
26. Принцип детерминизма и психологическая теория мышления. В сб.: Психологическая наука в СССР, т. 1. М., 1959.
27. Проблема способностей и вопросы психологической теории. "Вопросы психологии", 1960, № 3.
28. Несколько замечаний в связи со статьей А.А. Ветрова "Продуктивное мышление и ассоциация" "Вопросы психологии", 1960, № 1.
29. Очередные задачи психологического исследования мышления. В сб.: Исследования мышления в советской психологии". М., 1966.
30. Из неопубликованной рукописи С.Л. Рубинштейна "Человек и мир". "Вопросы философии", 1966, № 7.
31. Человек и мир (отрывки из неопубликованной рукописи). "Вопросы философии", 1969, № 8.
32. Человек и мир (отрывки из рукописи) В сб.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969.
33. Проблемы общей психологии. М., 1973.
34. Основы общей психологии: В 2-х т. М., 1989.

Д.Н. УЗНАДЗЕ

1. "Petites perceptions Лейбница и их место в психологии". Тбилиси, 1919.
2. Анри Бергсон. Монография. Тбилисский Университет. 1920.
3. Имперсоналия. Тбилиси, 1923.
4. Психологические основы наименования. Тбилиси, 1923.
5. Мотивы интересов к учебным предметам. Тбилиси, 1924.
6. Основы экспериментальной психологии. Тбилиси, 1925.
7. Общая психология. Тбилиси, 1940.
8. Экспериментальные основы теории установки. М., 1961.
9. Теория установки. М.-В., 1997.

Раздел II

К.А. АБУЛЬХАНОВА-СЛАВСКАЯ

1. О субъекте психической деятельности. М., 1973.
2. Диалектика человеческой жизни. М., 1977.
3. Деятельность и психология личности. М., 1980.
4. Проблема активности личности, методология и стратегия исследования Активность и жизненная позиция личности. М., 1988.

5. Активность и сознание личности как субъекта деятельности / Психология личности в социалистическом обществе. М., 1989. Т. 1.
6. Стратегия жизни. М., 1991.
7. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования / Психол. Журнал. Т. 12. № 4, 1994.
8. Российский менталитет или игра без правил (совместно с Енакаевой Р.Р.) / Российский менталитет. Психология личности, сознание, социальные представления. М., 1996.
9. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы / Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997.
10. Мирозозренческий смысл и научное значение категории субъекта / Там же.

Л.И. АНЦЫФЕРОВА

1. Некоторые теоретические проблемы психологии личности / Вопросы психологии. 1978, № 1.
2. Личность в тяжелых жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита / Психологический журнал. 1994. № 1.
3. Человек перед лицом жизни и смерти / Российский менталитет. Вопросы психологической теории и практики. М., 1997.

А.Г. АСМОЛОВ

1. Анализ установок личности в ситуации деловой игры. (Совместно с А.М. Айламазян) / Психолого-педагогические проблемы общения. М., 1979.
2. О некоторых перспективных исследованиях смысловых образованиях личности (Совместно с др.) / Вопросы психологии. 1979, № 4.
3. Личность: психологическая стратегия воспитания. / Новое педагогическое мышление. М., 1988.
4. Три измерения феномена персонализации личности (Совместно с В.В. Абраменковой). / Личность и межличностные отношения в коллективе. Ульяновск, 1988.
5. Психология индивидуальности: методологические основы развития личности в историко-эволюционном процессе. М., 1986.
6. Психология личности. М., 1990.
7. Личность (Совместно с А.В. Петровским). / Педагогическая энциклопедия. М., 1993. Т. 1.
8. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.-В., 1996.

Б.С. БРАТУСЬ

1. Психологические аспекты нравственного развития личности. - М., 1977.
2. О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности. - Вопросы психологии, 1979, № 4 (В соавторстве).

3. О смысловых образованиях личности (В соавторстве). - Таллин, 1979.
4. К изучению смысловой сферы личности. / Вестник МГУ. Сер. "Психология" 1981, № 2.
5. Аномалии личности. М., 1988.
6. Психология. Нравственность. Культура. М., 1994.

А.В. ПЕТРОВСКИЙ

1. Индивид и его потребность "быть личностью" (Совместно с В.А. Петровским). Тезисы VI Всесоюзного съезда общества психологов СССР. - М., 1982.
2. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982.
3. Экспериментальные методы исследования личности в коллективе. - Даугавпилс, 1985.
4. Психология о каждом из нас. - М., 1992.
5. Личность. / Введение в психологию. М., 1995.

В.А. ПЕТРОВСКИЙ

1. О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности. (Совместно с другими). / Вопросы психологии, 1979, № 4.
2. К пониманию личности в психологии. / Вопросы психологии. 1981, № 2.
3. Индивид и его потребность "быть личностью". (Совместно с А.В. Петровским). / Вопросы философии, 1982, № 3.
4. Л.С. Выготский и проблемы психологии личности. / Вестник МГУ, серия "Психология". М., 1982, № 4. (Совместно с А.В. Петровским).
5. А.Н. Леонтьев и исследования в области психологии личности (Совместно с А.В. Петровским) / А.Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983.
6. Психология неадаптивной активности. М., 1992. Феномены субъектности в развитии личности. Самара, 1997.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ I

Б.Г. АНАНЬЕВ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ И ЕЕ СТАНОВЛЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА	7
Основные характеристики человека и его развития	7
Структура индивидуального развития человека	33
Общие вопросы социологической и психологической теории личности	52
Некоторые черты психологической структуры личности	73
Генетические и структурные взаимосвязи в развитии личности	85

Л.И. БОЖОВИЧ

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ОНТОГЕНЕЗЕ I	95
ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ОНТОГЕНЕЗЕ II	114
ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ОНТОГЕНЕЗЕ III	128

Л.С. ВЫГОТСКИЙ

Я И ОНО	145
РЕАЛЬНЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ	146
ПРОБЛЕМА ОДАРЕННОСТИ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ ВОСПИТАНИЯ	150
Личность и воспитание	150
Основные формы изучения личности ребенка	155
Развитие личности и мировоззрения ребенка	160

А.Н. ЛЕОНТЬЕВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЛИЧНОСТЬ	165
Личность как предмет психологического исследования ..	165
Индивид и личность	176
Деятельность как основание личности	183
ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ	188

В.Н. МЯСИЩЕВ

ПОНЯТИЕ ЛИЧНОСТИ В АСПЕКТАХ НОРМЫ И ПАТОЛОГИИ	197
СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ И ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	223

С.Л. РУБИНШТЕЙН

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ И ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ	227
САМОСОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ	240

Д.Н. УЗНАДЗЕ

УСТАНОВКА У ЧЕЛОВЕКА	245
Проблема объективации	245
Представления и идеи	257
Мышление и воля	271
Выводы	277
К вопросу об индивидуальных типах установки	279
Заключение	297

РАЗДЕЛ II

К.А. АБУЛЬХАНОВА-СЛАВСКАЯ

ЛИЧНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОБЩЕНИЯ	301
Личность как субъект деятельности	301

Совместная деятельность и ее субъект	312
Личность в процессе общения	317

Л.И. АНЦЫФЕРОВА

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ	331

Зрелый возраст как период продолжающегося развития личности	331
Системно-уровневая концепция развития личности	333
О роли противоречий и гармонии в развитии личности ...	339
Образ жизни и развитие личности	342

А.Г. АСМОЛОВ

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ	345

Среда, наследственность и развитие личности	345
Методологические предпосылки концепций двойной детерминации развития личности	354
Образ жизни, индивидуальные свойства человека, совместная деятельность - предпосылки и основание жизни личности в обществе	365

Б.С. БРАТУСЬ

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ	385

Исходные психологические предпосылки и гипотезы	385
<i>Вводные замечания</i>	385
<i>Гипотеза об уровнях психического здоровья</i>	390
<i>О роли биологического в формировании личности</i>	397
<i>Смысловая сфера личности</i>	404
<i>Циклы развития деятельности</i>	432
<i>Координаты пространства личности</i>	444

А.В. ПЕТРОВСКИЙ

ИНДИВИД И ЕГО ПОТРЕБНОСТЬ БЫТЬ ЛИЧНОСТЬЮ	457

В.А. ПЕТРОВСКИЙ

ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ АКТИВНОСТИ	467

В.И. СЛОБОДЧИКОВ, Е.И. ИСАЕВ

ЛИЧНОСТЬ КАК РЕАЛЬНОСТЬ ДЛЯ ДРУГИХ	489
Общее представление о личности в психологии	489
Личность как социокультурная реальность	491
Психологические образования личности	495
ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ КАК ВСТРЕЧА С СОБОЙ - ДРУГИМ	500
О специфике индивидуального бытия человека	500
Понятие человеческой индивидуальности	503
Психологические образования индивидуальности человека	506

Вместо заключения

А.Б. ОРЛОВ

ЛИЧНОСТЬ И СУЩНОСТЬ: ВНЕШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ Я ЧЕЛОВЕКА	509
Личность человека	509
Мотивационное отношение - компоненты, функции, типы	511
«Эмпирическая» личность и ее структура	515
Онто- и актуалгенез «эмпирической» личности	517
Самосознание «эмпирической» личности	522
Сущность человека	524
Сущность и личность	525

БИБЛИОГРАФИЯ	533

Психология личности

Хрестоматия

Том 2

Редактор-составитель Д.Я. Райгородский

Художник Г.А. Дудичев

Компьютерный набор и верстка Е.Э. Парсаданян

Лицензия № 064457 от 22.02.96 г.

Подписано к печати с готовых диапозитивов.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.

Гарнитура Петербург. Печать офсетная. Уч. печ. 28,56 л.

Тираж 10500 экз. Заказ № 6543.

Издательский Дом "БАХРАХ"

443029, г. Самара, 29, а / я 14077

Отпечатано с готовых диапозитивов

в типографии издательства "Самарский Дом печати"

443086, г. Самара, пр. К.Маркса, 201.